

Светлана ЯРОСЛАВОВА

ФИОЛЕТОВЫЙ ГОРИЗОНТ

научно-фантастический роман-трилогия

Тюмень, 2012 – 2015

ISBN 978-5-600-01174-8

Ярославова С.Б.

Фиолетовый горизонт: научно-фантастический роман-трилогия. 2015. – 250 с.

ISBN 978-5-600-01174-8

Запрещено для детей

Книга основана на прогнозах, полученных авторским Методом диалектического прогнозирования, получившим Диплом I степени всесоюзной Молодежной выставки-ярмарки научно-технических разработок и предложений в 1987 году.

Многие из прогнозов за истекший период приняли наличное бытие, а иным еще суждено сбыться или остаться в стадии гипотез.

Фрагменты описания будущего изложены в художественной форме размышлений и диалогов героев книги.

Трилогия предназначена для людей, которых интересует будущее и нетрадиционные технологии познания.

Все персонажи вымышленны, совпадения случайны.

Книга адресована читателям, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Автор благодарит к.ф.-м.н., специалиста в области информационных технологий Ярославова Александра Олеговича за консультации по техническим и научным аспектам, Ковина Андрея Викторовича – за помощь в подготовке издания к печати (верстка и дизайн), члена Союза художников России Мухаметову Альфёю Фахриттиновну за художественное оформление издания (графика и обложка), а также первых читателей книги (до издания), которые своим интересом и волнением способствовали написанию этой трилогии.

Художественное издание

Ярославова Светлана Борисовна

ФИОЛЕТОВЫЙ ГОРИЗОНТ

Сайт: фиолетовыйгоризонт.рф,
эл. почта yaroslavovasb@gmail.com,
контактный телефон +7 912 922 0708

Отпечатано в типографии ООО «Печатник», г. Тюмень, ул. Республики 148 1/2.

Тел. (3452) 20-51-13, 50-0030, факс 32-13-86

Заказ №1693, тираж 500 экз.

ISBN 978-5-600-01174-8

© Ярославова С.Б., 2015

От автора

Трилогия «Фиолетовый горизонт» – научно-фантастический роман, состоящий из трех частей (книг).

Первая часть – «Разбитая спираль» знакомит читателей с Центром Реконструкции Будущего, где команда ученых создает уникальную лабораторию оцифровки снов великой сновидицы – Астры, предвидящей будущее в своих снах. И это будущее не похоже на то, о чем говорят футурологи, прогнозисты, социологи на Симпозиуме «Формат будущего». Многие из них не понимают, из чего складывается будущее, как оно меняется в ломках разбитой спирали.

Почему разбитой? Потому что люди своим вмешательством в естественные законы развития природы и общества исказили вселенскую спираль, изменили ДНК эволюции, что неизбежно ведет человечество к регрессу, гибели цивилизации.

Герои романа пытаются угадать ключевое событие, которое становится исходной точкой грядущего апокалипсиса. Однако постепенно их настигает прозрение, что ключевым является не Событие, а Состояние.

Вторая часть «Камни на расстанях» повествует о трудном поиске новых путей, осознании ошибок. Герои сталкиваются с историей экспериментов над людьми в подземном бункере и феноменом неземного присутствия. Возникает долгоживущий демонический герой, который стремится присвоить сны Астры, и направить её дар на службу силам зла. Борьба разворачивается в детективный сюжет.

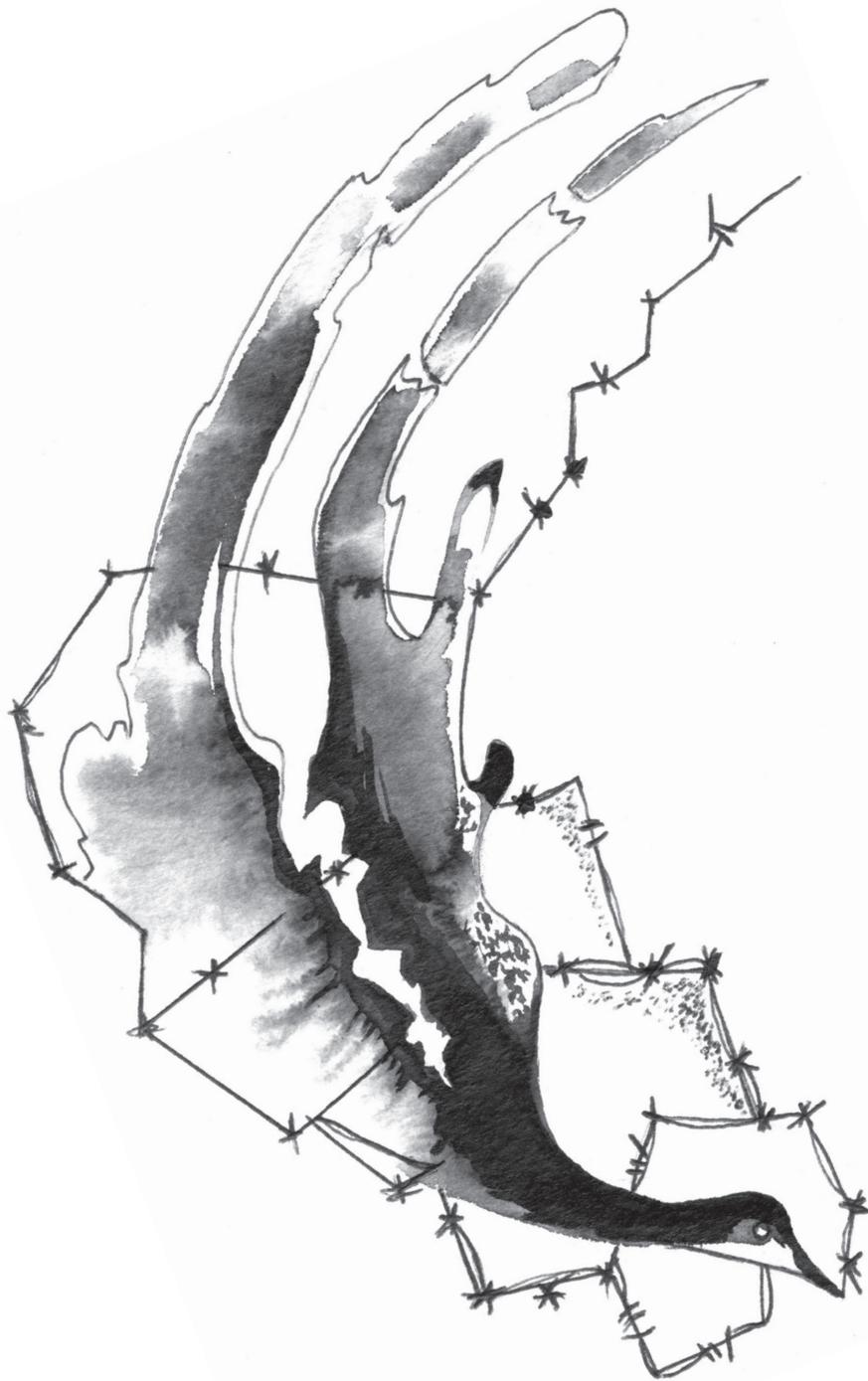
В третьей части «Письма в небеса» появляется уникальный Адаптер, способный перемещать души человеческие, очищать их от греховного деяния. Он переходит из рук в руки, сам выбирает Хозяина, и становится центром измененного состояния общественного сознания. В финале можно увидеть панораму вероятного будущего, в котором человечеству предстоит избежать падения в бездну и возродиться к новой светлой жизни. Центральная идея романа заключается в особой роли России в развитии мировой цивилизации.

Содержание

КНИГА 1. «РАЗБИТАЯ СПИРАЛЬ»		ГЛАВА 15. В ПОДЗЕМНЫХ ЛАБИРИНТАХ	116
ГЛАВА 1. ЛАБОРАТОРИЯ СНОВИДЕНИЙ	7	ГЛАВА 16. НЕПОЗНАННОЕ ЧУДО	120
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ АСТРЫ	8	ГЛАВА 17. ПОБЕГ	123
ГЛАВА 3. ТРЕВОГА – ВСТРЕЧА	11	ГЛАВА 18. ПОХИЩЕНИЕ ОЛАНА	125
ГЛАВА 4. ТАЙНА КУРАТОРА	14	ГЛАВА 19. ЕДИНЕНИЕ	128
ГЛАВА 5. ЯЗЫК БУДУЩЕГО	16	ГЛАВА 20. ПЕРВЫЙ КОНТАКТ	130
ГЛАВА 6. ГОЛУБАЯ КОЛБА	18	ГЛАВА 21. ГОРДИЕВ УЗЕЛ	132
ГЛАВА 7. ОХОТА НА ВЕДЬМ	20	ГЛАВА 22. ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ	135
ГЛАВА 8. ВИЗИТ ОГАРЁВА	21	ГЛАВА 23. ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ	137
ГЛАВА 9. В ПЛЕНУ ДЕМОНА	24	ГЛАВА 24. ПРИМА МАГДАЛИНА	140
ГЛАВА 10. КУЛЬБИТ ГЛИНСКОГО	27	ГЛАВА 25. АДАПТАЦИЯ	142
ГЛАВА 11. ЛЮБОВЬ И СЛЁЗЫ	30	ГЛАВА 26. ПАУТИНА УИТМЕНА	146
ГЛАВА 12. ПРОФЕССОР ЗНАМЕНСКИЙ	33	ГЛАВА 27. РОКОВАЯ ОПЛОШНОСТЬ	149
ГЛАВА 13. ЖРИЦА ПРОШЛОГО	36	ГЛАВА 28. ОБЛАЧНЫЙ ПОРТАЛ	152
ГЛАВА 14. В ГОСТЯХ У ВЛАСТИ	40	ГЛАВА 29. ПОГРУЖЕНИЕ В БЕЗДНУ	155
ГЛАВА 15. НАКАНУНЕ СИМПОЗИУМА	42	ГЛАВА 30. ТАЙНЫЙ УРОК	159
ГЛАВА 16. ЗАБЫТЫЕ СМЫСЛЫ	45	КНИГА 3. «ПИСЬМА В НЕБЕСА»	
ГЛАВА 17. «ФОРМАТ БУДУЩЕГО»	47	ГЛАВА 1. ГЛАВНАЯ ЛИНИЯ	165
ГЛАВА 18. МЕЖДУ ЛЬДОМ И ПАРОМ	50	ГЛАВА 2. ПОДМЕНА	167
ГЛАВА 19. ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА	54	ГЛАВА 3. «СИЯНИЕ БЕЗДНЫ»	171
ГЛАВА 20. СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА	57	ГЛАВА 4. ТРАЕКТОРИИ СУДЕБ	174
ГЛАВА 21. МАТВЕЙ И МАГДАЛИНА	59	ГЛАВА 5. ПРИЯТИЕ ДУШИ	178
ГЛАВА 22. ГОСТЬЯ ИЗ БУДУЩЕГО	62	ГЛАВА 6. НОВЫЙ ХОД	181
ГЛАВА 23. ПРОБУЖДЕНИЕ	67	ГЛАВА 7. ВСТРЕЧА В ПОДЗЕМЕЛЬЕ	184
ГЛАВА 24. «УТКА» С СЕКРЕТОМ	70	ГЛАВА 8. ПОГРУЖЕНИЕ В ТАЙНУ	188
ГЛАВА 25. ВЫБОР СВЫШЕ	72	ГЛАВА 9. ОСВОБОЖДЕНИЕ	191
ГЛАВА 26. ИЛЛАРИОН	75	ГЛАВА 10. В КЛЕШНЯХ СКОРПИОНА	194
КНИГА 2. «КАМНИ НА РОССТАНЯХ»		ГЛАВА 11. СУДЬБОНОСНАЯ НОЧЬ	198
ГЛАВА 1. СУХОЙ ОСТАТОК	81	ГЛАВА 12. ОТ ТЬМЫ К СВЕТУ	201
ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ	83	ГЛАВА 13. ЧЁРТОВА ДЮЖИНА	204
ГЛАВА 3. НЕ ПО РАСЧЕТУ	86	ГЛАВА 14. ЛЕТАРГИЯ	208
ГЛАВА 4. ЗОВ АСТРЫ	88	ГЛАВА 15. АДСКАЯ НОЧЬ	212
ГЛАВА 5. ЖЕНСКИЕ ТАЙНЫ	90	ГЛАВА 16. ЗАСЕКРЕЧЕННОЕ ДЕЛО	215
ГЛАВА 6. ПАРТИЯ ОФИЦЕРА	92	ГЛАВА 17. ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ	221
ГЛАВА 7. НОВЫЙ УРОВЕНЬ	95	ГЛАВА 18. ЯНГА	224
ГЛАВА 8. ПРЕДЕЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ	97	ГЛАВА 19. И ГРЯНУЛ ГРОМ	229
ГЛАВА 9. ПОЛЁТ ЗА ГРАНЬЮ	100	ГЛАВА 20. СВЕРШЕНИЕ ЧУДА	232
ГЛАВА 10. ВНЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ	103	ГЛАВА 21. ФОРМУЛА ЖИЗНИ	237
ГЛАВА 11. АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА	106	ГЛАВА 22. ПРОШЛО ПЯТЬ ЛЕТ...	241
ГЛАВА 12. ВТОРЖЕНИЕ ЧУЖАКА	107	ГЛАВА 23. ПЕРЕЛИВАНИЕ ВРЕМЕНИ	245
ГЛАВА 13. СИНДРОМ ПОЛА	110	ПОСЛЕСЛОВИЕ	248
ГЛАВА 14. СОН ВО СНЕ	113	ЭПИЛОГ	250

Книга 1

РАЗБИТАЯ СПИРАЛЬ

ГЛАВА 1. ЛАБОРАТОРИЯ СНОВИДЕНИЙ

В комнате, обставленной в стиле старинного бу- дуара, спала молодая девушка.

Её сон проецировался на экран Тора – кванто- вого компьютера, специально созданного в лабо- ратории Центра Реконструкции Будущего (ЦРБ) для оцифровки и параллельных вычислений при многофакторной обработке сигналов мозговой активности. Проект «Астра» был основан его авто- рами и создателями, но не мог существовать без главной его героини, именем которой и был назван. Уникальная способность девушки воспринимать сон как явь, помнить сны и передавать их содержа- ние была своего рода информационной «машиной времени», доступной только сотрудникам Центра. Девушку охраняли, как зеницу ока, допуская в Ла- бораторию, кроме руководителя проекта, еще не- скольких посвященных в проект сотрудников.

В реальной земной жизни Астра ориентирова- лась слабо. Дни проходили в релаксации по восста- новлению энергии, физических сил, специальных тренингах и беседах с психологом и Куратором, что немного тяготило её. Она с упоением ждала ве- чера, чтобы снова уйти в сонный мир делать свою «работу». Её Вселенной было сонное царство. Там жизнь была по-настоящему реальной: яркой, цвет- ной, чувственной и – свободной. Эмоциональные переживания накладывали отпечаток на транс- ляцию снов. Ясные и четкие картины получались при отсутствии эмоций и рефлексии – в моменты пассивного созерцания. Леса с небесами, поля и реки, люди и города, машины, витрины, вещи, – всё это текло в сон сплошным потоком. Очень редко в эти видения проникали звуки, ведь во сне герои почти не говорят, а передают мысли. Во сне Астра полностью управляла собой, видела все события, происходящие в ином мире, проникала в будущее, – порой случайно, но последнее время – по своему желанию могла «заказывать сны», что стало особен- но ценным.

В это утро Астра спала долго. Выйти из сна стоило ей большого усилия. Она как будто вырвалась из пле- на, где на нее давили какие-то бесформенные тени, удерживая в узком темном коридоре. «Побег» закон- чился удачно, но Астра еще долго приходила в себя, пытаясь понять, что это было? Нездоровый интерес «астральных» сущностей, которые иногда сопрово- ждают переход из тонкого мира в мир реальный, был ей знаком. Обычно она легко отбивалась от них. Сущ- ности беспомощны и трусливы, когда у спящего нет страха, но есть сила духа. Но на этот раз было нечто иное, непонятное и необъяснимое для Астры.

Пробудившись, она смотрела в потолок, вплы- вая в реальность через знакомые ей предметы. От легкого потока воздуха порхали голубые портьеры,

светильники испускали мягкий свет, «серебряные колокольчики» отзванивали утреннюю мелодию. Здесь она чувствовала себя более комфортно, чем в свободном парении сновидений.

Едва тело отошло ото сна и обрело движение крови, Астра открыла свой персональный Тор, что- бы посмотреть только что увиденный сон. На этот раз ей пришлось огорчиться: фрагменты были не- четкими, неяркими, а иные – исчезали совсем, пре- вращаясь в «белый шум». Астра искала в последней записи сущностей, которые пытались овладеть её волей. Но – нет, на выходе из сна были только ис- каженные сигналы...

В комнату вошли двое. Темноволосая девушка в перламутровом костюме и ее спутник – стройный высокий атлет с бронзовой кожей. Темные, почти черные глаза парня сверкали, выдавая скрытое не- терпение. Кэт и Арон – сотрудники Лаборатории, носили не настоящие имена, а псевдонимы, назна- ченные Куратором проекта для удобства общения в мире, где даже камни – слышат. Кэт, психолог и лингвист, неслышно подошла к постели Астры. В пространство полились хрустальные звуки утрен- ней мелодии.

– С удачным пробуждением, Астра...

– Сегодня не все удачно. Мне было сложно уйти... там стало опасно... Понимаешь, Кэт? Они нашли меня и не хотят отпускать. Я боюсь, что в сле- дующий раз могу не вернуться...

– Нет, все только начинается. Есть идея, мы мо- жем попробовать, послушай, что придумал Арон.

Кэт повернула голову в сторону парня, который стоял в ожидании их реакции. Астра в волнении пе- ребирала длинные белокурые волосы и отрешенно смотрела на Кэт, – глаза в глаза, но гораздо выше и дальше, как будто пыталась найти что-то в подвале высокого потолка, украшенного маленькими искус- ственными звездами. Арон протянул им округлый се- ребристый предмет, напоминающий формой оваль- ную мыльницу.

– Это новый квантовый, высокочастотный Тор. Сделали под заказ в Японии – по нашей технологии. Наши пока не могут. Месяц назад к нему разрабо- тали новый алгоритм обработки сигналов обратной связи и теперь можно, в некотором смысле, управ- лять своим передвижением во сне. Управление пока слабое, несовершенно, но стоит рискнуть, если... Нужно только настроить новый Тор на структуру го- ловного мозга Астры, это займёт некоторое время.

– Еще один сон, – и это будет путь в один конец, мне придется остаться там навсегда. Вы потеряете со мной связь, – нервно перебила его Астра.

– Это не так, – Арон упрямо настаивал на экспе- рименте, – Мы с Кэт все продумали, пойдём в Белый кабинет и там все обсудим. Молодой мужчина резко повернулся спиной и пошел к выходу.

Девушки появились в Белом кабинете ЦРБ немало позже. Проснувшуюся Астру нужно было привести в порядок. В ЦРБ ждали главного Координатора проекта Бориса Брейса. Астра вошла вместе с Кэт в Белый Кабинет свежей и сияющей, как будто не было тяжелой изнурительной ночи.

Кэт постаралась, чтобы Астра выглядела безупречно. Костюм фиашкового цвета подчеркивал славную женскую фигуру, блестящие светлые волосы, уложенные короной, создавали светский эффект. Борис Брейс, или, как его называли близкие подчиненные – Куратор, вошел в Кабинет беззвучно, едва не напугав своим появлением всех присутствующих. Это был среднего роста и крепкого телосложения мужчина средних лет. Крупные волны длинных густых волос, слегка посеребренные сединой, большие карие глаза и пухлые губы выдавали в нем скорее ловеласа, чем ученого, и уж тем более директора столь уникального проекта, как ЦРБ. Персональный Тор в его руках тревожно пищал дикими африканскими ритмами, смущая Арона нелепостью звукового набора.

– А... я только что вернулся – оттуда, – с растяжкой и слегка покачиваясь, произнес он, легким поворотом головы указывая на какое-то лево или право – неважно. Борис, когда волновался, часто начинал свою речь с этого протяжного «А...». Он был в лаборатории, где уже успели сделать оцифровку последнего сна и снять некоторую информацию в зашумленной области. Девушке действительно грозила опасность. Скорее всего, её обнаружили «стражи времени» – довольно сильные, но примитивные сущности «серого» мира, по нашим догадкам, охраняющие переходы из одной реальности в другую.

– А... Астра, ты все знаешь?

– Да, Куратор. Иначе бы я не вернулась. Они хотели... Забрать меня...

– А... ну как же! Знаю! – с видом ученого знатока перебил ее Борис. Он резко повернулся к Арону и спросил его, готов ли новый Тор.

– Тор проверен – на животных: крысы, свиньи, обезьяны. После пробуждения реакция заторможена. Инстинкты сконцентрированы в области продолжения рода, особенно у обезьян. Они не принимают пищу, самки свирепствуют. Уплотнение энергии на красном уровне – Муладхара. Энергетика духовного и созидательного плана практически закрыта. Выход в тонкий мир затруднен. Их сознание как бы размазано во времени. Но они живы, живы! Мы наблюдаем, делаем замеры. Да, и мне кажется, что мы успеем собрать защиту до наступления следующего выхода.

Астра молчала. Ей не нужно было говорить. Все её сны были известны сотрудникам Центра. Все, что она переживала, видела или воображала – синтезировала в своих сновидениях, декодировалось в зрительные образы, а затем декомпозировалось на

тысячи фрагментов, чтобы сохранить в децентрализованной базе данных ЦРБ в тысячах экземплярах на изолированных друг от друга физических носителях. Каждый отдельный фрагмент – бесполезный набор двоичных данных, из которого невозможно извлечь хоть какой-либо полезной информации, может храниться где угодно даже в открытом виде. Только, если все фрагменты собрать обратно в цельную последовательность, можно обратно расшифровать данные. Такие перестраховки были необходимы, ведь Астра была бесценным проводником информации из Будущего в Настоящее, – сокровищем проекта и его надеждой.

Борис смотрел на неё с едва скрываемым восхищением. Неповторимость и красота Астры бредила его воображение, но «так» смотреть на девушку было опасно. В её бледно голубых глазах светилась нежность ко всему живому на земле, ко всему миру, и, может быть к нему, Куратору, который создал молодую женщину такой совершенной и – обреченной на полную исключительность.

Очнувшись от своей минутной слабости, Борис Брейс подошел к Астре и взял её за руку, как будто был врачом, измеряющим пульс больного. Бедная Астра... Она даже не подозревала в тот момент, что предстоит ей испытать.

– А... готовься, Анастасия. Верь мне, всё будет хорошо. Это прыжок в неизвестность, но мы уверены в успехе. Есть два исхода, и ты сможешь выбрать один из них. Либо мы вернем тебя оттуда – по твоему сигналу, придется делать тебя обычной земной женщиной, Либо... ты останешься там до тех пор, пока мы будем поддерживать твоё тело в летаргическом сне – какое-то время...

Астра видела Куратора разным, но в этот момент обратила внимание только, что он назвал ее Анастасией. Это было её настоящее имя, данное ей при рождении и даже задолго до него. Куратор знал ее истинную историю, но это было тайной для всех остальных.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ АСТРЫ

Анастасия Александровна Зимина родилась в Сибири, в городе Дивногорске Красноярского края на берегу бурного и прекрасного Енисея. Но даже не сакральность и энергетическая чистота этих мест определила судьбу сновидицы, а случайная тайна ее рождения. Она стала седьмым ребенком в семье, причем, одной из двойни.

Эта история сама по себе уникальна. Мать девочки Любовь Геннадьевна Зимина очень любила детей. Она была родом из семьи староверов, и рожала не как все её сверстницы подруги, а с помощью бабки-повитухи, тоже из рода староверов. Так появились на свет первые дети. Однако впослед-

ствии муж настоял, чтобы роды принимали профессиональные акушеры в родильном отделении местной больницы, чтоб было всё, как у «нормальных людей». Супруга подчинилась настояниям мужа, поскольку не могла его послушаться. Но уступила Люба только наполовину: вези, мол, меня в роддом, когда уже схватки, а носить я буду сама, никого трогать плод не пушу. Женщина опасалась насильственного, как ей казалось, вторжения в «божий промысел», а гинекологического кресла боялась, как огня (не то, что нынешнее племя!).

В семье уже было шестеро детей, когда Любовь Геннадьевна вышла на пенсию, но ее женская природа была всё еще щедрой, и долгожданный климакс никак не наступал. Все соседки – «юные пенсионерки», как они себя называли, испытывавшие на себе все современные средства контрацепции, давно уже попрощались с репродуктивностью, а Любушка каждый месяц со вздохом встречала свой «красный цветок». И вот однажды месячные не пришли... Кумушки подружки уверили ее, что вот на ее улице праздник (хлопот-то меньше), что и она теперь, как все, а какая-то там бессмертная, из ряда вон. Успокоившись, женщина не заметила, как пролетело 3 месяца. И вдруг её затошнило!.. Да неужели? Не может быть. Ан, нет, опытная мать сопоставила все признаки, и уверилась в том, что снова ждёт ребенка. На этот раз радости не было, весь Новый год пили-гуляли, да и подружки разом заахали, мол, в таком возрасте рожать опасно, а с ребёнком-инвалидом намаешься. Да ни за что бы Люба не решилась на аборт и в этот роковой раз, но тут случилась беда: муж попал в аварию, покалечился, слёг.

Работы нет, кроме как идти работать на склад, а там – тяжесть, холод. Не было никакой гарантии, что роды будут удачными, и ребёночек родится здоровым. Опасение, страх, тревога и простые житейские соображения вынудили женщину решиться на прерывание беременности. Уговорили все-таки товарки сделать аборт. И пошла она, как на плаху, плача и причитая. Всё-таки в первый раз... Врач, пожилая женщина, глядя на её страхи и страдания, предложила сделать общую анестезию, чтобы легче было морально всё это перенести. Согласилась. Когда провалилась в сон, явственно увидела картину: она на солнечной полянке, а навстречу бежит девочка лет одиннадцати, кричит, зовёт её «Мама! Мамочка!». Во сне Любушка захлебнулась слезами, побежала навстречу, чтобы спасти девочку, и всё её существо внутренне воспротивилось убийству. Она пыталась проснуться, но какая-то неведомая сила стиснула всё тело, не давая возможности пошевелить даже пальцем. Зимица кричала, орала во сне, но крик глож в какой-то вате...

Гинеколог, оперировавшая сложную пациентку, прервала процедуру. Больная дергалась, издавала утробное рычание, лицо её побагровело. А

ведь это риск! Через несколько минут, понимая, что операцию надо закончить, врач ускорила работу, и быстро завершила начатое, опасаясь сердечного приступа. Зимицу выписали, и она, выплакав своё, занялась своими делами.

В один прекрасный день вдруг обнаружила, что снова беременна. Как это могло случиться, ведь с мужем ничего не было? Озадаченная своим состоянием, Любовь Геннадьевна обратилась к той самой врачихе с добрыми глазами. Та сразу же убедилась, что в утробе пожилой матери растёт ребенок, и ему уже шесть с половиной месяцев. Что это – чудо или кара? Зимица могла бы снести всё на чудо, мол, зачала, как Дева Мария, непорочно, но врач сказала, что такое бывает – раз на миллион, когда двойня. Один ребенок из двух оказался «прозеванным», а теперь уж аборт делать нельзя. «Будем кесарить!», – изрекла гинеколог, не принимая никаких возражений.

По всем канонам девочка не должна была родиться. Но чудо свершилось, и новорожденную назвали Анастасией. Девочка с рождения отличалась от своих сверстников. Она не различала сон и явь, как будто жила единой жизнью и днем, и ночью. Странности стали более заметны, когда она начала говорить. Сумбурно рассказывала о том, что видела во сне. В провинциальном сибирском городке никто и не стремился наблюдать или изучать этот феномен. И, во благо и спасение, – не пытался признать девочку психически ненормальной. Объяснение одно: поздний ребенок. Её сны – детские фантазии. Вырастет, – и всё пройдет.

Мать Насти умерла через год после ухода в мир иной отца семейства Зиминых, когда девочке исполнилось одиннадцать лет. Ошеломленная смертью матери, девочка пошла в лес, в горы, и не вернулась. Её долго искали, подняли на ноги все службы, но не нашли. Когда один рыбак принёс в дом поясок от её платья, все поняли, что девочки уже нет. Течение в тех местах сильное, тело могло унести в такую даль, что не достать... Братья и сестры Насти смирились с потерей, а потом их разнесла судьба по городам и весям.

Но девочка не погибла. В тот роковой день она долго бродила одна по лесу, плакала, звала на помощь, поскользнулась и упала на скользкий камень, потеряв сознание. С камня тело девочки скатилось вниз, к реке, на холодный, омываемый водами Енисея колючий берег. Там её, обессиленную и голодную, подобрал одинокий старовер. Поскольку дитя ничего не помнило (временная амнезия от перенесенного стресса и падения), пришлось взять её в обитель, которая была построена его предками в дикой лесной глуши. Через два года одинокий монах сам привел свою воспитанницу в Центр Реконструкции Будущего. Знал, что сам скоро уйдет с мир иной, нашел дорогу, куда вести эту диву небесную. И привёл.

Сторож Аким хорошо помнит тот день, когда к нему приехал старец, о котором в местных деревнях ходили легенды. Мол, живет где-то в глухой тайге монах-старовер, лечит любые болезни, особо душевные. Но где его найти, знали только бывалые охотники. Знал и Аким. Жил монах за болотами, куда охотникам и грибникам проходу не было. Ходил он в люди, лечил, приносил всякие травы, снадобья, а потом исчезал, так же внезапно, как и появлялся. В тот день монах привел с собой худенькую девочку. На вид ей было лет тринадцать. Она как посмотрела на Акима – глаза глубокие, озёрные, так у него сердце и охнуло: «Внученька!».

Когда-то в молодости Аким и Никон (монах) вместе ходили на медведя, рыбачили, а вот теперь один – в келье, другой в сторожке. И оба одинокие старые люди, потерявшие своих близких. Никон рассказал про девочку, как нашел её, как отпаивал травами и учил лесным премудростям, как потом вернулся к ней разум, и она вспомнила своё имя, назвалась Настей. Правда, о родных ничего не вспомнила, ни фамилии своей, ни дома. Монах несколько раз ходил в город, чтобы узнать про семью. Спрашивал, искал. Но так ничего и не узнал. К тому времени родители Насте умерли, а братья и сестры разъехались по сторонам, куда – неизвестно. Так она и осталась у Никона. Он по мудрости своей понимал, что такую девочку – не от мира сего – в город пускать нельзя. Девчонка была немного диковатой, но чудной, умненькой. Ей не место среди простых людей, – не поймут, погубят, решил он. Однако девочку нельзя было оставить в лесу одну без попечения, вот он и вспомнил о своем давнем друге – Акиме, к нему и пришел.

– Вот, Аким, внучку тебе привел. Береги ее. Она чудная. Скажи всем, что она тебе родня. У тебя, сколько я помню, была дочь?

– Была, да сошла в могилу. Пила она – от любви какой-то, так и сгубила себя напрасно. Могла бы родить, живот-то у неё был, а потом куда-то делся. Сплавил дитя, незнамо куда... Если б не работала в ресторане, может, и не так все было, – тяжело вздохнул сторож, взглянув на Настю.

– Так вот ты и скажи людям, что, мол, дочь родила и тебе подкинула внучку, то ложь во благо будет, – уверял его Никон.

– И что мне с ней делать? Её ж кормить надо, но то не беда – прокормлю. Только вот и учить надо и одевать. И паспорт какой-то ей оформить...

Много еще вопросов было у Акима, но монах на них ответить не мог. Ночевать не стал, поклонился, перекрестил Настю и ушел восвояси. Только его и видели.

Так Аким Петрович Волгин волею случая стал дедом. Оформить внучку помогли ему добрые люди, и в скором времени он понял, что роднее девочки у него нет и не будет. Не надо её отдавать в интернат. Так как у Акима началась новая жизнь.

Центр Реконструкции Будущего разместился в окрестностях Красноярска, среди нетронутой цивилизацией чудной сибирской природы. Раньше здесь располагался санаторий для вельможных особ советского периода. Потом он был забыт, заброшен, и долгое время никто не вспоминал о нём. Только сторож Аким все ещё охранял никому не нужные «апартаменты». Все ждал, что приедет начальство, и снова начнется интересная сытная жизнь с охотой, рыбалкой и ночными застольями, куда его всегда приглашали испить рюмку водки и рассказать охотничьи байки. И в один прекрасный день дождался.

Приехали «большие люди» на черном джипе. Долго ходили по территории, смотрели, расспрашивали, примерялись. Главной среди них была женщина, которая Акиму сразу понравилась. Она подарила ему добрый охотничий нож, – цены ему нет для старого бродяги. Был там и нынешний его начальник Борис Арнольдович, её муж. С тех пор началась стройка, перестройка, новая жизнь. Построили новый корпус – целый замок с башенками и верандами, отремонтировали старые корпуса, – теперь там гостиницы, очистили и заново восстановили старый парк с прудом, реставрировали скульптуры. Правда, «девушку с веслом» и памятник вождю революции велели убрать, так Аким не дал их вывезти, вот они и лежат теперь, горемычные, в бункере на задворках – вместе.

Новые обитатели бывшего санатория «Жарки» (с ударением на последний слог, авт.), названного так по настоянию одного партийного босса – в угоду жене, которая обожала эти яркие оранжевые сибирские цветы, были не те, что прежде. Один чуднее другого. То привезут якутского шамана с бубном, то лохматую цыганку, то отрешенную монашку, то слепого старца. Много их тут побывало, всяких «мучеников», да шарлатанов... Персонал заведения был смешанным: кто отсидел, а кто из ученых. И те и другие, по мнению Акима, не очень-то отличались от странных гостей.

Так Настенька осталась в Центре. Всем сестрой, а ему – внучкой. Это уж потом и ученые, и персонал стали называть ее Астрой. Имя ей придумали, судьбу выбрали. Больше десяти лет Астра жила и работала здесь. Сначала училась вместе с детьми сотрудников, потом постепенно её стали привлекать, слушать сны, как сказки, что-то записывать. В реальной жизни она плохо понимала и помнила настоящее, подобно тому, как не помнят и не понимают снов обычные люди. Чудом было и то, что Астра попала не в сумасшедший дом, а в то самое место, где ей и надлежало быть.

Куратор Борис Брейс сотворил из лесной дикарки настоящее чудо. И сейчас смотрел на неё глубоким отрешенным взглядом, предчувствуя что-то страшное. Его раздумья были прерваны тихим голосом Астры.

– Я хочу сказать: там все изменилось. Все спуталось, и я не могу ничего сделать. Время сгущается, уплотняется, и скоро последние песчинки упадут на дно огромных часов...

Борис Брейс импульсивно рванулся к Астре, но в последний миг как бы остолбенел и замер.

– Милая девочка. Сядь, расскажи все, что ты знаешь. А ведь ты знаешь, правда? Что ты там заметила, какие факты, – факты и примеры, а не ощущения, понимаешь?

– Не могу сказать. Они всё слышат. Не отпускают меня! Я хочу остаться здесь с вами. Сделайте что-нибудь!

Астра была на грани истерики, по её щекам катились крупные слезы. Кэт обняла её за плечи, пытаясь успокоить, и дала знак Арону. Он понял, что идёт речь об «эфире», принес колбу, наполненную чем-то голубым и воздушным, и подал её Астре. Это была сложная смесь некоторых производных от минеральных и жирных кислот, лёгких эфирных соединений в сочетании с искусственной белковой субстанцией. Белки содержали встроенный вирус, который в роли нейромедиатора-протектора входил в селективную конкуренцию с серотонином. Эфир был изготовлен в Лаборатории перспективных технологий. Астра втянула в себя глоток и сразу успокоилась.

– Спасибо, Арон. Мне уже хорошо. Я могу говорить.

– А... Как тебе это, – какие ощущения? – игриво спросил Борис, указывая на бокал с эликсиром.

– Он не пьется, – впивается. И сразу по всему телу спокойствие и благодать, как после молитвы. Чистый эликсир счастья.

– Это всего лишь один эксперимент воспроизводства технологий будущего, а сколько еще в работе! И все благодаря тебе, Астра, – энергично говорил Борис.

– Дай мне свой Тор, посмотрим вместе, что там произошло.

Арон подключил Тор Астры к компьютеру с голографическим проектором, и вся группа дружно начала просматривать записи снов последнего периода до того – самого последнего сна, который стал переломным в судьбе Астры.

ГЛАВА 3. ТРЕВОГА – ВСТРЕЧА

Высокая статная женщина открыла окно своего кабинета и вдохнула холодного городского воздуха. Духота в помещении и в душе всегда утомляла её. Хотелось войти в свободную воздушную среду и искупаться в свежем ветре, поднимая вихри листвы, омыться струями дождя. Мысленно выбраться из городских кварталов и упасть в пахнущие медуницей луга, окунуться в гладь озера, поплыть с закры-

тыми глазами за горизонт, потом опрокинуться на спину и замереть, «глядя задумчиво в небо широкое»... Но это было не просто.

Кабинет не отпускал её, дел становилось больше, а друзей вокруг – меньше. Чем выше поднималась она по карьерной лестнице, тем плотнее становилась толпа, и реже круг близких. Когда-то их было много, но сейчас она думала только об одном человеке, которого боялась потерять. Чувствовала, что он уходит, и его невозможно остановить, как уходящее за горизонт солнце. Остановить планету, которая вращается по своей орбите? Нет. Ничего не получится. Дым сигареты и ком в горле... Минутную слабость прервал «звонок друга».

– Олик, привет. Что происходит? Представляешь, мне звонят какие-то «перцы» и требуют меня на ковёр. Им, видите ли, не понравилось моё последнее эссе про мэров и пэров. Хотя я там почти не шалил. Разве что про «три пера»... Ха-ха! Что ты об этом думаешь?

– Это в твоём репертуаре. Просто не реагируй. Отпусти ситуацию, и она отпустит тебя. У них там голова, как «квадратура куба», все равно не поймут. Гарик, расслабься. Или сделай так, чтобы расслабились все.

– Что там твой Борюсик, все еще экспериментирует с этой блаженной? – Гарик неожиданно перевел разговор на большую для Ольги тему. Теперь она сама не знала, как реагировать на этот вопрос. Ну, умеет этот придворный шут влезть в самое нутро. Ему важно знать все, особенно если это касается отношений с Борисом и проекта ЦРБ.

– Ты сам знаешь: всё идет не так, как бы мне хотелось. Когда мы вместе начинали этот проект, там было много науки, теории. Мы выстроили систему, вложили много средств из Фонда, но теперь там сплошная мистика и эзотерика. Веришь – нет, не хочу говорить об этом. Это долгий разговор. Как поживишься в городе, так и поговорим.

– А у тебя есть что-нибудь вкусенькое? А то что-то я проголодался. Весь мир вращается вокруг холодильника. Меня бесит, сколько мы времени теряем, чтобы спать, жрать, пить и писать! Еще и курить... Мама дорогая! Ну, давай, подумай, что будем давать в следующей серии, а то у меня кончается материал.

– Вводи параллельный сценарий. То, что там происходит, пока непонятно. Да и что там снимать? Спящую царевну? Нет динамики. Было столько направлений, героев, а сейчас он зациклился на одной этой... спящей, и ничего не хочет слышать. А нам с тобой надо продолжать сериал. Борис закрывается от меня последнее время. Да, ладно. Позвоню дня через два. Пока-пока.

Ольга Григорьевна с громкой фамилией Орлова чувствовала, что разговор был пустой. Она не могла внятно ответить на вопрос не только своему другу Гарику – директору медиа-холдинга, продюсеру и ре-

жиссеру, но и себе самой. Ольга долго вертела в руках подаренный ей бестолковый телефон с позолотой, играла разными смешными мелодиями, и думала, позвонить Борису прямо сейчас или чуть позже, когда приедет домой?..

И всё-таки она была директрисой – руководителем Института Развития Человека, знатной дамой, известной и в московских кругах. С высоко поднятой головой (врешь, не пройдешь!) она вышла из кабинета во внутренний дворик, где стоял её припаркованный прямо к крыльцу черный автомобиль последней модели Форда с уходящим в небитие бензиновым двигателем. Уловив настроение хозяйки, вездесущий конь поплыл по улицам сверкающего города вместе с грустью и утопающими в прах надеждами. Ольга любила этот ретроавтомобиль, как русские любят свою собаку и быструю езду. На пути к дому была сплошная пробка, стоять в которой не было никакого терпения, и Ольга машинально свернула туда, где кончалась центральная дорога. Так она оказалась прямо напротив Загородного парка – прибежища молодежи и любителей лёгкой выпивки. Нерешительно вышла, оглянулась, едва узнавая любимое место студенческой юности, и направилась прямо в кабачок в глубине зарослей, где обычно собирался всякий люд попить пивка и поесть шашлыков. В этот момент Ольге очень хотелось побыть одной, опуститься на дно вокзала по имени «жизнь» и просто расслабиться. Здесь вряд ли кто знает её – политика, психоаналитика, известного на полстраны и за рубежом.

Орлова села за столик кафе и начала внимательно изучать меню, предлагающее пышущие жаром свиные колена и дымящиеся шашлыки. Все это сопровождалось острым запахом специфичного дымка, от которого не мог уйти ни один посетитель. Среди шума и суеты ей было легко и просто. Сидеть и думать...

В тесном и шумном кабачке появление шикарной дамы не осталось незамеченным. К ней подошел пожилой актер, конферансье, подрабатывающий здесь вечерами. Он давно заметил одиноко сидящую женщину в черной шляпе и узнал её. Неужели она, та самая Орлова, известная и таинственная? Он не мог поверить своим глазам. Да, это была она. Собственной персоной. Здесь, в Загородном кафе среди людей, далеких от того мира, где пребывала эта высокого полета дама, так сказать, женщина его мечты.

Лев Аркадьевич Глинский, не дожидаясь ответа, легко присел на краешек стула. В его глазах светилось отчаянное любопытство и откровенное обожание.

– Мадам, вы не возражаете, если я составлю Вам компанию? – с приятностью и еврейским жуликоватым подбострастием спросил Глинский.

– Вы?! Какими судьбами? Странная встреча. Вот уж не ожидала. Сколько лет, сколько зим... Не думала, что когда-то снова увижу Вас. Как Вы меня нашли?

Ольга не ожидала встретить здесь знакомых, тем более, Льва Глинского, этого гениального пройдоху, с которым она когда-то творила предвыборную кампанию одного кандидата в депутаты Госдумы. Лев был пиарщиком и продюсером этой кампании, а она была молодым, подающим надежды политтехнологом.

– Судьба, милочка, делает иногда крутые повороты – картавя на букве «р», произнес Глинский, – А вот расскажите-ка мне, как Вы оказались в наших рядах? Слышал, слышал о вашем проекте Реконструкции Будущего. Год назад, кажется. Его еще не закрыли?.. Хм...

Старый еврей понял, что задал неловкий вопрос и осекся, прикрывая рот салфеткой.

– Проект не закрыли, его перевели на другой уровень секретности, и даже мне не все известно, представьте себе...

Ольга нервно теребила пальцами маленький шелковый платочек и выглядела несколько отрешенной. Было заметно, что ей не хочется развивать эту тему.

– Что-то, Ольга Григорьевна, Вы мне сегодня не нравитесь. Хочу предложить Вам выпить чего-нибудь горячительного. Лев Аркадьевич завертелся и с видом заправского завсегдадая сделал вельможный жест, подзывая высокого румяного официанта.

– А принеси как нам, голубчик, эту «заварушку» – две кубышки, лимончик и сок... желательнее свежавыжатый – морковный.

– Я за рулем, мне только сок, – уточнила Ольга Григорьевна и стойко посмотрела на своего собеседника. Ничего больше она рассказывать не собиралась. Но Глинский думал иначе. Его порадовало появление Ольги, случайная встреча возбудила его воспоминания, и тайное, давно забытое чувство заиграло, как настоявшееся вино, только что налитое в бокал. Он хотел удержать эту попавшую в силки редкую птицу как можно дольше.

– Ничего страшного. Это шотландский виски с травами. А машину отгонят, куда надо в лучшем виде. Ну, решайтесь, милочка! Мы ведь не виделись, дай Бог памяти, целую вечность!

– Ну, да ладно, гулять, так гулять! – неожиданно для себя Орлова приняла не свойственное решение, но ведь она сама искала ситуации, чтобы отключиться от проблем, волнующих её последнее время. Лев Аркадьевич оказался в нужное время в нужном месте. И так удачно! Она давно уже выписала его из телефонной книги, почти забыла, как они вместе прошли штабную выучку на политических фронтах. Выборы и политика с тех пор сильно изменились, и такая славная профессия как «пиарщик»

плавно перетекла в корпоративные коридоры. Сейчас Глинскому было уже за 60, но лет 15 назад он блистал остроумными сценариями и никогда не проигрывал своим конкурентам из противоположного лагеря. Сколотил неплохой капитал, и теперь отрывал кусочки красивой жизни, смертельно скучая по большой политике и острым сюжетам. Ольга сама последнее время судорожно перебирала в уме, искала в своих справочниках человека, которому она могла бы довериться в предстоящей борьбе за проект. И никого – пусто. Никому нельзя верить. Глинский, появившись в её кабинете, вызвал бы у неё подозрение: нашли и заслали. Но в данной ситуации вряд ли мог быть какой-то подвох. Надо рискнуть. И Ольга пошла на диалог.

В этот вечер, разгоряченные виски и утомленные аллеями Загородного парка, они долго и откровенно общались. Ольга впервые за последние месяцы почувствовала себя девочкой, у которой появился старший покровитель, понимающий и чуткий, остроумный и чуть-чуть влюбленный в неё. Она смеялась, шутила, трогала ветви деревьев, а Глинский впал в ностальгическую задумчивость. Теперь он понимал, почему Орлова надолго исчезла с общей для них политической орбиты, и насколько серьезна ситуация, в которой она оказалась.

О проекте Реконструкции Будущего года два назад шумели газеты, Ольгу показывали по телевидению, и только ленивый не писал о ней. Её идея о воплощении достижений Будущего в Настоящем, переносе позитивных прогнозов в реалии наконец-то нашла понимание. Доселе глухая и слепая власть «увидела» в этом практическую пользу и начала финансировать проект – год за годом, и в конечном итоге был построен Центр Реконструкции Будущего (ЦРБ). Все это время Ольга Григорьевна возглавляла Институт Развития Человека с одноименным Фондом, который являлся базой проекта ЦРБ и его составной частью. Власть ничего не потеряла. Институт со скоростью варения каши волшебным горшочком выдавал сценарии развития гражданского общества, модели оперативного и превентивного управления меняющимся социумом и технологии предотвращения, разрешения и ликвидации последствий социальных конфликтов и экстремистских проявлений, которыми кишела политика. Орлова была профессионалом в этой сфере, а возглавляемый ею коллектив работал, как космическая команда. Правительство вогнало в строительство Центра серьезные суммы, и активно рекламировало свою перспективную инновационную деятельность. Но, после того, как строительство завершилось, власть уже не знала, что делать дальше, так как для неё результат был уже достигнут. Внутреннее наполнение Центра содержанием было для неё непонятным, а, значит, и ненужным. Но тут

появилось нечто новое, готовое к использованию в практике. Центр заработал и начал получать... информацию из будущего. Первые пробы воплощения прогностических продуктов в реальные вещи и развитие направлений, которые просвечивали из-за горизонта грядущего, вызвали интерес самых престижных инвестиционных компаний, – и понеслось! Собранные со всех концов света уникальные люди с нетрадиционными способностями, – одни через конкурсы экстрасенсов, другие по цепочке слухов и публикаций, пытались всеми известными и неизвестными способами уловить вибрации тонкого мира, понять и постичь будущее. С ними работали психологи и аналитики, врачи и ученые. Но весь объем информации, полученный в результате исследований, не мог сравниться по чистоте и точности снов одной Астры... Но об этом уникальном источнике информации из будущего знали только сотрудники Лаборатории, постепенно отстраняющие Орлову от вновь полученных данных. Заказчикам было все равно, какими методами получены прогнозы и созданные на их основе технологии, и вскоре они вообще перестали интересоваться внутренней кухней этого прогностического учреждения. Ольгу никак нельзя было посвящать в ту часть работы, которая касалась коммерческой деятельности ЦРБ: это вызвало бы у неё шок совести и могло разрушить проект «Астра» до основания.

Вспомнив об Астре, Ольга Григорьевна глубоко вздохнула и пристально посмотрела на своего воркующего спутника. Глинский суетливо махал руками и болтал о каких-то энергоинформационных технологиях, которые «вытащили» из одного чудика со средним образованием, применив методы глубинного погружения в подсознание. Немного раздраженно Ольга остановила поток словоизлияний:

– Лев Аркадьевич! Не загружай меня. Скажи, ты давно здесь, – в этой берлоге? Может, тряхнем стариной. У меня есть вакансия советника. Если хочешь, завтра и начнем. Ты меня знаешь, с оплатой будет всё нормально. Ну, давай решайся. Да?

– Ну, как сказать... Предложение заманчивое. А соцпакет, а представительские?..

Глинский куражился, волнуясь от радости, но принимать решение сразу не спешил.

– Все, как положено, будет. На берегу договоримся, как водится, но только не сегодня. Что-то меня сморило, да и тебе тоже пора отдохнуть. Вызывай своих мустангов, пусть меня довезут домой, а завтра в 12 часов будь у меня во фраке, напомаженный, надушенный и с галстуком, а то моя Алина не любит разгильдяев.

Глинский проводил Ольгу до машины, пританцовывая и преданно глядя в глаза будущей патронессе.

– Ну, вот и всё! – мысленно сказала себе Орлова, – дело сделано. Это то, что нужно.

Тревога уступила место спокойствию, и она отменила звонок Борису. «Закрытый путь», – принцип, которому привыкла следовать, когда случайные обстоятельства меняли ход задуманных действий.

ГЛАВА 4. ТАЙНА КУРАТОРА

Борис не ждал звонка от своей законной супруги. Он был погружен в свой собственный кризис, который обрушился на него со всех сторон. Панограма головокружительного успеха, развернувшаяся перед ним и его командой, неожиданно начала сворачиваться. Его лихорадило от одной мысли, что Астри не выдержит испытаний, и он потеряет её, – не физически, а как уникальное существо, на котором строилась вся программа. Последнее время состояние сновидицы стало вызывать тревогу. Кэт еще месяц назад говорила о том, что её стало труднее восстанавливать после очередного сеанса «путешествия во времени». Астри долго приходила в себя, все чаще казалась рассеянной и утомленной. Специалисты объясняли это тем, что девушку держали в Лаборатории, и никто не мог ответить на вопрос, как быть с её личной жизнью, имеет ли право ЦРБ изолировать её от внешнего мира, скрывать от прессы и дотошной научной публики.

Астру долго готовили к проекту, учили, тренировали, воспитывали. Почти семь лет записывали её сны, сверяли с реалиями, занимались реконструкцией предсказанных ею событий. Сначала со слов, потом с помощью специально разработанных программ, которые моделировали образы и выстраивали их в хронологическом порядке. Так постепенно, пошагово черты грядущего из снов Астры начинали проясняться и влиять на ход событий. Каждое, даже невнятно сказанное, ею слово ловилось и расшифровывалось. Прогнозы вызывали ужас и восхищение, а некоторые приносили прибыли тем, кто заказывал информацию. Центр бурно развивался, укомплектовывая себя всё более дорогим оборудованием и вводя в круг новых лиц и специалистов.

Беззаботная и комфортная жизнь Астры в ЦРБ, постоянный уход и забота персонала, внимание и чуткое отношение к ней, любопытство и нетерпение окружающих, которое она наблюдала всякий раз, когда возвращалась из сна, постепенно сделали свое дело. Астри начала понимать свою исключительность, но оставалась беспомощной в жизни. Кроме того, она была лишена нормального человеческого общения, мир видела через фильтры экранов, и не всё, что происходило в этом мире, было доступно ей. Но Любовь... Этого она не могла понять, поверить в и, тем более, испытать.

Борис Брейс по-настоящему любил Астру, до конца не осознавая ужаса своего положения. Постепенно отходя от Ольги, он испытывал муки со-

вести... Супруга была для него фундаментально дорогой женщиной, которая сделала для него всё или почти всё. Он был обязан ей карьерой и положением, и, конечно, она сама дала ему в руки этот проект, отводя многочисленных и влиятельных конкурентов. Доверила самому проверенному и преданному ей человеку дело всей своей жизни, – то, к чему стремилась многие годы. Ей был нужен надежный партнер, «реализатор» её безумной идеи реконструкции будущего.

Борис носил неброскую фамилию – Брусилев и не любил, когда его называли по отчеству Альбертович. Он был романтиком, и, начитавшись еще в детстве фантастических романов и детективов, взял себе простое и броское прозвище Брейс. Борис Брейс. Коротко и ясно. Жена не понимала этого легкомысленного увлечения «никами»: почему это вдруг психолог Екатерина Маслова стала Кэт, а программист Григорий Абакумов – Ароном, но терпела его выверты, понимая, что муж немного играет в детство и тешит себя какими-то иллюзиями. Главное, у него всё получается.

Большой красивый ребенок давно стал мужчиной, но Орлова, не считаясь с этим, снисходительно улыбаясь на «клички». Под шутливой игровой завесой шла серьезная работа, над которой она стремительно теряла контроль, не чувствуя масштабы происходящего. Борис, всегда понятный и предсказуемый, постепенно стал укрывать центральное звено проекта от контроля Ольги, маскируя Астру наличием многочисленных экстрасенсов и «магов», как будто она была одной из всех, а не из всех – одной. Ольга считала, что Астри – внучка сторожа Акима, – весьма странная девушка, увлекается мистикой, часто приходит на их закрытые семинары, молчит, слушает, наблюдает. Безусловно, в ней есть какие-то способности, которые могли бы развиваться со временем, но при наличии соответствующего (высшего) образования. Да, Астри посещала школьные занятия, но это был начальный уровень знаний. Как и когда она попала в центр внимания Куратора и стала звездой проекта, Орлова упустила. Упустила она и то, что Борис Брейс сумел дать Астре эксклюзивное гуманитарное образование, нанимая ей репетиторов и дорогих учителей. Скрывая личную привязанность к девушке, он объяснял свою скрытность условиями соблюдения секретности, необходимостью финансирования проекта, расширения Лаборатории, опасаясь, что Ольга, поняв истинное положение дел, либо сорвет банк, либо уничтожит проект в его основе. А этого нельзя было допустить из чисто научных соображений, ну, и личных тоже. В общем, Куратор боялся своей жены, накручивая партнеров по проекту аналогичным страхом. Так в ЦРБ появилось секретная команда сотрудников, особо приближенных к проекту «Астри», заинтересованных в отчуждении Бориса от влияния Ольги.

Орлова не подозревала, насколько глубока трещина, но чувствовала что-то неладное в отношениях. Муж постоянно пропадал в Центре, почти жил там, редко звонил, на вопросы отвечал односложно и неохотно. Она не знала, что в этот момент он только о том и думал, как уберечь Астру от внимания Ольги...

Куратор прошёл по коридору, остановился в холле, где обитатели Центра обычно смотрели телевизионные новости. За его спиной послышался легкий вздох. Он не мог обернуться, но знал, что Астра стоит там, за портьерой и ждет, когда он поговорит с ней об «этом».

– А... ты здесь? Пожалуйста, только не сегодня. Я должен разобраться во всем. Пойдем в парк, погуляем.

Борис осторожно провел её через запасной вход в парковую зону. Она шла впереди него, легкая, стройная, как будто что-то несло её вдаль к неведомым горизонтам. «Фея...», – восторженно помыслил Куратор, позволяя рассудку отойти в сторону, чтобы полюбоваться летающей походкой Астры. Ему хотелось прижать к себе этот стройный стан, прикоснуться к её губам и замереть, не ожидая пробуждения от невысказанного счастья... Но, увы, он не мог позволить себе даже отеческого поцелуя.

Астра резко остановилась, обернулась к Борису и направила на него широко открытые глаза, как это делают колдуньи из детских сказок. Бориса пробил дрожь. Прошло три секунды длинного, протяженного времени, и Астра дрожащим голосом произнесла нечто такое, что застало Куратора врасплох.

– Горы превратятся в песок... Льды – в море... Груды городов потонут в и лавине льда... Дети, едва родившись, состарятся... Женщины не смогут родить... Земли станут болотами... Океаны вскипят пеной... Рухнет паутина сети... Многие уйдут в степи, леса, станут питаться себе подобными... Животные придут в пустые города... Люди построят плавающие сели.... Стихии найдут их... Избранные будут жить долго и сытно и заставят преумножить себя... Но не будет семени и силы... Время уходит.... Круг замкнется, когда погаснет Солнце!..

Борис прервал этот блаженный поток словес поцелуем. Его вертело как на центрифуге, стрела страстного желания протаранила его насквозь. Астра приняла этот случайный порыв, но как-то вяло и безответно. Её никто никогда не целовал, и она удивилась, что в ней ничего не всколыхнулось, не отозвалось эхом волнения. Борис отстранился, посмотрел на неё своим долгим взглядом, не знающим поражения, уверенно обнял девушку и держал её несколько минут в полном оцепенении. Астра не шевелилась. Ей был не совсем понятен этот призыв, но женские инстинкты подсказывали, что все не так просто, возникли новые отношения с Куратором, в

которых она играет особую роль. Она мягко отвернулась и пошла по аллее парка к озеру. Борис медленно пошёл за ней.

Куратору вдруг стукнуло в голову: Астра – ведьма, обычная земная ведьма, каких раньше сотнями сжигали на кострах инквизиции. Она живет в мире фантомов и иллюзий, а её сны – всего лишь плод живого воображения. Все симптомы налицо, он наблюдал её поведение семь лет, когда из девочки она стала превращаться в «дикую орхидею» и заняла свое место в Центре. Здравый ум преобладал в нем, и Куратор отчетливо осознал, что как знаток ведьм теперь он сможет управлять ею. Он обрел одержимость и гордость за свое озарение.

– Астра! Подожди, нам надо поговорить. Давай спокойно поговорим, и ты мне попробуй кое-что объяснить. Не бойся, я позволил себе вольность с тобой. Не обращай внимания. Мы же с тобой друзья?

– Я знаю, это неважно. То, что сказала, скоро будет. Мы не успеем ничего предотвратить. Программа уже запущена. И мне... страшно. Они скоро возьмут меня к себе, и я не смогу вернуться и предупредить вас. Слишком многое знаю. Об этом нельзя говорить. Я не хочу уходить. Помогите мне!..

– А... кто тебе угрожает? Ты говоришь сумбурно. Попытайся сделать то, о чем я тебя прошу. Тебя «там» кто-то преследует? Пытаются оторвать от реальности? Как это происходит?

– «Они» все время следят за мной. Но последнее время стали удерживать и, мне кажется, скоро не отпустят меня обратно. Стоит огромных усилий оторваться от них. И никто не может мне помочь. Кажется, я догадалась, чего «они» хотят, и что для этого делают.

– Кто они, Астра?! Говори яснее, твои намеки мешают мне понять истину и помочь тебе.

– «Они» – другие. Новые Сущности. Там Будущее становится явью, и, чем ближе я продвигаюсь, тем больше их становится. «Они» там живут. Это их будущее, и нас там почти не осталось. Наше Время стремительно сворачивается и переходит в их реальность.

– Иными словами, «они» забирают наше Время? Попросту крадут его? Воры Времени! Перекачивают энергию времени, как бензин из бака. Высасывают у нас Будущее. Пространство развития стремительно сокращается, и поэтому... дети, едва родившись, состарятся... женщины не смогут родить... – Борис лихорадочно перебирал в памяти слова Астры. Ну, да, в этом бреде явно что-то есть!

Исследования ученых подтверждают факт целого ряда случайных и удивительных воплощений неких сущностей в «детей индиго». Они талантливы, не по возрасту умны, некоторые из них обладают сверхъестественным даром – феноменальной памятью, телепатическими способностями, необыкновенно

сильной энергетикой. Раньше их называли вундеркиндами. Среди них были юные математики и музыканты, поэты и художники. Они были редкостью, и родители гордились своими детьми, как будто в этом была исключительно их заслуга. Да, именно у них появились на свет маленькие гении, вызывающие зависть и восхищение окружающих. Родительская любовь постепенно превращалась в гордыню. Многие мамы и папы поддались искушению направить свою жизненную силу в русло судьбы необыкновенного ребенка. Это уже не люди в обычном понимании. Их способности – за гранью возможного. Они рождаются от нормальных родителей, которые просто не в состоянии понять, кто их дети. Сегодня их уже не единицы, а сотни, тысячи... Они идут по планете. Совершенные люди, непонятные окружающим, воплощенные в человеческом теле. А нормальные, обычные дети... быстро состарятся... Почему? Потому что они не «те». И такие случаи есть. Дети старцы. Но нет, это исключение. Скорее, развитие детской наркомании, токсикомании, алкоголизма – этого ведь не было никогда раньше – и есть тот самый процесс, который «запущен».

Дети сами уничтожают себя, перекрывая вход в Будущее отсутствие продолжения рода, как загнущиеся от пестицидов и паразитов молодые соцветия. Множатся также и пустоцветы, бесплодие поразило многих молодых мужчин и женщин. Более того, появилось совершенно новое явление: «бесплодие в мозгах», когда репродуктивные дамы и господа просто не хотят плодить потомство. А гомосексуализм и в придачу к нему массовые уходы молодых людей в монахи, в секты? Что это? Ученые говорят, что работает Глобальный Предиктор, регулирующий народонаселение планеты. Чуть собачья! Это работает чей-то Разум, влияющий на нашу волю, создавая в глубине подсознания ощущение полной бессмысленности продолжения рода...

Впервые за всю историю Человечества молодые люди не видят перед собой перспективы, как бы правительство и власти на местах не старались создать благополучную панораму развития экономики. И это еще не самое страшное: «горы превратятся в песок», «льды – в море»... Астри говорила о всепланетной катастрофе, в которой явственно проступают признаки апокалипсиса. Люди уйдут в леса, и будут питаться себе подобными, звери – в города, вернее, в то, что от них останется в виде «груд». Ужас! Последние годы весь Интернет и эфир забит сведениями о «конце света», но его пока нет и в ближайшее время, кажется, не предвидится. А, впрочем, как знать и кому знать? Климат меняется слишком быстро – на виду у живущего поколения людей. Цивилизация приспосабливается к этим переменам, но что впереди – никто толком не знает. Может быть, одна Астри...

Борис думал об этом и с восхищением смотрел на расцветший цветок женской красоты – предмет своего обожания и едва сдерживаемой страсти. Ему совсем некстати было совмещать свою работу с нахлынувшими на него чувствами. Если бы она была просто ведьмой (ведьма – от слова «ведать», – знать), ему было бы проще. В Центре было много всяких эзотерических, экзальтированных особ, посылающих ему томные взгляды. Астри – другая. Вот и его околдовала своей исключительностью и трепетной беззащитной нежностью. Тревога за Астру резко сжала сердце Куратора. Он взял её за руку и повел домой, в апартаменты.

ГЛАВА 5. ЯЗЫК БУДУЩЕГО

– Сегодня, Астри, ты будешь спать без сновидений. Тебе надо отдохнуть от работы. Профессор Знаменский придумал, как это сделать. Это особый препарат, невредный, очень действенный, который даст тебе возможность никуда не уходить от нас. Сон нужен человеку не только, чтобы выходить в иную реальность, а просто отдыхать, – увещевал Борис.

– Нет! Я не смогу заснуть. Мне страшно. Меня предупредили, что это будет последний раз. Я и так много вам рассказала, придется отвечать за это. Они там все знают. Препарат не поможет. Сделайте так, чтобы я не смогла заснуть. Есть ведь и такие препараты?

– Есть и такие... Но ты долго не выдержишься. Это убьет тебя, Астри. Ты же знаешь профессора, он сделал для тебя эликсир, и тебе стало хорошо. Теперь он знает, как помочь тебе, чтобы ты просто отдохнула, как все обычные люди. Жизнь стремительно сокращается, если совсем не спать. Организм не выдержит. И мы тебя потеряем...

– Мне все равно. Раньше, когда я спала, меня никто не тревожил.

Астри видела чистые реки и леса, полные птиц и зверей, красивые города с веселыми счастливыми людьми, и много детей, эстакады, воздушные трассы, серебристые небоскребы и даже плавучие города, похожие на райские острова. Но потом все стало сворачиваться, меняться, исчезать. Многие города и страны остались без энергии. Стало темно. Люди начали уходить в леса и создавать там целые поселения. Одни называли их «Город Солнца», другие – «Слобода». Они старались там создать новый мир без электричества, связи, информационной сети, без магазинов и больших заводов. Питались тем, что выращивали на огородах и добывали охотой. Они молились Богу и были счастливы. У них рождалось много детей, и некоторые были им непонятны. Эти особые дети были мудры не по годам, как будто знали всё с рождения. Так, среди обычных людей появились некие странные детские личности, кото-

рые превосходили взрослых по глубине познаний. На Земле осталось мало таких мест, где еще была цивилизация высших достижений. Но там была новая энергия, которую можно было получать из воды и любых других субстанций путем расщепления молекулярных связей. Для этого люди применяли «голубой луч» и плавающие высокочастотные вибрации...

– Астра. Мы все знаем из твоих снов. Но ты никогда не говорила так...

– Там у меня были Учителя. Я не могу объяснить, откуда у меня знания, но понимаю язык Будущего, как будто знаю его с детства. Это такие символы по шкале Йарольца, которые одновременно обозначают звук, цвет и состояние.

– Да, мы разработали классификацию по структуре информации. Сначала точка – цифра. Она отображает самую простую переменную. Потом вектор, матрица – двумерная, многомерная. Далее слово – вектор из букв, предложение, абзац, текстовый блок. Все это – лингвистические переменные. И на более высоком и сложном уровне – новая единица измерения более высокого уровня – те чувства, которые вызваны художественным описанием. Это алфавит души. И он нами до конца не исчерпан, поскольку есть еще и невыраженные чувства и состояния, которые словами не опишешь.

Астра начертила в воздухе один символ: восьмерка в овале. Пояснила, что этот символ звучит как «Уол». Его цвет – серебристо-белый, состояние: равновесие, равенство, союз, оборона. Он скрепляет и уравнивает, является основой создания более сложных символов.

– В нашем алфавите это аналог буквы «А». Если разомкнуть «восьмерку» сверху и снизу и также развернуть дуги овала, получится тип песочных часов. Это последний символ – «Ывва». Цвет темно-фиолетовый, состояние разрыва, напряжения, похожего на натянутый лук – вход, из которого невозможно выйти...

– Потому что там – путь в никуда, – перебил ее Борис. Ты ничего не говорила нам про эти символы. Правда, мы видели в твоих графических ретрансляциях какие-то странные иероглифы. Мне запомнился один такой «хвост», состоящий из кругов – один меньше другого и приподнятый, как у собаки породы лайки. Ты знаешь такой символ?

– Ты говоришь об «Эшша». Золотой с малиновым отливом. Состояние полного удовлетворения, сытости, довольства. Он похож на рог изобилия, полную чашу, и многие стремятся к нему, как к манне небесной. Его номер – 13-й. Символ искушения. Надо, наверное, восстановить весь этот ряд. Но я ничего не записывала, можно вспомнить хотя бы некоторые символы, может, что-то и получится.

Куратора охватила «золотая лихорадка» познания. От такого неожиданного поворота речи Астры

он сильно взволновался. Она уже в который раз ошеломляла его в этот вечер. Он боялся спугнуть её, проявить свой пыл и удивление, изо всех сил стараясь сберечь внезапно открывшуюся сенсацию.

– Знаю, о чем ты думаешь, я читала эти послания, могу передать смысл, но нарисовать картинку – вряд ли. Все не помню. Вот только одну: Ывва и Уол, как яйцо на подставке. Означает: Конец там, где Начало.

– Иными словами «Если нет Выхода, ищите Вход»?

– Примерно так. Это Петля Времени. Она похожа на искривленные песочные часы. Когда Время кончается, часы переворачиваются и все начинается сначала, как с конца, только Время идет в другую сторону...

– Время идет вспять? Но куда – обратно по прежней траектории?

– Нет, по другой. Сначала очень медленно, потом все скорее и скорее, пока не превратится в Точку. Ползет, идет, бежит, катится, летит...

– А... что, мы уже летим?

– С огромной скоростью, за которой едва успевает биологическая жизнь.

– Да, в этом что-то есть. В прошлом году мы наблюдали несколько феноменов с растениями. Едва поднявшись из почвы, некоторые культуры вдруг выдали семена. Мы видели целые поля почти зеленой пшеницы на коротких стеблях, которые начали колоситься. Лук и чеснок, бобовые, – то же самое. Теперь многое начинает проявляться... Астра ты говоришь странные вещи.

– И это еще не всё. Такие изменения с растениями, животными и людьми происходят тогда, когда они попадают в «провалы времени» – это похоже на временные волны. Время идет неравномерно, как будто кончился штиль на море, и пошли волны в преддверии грозы и бури. Если человек или растение попадает во временной разлом, у него меняется генетика и биологические свойства. Но не у всего, что мы видим, происходит так. Рядом будет поле, где злаки вырастут нормальными. Нормы пока больше, поэтому такие случаи, как дети старцы или ранние бобовые – аномалии, исключение. Но всё это будет чаще и чаще. Люди привыкнут...

– Девочка моя... Как ты всё это выносишь? Для обычных мозгов всё это непостижимо, но мы – тоже другие. Мы изучаем будущее, и ты нам в этом здорово помогаешь. Но сейчас уже далеко за полночь, и нам пора. Пойдем, ты все-таки постарайся уснуть.

– Я не могу спать...

Несмотря на детское сопротивление сновидицы, Борис завел ее в комнату, где их ждали полусонные Кэт и Арон. Затянувшаяся вечерняя прогулка была вне графика. Кэт молчала. Её взору открылась внештатная картина. Астра прильнула к плечу Бориса и

томно смотрела на него. Куратор бережно вёл девушку, а в его глазах мелькал какой-то странный блеск. Арон тихо вышел, полагая, что его присутствие здесь неуместно. Кэт спокойно взяла Астру за руки и стала готовить её ко сну. Недоумению не было предела. Борис Брейс не стал ничего объяснять, дав волю женскому воображению. Показал Кэт жестом, что после окончания процедур, он ждет её в своем кабинете, чтобы сказать что-то важное.

ГЛАВА 6. ГОЛУБАЯ КОЛБА

Несмотря на усталость, после прогулки по парку и хорошие виски, в эту ночь Ольга Григорьевна не могла уснуть. Её мозг гудел, переполняясь смесью завышенных ожиданий и дурных предчувствий. В горле стоял ком, в голове – спрут. Такого состояния у неё не было со времен предвыборных войн, когда оппозиция буквально валила её построения, пускаясь во все мыслимые и немыслимые происки, против которых «черный пиар» казался смешной шуткой. По-женски она чувствовала: земля горит под ногами, хотя никакой информации по вербальным каналам не поступало. Позвонила сыну Иллариону (Ларику), хотя было поздно, убедилась, что у него все в порядке, он на месте. Потом ходила по пустым тёмным комнатам, стояла у окна, думала, пыталась лечь и заснуть. Но нет, никакого сна не было и в помине: «Завтра на работу, к 12-ти придет Глинский, надо было пригласить его после обеда».

Орлова давно работала в свободном режиме. «Подо мной нет будильника, надо мной нет начальника», – с иронией думала она о себе, вечно занятой и не свободной. Но пока ничем не могла объяснить своего состояния. Может быть, её волновало молчание Бориса? Она позвонила Арону, узнала, что муж в Лаборатории расшифровывает записи снов ясновидящей... Вроде бы там все понятно и спокойно. Но – что тогда?

Ревность. Её мучает ревность... Ольга распахнула бархатный халат и уронила роскошное тело на пустую постель. Закрыла глаза и предалась медитации. Ей хотелось «увидеть» своего Бориса и понять, что происходит возле него. Алкоголь мешал найти нужное состояние, настроиться на волну. В голове полная муть, в которой металась и переплетались какие-то серые водоросли с кистями рук, манили и отталкивали её, перерастая в черную реку, по которой неслась её душа в пропасть, все быстрее и быстрее...

Ольга резко встала. Так нельзя. Опьянение прошло, но сумбур такой, как будто она отравилась. Тошнота была не в желудке, а в самом мозгу. Вода, только холодная вода поможет ей! Эликсир молодости и здоровья. Ольга запомнила пожилую женщину, которую она в своей юности случайно встретила на остановке автобуса. На вид незнакомке можно было дать

не больше пятидесяти. Она пристально посмотрела на стройную молодую красавицу и магически произнесла: «Вода. Холодная вода. Мне 75, никто не верит. И ты будешь жить долго, очень долго. Запомни – лед и вода, вода и холод. Прощай...». После этих слов странная женщина быстро растворилась в толпе. Орлова забыла о ней надолго, пока не обнаружила на своем теле неприличные неровности и деформации. И вдруг её как током ударило: лёд и вода, вода и холод! С тех пор вот уже несколько лет она обливалась холодной водой всюду, где могла её найти. В лучшем случае – колодезной, талой, в худшем – из-под крана. Выбора не было, и Ольга решительно вошла в ванную – прямо под ледяной душ с большим напором.

Решение пришло как всегда неожиданно и четко. Надо срочно организовать какой-нибудь симпозиум, пригласить известных ученых, экспертов, вызвать Гарика, предать проект более широкой гласности, «размыть» секретное ядро дымовой завесой карнавального пиара. Для усиления позиций будут нужны политики и чиновники высокого ранга. На уровне губернатора. Когда решение принято, становится легче. Ольга была сильным психологом и понимала, что с ней могли сделать независимо от её воли. Проект стремительно уплывал из ее рук, хотя формально она была держателем юридической «оболочки». Это было незаметно, но она чувствовала: Борис не на шутку увлекся своей подопечной. Это может вообще сорвать все планы. В Институте развития человека проверка за проверкой, как будто кто-то специально наводит не неё неприятности и ввергает в немыслимую суету. Вместо того, чтобы заниматься прогностической аналитикой, строить модели будущего на основе той информации, которая была собрана за последние полгода в ЦРБ, приходилось отбиваться от фискалов и «по полету мух осваивать циферблат своей судьбы».

Ольга почти заснула, когда в спальне раздался звонок с домашнего телефона. Включился автоответчик, но она не могла поднять головы, сквозь сон услышала, что это был Гарик. Только он мог позволить себе звонить по ночам «папессе», и в это время у него самая активная творческая жизнь.

– Олик, Ау! Вылетаю утренней лошадкой. Завтра буду у тебя. Готовь холодильник. Есть новости. Целую, пока...

Утром Ольга посмотрела на себя в зеркало, отражение ей не понравилось. Лицо казалось чужим, в глазах не было озорного блеска, и откуда-то изнутри проглядывала сдавленная тревога. Боевая раскраска тут не поможет. Нужно что-то кардинальное. Эфир!.. Борис принес его из лаборатории и хранил в сейфе. Ольга знала о его свойствах, но применять не думала. Экспериментальный образец, до конца не изученный. Она подошла к сейфу и открыла его. Код был ей известен, ведь муж сам просил её придум-

мать такое сочетание букв и цифр, которое сложно забыть. В сейфе стояла колба с голубоватой жидкостью. Кроме колбы, там были еще и бумаги, которых раньше она не видела. Что это?

Орлова начала быстро листать папки с документами. Тут ей стало не до эфира. Это были записи снов Астры. Владая техникой быстрого чтения, Ольга просматривала одну страницу за другой: «Отвесная скала рухнула, рассыпалась в песок, когда на неё направили голубой луч. На том месте появилась светящаяся, густая и тягучая масса, поглощающая всё вокруг. Почва, трава, кусты и камни: все, что было под скалой, стало превращаться в однородную кашу, которая съедала всё, что с ней соприкасалось. Каша поглощала всё под собой и проваливалась в воронку. Но её сила постепенно кончалась, и, казалось, нечто микроскопическое снова выпрыгивало из неведомого плена, хаотично образуя причудливую пену и игольчатые кристаллы...».

«Луч разрушил электронные атомные оболочки», – подумала Ольга, – действие луча закончилось, и материя снова стремилась занять привычное состояние, увеличиваясь в размерах, формируя любые подходящие вещества с минимумом свободной энергии. А свет вокруг субстанции – это, скорее всего, пересыщенный свободными электронами плазменный слой». Ольга продолжала жадно читать: «...уколами голубого луча можно превратить всю планету в однородную массу. Уникальное плотное вещество. Всё, что попадает на пути голубого луча, превращается в нечто. Живые организмы и объекты неживой природы. Дом с мебелью, людьми и предметами быта становятся после удара лучом чем-то вроде жидкой лепёшки. И, пока она не застыла, она съедает все вокруг...».

Ольга была в шоке. Уж кто-кто, а она давно знала, что есть команда учёных в одном из военных подразделений, которая несколько иначе смотрит на природу электронов, как на колеблющиеся упругие уплотнения в структуре эфира. В одном атоме могут стабильно сосуществовать такие уплотнения, если находятся в противофазе. Ортодоксальные учёные это называли полуспином. Но, если настроить частоту и длину волны мощного лазера на колебания электронов, можно ввести их в единое когерентное колебательное состояние и нарушить стабильность не в одном конкретном атоме, а целом куске вещества. Обычно электроны приходят в движение, когда один замещает отсутствие по соседству другого электрона, как в эстафете, при этом структурная решётка вещества сохраняется. Но в данном случае все электроны вытесняются на периферию луча, а всё, что в центре, стремительно уплотняется.

Откуда у «полусъехавшей» Астры могут быть такие серьёзные сведения? Что там еще? Плавающие

города, похожие на поплавки, гигантские кристаллы пресной воды, голограммы на небе, летомобили-«стрекозы», огромные дирижабли в форме тарелки и «дыни»... Ольга быстро перебирала страницу за страницей. Ей открывались горизонты будущего, о котором она знала многое, но далеко не всё. Всё знать невозможно.

И вдруг её поразило, как током: «Над городом завис огромный летательный аппарат, и начались сильные вибрации. Город погрузился в хаос. Автомобили кидались друга на друга, разбегались с дороги на тротуары и обочины, как испуганные тараканы. Люди с безумными криками выбрасывали из окон вещи, мебель, и кидались сами вслед за ними. Массовое стремление к суициду в одночасье охватило людей. Многие бежали с обезумевшими глазами и орали, охватив голову руками. Боль, невыносимая боль и дикий страх заполнял всё вокруг. Людям было невыносимо жить. Состояние жизни было несовместимо с самой жизнью. И они стремились как можно быстрее избавиться от неё, уйти, чтобы не чувствовать этой невыносимой муки, адской, разрывающей мозг и сердца. Толпы людей, застигнутых врасплох прямо на улице, гибли на глазах. Это была первая атака сверхмощного психотронного оружия, вызывающего состояние «невыносимости жизни». Спаслись немногие, некоторым не хватило времени, чтобы покончить с собой, и они остались жить, но психически больными. Спаслись только те, кто в момент атаки находился в воде...».

Вот это номер! Орлова была в шоке. Это же был её прогноз, в который она никого не посвящала, опасаясь, что про новое оружие массового психического поражения говорить пока рано. Почти все её прогнозы такого рода не воспринимались seriously, и лезть в военную сферу она все-таки не решалась. Точность описания и подробности воздействия на людей нового типа оружия поразили её. Да, именно так проецировалось ею самое страшное оружие нового века. Кратковременное сильное импульсное воздействие на мембраны клеток человеческого организма, вызывающее ошеломляющий дисбаланс работы всех клеток организма, в особенности нервных клеток, и полный дисбаланс функций мозга, мгновенное сумасшествие, распад личности, абсолютное неконтролируемое состояние и безудержное желание смерти...

Психологическое образование Ольги не прошло даром, она быстро прикинула, что толщина мембраны клетки не более 8 нанометров, а электромагнитное излучение с такой длинной волны способны создать лишь в нескольких секретных лабораториях лазерными установками с охлаждением на жидком азоте на очень короткое время.

Ольга Григорьевна была растеряна и подавлена. Записи жгли ей руки, но выпустить их она уже не мог-

ла. Машинально засунула пачку бумаг под подушку и открыла колпачок с голубой колбы. Эфир окутал её, успокаивая волшебными волнами. Через несколько минут невыносимого блаженства Ольга очнулась. От тревоги и страшных снов не осталось и следа. Эфир начал действовать. Ясный холодный ум, сильная энергетика, ощущение полного здоровья и молодости, яркая необычная красота, – всё это сошлось быстро и сразу. Эффект поразительный! Женщина долго смотрела на себя в зеркало и не могла оторваться. Ей хотелось двигаться, танцевать, летать, говорить и петь одновременно. Ну, прямо крем Азазелло! Все прочитанное показалось ей чем-то ненормальным, нереальным, смутным наваждением. Ну, совпало. Бывает. Нервы стали стальными, кожа свежей и румяной. Голубая колба была пуста...

ГЛАВА 7. ОХОТА НА ВЕДЬМ

Полковник полиции Матвей Иванович Колечко по кличке «Кулинар» плотно сидел в своем начальственном кресле и с упоением, достойным лучшего применения, читал справку о состоянии дел в ЦРБ. Это было вкусное «читиво», начиненное всякого рода «чертовщиной», из которой, однако, можно было выудить рациональное зерно. Ему, человеку с сильной энергетикой земного существа и неуязвимой ментовской логикой, любителю сальных шуток, было не просто любопытно. Колечко добывал эту «инфу» по наводке. Знал, что она понадобится, и вот вчера был звонок от сопредельного ведомства по поводу этого «центра», мол, нет ли у вас чего такого, что может вызвать интерес спецслужб.

Опытный полковник давно знал о ЦРБ, но до сих пор это не вызывало у него крайнего интереса, кроме простого житейского любопытства. Знал он об этом еще и потому, что в этом Центре получали работу бывшие зеки. Они там не только убирали, стирали, готовили, в общем, занимались обслуживанием и охраной, но и находили «защиту от демонов», которые одолевали их по жизни. В этом Центре было много всяких магов и экстрасенсов, от которых Колечко всегда мутило, но бывшие заключенные, особенно политические, были к ним весьма благосклонны.

Информатор по кличке «Псих» был из числа «политических». В тюрьму попал за неискоренимую страсть к «писательству» – описал кого не надо... Псих, по мнению полковника, был одаренным писателем. Его хлесткие характеристики и сравнения нравились юморному менту.

«Блаженная девица каждое утро видит сны несуразного содержания и с видом Богородицы вещает об этом директору ЦРБ. Она мало ест и ничего не делает. В её меню добавляют какие-то специи для возбуждения аппетита, но она все равно худеет и бледна, как полотно. С помощью

этих специй и какого-то эфира, по всей видимости, наркотического свойства, она ни о чем не думает, кроме снов ничего не видит и находится, по мнению ясновидящей Магды, в критическом состоянии».

Матвей Иванович смутно представил себе бледную девицу, которую «используют» для экспериментов, не давая ей никакой личной жизни, и ехидно ухмыльнулся. Ему вдруг пришла в голову мысль о составе преступления. Тут налицо явное нарушение прав человека. Если её держат в Центре насильно, дают какой-то наркотический напиток, конечно же, против её воли, то можно это дело раскрутить. Ведь у сновидицы есть законное имя, год и место рождения, какие-то родственники. Может быть, она где-то прописана. И откуда она такая взялась? Колечко охотился азарт бывшего следока.

В этом Центре, по сведениям его информаторов, начали крутиться большие деньги. Даже очень большие... И никто пока не может под него подкопать. «Какой же я идиот! Как сразу не догадался?» – приставив указательный палец к толстому лбу, резко подумал полковник. «Вот она – зацепка. Надо срочно дать команду нарыть досье на эту девицу». Он схватился было трубу, но осекся и решил дочитать опус Психа до конца.

«Директор ЦРБ по прозвищу «Куратор» балдеет от этой девицы и считает её сны провидением. Было замечено, что он водил её по парку до полной луны и пытался приставать, от чего она отказалась и прикинулась дурой. Этой спящей принцессе господин Б. Брейс создал особые условия, окружил её комфортом, изолировал от других членов сообщества. В то время, как ясновидящая Магда живет в невыносимых условиях без души, да еще рядом в номер ей подсадили якутского шамана с бубном, преподобная Астра размещается в двух комнатах на третьем этаже, занимая вместе с прислугой площадь не менее 100 кв. м., да еще располагает отдельной ванной и уборной, к тому же её одевают в дорогие платья и приставили к ней массажиста и психолога. Когда она появляется в парке, других туда не пускают, чтобы она гуляла в одиночестве в сопровождении девицы Катерины (по кличке Кэт), которая следует за ней по пятам, либо Куратор водит её по парку с неизвестными никому целями. Все другие адепты в это время испытывают дискриминацию в отношении себя и считают, что их не ценят...».

Полковник откинулся в кресле и попросил секретаршу Леру налить ему «зеленки» – так он называл круто заваренный зеленый чай. Читать надо внимательно, а там пошло про Магду и всякого рода притеснения с подробным описанием, так что надо сделать паузу. Магда была единственной «приживалкой» в ЦРБ. Все остальные приезжали

туда в командировку, потому что имели на местах свою практику. В Центре неплохо платили за информацию о будущем, вот все и старались изобрести что-то сенсационное. А Магда была одинокой ведьмой, и ей уже ничего не было нужно. Нашла для себя уют в Центре и вела там свои интриги между новыми и старыми членами сообщества экстрасенсов, пытаясь завоевать право называться Верховной Жрицей. «Псих» постоянно терся около неё, пропитывался информацией. Она стала ему вроде матери, которой он не помнил. Вот и старался для Магды, чтобы её усилить. Так его заклонило на Астре – сопернице.

Матвей Иванович был проницательным, прекрасно понимая суть «психологии индивида», недаром же он изучал это предмет по курсу. Он знал про Магду, так как в каждом писании «Психа» было много о ней. Ведьма была не столько знатоком будущего, сколько прошлого. Она с точностью до фактов, которые можно было подтвердить, могла описать, что было давно в том или ином месте. Колечко с иронией относился к такого рода деятельности, на сделку с Дьяволом не шёл и никогда не стремился вступить в контакт с «темными силами». Ничего из того, о чем говорила Магда, по словам «Психа», не проверял. Но теперь вдруг ему с нетерпением захотелось проверить кое-что. Магда начала интересоваться его больше, чем абстрактная Астра. Она знает прошлое, а прошлое всегда предсказуемо.

Он достал ранее написанные «отчеты» своего информатора и стал их перелистывать. Так, вот оно: «Девушка родилась на большой реке синей воды от старой матери. Её рождение было делом тёмных сил, демонов Планеты Зла (Плутона). С детства она была слаба здоровьем и умом. Ночь и день путала. Сны и явь не различала. Потом ушла в лес, на дивные горы. Лес там был дикий, и безлюдно. Приютил её тихий отшельник-дикарь – одинокий монах. Он её лечил, учил. У монаха серебряный крест с рубином и волшебная кадка для воды. Вода в ней целительна. Девушка пила её и видела сны, но никому не сказывала. Только мечтала. Так и не научилась ничему...».

Весь это бред, по мнению полковника, написанный старообразным стилем, который перенял «Псих», не мог подлежать его серьезному изучению, но какие-то признаки здравого смысла он там увидел. Дивные горы... Дивногорск? Река синей воды – Енисей. Что еще? Многодетная семья, которая потеряла девочку подростка. Так и не нашли. Значит, есть какая-то информация о пропавшем без вести ребенке. Надо искать. И еще: мать её была в приличном возрасте, как говорит Магда. Это ценная информация.

Полковнику было неприятно опираться на это словоблудие, но других наводок не было. В его

практике были случаи, когда работники правоохранительных органов обращались за советом к так называемым ясновидящим. Иногда они выдавали случайные версии, которые при проверке, бывало, оказывались верными. Никто так и не верил в чудо, как не верят фокуснику иллюзионисту. Все равно обманет. Результат объясняли тем, что эти странные люди с психическими отклонениями имеют фантазии, данные им от природы, которыми пренебрегают нормальные люди, служащие в органах.

Последние годы его сослуживцы, особенно оперативные работники и следователи, начали пользоваться подобными услугами. Некоторые даже слишком увлеклись разного рода чудиками. Это обстоятельство тревожило руководство в лице Матвея Ивановича. Но и его высшие начальники, как выяснилось, тоже иногда негласно обращались за советом к магам и экстрасенсам, скрывая друг от друга. Подумав обо всем, Колечко решил, что и ему тоже можно прибегнуть к пародии подобного рода. И он начал делать свою работу.

В конце дня у него уже были сводки по краю, в которых значилось, по крайней мере, до двух десятков подобных случаев исчезновения девушек подростков, и три дела так и остались нераскрытыми. Остальное было делом техники. Колечко с удовлетворением, растягивая свое нетерпение до уровня профессиональной страсти, крутил на безымянном пальце дутое золотое кольцо с изображением своего зодиакального знака – Скорпиона. Он спинным мозгом чувствовал, что стоит на правильном пути. «Кулинар» уже понял рецепт блюда, которое ему предстояло не только отведать, но и подать наверх. Дело с ЦРБ обещало быть громким и прибыльным.

ГЛАВА 8. ВИЗИТ ОГАРЁВА

Институт развития человека уютно разместился в отдельно стоящем особняке, отреставрированном по технологии в стиле «ретро». Минувя блок охраны, во двор въехал черный автомобиль, плавно остановился и выпустил из своих комфортных недр породистую хозяйку. Её природное обаяние, подстегнутое волшебным эфиром, было неотразимо.

В приемной сидел Гарик Огарёв, только что прилетевший из Москвы, как говорится, с корабля на бал. Увидев Ольгу, он тихо ахнул: красавица! Естественно, в тот момент у него, как всегда, торчал кусок во рту. Все, что было съедобно, он бесцеремонно вытащил из холодильника Алины еще до прихода начальницы и с наслаждением ел. Гарик был единственным другом Ольги, который мог влезть в её личное пространство, не опасаясь гнева «императрицы».

– Привет, Олик, а я уже тут. Сколько можно ждать? Ты опять опоздала. С тебя рюмка чая.

– Доброе утро, Гарик. Алина, перенеси нам в кабинет все, что нужно. И никого не пускай. Меня нет.

– Да, Ольга Григорьевна. Вам звонил Лев Аркадьевич Глинский, просил передать, что будет через два часа. Что ему ответить?

– Скажи, пусть приезжает, я его жду.

– И еще, Ольга Григорьевна, был звонок из УВД области, я сказала, что Вы будете после обеда. Хотели с Вами поговорить.

– Кто хотел? Узнай и сообщи мне немедленно.

– Господин Колечко Матвей Иванович. У него есть к Вам разговор, как он сказал... приватный.

– Ладно, перезвони ему, скажи, что я в отъезде, пусть приходит дня через два. Все. Ко мне никого.

Гарик вошел в кабинет Ольги как хозяин, знающий все закоулки её начальственных апартаментов. У него было немного времени, чтобы решить все вопросы, касающиеся его бизнеса и просто пообщаться с единственной, по его мнению, королевой «женского легиона». Он всегда любил Ольгу, как ему казалось, с внутриутробного рождения. Но жизнь такая штука, куда вильнет?.. Любовь его была скорее платонической, нежели земной. Гарик давно предпочитал ограничивать контакты с женщинами лишь деловыми и дружескими отношениями. А для Ольги он был лучше всякой подружки. Никогда не предаст, не подставит, не сольёт информацию в сторону, да и приятно с ним чисто по-человечески.

С пыхтением и смешно вытянутой губой Гарик стал вынимать из своей дорожной сумки «гостинцы»: кремчики, масочки, пунджики для пудры, помаду и прочее. В этом наборе не хватало только бисерного чехольчика для зубочистки...

– Ох!.. И это все для меня? Гарик, ты настоящий друг. Люблю тебя безмерно и безотносительно!

Ольга поцеловала его в щеку, а потом резко отодвинула в сторону все выставленное напоказ «богатство», даже не рассмотрев подарки, и, глядя в круглые глаза Гарика, шепотом произнесла:

– Мне плохо, Гарик. Кто-то работает против меня. И ты должен мне помочь!

– Олик, всё для тебя. Скажи, что у тебя болит?

Гарик был слегка подавлен и удивлен. Откуда такой напор и такая энергетика?.. Ольга приложила палец ко рту, приказывая ему молчать о том, что она сейчас скажет, и продолжила.

– Борис давно не живет дома, закрылся в Центре, увлекся этой сновидицей Астрой. Случайно нашла записи её снов в сейфе Бориса. Это какое-то безумие, граничащее с гениальностью. Понимаешь? Там такие прогнозы, – жуть. Про психотронное оружие, «голубой луч»... Все очень сильно изменилось за последнее время. Борис скрывает от меня часть информации. Я теряю контроль над ситуацией. Да и тебе тоже нужны новые фрагменты. Что будем делать?

– Оль, не суетись. Все идет по плану. Твой Борюстик влюбился. Это понятно. Прими это и не волнуйся. Что тебе, мало твоих поклонников? Только свистни. Наверное, плохо свистишь... Что там, в этих записях? Они у тебя?

– Они дома. В надежном месте. Если ты их опубликуешь, будет сенсация. Но мне опасно сейчас выдавать их тебе. Давай подождем.

– Родная, что ты творишь! Мне срочно нужны новые фрагменты для сценария. Сериал идет по полной программе, финансирование гарантировано. Деньги плывут прямо в рот. Я уже перечислил тебе аванс – и нехилый. Лови в течение суток – пару мильёнов. Какая на хрен ситуация? Летит такое бабло, что всех купим. Не переживай за своего Баба (так он называл Бориса Брейса). Он тебя не стоит. Или не стоит?..

– Гарик, пойми меня, – отмахнулась Ольга от неприятных намеков, – Мне тоже многое непонятно. Сейчас мы вытащим на свет эти прогнозы, начнется паника, если поверят, потом разборки. Нужны они нам? Я думаю провести пиар-акцию про ЦРБ. И ты тут мне поможешь. Проведем открытый научный Симпозиум. Пригласим светил науки и генералов от власти, «смишников». Сделаем все по добру, и после этого твой сценарий заблестит. Подстрахуемся немного – и вперед!

– Я уже отправил деньги. А тебя понесло куда-то в сторону. Какие страхи? Кто может посягнуть на Царицу? Ты в своем уме? У тебя десять генералов в пристежке, ты в обойме президента! Разве я когда-то был против того, что бы делаешь? Но в этом случае, извини, нарушение контракта – это слишком серьезно и бьет по карману нас обоих. Так дело не пойдет!

– Гарик! Это уже не шутки. Там про оружие массового уничтожения. Ты представляешь, какие могут подняться шумы из анналов спецслужб? Давай что-нибудь придумаем отвлеченное. Например, про астральный секс или про детей Индиго. У меня много прогнозов на эти темы. Мы их представим как сны Астры. И есть еще одна фишка. Это эфир...

– Какой эфир? Ты мне ничего об этом не говорила.

– Ну, скажи, как я выгляжу?

Ольга встала и повернулась к Гарикю в пол оборота, чтобы он увидел ее во всей красе эфирного превосходства.

– Ну, ты классно выглядишь! Я сам хотел спросить, – очередная пластика? Ты просто красавица, Олик. Женится бы немедленно.

– Это эфир, Гарик. Такой эфир, что средство Макрополуса отдыхает. Борька изобрел эту штуку по снам Астры. И я её сегодня употребила. Ну, каков эффект?

– Дура ты бестолковая. А если это наркотик из будущего? Повиснешь на кукане, и что потом? Да, сегодня ты просто обворожительна, я тебя даже хочу. Расскажи мне про это эфир, что ты чувствуешь?

– Я чувствую сильную энергию, силу, свободу, независимость и... влечение к мужчине. Мне хочется танцевать, петь, летать, творить, читать стихи и болтать всякие глупости. Вот и сейчас, Гарик, уже столько лет, как мы дружим, а мне хочется прижать тебя к себе и погладить твои волосы и плечи... Дай мне это сейчас и немедленно!..

Гарик оторопел от такого натиска, но как вечный друг «царицы» не мог сразу ретироваться. Ольга стала вдруг неистовой и сексуально агрессивной, прильнула к нему и стала проделывать движения из репертуара блудных девиц. Остановить её было невозможно. Гарик был обескуражен порывом, мгновенно представил, как они предались бы любовной страсти прямо на ковре её кабинета... Его окатил озноб... Ольга вдруг резко отпрянула и нордически стойко стала поправлять причёску. Через минуту она была уже в полном порядке и жестко приказала Гарику застегнуть штаны. Он уже успел снять ремень!? Расстегнутый на все пуговицы Гарик обнажил свои невероятные по сюжету татуировки и бесноватый пирсинг, сидел в растерянном виде и тупо смотрел в потолок. Ольге стало смешно: босс крупного медиа-холдинга сидит в таком виде... Она засмеялась звонким вибрирующим смехом, о котором мечтала всю свою жизнь. Ещё в ранней молодости она слышала это смех от незнакомой девушки, которая целовалась в кустах со своим парнем. Смех звенел и переливался, как волшебная флейта. Вот и сейчас, как будто это не из неё, а откуда-то из внешнего космического пространства, пролился маленький водопад волшебного смеха...

– Ну, и что ты со мной делаешь?..

– Успокойся. Это не я. Это эфир. Не знаю, как он действует, но на всех по-разному. Раскрепощает инстинкты. Раскрывает сознание. Обновляет биополе. Этот рецепт есть в нашей лаборатории. Я пока не вникала. Там есть один такой гений, профессор Знаменский. Он каким-то чудом воплощает эфемерные образы в супер-технологии.

– Ольга, слушай меня сюда! Тебе надо немедленно взять все под контроль. Информацию, ключи, пароли. Закрыть все доступы к рецептам. Давай, я подгоню тебе своих спецов. Профи, они все сделают быстро, все ключи будут только у тебя!..

– И у тебя тоже... Знаю я твоих спецов-подлецов. Но ты прав. Я подумаю над твоим предложением. Чтобы как-то прервать давление Гарика, а оно было неизбежно вплоть до полной его победы, Ольга нажала кнопку вызова, и строго спросила, есть ли кто в приемной. Алина ответила, что пришел Лев Аркадьевич.

– Пусть войдет. А Вас, господин Огарёв, я попрошу остаться. Послушаем, что говорит старый мудрый еврей. Нам надо готовить свой план.

Лев Глинский, одетый в черный бархатный пиджак с овальными кожаными коврижками на рукавах и повязанным на шею синим платком, был похож на

актера погорелого театра. Его седая кудрявая шевелюра, кажется, никогда не была в руках цирюльника. В руках он держал старый потертый саквояж из крокодиловой кожи, прижимая его к груди, как ребенка, и с недоверием смотрел на раскрасневшегося лысого ковбоя, вальяжно сидевшего в мясистом кожаном кресле.

– Ну, что вы топчетесь, Лев Аркадьевич? Мы давно Вас ждем и с большим нетерпением. Будьте, как дома. Алина, принеси нам виски со льдом и не забудь нарезать лайму.

– Ольга Григорьевна! Голубушка! Всегда рад, всегда рад... Вижу, что с нетерпением...

– Знакомьтесь, это мой друг Гарри Карлович Огарёв. Президент медиа-холдинга «Планета». Прошу любить и жаловать. Здесь можно говорить. Ольга показала гостю, куда может сесть, открыла «амбарную книгу» и приготовилась слушать и писать. Она всегда писала сама, потом переносила в компьютер. Бывшая студенческая привычка – писать конспекты в одной толстой тетради каждый день.

– Ну, что там у Вас, дорогой Лев Аркадьевич?

– Да, я собственно по поводу нашего с Вами разговора, насчет работы, вот...

– Ну, да я знаю. Вы уже работаете, я Вас слушаю.

– Нет, это я Вас слушаю, Ольга... Григорьевна.

Глинский слегка поперхнулся. Еще вчера при луне они называли друг друга на «ты», и вот какие метаморфозы: сидит такая вся недоступная и непонятно, чего хочет.

– Хорошо. Лев Аркадьевич, постарайтесь за две недели собрать большой Симпозиум в количестве 150 человек – не больше. Мы назовем его..., – Ольга вопросительно посмотрела на Гарика, как будто ожидала от него готового продукта, – назовем его «Формат будущего!» В состав этой группы должны войти вот эти люди по списку и ещё несколько человек: от науки по профильным отраслям, представители бизнеса, ведущие политики, желательны из Москвы, члены Общественной палаты, зарубежные гости, занимающиеся вопросами глобализации, благотворительные фонды, ну, и кого ещё – предложите сами. С вашими связями у Вас все получится. Алина покажет Ваш кабинет, машину с водителем и все такое. СМИ на себя возьмет Гарри Карлович.

Глинский посмотрел в сторону Гарика, который уже сидел, застегнутый на все пуговицы, и пил чай из дорогой кружки. Этот странный тип явно смущал видавшего виды Глинского. Имя у него кавказское, отчество немецкое, а фамилия старорусская. Смесь бульдога с носорогом и русалкой Лилой...

Ольга выдержала паузу, и поднялась, чтобы открыть сейф. По виду своего нового коллеги она поняла, что ему нужны деньги. Набрала код и вдруг вспомнила, что домашний сейф в комнате Бориса остался открытым, а там нет ни бумаг, ни колбы с

эфиром... Её бросило в жар. А если Борис неожиданно вернется, что тогда?.. Но в её сейфе все лежало на месте, деньги и секретные материалы, печати. Все здесь. Ольга вынула из коробки толстую пачку купюр и закрыла сейф.

– Вот вам на расходы, сударь. А сейчас располагайтесь на своем рабочем месте и сразу же начинайте обзванивать всех по списку. Через три часа жду ваших предложений.

Глинский раскланялся и пошел вслед за Алиной смотреть свой кабинет. В его жизни началась новая светлая полоса.

ГЛАВА 9. В ПЛЕНУ ДЕМОНА

Всю ночь в бывшем санатории «Жарки» шел беспробудный дождь. Ветер нагибал кроны вековых деревьев, стволы стонали, предвещая смутные времена. Все окна были закрыты, но в Белом кабинете до утра горел свет. Никто не мог уснуть вместе с Астрой. Наступил кризис, которого все давно ждали, к нему готовились.

В просторном помещении стояла белая мебель из ясеня, огромный овальный стол со стульями, буфет, книжные полки и длинные стеллажи. На полу – светлое ковровое покрытие, на окнах белые портьеры. Никакой пластмассы и пластика. Кабинет был разделен на две зоны. Одна – рабочая, где стояла аппаратура, другая – для совещаний и встреч. Была там и маленькая рекреация для бесед: фигурный столик и два стула с шёлковой обивкой. Светлые тона – кремовый, бежевый, светло розовый плавно переходили один в другой, создавая ощущение объемности и светлого комфорта. Здесь никто не курил, не говорил громко, не шумел и не злился. Кабинет был построен в новом здании, которое называли «терем», но это новое сооружение, надстройка над верхним этажом, была воплощением задумок Ольги в начальной стадии развития проекта ЦРБ.

Все, кто попадал в Белый кабинет, находили там спокойствие, интеллектуальный уют, несмотря на большой простор помещения и высокий, сферический, как в храмах, потолок со светозвуковыми установками. Свет менялся от яркого к более приглушенному в зависимости от времени дня.

В эту ночь в Кабинете был включен более мягкий свет, и несколько человек, которые там находились, сидели почти без движения и думали, как помочь Астре. Она не спала уже почти трое суток, и её состояние вызвало тревогу. Профессор Знаменский, Кэт, Арон и еще два сотрудника лаборатории ждали Бориса Брейса. Борис вошел тихо и попросил Кэт пойти к Астре, посидеть с ней.

– Она боится засыпать. Кошмары усиливаются, и мы пока не можем определить, что это за сущности. Арон, покажи нам последний сюжет.

Сотрудник включил транслятор снов и на экране показались смутные кадры. Серые вихри в виде грязной поземки неслись над пустыней. Вдали синело тёмное облако. Из него вдруг стали появляться странные струи, напоминая щупальца из сюжетов фильмов ужасов. Длинные струи тянулись к центру проекции, туда, где во сне должно быть место Астры. Каждая из струй распадалась на несколько более тонких, слегка светящихся внутри нитей, которые также расщеплялись на ещё более тонкие отростки. Непосредственно возле места Астры уже было столько нитей, что они еле-еле различались друг от друга, чем-то напоминая волосы. Нити обвивали её и словно присасывались, и оттягивали её назад. Вдруг концы нитей выскользнули из Астры, словно миллионы штекеров из своих гнезд. На концах тускло светились бриллиантовым оттенком точки. Их было так много, что свет от них сливался в единое светящееся бесформенное облако. Через некоторое время, равномерно распределённые огоньки начали медленно двигаться, затем быстрее и быстрее, сливаясь в причудливые фигуры. Одни фигуры сменяли другие. Поразительной, завораживающей красоты орнаменты поглощали сознание, не позволяя ни на секунду оторваться от них. Сила гипнотического воздействия оказалась такой, что все сотрудники Центра, кто наблюдал эту картину, не заметили, как уснули. Причудливые демонические картины ещё продолжались какое-то время, пока полностью не растворились в череде мутных картин несущихся по пустыне стихийных песчаных бурь...

Кэт вернулась в Белый кабинет и увидела странную картину. Все, кто был там, спали беспробудным сном. Позы были зафиксированы в неудобном для сна положении, как будто кто-то невидимой волшебной палочкой остановил время. Девушка испугалась и сосредоточилась. На экране монитора отображались смутные вихри какой-то бури, мерно тикали стрелки часов. Тишина стояла оглушительная. Кэт не могла сразу сообразить, что происходит, однако, один из сотрудников, который не смотрел на экран во время трансляции, находился в бодрствовании. Молодой человек был в недоумении. Он посмотрел на Кэт, ожидая каких-то указаний от ведомственной помощницы Бориса Брейса. Они молча переглянулись. Кэт поняла, что произошла внештатная ситуация, и долг обязывал воздержаться от каких-либо предположений. Она дала команду сотруднику отключить всю аппаратуру, все приборы и начала усиленно тормозить Арона. Через несколько минут все присутствующие очнулись и долго не могли понять, что же с ними произошло.

Профессор Знаменский высказал предположение, что это был астральный гипноз, причем фронтально направленный.

– Эти сущности пытались воздействовать на нас через сон Астры. Они обнаружили этот портал, чтобы связаться с нами, передать какую-то важную информацию или заставить нас что-то делать по их воле...

– Значит, они пробрили наш канал! – в сердцах перебил его Брейс, – и теперь мы от них не отделаемся. Началась атака. Надо обезопасить Астру! Борис кинулся в апартаменты сновидицы, за ним едва поспежала Кэт.

В комнате Астры было светло, в открытое окно врывался мокрый ночной ветер, раздувая голубые портьеры. Девушка лежала на не разобранный кровати в платье и... спала. Вошедшие были в шоке... Борис посмотрел на Кэт, как будто пытался остановить её, а сам медленно подошел к Астре, нежно взял за руку, проверил пульс. Да и без этого было понятно, что девушка в полном порядке. Она мягко улыбалась во сне, щеки её излучали нежный румянец, губы слегка влажные, шептали что-то во сне. Борис был растерян, но дал знак, чтобы Арон осторожно подключил к её телу индикаторы и персональный Тор. Необходимость в этом была очевидной. Надо было отслеживать, что же происходит с Астрой там, как она говорила, придавая каждой букве великий смысл, в другой реальности её жизни. Прямая трансляция, к сожалению, была невозможна из-за того, что структура нейронных связей головного мозга у каждого человека уникальна. Записи требовали сложнейшей расшифровки. Арон и его небольшая команда из программистов и математиков создали специальную систему квантовых декодеров, параллельно обрабатывающих сотни миллионов импульсов в недрах головного мозга. Декодеры транслировали сигналы в программу мультимедийной реконструкции, которая создавала образы. Называть это программой было, мягко говоря, слишком просто. Это была сложнейшая система из множества специализированных нейросетей, которые обслуживал мощный квантовый компьютер производительностью в несколько десятков эксафлопс. Образы программа выстраивала в череду кадров, и каждый кадр привязывался к условной временной отметке, поскольку время во сне текло очень неравномерно, то замедляясь, то перескакивая вперёд. В конце реконструкции получался вполне очерченный и целостный сюжет. Астра, после пробуждения и первичной обработки записи снов, давала свои комментарии, описывала эпизоды. Все это собиралось, копилось, анализировалось, и потом кое-что из её снов становилось воплощённой реальностью.

Арон понял, что настал тот самый момент, когда он сможет применить свою новую систему управления обратной связью в реальном времени, реализованную в новой модели высокочастотного Тора. Эта обратная связь была необходима как воздух, пото-

му что на обучение нейросети без учителя уходило намного больше времени. Куратор не придавал особого значения новому Тору, который довольно дорого обошёлся Центру. Он считал это новомодной штучкой, которыми увлекался Арон, но не мог ему отказать в финансировании с учетом его заслуг перед ЦРБ. Теперь же Борис смотрел на Арона с каким-то отчаянием и надеждой.

– А... где твой новый Тор? Давай подключим. А то у нас идет значительная задержка, наши частоты не совпадают с вибрацией той – новой реальности. Там частота стала увеличиваться, не исключено, что и гравитация стала слабее, а у нас она остается прежней. Не знаю только, как это может повлиять на неё?..

Борис смотрел на Астру и мучился от мысли, что использует любимую женщину как подопытного кролика. Ну а как иначе? Теперь есть одно оправдание: он должен её спасти, и все эти действия проводятся ради неё. Но больше этого никогда не будет. Только бы она нормально проснулась, а потом – надо вывести Астру из проекта, постепенно адаптировать её к нормальной жизни. Борис клялся себе в этом не раз, но ничего не получалось. И не только потому, что проект стал приносить колоссальные прибыли, но и по другой причине, ужасной, но неизбежной. Астра не могла стать обычной женщиной. Её было невозможно отключить от снов, как повернуть стрелки часов против часовой стрелки. Она была как бы зеркальным отражением мира, случайно залетевшей в настоящее (для неё – в прошлое) «инновременяной». Но для чего это было нужно?..

Арон подключил новый Тор к системе воспроизведения сновидений. На мониторе появились более четкие очертания. Все это пока напоминало плохо настроенный телевизор конца прошлого века. Вдруг в центре композиции появилась... сама Астра. Она была хорошо видимой, в золотисто-белом одеянии, как Ангел. Шла, нет, плыла с протянутыми руками в сторону синего облака, вокруг которого вились серые кудрявые вихри.

Все присутствующие замерли. Никогда еще они не видели ничего подобного. Вернее, не видели самой Астры в её снах. Сны были её восприятием, как будто она выполняла роль видеокамеры и записывала происходящие в иных измерениях события. Кэт внезапно воскликнула: «Она умирает!.. Это её душа... идет к Богу...».

Никто не отреагировал на слова Кэт, все думали о том же. Знаменский надел на руку спящей Астры широкий металлический браслет: медицинский сканер, – одно из тех самых изобретений, которое было принесено из будущего и воспроизведено для использования в Лаборатории. Сканер фиксировал все возможные параметры физического состояния организма: пульс, сердечные ритмы, кровяное дав-

ление, химический состав крови, пота, изменение распределения напряжённости электрического поля, сверхкоротковолновое излучение и т.п. Всё было в норме. Астра была живой и здоровой. И там в другом мире она тоже казалась живой. Синее облако окутывало её, вовлекая в радужный круг. Она становилась радостной, веселой, глаза искрились, казалось, само счастье идет к ней навстречу. Все с нетерпением ждали, что будет дальше. Концентрация внимания дошла до предела.

В этот момент Астра, лежащая на кровати с подключенными к ней приборами, начала стонать. Этот стон было сложно спутать ещё с чем-либо. Лицо девушки стало меняться. Его мускулы складывались в гримасу невыносимого наслаждения. Тело изгибалось, рискуя сбросить с себя присоски приборов, живот стал напряженным, а длинные ноги вытягивались и сгибались в коленях, чередуя движения в убыстряющемся ритме. Никто не пытался остановить этот танец тела, но тревога росла с каждой секундой. Что это – агония? Или... Или – соитие? Двойник Астры был уже не один. Рядом с ней появился мужчина демонической красоты. Он приближался к ней, прикасаясь к белой мантии, потом отдалялся – ненадолго, и все быстрее кружился вокруг Астры.

Она танцевала в облаке радуги подобно золотой рыбке в аквариуме, все глубже погружаясь в плен любовного торнадо. Демон становился всё активнее, его глаза светились, испуская ультрамариновые блики. Он овладевал своей добычей, обвивая и сжимая её тело. Девушка извивалась, содрогаясь от блаженства. Мужчина резко прильнул к девушке, обволакивая её всем своим телом, и открыл рот для глубокого поцелуя. Этот момент застыл на экране. Из полураскрытых губ Астры, сверкая электрическими искрами, взвилась сине-голубая струя. Она плавно перетекала в мужское напряженно застывшее тело, и оно начинало светиться и пульсировать. Женщина изнемогала от бесконечно длинного оргазма, сотрясающего все её существо, её мантия ниспадала ниц, обнажая прекрасное возбужденное тело... Вскоре фигуры отделились друг от друга, распались в центре радужного облака и исчезли...

Сотрудники Центра находились в некотором замешательстве, они стали свидетелями того, что было исключительно интимным, как в детстве, было сделано что-то недозволенное, и теперь им стыдно перед воспитательницей.

После «сеанса» этого странного сна тело Астры как-то обмякло, кожа покрылась влагой, над верхней губой блестели капельки пота. Растрёпанные волосы, лихорадочный румянец и пульсации внутри её живота не могли укрыться от внимания Куратора. Он был подавлен. Все поняли, что произошло нечто такое, что могло бы показаться чудом, но не для всех.

Молчание прервал Знаменский. С присущим ему профессорским цинизмом он сказал, что некая сущность спроецировала на девственные фантазии девушки, по всей видимости, все эти образы не имеют никакого отношения к реальности иного времени. Мы имеем дело с типичным энергетическим вампиризмом, который для человека проще всего замаскировать под секс, и тогда человек сам всем поделится. По своему опыту психолога он знал, что такие случаи были и с его пациентами, вернее, пациентками, которые встречались по ночам якобы с «инопланетянами», «демонами» и даже «чертями», испытывая при этом физиологическое удовлетворение, а потом – энергетическую привязку и, в конечном итоге, все это кончалось физическим истощением и деградацией личности. Все просто и вполне объяснимо. Тем более, если учесть, что Астра никогда ничего подобного не испытывала, не имела опыта общения с мужчиной, то первый такой «контакт» может стать для неё роковым.

Собственно, все примерно так и поняли суть происходящего. Одно только теперь было странным. На экране больше ничего не было. Астра спала без сна, тихо и спокойно. На лице её светилась странная улыбка. Сотрудники Лаборатории устали. После увиденного и пережитого им самим смертельно хотелось спать. Куратор упал на ложе Астры головой к ногам своей возлюбленной. С ним было всё понятно. Арон оставил приборы в состоянии пассивного наблюдения, и все разошлись по своим комнатам до утра.

...Астра пребывала в неведомом пространстве, где её душа была прикована к точке. Она ощущала эту точку всем своим существом и не могла двинуться ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз, хотя вполне сознавала, что степень её свободы была абсолютной. От этого создавался неодолимый разрыв в плоскости страданий. Движения души всегда обладают даром беспрепятственного полёта, и она привыкла к этому восходящему сладостному потоку в новые неведомые дали, живые миры своей планеты. Города, посёлки, леса, поля, горные реки и равнины, моря и океаны виделись ей, как во сне и наяву, и она чувствовала себя там не столько сторонним наблюдателем, сколько участником событий, вглядываясь в происходящее из глубины душ живущих там людей. А теперь в ней всё клокотало от осознания неизбежности абсолютной несвободы. Бездна вечности и безысходности оплела её смертельными оковами, но она знала, что не умерла, что это не смерть в её окончательном варианте. Взрыв отчаяния был столь мучительным, что заслонил всю память о прошлом. У Астры исчезли все желания, каким могла бы обладать человеческая душа. Осталось только одно непреодолимое и страстное побуждение: вырваться из этой «чёр-

ной дыры», куда-нибудь, принимая любую боль, достичь хотя бы мгновенного покоя. Нет, ей было не больно, это не те страдания, которые известны людям, это нечто иное, когда осознание невозможности бытия становится кристально прозрачным, ярким, чётким, как алмаз, но достичь избавления от жизни – невозможно. Обречённость вечностью не продолжается во времени, как судьба, она просто есть, как данность, без прошлого и будущего, убивая и возрождая душу, пока ты от неё не откажешься. Таков Ад.

Могла ли Астра в таком состоянии мыслить, обдумывать своё положение, искать первопричины его? Не каждому дано испытать совершенство чистого ужаса, от которого разрывает мозги. За что Астра попала в эту плотную чёрную точку, узкую горловину между реальностями, которая была одновременно и бескрайней бездной?

Она уже не первый раз отклонялась от своего курса, когда уносилась в будущее во снах. Там ей надлежало собирать информацию и наблюдать за происходящим. И это давалось легко. Она изучала предметы, читала инструкции, запоминала наглядные тексты. Этому её научил Куратор. Не сразу всё получалось, но постепенно она освоилась и начала извлекать ценную информацию, замещая свои первые эмоциональные впечатления чётким набором текстов и описаний, а позднее, когда Арон изобрёл первый Тор, её образные воспоминания оцифровывались, словно с видеокamеры, и не было надобности запоминать слишком много терминов, которые были ей непонятны.

Несколько лет шла серьёзная исследовательская работа, и Астра стала одним из важнейших адептов по изучению будущего. В ней проснулся учёный, а её творческая натура не давала покоя. Но последние уходы в сон стали вдруг сопровождаться отклонениями в иное измерение, где её ждали совсем иные сущности, не принадлежащие миру живых. Её все чаще влекло к неким демонам. Они тянули её к себе в безумное наслаждение, окутывая спиралью любовных утех, от которых постепенно иссякала её чистая душа, исчезала сила духа.

Последний раз демоническая сущность так зацепила её, что она не смогла вернуться. Вот чего так боялся Борис. Он понимал, куда попала его возлюбленная, и страдал от того, что не смог, не сумел дать ей живую мужскую любовь, сдерживая её в тисках предрассудка. Да и мог ли он знать, что его конкурент был ему не под силу? Сравниться самим дьяволом в изысках сладострастия не смог бы ни один из мужей. Борис сознавал и это, и оттого ему было до боли жаль себя. Он изыскал в своих запасниках литровую бутылку виски и начал отчаянно пить прямо из горлышка, не закусывая и не помышляя о последствиях...

ГЛАВА 10. КУЛЬБИТ ГЛИНСКОГО

Лев Аркадьевич приступил к выполнению задания своей новой патронессы немедленно, и через два часа у него уже был готов сценарий проведения «Симпозиума», хотя, зная греческую этимологию этого слова, ему больше нравилось слово «Конгресс». С помощью Алины он уже разослал приглашения, и приступил к обработке наиболее важных персон, с которыми он был знаком лично. Ему доверили пригласить пару десятков человек по своему усмотрению, и первым на ум пришел его старый друг, однокурсник с кафедры истории и политологии МГУ ныне академик Михаил Цветов, – признанный авторитет в области прогнозирования, автор монографии «Горизонты Грядущего». Прежде, чем звонить академику, Лев Аркадьевич вынул из сети Интернет его объёмный труд, выбрал несколько лаконичных цитат и пытался не только запомнить их, но и осмыслить. Особенно ему понравилась эта: «Будущее отражается в настоящем и прошлом, в нашем сознании и подсознании. Прошлое порождает знания, знания – есть основа мысли, мысль побуждает к действиям, действия ведут к новому будущему».

Да, теперь с этой терминологией придется сталкиваться постоянно, подумал Глинский... Или вот еще: «Воспринимая информацию из будущего в виде прогноза, человек проецирует её в настоящее в виде поступков и действий. Однако ложный прогноз может также эффективно влиять на будущее, как и его истинный вариант, если не брать в расчёт степень веры и/или вероятность ошибки». Глинский такие примеры знал. Подобные технологии использовались в выборных кампаниях, когда в общественное сознание средствами пропаганды вкладывались те или иные предпочтения кандидатов, утверждались желательные версии исхода выборов и так далее.

Цветов развивал теорию Национальной Идеи в виде ёмкой и яркой мыслеформы, сопровождаемой исключительно положительными эмоциями, о некоем «светлом» будущем, к которому у большинства людей возникнет желание стремиться. Он анализировал различные идеи и заповеди с точки зрения их влияния на сознание граждан.

Глинский позвонил в Академию Национальных проектов и узнал, что ныне академик находится в творческом отпуске, сидит у себя на даче в подмосковной провинции. Ну, что же, и там его можно достать. На звонок ответил тонкий детский голосок:

– Дедушка! Тебя к телефону зовет дядя Лёва!

– Ну, малыш, сейчас иду. В трубке послышались звуки скрипящих ступенек, – Да, слушаю Вас!

– Киш-Миш, сто лет не догадаешься, кто звонит! – Глинский предвкушал добрую встречу и назвал своего друга по студенческой кличке, данной ему

в бытность общежитского житья, где будущий академик тайно поедал виноград без косточек, привезенный ему бабушкой его будущей жены – грузинки Нины, за что потом поплатился колкими остротами со стороны студенческого братства. Да, так его мог назвать только один товарищ – Лев Глинский, получивший от будущего академика в отместку прозвище «Глина».

– А!.. Привет, привет, это ты, Глина? Сколько лет! Да столько не живут. Давно ты пропал с горизонта.

– С «Горизонта грядущего»? Читал, читал... Я собственно вот по какому поводу. Тут в Сибири намечается некий прогностический конгресс. Будут люди из Римского Клуба, видные политики, Марков, Азиев, Островский – что-то тебе говорит? Иностранцы и прочее – большой хурал, и я тут в первых рядах, организую, так сказать, Симпозиум... Ты ведь слышал о проекте ЦРБ и его очаровательной ведущей Ольге Орловой?

– Да, конечно. Я знаю Орлову, она выступала у нас на семинаре года три назад. Очень вдохновенно и профессионально. Если бы не её язвительный ум, была бы вполне интересная женщина... Да, хм... Там речь шла об этом проекте, я сам его рецензировал. Проект перспективный. А что, он уже реально существует?

– Не только, но и успешно продвигается. Центр создан и работает, дает результаты. Конвейер по трансформации мыслеформ из будущего работает, горшочек варит. Это твоя тема. Короче, ты в списке, и через неделю мы встречаем тебя в красноярском аэропорту!

– погоди, я тут создаю свой очередной опус, да и внучка меня не отпустит, правда, Леночка?.. Хотя, предложение заманчивое...

– Оно будет еще заманчивее, если я сейчас скажу тебе сумму гонорара.

– Ну, вот, всегда ты так, с этого бы и начинал.

Коллеги обсудили последние новости в области политики, вспомнили о своих «однокашках», пообещали друг другу возлить коньячку за встречу.

– Вот и славно, – подумал Глинский, довольно потягиваясь в новом кресле, – теперь у нас есть большой авторитет, такой щит, который закроет собой все неприятности.

Вспомнив о «неприятностях», Лев Аркадьевич нахмурился и решил подсуетиться – так, на всякий случай. Его старый потёртый блокнот с телефонами рассыпался буквально на отдельные странички, мелко исписанные разным почерком и разными чернилами в разное время. Глинский нашел заветный номерок одного подполковника ФСБ в отставке, который мог найти иголку в стоге сена, и уж тем более вычислить «суку» в любом консилиуме.

– Привет, старина, ты как? Есть работа, которую ты любишь. Не дожидаясь ответа, Глинский сразу же

посвятил офицера в тему, не вдаваясь в подробности исследования будущего.

Подполковник Олег Шилов понял с полуслова, что ему надо делать и тут же достал досье на гражданку Орлову. Ознакомившись с бумагами, прикинул, сколько у этой дамочки из высшего света должно быть врагов и завистников.

Все они в ближайшем будущем будут вычислены и взяты на контроль. Глинский не сомневался в Шиллове.

Дополнительно он пригласил на свой страх и риск Архимандрита Валерьяна Успенского, Председателя Фонда инновационных проектов госпожу Кабирову Раису Дмитриевну, двух докторов «околовсяческих» наук из Новосибирска – острословов и модераторов Горелого и Вишнякова, опального профессора Забродина из Костромы и, наконец, непревзойденного «полицейского» – телеведущего остросюжетного политического коммерческого шоу «Завтра будет Завтра» Ирана Каримова.

Весь этот пестрый сплав был подобран хитроумным пиарщиком с учетом выхода не просто на публичный, но и на экономический эффект любимого им теперь проекта ЦРБ.

Глинский подготовил бумаги и шаркающей походкой видавшего виды чиновника вошел в приемную. Алина предложила ему подождать и подала чашку кофе с таким сногшибательным ароматом, что Глинский зажмурился и подкосился на софу. Он уже почти выполнил свою задачу, осталось только уточнить некоторые детали. Кофе было выпито, потом в ход пошла вторая и третья чашка-малышка. Такими микроскопическими дозами пить кофе ему было непривычно, но что поделаешь – этикет! Новый помощник не мог так долго ждать, сценарий просто горел в его руках. Он с явным нетерпением начал топтать рисунок ковра и, наконец, не выдержал и попросил Алину доложить, что он уже давно сидит в приемной. С выражением слабой надежды на успех, Алина все-таки нажала кнопку прямой связи и услышала радостный ответ – пусть заходит! Но там Глинского ждала неожиданность.

У начальницы уже часа полтора сидел полковник полиции Колечко, и было дано указание никому в кабинет не входить без особой надобности. Глинский, радостно семеня, протиснулся в проем массивной дубовой двери и оказался в пространстве между двумя дверями, – в кабинете слышался громкий и довольно резкий разговор. Ольга что-то раздраженно доказывала своему гостю. Лев Аркадьевич инстинктивно поджал живот и затаился, прислушиваясь к разговору. Он не мог войти так сразу на полуслове, опасаясь вызвать неудобство своим внезапным появлением. Ну, и привычка сработала. Был грех: Глинский любил подслушивать всё, что попадалось под ухо.

– Уважаемый Матвей Иванович! В который раз повторяю Вам, что никакого отношения к похищению девочки мы не имеем. Эта особа – внучка нашего сторожа Акима, может быть и приемная, можно уточнить. Она живет в Центре более десяти лет. Мы дали ей прекрасное образование, и теперь девушка помогает нам. У неё развита интуиция, она подает надежды, но, чтобы вот так огульно, как Вы утверждаете, мы используем её дар с применением наркотиков!..

После слова «наркотиков» Глинский понял, что пора выручать патронессу. Он нарочно долго скрипел ручкой двери, чтобы разговор на повышенной ноте утих, и вошел в кабинет, слегка наклонив голову. Его вид вызвал у полковника слабое недоумение: что это тут за географические новости? Колечко, как ему казалось, был предельно внимательным и дипломатичным, но Орлова, по его мнению, разбушевалась и никак не могла прийти в себя от незаконного «обвинения», с которым пришёл к ней этот полицейский полковник. Собственно, обвинения как такового и не было. Просто Колечко решил немного помассировать ситуацию, внести, так сказать, сомнение в руководство ЦРБ. Этот зондаж был тщательно подготовлен, и явление Глинского было для него нехоти, чего не скажешь об Ольге, которая уже час не могла избавиться от назойливого посетителя. Она уже взяла себя в руки и голосом «пионерки на сборе» представила Глинского во всех регалиях. Ей хотелось немедленно перевести разговор в позитивное русло.

– Простите, у нас тут «неотложка». Готовим международный Симпозиум с участием губернатора, депутатов, общественности. Будет открытая дискуссия об использовании паранормальных способностей человека в области ретроспекции и в прогностической плоскости...

Ольга делала упор на специфической и, в то же время, популярной терминологии, чтобы показать полковнику, как он неуместен здесь со своими подозрениями, когда идет такая важная и ответственная работа. Услышав про губернатора, Колечко немного поостыл и начал медленно с видом обиженного ребенка складывать разложенные им документы. Глинский тут же начал раскладывать свои бумаги, закрывая ими освободившиеся на столе места, и не допуская пауз, в которые мог бы вклиниться пришелец из фискальной структуры, начал быстро докладывать о проделанной работе, перечисляя вслух высокие должности приглашенных гостей. Полковнику вдруг невыносимо остро захотелось предъявить этой расфуфыренной дамочке ордер на обыск, но его пока не было. К тому же он был очарован женской неприступностью, смущался и краснел. И тут Глинский совершил непростительный, на его взгляд, поступок.

– Простите, уважаемый, с кем имею честь?

– Полковник Колечко, начальник УВД края. Матвей Иванович! – человек в погонах встал и подал Глинскому свою визитку. Он уже было хотел откланяться, но суетливый «актеришко», как его мысленно окрестил полковник, поспешно предложил включить в список уважаемого блюстителя порядка, чтобы он мог ознакомиться на деле с интересующим его предметом. Ольге ничего не оставалось, как согласиться. Она с улыбкой доброй феи вынула из-под огромной синей папки два пригласительных, подготовленных ею для VIP-персон, и подала полковнику.

– Это для Вас и Вашей супруги. Думаю, Вам будет нескучно. Кроме научных диспутов, там будет развлекательная программа, фуршет и всё такое... ну, и губернатор, конечно, тоже будет обязательно.

– Хорошо, я приеду. Только вот супруга моя... приболела немного... что-то там по женской части, ей нужно готовиться к операции... Так что я, с Вашего позволения, буду один, – немного погрустневший полковник протянул лишний пригласительный обратным путем. Ольга сверкнула глазами, почувствовав момент удачи.

– Что такое? Какая операция! Мы можем показать её нашим лучшим диагностам. Да и профессор Знаменский делает просто чудеса. Даже и не думайте, везите супругу. Пусть она тоже развеется, можно же совместить приятное с полезным. Если не верите в чудо, то у нас есть высокоточный медицинский сканер, – последнее достижение медицинской техники. Есть специалисты...

– Спасибо, я попробую уговорить. Разрешите идти?!

– До встречи!

Ольга была довольна исходом непредвиденного визита. Глинский, плут, влез без спроса, но очень удачно. Теперь неизбежное посещение Центра представителем правоохранительных органов можно было перевести в русло конструктивного сотрудничества. Нащупав слабое место полковника, Ольга немного успокоилась. Она была бы рада помочь и сама, так как за её плечами был немалый опыт работы психотерапевтом и гипнотизёром, когда ей приходилось лечить довольно запущенные формы фибромиомиома и прочих патологий женских органов без операбельного вмешательства, но не в данном раскладе. Да и практикой она уже давно не занималась. Ольга проводила гостя и облегчённо вздохнула.

– Дорогой Лев Аркадьевич, ты не представляешь, что мне тут пришлось выслушать! Представляешь, какие-то шпионы накатали телегу на Бориса, что он проводит незаконные эксперименты с похищенной или пропавшей без вести девушкой, вызывает в ней видения с применением неких наркотических средств и использует их для получения

коммерческой информации. Это же ужас, что происходит! Лев, что будем делать? На кону такие ставки, Симпозиум. Не хватало нам только криминала.

– Ну что, голубушка, надо было это предвидеть. Ты давно не была в Центре? Давно. Запустила хозяйство, доверилась своему дражайшему супругу, а вокруг него такие непредсказуемые персонажи. Страшно подумать, как все это можно было пустить на самотек! Я тут полазил в Инете и набрёл вот на такую штуку, смотри.

Лев Аркадьевич выкатывал один шар за другим, и все в лузу. В распечатках были «жареные» факты, в том числе о том, что ЦРБ продает феноменальные секреты красоты, принесенные некой сновидицей из будущего, и ещё многое другое, например, что будут курить и пить наши ближайшие потомки. Идея о нео-напитках, которые дарят людям любое искомое настроение, была куплена крупной корпорацией по производству ликеров и вин и уже принесла за год немного прибыли. Технологию засекретили и срочно занялись переоборудованием завода.

Другая история из области моды. Глинский буквально втиснул Ольге Григорьевне в руки распечатку из Интернета: «В ЦРБ получен новый прогноз: в ближайшем будущем наши дамы будут одеваться... в пористые полимеры! Насыщенный газом реагент в баллоне, извергается мягкими пенистыми струями, которые, притягиваясь к телу за счёт избыточного электростатического потенциала, обволакивают его, застывают, реагируя с воздухом, и превращаются в облегающие костюмы с фантазийными узорами и аппликациями. Подбирая разные тона и сопутствующие примеси к полимерной основе, можно синтезировать полотна тканей различного качества, свойства и формировать путем художественной лепки разные фасоны и комбинации. Главным в этом ноу-хау, как утверждают источники ЦРБ, является технология скрепления фрагментов тканей таким образом, что полученные изделия кажутся монолитными, без швов. Это достигается за счёт переполимеризации вещества при соприкосновении кусков ткани к друг другу и нагреве ультрафиолетом. Эти технологии, как нам удалось понять, взяты из будущего, но ещё не применялись на практике. Говорят, что эти новые одежды будут экологически чистыми, приятными на ощупь, «дышащими» и похожими на кожу. Еще они будут держать форму тела, почти не деформируясь...».

Ольга расстроено простонала: «Я знала об этом, но как? Как всё это попадает в прессу?». И, хотя в обзоре речь шла всего лишь об эксперименте, это была информационная бомба. Вряд ли такая информация была доступна широкой публике и даже вызвала бы массовый интерес, будь она разбросана по всем телеканалам, но сам факт утечки прогностических продуктов за ворота ЦРБ был предельно недо-

пустимым. Ольга была в шоке. Ну и денёк выдался ей сегодня!

Глинский все еще говорил о пене, выпущенной из баллона, облегающей тела манекенщиц, как у Ольги начался приступ нетерпимого кашля. Видимо, кто-то вспоминает... Она взяла в руки бумаги, принесенные Глинским, и начала их машинально просматривать.

– А кто это – Шилов?

– А это, голубушка, нужный нам человек, поверь, пригодится. Там всякого народу будет тьма, и кто есть кто, он нам доложит. У меня с ним проблем не было.

– Ладно, доверяю, пусть будет.

Ольга почувствовала смертельную усталость, видимо, начал отходить эфир, да и кто знает вообще, как он действует. Она уже пожалела о том, что приняла препарат глубоко не изученный и странный. Правда, знала о том, что его пробовали в лаборатории на ком-то, и эффект был положительным, во всяком случае, никто не умер, но ей все равно было не по себе. Теперь надо было ехать домой, хотя никто её там не ждал. Ольга быстро собралась, попрощалась с коллегами и уехала.

Дома прослушала автоответчик. Звонил Борис. Он звал её в Центр, просил срочно приехать. Это было весьма вовремя, ведь Ольга сама собиралась ехать в ЦРБ. Пока одна, чтобы разобраться на месте со всем, что там происходит. Потом она прослушала несколько сообщений сына Ларика. Он тоже хотел с ней встретиться, наверное, кончились деньги...

ГЛАВА 11. ЛЮБОВЬ И СЛЁЗЫ

В туманное серое утро ровно в семь часов к Центру подъехала машина Орловой. Её встретил сторож Аким, слегка удивленный столь ранним появлением хозяйки. Слегка поприветствовав Акима, Ольга устремилась вглубь резиденции. «И куда она так торопится? – подумал Аким, – «Все спят, даже прислуга, да и кому в такую рань нужно начальство?.. Господи, сохрани!.. Аким перекрестился робко, по-крестьянски и отошел к себе в каморку.

«Надо бы усилить охрану, а то на весь Центр всего несколько старожиллов. Вот тебе и утечка информации. К тому же Аким имеет отношение к Астре, могут и его взять в оборот. Заберу, наверное, его в город, в Институте же есть служебное жилье, что оно зря пустует! Надо позаботиться о старике», – подумала Ольга. Раньше в усиленной охране не было необходимости, но теперь она появилась. Правда, дорого... Но у Бориса деньги на охрану должны быть.

Центр, как и водится в это раннее время, спал беспробудным сном, только сторожевые собаки жадно вынюхивали, кто приехал в дом. Ольга позвонила в дверь. Там долго и нехотя кто-то возился изнутри, пришлось ждать, стоя на мраморном крыльце,

вбирая в себя зябкую дрожь сентябрьского утра. Наконец-то открыли. Изумленная вахтерша, бывшая заключенная, вмиг проснулась и торопливо начала рапортовать, что «на зоне» все в порядке, все на местах. Как водится, быстро проводила начальницу в её личные апартаменты, помогла поднять две тяжелые сумки, видимо, надолго собралась здесь быть начальница, и, согрев чайник, быстро ретировалась.

Ольга, оставшись одна, хотела прилечь и заснуть после бессонной ночи и трудной дороги, но сон не шёл. Голова гудела, сердце стучало. Она вяло пошла в ванную, пустила холодную воду и тупо смотрела, как она наполняет большой белый сосуд. Вот так и Жизнь – наполняется Временем, заполняя Пространство, – её любимая тема размышлений, – не быстро, если сосуд широкий и большой, и гораздо быстрее, если он маленький и узкий.

Надо было привести себя в норму, немного отдохнуть, выпить кофе и найти Бориса. Он в это время суток должен быть у себя в номере. Но, несмотря на порыв немедленно найти мужа, Ольге уже ничего так не хотелось, как просто смотреть на воду, не отрывая глаз и думать. Внезапный звонок в дверь прервал её.

– Кто там?

– Это я, Кэт.

– А, Катя, заходи, что случилось?

– Ольга Григорьевна, доброе утро, я... хочу Вам сказать, мне только что доложили, что Вы приехали. Очень вовремя, там... Борис Арнольдович... Ему плохо. Надо идти...

– Ладно, я сейчас, через пять минут, где он?!

– Он там...ну... ему плохо. Я проведу.

– Да, да.

Ольга торопливо накинула на себя просторный шелковый халат, и пошла вслед за Кэт по узким коридорам и крутым лестницам, огибая углы и повороты сложной архитектуры Центра.

Комната Астры находилась в особом месте – полукруглой башенке, пристроенной к кубическим формам основного здания, с выходом на просторный балкон, откуда открывался прекрасный вид. Декоративно заросший пруд, аллея, усаженная густыми клёнами и липами, скамейки вокруг большой клумбы с эстакадами и фонтанами, напоминающей огромный кремовый торт, который вкатывают на тележках во время гламурных фуршетов. И одиноко стоящие фигурки ангелов и амуров, розовеющие на утренней заре с одной стороны и пылающие на закате – с другой.

Утренний луч уже вошел в открытую балконную дверь и уверенно встал прямо напротив лежащего на полу мужчины. Казалось, Борис был без сознания, но сознание его было замутнено большой дозой алкоголя. Литровая бутылка дорогого коньяка,

опорожненного до донца, стояла на столике возле кровати, на которой возлежала «спящая царевна». Она спала крепким беспробудно счастливым сном и не могла проснуться. Впервые Астра не видела никаких снов, её душа отдыхала. Будить её никто не решался до особых распоряжений Куратора, который сам был не в состоянии принимать никаких решений. Ольга вошла в комнату, которую она когда-то планировала декорировать для переговоров с нужными интересными людьми и ахнула!

Более всего поразило владелицу Центра поведение, вернее, положение супруга в комнате. Она никогда не видела Бориса в таком состоянии. Он умел пить красиво и правильно, – без последствий. И даже после лошадиных доз любимого виски заметить в нём признаки опьянения было сложно. Всё, что предстало её взору, было за пределами уверенно сложившихся представлений о внутренней жизни Центра. Три месяца её отсутствия многое изменили здесь. Комната Астры напоминала будуар и медицинскую лабораторию, оборудованную приборами новейших технологий. На широкой кровати под тонким прозрачным шатром возлежала внештатная ясновидящая ЦРБ. Её образ с тонким надломом девичьей худобы с едва пробивающимся к свету бутоном тонкой женской красоты мог бы привлечь известных режиссеров Голливуда и уж точно – искусственного в женских образах Гарика Огарёва. В этой трогательной изнеженной блондинке трудно было узнать когда-то пригретую сторожем Акимом девочку-сиротку, вышедшую из лесных кущ.

Ситуация была явно неординарной. Ольга прощупала пульс Бориса, убедилась: жив. И со своим особым умением резко принимать правильные решения в любых сложных обстоятельствах сделала повелительный жест вошедшему в комнату Арону: поднять и положить тело на диван!

Кэт выглядела растерянной. Сначала она хотела дожидаться профессора Знаменского, привести в порядок Куратора до встречи с Ольгой Григорьевной. Вести её в секретные апартаменты в момент самый непривлекательный для Куратора было рискованно. Но Катерина обладала необычайной интуицией. Что-то женское подсказывало ей: надо прорвать назревший нарыв именно сейчас, пока все не проснулось и не покрыли ситуацию лживым глянцем.

Уложив мужа на диван, Ольга попросила Кэт разбудить профессора Знаменского Александра Павловича. У него должны быть препараты, снимающие алкогольное отравление. И только он мог, по её убеждению, разъяснить и разрешить ситуацию. Знаменский был ранним жаворонком, он давно не спал и явился тут же без промедлений. Всю картину происходящего он вдруг увидел глазами Ольги. На кровати, скорее напоминающей любовное ложе, сладко спала подопытная девушка, а Борис в ещё более

постыдном положении мертвецки пьян неуклюже лежал на диване. Два тела, как-то связанные между собой, находились в комнате, которую Ольга облюбовала для своей личной жизни, мечтая после трудовых буден вести с Борисом тихие беседы, глядя в пространство широких окон на шикарный ландшафт.

Подозрения и ревность сыграли с ней злую шутку. Ольга могла бы раздвинуть шторы своих сомнений, опираясь на свои способности видеть то, что не видят другие, но её будто подменили. Сейчас она была похожа на разъярённую жрицу любви, готовую учинить семейные разборки, не дожидаясь более подходящего момента. Разум её явно не торжествовал.

Профессор чувствовал себя как хозяин, знающий всё в деталях. Для него комната сновидицы была всего лишь Лабораторией. Он решил прежде проверить состояние Астры. Сканер показывал состояние глубокого сна, но никаких сновидений не было.

Для Знаменского это было вполне ожидаемым, так как он ввёл в кровь девушки препарат, блокирующий сновидения, чтобы Астра отдохнула от своих впечатляющих путешествий, а последний её вояж просто обязывал врача поступить именно так. Астра спала сном, близким к летаргическому. Ничего страшного и опасного для её здоровья профессор в этом не находил. Он знал, как вывести её из самого глубокого сна. И теперь, вместо того, чтобы возиться с вышедшим из строя Куратором, он стал подключать тело Астры к сильнодействующим поддерживающим препаратам. Наблюдая действия Знаменского, Ольга поняла, что девушка просто больна, и её надо немедленно спасать, иначе причину её смерти придется объяснять ей, – руководителю проекта ЦРБ. Вспомнив неприятный разговор с Колечко, Орлова поехала, как будто её закутали в холодный колючий плед. И зачем она прикатила за пять дней до Симпозиума по зову Бориса, когда надо было спешно готовить презентацию проекта? Она посмотрела на присутствующих, потом перевела взгляд на Бориса и спросила глубоким сдавленным голосом:

– Что это? Что?..

– Это? Любовь, – спокойно ответил профессор, не поднимая на неё глаз.

Зажав в себе поток нахлынувших слез, Ольга тихо вышла из комнаты, быстро спустилась по запасной лестнице и вырвалась в сад. Там, ощутив одиночество и свободу, побежала вглубь парка – к пруду. Её охватило отчаяние. Рыдания буквально душили её. Боль, обида, ревность, – всё сошлось в один горький тошнотворный ком. Это – предательство... Муж предал её, их общее дело, которому они посвятили свои лучшие годы, столько сил! Теперь с отчетливой ясностью ей стали понятны его отговорки, ссылки на усталость, замкнутость и стремление

как можно чаще и дольше оставаться в Центре. Уже почти полгода муж был холоден к ней, отговариваясь дежурными супружескими фразами. Сейчас её меньше всего волновали закулисные дела Бориса, эти продажи гипотетических идей коммерческим структурам, его связь со спецслужбами. Все это отошло на задний план. Женская обида заслонила амбиции и здравый ум. Но почему тогда Борис звал её, почему? Чтобы открыть всё это?! Сделать ей больно? Орлова, Орлова! До чего же ты докатилась...

Ольга пыталась вспомнить тот ключевой момент, с которого началось отхождение Бориса и устранение её от проекта «Астра». Она ведь знала о тех экспериментах, которые команда мужа проводила со сновидицей. Более того, сама санкционировала проект и помогала, как могла, финансами. Первые годы Астра только рассказывала свои сны, и нужен был мощный интерпретатор информации «из будущего», чтобы в течение трех-пяти лет удостовериться, что эта информация вообще имеет отношение к будущему. Она сама много занималась этим. Так прошло семь лет, пока гений Арона и Бориса, психологическая поддержка Кэт и персональное образование Астры не сделали свое дело. Да, именно когда Арон собрал первый Тор и научился транслировать сновидения, всё и началось. Вот он – пусковой момент! Для того, чтобы вникнуть в эти уникальные сны в картинках, несущие поистине драгоценную информацию, необходимо было каждый день подолгу и проникновенно общаться с Астрой, просматривать смутные записи, спрашивать, что означает тот или иной предмет, событие. Так вот и началось духовное взаимопроникновение двух душ – Бориса и Астры.

А девочка начала взрослеть и превращаться в прекрасную молодую женщину, у которой не было никакого общения со сверстниками и близкими. Кто был её семьей? Команда Куратора – Бориса Брейса, который был для неё Царь и Бог. Конечно же, она привыкла к своему наставнику и могла полюбить его. Борис всегда был шикарным мужчиной, от него шло тепло и понимание, с ним было комфортно и хорошо. Когда-то они с Ольгой часами общались, спорили, строили свои грандиозные планы. Теперь это общение как-то растворилось, растерлось, и в душе Бориса своё место прочно заняла Астра. Раньше он думал, что ни одна женщина в свете не могла конкурировать с Ольгой Орловой. Борис любил только её, а к другим дамам относился уважительно, с мягкой иронией. Он терпеть не мог глупых женщин, и в каждой, кроме Ольги, видел ограниченность женского ума, потакание инстинктам, слабость характера, наивную эмоциональность. Жена была вне конкуренции. И вот, надо же, и у Ольги появилась соперница, да какая! Отчаяние усиливалось пониманием того, что с этой любовью ничего нельзя сделать. Этот случай – из ряда вон. Это полный провал.

Остается только принять этот факт, как принимают смерть близкого человека...

Ольга провела весь день в постели, то засыпая, то просыпаясь в дурном предчувствии. Сон одолел её тяжелой силой, и она не могла поднять головы, шевельнуться в его тисках. Проснувшись вечером, поняла, что надо как-то брать ситуацию под контроль. Однако её снова потянуло в сад, то самое магическое место у пруда, в котором её вольнее всего дышать. Там она долго стояла у воды под уходящими лучами осеннего солнца, обнимая могучую старую березу с раздвоенным стволом. Слезы уже не текли рекой, а медленно таяли на щеках. И только плечи слегка содрогались от перенесенной обиды. В этот момент кто-то тронул её за плечо. Это был профессор Знаменский. Он подошел к Ольге тихо, незаметно, стараясь не нарушить «цикла слез», наблюдал за ней, понимая, что сейчас ей необходима поддержка. Долго ждал, откровенно любясь её красотой. Слабость сильной и властной Орловой была редким явлением. Никто никогда не видел её такой. Но в этой слабости в сочетании с женским обаянием была какая-то невероятная притягательная сила. Знаменскому неудержимо захотелось обнять Ольгу, крепко прижать к своей груди, погладить за волосы, успокоить как маленькую девочку, у которой забрали любимую игрушку. Он не умел ухаживать, был предельно прост и прям. И при этом отличался редким мужским даром – чувствовать женщину.

ГЛАВА 12. ПРОФЕССОР ЗНАМЕНСКИЙ

Профессор поднял Ольгу на руки легко, как куклу, и понес к себе в домик, стоящий на берегу пруда. Ольга не сопротивлялась. В руках этого высокого сильного мужчины с грубоватыми чертами лица она чувствовала себя спокойно. В кресле перед камином, в котором уже потрескивал только что разожженный огонь, Ольга притихла и расслабилась. В этом маленьком скромном флигеле ей стало вдруг упоительно хорошо. Все тревоги, сомнения, страхи куда-то испарились. Профессор отогревал её хорошим коньяком и не мешал приходиться в себя. Поправил дрова в камине, присел прямо на меховой коврик у ног Ольги и начал массировать их, постепенно преобразуя легкий согревающий массаж в мужскую ласку. Ольга разомлела от тепла и нежности, её неудержимо клонило ко сну. Знаменский позволил ей заснуть прямо в кресле перед камином, затем аккуратно расстелил шкуры на тахте и перенес спящую Ольгу на ложе. Непозволительно смело распахнул её халат и освободил грудь. Глубокий вздох выдал его непомерное восхищение античными формами женского тела. Он медленно раздевал Ольгу, стараясь не разбудить её. Потом долго любовался ею, умело управляя своей страстью.

Через некоторое время, которое прошло незаметно для Знаменского, Ольга начала просыпаться. Обнаружив себя обнаженной, нисколько не удивилась этому. Неведомая сила прижимала её к постели, хотелось ещё понежиться в этом тепле, приковывая к себе немного диковатый, поблескивающий отражением каминного пламени, взгляд профессора. Он накинул на неё тонкий шерстяной плед и прилег рядом, держа в руках голубую колбу с эфиром. «Ай, да профессор! Ай, да сукин сын!», – игриво подумала Ольга и вдохнула эфир, любезно предложенный ей партнером. Она точно знала, какой последует эффект. Изгибаясь, как молодая пантера, женщина начала свой любовный танец. Профессор был в ударе. Он оказался прекрасным любовником. Незаурядная природная сила в сочетании с психологизмом и мужской интуицией, чередование нежности и напора привели женщину в неопишное блаженство. От прежней усталости не осталось и следа. Энергетика была восстановлена, и в этом профессор видел свою спасительную миссию скорейшей реабилитации сорвавшей нервы женщины.

Флигель был небольшим, но в нём было две комнаты – большая центральная с камином, и маленький кабинет. Кухни не было – только закуток со столиком, где стояла микроволновая печь и огромная несуразная кофе-машина. По стенам зала были развешаны фотографии, амулеты, старинное оружие. Ольга никогда особо не задумывалась о прошлом этого необыкновенного и странного человека. А ведь когда-то у него была семья, дети: сын и дочь... Дочь поразительно похожа на отца. И если для мужчины такие черты можно связать с мужской красотой, то для девочки это катастрофа. Длинное лицо, большой нос с горбинкой, тонкие губы, широкие брови и выдающийся подбородок в сочетании с выпуклыми глазами создавали образ некрасивой, но умной дочери. Перехватив смущенный взгляд Ольги, Знаменский пояснил:

– Это Светлана. Она замужем за арабом. Живет в Эмиратах и плодит мне очаровательных внуков. Счастлива и богата. И ничего странного! Она природная целительница, была на отдыхе в той стране. Случай помог ей спасти своего будущего мужа от неминуемой смерти. И после этого она стала для него священной женщиной. Вот такая получилась любовь...

– Да, интересная история.

– Светка вылечила супруга от рака, и продолжает это делать в редких случаях, когда захочет. Но муж ей не разрешает заниматься этим. И правильно делает.

– Правильно делает... – машинально повторила Ольга.

Она знала эту тему, сама пробовала лечить рак, но сил одной целительницы для этого мало. Чтобы

победить рак, нужно заставить иммунитет больного работать за троих, а для этого необходимо восстановить биополе, создать правильную микрофлору во всей пищеварительной системе, изменить образ жизни, питание, разрушить программу самоуничтожения у больного в голове – избавить от страхов и вернуть веру в себя. Тут надо быть спецом сразу во многих областях. И вот – странно, но факт. Молодая Знаменская излечила рак! Папина гордость.

У Ольги возникло чувство вечного обитания этого сильного человека в её душе, теперь она как будто бы «знала», что так было всегда. У многих людей после близкого знакомства возникает непреодолимая уверенность в том, что они знали друг друга еще «до рождения». Это был как раз тот редкий случай, когда души встретились не по роду кровному, а по роду истинному.

Ольга не могла позволить себе долго оставаться в гостях у профессора, чувствовала, что её уже ждали, но и уходить немедленно не решалась. Её мучили вопросы, на которые мог ответить только он – Знаменский. Профессор уловил мысленные вибрации Ольги и, не дожидаясь вопросов, начал говорить.

– Все файлы последних испытаний находятся у меня. Полное «собрание сочинений». Большая часть снов не расшифрована. Мы едва успевали раскрыть основные темы. Поэтому работы хватит на годы вперед, даже если...

Оба подумали об одном и том же: Астра находится в критическом состоянии и предел её возможностей практически исчерпан.

– Но всё это мелочь по сравнению с главной темой, – продолжал Знаменский, – ещё несколько снов, и мы бы подошли к разгадке временной аномалии. Время там такое плотное, что в наших декодерах всё перемешано. Для того, что мы называем душой, жизнь и смерть теряют своё значение. Душа как бы уходит в субпространство и может задержаться в нём надолго – по отношению к нашему измерению. Для тела это страшное испытание. Душа подобна мухе в паутине. И, похоже, что у этой паутины есть хозяин – паук, живущий на субатомном уровне в структуре эфира. Он и дёргает душу за нитки...

Ольга слегка усмехнулась несвойственным стараниям реалиста Знаменского придать образ тому, у чего есть более чёткое и научное измерение, и, подыгрывая собеседнику, продолжила:

– Энергетическая субстанция, транслирующая энергию Жизни в Ад – из макромира в микромир, – это и есть ваш «страшный паук». Возможно, для этого и выращиваются адепты, которые могут осуществлять переходы из одного мира в другой, – для получения новых доз энергии. У нас уже сейчас есть много кулибиных, которые умудряются на примитивном уровне охлаждать вакуум, извлекая из него избыточную электрическую энергию... И это уже не смешно!

– Ты права, Ольга. Мы видели последний поход Астры в тонкий мир. Он был уже не таким эластичным, как раньше. Она добралась до каких-то пределов, за которыми картины будущего исчезают, как просмотренный фильм. Там есть какое-то зазеркалье, запретное пространство – за гранью Жизни и Смерти. Именно там начинается понимание того, что Жизнь – разрушительна, а Смерть – созидательна. Именно в ней кроется Сверхшение – начало всех начал – переход в следующее измерение. Но на этом переходе есть какой-то «застревающий момент», в котором и оказалась наша странница. Она не прошла испытание, душа её попала в ловушку. Я думал об этом все это время. Почему это произошло? Наверное, бедная девочка никогда не знала любви, поэтому не было ничего такого, что протянулось бы из нашего мира в тот мир и удержало бы её от самозабвения...

– И что же там такого особенного? Арон говорил мне об этом. Это астральные фантазии, воплощение земного секса. Да?

Ольга задала вопрос через паузу, в которой потонула какая-то хорошо скрытая и внезапная идея.

– А что, эти записи уже расшифрованы?

– Да, они есть в Лаборатории, только вот доступ...

– Что доступ? Для меня – закрыт?

– Куратор запретил кому-либо показывать это. А уж тебе – тем более тебе...

– Очень мило. Надо разобраться с этим...

Ольга поправила прическу, как это делают женщины после встречи с мужчиной – легко и кокетливо, но взгляд её глубоких серых глаз был уже далеко. Знаменский позволил себе сделать маленький жест – на прощание: застегнул единственную перламутровую пуговицу на её жакете, как скрепку, которой молчаливо закрыл их маленький секрет единственной ночи откровений.

Александр Павлович Знаменский, написавший десятки кандидатских диссертаций своим коллегам, свою докторскую так и не оформил. Он не раз пытался пробить толщу консерватизма научного общества, но коллеги были неумолимы, более того, своим упрямством он заработал себе ярых врагов. Близкие друзья, коллеги уговорили его защититься по другой теме, не вызывающей у Совета мощных отрицательных реакций. Доктора наук он получил, но, как сам считал – за многочисленные научные статьи по своей теме. Он не был тщеславен и не хотел вдаваться в закулисные интриги научного и псевдонаучного мира, в котором он обитал с чувством великомученика. Всю свою жизнь работал над тем, что его интересовало больше всего: влияние тонких энергий разума и эмоциональных вибраций на здоровье человека. Он был убежден, что физическое тело – макромир, состоящий из атомов и молекул, теснейшим образом связан с микромиром тонких энергетических полей, и состояние тела всецело за-

висит от состояния души. Душу человека он понимал как часть Вселенской Души, был сторонником теории Высшего Разума, но скептически относился к религиозным учениям. Будучи биологом по образованию, он изучил ещё философию, теософию, психологию, глубоко специализировался на психиатрии и фармации. Последнее время стал изучать все виды эзотерических наук, и находил все большее подтверждение своей теории. С женой, которая была фанатично предана классической науке и пыталась влиять на выбор профессора, он расстался. Ей хотелось видеть супруга академиком в Новосибирске, но для этого ему надо было подчиниться негласному уставу современных ученых, а не быть «белой вороной». Элеонора Знаменская была женщиной со вкусом, носила вычурные шляпки, и ей было неприятно, что Александр не стриг свои длинные волнистые волосы, часто был лохмат и даже не брит. К одежде относился равнодушно, некоторые рубашки занашивал до дыр, хотя в гардеробе у него висели не надёванные новые костюмы с тщательно подобранными галстуками и сорочками – для научных конференций. После того, как однажды Знаменский появился на очередном научном слёте в старенькой серой кофте, которая была мягкой, как ветошь, но удобной, Элеонора не выдержала и выбросила эту кофту с мусором. После этого в доме разразился скандал. Кофта, с которой профессор не расставался порой даже ночью, спал в ней на диване в своем кабинете, оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения. Оставив супруге всё имущество и скарб, Знаменский переселился к другу, и вскоре произошла судьбоносная встреча Александра Павловича с Борисом Арнольдовичем.

Борис специально посетил Новосибирский Академгородок, чтобы познакомиться с учеными прогнозистами, поискать столпов науки, проникающих в грядущее. Но таковых истинных светил там не нашёл, зато познакомился со Знаменским – в столовой для профессуры. Поедая дешёвые, но очень вкусные котлеты, Борис невольно прислушался к разговору за соседним столиком. Долговязый мужик с длинными волосами, которого Борис сразу же про себя окрестил Паганелем, громко доказывал своему собеседнику, что энергетика человека является основой его физического состояния. Влияя на энергетические процессы, можно вылечить больного от рака и даже шизофрении. Правда, когда речь зашла о психических больных, собеседник начал парировать. Тогда долговязый выдал такую фразу про информационную матрицу мозга, которую можно «поправить» и вылечить умалишенного, что у Бориса захватило дух. «Наш человек!» – подумал он, и уже через два часа они были в полной уверенности, что нашли друг друга в тот самый день и час, когда этот было предначертано свыше.

Борис предоставил Знаменскому творческую свободу, полный пансион, и, что самое главное, необходимое оборудование и новые технологии. Теперь можно было экспериментировать! О чём ещё мог мечтать фанатик от науки? Знаменского теперь ничего не сдерживало: с женой он расстался, сын пошёл по воле матери и принял её стратегию научной карьеры, дочь вышла замуж. Так профессор оказался в Центре – семь лет назад. Сейчас ему исполнилось 53 года, – не рассвет, но и не закат. Знаменский был полон сил и надежд. Его мечта о преобразовании «чистой энергии» в абсолютное здоровье начала приобретать практический смысл. Благодаря снам Астры он изобрёл волшебный эфир, закончил работу над препаратом, регулирующим сон, вплотную приблизился к идеальному средству нормализации веса. Правда, Борис постоянно прерывал его изыскания – некими «срочными» заказами, от которых зависело финансовое состояние Лаборатории и её оснащение. Знаменский был жаден до новых знаний и нового оборудования. Когда в Центр привозили герметично упакованные ящики, он дрожал, как наркоман перед дозой. Мог не спать сутками, осваивая новые технологии. Коммерческие заказы Брейса он считал «малярством» и делал их быстро, чтобы осталось время для чистой науки. Так, по ходу вальса, была разработана кислотная эссенция для снятия похмельного синдрома – со стопроцентным успехом, которого с нетерпением ждали высокопоставленные алкоголики страны. Препарат был неоднократно проверен среди лаборантов, добровольно принявших на себя груз ответственности за экспериментально «дикое опьянение» с последующим выходом из него за 30-40 минут. Борис делал на него большую ставку, но пока не торопился отдавать на рынок – ждал могущественного заказчика, который вот-вот должен был появиться на связи. Знаменский же был одержим идеей избавления человечества от грехов, которые, по его мнению, были причинами всех болезней, и был убежден, что вся эта продукция, замешанная на грехах человеческих, приведет его к единственному и абсолютно правильному лекарству от самих этих грехов (по принципу «клин – клином»). Им же был разработан лёгкий заменитель героина, избавляющий юных наркоманов от невыносимого зуда и депрессии, женская «виагра» и еще кое-какая чушь с большим коммерческим потенциалом. Люди хотели грешить, без боли и страданий, снимая негативные последствия своего безобразного образа жизни, бесконечно наслаждаться и не платить за это ценой собственной жизни. Он видел, как страдающие от алчности копят камни в почках и желчном пузыре, а тянущие на себя долгий груз обид страдают почечными коликами, как нутряное «ярило» разрывает аорты, а ревность и упрямство мутит мозги до кровоизлияния. Все эти «открытия» он не успевал описывать и тем более доказывать, как это требуют традиции научного мира. Слишком очевидной, по его мнению, была при-

чинно-следственная связь всех этих процессов, что и не требовало доказательств – для него лично.

Сны Астры были нужны ему для понимания более сложных вещей, в частности, теории времени, о которой постоянно говорила сновидица. Профессор теперь не так интересовался здоровьем нации, сколько загадкой долгожительства и, что ещё более привлекало его, – возможность сознательного перевоплощения из одной формы жизни в другую.

Похоже на правду, что Знаменский относился к женщинам как физиолог и антрополог и не мог отличить царицу от прислуги. Личность в женщине он, конечно же, отмечал, но, когда видел личность, не видел женщины. Его тумблер переключился исправно. В тот момент, когда он увидел у пруда плачущую Ольгу, в нем сработал психиатр, который должен был вывести женщину из стресса, потом «включился» мужчина, потому что это было нужно женской природе, к тому же она как хороша была Ольга! Такой драгоценный камень – и без оправы...

Знаменский как никто другой знал, насколько Ольга Григорьевна теперь одинока. Слияние душ своего друга Куратора и его подопечной Астры он наблюдал с самого начала. Акцентируя внимания на своих научных изысканиях, профессор мог бы не заметить времени года, но потоки чувств человеческих не могли пройти мимо него. «Всё встанет на свои места, всё будет хорошо», – мысленно уверял себя профессор, но смутная тревога жгла его сердце предчувствием катастрофы: Ольга пришла, чтобы все разрушить! Общее дело, науку, любовь друга, наконец...

– Не надо, Оля, не надо, – бормотал Знаменский, обращаясь к образу покинувшей его берлогу дамы. Потом начал машинально собирать снопы трудов в папках, чтобы запрятать их, куда подальше, до лучших времен, но внезапно устал и опустился на мягкий стул, поняв всю бессмысленность своей глупой затеи. В центре всё давно уже оцифровано и зашифровано. А если она доберется и до них?!

ГЛАВА 13. ЖРИЦА ПРОШЛОГО

Магда плохо спала в эту ночь и по обыкновению бродила по комнате, бормоча какие-то мантры. На этот раз у неё в руках был серебряный крестик Астры, который она снова взяла у Акима. Сначала сторож не хотел отдавать вещь, единственную памятную, оставшуюся у него с того самого дня, когда старый монах-отшельник привел к нему девочку. Крестик на тонкой кожаной нитке был старым, намоленным. Перед уходом монах бережно надел его на девичью шейку, перекрестил и удалился. С тех пор старовера Никона никто не видел.

Аким снял крестик, когда девочку забрали в Центр, чтобы сохранить наследство монаха. Он верил в ис-

ключительную защитную силу монашеского креста, а там, в «лабораториях», его уж точно снимут, потеряют, чего никак нельзя допустить. Последнее время Астра перестала заходить к нему, а здоровье старика уходило за горизонт, как солнце на закате. Беспокойство усиливалось с каждым днем. Аким чувствовал приближение смерти, от которой его отдаляла одна только мысль – убедиться, что с Настенькой все в порядке. Сердце подсказывало ему: там что-то неладно. Аким знал, какое диво в ней открыли, сам много снов её знал, был первым слушателем. Тревога его нарастала, а тут вот Магда пришла, попросила любую вещь, с которой девочка была неразлучна, если что осталось.

Магда была единственной обитательницей Центра, которая исключительно четко видела прошлое. Будущее было для нее закрыто. Стоило ей прикоснуться к любой вещи – свидетелю прежних событий, нащупать нить времен, и прошлое выплывало к ней в панораме ярких образов и видений. Она уже видела кое-что из прошлого Астры, но эти сведения находились в пространстве её реальной жизни. Теперь ей предстояло проникнуть в глубину кармической наследственности, чтобы понять истоки раздвоения личности Астры, её уникальной способности не только видеть будущее в сновидениях, но и участвовать в его событиях. Что не дано, то и притягивает с большей силой, и Магда хотела уловить слабый след, ведущий в тонкий мир грядущего, пока что закрытого для неё, как тупик в тёмном подвале.

Аким отдал крестик с условием непременно возврата и просьбой узнать, что с Настенькой, как она там, не случилось ли чего. Другого выхода не было. Старый охотник чувствовал, что Магда тоже не случайно пришла к нему, интерес ведуньи был ему понятен. Интуиция подсказывала, что внучку изучают не только там – наверху, куда попала она по воле судьбы. Вот и Магда взялась её изучать, значит, есть на то причина: женское любопытство и желание познать тайну.

Когда-то Магда была рослой красавицей, чернойбровой казачкой с огромными карими, как у коровы, глазами и круглыми щеками с яблочным румянцем. С годами она располнела, сохранив природную статью, лицо отяжелело, а длинная коса украсилась седой прядью. И только глаза по-прежнему сверкали глубоким, как отражённым в колодце, блеском.

В широкой юбке, надетой поверх ночной рубашки с кружевными рюшами, Магда стояла, распустив волосы, закрыв глаза, и мычала, слегка раскачивалась, постепенно входя в транс. «Окно» никак не открывалось, как будто чья-то невидимая сила закрывала канал, стягивала в точку свет в конце тоннеля, за которым должен быть выход в свет – «на ясную поляну»...

Свет открылся внезапно. Ведунья увидела огромный крест, перекрывающий вход в запредель-

ное пространство. Сердце бешено колотилось, в горле сдавило, по лицу потёк странный жидкий пот, как будто кто-то брызнул ей в лицо росой. Магда упала на кровать, как подкошенная, тяжело дыша, успела подумать: «Запрет, запрет! Прости Господи, пресвятая дева Богородица, спаси и сохрани!...» – и внезапно погрузилась в пространный глубокий сон.

Во сне она чувствовала себя сдавленной невероятно тяжелым серым одеялом, не в силах шевельнуть ни ногой, ни рукой, но разум работал, как часовой механизм. Такое с Магдой было один раз, когда она пыталась проникнуть в тайны сокровищницы египетской пирамиды, работая с древними реликтами, привезёнными ей учёным другом. Сеанс был тяжёлым, она будто физически шла по лабиринту в основании пирамиды, ощущая себя в плотной материи, ментально могла проникнуть сквозь стены, но лабиринт завёл её в западню. Ведунья вышла из транса, только когда её откачали в реанимации. А тот учёный вскоре умер от непонятной болезни. Так Магда узнала, что такое запрет. И теперь она с кристальной ясностью хорошо выпавшегося мозга осознавала себя как будто заживо погребённой в глубокой могиле. В абсолютном отчаянии погружаясь в бездну безнадежности, мысленно выла, моля пощады и прощения за попытку несанкционированного доступа в запретную зону.

Серебряный крестик выскользнул из разжатого кулака и упал на пол. Женщина резко и глубоко вздохнула, и, как хвост уходящей кометы, увидела ясно: Сестра... А!.. А!.. Колыхнув огромной грудью, Магда очнулась. На часах была полночь. Вокруг циферблата высвечивал сине-зелёный ореол «ауры» погребённой заживо души. Старая рыжая кошка прыгнула на грудь хозяйки и странно зашипела ей в лицо.

– Брысь, Варька, брысь! – столкнула её Магда, как всегда недовольная навязчивостью своей скотины, которая, по всей видимости, зналась с нечистой силой, но всё равно была любимой своей хозяйкой как пострадавшая от изнасилования жирным столовским котом.

В комнату постучали. Это был кодовый стук Психа. Не дожидаясь ответа, стукач влез в комнату, осторожно скрипя дверью. Магда подняла с пола крестик как простую вещь и положила его на стол.

– Вот, сподобил ты меня на это, так я чуть не померла...

– Что, что ты там видела, прекрасная Магдалина? – подобострастно спросил Псих, приближаясь к ведьме на заведомо близкое расстояние.

– Отцепись, сатрап. Что мне ведомо, тебе знать не дано, и дано не будет!

– А что не будет? – настаивал шептун.

– Ничего не скажу! Сестра, сестра...

– Какая сестра, у кого сестра? – не унимался Псих.

– Да у Астры..., – Магда обхватила руками лицо, как будто пыталась остановить себя, чтобы не проговориться, но зуд словесного позыва был так велик, что она не в силах была сдержать в себе эту тайну, – сестра у неё была единоутробная, так она померла до рождения. А душа её болтается между небом и землей. И мается, мается...

Магда раскачивалась в такт своим причитаниям, как будто сама металась вместе в этой заблудшей между мирами душой.

Псих затаил дыхание, ждал, что Магда скажет ещё что-нибудь, что можно считать информацией, пригодной для полковника Колечко, который обещал ему за оперативные данные несколько десятков тысяч, – сумму, необходимую Психу для свободы. Он уже накопил изрядный, по его меркам капитал, и мог бы давно уйти в манящий мир грохочущего города, но не мог. Там его никто не ждал, и никому он был не нужен. Полковник давал ему деньги только за то, что он был в Центре его связным.

Магда закрыла рукой длинный зевок, махнула Психу, чтоб уходил. Ей вдруг смертельно захотелось спать.

Долговязый, узконосый, с редкими нестрижеными волосёнками, Псих ходил на состарившегося до времени птенца страуса, который так и порывался засунуть свою башку в какую-нибудь клоаку. Он был лет на двадцать моложе Магды, которая годилась ему в матери, но, будучи уродом по жизни, в мыслях прелюбодействовал с ней: зарывался длинным носом в теплую большую грудь, катался рёбрами по мягкому животу, целился под юбку, отчего его охватывала дикая радость возбуждения с последующим финалом рукоблудия.

Магда знала о его порочной страсти, но никак на это не реагировала. Путь к её сердцу был закрыт наглухо для всех мужиков. Помнила она только своего возлюбленного Матюшу, бравого сержанта, который так и остался первым и последним в её жизни мужчиной. Она была уверена в том, что именно её «девичья святость» делала её исключительной ведуньей, а нечистые бабы, добровольные рабыни плотской любви, никогда не найдут путь к истине. Так она и не допускала «гадкого утёнка» до своего тела, хотя, что греха таить, он был единственным, кто ещё как-то покушался на неё.

Псих напоследок всё-таки втянул в себя пряный запах Магды, и, стараясь не расплескать его, удалился в свою каморку писать «свитки». Писать было почти нечего, и молодец сокрушался, что Магда сбила его с толку. Начертив корявым почерком информацию о сестре, шпион предался вожделению и, скорчившись, как эмбрион в матке, заснул с мыслью о скорой награде. Он даже не представлял, какую роль в его судьбе сыграет эта незатейливая игра с прошлым.

Наутро к Магде постучали. Она открыла дверь и сначала не поняла, кто перед ней. Посетительница зашла в комнату без приглашения и села на единственный крепкий стул. Магда опешила: это была сама Ольга Григорьевна, которая никогда ранее не посещала её скромную обитель.

– Ой, Господи, радость-то какая! Матушка, Ольга Григорьевна, каким судьбами? И ко мне? – ведунья суетилась и причитала, стараясь одновременно надевать юбку и поправлять растрепанные волосы.

– Присядь, Магда, у меня к тебе есть особый разговор. Прошу тебя, скажи мне всю правду, как ты можешь, о том, что здесь было, когда меня не было. Но об этом никому не надо докладывать, ты меня понимаешь?

– Да, матушка! Понимаю, всё скажу, как есть...

– Да не называй ты меня матушкой! Какая я тебе матушка? Что за старославянский жаргон? Не надо. Говори только по делу, я буду задавать тебе вопросы, а потом мы с тобой попьём чаю и поболтаем, хорошо?

– Да, матушка... Ой, простите, Ольга Григорьевна, совсем заболталась...

– Так вот, пока меня здесь не было, там наверху в Лаборатории что-то случилось с одной из наших ясновидящих – Астрой. Мне надо пройти с тобой к ней, чтобы ты посмотрела на неё и узнала, что произошло, какие события были до того, как она впала в глубокий транс. Прошу тебя, одевайся быстрее, пока в Лаборатории не появились люди. Мы должны успеть до завтрака.

Через десять минут Ольга с Магдой появились в обители Астры, где под пристальным вниманием скользких видеокамер лежала спящая красавица. Девушка была в летаргии, и приборы не показывали каких-либо видений с её снов. Тело нежилось на белой кровати, как будто ей суждено было тотчас проснуться и начать свой дневной ритм. Бледный едва заметный румянец и припухлые губки выдавали младенческую нежность, длинные ресницы бросали легкую тень на молодое лицо. Слегка выющиеся волосы отливали золотом, а руки были тонки и прозрачны. «Боже, как она прекрасна! – подумала Ольга, – как принцесса из детской сказки». В ней шевельнулось странное материнское чувство, как будто перед ней лежала кровь от крови и плоть от плоти её, а не «лабораторная крыса», как ещё два дня назад она окрестила Астру, вне себя от ревности и подозрений. Стыд охватил Ольгу с ног до головы: как она – человек будущего, позволила себе торжество древнего инстинкта, – самоубийственную ревность, которую уже, как ей казалось, победила и помогла победить другим! Да, на полях женских сражений, когда ты первая амазонка и нет тебе равных, можно считать себя королевой. Но когда вдруг появляется реальный конкурент, куда исчезают здравые смыслы, а ум заходит за разум?

Стараясь подвить смущение, Ольга попросила Магду прикоснуться к руке Астры и снять хоть какие-то ощущения. Магда положила на лоб девушки горячую ладонь, чтобы своим теплом поддержать бедное дитя на краю пропасти. Другой рукой взяла свободную руку Ольги, как это часто делала на своих сеансах с клиентами. Энергетический круг, возникший между женщинами, замкнулся. Таинство слияния прошлого, настоящего и будущего, свершилось. Так, если бы мы могли видеть одновременно путь, который прошли, точку, в которой встали, и дальнейшую траекторию движения, нам было надо поднять над плоскостью – выйти на новый уровень в иное измерение. Это возможно только на ментальном плане. Три ведуньи разом соорудили энергетическое пространство восприятия, и всё это могло бы завершиться триумфом познания. Однако сами они чуть не попали в бездну. Астра завела их так далеко, что был риск вообще не вернуться, и в этом полёте в пустоту был омерзительный эффект чьего-то нежелательного присутствия, которое пыталось управлять душами и тянуло их в пространную трубу без всякого на то спроса. Круг пришлось разорвать...

После долгого изнурительного сеанса Ольга долго растирала руки и морщилась, как от зубной боли. Магда со своей поразительной способностью видеть прошлое, отставала в понимании сути вещей, но чувствовала глубоко и сильно. Ею овладел страх. Дрожа всем телом, она встала и пошла к выходу. Ольга догнала её и попросила никому ничего не рассказывать, делая при этом такое строгое лицо, что Магда и вправду поверила, что никому не скажет.

Наутро после мучительного дня, проведенного под капельницей после отравления коньяком, Борис Брейс чувствовал себя отвратительно. Смесь мыслей тошнотворно гудела в мозгу. Он потерял Астру, завалил проект накануне Симпозиума, обрёл своих коллег на непростительную ошибку – соучастие в запрещённом эксперименте, обманул ожидания своих спонсоров. Да, и ещё – Ольга! Она была отлучена от проекта «Астра» и не простит ему этого. Борясь с дурнотой, Куратор прибегнул к препарату, только что освоенному Знаменским. Синдром прошёл быстро, как и ожидалось, но тошнота не исчезла, а переросла в тягучую муку по всей нервной системе. Борис чувствовал себя как муха в клею, стараясь выбраться, всё глубже погружался в плен отчаяния. Он был как-то связан с Астрой, эта нить ни на секунду не обрывалась, но тянула его куда-то в пропасть. Оборвать связь и потерять эту единственную ниточку, связывающую его с Астрой или не оборвать и следовать по ней, куда всё это приведет?..

Нить оборвалась внезапно. Резко хлопнула входная дверь. Борис не обернулся. Он знал, что это Ольга, и она в гневе. Гнев упал в тупую ватную стену, оттолкнулся от неё, вернулся к источнику и погас.

– Борис! Я все знаю. Ты ни в чем не виноват. Посмотри на меня! Ты меня слышишь?

Ольга внимательно посмотрела на мужа, тронула рукой небритую щеку, погладила по голове, как ребенка, которого уже простили, но не увидела никакой реакции. Борис сидел перед ней живым мертвецом. В его тусклых глазах не отражался даже свет утра. Ольга хорошо знала эти глаза, когда они горели холодным блеском накануне испытаний, или сияли в предвкушении любовной игры. Они никогда не были пустыми. Даже тогда, когда после сильного напряжения и неудач там стояла каряя непокорность и дикий бунт, это были глаза дьявола! А теперь?

Ольга принялась трясти супруга, стараясь вывести его из ступора. Но Борис оказался на удивление трезв. Он взял её руку, прислонил к губам и шепнул «Прости!..».

– Борь, ты сейчас будешь удивлен, но я попросила Магду связаться с прошлым Астры. Она копнула намного глубже, чем я просила – до самого донца. Вот видишь? Это её крестик. Магда взяла его у Акима – нашего сторожа. И это ключ! Она видела: у Насти была сестра-двойняшка. Она не родилась, а была убита в утробе матери при аборте. Сейчас мы смотрели Астру, и Магда вышла на её последний сеанс, когда ещё у вас была с ней связь. Там она видела астральное тело её сестры, возможно, да? И она другая, не такая, как Астра. Такое часто бывает, когда в двойников помещаются души от тёмных и светлых сил – одновременно. Скорее всего, я так думаю, что тёмная душа её сестры стремится к замещению. И ей помогают в этом. Так что скоро Астра вернётся, и, возможно, с чужой душой, которая так и не состоялась в плоти и крови. Давай подумаем на эту тему!

Ольга ходила по комнате и говорила торопливо, не обдумывая слов, не облакая их в научную форму, как привык Борис. Он тупо смотрел на её стройные ноги в стильных туфлях, которые при каждом шаге делали ямки от каблучков на мягком ковре, и молчал.

– Где Магда? Я хочу с ней говорить, – резко прервал он своё молчание.

– Магда за дверью, я знала, что ты сам захочешь её послушать. Магда, зайди к нам!

В комнату Куратора, недоступную для всех обитателей Центра, шикарно обставленную дорогой мебелью, с персидским ковром и камином, вплыла жрица прошлого. Её звёздный час настал, и теперь она скажет Куратору своё слово.

– Видела, видела, все скажу, – начала было причитать Магда, но вовремя сменила тон и загадочным низким голосом «из могилы» продолжила своё повествование, – Астра в плену у тёмных сил, и ей велено отдать свою душу, ибо сестра её ...погребена заживо!

В этот момент Магда упала в кресло, как подкошенная, и завывала. Ольга вызвала Варю, – свою

горничную, приказала отвести Магду в чайный зал (закрытую комнату для переговоров) и хорошенько отпоить её травами с мёдом и зелёной настойкой на спирту, от которой даже мертвый воскреснет. Магда удалилась, уливаясь слезами и повторяя всё одно: «Господи, спаси и сохрани душу её грешну-ую!..»

– Вот, ты всё слышал, Борис, и, пока не поздно, надо что-то делать. У меня есть предложение, и его надо обсудить с нашей командой. Это очень серьёзно, и касается не только Астры, но и меня...

– А... Что, что ты задумала? Я не отдам её никому! Никому. Эта девочка должна жить, и клянусь, вырву её оттуда, и больше никто никогда к ней не подойдёт. Всё, эксперименты кончились!..

Ольга поджала губы и также резко, как и вошла, вышла из его комнаты. Борис Арнольдович был вне себя от происходящего. Он, конечно, не верил во всякие там дьявольские штучки, к любым версиям относился с научной точки зрения, но предполагал, что есть что-то такое во Вселенной, куда вибрации живых не проскальзывают. Известие от Магды не испугало, а разозлило его. Эта баба с огромными глазами и напускной религиозностью взбесила Куратора, но он чувствовал, что в её сумбурных словах была зарыта истина. Борис привык к уникальным обитателям Центра, относился к ним с уважением, как к подопытным, – нет, не кроликам, – людям, добровольно решившим отдать дань нетрадиционной психологии и информатике. Но в Магде была какая-то дремучая сила, исходящая от корней рода человеческого, и ей нельзя было не верить. Вера сама входила в душу с её словами и поселялась там надолго, испытывая на прочность наносные форматы. Когда-то колдунья много практиковала, и знала, насколько сильно её слово, внесённое в ум. Вбивала словно гвозди в доску, разрубала косные узлы заблуждений и тем самым вызвала внутренний конфликт в каждом, кто не хотел слышать правду. Её коньком в практике были разборы кармического наследия. Борису вдруг захотелось глубже понять эту... дуру... слово вырвалось само собой в мыслях, но тут же осёкся: женщину (как бы чего не вышло с этой ведьмой!).

Он решил снова позвать её, но поговорить один на один – тайно. Ему нужна была ещё одна встреча, чтобы Магда окончательно добила его сомнения. Борис был ещё не готов вести этот откровенный диалог перед Ольгой, хотя и понимал, насколько далека она от ревностных разборок, как высок и чист её женский ум, велико благородство.

Куратор подошёл к окну, распахнул длинную створку выхода на балкон и устремил взгляд на парковый пруд, где он не так давно гулял с Астрой. Небо стремительно наполнялось солнцем, облака белели и пухли, как оладьи на сковородке. Стояло тихое бабье лето, когда осенний сезон ещё не начался, а лето

уже пело отходную во всю свою мощь. Обманный жар густел на лице, соблазняя раздеться и ринуться в омут с головой. Но пруд в саду был холодным и тёмным. У пруда виднелась стройная женская фигура. Сердце Куратора встrepенулось: Астра!.. Но, нет, это была Ольга. Она стояла в той же позе у того же дерева, её выдавал лишь деловой костюм с узкой юбкой и длинные открытые ноги в туфлях на высоких каблуках, тех самых, что оставили ямки на его ковре...

Ольга вышла в сад после тяжелой встречи с мужем и снова стояла там, где вчера её подхватил Знаменский. Борис одевал Астру в длинные романтические платья, обувал в бальные туфельки, как будто стремился воссоздать образ давно минувших дней: Наталью Гончарову или Ростову? Он не смирился. Он будет бороться за любимую, за её жизнь, за их жизнь... Ольга поняла, что ей надо делать, и чувства как-то сомкнулись в один единственный смысл: спасти Астру.

ГЛАВА 14. В ГОСТЯХ У ВЛАСТИ

Холодный порывистый ветер – редкий гость в Красноярске, окружённом со всех сторон высокими сопками. Сопки спасают город не только от ветра, но и удерживают в яме промышленные дымы, формируя над городом неуютную серую атмосферу. Но сегодня, благодаря сильному ветру, небо было чистым и свежим. Первый листопад покрыл тротуары мелкой золотой монетой берёзовой листвы и более крупной – медной осиновой. Лев Аркадьевич шёл по аллее в центр города, по-мальчишески разгребая горки листвы, сбитой в кучки добросовестным дворником. Ему нравилась ассоциация золотистых пятачков с монетами – утраченным символом значимости и богатства. Нынешнее племя имеет сбережения в виртуальном пространстве – в виде абстрактных цифр на счетах, что для Глинского с его дремучим консерватизмом в отношении финансов было неубедительно. Ольга распорядилась выдать ему авто с классным водителем, к услугам которого подозрительный помощник прибегал не всегда. Знал, что всё будет изложено в хронологическом порядке: где был, куда ездил, с кем встречался. На данный момент это не входило в его планы, да и прогулка по осеннему городу, в котором, по мнению Алины, «много доброй энергии», не помешает.

Поверенный доверенный шёл не куда-нибудь, а к самому губернатору, неся в потёртом саквояже десяток именных пригласительных на Симпозиум, – каждый на две персоны.

В приёмной его встретила грозная, как скала, референт Оксана Александровна лет 20-ти от роду и баскетбольного телосложения. Лев Аркадьевич пригнулся и стал меньше ростом перед этим стройным кипарисом в жёстком костюме алюминиевого цвета.

– Вас ждут, Лев Аркадьевич, заходите! – пропела скала неожиданно мягким голосом.

Глинский поправил назад разметавшиеся волосы и решительно вошёл в кабинет главного начальника региона. Он любил входить в эти огромные триумфальные кабинеты – без страха и застенчивости, ведь это была его стихия: диалог с властью, от которой можно ждать всего, в том числе и денег.

Губернатор, не по чину молодой с выражением полной демократичности на электоральном лице встал, вышел навстречу, подал руку и пригласил гостя сесть на приставной столик лицом к лицу. Глинский обратил внимание на отсутствие галстука и закатанные выше кистей рукава рубашки, обнажившие идеально крепкие мужские руки с волосяным покровом. Почему он примечал такие мелочи, было бы для многих загадкой, но Глинский по этим признакам сооружал нетривиальное представление о представителях власти. Современная власть, – рать хорошо обученных с государственным клеймом управленцев проходила серьёзные курсы психологической подготовки, которую минули «красные директора» прежней эпохи. Расположить к себе гостя показной простотой – высший этикет служащих государя.

– Степан Михайлович! Мне поручено вручить Вам и Вашим соратникам приглашения на международный прогностический Симпозиум «Фактор будущего». Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, с программой, и мне бы хотелось...

– Чай-кофе? – приветливо перебил его губернатор.

– Да, конечно. Кофе – чёрный, два сахара. Простите, не успел позавтракать...

– Оксана, чай зелёный, кофе с сахаром и бутерброды для нашего гостя, – Степан Михайлович сделал заказ, приятный во всех отношениях.

Пока губернатор знакомился с программой, внимательно вчитываясь в сложные для него прогностические термины, Лев принялся осматривать кабинет, оборудованный не хуже научной лаборатории. Здесь с портретом действующего Президента соседствовали писанные маслом картины местных художников в одинаково богатых багетах. Рядом с ними по разные стороны кабинета – два больших экрана в таком же багетном обрамлении. На экранах под тихую музыку в стиле «релакс» транслировались аквариумы высокой дизайнерской культуры. Оксана вошла незаметно. С подноса на стол быстро и легко слетели салфетки, вазочки с вареньем, стойки с печеньем и тарелочки с восхитительными бутербродами. Из белой чашечки струился парок, дразня ноздри дорогим запахом кофе. Глинский отметил высокий профессионализм губернаторской «официантки», но не думал, что впоследствии оплатится на столь низко присвоенный ей статус.

Степан Михайлович, вместо того, чтобы обсуждать программу с Глинским, передал весь пакет

документов Оксане, а сам взял пульт и начал рассказывать о достижениях науки и культуры в крае. Экраны засветились хорошо оформленными презентациями с тремя, как минимум, подуровнями. Так, точка на карте превращалась в завод, а завод в цех, за которым следовали таблицы с цифрами количественных достижений. Видеосюжеты сменялись интерактивными графиками, графики – структурными элементами, элементы порхали по экрану и раскрывались, как бабочки, превращаясь в лаборатории с суперсовременным оборудованием. Презентация была закончена, и губернатор, нажав кнопку на пульте, что-то выслушал от голоса извне, и подал знак, что аудиенция подошла к концу.

Глинский так и не понял, почему Верховцев потратил столько драгоценного губернаторского времени на его скромную персону, зачем показывал презентации – неужели для пиара? Но ведь это неэффективно – для одного посетителя... Впрочем, посетителю это понравилось, и он усмотрел в этом добрый знак.

Выйдя из начальственного кабинета, Глинский попал в лапки стального референта. И вот тут началось то, чего он не ожидал. Оксана Александровна буквально пилила его на атомы, расспрашивая все подробности о предстоящем Симпозиуме. Далее она затребовала списки всех участников, их резюме, особенно это касалось VIP-персон, графики их приезда (прилёта), кто, когда и каким транспортом прибудет в Красноярск, кто поедет своим ходом прямо в Центр и так далее. Такого оборота Глинский не ожидал. Конечно, у него были при себе какие-то списки, сложенные в синюю папку в хаотичном порядке, но лучше бы он их не показывал цепкой секретарше. Она, как пинцетом, брала их длинными ногтями, ловко разворачивала и тут же сканировала, копировала с такой быстротой, что Глинский не успевал нарыть следующую пачку «доков» в своем бездонном саквояже. Выудив всё, что можно, Оксана обдала посетителя мимическим холодом и попрощалась с ним, предложив ему губернаторскую машину, чтобы довезти его до работы.

«Уже и это знают, что пришел на своих двоих!» – подумал Глинский, но от предложения не отказался. Подъехать на таком авто к институтскому особнячку было для него делом чести. Гуру подытоживал свой визит. Да, он неплохо провел время в апартаментах губернатора, поел, попил, передал приглашения, посмотрел презентацию. Вот, собственно, и весь результат. Главное, что его проводили с шиком. А уж из этого он сумеет сделать аншлаг перед Алиной и Феликсом Кайсаровым – первым заместителем Директора Института Развития Человека, который после отъезда директрисы распустил перья и доводил Глинского своими распоряжениями.

Феликс ждал его в фойе, и от него не укрылся факт возвращения Глинского на губернаторском автомобиле. С присущей всем кавказцам манере быстро принимать нужный оборот в новых условиях, Кайсаров улыбался шире приличия и протягивал Глинскому обе руки, как дорогому гостю в родных южных широтах. Лев Аркадьевич с выражением особого предназначения молчал, пока не дошел до своего кабинета. Феликс вошел за ним с вопросительным знаком во всей фигуре.

– Ну, что я Вам скажу, любезнейший Феликс. Встреча прошла на высшем уровне, – начал свое речь Глинский с такой важностью, что стал похож на попугая Кешу из мультика, – Губернатор – будет!

Кайсаров засветился от радости. Вот и ему улыбнулась удача. Он, молодой ученый с тремя высшими образованиями (юридическое, экономическое и, самое главное, медицинское) когда-то вышел из аула бедным студентом-заочником, сам поехал в Москву на перекладных, и вот он уже добился такой должности в престижном Институте, о которой не могли мечтать его собратья по крови, всецело посвятившие себя процветающему рынку. Феликс прекрасно говорил на русском языке, и только когда его переполняли эмоции, позволял изливать их на родном лезгинском. И вот сейчас он возьмёт в свои руки организацию Симпозиума в той части, которая касается связи с аппаратом губернатора. Глинский предвидел это намерение, и старался не выйти из игры. В итоге два умных человека договорились и разделили роли и ответственность.

Через день в институте началась запарка. Из аппарата губернатора то и дело звонили, направляли факсы и файлы от разных департаментов и управлений: по связи с общественностью, управделами (по хозяйству), по стратегическому планированию, ну и сама Оксана Александровна в редких паузах изволила давать новые поручения. Феликс только успевал отвечать на запросы, а его подручные – строчить новые бумаги. Власть запросила тезисы докладов, проложила маршрут, по которому будет ехать эскорт с губернатором, внесла в программу новые выступления местной научной элиты и так далее и тому подобное. Громадная бюрократическая машина работала по часам и минутам, туда-сюда катились бумаги в электронном и текстовом виде, десятки переговоров, в том числе междугородних и международных, были проведены в кратчайшие сроки.

Глинский хватался за голову и уже орал из своего кабинета в соседний, где сидел Феликс, весь в мыле от предсимпозиумной суеты.

– Что это ты мне суешь? «Очиститель питьевой воды для племенных жеребцов» – тема доклада, – они что там, с ума сошли?

– Защищ кричишь, дарагой? Там-сям поправки делай, дэньги получай, тэби парфел новый купим, –

отвечал невозмутимый Феликс с деланным кавказским акцентом.

– Нет, я так не могу! Это возмутительно. Ну ладно бы один такой доклад, а их десять, Кайсаров, десять! Десять, – и, потакая своему партнеру по несчастью, вбежал к нему с папкой докладов, – Вот, смотри сюда: «Ионизатор «Дойник» – ионизация воздуха в коровниках для повышения надоев молока», или вот ещё – «Синхронизатор звуковых сигналов при интерактивном интервью на больших расстояниях». Это что – будет интересно прогнозистам с мировым именем?!

– Да, не смешно. Ну, что хочешь, делай, надо как-то развести всю эту местную рационализаторскую мозаику с глобальными прогнозами. Лев Аркадьевич, ты главное, успокойся, хлебни коньячку – хочешь? Настоящий... Ты своё главное дело сделал: собрал таких людей, от которого губернатор не смог отказаться! – Феликс поднял палец, подражая отцу всех племен и народов, и продолжил уже серьёзно, – думаю, надо развести эту публику в разные стороны. На пленарном заседании все вместе, потом – по секциям, и пусть они сами друг перед другом рассказывают о своих коровниках.

– Светлая мысль! Так и сделаем. Я буду разводящим, а ты давай, продолжай в том же духе – согласовывай фуршет-муршет, расселяй, приветствуй – флаг в руки!

От Глинского мало что можно было укрыть. Он уже уловил вибрации породистого самца, когда Феликс разговаривал с Оксаной, отметил его частые отъезды в администрацию, прикинул, сколько останется средств от неожиданно нагрянувшей семимиллионной субсидии на развитие концепции «Интегральной школы». Расходы на распухший до размеров луны Симпозиум росли с каждым днём, но субсидия, перечисленная на счет Института из краевого бюджета за уже готовую разработку, была фактически предназначена на персональную роскошь отдельно взятых лиц из драгоценного списка. Глинский рассчитал диспозицию фигур на шахматной доске и остался доволен. Прежний конкурент Феликс перерастал в хорошего партнёра, и каждому в этой игре доставалось по длинным сергам.

В итоге за два дня до события в руках Глинского и Феликса был увесистый том Программы Симпозиума, к которому приложили руку гиперответственные чиновники и скромный персонал института. Глинский понял свою ошибку: привык все дела решать переговорами «без телефона», а нынче миром правил Его Величество ДОК – последняя опора уходящее в небытие бюрокрации, перелицованный в виртуальную реальность, но еще сохраняющий (на всякий случай) своего бумажного клона. В Программе было всё: сценарии приветственных ритуалов, маршруты передвижения, схема расселения

гостей согласно табелю о рангах, меню фуршетов и банкетов, и, наконец – тезисы всех докладов с реглалими выступающих, распределённых по секциям. К бумажному тому прилагались электронные копии презентаций и видеоматериалов. Глинский высоко оценил громадный труд, хотя искренне считал, что можно было бы обойтись без этой бюрократии. В его представлении Симпозиум можно было бы провести тихо, по-семейному, в узком кругу «особо одарённых» лиц, а потом выплеснуть в СМИ наиболее эффективные фрагменты.

Стоило только вспомнить об эффектных фрагментах, как на мобильном сотовом прозвучал аккорд, призывающий пообщаться с Гариком Огарёвым. Глинский поморщился, но, слегка покашливая, взял трубку.

– Товарищ Глинский! Вас приветствует столица нашей Родины Москва! – голосом Левитана орал Гарик и, не дожидаясь ответной реакции, потребовал с интонацией, не терпящей возражений, встретить его в аэропорту: – Привет, старина! Вылетаю ночью, буду к утру, лови в аэропорту в семь-нуль-нуль. Как погода? Зонтик брать?

– Да, милейший Гарри Карлович, берите всё, что сможете: корзину, картину, картонку и ... маленький чёрный портфель.

С чего бы это вдруг Лев Аркадьевич вспомнил про портфель? Ах, да, реквизит был ему обещан после грандиозного сражения в качестве награды.

– Портфель есть: кожа – лайка цвета «баклажан» с тремя карманами и клапанами для планшета. У Вас планшет имеется? Ха-ха-ха! Могу привезти.

Вечно хохочущий высокоинтеллектуальный хам был не по нутру «товарищу Глинскому», но приходилось его терпеть ради хозяйки бала, ведь на него была возложена особая миссия эксклюзивного пиара. Лев Аркадьевич мало знал об отношениях Ольги и Гарика, да были ли они? Ну, а вдруг? Пожалуй, лучше не ссориться с этим Гариком...

ГЛАВА 15. НАКАНУНЕ СИМПОЗИУМА

Глинский вместе с Олегом Шиловым и Огарёвым, приволокшим с собой оголтелую журналистскую публику с голодными глазами, отъехали в «Жарки» рано утром. Страждущую сенсаций и сала с огурцом под холодную водку пишущую братию пришлось поместить в местную гостиницу среднего разлива, чтобы она не топталась под ногами прежде времени. До Симпозиума оставалось два дня. Феликс остался в городе, чтобы встречать гостей и передавать их согласно графику перемещений в руки орговиков. Они с Алиной приедут позже. Алина уговорила взять её с собой, ведь не зря же она целые сутки инструктировала Елизавету Петровну из бухгалтерии, чтобы оставить её «на трубе» на три дня своего отсутствия.

Гарик всю дорогу рассказывал свежие анекдоты, сам смеялся над ними и мило хамил. Чтобы не выдать интереса к этой московской «шпане» с амбициями, Шилов хихикал про себя, а Глинский держал фасон, стараясь не помять новый костюм, взятый напрокат.

– Хороший костюмчик. Случайно не из похоронного бюро? Там такие делают из отходов целлюлозной фабрики. Ха-ха-ха!

– Вы бы лучше помолчали, милейший! – раздраженно заметил Глинский – а то проспите всю красоту.

Дорога вышла за город и пролегла между сопкок вдоль Енисея, периодами открывая панораму реки с ярко синей водой и тёмно-зелёными елями, сиреневыми на бейке и тёмно-фиолетовыми вдали. Иногда из сопкок выползали горные породы ярко бордового цвета с бликами, сверкающими на солнце. Это был грандиозный размах объёмной красоты природы, щедро наделившей суровую сибирскую землю сокровищами флоры и фауны, геологическими скульптурами и минералами. Погода была отменной. Гарик всё время болтал с кем-то по телефону, давая ценные указания по видеомонтажу, фотографировал виды, тут же отсылал их по сети в московскую даль. При этом успевал отпить из фляги горячительный напиток и шутить по всякому поводу. Он был в прекрасном расположении духа. Ему нравилась сибирская река с её бурным течением и смертельно опасными водоворотами в тёмной пучине каменистого дна, особенно потому, что он наблюдал её с безопасного расстояния, и даже невесёлая компания в лице двух озабоченных попутчиков не мешала бойцу невидимого фронта наслаждаться жизнью.

Центр встретил их сурово. Никто не вышел на встречу, и первые гости озабоченно пошли к центральному входу. Гарик был удивлен. Он несколько раз звонил по дороге Ольге, чтобы возвестить её о своем приезде, но она молчала. Предчувствие хуже беды. Гарик побежал узнавать про Ольгу и сразу же направился к ней. Глинский и Шилов занялись своим размещением. Персонал Центра ходил в сумрачном настроении, как будто и не было ожиданий праздника, которого так долго ждали.

Ольга сидела одна в своем кабинете и смотрела в окно. По её виду можно было догадаться, что произошло нечто из ряда вон.

– Привет, Олик. Я приехал, а ты – грустишь. Что случилось в наше отсутствие?

– Ты не поверишь..., – Ольга обернулась к нему, и Гарик увидел покрасневшие веки на прелестном лице.

– Что-то с твоим Брейсиком? Пересёк красную черту? Ну да флаг с ним.

Цинизм Гарика, полный здравого смысла, придал Ольге оптимизма.

Она коротко рассказал ему историю с Астрой и выдала свои опасения насчёт приезда полковника Колечко, который намерен разоблачить всю команду и закрыть это «осиное гнездо» на веки вечные. На карте стояло всё!

В комнату неожиданно ворвалась Магда. По её растрепанным волосам и красным щекам можно было предположить искренне волнение, выходящее за пределы культурной сдержанности.

– Он едет!

– Кто? Кто едет?

– Матюша, мой Матюша едет сюда. Господи! Дай мне силы!

– Какой Матюша? Кто такой? – Ольга поднесла Магде стакан воды и погладила её по голове, как ребенка.

– Матвей Колечко, любимый мой! О-О-О! Не могу! Как он увидит меня такой... такой – старой? Она умоляюще смотрела на Ольгу, сохранившую молодость и красоту, несмотря на возраст матери взрослого сына.

– Подожди, Матвей Иванович – твой любимый – тот самый, о котором ты рассказывала? Ну, это меняет дело! Мы тебя преобразим, сделаем красавицей. А как ты узнала? Ты же потеряла его по жизни?

– Я видела списки гостей – в холле, их все видели. И он приглашен сюда на Симпозиум, да Колечко Матвей Иванович – других таких нет, я знаю: это он!

– Ладно, подожди, что-нибудь придумаем.

Орлова интуитивно поняла, что надо помочь Магде, подготовить её к встрече, которая, возможно, сменит вектор зависти к Астре на иной интерес. Она решилась подмолодить Магду, дав ей волшебный эфир, но его можно было раздобыть только у Знаменского.

Гарик был свидетелем сцены и тут же сообразил, как из этого извлечь ощутимую пользу. Мигнул Ольге, мол, в правильном направлении идёшь, и поспешил вслед за ней. На ходу Ольга объяснила другу суть намерений и попросила подыграть ей. Знаменский как будто ждал её. Выяснить причину необходимости он не стал. Достал голубую колбу и отдал в руки хозяйки. У него оставалось ещё три заветных сосуда, и это был неприкосновенный запас, необходимый для демонстрации препарата. Производить голубой эфир в лабораторных условиях в промышленных масштабах не было никакой возможности, и потом эфир быстро портился. То, что Гарик был свидетелем передачи целительного эфира, не смутило профессора. Он знал, кто такой Гарик и доверял интуиции Ольги.

Магда приняла эфир и убежала к себе в комнату испытывать его действие. На Ольгу и Гарика напал истерический хохот. Страшная угроза рассыпалась, как глиняный горшок, на бесполезные осколки.

– Олик, а этот – твой профессор, он ведь может сказать, что Астра все время спит – такая она от при-

роды, ну, у девушки нейролепсия, или что-то в этом роде? Так можно продержаться три дня, а Магда станет красоткой и отвлечет его. Как тебе план?

– Об этом я подумаю, а сейчас хочу пойти к Магде, разогреть её и распорядиться насчет имиджа.

– Узнаю царицу. Вот так держать!

Удивительным в этой мизансцене было то, что именно Гарик с его абсолютным чувством юмора и обескураживающей наглостью стал ключом к решению всех проблем, только что казавшихся не подлежащими разрешению.

Глинский и Шилов, устроившись рядом в отдельном стоящем домике, занялись каждый своим делом. Лев Аркадьевич непрерывно звонил Феликсу и давал ценные указания. С учетом того, что до мероприятия остались сутки, а в Центре ещё ничего не было готово к приезду гостей, работы у мэтра было невпроворот. Он заказал группу девиц в гусарских платьях с барабанами, вокальную группу «Тарзан-ZET», официантов из своего кафе в Загородном парке, «помпуши и хлопуши» для фейерверков, а также тринадцать ящиков элитного алкоголя с сибирской закуской, предвидя, что после фуршетов и банкета гости начнут общаться группами, а магазинов рядом нет. Житейская хватка Глинского и природное чутье были как раз кстати. Любой провал можно простить, если его заместить хорошим угощением. А провала не будет, он верил, что его приглашенные способны говорить на любую тему и днём и ночью, проблема в другом: их трудно остановить. Готовя людей к докладам, он упорно повторял им священное слово «регламент», но друзья как будто не слышали его, обещая сказать и про то, и про это, да ещё вспомнить один случай. Здесь сама природа шепчет «налей и выпей», как тут удержать людей от общения? Гарик тоже не сидел без дела: вертелся в столовой среди жара и пыла, где дородные краснощекие поварахи стряпали пельмени под «Липу вековую», а юные дивы из кулинарного техникума готовили закуску для фуршета, отшучиваясь от Гарика, который пытался щипать их за «окорока».

Солнце сменило мрак, позитив рос и ширился, проблемы рассасывались, и люди в Центре начали улыбаться и готовиться к празднику.

Шилову было некогда растворяться в позитиве. Ему надо было найти гниду среди персонала Центра, а она, как известно, не высовывается. Когда поварахи накрыли стол прямо на улице и выставили туда большие блюда с пельменями, никто не мог устоять. Запах тройного мяса с чесноком и салом, усиленный варевом и паром, выманил всех гостей на свежий воздух. Этот пир был устроен для приглашенных из других городов и стран, прибывших заранее. Там же были и экстрасенсы, которые остались в Центре после тщательного отбора для участия в мероприятиях. Шилову ни разу не доводилось видеть их в таком количестве.

Вроде бы маги и колдуны, а на пельмени набросились, как простые люди. Среди них затесался и Псих.

Шилов сразу приметил похожего на дьякона неприглядного худого человечка с длинными редкими волосенками. Полковник тихо оттеснил фигуранта в сторону от едящей публики.

– Ты кто? – спросил он сурово.

– Клим...

– Самгин что ли?

– Нет, Ветров.

– И какими ветрами тебя сюда занесло? Отвечай!

– Я политический заключенный... был...

– Щаз ты у меня будешь нервно-паралитический.

Говори, на кого работаешь?

– Н-н-ну... не могу, он меня убьет.

– Кто убьет? Кого убьет?

– Колечко...

– Какое колечко, ты что несёшь, гнида?

– Матвей Иваныч, он мне обещал, что выпустит на свободу, не бейте меня!

– Ладно, бить не буду, но ты мне скажешь, что ему говорил и что писал, ведь ты писака, правда? Я про тебя всё знаю.

– Писал, писал... про Астру и эту... этого – ихнего куратора-начальника.

– Что писал, где записки?

– В комнате... под матрацем, – затрясся бедный малый, глядя на сурового полковника, – таких он чуял за километр, но увильнуть не успел.

– Тащи сюда, подлюга, все тащи, а то... Шилов занес свой крепкий кулак над сопливой физиономией и понял, что перебрал.

Псих был аккуратен в записях и делал на всякий случай копии. Дрожащими руками он передал заветные свитки новому начальнику и попросил «политического убежища».

Трусость и убогость сексота вызывали у Шилова беспредельное отвращение. Он не знал, что с ним делать. Закрыть до отъезда полковника нельзя – заподозрит неладное, отпускать тоже нельзя – продаст, гад, за милую душу. И Шилов решился пойти на эксперимент. Он уже приметил среди обитателей Центра угрюмого мужика с внешностью Дон Кихота. Это был известный гипнотизер Гарпий. Такие бойцовские клички были у многих экстрасенсов. Шилов в свое время много раз встречался с подобными персонажами и умел с ними работать. Он призвал Гарпия и пояснил ему задачу насчет Психа. Гарпий совершил индийское приветствие (или прощание), сложив ладони лодочкой, и пошел исполнять странное поручение.

Уже к вечеру ошеломленный персонал Центра, а особенно его женская часть, загудела о странном поведении Психа, который торчал у женских окон и снимал штаны, вызывая визг и хохот. И это накануне приезда гостей! Извращенца решено было срочно

изолировать и отправить к психиатрам, которые туго знали свое дело.

– Что ты с ним сделал? – спросил Шилов у Гарпия – уморил всю округу!

– Все просто, разрешил человеку делать то, что он хочет, давно хочет, – многозначительно ответил Гарпий, откланялся и удалился.

– Псих должен сидеть в психушке! – резюмировал Шилов завершение своего дела и с выражением полной правоты позволил себе налить стакан водки.

Глинский составил ему компанию в более скромной дозе. Ему пришлось покрутиться куда больше Шилова, правда, он забыл, что профессионалы «из конторы» долго запрягают и готовятся к делу заранее, а остальное – дело техники.

Завтра 7 сентября начнется заезд участников Симпозиума, и этот день надолго запомнится нашим героям.

ГЛАВА 16. ЗАБЫТЫЕ СМЫСЛЫ

Гости ЦРБ собрались вовремя, опаздывал только Михаил Цветов, приглашенный Глинским из Москвы. Его самолёт задержался, и теперь он на всех парусах мчался по лесной дороге к Центру, опасаясь опоздать к открытию. По правде говоря, он воспринял это приглашение с известной московской ленцой: слишком много всяких приглашений получал известный футуролог, да к тому же он был занят созданием нового фолианта о структуре взаимодействия Человека и Вселенной. Эта тема полностью поглотила его. Цветов вычерчивал формат комплексного динамического воздействия космических колебаний на природные и социальные катаклизмы. По его гипотезе человек как элемент природы также воспринимал эти колебания – в той же последовательности и с той же интенсивностью. Однако внутренние (психологические) и социальные явления и процессы, идентичные космическим влияниям на природу, заметить значительно сложнее. Человечество построило множество прикритий от различного рода воздействий и жило в неком защитном поле, которое, как панцирь, надежно охраняло его последние века, давая больше воли разуму, нежели случаю. Он думал о том, что демографические волны – то единственное, что осталось еще от первозданного человека, более всего приближены к космическому влиянию, и поэтому их можно прогнозировать с наибольшей точностью, нежели любые движения мысли в области принятия управленческих решений. Вмешательство человека в процесс зачатия и деторождения уже оказал влияние на естество собственного воспроизводства, но природные силы были ещё несравненно сильнее господства ума и связанных с ним алгоритмов отбора и отсева наций, выведения генетического

абсолюта с заданными параметрами физического и эмоционального развития. Учёный полагал, что возвращение к природе – это не уход в леса, не в натуральное хозяйство, а, прежде всего, допуск к естественному ходу мышления и деятельности – как душа велит. А она велит жить по законам Вселенной, которая «дышит» и колеблется, устилая своими волнами живые миры.

Человек придумал строгие режимы и принципы, выстроил тяжёлые и неподвижные концепции, следуя которым в течение веков, постепенно выдавливал из своей души желание стремиться к чему-то лучшему, более совершенному. Люди загнали себя в пожизненное тюремное заключение, ежедневно и ежеминутно насилуя своё естество необходимостью соблюдать многочисленные правила, распорядки, законы. Конечно, всю систему сломать никому не удастся, но у каждого есть возможность хотя бы приблизиться к свободе, с каждым днём расширяя пространство развития, отвоёвывая ту сферу бытия, где каждый человек волен сам делать свой выбор.

Последние годы Цветов старался жить по воле души: перестал ходить на лишние, по его мнению, конференции и заседания учёного совета, светские собрания, презентации, ел, когда голод стучался в стенки желудка, спал и работал в любое время суток, следуя потребностям организма. Постепенно забывал о классической медицине с её традиционным диктатом, стал чувствовать себя намного лучше и счастливее. И вот его вдруг «подорвало» срочно ехать в окрестности Красноярска на Симпозиум прогнозистов, хотя в программе Симпозиума его по сути ничего не привлекало – обычное мероприятие в стиле современного интеллектуального хайтека. Сработала интуиция, которой он следовал последние годы.

Михаил наслаждался девственностью сибирского ландшафта, убеждаясь в сотый раз в гениальности пророческих слов Ломоносова: «Россия – прирастать будет Сибирью!». Наблюдая изумительные лесные массивы – сочные тёмно-зелёные ели, высокие сосны и кедры, растущие прямо из каменной почвы, яркие поляны, усыпанные поздними полевыми цветами, извивы реки в просветах пути, сверкающие чистыми пенистыми волнами, внезапные взлеты подъёмов и спусков, Цветов находил подтверждение своей теории свободы по принципу природной эволюции. Он давно понял, что люди теряют смыслы. Смыслы творить, радоваться, любить, если это не приносит денег. А деньги – ради чего? Чтобы обрести желанные вещи, статусы, купить любовь и здоровье, даже жизнь. Теряя смыслы жизни, люди теряют саму жизнь. Так, рано или поздно, исчезнет и смысл жизни. Когда его теряет один человек, это становится причиной саморазрушения или самоубийства, что, по сути, одно и то же. Логично предположить, что, если смысл потеряет большин-

ство человечества, неизбежен глобальный суицид. А выживут только те, у кого ещё остались смыслы. Михаил Борисович был ещё и историком, копая прошлое, искал, где и когда люди начали терять истинные смыслы, а приобретать призраки, перевёртыши. Зачем терять смысл любви и радости, если в этом и есть счастье? А путь к счастью через деньги заведомо ложный...

Так рассуждал московский учёный, оторвавшись от котла плюрализма эгоистических мнений «индивидуумов» от науки. Познанные им истины тонули в этом чёрном котле. Чудовищные модераторы от политики и СМИ подсыпали в этот котёл несовместимые друг с другом компоненты и стравливали их, извлекая молнии разобщения. Споры, диспуты, дискуссии, дискуссии, ток-шоу завораживали неискушенного зрителя из глубинки, усугубляя и без того застарелый комплекс провинциальной неполноценности. Люди слушали, открыв рот, и удивлялись: «Какие они все умные!...». Правда, от этого умничанья в головах не оставалось ничего, кроме каши с гвоздями. Когда шизофреники пишут свои «гениальные» тексты, то каждый абзац можно считать умным и логичным, но нагромождение этих абзацев, их комбинация составляют собой полный хаос без переходов и объяснений. Они пишут фрагментами на всякие темы, как будто в голове работает генератор случайных чисел, переключая больной мозг с одной темы на другую. Стенограммы ток-шоу типичны для текстов шизофреников. Вроде бы и умно, но никто ничего понять не может. Забывают людям голову, чтобы они не могли думать стройно, чисто и просветлённо...

Восторг пути сменился ритуалом встречи. Глинский метался около ворот, опасаясь опоздать к началу работы Симпозиума. Он уже в десятый раз набирал номер Цветова, но тот был в зоне «бездействия сети». Лев Аркадьевич заметно нервничал, ведь этот гость был, так сказать, «гвоздь» мероприятия – в пик приглашённым Феликсом малозначительных (с точки зрения прогностики) местных производственников и бизнесменов.

– Ну, наконец-то! К нам приехал наш любимый, Михаил Борисович да-а-ра-гой! С цыганским радушием Глинский распротер объятия, и оба друга ринулись прямо в холл, где уже выстроились гости и приглашённые.

Накануне открытия Симпозиума Ольга Григорьевна зашла к Борису, – обсудить роли, которую каждый из них должен будет сыграть на этом спектакле. Да, теперь уже она отчётливо понимала, что всё идет не так, как она задумала. Ольга держала в руках разбухший том Программы Симпозиума, с гордостью переданной ей Глинским, и тихо входила в транс. Симпозиум из кулуара высшего научного света с концентрацией перспективных идей и проектов

стараниями аппарата губернатора и его рьяными подданными переформатировался в массовое развлекательно-презентационное мероприятие, ярмарку тщеславия чиновников и их подручных, представителей СМИ, слетевшихся, как бабочки на огонь, на сюрпризную тему, и площадку для бесплодных дискуссий эрудированных психопатов. В начале пути ей виделась совсем другая картина.

Центральным звеном Симпозиума должна была стать 3D-модель будущего, подготовленная специалистами Центра. Кроме того, планировалась демонстрация прогнозов, представляющих коммерческий интерес для потенциальных спонсоров, доклады ведущих прогнозистов страны и мира. Проект «Астра» не входил в план Симпозиума, но приоткрыть завесу тайны и создать интригу (при благоприятных обстоятельствах) было бы можно. Группа экстрасенсов, отобранных для участия в Симпозиуме, готовилась продемонстрировать уникальные способности человека в ясновидении, гипнозе, телепатии. Сама она подготовила блестящий доклад на тему «Человек будущего», приправленного мультимедийным рядом.

Настроение было натянуто дурным предчувствием. Пытаясь внушить весь ужас ситуации Борису, Ольга начала зачитывать ему некоторые темы выступлений, но Куратор был на редкость спокоен.

– А... Ну что ты хочешь, милая. Люди приехали сюда не для того, чтобы тебя посмотреть, а себя показать. И учти, что большинство из них не готово к восприятию той информации, которой владеем мы. На самом деле, и мы ещё не совсем готовы. Ты что, поймала «звездочку»? Тебе нужна известность, популярность? А... Ты это любишь! Заметь, что большую часть средств мы получаем за то, что делаем эксклюзивно. Напомню тебе известную истину «Деньги любят тишину».

– Ну а как же интересы общества? Всё, что мы делаем, должно работать не только на корпорации, которые только и мечтают о получении прибыли, но и на всех людей – без исключения. Наше последнее изобретение – «Спидиум» на спорах грибов таёжной чаги, ты думаешь, мы старались только для этих богатых засранцев, заразившихся от содомии и разврата? У нас среди детей школьного возраста процент инвалидности по здоровью с каждым годом растёт! Кто им поможет, если не мы? – Ольга расплывалась все больше, извергая гром и молнии раскалённой ауры, – Господи! Как всё запущено. Раньше ты был другим...

– А... Может ты им ещё и «Голубой эфир» покажешь? Он тоже – для твоих папуасов? Или мечтаешь, что его будут производить в промышленных масштабах, чтобы успокоить коварных террористов, привить им чувство гармонии, благости и терпения, дабы они чувствовали себя, как чистые супруги в раю

среди пышногрудых дам и белых булок, которые растут на деревьях? Так не получится, и ты это знаешь. Каждая наша находка требует тщательного изучения, расчетов, экспериментов...

– Ты уже сделал один эксперимент... Теперь не знаю, чем всё это закончится, – парировала Ольга, закинув голову от гневного превосходства, – к нам едет Ревизор – из полиции, доигрался со своей...

– Не трогай эту тему! – вскипел Борис, – это не твои проблемы. Мы сами как-нибудь управимся. И дело вовсе не в ней, а во мне. Я не хотел того, что случилось. Да, виноват, не слушал её предупреждений, но и выхода другого не было – на тот момент. В общем, давай оставим это, потом обсудим. Иди уже, тебя гости ждут, вон телефон кипит, опять твой Гарик беснуется. Зачем вообще ты его пригласила?

– Не твое дело! Он мне нужен и, в отличие от тебя, поможет разрулить ситуацию, – отвернувшись от мужа, Ольга посмотрела на дисплей мобильного телефона. Там было около десятка вызовов, ждущих ответа.

Диалог супругов-партнёров всё дальше уходил в область неприличных семейных разборок, от которых они давно избавились – ещё в начале совместного пути. И вот теперь – откуда появилась эта взаимная агрессия, разрывающая на части хрупкий сосуд самого драгоценного в мире – отношений любящих друг друга людей? Или уже не любящих? Когда и как они стали терять смысл совместного существования?

Ссору прервал вошедший без стука Гарик.

– Что за шум, а драки нет? Вы что, ругаетесь? Ну, прямо, как дети в песочнице? Ха-ха-ха! Олик, тебя все ждут в фойе, губернатор уже подъезжает – сникая от неловкости понятых им обстоятельств, пропел Гарик.

Борис окинул презрительным взглядом успешного продюсера и мысленно усмехнулся: «Что за чучело гороховое? И она ещё возится с этим придурком...».

Гарик был похож на кочан капусты: рубашка на футболке, футболка на водолазке, штаны, как куртка у Вассермана, в многочисленных карманах которых торчали телефоны и планшет, диктофон. Непонятно за какой надобностью (при таком арсенале), через плечо на длинном ремне висела профессиональная фотокамера с объективом, выступающим вперед, как мощный фаллический символ. В довершение всего Огарёв направил объектив прямо на него, чтобы сфотографировать в непринужденной обстановке. Гарик был профессиональным фотографом и умел улавливать такие моменты, когда человек не позировал, не владел собой, а вёл себя естественно, лучше – в активном эмоциональном состоянии, вот как теперь: взгляд фигуранта глубокий, ироничный, даже презрительный, мимика соответствует взгляду – ну просто находка для шпиона. Щёлк – и снимок

готов! Борис не успел опомниться. Выходка наглеца вывела его из строя, и он удалился в туалетную комнату, чтобы «поправить галстук».

Ольга отправила Гарика и подошла к зеркалу, чтобы оценить себя перед выходом в свет: фиолетовое платье с чёрными бархатными оторочками и широким поясом подчеркивало стройную фигуру, очерчивая строгими лекало точеные дуги бёдер. Каплеобразный вырез, сомкнутый в области горловины платиновой брошью с чёрными бриллиантами, скромно намекал на крепкие упругие груди. Пепельные волосы, собранные в высокую причёску с локонами, обрамляли милое овальное лицо. Но взгляд больших глубоких серых глаз был холодным, как у обиженной куклы. Орлова поделала ряд мимических упражнений и с улыбкой, натренированной к встречам на высшем уровне, величественно понесла себя на плаху ярмарки тщеславия. Царица бала чувствовала, что на каждом шагу, как бусины, слетающие с разорванной нитки, она теряет обретенные ранее смыслы: для кого, зачем всё это?.. Но отступить было поздно.

В холле напротив Белого Зала столпились участники Симпозиума, журналисты, персонал Центра. Ольга терпеливо ждала, когда к ней присоединится Борис, одетый задолго до открытия в дорогой костюм и сорочку с галстуком, который она сама повязала ему утром. Борис вышел в последнюю минуту, когда уже раздались фанфары. Он был без галстука...

ГЛАВА 17. «ФОРМАТ БУДУЩЕГО»

Высокие девушки в гусарских костюмах били в барабаны и синхронно маршировали стройными ножками в белых гольфах вдоль красной ковровой дорожки, по которой следовала процессия дорогих гостей.

Борис вышел навстречу губернатору. Верховцев первым подал ему руку, они ритуально обнялись. Защелкали фотоаппараты, телекамеры снимали эффектную встречу на фоне огромного плаката с надписью «Международный Симпозиум футурологов «Формат будущего», тут же красовалась эмблема форума в виде переплетающихся в изометрии восьмёрок. Ольга вынужденно следовала за процессией на вторых ролях, дежурно улыбаясь в объективы камер. Борис Арнольдович провел гостей по наиболее выдающимся местам Центра, продемонстрировал лаборатории, кабинеты психологической разгрузки, жилые помещения, а затем вся публика в сопровождении журналистов вошла в Белый зал. Степан Михайлович изобразил крайне удивление, восхищаясь архитектурой зала.

Дизайн был выполнен в переходных тонах от светлого к еще более светлому и совершенно не-

стандартном зонировании большого овального помещения. Места для персонала размещались над теми, кто принимал решения внизу. Все с точностью наоборот. Овальная ниша в центре зала, покрытая дорогим ковром с расходящимися, как круги на воде, эллипсами, от более светлых в середине к более темным тонам по краям, тянула к себе своей «добротой» и располагала к интеллектуальному откровению. Главный стол повторял фигуру овала, украшенный по краям позолоченным лепным орнаментом. Роскошь Белого зала была недопустимой для глаз губернатора. Откуда такие средства?

«Великие» спустились вниз по ковровым ступенькам к овальному столу, вместо того, чтобы восходить на сцену или появляться из-за кулис. И им это нравилось! Зал был полон, все радостно аплодировало по ходу их нисхождения. На внешнем контуре, напоминающем подкову, чуть приподнятый над овальным столом, восседали жрецы мировой и российской прогностики с именными табличками. На самом высоком уровне стояли студенты краевых ВУЗов, школьники-отличники и молодые аспиранты. Они размахивали флажками и шариками – все в одинаковых накидках с эмблемой Симпозиума. Овальный стол внизу зала напоминал маленькое футбольное поле, а ярусы – места болельщиков. Вся энергия публики концентрировалась в центре, что давало возможность ощутить ауру всех присутствующих.

Борис Арнольдович выступил с приветствием с шармом голливудского актера, виртуозно сострил по поводу «маленьких людей» в центре арены: «Ну, мы люди маленькие, поэтому начнем!.. (бурные аплодисменты!). После него слово взял губернатор, и, вопреки ожиданиям, не стал вещать аудитории о том, сколько чугуна и стали добыто на душу населения на вверенной ему территории, а широко раскрывал руки, описывая дуги глобальных перспектив в рамках реализации «Стратегии 2050».

За центральным столом по левую сторону сидели представители Центра – Борис, Ольга, Феликс, профессор Знаменский и Арон, по правую – губернатор с тремя заместителями. С ними – профессор Круглов из Новосибирска – разработчик Стратегии, и два молодых учёных, получивших губернаторскую премию за лучшие научные разработки. Ольга искала глазами Глинского и едва нашла его на одиноком стуле у самого выхода. Он сидел, вжавшись в мягкий стул, и с упорством вола водил пальцем по «мерзкой книге» – Программе Симпозиума, как её мысленно окрестила Ольга.

Ей так не хватало его под боком, чтобы хоть как-то контролировать ход передвижений и событий. Только Глинский был способен, не привлекая особого внимания, с видом особы, находящейся «при исполнении», свободно передвигаться по залу. Но «отец русской демократии» сидел, не поднимая го-

ловы, и сильно гневил начальницу. Алина тоже была зажата между рядами третьего ряда, Кэт осталась дежурить с Астрой, и Ольге пришлось смириться с ситуацией.

«Пусть всё идет, как идёт... Все равно уже ничего не изменить», – обреченно подумала Орлова и подперев щеку, как студентка-первокурсница, принялась слушать выступления. Она готовилась общаться с журналистами на пресс-конференции, и диктофон старательно фиксировал все треки мыслей и слов, озвученных в пространстве мероприятия.

Оглядывая аудиторию, Ольга обратила внимание на высокую девушку в серебристо-сером строгом костюме с надписью на бейдже «Оксана Слуцкая», свободно порхающую по залу вверх-вниз и отдающую неслышные распоряжения скромно одетым молодым людям, которые тут же исчезали выполнять поручения. «Кто такая? – подумала Ольга, – наверное, первая помощница губернатора. Как быстро освоилась! Подумать только!».

И, как будто в подтверждение её мыслей, девушка подошла к губернатору и подала ему некий список, в котором значился порядок выступлений, переделанный ею за несколько минут до начала. Команда Центра прекрасно понимала, что происходит, но ничего уже не могла изменить. Одно было непонятно: почему весь этот антураж так необходим губернатору? Перед кем он демонстрирует свою «продвинутость» и перспективность? Может быть, перед представителем Римского клуба или московскими академиками? Да, перед ними тоже! Но гораздо важнее журналисты и корреспонденты, прибывшие в губернаторской свите. Они, как добросовестные муравьи, разнесут по каналам и сетям репортажи о том, какой он прогрессивный сибирский лидер, как старается продвинуть полезные идеи и проекты в будущее, заботится о подрастающем поколении, приобщая его к предметной прогностике, форсайт-проектам и инновациям! Это так в ногу со временем, с линией Президента и Правительства, ориентирующего гражданское общество на формирование «образа будущего» в соответствии с их планами и программами. Однако Орлова интуитивно чувствовала, что в зале есть еще кто-то – значительно более важный и менее заметный. Представителей спецслужб она «колола» мгновенно – по особому «рыбьему» взгляду, холодному и пронзительному на фоне респектабельного среднестатистического лица с явно выраженной исполнительной дисциплиной. Они тоже были здесь, но Шилов заслонял их присутствие, и от этого становилось как-то спокойно.

Первым выступал профессор Круглов, излагая суть «Стратегии 2050» и неприлично злоупотребляя регламентом. Его круглые очки как нельзя точно соответствовали фамилии, а седая бороденка клином

наводила на ассоциации с товарищем Лениным. И, если вождь пролетариата говорил об электрификации всей страны, то Круглов вещал о всеобщей информатизации в пределах сибирского околота, указывая на растущие столбики диаграмм и обещая поголовную интеграцию в информационное облако (Ажур) всех и всего, включая дворников и доярок. Ольга поймала себя на мысли, что начинает, как мазохист, любить эту власть с её кубическими алгоритмами святой простоты в освоении пространства грядущего. Профессор вряд ли доживет до вождя будущего, и ему не придется отвечать за эту банальную экстраполяцию. А вот студенты на задних (передних) рядах в прогнозируемые им сроки будут носить на руке новые высокочастотные торы уже в виде браслетов с интегрированным в мозг транслятором объёмного изображения. Торы, которые будут в сотни тысяч раз производительнее современных микрочипов, потребляющие немного энергии от тепла тела. Следующим шагом будут вживлённые биологические компьютеры, выращенные из совместимых с организмом нейтральных стволовых клеток. Появится минибиокомпьютер со специализацией на какой-то конкретной задаче, например, сбор параметров состояния организма, с обработкой изображений, дополнительной функцией криптостойкого шифрования или планом активных действий, активирующихся при определённых условиях. Интеграция компьютера и человека – эволюционная киборгизация человечества постепенно приведёт к формированию реальной ноосферы. Контроль и самоконтроль, как внешний, так и внутренний, произойдет автоматически и по воле человека. Потребительские платежи – через банки операторов связи, перемещения – через видеорегистраторы. Преступность упадёт почти до нуля. Аутентификация и авторизация людей в IT-облаке будет осуществляться по геному, код которого будет считываться в режиме реального времени так, что подделать своё присутствие в Интернете будет практически невозможно. Люди будут голосовать за любимого кандидата мысленно в режиме реального времени. Рейтинги телепрограмм, Интернет-роликов и политических деятелей станут более правдивыми. А всей силой навязываемая демократия, начнёт постепенно превращаться из коварного манипулятора обществом в реально работающее средство волеизъявления. Огромное количество человеко-часов, убиваемых в недалеком прошлом на поиски работы, накопление капиталов, приобретение жилья и предметов быта, высвободятся для развития отношений между людьми, укрепления семьи, воспитания детей и дружеского сотворчества.

Орлова могла бы сутками напролёт рассказывать о реальном будущем, которое знала с уверенностью на 95% (5% оставила на *forse majeure*, учитывая

прогноз о войне, которая вряд ли затронет будущую Сибирь), но не могла найти понимание в официальных кругах. Каждая особь в профессиональных сообществах ревностно защищала свой эгрегор от каких-либо вольнодумий, ломающих установленный порядок вещей, гарантированную стабильность и «фонд заработной платы». Вот так и с всеобщей информатизацией. Не успеет она дойти до каждого стойбища, как уже появятся новые средства связи, а громоздкие компы размером с телевизор уйдут в иную реальность, как бензиновые двигатели автомобилей и самолётов. Как только в экономику войдёт новый вид энергии – водород, эквивалентный мировому капиталу, начнётся новый виток развития цивилизации. А вслед за водородом придут и новые космические двигатели. Сжигание химических реагентов для освоения космического пространства будут вспоминать как варварство смутных веков. Новые двигатели, как паруса древних кораблей, понесут летательные аппараты ввысь, отталкиваясь от эфира. Об этом новом способе Ольга догадывалась, но не могла найти точное определение. Знала только, что это тонкая энергия, синхронизированная с движениями субатомных частиц. Весь секрет – в резонансе и охлаждении кипящего квантового бульона. Лучшие учёные умы планеты раздумывали над этой проблемой, видя в достижении цели гигантские размахи строительства новых энергостанций. Им почему-то казалось, что для получения нового вида энергии потребуется значительное количество калорийных усилий, а ларчик откроется просто: достаточно малой силы, аналогичной мысли, пробивающей беспредельное пространство мгновенно – сквозь тысячелетние траектории светового луча. Всю эту фантастику, собранную по крупницам в ЦРБ, до сих пор никто особо не разглашал. И не потому, что не было благодарных слушателей. А потому, что никому не интересно брать на себя ответственность за реализацию еще не сбывшихся прогнозов, поддерживая их тренды. Поэтому озвучиваемый на Симпозиуме «формат будущего» имел отношение, скорее, к настоящему или плановому периоду на короткое время вперёд – то осознанное и осязаемое короткое будущее, которое видно не за горизонтами, а за ближайшим поворотом.

После выступления Круглова, неудачно скомканного в финале, публика начала потихоньку осваиваться и мягко гудеть, перекидываясь тихими репликами с соседями. Участники выступали чётко по программе, стабильно нарушая регламент. Несмотря на просьбу Орловой вынести промышленные презентации на секционный уровень, залу пришлось выслушать подготовленные доклады на пленарном заседании. И, если учёный люд постоянно заходил за красные флажки регламента, то у губернаторских докладчиков с этим всё было в по-

рядке: отточенные фразы отлетали от микрофонов, как металлическая стружка от деталей фрезеровщика. В этом месте представителям науки хотелось спать, а на лицах студентов и рабочей молодежи сияли улыбки, предназначенные их будущим работодателям. Два часа пролетело незаметно. После короткой кофе-паузы губернатор со свитой не вернулся в зал, и приглашенные прогнозины почувствовали явное облегчение. Теперь можно говорить не по «формату будущего», а по наитию – куда кривая вывезет.

Глядя на ячейки пустующих кресел губернаторского пула, докладчики ответственно волновались: дойдут ли до широкой общественности их выступления – одно ярче другого?

Прогнозы шагали по линии оратория, как по неровной дороге, то отскакивая в сторону, то проваливаясь, то восходя ввысь. Никто и не пытался их уравновесить, создать гармонию интегральной картины будущего, – не было такого органа, и не стояло такой задачи. Ситуация напоминала «лебедь – рак и щуку» без упряжи, которые упорно неслись каждый в свою сторону или пятились назад. Обладатели учёных степеней утопали в методологии, укутывая свои прогнозы в ватные одеяла вероятностных суждений, чтобы снять ответственность за их несбыточность. Большая часть прогностических выводов строилась на экстраполяции или, в лучшем случае – основывалась на циклах Кондратьева, а также солнечных и погодных циклах. Горелый и Вишняков буквально завалили аудиторию циклами революций, экономических кризисов и «бабьих бунтов», которые случаются периодически при совпадении минимумов и максимумов прочих циклических характеристик. Раиса Кабирова проецировала сужение культурного горизонта нации до плинтуса отгадывания кроссвордов, крах рукотворного изобразительного искусства – на фоне бурного развития виртуальных художеств, снижение общей эстетической и гуманитарной потребности в хаосе гипертрофированного потребления. Её невозможно было убедить в том, что гуманитарный голод взорвёт мир возрождением всех видов творчества, а культура выйдет на передний фронт, как в своё время производство товаров народного потребления. Люди, уставшие от телевизионной жвачки, с жадной потянутся к светлым мотивам и тонким жанрам, глубоким переживаниям и нежным чувствам.

Социолог Хворостин из Перми доказывал схоластически выкладками всеобщую алкоголизацию нации, которая, по его расчетам, должна окончательно спиться до 60 года нового века. Но никак не мог объяснить, почему уровень трезвости не соответствует количеству потребляемого алкоголя на душу населения. Пьём больше, а пьяных меньше.

К тому же все города забиты пробками в вечернее время и в выходные дни, а за рулём, как водится, все трезвые (или почти все). Что за чёрт! Хворостин полагает, что переход из ситуационной алкоголизации в перманентное пьянство и есть причина повышения толерантности к выпивке. Знаменский едва сдерживал утробный хохот, слушая эту галиматью. Он знал, что феномен отрезвления зависит от плотности и скорости энергоинформационного потока, который буквально «промывает» мозги, несмотря на количество выпитого. Так, люди, одарённые творчески и интеллектуально, пьянеют меньше, чем одичалые простолоудины, набивающие мешки с картошкой. Секрет банален – у мыслящего индивида сеть кровеносных сосудов коры головного мозга развита лучше, и лучше снабжает кислородом мозг. Но он молчал, как и многие сотрудники ЦРБ, которым уже не хотелось озвучивать свои наработки и открытия – ни в прениях, ни в кулуарах. Всё пошло не так, как надо.

ЦРБ продвинулся далеко вперёд от официальной науки с её склонностью к цитированию и ссылкам. Всё, что привезли из этого утопанного, насквозь пропитанного архивами, учёного мира, было уже прошлым. Сотрудники Центра наблюдали за происходящим как бы со стороны – из будущего, и это было ценным открытием для них. Любопытно наблюдать в реалии, как весьма одарённые люди путаются в плену заблуждений.

Произошло то, что любители автомобилей называют «развал – схождение». Однако демонстрировать своё превосходство в познании по молчаливому согласию никто из команды Куратора не хотел. В Центре давно сложилась система синхронизации коллективного разума, нужды в переговорах не было. Но выслушать приглашённых гостей было необходимо. Многие потом будут с удивлением вспоминать результаты своего присутствия на этом Симпозиуме...

ГЛАВА 18. МЕЖДУ ЛЬДОМ И ПАРОМ

Михаил Цветов привёз на Симпозиум с собой несколько экземпляров своей книги «Горизонты Грядущего» (не любил «электронку») – для подарков коллегам ЦРБ, но не успел раздарить её, и почему-то пришёл в общий зал со стопкой, перевязанной красной лентой. Не решившись оставить книги на своём кресле, положил их на стол Президиума с намерением забрать после выступления. Однако этот пасс был воспринят как руководство к действию. Красная лента была разрезана ловким помощником Оксаны, а сами книги пошли по рукам членов Президиума, которые тут же начали перелистывать и читать их. Стиль и слог произведения был таков, что цеплял сразу, поэтому высокопоставленные

чины плохо слушали выступление Цветова, несмотря на то, что тема была посвящена энергетической проблеме человечества. Михаил Борисович давно занимался этой темой, изучал энергоёмкость всех известных видов топлива, а также новых, производимых искусственно в отдельных странах – на пробу или по необходимости, типа этанола. Версия глобального энергетического кризиса, к которой склонялись прогнозисты Запада, не устраивала его. Он верил, что человечество найдёт новые виды и источники энергии.

«Численность населения планеты растёт по экспоненте, особенно её переломный «изгиб» стал заметным последние два века. Динамика роста добычи и потребления энергоресурсов – угля, газа, нефти, как вы видите на графике, уважаемые коллеги, имеет прямую корреляцию с ростом народонаселения. И это кажется вполне закономерным. Если экстраполировать тенденцию роста народонаселения с учетом сохранения прежних темпов, то становится очевидным, что к 2300-му году все видимые и невидимые ресурсы на планете будут исчерпаны. Более того, нами произведены точные расчеты прогрессии дефицита ресурсов на душу населения, и этот дефицит мы начнем ощущать уже через 50 лет – весьма заметно, а через 100 лет – остро. Это означает лишь одно: нам придется экономить химическую энергию. В условиях развивающейся индустрии производства и потребления экономия ударит, прежде всего, по потребителю, то есть по нам с вами. Уже сегодня в странах Европы научились сокращать затраты на электропитание, отключая освещение и отопление во всех помещениях, где в данное время человек не присутствует. Чтобы пройти в ванную или кладовую, приходится включать временный обогрев, а потом выключать его, как мы делаем с электрическими лампочками. Представьте: десятки тысяч полуосвещенных и холодных коттеджей зачастую с отсутствием газа – это уже реальность, господа. Для стран с холодными зимами, а это Россия, Канада, Норвегия, Финляндия, Аляска, сокращение топливного ресурса будет катастрофой».

Цветов старался говорить медленно, чтобы подготовить слушателей к «энергетической бомбе», которую он хотел разорвать в финале своего выступления, но, чувствуя, что траектория полёта пошла не туда, взволнованно протирал очки, заполняя паузу цифровыми тромбами: кто, где и сколько потребляет энергии. Учёный старался убедить коллег, что энергии потребуется много больше, чем её можно извлечь сегодня доступными способами и, повинаясь традициям научной системы доказательств, мостил дорожку фактами, рисуя мрачные перспективы замерзающих мегаполисов.

– А как же глобальное потепление? – перебил его успешный сотрудник атомной АЭС, – среднего-

довая температура растёт с каждым годом, и скоро на Дудинке «будут яблоны цвести», а в Минусинске уже собирают урожаи арбузов. Вы не подумали о том, что энергии потребуется в разы меньше – для обогрева мегаполисов, а запасов каменного угля хватит еще на два-три столетия!

– Вот тут, коллеги, я в корне не согласен! Потепление – ситуационно, как и похолодание. Мы вступили в зону высокой климатической турбулентности, а это значит, что в зонах резко-континентального климата температурные диапазоны будут раздвинуты – сначала плюс-минус 50 градусов по Цельсию, потом плюс-минус 60 градусов. Людям потребуются не только отопительные сооружения и кондиционеры, а целые холодильные города, поля и пастбища. Для температурного комфорта в жару тоже требуется энергия. Иначе не прокормить такое количество людей, которое нам насчитали прогнозисты. И потом, вы же говорите о локальном потеплении, в более масштабной перспективе нас ожидает очередной ледниковый период на 100 тысяч лет.

– А сколько там насчитали, по Вашим данным? – голос из зала представился, – профессор Островский – социология и демография.

– Я исхожу из данных академика Шкловского. У него экспонента растёт без ограничений пределов роста, без учета диалектического отрицания, без учёта ограничения пространства развития, кормовой и энергетической базы. В 2300 году он насчитал 99 миллиардов человек, что, может быть вполне возможно для планеты с неисчерпаемыми ресурсами, но, увы, такой планеты у нас нет, и в ближайшем будущем не предвидится. К тому же я не верю, что наша Земля выдержит такой груз человеческой биомассы. Вы, конечно, читали работы академика Капицы о переломной точке кривой роста? Так вот, он утверждает, и это подтверждено данными исследования, что 10 миллиардов для Земли – это первый предел. В его интерпретации кривая выходит «на полку» в течение нескольких десятилетий. По нашим расчетам точка перегиба приходится на начало 90-х годов прошлого века, и уже сегодня, в первой половине 21-го века, мы наблюдаем инерционное ускорение с ниспадающим приростом. Включаются социальные механизмы обратного хода, тормозящие репродуктивный потенциал, но эта тема отдельного исследования.

Михаил Борисович хотел вывернуть тему на исходную точку и завершить свой доклад информацией о прогнозируемых видах энергии и последствиях перехода к этим видам, но понял, что, затронув демографию, разворошил пчелиный улей. Судя по нетерпению аудитории и внутреннему движению мысли, эту тему было не обойти, ведь от того, сколько будет людей на Земле, зависит инфраструктура цивилизации в общем доме че-

ловечества. Одновременно несколько участников заявили о намерении комментировать последний посыл или подать реплику.

– Мы знакомы с работой Сергея Петровича. Динамика роста народонаселения выглядит как логистическая кривая. Но есть страны с огромным демографическим потенциалом: Китай, Индия, Бразилия, Мексика, наконец, страны Африки. Что-то у них не получается развернуть свой рост в обратную сторону, люди намерены размножаться дальше, чтобы, в конечном итоге, покрыть собой всю планету. Нас, россиян и европейцев, в процентном отношении становится всё меньше. В ситуации острой демографической конкуренции мы тоже встанем под флаги «догнать и перегнать».

– Рождаемость регулируется экономикой, экономика стимулируется рождаемостью, но прежде всего рождаемость регулируется традициями и уровнем урбанизации. Есть чёткие закономерности, – парировал Цветов, – и эти закономерности обратно пропорциональны. Заметьте, дорогой коллега, чем выше уровень жизни, чем больше энергопотребления на душу цивилизованного человека, тем меньше рождаемость. С этой точки зрения, когда все страны, в том числе и развивающиеся, достигнут такого же уровня энергопотребления, как Соединенные Штаты, рождаемость упадет и там. К слову сказать, в штатах афроамериканские семьи высокого положения имеют одного-двух детей, и больше не надо. Это психология, господа. Человек хочет большего и желает лучшего для своих потомков. Образованный люд не желает обрекать большой выводок на нищенское существование.

– Да, в этом есть резон, – перебил выступающего профессор Островский, – Мы исследовали семейный вопрос в Германии, где уделяется много внимания гендерной политике. С развитием индустрии потребления немки стали требовать от Бундестага признания женских и материнских обязанностей работой, которую им необходимо оплачивать за счет налогоплательщиков в размере не меньшем, чем оплачивают труд их мужей. В итоге многие немки предпочли не работать, а просто жить на «женские» пособия. В таких условиях, по мнению социологов, в семьях должен был наблюдаться рост рождаемости. Но произошло обратное: немецкий генофонд стал иссякать...

– По причине социальной лениности! – возвращает инициативу Цветов, – обеспеченные бюргеры не хотели терять уровень комфорта. Тогда немцы забили тревогу: началось вырождение нации! Ситуацию спасли курды и арабы, мигрировавшие в страну в 90-х годах. Они социально и генетически более активны и охотно предоставили пышным арийским дамам возможность заполучить свои гены, и, представьте себе, – началось демографическое оживле-

ние – в ущерб чистоте крови! А теперь вообразите, что многомиллионная армия «лишних» китайских мужчин предоставит аналогичные услуги всему женскому населению планеты, и какое лицо мы увидим в симбиозе? Явно не рязанскую морду!

Михаил Борисович чувствовал, что перегнул, сойдя на лексику плебса. В зале началось нездоровое оживление. Все сразу представили китайцев, подступающих к детородным россиянкам, заждавшихся мужской ласки, которую щедро дарила миру страна вечного солнца. Цветов понял, что надо выходить из демографического пике и делать завершающий аккорд своего выступления. Он многого не сказал, и вряд ли представится такая возможность далее. Неужели ради этой почти бесплодной дискуссии он рвался в сибирскую даль? Он хотел убедить публику, что население не будет расти столь стремительными темпами, и к тому же появится новый вид энергии, а его сталкивали в общую банку с консервами предубеждений: население будет расти по экспоненте и потреблять нефть и уголь! Следовательно, необходимо делать запасы для избранных, завоевывать энергоёмкие территории, и все это приведет к новым войнам и столкновениям. Нехорошо...

– Я подхожу к итогу своего доклада, – резюмировал Цветов, – в настоящее время человек вплотную подошёл к разработке нескольких видов новой энергии. И это не толщи природных запасников в тоненькой коре нашей земли, где мы уже скребём по сусекам. Нефтяная эра на закате, сегодняшняя эра – газовая. Тридцать лет назад Америка догнала всех по добыче метана из сланцевых пород и закрепила себя в качестве глобального экспортёра. Уже сейчас ряд видных экспертов утверждают, что метан в сланцах ещё долго не кончится и всё только потому, что он пополняется, рождается, генерируется в результате насыщения пород водородом. Энергетика будущего – это экологический водород! Вот где голубая энергия! И его на земле ровно столько, пока будет существовать наша планета в том виде, в котором мы её знаем... Человечество оседлало ветер, и мы поплыли на парусах, заработали мельницы. Потом закрутило воду, и гигаватты энергии потекли по проводам, осветив всю планету. Мы преобразуем движение окружающей среды в электричество, и этот факт уже давно естественно и гармонично укладывается в нашем сознании, выпитывается с молоком матери и вдальбливается учителями в младших классах. Так какие же новые движения мы с вами покорим в будущем?! Какую часть окружающей среды откроем для себя в новом качестве?! Учитывая тенденции сего дня, мы неуклонно погружаемся в микромир. Да, именно там мы найдём неисчерпаемый источник энергии – во флуктуациях эфира! И главным источником энергии

будет для нас – ВОДА, которой у нас целые океаны. Собственно не сама H_2O , а уникальный инструмент, раздвигающий атомы на элементарные частицы в переходном состоянии между льдом и паром. Да, да! Именно – стадия жидкого состояния исключается! В жидком состоянии вся энергия уходит на его поддержание. В период интенсивного таяния снегов под жарким солнцем мы могли бы заметить процесс «испарения льда» в тончайшем слое между льдом и паром – толщиной в одну молекулу. При этом выделяется колоссальная энергия, но вся она используется для производства воды, – консервируется. Если ее «собрать» до образования водного слоя, то получим чистую голубую энергию. Она прекрасно аккумулируется в твердых кристаллах!..

Цветов, перелистывая слайды презентации, косвенно выхватил внимательные взгляды аудитории. Учёные заворожено слушали прогнозиста, но никто не пытался перебить или остановить его неумышленным вопросом. Все ждали раскрытия главного секрета – как это сделать?

Знаменский, доселе с трудом сдерживающий скуку, приостановилковыряние в планшете, и напрягся всеми мускулами учёной мысли: «...голубая энергия... и эфир... слишком много совпадений! Мы уже подбираемся к секретам тонкого мира, который, как выясняется, вполне реально кишит всевозможными энергетическими элементами. Не исключено, что и в каждом из нас живёт нечто подобное. Кажется, работают параллели научной мысли».

К сожалению (или к счастью) присутствующих Михаил Борисович прекратил своё повествование торжественной риторикой о новом витке цивилизации, оставив слушателей в мягком недоумении. По правде сказать, он и сам точно не знал, как можно «снять» энергию тонкого пара. Здесь нужна исключительная точность, а это возможно только с помощью суперсовременной техники, километровых расчётов и пикотехнологий. В скором времени, убеждал себя прогнозист, все эти составляющие сойдутся в круг, и открытие целой эпохи не заставит себя ждать.

Доклад Цветова был поставлен после перерыва, и губернатор его не слышал, хотя тезисы были отражены в общем каталоге. Но он от этого не страдал, напротив, без официоза было легче не лезть за словом в карман. После выступления он с удовольствием остался послушать презентацию Ольги Орловой, но она отозвала свой доклад, а подготовленные демонстрации нетрадиционных способностей обитателей Центра отложили на третий день.

Куратор удалился вслед за VIP-персонами – провожать губернатора. Перед отбытием губернатор принял приглашение Бориса Арнольдовича посетить его личный Кабинет, чтобы обсудить некоторые вопросы без протокола и прессы. Ни Ольга,

ни Глинский приглашены к разговору не были, что никак их не смутило по причине неведения о факте проведения закрытой встречи.

Откинувшись на спинку замысловатого кресла в форме восьмерки, губернатор Степан Михайлович Верховцев намерился задать ряд вопросов директору ЦРБ и начал, как водится, с материально-технического обеспечения. Одоблив в целом структуру Центра, оценив уровень его оснащения, спросил, какие планы дальнейшего развития-реконструкции этого заведения просматриваются в перспективе. Борис Арнольдович чувствовал себя загнанной лошадей, которых пристреливают за неимением от неё хозяйственной пользы. В его арсенале было такое, о чём власть имущий гость не мог даже мечтать, но разглашать секреты Центра было бы верхом безумия. Что касается социально-экономического блока прогнозов, разного рода форсайт-проектов, в этом была сведуща Ольга Григорьевна, но её присутствие отклонили помощники губернатора. По какой причине – осталось невыясненным. О чем толковать? Разговор бы и шёл «ни о чём», если бы Феликс Кайсаров не вступил в тему. Он был сведущ в делах Института Развития Человека, особенно в части образовательного проекта. Впрочем, и губернатор знал о проекте Интегрального образования и уже выделил на его реализацию значительные средства.

«Если это визит вежливости, то почему он затянулся?» – думал Куратор, – что он хочет от нас, неужели узнал что-то про Астру?!..». Тревога стучала в грудь повышенным пульсом, готовясь превратиться в панику. Губернатор явно хотел иного расклада в разговоре. Его внимание к Центру не входило в планы самого Центра, но международный уровень Симпозиума, прибытие известных на весь мир столпов прогностической науки не могло пройти мимо губернаторской команды. Осмыслив тот факт, что у него под боком завелся научный «шабаш», в котором производят уникальные прогнозы, не известные ему, Степан Михайлович решил сам разобраться в ситуации. Всё, что можно было выудить из всемирной паутины, а также всё, что было известно офицерам краевого ФСБ, у него уже было. Но информация была либо засекречена спецслужбами, либо её просто не было – по типу «пропущенных звонков». Мозг ловит то, что ему полезно, а прогнозы ему бесполезны, и система «пропускает» эти информационные швы, как сломанная швейная машинка. В результате временные лоскуты истории разваливаются, образуя немыслимые сочетания: религиозные фанаты, движущие крестный ход на центральную площадь (там же памятник атеисту Ленину), борцы рыночной экономики, принимающие парад Победы на трибуне Мавзолея (там же мумия вождя мирового пролетариата). Первобытность массовых митин-

гов с использованием современных IT-технологий, дьявольские танцы распущенных девиц в храмах, гипер-коррупция высших чинов и тюремное заключение молодёжи на несколько лет за кражу мобильного телефона, – всё это сваливается в стихийную кучу, радуя потомков перспективой увлекательного наследия.

Словесный поединок науки и власти закончился мирным соглашением о сотрудничестве. Бориса пригласили провести несколько семинаров для чиновников о новых технологиях познания перспективы, губернатору дали обещание впредь информировать его о результатах и планах ЦРБ. Недвусмысленно подмигивая друг другу, Феликс и Оксана Слуцкая заверили своих боссов держать связь. На том и расстались. Борис понял, что теперь он «под куполом». Ладно бы ещё налоговая проверка, а то завербуют сотрудников, начнётся утечка... Куратор, пропустивший выступление Цветова, почувствовал нечто подобное состоянию «между льдом и паром», через тонкий канал которого утекало немыслимое количество жизненной силы. Опора тает, но не течёт, а завтра от всего этого останется только пар. Но это будет завтра, а сегодня ему надо держать под контролем Астру. Полковник Колечко уже предупредил о своём визите. Вечером будет лёгкий разговор.

ГЛАВА 19. ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА

Симпозиум продолжал свой неровный ход, пока в аудиторию не ворвался Иван Забродин, прибывший из Костромы своим ходом. Иван Михайлович был отыскан вездесущим Глинским, который нашёл его имя в старых списках Брусилова. Когда-то этот чудак-человек был маститым учёным с двумя докторскими степенями, но впоследствии ударился в мистику, собрал в лесу сруб и ушёл в отшельничество. По слухам, он общался с инопланетянами, записывал «голоса» Высших Учителей и вообще имел неосторожность прослыть сумасшедшим. Приглашение, высланное Львом Аркадьевичем по почте на домашний адрес профессора, могло бы остаться без ответа. Однако Забродин получил его и, не предупредив Глинского, сам явился на Симпозиум, чтобы выступить с речью без презентаций.

После обеда во второй части пленарного заседания участникам было сложно концентрировать внимание на разноплановых темах выступлений – от геополитических прогнозов и становлении нового экономического порядка – до религиозных суждений о перспективах веры. На самом деле это больше напоминало диагностику «эры разобщенного мира», в которой превалировала констатация фактов. Всё, что не имеет значения, покрывается туманом сна. И сон накрыл аудиторию, демонтируя кон-

струкции перспективных проектов. Все сидели на своих местах с открытыми глазами, но в некотором оцепенении. Погружение в ауру грядущего – в иное временное измерение, которым было означено это место и это время, проходило крайне медленно.

ЦРБ собрал всех в «одной лодке», не преследуя такой цели, но всё получилось само собой. То, что не относилось к будущему, расплзлось в мозгах, рушилось сомнениями и в конечном итоге исчезало. Никто не мог запомнить чётко сформулированные и зафиксированные информационные блоки – они пролетали сквозь разум, не оставляя следа. Даже докладчики, досконально помнившие свои тексты, после их озвучивания теряли нить рассуждений и с удивлением обнаруживали их как новые – кем-то написанные в далеком прошлом. Сотрудники Центра заподозрили, что сонливость аудитории и её избирательное пробуждение в моменты истин – следствие мощного энергетического воздействия, как будто кто-то не хотел, чтобы люди засоряли себе мозги тем, чего не будет. «Воздействие» было опознано, когда неуклюже вышло на подиум к трибуне. Зал проснулся и заморожено впился глазами в трибунное место.

Забродин, выдержав паузу, говорил монотонно, но чётко и громко, ему не требовался микрофон. Акустика в зале была отменной, и его хорошо было слышно в наступившей внезапно тишине. Казалось, священник читает молитву, гипнотизируя верующих. Все «лишние» к этому моменту из зала вышли, как будто невидимая волна выплеснула их из пространства грядущего:

– Человеческое сообщество принимает на веру то, что понимает. А понимает оно больше, чем могло бы понять, применяя все знания, полученные за все века данной цивилизации и ей предшествующих. Люди понимают Бога, потому и верят ему. Не верят те, кто не понимает. Это понимание не основано на доказательствах и логике – он идет из глубинного космоса внутри нас.

Новое знание поступает в информационное поле издревле, но только единицы были способны дотянуться до него. Пока человек не был готов, ему помогали Высшие Учителя, совершенствуя мозг и расширяя наши возможности. И вот мы готовы. Наступила эпоха всеобщего приёма нового знания, когда и младенец, и старец становятся его приёмниками и адептами. Не все ещё осознают это, и новое знание ждёт своего часа в анналах души нашей, готовое вырваться в осмысленный мир по сигналу свыше. Бесы уже догуливают в душах и правят последний пир. Оттого так много людей, выплескивающих животный жар плоти...

Все построенные человеком системы власти и управления не выдерживают испытания временем и разрушаются, поскольку основу этого устройства составляют ложь, обман, и подавление человека

человеком. Все усилия напрасны: прогресса не будет, когда нет ведущей идеи, нет нового Человека, который реально мог бы вывести общество и государство на новый виток развития с использованием Божественных начал.

Но есть путь, идя по которому мы раскроем панораму счастья. И путь этот – Любовь и Вера. И мы сможем это понять и принять, сбросив шелуху зависти и агрессии. Начало будет в России, поскольку её духовный менталитет основан на Совесть. Только в этой стране могут открыться истоки разума, кладовые научных знаний, переворачивающих представления о мире, сформированные предыдущими веками.

В XXI веке через Россию начнется тотальное оздоровление человечества. И это единственное достойное направление, в которое необходимо вкладывать все силы, энергию, творчество. Российское общество, велико приумноженное союзниками разных стран и наций, может стать высоко духовным и передовым, готовым пойти на гуманитарные реформы в своем гражданском мире. Новое знание подобно еле заметному изменению однообразия. И только глубоко чувствующие люди способны заметить его зарождение и направить своё любопытство, вопреки животным страхам, в новую жизнь.

Издревле предчувствие было проведением Высших сил. Но мы эволюционируем в сторону гиперчувствительности, конвергенции чувственности и интуиции с выходом на новый качественный уровень. И путь этот проложен в направлении осознания себя как неотъемлемой части Вселенной – в направлении создания новых институтов развития духовности, чувственности и разума, в создании и принятии новой философской парадигмы, гармонично согласующейся со всеми накопленными знаниями, и приближающей нас к истине о том, что мы называем Богом.

Мысль на вселенском языке уже достигла нас, но мы не можем перевести её на наш – человеческий – любой язык мира. Ибо мысль вселенская есть не слово. Она есть образ плюс энергия плюс ощущение. Для познания её у нас нет ни ушей, ни глаз, ни иных органов восприятия. Однако мы уже обладаем ею и носим её в себе, изменяясь по образу и подобию сообразно силе нашей и готовности к пониманию сути всего сущего...

Забродин сделал глубокую паузу, выпил стакан воды, но зал даже не шелохнулся. Никто не закидывал ему колючих реплик и не прерывал его повествование. Гарик Огарёв, только что вернувшийся из холла, где он снимал на камеру разряженных, как папуасы, эзотерических фигурантов Центра, замер, не открывая глаз от объектива, чтобы запечатлеть редкий экземпляр этого земного гуманоида. Он сам не понял, почему его вдруг потянуло в аудиторию, хотя работы там – за его границами – было хоть от-

бавляй. Забродин мгновенно поместил Гарика в фокус зрения, продолжая свою странную речь. Он смотрел на Огарёва так, как будто тот был «готов» к новому знанию, и в его голове не кружились, как названные мухи, грешные мысли и сомнительные воспоминания. Продюсер не смог сделать ни одного кадра. Его сильная и чистая душа, попавшая в паутину искривленного пространства, сокрытая под хламом наносного, в этот момент открылась, как будто это должно было случиться прямо здесь и сейчас...

Вот пройдет это гипнотическое воздействие, и Огарёв снова станет сам собой: талантливым фигляром, играющим человеческими пороками, как ребёнок – игрушками, ломая и любя их. Но нечто уже вошло в него, как нож в масло, и оно будет делать свою работу, независимо от Гарика и его продюсерской деятельности. Зёрнышко посажено...

Ольга отметила внезапную связь между Забродиним и Огарёвым, поскольку обладала сильной волей, сохраняющей свою целостность при любом гипнотическом воздействии. Ей вдруг невыносимо захотелось поместить себя в поле между ними и принять на себя одуряющую волну просветления, идущую от этого полудикого учёного, говорящего как оракул. Иван Забродин был похож на Ошо, и у Ольги ассоциативно сложилось его неземное имя – Олан. При возникновении этого слова густая кровь озарила лицо владелицы Центра, острое предчувствие царапнуло нервы. «Это он! – подумала Ольга – я его знаю. Он как будто из будущего...». Но как? Почему он здесь? Человек, хотя и с необычной, но вполне себе земной биографией, из костей и жил, в живом теле...

– Тело человеческое, – продолжал Забродин, как будто уловил мысль Орловой, – сосуд – хрупкий и драгоценный, но не единственный для обитания душ. Души иссякают в телах, если потворствуют их желаниям. Они лучше хранятся в вакуумных линзах. Бесконечное число раз, пока не иссякнут. До недавнего времени всякую душу возвращали в рожденное тело в утробе матери, дабы дать ей повторный шанс вырасти в хрупком и комфортном обиталище, помочь человеку приобщиться к Богу. Человек отрабатывал бы грехи прошлых воплощений, и очищал душу, продлевая часть жизни на её восполнение и развитие. Но сколько бы раз Учителя не повторяли это, души становились все ниже и грязнее. Планета заражена грехом. И от поколения к поколению грех растёт, как огромный гриб, сея свои споры по свету. Человечество пленено на планете Земля, и его не выпустят во Вселенную, пока не оно не очистит свои души. И сделать это мы должны сами, ибо чистильщиков в загробном мире больше нет! Вышшими Учителями было принято решение прекратить реинкарнации. Теперь исковерканные души не будут возвращаться в плотный мир, они подлежат

аннигиляции. И душ становится все меньше, а тел – больше. Это всего лишь биороботы, способные не только поддерживать свой жизненный цикл, но и размножаться, обучаться тому, что уже известно – без дальнейшего развития. Тонны тысяч лет человечество так и жило. Тянули груз животной жизни, а их внуки их и правнуки и пра-ра-пра-правнуки держали в руках мотыгу и каменный нож. Они бы вымерли, но слишком хороши были эти тела, отточенные, как скульптуры, сильные и выносливые. И, когда в них поместили ранние молодые души, человечество стало развиваться и делать рывки в сторону прогрессивной эволюции...

Подобные тексты в изобилии плавали в телеэфире. Однако все они были запятнаны хаотически подобранными фактами из исторического прошлого. Таинственное «новое знание» просачивалось в информационное поле, но его быстро подхватывали, облекали в сенсацию, обвешивали домыслами – на уровне бытовой техники и, в конечном итоге, – доводили до абсурда. Вот откуда повальный скепсис. Иран Каримов, присутствующий в зале, задним умом уже планировал выхватить у Забродина эксклюзивное интервью для своего телешоу «Завтра будет Завтра». Взрывоопасная помесь профессионального ажиотажа и отрешенность, вызванная влиянием учёного мага, парализовала Каримова, как и Огарёва. Видимо, Высшие силы пока не готовы к трансляции знаний. Там всё от лукавого. Орла превращают в курицу, а курицу в орла – всем на потеху. Опального профессора превратить в сумасшедшего было бы просто, – публика любит такие превращения, как кровь на арене. Так думал Каримов, но постепенно эти мысли расплзлись в стороны, как поганые тараканы, а внутри остался чистый свет, не желающий светиться на телеэкране. Впоследствии он так и не смог составить сюжета из выступления Забродина, как будто это была «запретная тема». А тот продолжал свою речь.

– Мы уже далеко не те люди, которые жили в пещерах. Мы совершенно иные и ментально и духовно, но очередной цикл этой цивилизации закончен, и начинается новая эра. Нам предстоит пройти через узкое горлышко песочных часов вместе с Солнечной системой, плывущей в галактических просторах. И этот проход начался в конце 20-го века. Пройдут только легкие души – без груза материальной и родственной привязанности, без греха. Нам дано столетие на дожитие. А наши дети и внуки – они плоть от плоти и воспитаны будут нами, но они будут другими, они уже другие... Те, кто не смогут избавиться от объедения, алчности, лени (скуки), зависти (ревности), прелюбодеяния, гнева и гордыни, придется остаться и смириться с фактом дожития. Будущего у них нет. Разве новому миру хочется влачить этот груз? Люди новой цивилизации

сыты и одеты, и каждому дано место под солнцем, они чисты и светлы, и только любовь правит миром. Путь к этой жизни будет усеян прахом тёмных душ...

Академик Цветов внимательно слушал Забродина и всё глубже проникал в смысл сказанного – не умом, а чувством. Ум протестовал и кипел. Утопическая идиллия Забродина мутила рассудок, но, в то же время, каждый не только слушал и слышал, но и верил в то, что он говорит, потому что всё было понятно. Понимание погружалось внутрь индивидуального бытия, кодировалось и продвигалось вглубь мозга.

Михаил тоже шёл по этому пути, но конец его был не близок. Надо было отрешиться от всего земного, а он не мог. Столичный учёный изучал демографические и политические процессы, его интересовал мир таким, каков он есть. Он проецировал в будущее современные достижения, мечтал о гармоничном мире без войн и революций. Всё это находилось в области предметной деятельности. Ему тоже хотелось погрузиться в философию, как Диоген в бочку. Но все окружающие мешали ему. Теревили, требовали, просили, приглашали, тешили, возносили, платили, хотели – и брали. Михаил Борисович чувствовал себя, как мясо мамонта у поэта Вознесенского: чем более от него отрываешь, тем более от него остается. А теперь – наступил момент истины. Он понял, почему так рвался на этот Симпозиум.

Цветову стало душно. Он поспешил выйти из плена Забродина, и тот мысленно отпустил его, продолжая своё монотонное откровение.

Выйдя на волю, Михаил Борисович нашёл уединённое место и присел. Сердце сдавило невыносимой болью. Он подумал, что умер бы здесь – от инфаркта, и это было бы не так страшно, как в Москве, где многочисленные родственники и сослуживцы стали бы причитать над ним, оказывая умирающему нелепое навязчивое внимание. А потом – похороны с ностальгическими речами... Нет! Уж лучше где-нибудь вдали от суеты, в Сибири... Академику стало жаль себя, он машинально достал таблетку – приступы случались и прежде – пробовал проглотить её без воды. Но его стало колотить прежде, чем лекарство начало действовать. Все кругом поплыло. Чья-то тёплая сильная рука обхватила его шею, другая рука делала массаж груди и громкий низкий голос, очевидно принадлежавший владельцу спасительных рук, истошно кричал: «Доктора! Доктора сюда!». Сознание не потухло, но гасло, и, наконец, погасло совсем – в глубоком обмороке.

Цветов очнулся на кровати в медсанчасти. Рядом с ним сидела добрая полная женщина с большими карими глазами. Это была Магда. Она гладила его той же теплой рукой, приговаривая:

– Ишь, чо! Помирать удумал! Не дело это. Так ить напугал всех. Лежи уж... Рано ишо помирать. В тебе

вон грязь одна сидит, час вытащу и будешь здоровенький, як бык.

Магда начала делать энергичные пассы, потом достала из недр груди маленький пузырек, зубами открыла его и дала больному отпить глоточек. Горько-сладкий вкус разлился по языку. В груди стало жарко. Приятный вал теплой и нежной силой придавил к постели, закрыл веки. Михаил спал сном младенца.

Магда «почистила» ученому третью (жёлтую) чакру, отвечающую за управление, волю и ответственность. Именно в области солнечного сплетения она почувствовала сгусток негативной энергии, собрала его в кучку, стянула на кулак и выбросила, стряхнув со своей руки. Она была умелой целительницей, но прибегала к этому мастерству редко – в исключительных случаях. На самом деле Магда сняла то, что мешало академику Цветову жить полноценно – его привязку к обязательствам в отношении других людей, которые пользовались им, как энергетической машиной, черпающей эликсир жизни из вдохновения творчества. Воистину «Талант – деликатес для людоеда!», как сказал Павел Гет.

Вошедшая медсестра с капельницей строго посмотрела на Магду и открыла рот, чтобы выгнать её из палаты. Но в ответ получила резкое шипение, резкий взмах руки – и девушка припала к стене, не в силах пошевелиться.

– Ш-ш-ш-ш... Тише! Молчи. Не мешай спать. Уйди с колбой. Принеси воды. Ступай!

Магда отёрла руки о фартук и довольная проделанным добром, тихо удалилась.

ГЛАВА 20. СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА

Обитатели Центра – экстрасенсы, шаманы и ясновидящие, не принимали участие в первом дне Симпозиума. Их выход намечался на третий день – на десерт. Такой финал был задуман Глинским, чтобы не расплескать публику, удержать кворум до закрытия. В любом случае, присутствие на официальном мероприятии экзотических фигур было бы неуместным. Однако в каком бы формате не жили люди, а посмотреть, пообщаться с уникальными личностями было интересно всем, даже если они относились к их способностям скептически. Тайное желание узнать что-то о себе, да еще бесплатно и без риска – такое вряд ли возможно в суеете городской, да и сельской жизни. Публичные выступления экстрасенсов планировалось чередовать с личными приёмами – бесплатно, как говорится за счёт заведения. Ну, как тут удержаться? И маги готовились, как полагается. Нарядившись в ритуальную одежду, бродили по Центру и присматривали себе клиентов: чем их больше, тем выше будет гонорар.

Вот гадалка – Лучезарная (Зара), вся в чёрном люрексе, бренчит серебряными подвесками, шуршит

широченными цыганскими юбками, по ходу перебирая в руках карты Таро. Её пальцы обвиты множеством колец разной категории сложности. Змейки, топазы и сапфиры сверкают в ловких руках со свирепым, как когти рыси, маникюром. Роскошные чёрные очи проглядывают из-под ливня волос, стекающих с аккуратной головки, украшенной диадемой.

Гипнотизер Гарпий, оказавший услугу Шилову, облачился в чёрный фрак, когда-то добытый им в театральной студии. Красный шейный платок, причудливо закрученный вокруг тощей шеи, отвлекает внимание от магических движений гибких, длинных, как стручки золотистой фасоли, пальцев с бугорками выступающих суставов. Он строен и высок, худощав и заносчив. Глубоко посаженные глаза тёмно синего цвета, длинные волосы с проседью у висков зачесаны назад и собраны в крутую косичку. Гарпий готов к экспериментам.

Ясновидящая Лила облачилась в золотистую тунику, надела высокую египетскую корону с антеннами, подвела глаза, поместив их в красные треугольники, покрыла руки длинными прозрачными рукавами, свисающими с кистей. Ей предстоит вещать «с того света».

Молодой маг Ян ошеломляющей красоты с чертами лица восточного рода-племени предпочёл строгий синий костюм, длинный пиджак с высоким воротом, застёгнутый на многочисленные маленькие пуговицы. Его атрибуты – старинные меч и кинжал, доставшиеся ему по наследству. Он невысокий, гибкий, как ягуар, строгий и застенчивый. В работе внезапно превращается в туго натянутую струну и производит резкие движения, принимая позы, напоминающие буквы или символы, как будто пишет телом.

Магда, по традиции одетая, как казачка, на случай праздника достала самые красивые юбки и фартуки, вышитую узорами кофту, развесила на пышной груди разнокалиберные монисто – от бисерных коле до связки крупных красных бус размером с ранетку. В косу вплела алую ленту и украсила голову цветком мальвы. На этот раз она была очень хороша собой, как будто 15 лет слетело с её огрубевшего лица и располневшей фигуры. Голубой эфир сотворил чудо. В глазах поселились бриллианты, длинные ресницы девственно хлопали в ладоши, щеки горели здоровым румянцем, оттеняя молочно-белую крепкую кожу, губы рдели без всякой помады (Магда ею никогда не пользовалась), а во всём теле появилась задорная гибкость. Волшебница плыла по коридору, подёргивая кончик косы, и всхлипывала носом. Она ждала, что приедет Матвей Иванович Колечко, имя которого она видела в списке приглашенных гостей, но вот уж и первый день к концу, а его все нет. Казачка, владеющая прошлым, оказывала услуги многим людям, когда надо было найти пропавшего без вести или поймать убийцу, но вот

себя обслужить не могла, как и многие её товарки по роду занятий.

Внезапно она дёрнулась всем телом и застыла на месте. Резко обернулась и – вот он – идет вслед за ней по коридору с двумя охранниками – Матвей... У Магды подкосились ноги, и она припала к стене, чтобы пропустить идущих вперед. Не узнать любимого она не могла, только у него был такой задиристый нос и тёмно каштановые волосы. Но самая главная примета – большая родинка на правой щеке. Любимый, конечно, изменился за четверть века разделяющей их разлуки, стал шире и массивнее, но зато появилась некая генеральская импозантность важной персоны, от которой у всех его секретарш случалось содрогание сердца. В общем, шарма было, хоть отбавляй.

Матвей Иванович, гладко выбритый, в парадной форме полковника с медалями на груди шёл на встречу с Директором ЦРБ Борисом Брусиловым, чтобы «внести ясность» в интересующую его тему. Он был зол, устал и страдал от избыточной ответственности и лишнего веса. Обитатели Центра вызывали у него смущение и скрытое негодование, но он их как будто не замечал. Прошёл он и мимо Магды, даже не взглянув в её сторону. Через три шага обернулся, как будто неведомая сила повернула его могучую шею в обратную сторону. Тут же остановились и сопровождающие его лица.

– Ты кто? – строго спросил полковник, обращаясь к Магде. С такого же вопроса 25 лет назад началось их знакомство. Горячий хлопец подхватил тогда молодую Магдалину в кустах в крепкие объятия: «Ты кто такая... гарна дивчина?».

– Я? Магда...лина я. Магдалина! – как и в свои двадцать лет ответила Магда.

– Ягода, что ли?... – с ударением на «о» выдавил из себя Колечко, не веря своим глазам. Давление мгновенно подскочило, и лицо полковника покрылось багровой краской. Он замешкался, как и следует в таких случаях, хотя таких случаев бывает раз в жизни, да и то не у всех. Неожиданная встреча, да ещё в таком месте, с любовью юности своей, никогда не забываемой и утерянной по воле случая, подобна временной пропасти, которую надо преодолеть за краткие миги – вот здесь и сейчас. Собрав в кулак всю свою полковничью волю, Матвей Иванович попросил жестом удалиться сопровождающих его офицеров.

– Как ты здесь? Какими путями? Ты куда пропала? Я искал тебя. Три года искал. Говорили, что ты уехала в неизвестном направлении никому и ничего не сказав... Как такое могло случиться? – полковник буквально засыпал Магду вопросами, не дожидаясь ответа.

– Я?!.. Да это же из-за тебя! Это ты... погиб. Мне сказали добрые люди, что тебя привезли грузом 200

в закрытом гробу и схоронили на родине матери твоей в Херсоне. Только потом я узнала, что ты жив...

– Да, погиб друг мой Матвей, тёзка мой... Я был совсем на другой спецоперации. Как всё запущено! Ладно. Разберусь. Сейчас мне надо идти. Разговор тут есть – с вашим начальником. Потом найду тебя. Ты где остановилась?

– Живу я здесь... Комната 17 на втором этаже – вон в том корпусе – напротив.

– Ладно, доживи до моего визита, не пропади опять... А то я тебя!..

Полковник обнял Магду по-дружески, как бывшего однополчанина и направился резкими шагами в Кабинет Брейса.

Двадцать пять лет слетело, как не бывало. Взволнованная Магда помчалась в свою комнату – прибрать, приготовить, да и самой... «Как же это, как же? Что за жизнь-то такая!» – причитала ведунья, торопливо спускаясь по лестнице на первый этаж и путаясь в подолах своих длинных юбок. Там она некстати столкнулась с Ольгой Григорьевной, уже ищущей её по своей надобности.

– Ты куда пропала, Магда?

– Так вот, это, как же так, Ольга Григорьевна? Он приехал, Матвей Иваныч-то, узнал меня и велел ждать. Так идти ж надо ...

– Подожди! Мне надо предупредить тебя, чтобы ты лишнего не наговорила. Про Астру молчи, ничего не рассказывай. Это секрет. Ты поняла меня?

– Да поняла, поняла, матушка, О... Григорьевна. Вот те крест, молчать буду!

– Ну, хорошо. Выглядишь на все сто! Иди уже...

Орлова проводила взглядом немолодую женщину, спешащую, как на первое свидание, к своему возлюбленному. Ей стало жаль её. Годы прошли, утерянные женские годы. Она так и не стала ни матерью, ни женой, ни чьей-то подругой. Типичная одинокая «сорокапятка», можно было бы сказать про неё, если бы она не стала известной ведуньей. К ней обращались в основном по следственным делам: найти преступника, труп жертвы, восстановить картину преступления. Она вращалась как раз в таких кругах, где могла бы и встретиться со своим Колечко. Но вот – не встретилась. Судьба...

Ольга вздохнула от мысли, что ей потом предстоит буквально реанимировать Магду после встречи с её единственным мужчиной, ведь шансов – никаких...

Колечко вошёл в Кабинет Брусилова, где его с тревогой и едва скрываемым раздражением ждал Куратор. Он только что отошёл от встречи с губернатором, и вот теперь предстоит опять – напрягать волю, чтобы устоять перед полицейской хваткой полковника. Борис был не один. В кабинете у камина сидел спокойный, как слон, профессор Знаменский, уравновешивая нервную дрожь Куратора.

– Борис Арнольдович, рад познакомиться. Спасибо за приглашение, но раньше не мог, извините, дела. Вот супруга ваша Ольга Григорьевна, пригласила на Симпозиум. Но я в этом деле – в прогностике не силен. Но у меня к Вам вопрос имеется. Да. Вот такой вопрос, знаете ли...

– Да, знаю, Матвей Иванович, – пошёл в атаку Брусилов, – у нас в Центре работает девушка – Анастасия Волгина, внучка нашего сотрудника – Акима Петровича. Она вас интересуется?

– По нашим оперативным данным, эта девушка не Волгина, а Зиминая, Анастасия Александровна, без вести пропавшая 13 лет назад. Мы нашли её сестер, брата. Наше дело, собственно, состоит в том, чтобы взять у вашей Анастасии пробы на анализ ДНК – для установления родства. И у вашего сторожа – тоже. Разрешение имеется.

– У нас есть все её анализы. Они готовы, могу Вам передать, – вступил в диалог Знаменский, – не стоит тратить драгоценное время.

– Позвольте с Вами не согласиться, – протестует полковник, – мы сами возьмём пробы тканей, крови, откатаем пальчики, как положено, составим протокол. Со мной мои специалисты приехали. Таков порядок.

Дело принимало крутой оборот. Борису со всей очевидностью стало ясно, что причина не в установлении родства никому не известной провинциальной девушки. Да и стал бы полицейский такого ранга сам (!) заниматься подобным делом. Поручил бы кому. Следовательно, причина – в другом. Значит, полковник уже пробил по своим каналам, что-то знает. Ему надо во что бы то ни стало увидеть Астру лично, зафиксировать факты, а потом – давить, допрашивать или шантажировать? Что ему надо? Борис напряженно искал выход из ситуации.

Стук в дверь. Кто это? Ольга, не дожидаясь приглашения, с отражением в глазах усиленной тревоги, резко вошла в кабинет с решимостью, не терпящей возражений.

– Борис, Астра проснулась! Простите, Матвей Иванович! У нас ЧП. Александр Павлович! Пойдёмте. Вы нам нужны.

Все трое резко поднялись и направились к выходу, давая понять незваному гостю, что ему тоже придётся покинуть помещение.

– Завтра, господин полковник, завтра. Все будет сделано, – заверил его Знаменский, задерживаясь на минуту, чтобы уладить неловкий момент, – ведь это же может подождать до завтра? Уже вечер, Вам надо отдохнуть, а мы тут своими делами пока займемся.

– Астра? Это Анастасия Зиминая? Что с ней? Что Вы с ней сделали?! Нам надо провести осмотр! – упрямылся полковник.

– Вы идите, я немного тут задержусь, – профессор посмотрел на Бориса и Ольгу с выражением полной готовности дать отпор навязчивому поли-

цаю. Они поняли его и быстро ретировались, оставив полковника наедине со Знаменским.

– Видите ли, уважаемый Матвей Иванович! Дело в том, что Анастасия не совсем здорова. Более того, она совсем не здорова в том смысле, как мы это понимаем. У неё врожденная нейролепсия – такая форма нарушения сна, когда она может в любой момент заснуть или проснуться – в любой момент, и в любом месте. Ей необходим особый уход. Да что я Вам говорю, пройдёмте ко мне, я покажу Вам её медицинскую карту – там всё по форме расписано, можете изучить до утра – времени хватит.

– Предположим, у неё это, как вы сказали? Нейролепсия. Это не меняет дела. Нам необходимо установить личность потерпевшей. Если она больна, доставим её в клинику, как положено. Здесь не место больному человеку. Тем более, она нуждается в нашей защите. Зачем она Вам? Что Вы так её оберегаете от нас? Или есть то, что Вы скрываете?

– Да, мы что-то скрываем. Это факт. Мы скрываем, что в нашем Центре есть новейшее медицинское диагностическое оборудование, которого нет ни в одной краевой и окружной клинике. А наши специалисты в области медицины – все имеют учёные звания, дипломы и благодарности, а главное – лицензии. Кроме того, мы все находимся под контролем спецслужб, поскольку задействованы в проектах государственной важности. И экспериментируем мы не на людях, а на крысах. Наша Анастасия живёт в нашем Центре, у неё единственный родной человек – её дед. Здесь она учится, работает. Мы стараемся ей помочь излечить её редкое заболевание, чтобы она стала полноценным человеком...

Знаменский заливал уши полковнику медицинскими терминами, старательно расходуя и без того натянутое терпение. Колечко вдруг решил сменить тактику. Понял, что сегодня он ничего не добьётся, да и разрешения на обыск у него нет. Вот если бы он доказал, что девушка на самом деле Зиминая, то это был бы повод для открытия дела. А так – только одни предположения. Ладно, завтра, так завтра, – решил полковник. Тем более, у него наметилась одна очень личная встреча...

– Хорошо, я Вас понял. Завтра продолжим. Где нам остановиться?

Знаменский тут же вызвал Феликса и распорядился насчёт заселения полковника в самых дорогих апартаментах – в отдельном домике на три персоны подальше от главного корпуса.

ГЛАВА 21. МАТВЕЙ И МАГДАЛИНА

После первого дня Симпозиума вечер удался на славу. Погода располагала к общению. Народ после ужина, как и планировал Глинский, сгруппировался по интересам и занялся обсуждением темы дня,

философствованием и научными спорами. Сам Лев Аркадьевич навестил Михаила Цветова, нашёл его в нормальном состоянии, вытащил из «больнички» и потащил к себе номер.

– Ты что это Киш-Миш, расхворался? Щас, мы тебя отпарим, я баньку заказал. Выпьём по рюмочке, – не больше. Поговорим. Я тебе место приготовил, спать будешь у меня – у меня две комнаты в номерах...

– Какая рюмочка, Лева? Мне бы до дому добратся целым. Я тут такого наговорил и наслушался, что сердце рухнуло. Что-то взволновался не по делу... Забродин – это твой кадр? Где он, кстати? Хочу с ним поговорить.

– Не сегодня. Ты с ним будь осторожней. Он не простой человек. Может и ударить...

– Чем, палкой? Ну, скажешь тоже. А с виду приличный человек.

– У него оружие куда страшнее палки. От него все в шоке.

– А что, тут все такие? Видел я ваших медиумов. Странные они все...

– Вон, видишь – дамочка в монистах дефилирует под кедрами? Это Магда. Ждет кого-то. Посмотрит на тебя, возьмет за руку и все скажет: где, с кем и сколько? Ничего не скроешь...

Цветов присмотрелся к «дамочке» и нашел её весьма экзотичной. Так они с Глинским и стали невольными свидетелями «встречи на Эльбе».

Магда, изрядно потомившись в комнате, вышла на двор и ходила туда-сюда, ожидая встречи с полковником. Сердце её бешено колотилось, и, она то и дело надавливала на грудь крепкими, маленькими, по сравнению с бюстом, кулачками, чтобы утихомирить невольный взрыв давно забытого чувства. В темноте показалась плотная мужская фигура. Женщина рванулась вперёд, остановилась, как вкопанная, за шаг до встречи, рискуя упасть навзничь. Он подхватил её, обнял за плечи и повёл в сторону от света фонарей.

– Малинка – Магдалинка! Ягодка моя! Что же мы с тобой наделали? Ух, ты! На тебе и кофта, и монисто... Не думал, что увижу тебя – такую...

Матвей вёл себя так, как будто и не было долгой разлуки. Он и сам не знал, как будет себя вести. По старой гусарской привычке хотел взять вино и цветы, но где тут их достанешь. Пошёл наобум с голыми руками, стыдясь своего парадного костюма. Он никак не планировал сразу же обнимать Магду, вообще думал так – поговорить, вспомнить прошлое. Разобраться, что же тогда случилось, кто и как их разлучил. Только сейчас, прикоснувшись к любимой, воспылал какой-то неизбывной нежностью. От Магды шло невероятно сладкое тепло, от которого глож разум. Тепло затягивало в омут, заволакивало истомой. Мужчина давно не испытывал ничего по-

добного. У него, конечно, были штатные любовницы – на каждой должности. Но они его не грели. Дома большая жена, вечно стонущая, просящая. Мужик сделал для неё всё, что мог. Дом, дача, квартира, машина, обстановка. Но ей этого мало. Она хотела внимания, которого Колечко дать ей не мог – был занят. У него в запасе до запаса оставалось лет пять – не больше. И он уверенно шёл на генерала. Нужен был толчок – раскрыть громкое дело. Или тихое, но такое, чтобы на верхах вздрогнули. По этой причине он прекратил всякие амурные дела, чтобы не мешали карьере. Может быть поэтому он так быстро наполнился страстью, как настоявшийся коньяк – крепостью градуса. Что уж говорить о Магде, держащей любовный пост более двух десятков лет!

Хорошими женами ведьмы становятся редко, но, если уж такое случается, то земные мужья находятся в благостном заблуждении всю жизнь, полагая, что их половинки полностью зависят от них. И монашки, и ведьмы откровенно презирают земных женщин, зависящих от мужского фаллоса, и падающих ниц перед своими властелинами. Святоши полагают, что Бог презирает земных женщин, потому что они отвернулись от него и сотворили себе кумира в лице своих мужей и любовников: молятся на своих мужей и не понимают, что в тайные минуты наслаждения надо возносить благодарность Богу, а не твердить имя своего земного избранника. Земные – чаще всего нимфоманки или проститутки – используют мужчин для возбуждения, чтобы потом наедине отдаться Дьяволу.

Магда была земной и светлой... Ведуньей она стала не по призванию, а по необходимости, чтобы воплотить в себе дар предков по женской линии. Поэтому силы небесные отобрали у неё в свое время жениха, и впоследствии сделали отрешенной от мужской любви. Истинный дар плохо совмещается с семейной жизнью. Отдав себя дару, Магда отработала своё предназначение, и теперь с неё сползала змеиная шкура прежней жизни. Сползала, как кофточка с круглого плеча, которое неистово целовал сорвавшийся с катушек Матвей Иванович Колечко.

Глинский был чрезвычайно любопытен и потянулся подсматривать, что делают два зрелых человека – мужчина и женщина – за деревьями недалеко от жилого корпуса. Но Цветов оттянул его на полы пиджака и внятно шепнул, дабы не спугнуть влюбленную парочку: «Пойдем, ты же обещал мне баньку!».

Нацеловавшись до изнеможения, Матвей и Магдалина тихо прошли в её комнату, благо в коридоре никого не было. Все обитатели бродили по местам приложения своих даров и впечатляли гостей своими незаурядными способностями. Даже Псих, по обыкновению карауляющий передвижения Магды, запропал куда-то...

В комнате ведуни было тепло и уютно. Магда зажгла свечи, поставила на стол бутылку чистейшего, как слеза, самогона, припасённого ею на редкий случай, достала из холодильника приготовленные к встрече яства. Матвей с приятностью в душе наблюдал за её телодвижениями и мог бы сделать ряд критических замечаний по поводу изменений, постигших её крепкую фигуру за эти годы. Но он, напротив, с вождением смотрел на обширную юбку, заполненную теми частями тела, которые обычно вызывают у мужчин известное возбуждение. Полноэта женщины не оттолкнула его, а приблизила к финалу страсти. Он подтянул к себе Магду и, мешая ей хозяйничать за столом, и горячо зашептал: «Иди ко мне, ягодка моя!..».

От неё шёл такой дикий поток энергии, что у бедного полковника зашкалило в мозгах. И, вместо того, чтобы встать в боевой готовности, он с ужасом обнаружил, что перегрев сбил его торпеду на ноль. Магда высвободилась из его жарких объятий и поднесла ему полстакана горилки с маленькой тарелочкой, на которой красовались хрустящие огурчики и щепотка кислой капусты. Сама тоже налила себе. Они выпили, а потом долго сидели, молча, в обнимку, наблюдая, как догорает свеча... Магда вынула из своего тайника в груди крохотный бутылёк, из которого недавно отпаивала Михаила Цветова, и поднесла к губам Матвея. Он выпил, не протестуя. Спросил «Что это?», но сон быстро сморил его. Он так и остался спать в кресле, пока Магда расшифровывала его прошлое, держа его руку в своих теплых крепких ладонках.

Вся жизнь Матвея, как на ладони, предстала в её воображении. Награды, почести, построения, унижения на ковре высшего начальства, затем гнев и порки подчиненных, ужасные картины преступлений, которые он расследовал. Трупы, разбитые автомобили, растерзанные в кровь лица, допросы, допросы, дознания. Гостиницы, девки, пьяные кутежи в банях, стоящее за спиной измождённое ревностью и болезнью лицо жены... Сын, слабый и ничёмный, как и его жена. А еще взятки. Да, он брал взятки, и давал взятки...

Лица, люди, решётки, суды, деньги, квартира, водка, исповеди перед батюшкой. Всё кишело в мутном потоке так, что Магде стало тошно. Но вдруг на фоне всего этого начало всплывать её лицо, да такое молодое, яркое. Она присмотрелась к этому фрагменту его воспоминаний. Да он никогда не забывал о ней! И образ этот светил ему, как икона. Недоступный и далекий. Магда тут же простила всё, успокоилась и легла спать.

Матвей проснулся резко в три часа ночи. Было ещё темно. Он зажгёт оплывшую свечу и увидел спящую красавицу. На взбитых перинах и пуховых подушках лежала его любимая женщина с распу-

щенными густыми волосами в длинной байковой сорочке, – такая мягкая и желанная, что устоять было невозможно. Полковник тихо задул огонёк и примостился к Магдалине. Спящая, она не могла так пылать огнём, как в бодрости, и это спасло героя любовника от очередного фиаско. Он погрузился в неё глубоко, как в мягкую перину, и любил так неистово, как не мог себе представить, до тех пор, пока сладкий женский стон не огласил его победоносный финал.

Это только в молодости все думают, что зрелые люди не могут или не умеют любить. А зрелость – как раз то время, когда сочетание опыта и ещё не угасшего гормонального фона создают поистине величайшее из всех наслаждений. Более того, гормон в этот период играет, как никогда, компенсируя несколько истёртые физические возможности. Особенно хороши в зрелом возрасте женщины. Они, на исходе своего цветения, вспыхивают последним огнём любовной истомы. И тот, кто испробовал этот нектар, не забудет его никогда. Молодые смотрят на фигуру при свете, отыскивая признаки деформаций, чтобы сличить натуру с моделью на обложке мужского журнала. Они заблуждаются. Никакие гладкоствольные ноги не произведут выстрела в упор, как это делают глаза созревшей клубнички.

А утро? Утро выставляет наружу обратную сторону женского возраста. При свете свечи и под воздействием голубого эфира Магда была прекрасной. Но вот она проснулась, и предательский утренний свет отразил в её глазах ужас своего отражения! Господи! Где же взять еще этого волшебного эликсира, чтобы хоть на минутку продлить красоту увядающей женщины, только что испытавшей пик полноценного соития? Магда посмотрела на спящего своего друга и увидела тот же сюжет. Матвей храпел на её перинах, свалив свой полный живот набок. На груди его рыжели знакомые ей колечки волос, а руки были покрыты веснушками. Голова с поредевшими волосами держала помятое лицо со вторым подбородком. Лоб прорезан вдоль и поперек глубокими морщинами.

На Магду напала истерика. Она зарыдала, сначала тихо, содрогаясь всем телом, потом завывала, разбудив полковника.

– О! О-о-о! Что же мы наделали с тобой?.. Как жить-то теперь? Господи, спаси и помилуй меня грешную-ю-ю!

Она-то, конечно, сразу в один момент смирилась с возрастом Матвея, приняла его таким, каков он есть. Но вот он – примет ли её? У мужчин другой взгляд. Они любят глазами. Это был не её опыт, а многих других женщин, прошедших через её руки, потерявших своих мужей и возлюбленных. Они часто приходили к ней, приносили фотографии и вещи своих мужчин, чтобы по ним Магда узнавала об их изменах. И навидалась она этих измен боль-

ше, чем листья на деревьях! И всюду один и тот же сюжет: изменяют они – с молодыми.

Матвей встал, подошел к плачущей Магдалине и обнял её за плечи.

– Не реви, дуручка. Мы с тобой в одном окопе теперь – на всю оставшуюся жизнь. Успокойся, ягодка моя... Не плачь.

В этот момент, – а таких моментов было всего два в жизни, он верил своим словам. Жаль, что Магда не могла смотреть в будущее, а то бы она узнала, что вскоре после их встречи он получит генеральский чин, а потом выйдет в отставку и заберет её. Жену оставит на попечении сына. И они вместе поедут на родину его матери в Херсон, благо старушка еще жива, но слаба и нуждается в уходе. Матвей заслужит генеральскую пенсию, и будут они жить душа в душу в своем имении под Херсоном до возвращения в Сибирь. И счастью их не будет конца и края... Не знала она и не могла знать и о чуде, сотворённом любовью и могуществом Знаменского и Ольги, что у них с Матвеем родится поздний ребёнок – дочь, как две капли воды похожая на Магдалину, с рыжими колечками волос...

Но пока Матвей Иванович был при делах и должен завершить начатое дело в этом приюте инакомыслящих. Одеваясь, он спросил Магду – так, походя, не рассчитывая на объективную информацию.

– А что здесь правда есть такая «ясно видящая во сне» – Астра?

– Да, есть, Матюша. Есть такая. Она во сне видит, как наяву, а наяву живёт, как во сне. Такая вот у неё аномалия...

– И что, проводят с ней какие-то эксперименты?

– Проводят. Каждый день записывают её сны на камеру, потом просматривают и дальше изучают – я толком не знаю, как они это делают.

Полковник обрёл дар речи и постепенно выманил у Магды всю информацию, а она рассказала всё, как на духу, даже не подумав о предупреждении Ольги Григорьевны сохранять секрет фирмы.

ГЛАВА 22. ГОСТЬЯ ИЗ БУДУЩЕГО

Ольга не обманула Бориса и Знаменского, влетев в его Кабинет с вестью о пробуждении Астры. Это было как раз вовремя, в ту самую минуту, когда, казалось бы, не было никакого спасения от атаки полковника Колечко. Но ход был ловко продуманной операцией. Когда Ольга брала у Александра Павловича колбу голубого эфира для Магды, спросила его наедине:

– Ты вправду можешь прекратить летаргический сон Астры, когда захочешь?

– Да, есть такое средство. А надо ли? Пусть спит. Сейчас ведь не до неё. Дня через три-четыре я её восстановлю.

– Надо, Саша, надо. Я тебе не говорила, на меня вышел полковник – начальник краевого УВД. Провёл допрос с пристрастием. Он приедет вечером и потребует Астру живой и невредимой. Если она будет в анабиозе, то мне придется отвечать: что мы с ней сделали. А он подозревает, что мы накачали её наркотиками или психотропными средствами и «доим» из её галлюцинаций информацию о будущем. В общем, занимаемся преступной деятельностью. Все очень серьёзно...

– Да. Расклад тухлый... Ладно, попробую, введу ей препарат внутривенно, он действует через несколько часов – не знаю точно, сколько пройдет времени, но, думаю, к вечеру она очнется. А ты стой на стрёме, когда проснётся, сразу сообщи нам.

После этого разговора Ольга попросила Кэт следить за сновидицей, а сама пошла в Белый зал, чтобы не пропустить чего-то важного. Как только Забродин закончил свою речь, оставив публику пребывать в некотором оцепенении, она тут же устремилась в обитель Астры.

Ольга по ходу выпустила из виду, что Гарик тоже присутствовал у Знаменского при передаче голубого эфира и мог слышать что-то из разговора. Но Огарёв этого момента не пропустил: здесь есть что-то такое, к чему его не допускают и что может стать бомбой в информационном пространстве. Он следил за Ольгой – за каждым её шагом, чувствуя её состояние. Разрыв с мужем, тревога, страх разоблачения, срыв её выступления, сбита с рельсов программа Симпозиума, потеря управления и влияния, все это создавало угрозу стремительного падения в пропасть, крах проекта ЦРБ. Он пошёл вслед за Орловой, стараясь оставаться незамеченным.

Астра лежала на своем рабочем месте, слегка подрагивая ресницами. Пальцами старалась ухватить край покрывала, как будто стеснялась своего полуобнажённого тела. Губы были сухими и бледными. Кэт подняла её голову и поднесла стакан чистой питьевой воды.

– Дея? – еле слышно спросила Астра.

– Ты дома. Как чувствуешь себя? С пробуждением, Астра, – Кэт завела свою обычную приветственную речь, но быстро осеклась. Приборы показывали нечто невообразимое. Температура тела – 39 градусов, высокое артериальное давление. Но не это так тревожило руководителя лаборатории Екатерину Сергеевну (Кэт). Вскоре после того, как Знаменский поставил Астре пробуждающий укол, у неё появилась повышенная мозговая активность, однако на Торе ничего внятного видно не было (или он не успевал обрабатывать данные). Астра вроде бы спала, но уровень глюкозы снижался, как если бы она решала сложнейшие задачи за десятерых, отмечалось повышенное сердцебиение и температура. Подумав, что это реакция на укол, Кэт постави-

ла капельницу и решила не беспокоить Александра Павловича.

Только перед самым пробуждением Тор зафиксировал фрагмент сна: короткий, но постоянно повторяющийся, как будто заезженная игла граммофона нудно проигрывала одну и ту же тревожную мелодическую фразу. Она попробовала прокрутить этот фрагмент и показала его Ольге.

На фоне уплывающего вдаль небосвода в тёмно-синем ореоле прямо на экран надвигалась тень в размытом облачении, похожая на классический призрак. В этом призраке можно было с натяжкой узнать Астру. Впечатление такое, что она, побывав в потустороннем мире в состоянии призрака – либо её астральное тело, похожее на призрак, возвращалось в тело земное. Кэт подозревала, что астральная субстанция, вышедшая из тела, ещё какое-то время повторяет его черты. Это была первая версия случившегося...

Ольга немедленно побежала за Борисом и профессором, где она и застала их с господином полковником в полном недоумении. Гарик, отследив, что патронесса удалилась из лаборатории, тихо проник внутрь и спрятался за портьерой у выхода на балкон, слегка приоткрыв дверцу, чтобы в случае чего, быстро ретироваться на террасу нижнего этажа. Его обуревал зуд любопытства и страсть познания истины. Кэт, занятая реанимацией сновидицы, не заметила проникновения Огарёва.

Когда все собрались, в том числе и Арон, способный быстро расшифровать кодовую информацию с Тора, Астра начала приходить в себя. Давление и температуру с натяжкой поправили, но вот с разумом у девушки явно происходило что-то неладное. Она как будто никого не узнавала и бормотала нечто непонятное, похожее на позывные (язык русский, но с прибалтийским акцентом):

– Русина Кама, Я – Кама. Кама Странка. Планет БО-7767-РА. В Акватории живы. Угроза 2-11.

– Что это?! – Борис с недоумением посмотрел на профессора. Знаменский задумчиво тёр квадратный подбородок, прикидывая варианты перевоплощения своей подопечной.

Ольга прервала тяжёлую тишину:

– Возможно, это астральное замещение. В ней есть кто-то ещё, возможно из будущего. Планет – это, похоже, летательный аппарат. Русина – русская, и говорит она, как на русском. Кама – имя, название русской реки. Странка?.. Может быть, гражданка – страны по имени Русь? В акватории живы – может она спасала людей, которые остались в акватории по причине какой-то угрозы – стихии, природного катаклизма?

– Откуда в Астре взялась эта Кама? – бесновался Куратор, – а где Астра? – Куда делась Астра?

– Она не вернулась, – выдал свой вердикт Знаменский.

Девушка вела себя странно. Она приподнялась на ложе и с удивлением разглядывала свои руки, потом откинула покрывало и с недоумением на грани ужаса уставилась на продолжение своего тела.

– Нога, нога (с ударением на «о»)... Планет. Кар, Кар! – странница обвела комнату отрешённым взглядом и наткнулась на лицо Гарика, высунувшего голову из своего тайного укрытия, вопреки желанию остаться незамеченным. Все посмотрели в направлении её взора и увидели круглые глаза Гарика с признаками отрешенной виноватости.

– Кар! Кар! Помжи, рук, – новоявленная Кама, продолжая каркать, потянула руки к изумленному Гарик.

– Ты здесь?! Как ты сюда попал? – метнулась Ольга в направлении балконной двери. Это же закрытая зона.

– Я не хотел, так получилось. Клянусь мамой, никто ничего не узнает. Только не прогоняйте меня... – лепетал Гарик, освобождаясь из-под портьеры с грузом фотокамеры.

Впрочем, внештатная ситуация не располагала к выяснению обстоятельств его внезапного присутствия. Борис просматривал Тор и утробно рычал. Он ещё не понял, какую злую шутку сочинила с ним судьба. Знаменский со свойственным ему хладнокровием взял Каму-Астру за руку и проникновенно с ноткой психолога заговорил с ней.

– Кама, ты здесь в безопасности. Что с твоей ногой? Она болит? Здесь? Или здесь? – Профессор потрогал правую ногу выше колена, потом спустился ниже...

Девушка резко отпрянула и смахнула руку профессора резким натренированным движением.

– Нема. Боль! – застонала она, – Нога брек...

– Брек, может брейк? По всей видимости, она потеряла или сильно поранила ногу при аварии, – обратился Знаменский к своим коллегам, – похоже, там, откуда она явилась, произошло ЧП, планет или самолёт – упал где-то в горах, с ней был её спутник, которой она зовет Кар. Да, и ещё, это какая-то редуцированная, примитивная смесь французского с нижегородским – ничуть не обращая внимания на гостью из будущего, рассуждал профессор.

– Кар аут... Найди ми... – кажется, Кама вступила в контакт с Знаменским, и он тут же потянул за ниточку, разматывая клубок таинственного перевоплощения: Кар откуда-то вылетел, может катапультировался, Кама просит Кара найти её.

Подключив приборы, Арон дал понять, что всем стоит удалиться, чтобы профессор мог наедине раскрыть тему и войти в доверие к гостье из будущего.

Вся компания с молчаливого согласия прошла в Кабинет, благо он находится недалеко от Лаборатории. Гарик также был допущен как свидетель случившегося.

– Что будем делать, Борис? – Ольга прервала затянувшуюся паузу и села возле камина, намере-

ваясь поджечь заготовленное каминное топливо горелкой. Её морозило от всего пережитого. Борис перехватил горелку и сам начал разводить огонь в камине.

– Боюсь, ты не поняла. Если Астри не вернётся, проекту конец. Мы больше не получим никакой информации, – разочарованно рапортовал Куратор.

– Почему ничего? Эта Кара – уникальный шанс реально узнать, что там – в будущем происходит, – парировала Орлова, – Пока она у нас, мы можем «скачать» её, и надо делать это быстрее, ведь неизвестно, сколько она пробудет в теле Астры. Астральные перемещения непрочны, улетит – и поминай, как звали. И потом, ты же понимаешь, что невозможно через астрал перенести всю информацию, хранящуюся в мозге, и спроецировать её в другой носитель. Это никак не согласуется с теорией информации, теоремами Шеннона, с синергетической теорией информации. Да и мозгу понадобилось бы колоссальное количество времени на перестройку и закрепление синаптических связей между нейронами. Всё это требует реальных, а не астральных ресурсов и времени. Поэтому, скорее всего, Кара – всего лишь короткий, чрезмерно сжатый, с потерями, слепок её последних месяцев жизни, в лучшем случае нескольких лет. Она вряд ли вспомнит своё детство или то, чему её учили в университете. А язык, что это за язык!? Это явно какие-то обрывки знаний!.. Но и то малое, что она помнит, для нас бесценно.

– Скорее всего, Кама погибла, и её астральное тело каким-то чудом влетело в Астру. Астральный двойник Астры тоже блуждает там – в пограничном пространстве. Когда профессор ввёл препарат, то случайно открыл портал, резко пробудил её. Астрал Астры метнулся в тело, но её опередила Кама и выместила Астру из тела, – трезво рассудила Кэт.

– Астрал Астры... – рассеянно повторил Брусилов, раскачиваясь из стороны в сторону, – Так вот почему мы назвали её Астрой... А я-то думал, цветок... Это Астри открыла пространственно-временной портал, именно она, а мы только помогли ей. Её астральный двойник возвращался в тело, и в этот момент другое астральное тело, только что покинувшее тело Камы, как-то случайным образом пересеклось с двойником Астры и оказалось сильнее. Теперь Астри не может войти в своё тело, но не может долго оставаться в тонком мире – на той стороне. Для нас она погибнет, пока не родится вновь...

– Но ведь существует вероятность, что она тоже в этом теле! – кричала Ольга, – только слабее и не может себя проявить! Питер Гавард – тот самый, англичанин, с которым мы были на конференции в Лондоне, приводил много доводов в пользу того, что в одном теле могут сосуществовать несколько

душ и сущностей, проявляясь в разное время и при разных обстоятельствах. Такое раздвоение личности. Астри в реалии вообще была слабой, а Кама – живой человек, и её душе нужно тело, вот она и затенила Астру. А ты думаешь, что она за гранью?

Ольга сама не верила в то, что говорила, но, понимая переживания мужа, старалась по привычке поддержать его, как делала и прежде, нивелируя его излишнюю эмоциональность. Однако тон, заданный Борисом, заставлял её чувствовать комплекс вины. «Доигрался, – думала она с раздражением, – слишком частые путешествия в иное время – и вот там её засекали и не отпускают, держат в каком-то энергетическом коконе, пленили душу девочки, ещё не окрепшую нежную душу...».

Ей стало жаль Астру, кем бы она ни была – Зиминной или Волгиной. В реальной жизни ей всё равно было бы сложно найти своё место. Но, с другой стороны, продолжала Ольга свои рассуждения, теперь никто не сможет разоблачить их в насилии над личностью. Внешне всё выглядит так, как будто девушка сошла с ума, и всё, что она говорит – параноидальный бред – не более...

Но вдруг её посетила мысль, тоже показавшаяся ей сумасшедшей! Если возможен переход с той стороны, то почему бы не попробовать пройти туда с этой? Готовность сделать это самой возникла внезапно, как перед прыжком с парашютом, которыми Ольга занималась в юности...

Огарёв не смел вступить в диалог супругов, опасаясь нарушить и без того напряжённое ожидание. В его мыслях тоже забренчала лукавая версия: а что, если Астри – агент, завербованный в будущем, делегированный в наше время, и с её помощью – при условии двойной вербовки, можно было бы заполучить разных фигурантов, покидающих своё тело в том мире, и расспрашивать их? Эта идея начала возбуждать Гарику, и он воспылал желанием поделиться с Ольгой. Но она в данный момент лечила своего Бабу, и Гарик нервно топтался у камина, рассчитывая вернуть слово в бурный мозговой шторм. Ему нестерпимо захотелось покурить, и он вышел на балкон. Вечер наступал с трогательной теплотой утопающего в размытых закатах облаках. По аллеям гуляли гости Симпозиума, сидели на скамейках, горячо обсуждая излюбленную тему о грядущем. В воздухе витал и путался с вечерней дымкой острый дух интеллектуального творчества...

Гарику вдруг стало не по себе. Он вспомнил, как прекрасная фея в Лаборатории обратила на него взор и попросила о помощи, протягивая к нему руку. Может быть, она узнала в нём кого-то близкого ей, похожего на него? «Поможешь руку», – это типа «Помоги, друг, дай руку». Она бы доверилась ему, если бы не Знаменский со своим психологизмом. И Огарёв принял решение, во что бы то ни стало, поговорить с Камой, обретшей чужое пристанище в

своём прошлом. Сюжет будущей киноленты разворачивался в его воображении, как бутон розы после дождя. Даже не думая обсуждать свои намерения с Куратором и другими его приближенными (не любил командный метод работы), Гарик вернулся в Кабинет, стараясь не привлекать к себе внимания.

Кэт и Арон были заняты Тором-дубликатом, транслирующим события, происходящие в Лаборатории.

– Ольга Григорьевна! Вам это надо посмотреть, – прервал диалог супругов Арон. На мониторе высветилась следующая картина. Воплощенная Кама потянулась к планшету, лежащему на прикроватном столике, и начала водить по нему пальцем, пытаясь что-то нарисовать. Разобрать было сложно, Борис тут же включил свой компьютер, чтобы подцепить Тор к большому экрану. Знаменский вручил Каме электронный карандаш, и она начала рисовать. Её движения были быстры и точны, как головка допотопного матричного принтера. На планшете возник пейзаж нагорной местности, летательный аппарат неизвестной конструкции, напоминающий головастика с большой головой и длинным раздвоенным хвостом. Что-то похожее на вертолёт, но без пропеллера, и этот хвост, как змеиное жало... Непонятно. Кама рисовала то место, где они с Каром потерпели аварию? Она быстро начала делать следующую зарисовку. В течение пяти минут возникла фото-графика двух пилотов «планета» (с ударением на «а»). Он – и она. Костюмы, напоминающие трансформеры из мультяшных сериалов (все-таки наши тоже что-то могут срисовать из будущего), но шлемы удивили: они похожи на обручи, по всей видимости, светящиеся, создающие над головой некий ореол, по всем признакам, защитный. Шлемы отбрасывали на лица некое подобие масок, и черты лиц было не разобрать.

Знаменский показал пальцем на хвосты планета и спросил, как это работает. Кама нарисовала аппарат в воздухе. Оба отростка змеиного жала поднялись, как хвост у собаки, и вертелись с невероятной скоростью, образуя воронки. Девушка подняла руки и показала, как они передвигаются, меняя положение. Когда хвосты располагаются параллельно земле, они работают как плавники у рыбы и резко продвигают аппарат вперед. Внизу головы круг, который отталкивает аппарат от земли. Скорее всего, это антигравитационная подушка. Рывок – и они уже подняты вверх на заданную высоту.

Команда, затаив дыхание, наблюдала за происходящим в Лаборатории. Все испытывали нетерпение, завидуя Знаменскому как первооткрывателю новоявленного чуда. Борис вдруг рванул к двери, но Ольга остановила его: «Ты куда? Не мешай ему работать».

– Мне надо спросить, может она видела там Астру!..

– Не трогай её! Пусть пока рисует. Ты можешь спугнуть её, к тому же вряд ли она знает, кто такая Астра. Однако, Куратор был непреклонен, все-таки это был его проект, и он имел право первого голоса.

– Я пойду, а вы оставайтесь! – резким тоном заявил Борис Брейс и направился в Лабораторию. Появление Куратора не смутило Каму. Она взяла в руки мигающий Тор и внимательно посмотрела на него, вспоминая что-то из своего прошлого. Изобразив некое подобие улыбки, выдала такую тираду:

– Тор... Бама дала Каме. Кама лама тор. Камень. Кама дала Баме колоб. Колоб хор.

Ольга была сильна в лингвистике, знала пару языков и осточертевшую в годы студенчества латынь. Она поняла, что Кама использует жалкие обрывки новояза, но даже их ей было достаточно, чтобы изложить свои мысли. Новояз – язык краткий, упрощённый, возникший в результате тотальной информатизации и глобализации общества. Сначала были такие сокращения, как инфа, доки, компы, клики, челы. Затем появились новые специфические идиомы: «инет» – Интернет, «админ» – системный администратор, «лок» – локальная сеть и прочие «айтишные» термины. В общественном лексиконе возникли устойчивые сокращения: «хор» – хорошо, «гол» – голод, голодный, голый, «бол» – больно, больно, «маг» – магазин, «требы» – потребности и многие другие варианты сокращенного общения. Например, «забанить требы» – умерить свои потребности, или «я в инете на маге» – вышел в Интернет-магазин, чтобы купить всё необходимое. Очевидно, что разговорный язык будущего, сохранив прежние смыслы, претерпел значительные изменения в фонетике. Люди не могли далее использовать длинные слова и сложные обороты в своей динамичной жизни, как и наши юные современники. Они не успевают проговаривать слова, начинают глотать и сокращать их, подобно скорописи или стенографии. Едят на ходу, не прожевывая пищу, не ходят, а бегут или едут. И все надо быстро-быстро, чтобы не отстать от времени. Было бы странным увидеть в Интернет-переписке словосочетание типа «милостивый государь, не соблаговолите ли вы...» или тому подобное. Знаменский был прав, Кама говорила не на чисто русском новоязе, а некоем симбиозе русского и иностранных языков, также претерпевших значительные изменения. Ей стало грустно и обидно – за Пушкина и Байрона, Толстого и Шекспира. Она не могла знать, как молодёжь будущего, со сладкой дрожью в мозгах, расшифровывает романы прошлого, проникая в глубинный мир авторов, подобно тому, как наши историки расшифровывают древние манускрипты.

Понять сказанное Камой было не так сложно: «Бабушка (баба-мама, сокращенно «бама» или вторая мама) дала Каме Тор (устаревший вид компьютерной

техники и средства связи). Кама, скорее всего, в детском возрасте, сломала тор (лама-сломала). Он стал непригодным к использованию (как камень). Чтобы не огорчать бабушку, внучка дала ей Колоб – более современную модификацию интерактивной цифровой техники, который, по мнению Камы, лучше, чем Тор (Колоб хор – хороший). Всё просто. Из этого следует, что Кама находится примерно во второй половине 22-го века, и пользуется неким Колобом, который представляет собой более совершенную модель компьютерных технологий будущего. Но, помимо сокращения словесных оборотов речи, была ещё одна причина того, что людям будущего стало не о чем говорить. Вот и речь Камы похожа на детский лепет типа «мама мыла раму». Обруч с ореолом, возможно, является не только защитным шлемом, но и передатчиком мысли на расстоянии – из мозга в мозг. Потребность в глубокой языковой культуре отпадает сама собой. Как, например, Кама узнала (и она в этом уверена!), что её друг Кар жив и скоро придет за ней, а он знает, где она, через шлем-обруч. Сама Кама, переместившись в прошлое в тело Астры, осталась без шлема, и поэтому ей пришлось открыть рот (сухой, не привыкший говорить) и с трудом объясняться с незнакомыми людьми, говорящими на сложном древнерусском языке.

– Сколько она здесь пробудет? – спросил Борис, адресуя свой вопрос Знаменскому.

– Пока не уснёт, – ответил профессор.

– Ты видела там девушку? Вот эту! – Борис, сосредоточенный на своем, повернул зеркало, подвешенное на штативе у лабораторной кровати к лицу Камы. Она увидела свое новое, незнакомое ей отражение и от ужаса чуть не впала в транс. Начала трогать лицо руками, изучая его. Особенно изумили её длинные, светлые, слегка вьющиеся волосы, принадлежащие Астре. Она явно была не в своем теле. Девушка схватила первый, подвернувшийся ей по руку лист бумаги (это было расписание приема препаратов, назначенных Астре) и хотела что-то нарисовать, но отвлеклась на текст расписания. Очевидно, что русский – её родной язык, она поняла прочитанное. Зачеркнула несколько слов, написала новое – лобиум. Что это – лекарство? Или вещество? Кама придавила пальцем то место на лбу, которое мы называем «третий глаз» или «глаз Шивы» – чуть выше переносицы. Знаменский догадался: лобиум – это препарат, с помощью которого открывается «третий глаз», регулирующий ясновидение и выход в тонкий мир (лоб и ум). Неужели всё так просто!? Но где и как найти этот лобиум?

Кажется, гостья из будущего начала осваиваться. Но она ещё не поняла, в каком времени находится, и, тем более, в каком месте. Судя по всему, авария произошла где-то рядом с морем или океаном – акваторией. И ей очень хотелось вернуться в свой

мир. Однако любопытство овладело ею. Она перевернула листок и нарисовала лицо девушки – иное. Подписала – Кама. Это было её лицо. Общий контур скорее треугольный: расширяющийся к волосам лоб, узкий подбородок, маленькие губки, крохотный носик, огромные широко расставленные глаза и почти полное отсутствие бровей. Куратор и профессор сошлись на мысли, что это лицо напоминает, скорее, инопланетный образ гуманоида, которым изобилуют детские комиксы. Но, нет, все-таки это человеческое лицо. А может быть, это генетический гибрид? Кама телепатически уловила их догадку и закивала головой.

– Она нас слышит...

– Кама одра русина. Не инка. ЫВВА УОЛ.

– Она говорит на том языке, который мне дала Астра! – Борис вскрикнул от восторга и удивления.

– Она не инопланетянка – не инка, а русская по рождению (одра), – поправил его профессор, – а дальше, кажется, «конец там, где начало».

– А... Это выход, где вход... да, да, я помню. Она подсказывает нам, как вывести её из тела – убить, то есть кончить, чтобы вывести на начало – в иное измерение. Но это невозможно! Это тело принадлежит Астре! – громыхал Куратор.

– Да никто не собирается её кончать. Надо раздобыть этот лобиум, усыпить её и попробовать вывести из её тела в астрал, – проектировал Знаменский.

– Овы русы? – вопрос задан обоим мужчинам.

– Русы, русы.

– Овы? Демы? – «Кто вы? Где мы?» – спросила Кама.

Борис раскрыл свой Тор, адаптировал изображение на экране и начал полёт по планете в системе Google, в виртуальной реальности. Вышел на Сибирь, сфокусировал место, где находится бывший санаторий «Жарки» и показал Каме.

– Глада Сиба. Амора глада, – гостья высказала свое мнение о Сибири и повернула курсор на озеро Байкал, точно указав место падения планета. Выходит, что это и есть та самая «акватория». Ученые зафиксировали координаты, чтобы подробнее изучить этот район.

– Я не понял, что она сказала про Сибирь? – переспросил Борис.

– Видимо, она имела в виду, что Сибирь – гладкая, удовлетворительная для жизни – от английского glassy. Амора? Скорее всего, что-то типа убежища от агрессивной среды, место, где можно жить, любить и размножаться, точно сказать не могу.

– Она – Астра? – спросила девушка, показывая на себя.

– Да, ты её видела, где она? – Борис отодвинул Знаменского от Камы и сел напротив, как он сидел раньше, приветствуя Астру после пробуждения.

– Астра – там, – Кама показала рукой в неведомое пространство.

– Кажется, она всё понимает. Уровень понимания выше, чем разговорный, – констатировал профессор.

– Астра... Проси мни ути, – пролепетала Кама.

– Ну, вот, теперь все ясно, Астра просит ее уйти. Но ты немного побудешь с нами, расскажешь нам о твоём мире? – вопросительно попросил Знаменский.

– Дея? – снова спросила девушка и начала более внимательно присматриваться к окружающей обстановке, которая была ей незнакома в принципе. Она уже не хотела лежать, так как была по природе своей подвижна, начала ходить по комнате, трогать незнакомые ей предметы и вещи. Распахнула двери на балкон и ахнула:

– Бело небо! Бои, гладо. Треба мни! – Кама протянула руки к небу и тут же упала в обморок, едва не повредив драгоценное тело Астры. Роскошь ли сибирской природы ошеломила её, или она увидела что-то совсем иное, но Кама была не просто очарована, а крайне удивлена чистотой и красотой осеннего неба нашего времени и выразила свою потребность именно в таком небе. Девушку тут же уложили на лабораторную кровать, нацепили оборудование и включили программу трансляции «с того света», как это делали, отправляя Астру в очередное путешествие во времени.

Отпускать Каму сейчас, даже если бы это было в их власти, было несерьезно. В сети проекта «Астра» залетела такая редкая птица, и этот момент надо было использовать в научных целях. Даже если бы Астра была создана только для того, чтобы отработать пространственно-временной портал, её жизнь была бы оправданной. Так думал Знаменский, но Борис Брейс не мог так думать, в данный момент не мог думать вообще. Он был озабочен только одной проблемой – возвращением Астры в её собственное тело и поэтому готов был погубить этот неожиданный эксперимент. Любовь оберегает людей от рациональных поступков и устремляет их к безумию. Но пробуждение когда-нибудь наступает.

ГЛАВА 23. ПРОБУЖДЕНИЕ

Второй день Симпозиума начался с пробуждения всех обитателей Центра, включая его участников и приглашенных. Народ просыпался бодро, несмотря на ночные бдения. Полковник Колечко собирался с утра посетить директора ЦРБ, но подумал и решил, что надо бы самому сначала разузнать всё от людей, ведь это куда более ценные информаторы, нежели его осведомитель Псих. Он уже узнал от своих подчиненных, что Психа отвезли в краевую лечебницу для обследования, потому что у него, вроде бы, случил-

ся приступ помешательства. «Помешаешься тут... – думал полковник, – везде одни психи, экстрасенсы, маги. Вот и Магдалинку сюда занесло, и она с приветом. Узнает будто бы прошлое. Как бы это использовать в деле, куда ни шло, а то – в науку подалась...». И он побрёл, как и вся публика, на завтрак, так как здесь не было ни кафе, ни ресторана, чтобы подкрепиться отдельно от остальных. Да и клучшему, может, там заведётся полезное знакомство.

Полицейский не ошибся. В столовой, обычно используемой для персонала ЦРБ, был накрыт фуршет для гостей. В центре просторного помещения – столы, каждый на четыре персоны, покрытые свежими скатертями и украшенные маленькими букетами разноцветных астр. За один из них и присел полковник, присмотревший будущего собеседника по наводке своей интуиции. Соседом по столу оказался Олег Шилов. Разведчик сразу узнал коллегу по конкурирующему ведомству.

– Доброе утро, коллега. Как спалось-ночевалось? – начал диалог Шилов. Колечко неприятно поразил молодцеватый вид и хитрый взгляд собеседника: неужели знает о его ночевке? Поёжился и ответил, как ни в чем не бывало:

– Да всю ночь пил, курил и чёрт-те чем занимался...

– А выглядите молодцом! Значит, не третий возраст. Какими судьбами? Наукой интересуетесь или так – по делам?

– По делам науки, так скажем, – находчиво ответил полковник, размышляя, стоит ли доверять этому фигуранту, который явно не из академии прибыл сюда. Он по нюху за километр узнавал «гэбистов», нюх его не подвел и на этот раз.

– А что, в этих местах и дела водятся? Может, кого развести? А то скучно. Я тут вчера слушал одного – Забродина, так он мне весь ум переброедил. До сих пор, как на опаре. А Вы слушали его речь? – иронично спросил подполковник у полковника.

– Нет. Мне это неинтересно. Я прибыл поздно вчера. А Вы, кажется, коллега по соседнему ведомству, если не ошибаюсь?

– По соседнему... От вас не скроешь, да и незачем. Вот, работаю под прикрытием, изображаю гипнотизера.

– И как, получается?

– Да вот, думаю, поддается ли гипнозу госпожа Орлова.

– Она меня тоже интересует, с ней не всё прозрачно. Тоже – «работает под прикрытием»? Вроде бы наука, исследования, прогнозы, а на самом деле проводят эксперименты над людьми вместе со своим благоверным. Как-то бы проникнуть в их лабораторию, заснять, что там происходит, потом разобраться, что к чему. Мне это несподручно, сами понимаете, а Вам – в самый раз, если ещё не вычислили...

– Эксперименты? Это хорошо, это интересно! Нашему ведомству тоже бы не помешало. Ну, а если я работу сделаю, то зачем Вам её передавать, мне какой интерес?

– Вы, я так думаю, уже не в дамках. Могу оказать содействие на самом высоком уровне. У меня связи...

– Возможно, но с условием, что у меня будет дубль. Если у Вас не получится выполнить условие договора, то я сам начну действовать по своей линии. Идёт?

– По рукам, ударим, только не здесь. Давайте выйдем, поговорим не при свидетелях.

Столовая начала заполняться людом, не привыкшим так быстро стряхивать похмелье, как это делают штатные офицеры. Заговорщики вышли не вместе, а через паузу один за другим и встретились в условленном месте – рядом с флигелем сторожа Акима. Там было тихо, им никто не мешал.

Шилов вел двойную игру, ведь его наняла Орлова, и он действовал по её заданию – преданно и по собственному желанию. Предложение полковника о повышении он воспринял с иронией. Главным ему никогда не стать. Главные – люди президента, и работают они исключительно на первое лицо, интересы которого не всегда совпадают с вопросами безопасности всей страны и её граждан. Так он, собственно, и прошляпил свою карьеру, когда в один момент не понял, как правильно расставить приоритеты. Со службы его культурно сняли, но, благодаря профессионализму, оставили как внештатного агента...

Сейчас в его задачу входило одно: стать доверенным лицом Колечко и сообщать ему ту информацию, которая бы не повредила ЦРБ и её руководству. Он сам хотел стать сотрудником Центра, и первое задание было его входным билетом. Шилов, стеновая на несправедливость, рассказал полковнику свою историю с отставкой, и как бы он хотел восстановить своё реноме, встать в ряды и верно служить системе. Опытный и выдавший виды Колечко никому не верил. Но в данный момент мотивы отставного офицера показались ему убедительными. В этой конторе «бывших» не бывает, и всегда есть возможность вернуться, когда «горы сдвинутся, царства сменятся». Так каждый отставной офицер, в какие бы он не попал коммерческие или государственные структуры, всегда втайне оставался чекистом, как будто там им ставили несгораемые клейма – в самую душу. Поверить в обратное было куда сложнее, и это стало главным аргументом в выборе полковника.

Колечко хотел покинуть Центр к вечеру – с утра надо быть на рабочем месте. Но подобраться к Астре, чтобы взять биологические пробы и не наломать дров, было сложно. Тупым наездом здесь не решить. Главари «шайки» обложились лицензиями

и гербовыми бумагами, и языками чешут, – палец в рот не клади. Колечко поручил «завербованному» Шилову взять образцы тканей и кровь подопытной девушки, и в срочном порядке (не позднее трех дней) передать ему лично. Но и это не утешало полковника. Ну, докажет он, что Волгина – Зимина, соединит с родственниками. Спасибо за доброе дело! Главное – понять, что там происходит, есть ли насилие над личностью, прижать, как следует, а потом вытянуть всю цепочку. К тому же в крови могут быть следы сильнодействующих препаратов...

Ему понадобился новый связной, способный войти в доверие к главной тройке игроков. Шилов для убедительности рассказал полковнику, кем он нанят, чтобы выявить канал утечки информации из Центра. Полковник давился от смеха, когда выслушал историю с Психом. И это тоже было в его интересах – теперь в рассказы бывшего агента никто не поверит. Офицеры ударили по рукам и разошлись в разных направлениях. Колечко был доволен результатом. У него теперь есть новый агент, да ещё и Магдалина, которая тоже пока останется здесь – до лучших времён. Её использовать можно только втёмную.

Полковник решил ещё раз поговорить с Брусиловым, дать ему отсрочку, а потом попроситься с Магдой, – не навсегда. Он заберёт её, когда распутает дело и решит свои проблемы с семьёй. Все складывалось, как нельзя лучше, но далеко не у всех.

В Лаборатории вновь собралась вся команда. Куратор рвал и метал, пытаясь вывести тело Астры из обморока. В обморочном состоянии долго находиться нельзя. Надо, чтобы Кама быстро освободила своё пристанище и вернулась к себе – живой или мёртвой – всё равно, лишь бы Астра снова заняла своё место в своем времени. Знаменский вяло помогал Борису, сетуя на упущенные возможности общения с Камой. Все собрались в Лаборатории, чтобы обсудить происшедшее, поделиться идеями и собрать воедино все то, что принесла с собой Кама. Гарик тоже встал в ряды посвящённых.

Тор транслировал все те же смутные всполохи, не проявляя никаких образов. Обморок был глубоким. Возможно, душа Камы откликнулась на призыв Кара, который оживил её, и она вернулась – «назад в будущее».

– Тело ещё живет, но нет никакой гарантии, что это будет продолжаться долго. Сердце может не выдержать, – чётко проговорил профессор Знаменский.

– Неужели нет никаких средств, чтобы пробудить её? – испытывая проблеск надежды, спросил Борис, – я готов рискнуть.

– Ну, вы тут оставайтесь, я ничем помочь не могу. Сейчас начнутся семинары по секциям, мне надо идти. Люди ждут, – объявила Ольга, чувствуя уста-

лость от бессонной ночи и ответственность за финал Симпозиума, а главное – полную бесполезность своего присутствия в Лаборатории. Тревога не покидала её, ведь именно здесь и сейчас происходит нечто важное для неё, может быть, самое важное в её жизни... В её Большой Жизни. Но пока Ольга не знала о том, сколько жизней ей предстоит прожить, отстегивая мгновения в Вечность.

Ольга удалилась, прихватив с собой Гарика. Борис тоже был вынужден отойти, чтобы встретиться с навязчивым полковником у себя в Кабинете. Но Гарик в очередной раз ввёл Ольгу в заблуждение, имитируя активный интерес к мастер-классам. Он сделал вояж по кабинетам и направился в медпункт, чтобы взять наштавь и вернуться в Лабораторию. Не тут-то было! По коридору третьего этажа бродил Забродин. Столкнувшись с ним нос к носу, Гарик остолбенел. Сумрачный взгляд отшельника пронзил его до печёнок.

– Я вижу её!.. – суровым голосом произнес маг, – а ты – видишь?..

Гарик, оглядываясь по сторонам, отрицательно замотал головой.

– Она здесь. Ходит туда-сюда, мечется. Здесь кто-то умирает. Призрак молодой женщины просит о помощи. Ты знаешь, кто она?

– Это Астри, да, только она не умерла, а в коме, спит в Лаборатории, – Гарик говорил, как под гипнозом, снимая завесу с тайны, и тут ему в голову пришла мысль – провести Забродина к Астре. Ведьмак взял из его рук пузырь с наштавьем и усмехнулся:

– Хочешь этим разбудить спящую?

– Ты сам попробуй, разбуди её. Давай пойдём вместе, а то там Палыч в панике, никак не может вернуть её в тело.

В присутствии Забродина Гарик вдруг почувствовал в себе силу и наглую уверенность, как будто сам обрёл своё тело после спячки. Они вошли в лабораторию вместе. Знаменский почему-то не удивился, увидев героя вчерашних выступлений. Он сразу понял, что это сильнейший целитель, и его способности могут пригодиться, чтобы пробудить Астру. В нужное время и в нужном месте появился этот суровый маг с тёмно-синими глазами на грубоватом лице.

Иван молча подошёл к девушке, лежащей на кровати без движения, удалил иглы, трубки и присоски приборов, необходимые для отслеживания её состояния и поддержания стабильности. Знаменский замер, но мешать не стал. Время тикало непропорционально вечно. Затем Забродин произвёл несколько подготовительных движений и начал делать мощные пассы, мысленно призывая душу Астры вернуться в тело. После этого начал медитировать, пытаясь достичь состояния глубокого и чистого сознания, когда поток мыслей, идей и

чувств уходит и просыпается менее активный уровень мыслительного процесса, но более точный, идущий к цели наикратчайшим путём. Наступило состояние «ясного сознания», пропало ощущение времени. Эта «временная отрешённость» длилась всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы чудо свершилось! Астри лежала спокойно и безмолвно, щёки покрыты румянцем, сердцебиение ровное, но ноль эмоций. Затем она начала дергаться всем телом, как героиня из фильма Тарковского «Солярис», оттаивая после заморозки. Казалось, в Астру внедряется какой-то свирепый зверь, а тело автономно и отчаянно сопротивляется, выполняя запрограммированные природой рефлексы. Смотреть на это было невыносимо. И, наконец-то, она чихнула и проснулась. Так просто! Восстанавливая дыхание, девушка прижимала руки к груди и все шире открывала глаза. Увидев Знаменского, улыбнулась, протянула руку, как для поцелуя, и еле слышно произнесла: «Кама...». Да неужели? Опять Кама! Нет, к счастью это была не гостья из будущего.

– Кама... просила передать, пока я не забыла, оставить ей под камнем послание, как спасти её мир. Она найдет его, когда вернётся.

Забродин и Гарик были незнакомы сновидице, но она с благодарностью смотрела на них, как будто видела их в потустороннем мире, когда просила спасти её. Остановив взор на Гарике, произнесла: «Этот человек похож на Кара. Прямо одно лицо, только старше, как отец и сын».

– Откуда? Ты знаешь Кара?

– Я видела их, когда они встретились после того, как Кама вернулась к себе. И еще видела разрушенный мир, в котором почти не осталось лесов, засоленная почва, на которой растёт только жесткая бурая трава. Все отравлено. Города разрушены, дома развалены. Высокая радиация. Люди ушли жить под землю и там основали новые поселения. Они сохранили все технические знания, приборы, машины. У них есть всё, но нет чистого неба и солнца. Одна борьба со стихией... Иногда они выходят на поверхность, чтобы найти что-нибудь полезное от прежней цивилизации или взять от природы, что осталось.

Знаменский неслышно подключил запись, но Астри остановила своё повествование.

– Я хочу есть! У вас есть что-нибудь поесть? – спросила девушка. Глупые мужики, увлеченные её рассказом и всё ещё находясь под впечатлением её пробуждения, даже не удосужились предложить ей воды, не то, чтобы дать возможность справиться свои потребности. Знаменский попросил Гарика срочно найти Кэт и Арона. К Куратору он намерился сходить сам, чтобы подготовить его к радостной новости.

ГЛАВА 24. «УТКА» С СЕКРЕТОМ

Симпозиум шёл своим ходом, рассеянный по секциям, – каждая по своему направлению. Ольга побывала в каждой аудитории, осталась довольной. Глинский с Феликсом предусмотрели всё, даже мелочи. Участники работали активно, стремились к открытой дискуссии. Как только губернаторская команда покинула пространство ЦРБ, в нём установилась творческая атмосфера полной научной свободы. Студенческая гвардия и профессура краевых вузов быстро адаптировалась к новым условиям, сошла с рельсов формальности и гудела, как на митинге. В этом был некий соревновательный аспект. Прогнозисты стояли на своих позициях, выдавая перлы различных альтернатив, а научная элита сбивала эти воздушные шары, не имеющие доказательств в наличном бытии, и по-детски радовалась каждому сбитому шару. Профессор Круглов парировал венскому прогнозисту, англичанин Майкл Кевин, невзирая на критику оппонентов, упрямо вёл свою линию, а японский учёный Лео Юкава навязывал аудитории анимационный фильм по робототехнике. Разумеется, всё это снималось, записывалось и дублировалось на разных носителях. Журналистов осталось немного, – основная часть схлынула вместе с губернатором, – но те, кто остался, с восторгом фиксировал каждый момент научных споров, скатывая полученную информацию в удобные блоки, приправленные перцем критики и нашпигованные ироничными комментариями. Всё это тут же запускалось во всемирную сеть через сайты информационных агентств. К обеду Интернет был заполнен заголовками сенсационного содержания: «Директор-робот будет нанимать персонал по анализу крови», «Дети из пробирки рождаются со встроенным калькулятором», «Бактерии из вечной мерзлоты удваивают срок жизни», «Первый в мире воздушный замок будет построен на антигравитационной платформе», «Мысли на расстоянии зафиксированы приборами», «Гостя из будущего предрекла всемирную катастрофу»...

Сотрудники ЦРБ в режиме он-лайн собирали воедино всё сетевые новости, телесюжеты и радиопередачи, передавая их Арону. Аналитическая группа не обратила внимания на «гостью из будущего», затерявшуюся в пестром котле прочих информпродуктов. Но Арон, прочитывая всё подряд методом скорочтения, выхватил эту фразу, как опытный редактор определяет стилистические ошибки и опасные для цензора выражения. Подозрение тут же пало на Гарика. А кто ещё мог написать такое? Распечатав авантюрную статейку, Арон направился искать Ольгу Григорьевну по аудиториям. Она осталась на площадке, где модератором выступала Раиса Каримова. Тема дискуссии звучала так: «Дети

будущего – награда или расплата?». Рустам Азиев поднял тему обучения и воспитания в современных школах, делая упор на то, что учителя больше вредят школьникам, нежели обучают их, продвигая идею обучения без учителя и наставника.

– Передать опыт – вот что опасно, – раздвигал границы привычного опытный педагог, – настоящий учитель стремится вызвать пробуждение нового в молодом человеке. Инициировать творчество. Но он старше своих учеников, и его потенциал исчерпан. Независимо от своего желания, он сдерживает порывы. Слишком интенсивное развитие не в его интересах. Если ученики превосходят педагога, это становится нестерпимо: «Вы не должны быть лучше меня», – думают они о своих учениках. И только единицы способны принять такой факт как неизбежность. Когда я говорю «думают», то имею в виду не сознательное мышление, а некое параллельное – неявное и неосознанное, в котором всё размечено и определено более чётко, жёстко. Мы понимаем, что нельзя нарушать или сокращать пространство развития другого человека, но что-то внутри нас действует совсем иначе, – не в пользу того, о ком мы заботились, кого учили или воспитывали. Энергия молодости и ума, высокий темп жизни, адреналин, горячая кровь, либидо, – всё это привлекает наставников и учителей в юных своих учениках. Отдавая свои знания, педагоги получают взамен нечто большее, – энергию жизни. Они буквально молодеют на глазах, когда вдохновенно читают свои лекции или преподают практический урок своим воспитанникам. Энергия высшего плана – внимание, восхищение, внутренняя благодарность за полученные знания и навыки – его награда. Чтобы получить эту энергию, дарующую жизнь, определяющую её смысл и значение, надо быть талантливым и трудолюбивым, самому прежде отдать, получая знания в молодые годы. Хороший учитель когда-то учился сам, был хорошим учеником, дарил свою благодарность учителю, а теперь может (имеет все шансы) вернуть её обратно именно тогда, когда она нужна ему более всего. Только возможен адекватный энергетический обмен»...

Азиев, завоевав аудиторию своей нестандартной речью, сам раскраснелся от удовольствия и вошёл в поток «жизни», снимая сливки с благодарных слушателей. Но, когда зашла речь об учителях-вампирах, многие стали приводить примеры из жизни школы, почерпнутые из своего личного опыта или из опыта своих детей и внуков. Оказывается, чуть ли не в каждой школе есть такие педагогические кадры, которые «пьют кровь» из учеников, нисколько не стесняясь этого. И, что самое удивительное, никто не может это доказать или опровергнуть. Выпитая из учеников «кровь» поступает к учителю-вампиру по каким-то невидимым каналам – прямо в сердце. И можно видеть, как подросток покрывается красными пятнами,

волнуется, начинает заикаться, терять силу, – вплоть до обморока, а учитель (или учительница) в этот момент выглядит совсем иначе – щёки наливаются румянцем, глаза горят «благородным гневом», душа распрямляется от внутреннего удовлетворения собственной правоты и значимости. И «учитель» выбирает новую жертву...

Комментируя приведённые примеры, оратор-педагог разъясняет свою позицию: «Родители в таких случаях порой не знают, как поступить. Бедный ребёнок не хочет идти на злополучный урок, и его обвиняют в лени и бездарности. Многие папы и мамы в глубине души понимают, что ребёнок не виноват, но ведь и учителя невозможно обвинить – зацепить не за что. Невидимые каналы-шланги не дают шанса снять улики – учитель всегда говорит правильные слова. Заметьте, что самые скрытые вампиры честолюбивы и сливуют прекрасными педагогами. Они имеют множество медалей, грамот и отзывов, получают премии и даже благодарности от родителей – за формальные успехи вымотанных до предела учеников. И, что удивительно, но самые царственные высоты педагогики поднимаются чаще всего... бездетные, либо потерявшие детей по воле рока, либо имеющие слабых и больных детей. Вот в чём парадокс. По всей видимости, именно в этом корень зла. Потенциально слабые родители интуитивно выбирают профессию учителя, чтобы мстить другим родителям за то, что их дети умны, здоровы, сильны и полноценны. Тирания в школьной системе образования настолько очевидна, что её не видит или не желает видеть ни власть, ни родительское сообщество. А родители чаще всего одержимы формальными успехами своих чад. Им хочется, чтобы собственный ребенок превосходил других воспитанников. Родительское тщеславие безумно и безудержно...».

Арон подошёл к Ольге, погружившейся в слушание, и долго не показывал своего озабоченного присутствия, наблюдая, как патронесса увлечена докладом многодетного Азиева, упорно вышибающего из класса педагогов неудавшихся родителей. Она сама почувствовала на себе красноречивый взгляд Арона, и поняла, что надо немедленно выйти из аудитории, вероятно, случилось что-то из ряда вон. И действительно, Арон, сопровождая её по пути в Лабораторию, рефреном проинформировал её о пробуждении Астры и той роли, которую сыграл в этом деле Иван Забродин. Перед тем, как войти, он придержал дверь и показал Ольге распечатку из Интернета. Она бегло прочитала следующее: «В одной из лабораторий Центра Реконструкции Будущего получены сенсационные результаты по перемещению астральной матрицы человека из будущего в прошлое. Гостя из будущего, назвавшая себя Камой, поведала о всемирной катастрофе, которая постигнет нашу планету в середине 22-

го века. В результате падения крупного метеорита в акватории Атлантического океана Земной шар получит небывалое сотрясение, и гигантская океаническая волна буквально сметёт инфраструктуру стран Европы вплоть до Балтики – с Запада. Оголив восточное побережье США, обратная волна накроет половину территории штатов. Реки наполнятся солёной морской водой, и окажутся после стихии непригодными для полива и рыбного промысла. Залитые песком и без гумуса поля и плантации потеряют своё сельскохозяйственное назначение. Над планетой пронесутся смерчи и тайфуны, землетрясения и цунами. Сразу после катастрофы на Земле останутся живыми всего 3 миллиарда человек, а через несколько десятков лет общая численность сократится до 1 миллиарда. Гостя из будущего через своего земного посредника рассказала сотрудникам ЦРБ о разрушенном мире, в котором почти не осталось лесов, засоленная почва, на ней ничего не растёт, только жёсткая бурая трава. Все отравлено. Города разрушены, дома развалены. Люди ушли под землю и там основали новые поселения. Они сохранили все технические знания, приборы, машины. У них все есть, но нет неба и солнца. Одна борьба со стихией...».

Орлова, не дочитав до конца, свернула бумажку и отдала её Арону:

– Бред и вымысел больного воображения! Ничего такого Кама нам не рассказывала, да и была ли Кама?

– Она была там, в тонком мире, передала часть этой информации Астре в момент её возвращения, и Астра говорила дословно – вот этот последний абзац, – Арон снова развернул помятый текст и зачитал его Ольге.

– Ну и чёрт же этот Гарик! Не может ничего в себе держать, – начальница в ярости схватила листок и ворвалась в Лабораторию.

Гарик к этому моменту удачно сплыл – докрашивать сюжет в новых красках своего воображения. На его сайте уже висело более сотни комментариев. Публика требовала хлеба и зрелищ! И крови, как на гладиаторской арене в доме Ботиата. Общество устало от умозрительных инсинуаций. Людям нужна правда, и он – Гарик Карлович Огарёв – эту правду добыл, хотя и прослывет теперь в команде Куратора подлым демиургом! Вообразив, что спутник Камы – Кар, столь похожий на него в юности, является его собственным потомком, а имя Кар досталось ему от его сокращённого отчества Карлович, Гарик неуёмно возгордился, как будто получил индульгенцию от своего потенциального правнука. Он предупредил человечество о грозящей опасности, и теперь благодарные читатели возведут ему памятную паутину в социальных сетях! Однако бедный Гарик совершенно упустил из виду,

что у него нет потомков – ни одного внебрачного или затерявшегося в случайных связях огарёвского «огарочка». Эта мысль буквально ошеломила его своей пугающей пустотой. И в нём зашевелился комплекс бездетности. Не произведя на свет собственных отпрысков, среди которых должен быть наследник по имени Карл, он не имеет морального права с гордостью носить свой репродуктивный орган. И, поскольку Огарёв привык все делать незамедлительно, ему понадобилось срочно найти какую-нибудь Клару с широкими бедрами и здоровым румянцем. Такие Клары водятся в общепите, и он уже щипал их за круглые места, выхватывая горячие пирожки со сковородки. Несложно предсказать, куда направился Гарик по следу столь важных в его жизни открытий...

Вместо Гарика, удачно свалившего в момент орловского гнева, Ольга застала в Лаборатории совершенно счастливого Бориса и весьма помрачневшего профессора. Куратор нежно гладил тонкую ладонь Астры, и с восхищением смотрел в её чистые лучезарные глаза. А профессор, наблюдая эту романтическую сцену, стоял, скрестив на груди руки, и сосредоточенно думал об упущенных возможностях взаимодействия с Камой. Астра успела кое-что рассказать по результатам астральной встречи с гостьей из будущего, но не всё, и теперь, на фоне этого беспрецедентного любования и гормональных отклонений, будет сложно вытянуть из неё оставшуюся информацию. Орлова подала Знаменскому лист с текстом публикации, наблюдая за его реакцией. Профессор вывел её на балкон, чтобы не мешать Брусилову «пускать слюни» и наслаждаться обществом Астры.

– Ну, и что здесь такого? Ничего страшного. Обычная инфутка (информационная утка), только с секретом. Иногда истинная правда выглядит как шифровка. В сети столько паразитов, спекулирующих на теме апокалипсиса, мало кто поймёт или даже заметит эту писульку среди прочих. В общем хоре она проскользнет без акцента. Но тот, кому надо схватит наживку – и к нам, – успокаивал Знаменский Ольгу, – а что ты так волнуешься? Уж не это ли тебя беспокоит? – указал он на место поклонения Бориса – за окном с голубыми портьерами.

– С этим все ясно. И это пройдет... А вот Гарик не остановится, и его надо выводить из проекта. А жаль, он такой продуктивный...

– Так надо повернуть его в нашу пользу! Пусть пишет, разносит, публикует, пиарит. Это же бесплатная реклама ЦРБ. А нам нужны инвестиции, чтобы продолжить проект. Ты знаешь, сколько у меня накопилось недоделок? Освоить то, что уже разработано, получить продукт, наладить продажи, – вот чем надо заниматься, а не интригами и уси-пусями...

Солидарность учёных сплотила их. И не только. Их связала тайная ночь накануне Симпозиума, они стали близкими, без слов понимающими друг друга людьми. Во всяком случае, Ольга нашла в лице Александра Знаменского друга, который поддерживает и понимает её. Досада на внезапное увлечение Бориса превратилась в сухой остаток. Поток последних событий унёс и последние слёзы, растворил обиду в иных, более сильных переживаниях. Как говорится, клин клином...

День шёл своим чередом. Астра отдыхала после возвращения в реальность, Борис от неё не отходил, успокоенный ещё и тем, что полковник Колечко дал ему время подготовиться. Ольга продолжала держать руку на пульсе. После кофе-паузы участники вновь собрались на площадках, чтобы продолжить прения. Итогом Симпозиума, как водится, должна стать некая Резолюция, проект которой был, как всегда, заранее подготовлен, и осталось только проголосовать за него, внося поправки и дополнения, на заключительном собрании. Ожидали и визита губернатора, который хотел сам сказать заключительное слово, одобрить в целом итоги мероприятия и вручить всем маститым и даровитым дипломы и памятные подарки.

ГЛАВА 25. ВЫБОР СВЫШЕ

Среди приглашенных Глинским персонажей на этом судьбоносном Симпозиуме был священнослужитель – Архимандрит Успенский (Отец Валерьян) с матушкой Евстолией (бывшей наркоманкой Стелой, постригшейся в монахини во спасение души). Он благочинно посетил все мероприятия, побывав понемногу и на каждой секции, и всё время читал про себя молитвы, охраняясь от бесовщины. Всё, что происходило в ЦРБ, было богопротивно, особенно колдуны и ведьмаки, заведшиеся здесь по призыву здешнего руководства. Сам факт прогностики (и её грешных носителей) давно отринут церковью на веки веков. Чем руководствовался Глинский (по мнению Успенского, плут и лицедей), приглашая служителя православной церкви на этот Симпозиум, неизвестно. Сам Лев Аркадьевич всего лишь соблюдал установку квотного представительства «всех слоев населения», а без участия традиционных конфессий в новом свете не проводилось ни одно солидное мероприятие.

Единственный лектор, который вызвал интерес служителя Господа, – Иван Забродин. Его рассуждения о грехах человеческих и людях будущего, которые смогут избавиться от объедения, алчности, лени и уныния, зависти, прелюбодеяния, гнева и гордыни, были приятны и радовали душу. Особенно понравилась фраза о том, что путь к светлой жизни «будет усеян прахом тёмных душ». Сам Иван Михай-

лович не искал спасения у икон, но жил с Богом в душе. И было бы несправедливо этим двум людям, отрешённым от мирской суеты, не встретиться друг друга в этом суетном месте, куда они попали по воле судьбы.

Успенский думал о том, как хорошо бы звучал голос Забродина, если бы он трактовал верующим Пространный Катехизис. Он говорит просто и убедительно, а, главное, его слова примыкают к душе, вызывая в сердце истинное добротолубие. Когда Иван творил свою речь, слушатели на какой-то миг достигли «безмолвия ума», – состояния, столь необходимого глубокой Вере. Этот человек очищает души, снимая пелену с резвых мыслей, идущих от Дьявола, и сможет показать, что способности людей, их деяния и непоколебимый дух веры в Бога, веры в своё предназначение от Бога, открывают безграничные просторы человеческого творчества... И этого человека можно призвать к служению, если на то будет воля Божья...

Евстолия отыскала Ивана Забродина на пруду, где он определил себе тихое место, не отягощенное дизайнерским ландшафтом, и думал свою русскую думу в гордом одиночестве.

– Отец Валерьян зовёт Вас, Иван Михайлович, – робко прервала его сидение матушка.

– Да, он и сам сейчас придёт, – не оборачиваясь, через паузу ответил Забродин.

И действительно, на узкой тропинке, протоптанной любителями рыбалки из числа сотрудников ЦРБ, проявился силуэт в ризе.

– Бог в помощь, и вечер добрый Вам, – начал с приветствия Архимандрит, привыкший обычно, что его приветствуют первым.

– И Вам, батюшка, благословите мя... – поднялся Иван с насиженного места и поклонился священнослужителю по церковному этикету.

Успенский начал беседу исподволь: спросил, откуда родом, про жену, про детей, да был ли зарегистрирован брак (или жили в блуде), а крещённые ли дети и так далее. Обычное предисловие перед исповедью. Глубоко вздохнул Иван и ответил искренне:

– Алкоголик я...

Успенский величаво молчал, продолжая слушать. Их беседа продолжалась в формате исповеди. Архимандрит внимательно слушал Забродина, стараясь помочь ему разобраться в суетном мире, отделить зерна от плевел и найти свой путь.

– Была у меня и жена, есть и дети. Работа была, наука, степень, аспиранты. Но в один момент я потерял всё. Вот как бывает...

– Блаженны нищи духом... Помилуй ты, Господи!

– Сделал я открытие – такое, что ни одна наука не могла и представить. Да что там наука? Никто не мог даже приблизиться к этому феномену.

– Гордыня обуяла тебя!

– Обуяла, да ещё как! Я видел себя на вершине мира. Открыл скорость выше света на лоне мысли.

– На лоне?... – переспросил Успенский, – не все мысли от Бога.

– Но они – в нас. И между ними есть скорость, с которой мыслит Бог. Только наши мысли куда тяжелее... Глыбы таскаем.

– Так вот ты куда пошёл – в запретную тему.

– Я изучал скорость реакции нейронов, сопоставляя с движением мысли, делал опыты. Нейроны стоят на месте относительно мыслей. И это даже не мысли, а состояния. Мысль в суете обременительна, и сколько бы мы их не творили, всё дальше отходим от цели и всё больше путаемся под ногами истории. Люди суетятся от непонимания, создают хаос вокруг себя, потакая сиюминутным выгодам. Только покой дарит нам уверенность в себе и помогает создать контур Веры. И покой этот не где-то там – в небесах, а между мыслями – в таком малом пространстве, что мы и не успеваем в него попасть. Покой огромен, как Вселенная, стоит только на микро-мгн приблизиться к нему, и ты ощущаешь себя рядом истинным вселенским разумом. К этому я пришёл. И теперь надо мне, как будто бы велено! – погрузить в покой весь этот дремлющий мыслящий люд.

– Правду говоришь. А что – потом?

– Мою работу украли вместе с компьютером, – не понял дальности вопроса Забродин, продолжая свою исповедь, – Там были все расчеты, математические разностные модели, результаты моделирования, экспериментов, всё, что вымучено годами и ночным бдениями. Рухнула моя пирамида, и я начал пить. Пил по-чёрному. Сначала ушла жена, потом дети – сын и дочь – перестали меня признавать. Дно жизни показалось мне раем по сравнению с той болью, которую я испытал.

– Боль дается Богом, чтобы человек приблизился к нему.

– Боль и спасла меня. Во сне ли наяву явился мне образ в сиянии небесном. Ни лица, ни рук, ни ног. Но ясно было, что это Он. Я к нему – возьми меня, избавь от мучений! И тут с такой силой откатился назад, что и не помню, как очнулся. Помню только одно слово – Немон. Скажи мне, православный слушатель, что это? Что за слово такое?

– Значит, не пришло ещё твое время, и должен ты послужить Господу нашему...

– Я пробовал, был монахом в обители. Но вскоре оскудел от молитв и ушёл от всего этого в лес.

– И теперь пьёшь?

– Нет, сухой, с тех пор как рукой сняло. И не пишу, не вычисляю, только думаю и говорю. Редко.

– А здесь – какими судьбами?

– Вызов мне был – ехать. Не от них, – Забродин сначала показал взглядом в сторону главного офиса ЦРБ, затем поднял к небу палец, – от Него. Ста-

ло быть, пришло время испытать небесную потребу. Здесь собрались все, кто нужен.

– Чаша Разума твоего переполнена, и ты ищешь покоя, но не сможешь найти, пока не научишь людей жить с любовью и в гармонии с Богом. И тебе дано право и благословение – лечить и учить души людские. Благослови тебя Господи. Аминь!

Отец Валерьян понял, что Иван Забродин идёт своим путём, и путь его освещен выбором свыше. Вряд ли он будет служить религиозному институту, но может послужить большому делу – Божьему промыслу. В нём проявилось могущество – способствовать истечению суетных людских мыслей, пропуская их, как воду сквозь сито, – в бездну.

Любовь не мыслит, и только так – с Любовью и Верой можно говорить о Личности с большой буквы, о людях новой формации. Ни о каком движении по спирали вверх не может быть и речи, пока люди барахтаются в плену мирских побуждений. И они прогрессируют в своём грехе, жиреют, богатеют, оскудевая душой. Духовное богатство успешно конвертируется в материальное. Основа такого «прогресса» – иметь больше, есть слаще, работать меньше, и, если не получается достичь этого честным трудом или способностями, то можно просто отнять и поделить. И это духовный тупик, из которого есть только один выход – Любовь и Вера. Так рассуждал служитель церкви и также близок к нему был отшельник от науки.

Фундамент, на котором построено здание системы ЦРБ, основан на видениях и снах, подкрепленных научными достижениями. Здесь наука, в том числе медицинская, сплелась с эзотерическим опытом и нашла себе практическое применение, отягощённое бренными запросами. То, что было привнесено из снов Астры в реальность – все эти уникальные препараты и технологии, – ставили целью не только высшее творчество, но и извлечение прибыли за счет эксклюзивного знания о будущем. Цель – обслуживать нынешнюю элиту с её комплексом неполноценности: ожирением, импотенцией, хроническими заболеваниями, вызванными неумеренным образом жизни и физическими наслаждениями. При этом элита стремилась к внешней красоте, долголетию и ясности ума до самой старости – с оплатой, но без расплаты.

Верование во сны, с точки зрения церкви, является недопустимым. Но Астра родилась такой, она не виновна в своём даре, более того, и она и все окружающие её люди свято верили, что её дар – от Бога. Почему же Всевышний сотворил человека со встроенным в его самую суть «смертным грехом» – снами? Может быть, идеальный праведник вообще не видит снов? Нет, видит. Церковь не даёт гарантии бессмертия тем, кто в ней обитает, и не является доказательством их безгрешности. Там служат люди, а не боги.

Отец Валерьян так и не спросил, почему Иван Забродин покинул монастырь, в чём было его разочарование? Боль и страдание привели его в обитель с ясными намерениями – служить Богу. Но один раз он видел, как монахи смеялись над женщинами, покупающими церковную утварь, называя их за глаза «погаными кошками». А потом лукаво смотрели друг на друга и, неистово молясь, входили в прелесть. Ему стал понятен и механизм сбора пожертвований через паству, – не всегда чистый. И содействие настоятеля в хранении воровского общака. Да и многое другое... Люцифер, правя бал на планете, нашёл лазейку и «в святая святых» – в церковь, вовлекая за собой целую плеяду грешников, якобы замаливающих грехи. Пройдя через горнило научной гордыни, пропасть алкоголизма, монастырскую обитель, Иван собственно сам нашёл к Богу – без посредников. И теперь он знал, что любой дар – от Бога.

Спор между церковниками и экстрасенсами, целителями и медицинской наукой идёт уже более трех веков. И наконец-то эта война вышла на открытую площадку из тени кулуаров, и её превратили в шоу. Экстрасенсы оперируют именем Бога, а церковь порицает целительство, включая безобидное траволечение. Священнослужители говорят, что это смертный грех: и для тех, кто исцеляет, и для тех, кто идёт к целителю, использующему при лечении, в том числе и молитвы. За это предполагается отлучение от церкви. Какое страшное наказание для тех, кто там и не бывал! Если бы профессор Знаменский с его прагматичным умом и энциклопедическими знаниями был оппонентом у служителей церкви, он бы вспомнил Матрёну – целительницу, которую церковь возвела в ранг Святых, привёл бы доказательства идентичности церковных и магических ритуалов. Процедуру изгнания дьявола – экзорцизм – сравнил бы с методом Назаралиева по лечению наркомании, основанном на морально-стрессовой психотерапии и внушённом страхе. И, хотя у всех сторон – разные технологии и поименованы различными терминами, присмотревшись поближе, можно найти много общего.

Социальные, научные, религиозные, национальные, политические, экономические и другие явления и процессы сначала концентрируются в своём эгрегоре (18-й – середина 20-го века). Накапливают потенциал, как тучи, тяжелея от конденсации влаги (конец 20-го – начало 21-го века). Затем сталкиваются друг с другом, извергая гром и молнии (середина 21-го века), а потом подвергнутся интерференции, сливаясь в один фиолетовый горизонт (конец 21-го – начало 22-го века). Синергия и симбиоз в системе коллективного разума. Это движение по спирали неизбежно, как сама жизнь.

ГЛАВА 26. ИЛЛАРИОН

Заключительный день Симпозиума предвещал непредсказуемые события. На арену выходили особые герои мероприятия – колдуны, маги и медиумы обоего пола и разных рангов. С утра состоялся незапланированный наплыв журналистов, которых некуда было разместить, и Феликс Кайсаров оборудовал спортзал в стиле рекреационной зоны терпящих бедствие от наводнения. Пишущая братия тут же обосновалась в отведённом пространстве, превратив его в дикий хайтековский хаос. Не хватало старых розеток, и пришлось притащить индукционный высокочастотный транслятор электрической энергии и пару десятков приёмников. Простое и гениальное изобретение Николы Тесла, пробыло в забвении почти век. Так просто, а раньше бы пришлось тянуть удлинители с учебных аудиторий. СМИшные планшеты не могли войти в беспроводную сеть в зоне ограниченного доступа, и народ заметно нервничал, настраивая оборудование.

Каждый медиум (из 12 отобранных кандидатов) проводил свой мастер-класс в отдельной аудитории, и репортёрам было сложно принять решение: какие именно классы стоит посетить, чтобы сорвать джекпот. Было интересно и тут, и там – совместно с необходимостью ухватить всё сразу. Так, благодаря стеснённым обстоятельствам и общему месту обитания, журналисты сумели договориться об обмене информацией по факту, несмотря на требования редакторов снимать полный эксклюзив.

В толпе прессы, прибывшей на автомобилях и телевизионных микроавтобусах, были и байки. Однако среди них не мог затеряться Suzuki матёрой мощности. Обладатель одного в серебристом шлеме оказался в центре завидного любопытства. Парень обнажил голову, и взору публики предстали белокурые волнистые волосы, обрамляющие красивое юное лицо. Живописные птицы пиар-легиона встрепнулись всеми крыльями и перьями и потянулись в сторону героя. Возможно, они приняли юношу за одну из экзотических фигур, участвующих в предстоящем представлении и запечатлели фактуру глазом: вот кого мы будем потрошить на ужин...

Молодой человек не оказал внимания подступающим к нему репортёршам и уверенно направился в VIP-зону, куда простым участникам доступ был закрыт. Ольга с утра успела выставить охрану, и она, удостоенная значительного доверия и гонорара, отрабатывала свои обязанности с рвением английского бультерьера.

– Простите, молодой человек, Ваш пропуск?

– Какой пропуск? Я Илларион Брусилов. Мой отец – директор ЦРБ, сообщите ему о моём прибытии, – резко ответил юноша, удивляясь нововведениям.

Илларион был здесь два года назад и составил своё представление о созданной его родителями организации. Для него это был некий псевдонаучный кулуар гуманитарных эманаций в духе современного оккультизма. Никакой охраны, все тихо, провинциально и закрыто от любопытства. Продвинутая молодёжь, увлечённая маршрутами экологического туризма, обходила это место стороной, как будто его охраняли невидимые духи. Надо признать, что потомка талантливых прогнозистов слегка подташнивало от совкового налета ЦРБ, к тому же он не верил ни в бога, ни в чёрта, и поливал скепсисом любые очевидные факты совершенных местными обитателями «чудес». Однако с удовольствием посещал эту особую зону – память отрочества – всегда с готовностью принять легкую пытку воспитательного назидания.

Несмотря на отчаянные попытки матери приобщить сына к элитарной науке, юноша стремился к своей цели, которой, собственно, никогда не имел, и яростно отстаивал свободу жизни. Он бы так и смотрел на затеи родителей со снисходительной иронией, не видя в этом здравого смысла, если бы не банковские счета Брусилова-старшего, которые стали пополняться «живыми деньгами» последние два года. Впрочем, составлять капиталы «из воздуха» было как раз в духе юного новатора, и ему пришлось обрести уважение к тем, кто это умел.

Единственный сын звёздной пары – Ларик, как его называла «мамоля», был, что называется, дитём своего времени. Он успешно сочетал парадоксальный инфантилизм при отсутствии инстинкта самосохранения с динамикой поверхностного освоения новых технологий. В свои 20 лет успел укротить трехмерные IT, испытать взлёты и падения на рынке ценных бумаг, многократно проделывать акробатические прыжки с парашютом и успокоить родителей быстрой ездой на дорогом мотоцикле. Илларион, поразительно похожий на мать, взял от отца глаза – глубокие и карие. Умница и красавец не написал в жизни ни одного внятного текста больше, чем на страницу, но лихо заполнял электронные формы в социальных сетях и активно участвовал в различных грантовых конкурсах, которыми пестрил Интернет. Он не знал, из чего можно сварить нормальный суп, но легко выигрывал в шоу на выживание. Представитель поколения Next относил себя к мобильной группе не наёмной молодежи, которая умела зарабатывать большие деньги в короткое время, а потом тратить их с такой же легкостью и азартом. В периоды финансовых провалов Илларион обращался к матери за помощью, вводя её в глубоко продуманное заблуждение относительно его планов пополнения интеллектуального багажа в «реальных» библиотеках. Она вздыхала и давала, втайне опасаясь,

что Ларик может приобщиться к наркотикам и блудным девицам в тех местах, где он часто бывал с сомнительными друзьями. С 13-ти лет сына по большому счёту воспитывала его бабушка – мать Бориса – Елизавета Марковна. Данное обстоятельство устраивало всех членов интеллигентного семейства.

– Илларион Борисович, Вас ждут на втором этаже, я провожу...

– Не надо, я сам, – прервал охранника юный посетитель, неожиданным прыжком перемахнув через ограждение и устремившись по лестнице вверх. Мать вышла к нему навстречу.

– Ларик!.. Как ты здесь оказался? Почему не предупредил? – стараясь скрыть лёгкое недоумение и радость, ворковала Ольга Григорьевна, целуя сына под два метра ростом в открытую шею.

– Мамоля, хочу сообщить Вам пренеприятное известие: я – женюсь!

Ларик приподнял мать за торс и завертел так, что у неё лопнула пряжка на поясе. Он был заранее счастлив от её реакции, и это счастье не предусматривало никакой преграды, ломая всё на своем пути. Счастье хрустело в изломах мотоциклетного костюма и сверкало в изгибах шлема, смущая женщину до глубины души.

– Да, ладно! Ты же был против женитьбы до 30 лет. Подожди. Я не поняла: ты это – серьёзно?!

Ольга не поверила первому слову, ведь они с Лариком с детства играли в игру «правда-неправда», когда одному игроку надо было убедить другого в правдивости истории, а другому – разгадать её истинную сущность. Сын выигрывал без поддавок, и это свойство – вводить доверчивую маму в заблуждение – часто использовалось в мелко корыстных детских целях.

– Да. Всё решено. Я женюсь, я женюсь! Я женюсь, Луи сказал! – мурлыкал молодец известную мелодию старого шлягера.

– Постой, ты же не способен... вести хозяйство, экономить, воспитывать детей, – Ольга приводила бездарные аргументы, внутренне поражаясь своей женской логике, – да и вообще, рано тебе ещё... Кто она?

– Отец здесь? Надеюсь, она вам понравится. Через два часа моя половинка будет здесь, так что готовься стать свекровью.

– Слово-то какое: свекровь. Своя кровь... А ведь не своя – чужая, – Ольгу охватило тревожное предчувствие. Сын нагрянул слишком неожиданно, без предупреждения, да ещё в такой напряжённый день. Ей было явно не до него. А по правде сказать, последние годы ей вообще было не до него. Выборы, конференции, проекты, гранты, публикации, научная работа! Но всё это меркло в азарте глубинных исследований горизонта грядущего. Был момент, когда их вместе с

Борисом захлестнуло волной одержимости. Будущее стало открываться, проявляясь то одной, то другой страницей, и эти фокусные кадры складывались в общую панораму, которой не хватало всего нескольких элементов. На глазах строилась диалектическая спираль развития, воплощаясь в реальные события завтрашних дней. Эйфория этого процесса была сильнее наркотической зависимости. Оторваться было невозможно – ни при какой терапии. Иногда Ольге казалось, что Он и Она – Миссия Вселенной, сплетённые в один сноп спиральные энергетические антенны Любви, носители божественной информации. Но теперь от этой радужной символичной картины остались одни обломки и вполне реальные проблемы. Виртуальная спираль скрипела и рушилась, роняя в бездну фрагментарные дуги своих изгибов. Прошлое отражалось в будущем, как в изогнутом зеркале, и становилось ясно, что из уродливой корявости не вырастет гармоничное создание. Иллюзии научной прогностики рисовали мир в мечтах его Создателя: чистым и светлым. Но он не становился таким, поскольку геном развития претерпел страшные деформации, и исправить их уже не представлялось возможным...

Ольга изумилась своим мыслям, и отпустила Иллариона к отцу. Сын спешил создать новую ячейку общества, и это простое житейское событие стало для Орловой информационной бомбой. Всё сразу встало на свои места. Она – мать, Борис – отец. Сын женится. Мина не взорвётся, пока на неё не наступишь...

Ольга всегда относилась к своей свекрови с уважением, стараясь не нарушить строгой системы приоритетов. Но Елизавета Марковна не была столь изысканной в манерах, и часто провоцировала жену сына на скандал. Однако ни одной непоправимой ссоры так и не состоялось, и материнская ревность понемногу усмирилась воспитанием внука. Илларион вырос бесшабашным молодцом, уверенным в своей неповторимой ценности для старших родственников. Он рано потерял обоих дедов: как водится на Руси – мужчины умирают рано. Вторая бабушка (мать Ольги – Полина Павловна) – давно уехала во Францию и удачно вышла замуж в достойном возрасте, освободив дочь от своего убойного покровительства. Так что свою историю семейных неурядиц Ольга Григорьевна так и не изучила. А тут открылась новое минное поле. И так не вовремя, так некстати...

Досада заставила Ольгу пойти вслед за сыном и проверить, в каком состоянии Илларион найдёт своего отца. Если тот всё ещё лелеет Астру, то это не совсем удобная диспозиция. Она не успела предупредить дальнейшие события. Всё сошлось, как в страшном сне. Борис всё ещё находился в «сонной» Лаборатории и не выпускал Астру из своих демонстративно отеческих объятий, разглаживая

её льняные волны волос и слегка дотрагиваясь до нежной щеки. Она вздрагивала от его прикосновений, неслышно всхлипывая, как маленькая девочка после перенесенной обиды. Если бы в этот момент в секретную Лабораторию вошёл кто-либо из приближенных, то удалился бы немедленно, соблюдая пикантность ситуации. Но только не Илларион. Он ворвался, как шаровая молния в недозволенное пространство. Чем можно удивить современного молодого человека, выдавшего все виды дружеской и сексуальной когнитивности? Да, ничем. Но на это раз разворот событий предстал в неожиданном ракурсе. Жениться сразу же расхотелось. Вернее, говорить об этом. Пока парень держал паузу, Борис не видел его. Астра отреагировала на появление незнакомого ей молодого человека, резко отпрянула от своего покровителя и зарделась. И тут же в комнату вошла Ольга. Картина Репина «Не ждали». Так бы все отошли от неловкости и попытались разойтись мирно, оставшись каждый при своём мнении, но тут случилось одно неожиданное обстоятельство, которое отодвинуло на задний план обычные семейные разборки. Астра вспорхнула со своего ложа и подплыла к Иллариону, чтобы разглядеть его поближе.

– Это он! Он... там был со мной...

И тут с путешественницей во снах снова случился средневековый обморок, отчаянно напугавший всех членов семьи. Ларик едва успел подхватить стройное тело и передать его подоспевшему отцу. Борис взял Астру на руки, бережно уложил на ложе, чтобы дать нашатырю, но этого не понадобилось. Куратор понял, что это не обморок, а очередной внезапный сон, который не первый раз последнее время случался с Астрой. Нажал кнопку вызова персонала, подключил Тор, инициировал голографический экран, чтобы сделать запись, если вдруг начнётся долгожданная проекция.

Ольга с суровым любопытством наблюдала за действиями Бориса, хотя ей порядком надоели эти внезапные летаргии, возня вокруг девушки и опасность, которую она представляла для неё – во всех отношениях. Судьба проекта, даже если и зависела от её снов, складывалась трагично. Но всё трагичное – захватывающе интересно. Сны Астры затягивали в иное измерение, отрывая от настоящего. Контроль ослаб, и риски стали проявляться, как трещины в запущенном здании. И вот теперь надо срочно разгадать, почему это она так странно смотрела на Ларика и кого узнала в нём. Возможно, сын похож на того, кто был в её видениях, и это удивительно и тревожно. Сам Брусилов младший оценил ситуацию как ненормальную.

– Ма, кто эта девушка? Я её знаю? Кажется, видел когда-то здесь, ну, когда она была пацанкой. Ну, чо, цыпа классная стала. Пап, ты с ней что ли?..

– Илларион, ты ничего не понял. Это долгий разговор. Оль, ты его вызвала или он сам пришёл? Опять деньги?

– Сын приехал, чтобы сообщить нам одну новость, но ты, кажется, не готов сейчас обсуждать эту тему...

– Что ещё может случиться с твоим сыном? Ему нужны деньги. Самое скверное – не в последний раз, и так будет до бесконечности, пока он не найдет своё дело. А как он его найдет, – Борис вдруг понял, что говорит о сыне раздражённо, в третьем лице и в его присутствии.

Он обернулся и строго посмотрел в эти наглые, в соответствии с его ожиданиями, глаза хорошо воспитанного эгоиста:

– А... как ты найдёшь своё дело, когда у тебя нет цели, нет будущего?..

– Па, мне не нужны твои деньги. Вообще ничего не нужно, я приехал... Просто так. Ладно, пока, па...

Ларик по-мужски похлопал отца по плечу и вышел, играя мышцами обиженной спины.

– Зачем ты так с ним? Он стал взрослым, что мы с тобой как-то пропустили, – отражая чувства сына, Ольга старалась сгладить ситуацию, – Ларик вырос так быстро, как растут чужие дети...

– «Нам надо поговорить...», – ты это хочешь сказать? Так говори здесь, у меня от Астры секретов нет, да к тому же она ещё не очнулась. Где Знаменский? Господи! Да за что мне всё это? – возопил Борис, давая волю истерике. Тор начал пищать. Сначала сигналы были редкие, пустые, но потом пошло что-то вроде изображения, как будто серо-бурые песчаные дюны покрывали экран и рассыпались пеплом, освобождая место сизой переполосице. Такое волнение на мониторе было характерно в моменты вхождения Астры в астральный сон. Ольга дотронулась до руки Бориса, прерывая его эмоциональный всплеск, и сфокусировала взгляд на экран, призывая Бориса наблюдать процесс погружения Астры в иную реальность. Сон был коротким, но явно различимым.

Мужская высокая фигура в космическом костюме – литом скафандре, которого ещё нет в арсенале современных космонавтов, находилась примерно в 100 метрах от летательного аппарата, похожего по форме на миндальный орех размером с дворовый стадион. Вокруг корабля то и дело проскальзывали маленькие и тонкие молнии, направленные во все стороны – в атмосферу. Кажется, что корабль наэлектризован до критического состояния и не в силах более удерживать на своей поверхности избыточное количество электронов. Спустя минуту, из нижней части корабля выдвинулись опоры, наэлектризованный слой вокруг корабля исчез, и воздушное судно явно приобрело массу. Было видно, как опоры немного сжимаются за счёт встроённых

внутри амортизаторов, открывается маленький трап, к нему подходит космонавт, останавливается и оборачивается лицом к виртуальному зрителю. Лица не видно, оно закрыто тёмным, отражающим свет овальным щитом. Мужчина откидывает щит одним движением руки, и публике предстает лицо героя. Красивое лицо с высоким лбом и твёрдым подбородком, из-под кромки шлема видны вьющиеся волосы...

Теперь настал черед падать в обморок Ольге. Невозможно поверить, но это был Илларион! Похож и старше лет на 20-30. Вот он закрывает шлем, прощается, смыкая ладони над головой, и резко разводит их – вниз и в стороны, как крылья Икара. Жест нетрадиционный, но понятный каждому. Трап поднимается, человек исчезает в недрах аппарата. Летательный «орех» вновь электризуется еле видимым слоем, немного приподымается в воздух, все опоры задвигаются и аппарат становится идеально ровным, без каких-либо внешних деталей: ни крыльев, ни хвоста, ни моторов, ни шасси. Потом он медленно поднимается на уровень выше крыши, издавая при этом странный треск и жужжание высокой частоты наподобие шмелиного зуда, затем динамично уходит по дугообразной траектории, оставляя за собой неоновое светящийся след, исчезающий мгновенно, как молния... Сеанс закончен. Астра спит, но уже нормальным человеческим сном. Скоро она проснётся, вернее, очнётся, как после гипнотического сеанса, только в отличие от пациентки гипнотизёра, будет помнить всё, что видела в своем иновременном полёте. Фрагмент из будущего аккуратно запечатлён в цифре. Припозднившийся профессор Знаменский успел увидеть только хвост кометы – исчезающий след. Ошеломленные увиденным, горе-родители молча смотрели друг на друга с открытым в глазах вопро-

сом: «Что это было?». Слава Богу, Александр Павлович прокрутил видео назад, осмыслил увиденное, подправил кадры, осмотрел Астру и только после всех манипуляций обратился к Борису и Ольге.

– Она показала вам своего избранника, близкого её человека. И он хорош, похож на вашего сына. Его я только что встретил на лестнице. Поздравляю! Не каждому удастся вот так увидеть в будущем своих детей. Сенсация! Но, что удивляет, она это сделала для вас специально. Первый раз – плановое видение, по её собственной воле.

«Совет Трёх» мог бы и не произносить слов, все и так поняли суть свершившегося чуда. Тяжелее всего было Борису. Он представил, что избранником Астры будет его сын Илларион, и ревность, подогретая негативом к сыну, опалила его тонкий любовный флёр, развеяв в пепел мужские иллюзии.

Ольга опомнилась, что третий день Симпозиума уже почти прошёл, а она всё ещё не в деле. Но все получилось без накладок и сбоев. СМИ получили реальное «мясо» для производства информационных продуктов, медиумы – потенциальную клиентуру и бесплатную рекламу, учёные – повод позубоскалить о ненаучных методах предвидения. Пышный фуршет с участием губернатора, произнесшим яркую краткую речь о научных инновациях и перспективах развития человеческого фактора, поставил бы точку в этом историческом мероприятии. Но эта «точка» развернулась такими последствиями, которые не могла предвидеть даже Астра.

По окончании фуршета Илларион подошёл к родителям, отвешивающим поклоны уходящим гостям. Под руку он вёл высокую стройную девушку в облегающих брючках, с таким же, как у сына, серебристым шлемом в руке. Девушка откинула назад длинные волосы и постановочным взглядом посмотрела на Ольгу и Бориса. Это была Оксана Слуцкая...

Книга 2

КАМНИ НА РОССТАНЯХ

ГЛАВА 1. СУХОЙ ОСТАТОК

Всю неделю Интернет пестрил сообщениями о результатах Симпозиума в Центре Реконструкции Будущего. Журналисты варили своё варево с претензией на сенсационность, заляпывая светской иронией любое пророчество, отличное от «планов громадьё». Искры разума гасли, как древние фрески, густо замазанные цензурой смутных времен. В этом грязном потоке ищущие умы не могли уловить примет будущего, хотя бы в одном абзаце, способным стать ключевым моментом в истории: «Человечество потеряет свои истоки и не сможет восстановить сумму технологий последней цивилизации». Но рядом с пророчеством корчились в рекламных кликах жирные животы, предстательные железы, силиконовые груди, и вся эта мерзость заставляла смотреть на себя, нырять глубже в болото кликов, погружая всё сущее и важное в забытое небытие.

«Госпожу Орлову», избранную почетной «мухой» информационной паутины, венчали короной Воланда: «Центр реконструкции будущего или серпентарий шарлатанов?», «Ведущая ведьма Сибири предсказала забвение доллара!», «ЦРБ скрывает в своих лабораториях спящую пророчицу»... И так далее и тому подобное. Во всем чувствовался тенденциозный характер информационной бойни, что было совсем некстати – в связи с предстоящим обручением сына с референтом губернатора (других причин для осознания публичного стыда не было). Борьба с журналистами – бессмысленно, к тому же иссякли энергия и сила, – они остались на том берегу, где прошлое застревает в ломках разбитой спирали...

Несмотря на осеннюю сонливую лень, Ольга взяла себя в руки и начала последовательно заниматься решением повседневных проблем. В связи с подготовкой к Симпозиуму дела Центра были запущены, да и пользы от этого многогранного мероприятия, как виделось по горячим следам, было немного. «От ненужных побед остается усталость!», – мысленно напевала инициатор форума, сортируя файлы звукозаписей с мероприятий. Сотрудники могли пропустить некоторые важные моменты, кажущиеся на первый взгляд пустой эзотерической болтовней. Орлова создала специальную папку для особо важных конспектов, потом еще несколько папок по кластерам и одну совершенно отдельную – по выступлениям Ивана Забродин. Он подавал информацию по трем уровням сложности: – обычный текст, вербальный подтекст (смысловое значение «между строк») и невербальное подсознательное восприятие, доступное далеко не каждому. Орлова прослушала его речь трижды, и каждый раз открывала что-то новое. Тут было, о чём подумать. Иван Михайлович озвучил новый вид синтеза мыслефор-

мы, обозначил модель мгновенной передачи мысли через пространство и время. Правда, говорил он об этом контурно, но дал ознакомиться со своей диссертацией и неопубликованными работами, которые привёз с собой на Симпозиум.

За работой Ольга не заметила, как в лабораторию – по зову мысли – вошел сам Иван Забродин. Наблюдая за учёной дамой, погруженной в свои размышления, медиум терпеливо ждал внимания. Она обернулась к нему и усмехнулась недавней мысли: он выглядел грустным и усталым, как от «ненужных побед». Да, и было от чего. Забродин только что проводил своего друга Михаила Цветова в застойное лоно прогрессивной науки, где его уже ждали коллеги, страждущие отжать свежий сок перспективных идей и поглумиться над «серпентарием шарлатанов». Перед отъездом до утра друзья общались друг с другом, пытались оправдать неизбежно ненужный ритуал расставания. Они оба работали над идеей открытия знамений времени, познавая вкус интеллектуальной конкуренции в формате «Моцарт и Сальери», но один все еще стоял в прошлом и писал о будущем, а другой нашел своё будущее, потеряв связь с прошлым. Цветов понимал, что ему вряд ли удастся вырваться из пут столицы, но отчаянно искал повод вернуть бородатого друга в научный мир, где все погрязло в косности и интригах. Подсознательно он хотел, чтобы Иван взбодоражил, освежил, да и, чего греха таить, совершил что-то вроде революции в научных кругах России. Чистота и новизна философских воззрений Ивана Михайловича бередили душу Михаила Борисовича, и ему хотелось как можно глубже вобрать в себя этот поток истины, вымывающий бранный мусор тщеславия в порожнюю корзину. Так они и расстались, не придя к единому мнению и не найдя точку опоры, чтобы «перевернуть мир».

– Ну что, дорогая коллега, кажется, наши прогнозы никому не нужны, – начал диалог Забродин, – Полковнику никто не пишет, тётке Соне никто не звонит... И вот в чем парадокс! Миша Цветов, например, убеждал меня в том, что Кремль сбился с ног, ища правду о будущем. Они платят каким-то подпольным прогностикам от науки огромные деньги, а наши прогнозы – и слушать не хотят! Шарахаются от них даже «за бесплатно». Ну не обидно ли, сударыня? Столько труда, стараний, средств, наконец...

– Да что Вы, Иван Михайлович! Когда наши прогнозы сбываются, а они сбываются постоянно, каждый норовит бить себя в грудь: я это знал! Ну, не будем же мы доказывать, что еще несколько лет назад публиковали наши наработки. И вот теперь, когда они приняли наличное бытие, никому не интересно, кто и что там прогнозировал. Эфир забит Вангой, Мессингом, Кейси, я уж не говорю про Нострадаму-

са. А о наших пророчествах никто и не вспомнит, – с определенной долей обреченного разочарования рассуждала Ольга.

– Рукописи не горят, прогнозы – не продаются, – резюмировал Забродин, – Они не нужны тем, кто сегодня у руля истории. У них свои намерения и весьма осмысленные цели. Если прогноз не укладывается в планы правящих кланов, то его лучше разрушить: будет так, как мы хотим, а не как видится и пророчится. И черт с ней – диалектической спиралью развития! Пусть она вертится, ломается, главное, идти вперед, оправдывая средства, – к финишу.

– Мы привыкли к этому. Да и вообще, работаем независимо от того, признают нас в этом мире или нет. Есть и другие – более глубокие и далекие цели. Хотите поработать с нами – в команде? Нам было бы приятно получить ваше согласие, – внезапно предложила Орлова.

– Работать с вами – в команде? Это интересно. Честно говоря, не хочется возвращаться в свою берлогу после того, что я здесь увидел и услышал. Думаю, что здесь и есть моё место...

Ольга ничуть не удивилась его ответу. Она с самого начала знала, что Иван – недостающее звено в цепи, ведущее к цели. А цель проста – восстановить разбитую спираль эволюции, освободив её от искривления и деструкций. Ольга называла эту миссию «Лечить Историю». Все члены команды Центра Реконструкции Будущего видели цель по-своему, но в итоге она складывалась в один интегральный вектор. Куратор бредил информацией из будущего, которую можно применить к настоящему времени, Знаменский искал новые технологии, а Ольга синтезировала траектории развития, по которым можно было пройти, как по лезвию бритвы, не задев хрупкие фракталы вселенской спирали. Поэтому всякий «слон в посудной лавке» виделся ей врагом миссии космического масштаба. Материалистические приоритеты Куратора и его сотрудников не превалировали в общем векторе. Их эксклюзивные изюминки были всё еще закрыты от страждущей толпы потребителей. Ребята настолько увлеклись проектом «Астра», что симулировали искушение продать какой-нибудь рецепт из будущего только в случае катастрофической нехватки средств. Отдельные покупатели секретов ЦРБ также не стремились распространить эти секретные технологии, пользуясь ими индивидуально, хотя порой страдали от искушения наладить массовое производство каких-нибудь пилюль от ожирения или бессонницы. Жажда исключительного владения секретами преобладала над жадностью. Это был латентный период, когда основные результаты всё еще оставались в подводной части айсберга, сияя впечатляющей вершиной иллюзий.

Иван Забродин казался Ольге идеальным партнером. Его видение совпадало с её идеалами. Он

говорил о Любви и Вере, вёл к общечеловеческой Идее, к рождению нового Человека – носителя Божественных начал. Ольге это импонировало. Она скрывала от окружающих свою постыдную для современников веру в Коммунизм, в чистое общество, лишённое грехов, одержимое творчеством и надеждой на светлое будущее. Считала себя конечной идеалисткой, привыкшей прикрываться масками греха, чтобы не быть «белой вороной», ведь «Люцифер здесь правит бал», и надо как-то приспособиться к данности бытия...

Вспомнив о Люцифере, Ольга представила Гарика и рассмеялась. Несмотря на свои идеалистические представления, её всегда тянуло к этому inferнальному человеку, представляющему собой гремучую смесь пороков и талантов. Тяга противоположностей? Или что? Она вспомнила, как Иван Забродин буквально загипнотизировал Огарёва на лекции, прочищая ему мозги. И между ними установилась незримая связь. Да, так и было! Иван, как будто уловив её мысли, не в тему произнес:

– Гарри Карлович видит в Вас не только покровительницу, он любит Вас. Любопытный тип. Снаружи посмотреть – чистый дьявол, а душа сильная, чистая. Он так старается запоганить себя, чтобы казаться «своим», но ошибается. К нему г.но не липнет. Я тут посмотрел его и почистил немного – на подсознательном уровне. Так он спешно собрался жениться, и, вообразите себе! – прихватил с собой в Москву вашу сибирскую девочку.

– Да, это Алёнка, дочка нашей вахтерши Маши, которая из бывших заключенных. Гарик срочно решил завести потомство, а наилучший вариант: экологически чистая, природно-народная девушка, не отравленная дискотеками и наркотиками. Мать очень хорошо её воспитала, будто компенсировала свои ошибки. Гарик поторопился с ней, боялся передумать. Объяснил «по фене» потенциальной теще суть вещей, наобещал девочке роль в кино и полный пансион. И ещё так сочно и грубо выразился, мол, женщина – это сосуд для «метания икры» и продолжения рода. Каков циник! Не понимает, что гены передают не только носики и ножки, но и глубину интеллекта, душевный капитал и отработанный столетиями «образ рода».

– Думаю, он не бросит он Аленку, и она найдет свое место под солнцем в его кинорежиссуре, будет ли подавать кофе или гладить костюмы. Не пропадет! – подвёл итог Забродин. Его надо было как-то «полечить», вот я и пошалил немножко.

– За что тебе большое человеческое спасибо. Я тоже пыталась «лечить» Гарика, ведь он, как бы это сказать... не совсем обычный, ну, в смысле, с женщинами у него – никак. Как связался с шоу-бизнесом, так и испортился. Хотя с ним интересно дружить. А тут – Аленка! Как тебе это удалось? Вот

бы так всё человечество вылечить. Снять шелуху, помыть, почистить души, а то уже не знают, чем бы ещё загадить себя. Эти разноцветные особи с нетрадиционной ориентацией украли у нас самое святое: радугу, голубое, нежное, розовое, попробуй, произнеси одно такое слово! Осквернили мир, а мы потакаем, стыдимся прослыть гомофобами.

– Всё пройдет. Придет время, когда мужчина и женщина, здоровые душой и телом, способные произвести полноценное потомство, встанут на вершину мира. И им будет дано всё. А угри уползут в ущелье, как им и положено.

На этой оптимистической ноте собеседники приняли решение о сотрудничестве. Ольга распорядилась выделить Забродину комнату на административном этаже, пообещав в дальнейшем поселить его отдельно в домике с учетом его склонности к одиночеству и раздумьям. Забродин был счастлив. В его жизни случилось то, о чем он не мог даже мечтать. Теперь ему не придется голодать, продавать мозги дьяволу, и он будет делать то, что хочет – заниматься научным творчеством, познанием будущего, лечить планету от греховного налёта. Когда он покинул официальную науку, пришлось много страдать, а теперь – появилась надежда, что всё было не зря. Он с благодарностью вспомнил о Глинском, который нашёл его – с таким трудом в дебрях средней полосы России, притащил сюда, где талантливый учёный нашел своих новых друзей и прекрасную команду единомышленников. Главное то, что его участие в Симпозиуме было не напрасным.

Ольга представила новичка команде, и все как-то сразу приняли его в свой узкий круг, как будто он тут и был. Забродин никому не наступал на пятки, никого не теснил, ни с кем не конкурировал и не вызывал раздражения. Его роль была исключительной. Несмотря на пестрый котёл многообразных размышлений о грядущем, Симпозиум все-таки оставил одну зацепку на будущее в лице его носителя. Это и был тот самый «сухой остаток», ради которого, возможно, и был устроен весь этот футурологический фейерверк.

ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ

Когда первая волна информационных интриг сошла в бездонную цифровую воронку, мир снова воцарился над куполом Центра Реконструкции Будущего. Гости разъехались, а мозаика их выступлений так и не сложилась в какую-либо прогностическую картину. Даже при удалённом взгляде на эту коллективную колоннаду виртуального творчества очертания грядущих событий угадывались весьма фрагментарно. Да, собственно, никто и не пытался сложить из отдельных элементов сводный отчет: отсутствовал главный фигурант сюжета – генеральный заказчик.

Команда Куратора продолжала наблюдать за Астрой, создавая ей новые возможности самореализации. У девушки наблюдалось явное раздвоение личности. Возможно, в ней периодически гостили разные личности или сущности, поскольку собственного характера она так и не проявила. Это был какой-то особый вид инфантильности, симбиоз мистической детскости и социальной дикости. По крайней мере, именно такое мнение сложилось у Ольги относительно личности Анастасии Волгиной – уникальной внучки сторожа Акима. Как супруга Куратора, она испытывала к ней сложные чувства, крайними проявлениями которых были каверзное отторжение и неудержимый восторг. Ольгу неодолимо тянуло к Астре, как будто их внутренние сущности на уровне высшего смысла стремились друг к другу, а социальные – сдерживали и держались под контролем. Орлова считала себя опытным прогнозистом, и её прогнозы, основанные на реальных тенденциях, изучении общественного мнения, хорошо складывались, были оправданы, закономерны и научно обоснованы. Она оперировала противоположностями и не страдала косностью простого экстраполирования тенденций, а Астра давала конкретику в деталях, ломала будущее своими сновидениями и предлагала такие варианты событий, которые не укладывались в схемы современных методик. И это имело огромную ценность, еще не совсем осмысленную и не размеченную по сметам. Наверное, где-то в глубине души Ольга испытывала некую профессиональную ревность, но она, как ей казалось, была далека от таких примитивных чувств, полагая, что дефекты дикого прошлого окончательно полегли на поле боя её светлого разума. С другой стороны, была и другая (женская) ревность, плотно упакованная для длительного хранения в архивах души.

Думая об Астре, Ольга смотрела на себя в зеркало, пытаясь заметить проявления ревности. Закрывала глаза, возносила чувство своего отношения к девушке до предела, потом резко открывала и фиксировала перемены: нет ли где складки сомнения и скорби, не скривились ли губы, не прищурились ли глаза? Это упражнение было одним из маленьких открытий её психологического практикума. В своё время она проводила такие опыты, сначала со студентами, потом с пациентами. Просила их с закрытыми глазами отдаться на волю чувств по отношению к волнующему их человеку, и снимала выражение их лиц на видеокамеру, чтобы потом проанализировать мимику. И это помогало определить истинную картину внутреннего содержания эмоций. Теперь же, открывая глаза, она уловила некоторые штрихи маленького страха. Неужели она боится? Не может быть... За этим занимательным занятием её и застал Куратор, войдя в свою комнату после посещения Лаборатории.

– Ну как она там? – спросила Ольга, опережая его вопрос о том, чем это она здесь занимается, – Есть что-то новое?

– Астра в порядке. Летает, витает по разным временам, но пока ничего определенного, какие-то сумбурные картины. Сложно определить временные диапазоны по её снам. После встречи с Камой, где всё было явственно, она как будто что-то ищет во сне, то ли истоки, то ли исходные события, которые могли бы привести к планетарной катастрофе.

– Я имею в виду её состояние. Как она себя чувствует? Меня больше беспокоит её здоровье, прежде всего психическое. Ты не находишь, что девочка по всем показаниям, с точки зрения психиатрии, выглядит как...

– Прекрати, Оля! Сколько в истории было примеров, когда гении выглядели шизофрениками. А наши великие аутисты? Не говори так и не думай об этом. Да, я понимаю, что Астра – это наша награда и расплата. И нам придется заботиться о ней всю жизнь, как о своём ребенке.

– Когда это ты успел её удочерить? – в очередной раз сорвалась Ольга.

– А ты видишь девочку в какой-то другой роли? Давай раз и навсегда закроем эту тему. Я тоже заблуждался, создал образ, поверил в него, но теперь понял, что это всего лишь сказочная иллюзия, детская мечта о принцессе из сказки. Не ставь меня в позу оправдания, хорошо? И вообще, что ты делаешь перед зеркалом? Ты такая красивая...

– Я думаю, смогу ли я держать лицо перед цифровыми камерами после стольких переживаний и хронического недосыпания.

– Да никакие клеветы не смогут компенсировать твою энергию красоты. Ты просто очаровательна! Однако, не стоит уповать на «авось». Этот твой Симпозиум, будь он неладен, наделал много шума, и теперь у нас появились враги – видимые и невидимые, что может повредить нашему главному проекту. Ты, Оля, вызываешь слишком много зависти. Я понимаю, яркая личность, всегда в центре внимания! Но давай рассудим, зачем нам всё это? Разворошили муравейник, и теперь надо что-то предпринять. Ты же можешь, сделай «отражение», защити нас всех, себя и Астру. Поставь свой энергетический щит, а я подключусь.

Раскритикованная наблюдательница собственного отражения деликатно промолчала и запустила тонкие пальцы в освобожденные от шпилек тонкие пепельные волосы. Вот если бы каждый волос был в два раза толще, как у людей с едким типом характера, копна её волос была бы подобна фонтану. Но волос был тонким, льющимся и непослушным при воздевании прядей выше лба. Каких усилий стоило каждый раз начесывать их и укладывать в величественную корону, отливающую натуральным блеском в изгибах прядей...

Она не сразу заметила, как Борис подошел к ней со спины. Он уже минуты три любовался её любованием, отметив про себя полное отсутствие серебряного налёта на её висках. Первая седина начала было пробиваться в пепельные протоки женских волос, но теперь – прошла. Странно, что бы это значило? Может быть, голубой эфир? Он даёт потрясающий эффект омоложения, и одна колба точно была в его сейфе. Борис усмехнулся своим мыслям. Он и сам хотел дать жене попробовать эту смесь воды и воздуха с элементами тайны, но не решался. Все-таки эксперимент, мало ли что. А теперь он был почти уверен, зная любознательность и поисковый инстинкт супруги, что она пробовала препарат, и вот – результат налицо.

Он обвил руками её талию и прижался к лицу. Теперь они смотрели в зеркало вместе, как часто делали это раньше, любясь отражением красивой пары. Да, кстати, отражение – ключ к решению всей проблем! Борис поцеловал её шею, вызывая легкий озноб, и произнёс:

– Ну, что, милая, будем делать «отражение»? Ты же можешь. Ставь «зеркало» на все козни врагов, пусть корчатся в муках. За что боролись, на то и... Ты меня слышишь?

– Слышу, Боренька, слышу. Уже поставила. Теперь – прорвемся. Вместе с тобой.

«Отражение» работало четко. Эта методика применялась, чтобы отразить напор врага бумерангом. Можно, конечно, пустить обратный поток мимо – во избежание нового зла, но тогда эффект будет не очевиден, да и примут его случайные ни в чем не повинные люди. А так – око за око. Когда стервятников слишком много, толстовское «непротивление злу» становится неуместным.

– Меня больше всего беспокоит, каким-то образом эти «пираньи пера» поймали информацию о проекте «Астра», – рассуждал Борис, продолжая смотреть на Ольгу, а ты как думаешь, кто за этим стоит, кому мы мешаем?

– Думаю, надо найти того, кому опасна наша футурология. Во-первых, это официальная власть, во-вторых – завистники от науки, и, наконец, церковная епархия. Что касается первого, то подозрения можно снять. Губернатор со свитой и другие официальные лица показали явную заинтересованность в нашем деле. Завистники? Возможно, но ученые вряд ли восприняли наши прогнозы как успех, скорее, наоборот, посчитали всё это околонульным бредом. Скорее всего, церковный ресурс подсыпал «перцу» в неприятии всего, что идет «от лукавого».

– Ну да, церковь теперь придает большое значение информационным атакам, особенно с тех пор, как сняли религиозную цензуру. У нас среди гостей был только один представитель – Архимандрит Валерьян Успенский со свитой.

– Вот именно, со свитой. Надо эту свиту и посмотреть. Кто был рядом с ним? Надо открыть базу данных участников и гостей Форума, – сонно потягиваясь, Ольга прилегла на кровать, раздумывая о своей безнадежно неизбежной участи свекрови, и почти заснула, но муж пробудил её и призвал внимательно посмотреть найденные им гостевые списки:

– Оль, смотри, какую я нашёл интересную даму рядом с его преосвященством. Вот, видишь? Станислава Аркадьевна Ситникова, представленная как матушка Евстолия. Кажется, я уже слышал где-то эту фамилию. Это, случайно, не твоя бывшая подружка Стела?

– Стела? Не может быть, она ж на игле сидела. Неужели жива? Да, правда, это её имя. У нас же есть записи, давай посмотрим по видео – она или нет?

Это была она. Бывшая подруга Стела спасалась от наркомании верой в Бога, и ей это удалось. Случайно увидела приглашение, посланное для отца Валерьяна, подписанное Ольгой Орловой, и напросилась с ним на Симпозиум. Такой случай! Как же она могла забыть о той, на кого сложила все свои беды. Так она и прибыла вместе с Архимандритом, поддерживая его активное неприятие всякого рода футурологии. Конечно, Ольга не узнала её среди гостей: Стела сильно изменилась с тех пор, когда рыжая бестия на спор валила факультетских парней своей походкой «от бедра». Теперь матушка Евстолия с нарочито бесцветным лицом, отражающим покорную угодливость и ванильную смиренность, обрела не только религиозное знание, но и вошла в культ яркой защитницы православных традиций и устоев. Ей нравилась эта роль, где она была так права во всем, особенно, когда учила уму-разуму постыющихся прихожанок, торгуя мелкой церковной утварью. Вот и здесь, в ЦРБ, успела сделать свое богоугодное дело и распустила слухи среди журналисток об Орловой как о персоне, далекой от добродетели, о чем будто бы свидетельствует тайное клеймо на её правом плече. Ну, насчет добродетели, не ей об этом судить, а вот «клеймо» у Ольги было на самом деле – по вине Гарика. Это он на заре юности подарил ей тату на день рождения – изысканный цветок лотоса – на счастье и любовь. Подружки смеялись и восхищались милой татуировкой, ну, и сравнение в Миледи было очень кстати. Маленькое хулиганство казалось милой дружеской шуткой.

И вот теперь, разглядывая видеозаписи с образом бывшей однокурсницы, Ольга отчетливо вспомнила всю прелесть женской дружбы в пору студенчества. По какой причине и по какому случаю, она не помнит, но две её лучшие подруги решили применить против неё чёрную магию. Нашли подходящую ведьму и попросили сделать высокомерной Орловой самую страшную порчу: Вуду – сглаз, который ничем не снять. От его адского воздействия жертву постоянно одолевают панические атаки, а

врагами кажутся те, кто роднее и ближе. Настоящая паранойя! Человек подчиняется жажде мести. Случайные события складываются в логически стройную цепочку – всемирный заговор: все против него! В итоге – одиночество, сумасшествие, суицид... Как говорится, врагу не пожелаешь. Магия Вуду замешана на энергии страха и ненависти. Достаточно бросить первый камешек – и пошла лавина! Сгусток силы растёт и становится паразитической сущностью, присосавшейся к человеку. Избавиться от неё можно только, если превратить ненависть в любовь. А кому это под силу?

Тогда, заметив, как гаснет её красота и иссыкает здоровье – безо всякой причины, Ольга, как и другие жертвы Вуду, начала подозревать своих друзей и подруг в зловещем заговоре. Но, вместо того, чтобы, опьянев от ненависти и гнева, искать мести, начала кропотливо записывать свои ощущения и думать. Чем больше она находила «врагов», тем больше их становилось, и тем сильнее энергия жизни истекала из её тела. Подруги цвели от удовольствия, любуясь чахнувшей соперницей. Орлова пыталась найти ответ в тайном знании, рылась в книгах, но не нашла. И вот – последнее средство: пошла в церковь – исповедаться. Рядом с ней молилась еще не старая женщина с полинявшим от горя лицом. Они вышли из храма вместе и, присев на скамейку рядом с храмовым парком, разговорились. Собеседница, утирая слезы, каялась в содеянном ею грехе: сделала порчу на соперницу с помощью куклы Вуду, которую сама закопала в могилу – на смерть разлучнице. Вскоре любовница мужа умерла от рака, оставив бывшему мужу его ребенка-инвалида. Муж вернулся к ней – своей прежней жене, и теперь она воспитывает это несчастное дитя, принявшее на себя сглаз в утробе матери. Женщина тяжело вздохнула, перекрестилась, произнесла «Блаженны нищи духом...» и тихо удалилась.

С тех пор Ольга её не видела. Но эта странная фраза запомнилась ей. Копаясь в архивах церковной библиотеки, Ольга разбирала трактовки Божьих заповедей, но прямого и точного ответа на вопрос «почему нищие духом блаженны?» не нашла. Истина открылась, когда она перестала думать, поручив это воле свыше: хочешь победить врага своего – не ищи его в людях, а проси за людей всякое благодеяние и улыбайся тому, кто желает зла. Но, что самое сложное в деле избавления от порчи, так это необходимость искренне полюбить тех, кто пожелал зла или сотворил его. Ольге предстояло полюбить подруг-предательниц. Полюбить не получилось, и она стала жалеть их. Чувство сострадания растворило и поглотило действие сглаза, но, к сожалению, не вылечило его авторов-изготовителей. Подруги, видя, как Ольга быстро восстанавливает свои силы и красоту вошли в инверсионное безумие – такое состояние невыносимой ненависти, которое трудно прео-

долеть. И, чем больше они входили в инверсию, тем лучше становилось Ольге, как будто энергия их жизней возвращала ей утраченное здоровье. Так она потеряла подруг, а потом и их след по жизни. Через годы она случайно узнала, что одна стала конченной наркоманкой, а вторая вышла замуж за алкоголика, зарезала его и села в тюрьму. Обратная связь отработала как зеркало. Адепты приняли на себя то, что желали своей сопернице. Ольга поведала Борису своё воспоминание, и оба поняли, что Стела не случайно появилась на горизонте. Ей очень хотелось посмотреть на Ольгу, – победительницу в их девичьем поединке, но еще больше – показать себя, как она вышла в люди и стала важной персоной при уважаемом святом человеке, который ей доверяет. Это был реванш.

– Вот стерва и найдена! – воскликнула Ольга и подробно поведала мужу историю со слезом, испытывая его терпение.

– Думаю, что Стела не совсем по своей воле держала камень за пазухой. Вряд ли она до сих пор помнит студенчество и сохранила в своём сосуде прошлую зависть. Отмолилась, грешница. Теперь она – служит! Если примет «отражение», то снова сорвется в пропасть. Ты этого хочешь? – спросил Борис, вопросительно глядя на Ольгу.

– Нет. Этого не должно случиться. Я не желаю никому зла. К тому же на Стелу зеркало было поставлено давно, и оно работает до сих пор. Стела, даже вооруженная до зубов молитвами, ничего со мной сделать не сможет, как она ни старалась поливать меня грязью, всё выйдет иначе. Так работает «Отражение». Сам видишь, моя красота никуда не делась, – Ольга повернулась к мужу вполборота и обнажила свое мраморное плечо работы природного скульптора. Оно было абсолютно чистым – лотос давно был выведен и ушёл в прошлое вместе с историей о женской дружбе и зависти.

ГЛАВА 3. НЕ ПО РАСЧЕТУ

Было уже за полночь, когда Ольга с Борисом собрались окончательно отойти ко сну, как по телефону пропел дискретный звукоряд знакомого рэпа. Это звонил Илларион. Так поздно? Да, у молодых время идет иначе... Орлова утомленно взяла трубку, издав невнятный звук «Аллё?», совмещенного с зевотой.

– Ма, ты спишь? Говорить можешь? В общем, так: вам с папой надо познакомиться с её родичами. Сватовство там, и все такое... Ксюха сказала, что завтра они приедут из Франции, так что готовьтесь. Будем невесту сватать.

– Здравствуй, Ил, – немного сухо ответила Ольга (она всегда называла сына Илом, когда немного сердилась), – Что вы так торопитесь? А где «добрый

вечер», или «мамоля, как твое драгоценное»? Ты же знаешь, что я терпеть не могу все эти ритуальные процедуры и театральные представления: «у вас краса – девичья коса, а у нас купец – такой-то молодец». Кошмар! Как ты представляешь меня в этой роли?

– Ну, надо мамоль. А то Оксанка обидится. У них так принято. Переживешь как-нибудь. И, это... не забудь подарки купить всем родственникам с их стороны. Там – папа, мама, дядя с женой – брат матери, старший брат Оксаны, ну и бабушка ее. Кажется, все... Нет, у дяди еще дочка есть – шесть лет.

– Нет, Ларик, – начала оттаивать Орлова, – так не пойдет. Ты сам все это сделаешь. Подписался под свадьбу, – твори, рули. Завтра на твою карту придет энная сумма, и сами решайте с Оксаной, что кому купить. Мы – люди цивилизованные, сюрпризы нам ни к чему. К тому же твоя невеста лучше знает пристрастия своих родственников.

– Ладно, замётано. Только вы, это, ну, приезжайте обязательно. Ради меня...

Ларик заметно нервничал, рассказывая сценарий предстоящего торжества. Очевидно, молодые были втянуты в режиссуру непонятного для него театра с показушными ярмарочными традициями, устоявшимися в прошлом поколении. Все это активно отвергалось и даже высмеивалось в молодежной среде, но они не могли протестовать, будучи связанными по рукам и ногам путами родительской любви, имевшей и некое материальное выражение. Чтобы совместить несовместимое, молодые задумали организовать грандиозное шоу в стиле хайтек. Центральный номер свадебной программы – венчание на воздушном шаре (один молодой священнослужитель все-таки согласился на этот рискованный для его репутации шаг). Местом проведения церемонии избран гостевой паром, где пройдут концертные номера и фейерверки под залп шампанского с последующим легким фуршетом, спусканием на воду плавучих лотосов со свечами и полетом голубей из картонных клеток – на счастье.

Ольге стало жаль сына. Он был воспитан в иных форматах, а теперь – с первых же шагов в новую семейную жизнь, ему придется принять на себя должностные инструкции и негласные обязательства, испепеляющие любовь, и без того краткую, как полет кометы. Демонстрационное мероприятие, называемое свадьбой, – всего лишь пир увядших душ, страждущих энергетического эликсира молодого счастья. «Порадоваться за молодых» – в прямом смысле – «поесть» их. В свое время Ольга Орлова занималась теорией энергетического вампиризма, выявляя традиции, в которых эта тема проявлялась. Наиболее выраженные из них – свадьбы и похороны. В первом случае донорами являются молодые, а во втором – соболезирующие родственники и дру-

зья. Одни пришли искренне порадоваться, другие – искренне разделить горе.

– И что же в этом плохого? – угадав мысли супруги, Борис оттянул на себя агрессию противницы традиций, стараясь успокоить её. Еще немного, и Ольга совершенно проснется и начнет убеждать невидимую публику с одним невольным слушателем в бесполезности такого мероприятия, как свадьба. Люди сами добровольно выбрали эти роли в спектакле под названием «Жизнь». И что же такое было в этих ритуалах, что так возмущало Ольгу, кривило и отторгало её?

– Сборища подобного рода всегда имеют начинку зависти, ревности, тщеславия и гордыни. И все это приправлено соусом объедения и безумного празднования. Меня тошнит от этого, как ты не понимаешь?

– Да я тебя прекрасно понимаю, я бы и сам отвертелся, да никак. В этот раз мы приперты к стенке, как сушеные бабочки. Ларик – наш сын, а его невеста – крутая девочка. Может быть, это совсем неплохо, и её связи пригодятся нам? А?..

– Конечно, каждый родитель хочет видеть сына или дочь в самом лучшем свете, а жених или невеста – создать самую счастливую пару – опять же – на зависть всем! – Ольга парировала немного ниже, сбавляя обороты, – Как далеко теперь тот день, когда мужчина гордился своей силой и удачью, а женщина – природной красотой и умением ладить с детьми и мужем. Все так изменилось, обросло условиями и ненужными страстными целями.

Ольга не сомневалась, что предстоящее шоу – плод воображения Оксаны Слуцкой, а Илларион – всего лишь яркая декорация в предстоящем спектакле. Крепко взяла в оборот его эта светская львица! Она же – референт губернатора и дочь краевого прокурора. Повезло со снохой, что уж и говорить... Орлова составила ее психологический профиль, основанный на собственных наблюдениях в период проведения Симпозиума, ну и Глинский помог своими репликами, упоминая ее имя всуе, когда требовалось преодоление каких-либо препятствий. Физическое совершенство, дисциплинарное воспитание, престижное образование, плюс статусная принадлежность к новой российской элите. Высокий уровень требований – к себе и другим, ответственность, профессионализм, культура делового общения, – в общем, закон и порядок. Что нашла эта молодая акула в ее сыне, который хоть и блистал своей юной красотой и острым умом, но был не настолько состоятельным, чтобы обеспечить запросы Оксаны Слуцкой? Неужели – любовь? А что – может быть. У нее нет того, что есть у Иллариона – внутренней свободы. Понятно, что родители дали Оксане самое престижное образование, она получила высокую должность, на какую могла бы рассчитывать

любая ее ровесница. Одета, обеспечена, воспитана, ухожена. Чего еще желать? Только Иллариона – любимца публики и дам.

Они познакомились в клубе любителей парашютного спорта, – вместе прыгали с парашютом. Оксана была новенькой, и к ней в наставники назначили Иллариона, чтобы он помог ей адаптироваться, ведь у него за плечами был не один десяток прыжков. Ил прыгнул вместе с ней, держа ее за руку, но Оксана не смогла раскрыть свой парашют вовремя, и Ларик буквально приземлил её, рискуя своей жизнью. Он на это способен! Мать с ужасом вспоминала этот случай, но не придавала значения облику спасенной девушки из другого мира, наполненного служением и долгом, где собственное восприятие реальности и вольнодумие не приветствуется, и даже находится под запретом. Они там никогда не говорят о том, что не является предметом их быта, общения, работы, собственных и корпоративных интересов.

Ольга уже предвидела печальный итог этого скоростного брака «не по расчету». Да и какой тут расчет? Илларион ещё слишком молод и не встал на ноги. По статистике в современной России дети сидят на шее у родителей до 30 лет, так что его лет десять надо тянуть за уши по карьерной лестнице. Когда молодой человек не знает своей цели, не привык работать в режиме родительского поколения, то ему придумано оправдание: «поиск своего пути»... Чувствуя, как дитя своего времени горит надеждой, Ольга решила не тушить этот огонь рациональным скальпелем своего опыта и не вмешиваться в ход событий.

– Ты знаешь, Борь, надо бы радоваться, а я ничего не чувствую, – призналась Ольга, – В душе накопилась странная вата. Мозг не пылает, душа не кипит. Я все чаще ощущаю безмолвие ума. Такое состояние, когда ни о чем не думаешь, а просто вишишь в воздухе. Раньше я сравнивала это с качанием в гамаке. Тебя никто не беспокоит, и ты ровно отдыхаешь, спишь, потом просыпаешься и снова засыпаешь. А ты – о чем ты думаешь?

– Не думаю. Полутоска-полусон. Не надо бороться и напрягаться, нервничать, кого-то обгонять. Мы всего добились. И теперь достойны зависти и даже – счастья самого...

Борис притянул к себе Ольгу и зажмурился, пытаясь мысленно объединиться с её энергией так, как они не могли делать раньше – во времена цветущей юности. Теперь пришла зрелость – первая её пора, когда они еще молоды, но уже опытные и успешные, и, что самое главное, именно в эту пору ранней осени происходит чудо глубинного слушания друг друга, сверхпонимания без слов, молчаливого откровения и беззвучной правды.

– Борь, ты знаешь, а я ревновала тебя к Астре. Как неопытная студентка. И, кажется, наделала глупостей...

– Молчи. Ничего не говори, Важно только то, что здесь и сейчас, – он обволок жену теплым объятием, с каждым вздохом и биением сердца прощая её...

Решение сына освободило их от родительской роли – хотя бы на этот короткий миг, и они оба чувствовали себя юнцами, обретшими свободу. Такой странный отрыв от реальности, новый старт – от нуля, как будто стряхнули градусник, охладилась и снова начали нагреваться. Их единственный отпрыск вышел на проектную мощностъ и вырвался из родительской оболочки. А у них пошла полная перезагрузка! Этот эффект не уникален. Он есть у всех, но тут многое совпало в точку, сошлось в унисон.

Ольга, разомлевшая от всепрощающей неги, наблюдала сквозь тени ресниц, как Борис поднялся с постели, сел перед камином и набил табаком трубку. Он курил редко, – в минуты особого расположения к размышлениям. Но этот запах и дым были особенно приятны, ведь она знала, что сейчас польётся неповторимый монолог, и она будет молчать, пока её не укачает его бархатный баритон – до самой глубокой фазы сна. Борис вошел в раж полуночного ораторства и уже не сидел в кресле, а ходил по ковру вдоль камина, останавливаясь лишь для того, чтобы точнее сформулировать ход мысли:

– Ты знаешь, Олечка, природа неистребима. Взять хотя бы ствол деревца, заваленный бетонной стеной, – он находит новый путь, стебель прорастает из асфальта, разбитая спираль восстанавливается – со всей силой своего естества, огибая каменные глыбы абсурда и жестокости. Ищет золотое сечение гармонии!..

– Ты думаешь, что Оксана Слуцкая – та самая глыба, которая навалилась на нашего мальчика, и он, как птица Феникс, постепенно восстановит от гнета семейных неурядиц? – ассоциативно спросила Ольга.

– Не знаю, но такое ощущение, что надвигается что-то тяжёлое. И от этого никуда не уйти.

– Отпусти, не думай об этом. Когда Бог играет на разбитом рояле, он лечит струны, и музыка будет вечной...

На следующий день супруги выехали в город, чтобы познакомиться с родителями Оксаны. Ольга с Борисом как носители свободы творчества и науки существенно отличались от супругов Слуцких – поборников системного режима. Отец – Александр Петрович – красивый, высокий, сухопарый мужчина с ярко синими глазами и темными волнистыми волосами, зачесанными назад, как у героев послевоенных фильмов, демонстрировал правдолюбие и веру в светлое завтра. Мать – Елена Николаевна – маленькая, пухленькая, розовощекая, смешливая хохлушка, оказалась говорливой и приветливой. Она работала главным бухгалтером в городской прокуратуре, не пересекаясь с супругом по линии

соподчинения. Подбородок с ямочкой, маленькие губки, зоркие глазки серого цвета с миндальным прищуром. В целом она напоминала спелую «клубничку». Прекрасная будет теща! Ольга представила, как она будет втискивать Иллариону свои пирожки и рулеты, и усмехнулась: сын в надежных руках!

Ров социальных различий был преодолен с наименьшими потерями, хотя приспособляться пришлось тем, кто более гибок. Ольга попросила Глинского подготовиться к роли свата, и тот сыграл свою роль великолепно, расхваливая Ларика по всем параметрам. После знакомства, названного по традициям «сватовством» Ольга с Борисом решили вернуться в Центр, уладить дела, настроить отношения на новый лад семейной гармонии, еще немного побыть вдали от городской суеты. На следующий день вместе с мужем они внесли достойный финансовый вклад в молодое семейное дело, но не стали принимать слишком активного участия в подготовке к свадебному торжеству. Дело-то решенное...

ГЛАВА 4. ЗОВ АСТРЫ

По возвращении в «отдаленную обитель грёз», как удачно выразился Борис, утомленный встречей со сватами, Ольга с молчаливого согласия мужа решила побыть одна в своей комнате. Ёжась от холода (тепло обещали через неделю), она медленно снимала предметы праздничного туалета, как листья капусты – до кочерыжки. Один глаз слезился, размывая водоотталкивающую тушь высокого ценового диапазона. Дорогая косметика всегда была её слабостью, и, чтобы выглядеть хронологически устойчивой в периоды светских раутов, ей часто приходилось поправлять макияж и нести его до самого дома. Теперь ей нестерпимо хотелось снять остатки грима, сполоснуть лицо свежей холодной водой, принять обжигающий контрастный душ, растянуться в постели и расслабиться до изнеможения, вытравляя из себя разочарование в глубокой медитации. Она забралась под тёплое одеяло и принялась «лечиться», входя в «альфа-состояние» (непродолжительное висение между сном и бодрствованием). Засыпая, поймала себя на том, что завидовала способности Астры видеть заказные сны. Как она бы хотела сейчас заглянуть за поворот и увидеть то, что будет завтра. Не то завтра, которое угадывалось в тенденциях научного прогнозирования, а события, которые воплотятся в неизбежное течение судеб. Что будет с Илларионом, как сложится его судьба, и почему Астрада транслировала его образ в своих видениях, который все видели на экране Тора? Как будут развиваться проект, что будет с Борисом, сумет ли он побороть свое любовное чувство к Астре? И как сложатся потом их отношения, плывущие на плоту любви в бурной реке событий?..

Концентрация стрессовых ситуаций в последние дни была настолько сильной, что Ольга неожиданно для себя вошла в транс, вызванный неосторожным самогипнозом. Ей явственно послышался голос, взывающий к ней из состояния полусна. Голос требовал идти за ним. В такие моменты человек уже не владеет собой, и что-то неведомое и сильное влечет за собой, сгущая по пути страх невозвращения. Если преодолеть страх, то можно войти в тонкий мир, где, следуя закону сохранения разума, мозг обретает иную реальность, выносит проблемный мусор за пределы сознания и продолжает работать во сне, где есть рост и движение. Но здесь есть и покой, удовлетворяющий себя своими собственными пределами. Однажды наступит пробуждение, и она отрежет свои сомнения, начнет думать и делать поступки! Но пока идет сон, не отличимый от реальности, и просматривается как единица сознания в структуре разумного восприятия. Здесь все становится яснее, как будто «уплотненная» форма раскрывается, подобно соцветию, и переливается в форму чистого спиралевидного Света!

Ольга оказалась в каком-то странном месте, напоминающем развалины древнего города. Всюду, куда только проникал взгляд, свисали плети вьющихся растений, застилающих покрытые мхом поверхности. Мох, переливаясь полутонами зеленого и бирюзового, поражал красотой бархатного покрова, нетронутого ничьей рукой или следом. Воздух в пространстве казался вкусным, влажным и теплым, – ни ветерка, ни дуновения. «Иди за мной!», – прозвучал голос проводника. И она пошла, не видя даже тени, как будто знала, куда идти. Поднимаясь по ступеням вверх к колонному фасаду, боялась оступиться и поскользнуться на мягком мху. Но вдруг заметила, что не ступает твердой поступью, а как будто летит, едва касаясь ступеней. Стоит только сильнее оттолкнуться, как можно взлететь выше – через три-четыре ступени – быстрее вверх к куполу маяка в форме круглой башни с винтовой лестницей. Она оказалась там сразу, как только подумала об этом. С высоты открылась чудная панорама белопенного города. Дома были ослепительными, с голубоватым оттенком, и они росли, как в компьютерной анимации, выдвигаясь из обильно растительного ландшафта в форме огромных пузырей разного размера и конфигурации. Видения были настолько прекрасны, что захотелось ветра, и ветер возник немедленно, развевая подол длинного платья в виде мантии, обернутой длинным шарфом. Концы шарфа, созданного воображением в форме газового облака, отлетали на несколько метров в разные стороны, как крылья. Ольга расправила их и полетела, взирая на воздвигнутые красоты с высоты птичьего полета. Она искала глазами людей, но их не было видно, не было также транспорта, промыш-

ленных предприятий, каких-либо других примет цивилизации. Но это не удивило путешественницу во сне. Вроде бы так было надо, так было всегда, и это нормально. Она поняла, что мыслит, хотя это сон, но разум работает, как часы. Можно думать и представлять что-то, и это возникает, как в мимолетной фантазии из глубины еще не осознанной реальности. Это и была реальность прекрасного будущего, показанная ей авансом, как некий «пробник», который она должна вкусить ради будущих путешествий.

«Приземление» вышло плавным. Ольга оказалась на широкой поляне, усыпанной невероятно яркими «громкими» цветами. Они казались высокими, с гибкими, как шланги, стеблями и крепкими листьями. «Почему они такие огромные? Я ведь о них не думала, значит, их придумал кто-то другой? И этот кто-то – женщина, воображающая такую красоту, а кто же еще? Пройдя сквозь заросли ирреальных цветов, Ольга встретила Астру. Девушка стояла на травяном ковре, держа в руке светящийся шар. Ее глаза были подняты к небу и светились лучезарной добротой. Ольга тоже возвела глаза к небу, и ей стало немыслимо спокойно, такое можно испытать только в состоянии глубокой благодати.

– Ты видишь Бога? – спросила Ольга своё видение.

– Небо... Только небо и ветер. Надо смотреть на небо, ибо только там есть покой и чистота – тайна долголетия. В суете люди не видят неба. А это плохо... Ты звала меня? – Астра сменила тему и посмотрела на свою гостью приветливым взглядом, – знаю: ты пойдешь со мной, я покажу путь...

Ужас охватил душу Ольги. Она подумала, что мертва, и этот сон – посмертное видение умирающего мозга, явное и яркое, как это и бывает в пойме небытия. Все было реально, зримо, но как-то иначе, и надо было проверить себя – сделать больно. Ольга стала щипать себя за руку, но боли не было, хотя должна быть. Значит, сон... Или смерть?

– Не бойся. Это не смерть – и не явь. Здесь хорошо, тебе понравится. Пойдем...

Девушка протянула руку, чтобы повести гостью за собой, но рука отплыла назад, и попытки поймать ее так и не увенчались успехом. Астра исчезла в тумане, как будто ее выхватили из пространства и унесли куда-то против ее воли. Ольга начала трогать цветы, но они рассыпались в прах, оставляя за собой прозрачные облачка цветного пара. Чувство безысходности охватило душу, и она попросила вернуть её в реальность, если это возможно...

Пробуждение возникло так же внезапно, как и уход в странный сон. Всё увиденное четко запечатлелось в памяти Ольги и не отпускало удивлением от пережитого чувства. Она хотела долго переживать это состояние, переливая его из одной чаши души в другую вновь и вновь, пока оно не иссякнет, но ей вдруг послышался странный скрежет, исхо-

дивший от замочной скважины. Кто-то пытался открыть дверь, вытаскивая ключ из ячейки. Женщина быстро встала, накинула халат и подошла к двери. Прислушалась. Никого. Наверное, показалось, но открывать дверь не стала – странно всё это. Так кто же ломился к ней среди ночи? Может быть, он все еще стоит там – в коридоре, ждет, когда стихнут шаги в комнате. Жуть, да и только!.. Ольга решила позвонить Борису. Куратор ответил сразу. Поняв, в чем дело, сразу же ринулся на помощь. Постучал в дверь. Ольга по голосу открыла ему и с тревогой осмотрела подходы. В коридоре никого не было. Но Брусилов был уже здесь, и очень хотел понять, что происходит. Ольга рассказала ему странный сон, пока он не выветрился из головы. Борис отреагировал на редкость серьезно.

– А ведь это сигнал, милая, зов Астры. Она во сне нашла тебя и предложила полетать с ней. Ей там одной скучно, страшно, одиноко. Она выбрала тебя, может быть потому, что твое астральное тело наиболее мобильно, и ты сама готова к таким перемещениям больше, чем другие. Я, например, сплю без задних ног, и никакие сны мне не снятся. Редко бывает, когда приснится любимая женщина... Да...

Мужчина обнял Ольгу за талию и прижал к себе ее теплое дрожащее тело. Чувствуя, что слабеет, женщина отдалась потоку сильной мужской энергии, которая может принимать форму импульса, пробивающего любую материю. Если бы Ольга пришла к мужу в эту ночь с намерением войти в близость, противную его душе «исполнением супружеского долга», то вышла бы пикантная неприятность, усугубляющая и без того хрупкие отношения. Борис ещё окончательно не отошел от Астры, да и она тоже не могла быть рядом с ним денно и нощно, как в раннем браке. Однако совмещение во сне двух обожаемых им женщин, да еще в сфере ночного видения – это уж слишком даже для стойкого владельца собой.

– А-А-А!.. Иди ко мне, дорогая моя! – игриво орал возбужденный Куратор, рискуя разбудить весь административный корпус.

– Борька, ты с ума сошел! Иди к себе, мне, наверное, показалось. Ничего страшного не произошло.

– Да, Олечка, я уйду. Ты невыносима в больших дозах, я с тобой точно умру от передозировки. К тому же контролируешь мои мысли, а в них я хотел бы остаться свободным до конца. Хотя бы так...

– И в самом деле, всё смешалось в нашем доме!.. Как страшно жить! – Ольга бравировала, чтобы сгладить свой конфуз от ложного вызова экстренной помощи. Ей хотелось более подробно обсудить свой сон вместе с Борисом, особенно видение Астры, но всё закончилось слишком прозаично.

Утром ситуация прояснилась и Ольга поняла, кто мог быть её ночным гостем. Иван Забродин, раз-

мещенный на хозяйском этаже, случайно перепутал дверь. А что касается его ночного вторжения, то ничего не бывает случайным. Ученый ведьмак уловил вибрации сна Ольги, в котором состоялась её первая встреча с Астрой. Он чувствовал тонкое тело сновидицы, входил с ней в контакт, отзывал её душу из капкана небытия, вымещая из её тела Каму, и потом, когда общался с ней. Что-то побудило Забродина войти в эту дверь, как будто он тоже слышал зов Астры из сонного царства. Но, как только ключ заскрипел в замке, не давая проникнуть в комнату, он пришел в себя и понял, что ошибся номером.

Утром Ольга вышла на балкон и посмотрела на небо. Оно плыло в разные стороны. Низкие облака – рваные, серые, в лохмотьях – неслись на север. Высокие – белые, плотные, объёмные – уплывали за горизонт. Разные ветры скрестили свои шпаги и разрывали небо, рискуя обнажить космическую бездну. От долгого смотрения у Ольги закружилась голова, но потом все как-то успокоилось, душа выпрямилась и поднялась, телу стало легче. Ольга почувствовала необычайный прилив сил, как будто окунулась в целую ванну с голубым эфиром. И ей подумалось, что вот оно – бесплатное и доступное счастье, здоровье и долголетие – смотреть в небо! А люди копаются в свалке своих проблем, гребут под себя материальный мусор повседневности, смотрят долу, не поднимая глаз, и не ведают, что творят. И жить хорошо так просто, и нет ничего проще – только небо и ветер...

ГЛАВА 5. ЖЕНСКИЕ ТАЙНЫ

После пребывания в Центре, Ольга планировала вместе с Борисом отъехать в город, посетить Институт, заняться проектом «Интегральное образование», обеспеченного финансированием губернаторского гранта. Но сначала надо было решить один сложный вопрос: открепить от ЦРБ внимание полковника Колечко и иже с ним (если они имеются). Астра всё еще оставалась в опасности, и её надо было оградить, сохранить, во что бы то ни стало. Интуитивно Ольга Григорьевна понимала, что Матвей Иванович ведет свою игру, и его главным козырем в этой игре была Магда. Ведунья не может играть роль двойного агента и будет вести себя естественно с любой стороной процесса. В первую очередь, надо пойти в Магде, поговорить с ней наедине, по-дружески, погреть её, а то трепещет, наверное, после встречи с Колечко, а поделиться не с кем. Набрав с собой самых вкусных конфет и фруктов, Ольга направилась к своей протеже для частного разговора.

Со дня своего отъезда полковник уже раза три звонил Магде по мобильному телефону, и грезил встречей. Магда с трудом освоила кнопки телефона, который Матвей буквально навязал ей, чтобы всег-

да быть на связи со своей «ягодкой». Вот и теперь, откуда-то из груды юбок и кофточек, разбросанных на кровати, гудит труба, а Магда торопится и путается в тряпках, нервничает, что не успеет нажать «зеленую кнопку» и ответить своему другу. Ну, вот, наконец-то, она слышит его голос, и он спрашивает, почему она так запыхалась, а потом, что там нового, и вообще, как там Астра. Помимо Шилова, проходящего у него проверку «на вшивость», полковник рассчитывал на Магду. Она, по простоте душевной, поможет ему разобраться во всей этой истории. Однако ничего нового об Астре он не услышал, поскольку Магда её не видела, а входным билетом в Лабораторию без надобности не обладала. Доложила, что служивый Шилов еще здесь, интересуется Астрой и спрашивал о ней, на что она уклончиво ответила, что ничего не знает, не ведает. Магда так и не успела толком договорить, спросить о здоровье и одарить Матюшу «сердешной» нежностью, как связь прервалась. Ну, конечно, ей и в голову не пришло, что телефон надо зарядить, ведунья об этом забыла, и теперь начала искать «проводок», чтобы поставить устройство на зарядку. За этим занятием её и застала ее Ольга Григорьевна.

– Доброе утро, Магда. Ты что-то потеряла? А я к тебе с разговором...

– Добре, добре, Ольга Григорьевна, да вот не помню, куда дела проводок к телефону, а он без проводка не кажет...

– А у тебя есть телефон? Ты же никогда ими не пользовалась, мол, от них идет в душу поток чужих мыслей и все такое? Тебе Колечко подарил?

– Да, он, матушка, подарил, но я не могу сама звонить, жду, когда сам забренчит.

– Ну, и о чем же ты с ним говорила, я хотела спросить, как прошла встреча, помог ли тебе эфир?

Магда присела на край кровати и, сложив руки на коленях, начала раскачиваться, как будто готовилась к очередному сеансу. Ольга поняла, что ведунья не хочет рассказывать о встрече, но не может проникнуть в будущее, чтобы узнать, как будут развиваться новые отношения с Матюшей через столько лет после разлуки.

– Он был у тебя, Магда? Ты говорила с ним?

– Да, был. Со мной был. И эфир помог, но вот теперь бы мне кто сказал, что дальше-то? Может, Зара скажет?

– Не надо Зары, дай, я сама тебе скажу. Всё будет хорошо, чувствую, ты сама знаешь, я редко ошибаюсь. По правилам, ничего не должно быть так, как ты хочешь, но здесь правила не работают, потому что ты, Магдалина, из серии редких вероятностей, и у тебя все будет иначе, чем у других – стандартных теток. Ты у нас самая-самая...

Ольга села рядом, обняла Магду за плечи и отметила про себя, что от неё идет какой-то необычно

приятный пряный запах, как от благовоний древних красавиц. Может быть, поэтому рядом с этой женщиной Ольга чувствует себя спокойно, тепло, даже радостно.

– А чем это ты пахнешь – таким вкусным? Твой секрет?

– А, это мазь такая – с древнеегипетских пирамид считала, изготовила вот и мажусь, и мне приятно, и другим. Да я дам Вам, вот у меня баночка есть не пользованная... От этой мази идет дух такой, что мужики замирают, падают. Может, сама Клеопатра такой мазалась...

– Спасибо, Магда, я попробую, но ты ведь не мажью покорила Матвея Ивановича, а своим карим глазом, вон как глядишь, как звездой горишь, – Ольга неожиданно для себя заговорила стихами, – а про эфир ты ему рассказывала?..

– Та, упаси Боже! Мужикам об этом говорить никак нельзя. Это бабья тайна.

– Молодец, и молчи об этом. А нам Александр Павлович еще подарит таких колбочек, когда надо. Это, как оторвать лепесток от цветика-семицветика. Их всего семь, а на случай его использовать – узнаешь не сразу. А у нас и семи нет... очень дорогое удовольствие.

При упоминании Александра Павловича Магда сурово посмотрела на Ольгу. Ей мигом предстала картина их внезапной страсти, разгоревшейся между ними за три дня до Симпозиума. Но, как выделось ей, там не было любви, а только сброс энергии, – неистовый, ярый. Ведунья смутилась... Ольга поняла, что Магда кое-что считала, информация сама шла к ней от простого прикосновения, от этой пронзительной колдуньи ничего не скроешь.

– Ты что-то видишь? Что именно? Говори! – Орлова была настойчивой и даже властной.

– Так вот то и вижу, что профессор-то... любит Вас...

– Да, ты самая настоящая ведьма. И это не укор, а комплимент. Снимаю шляпку! Магда, ты молодец. Однако давай договоримся, подруга, что это – тайна. Я буду хранить твою тайну, а ты – мою. Итак, мы теперь будем доверять друг другу?

– Как на духу! Клянусь ценой смерти, – Магда перекрестилась и потянулась целовать руку начальницы. Однако такая дружба Ольгу не устраивала, и она постаралась выйти из цеховой субординации.

– Ценой смерти? Почему?

– Смерть дороже жизни! – колдунья сложила свои ручки на пышной груди, и глаза её распахнулись всей своей широтой, как клювы у голодных галчат.

Орлова задумалась. Цена смерти волновала её не меньше, чем цена жизни. Она давно и глубоко изучала эту закрытую тему. Видимо, голубка Магдалина знает что-то такое – неведомое. Не зря же она так

легко проникает в прошлое, а там – больше смерти, чем жизни. Да, эта женщина обладает великой тайной, и Ольге предстоит выманить этот секрет из её глубин подсознания. Но на это потребуется огромное терпение и желание самой Магды. А теперь, уверившись в проницательности ведуньи, Ольга решила попросить Магду предстать в роли разведчицы. Узнать, например, кто такой Олег Шилов, его прошлое. Он интересный человек, и в ряду событий может оказаться полезным. Однако Магда уже «поработала» с подполковником по его же инициативе и, как это водится, все поняла без слов. Немного помывшись для приличия, ведунья решила выдать то, что можно не держать в себе понапрасну.

– Шилов – мужик служивый, непростой. Раненый сердцем. Баба его сломала – дочка генеральская. Он от жены ушел, от детей – к ней, а она его...

– Что такое? Говори, Магда, эта информация никуда не уйдет, и тебе не придется отвечать, ты же мне веришь? – увещевала Ольга.

– Она его предала, подставила с полюбовником, а он все для неё, всё, а она... Под следствие его подвела.

– Понятно. Вот почему он ушел из органов. А что ещё можешь сказать?

Магда знала кое-что еще, а именно о вербовке, которую с блеском провел Колечко с Шиловым, но ума хватило об этом умолчать, ведь дело касалось её личного выбора. Замкнув рот на замок, ведунья решила пока понаблюдать, что будут делать те и другие, и потом уж решить, что и кому говорить. Ольга наивно полагала, что Магда – простодушная женщина, талантливая, но недалекая в плане искусственных интриг и уж, тем более, лишенная светского цинизма. Но она недооценила природное бабье чутье, на поводе у которого Магда до смерти не предаст того, кого любит.

– Магда, я вот о чем хочу тебя спросить, давно хочу. Ты ведь знаешь кое-что об Астре – нашей сновидице из лаборатории? Если ты еще раз помотришь её – вот так, как меня и других, увидишь, что с ней? А?..

– Ой, не знаю. Я ведь тогда не всё из прошлого видела, только то, что она сама помнит. До 11-ти лет ничего не помнит – стерто. Хотела посмотреть, но не дано мне, как будто щит стоит. Кто-то его поставил – точно. Сильная защита. Думаю, что монах, у которого она жила в лесу. Но вот саму её не изучала, не смотрела. Потом мне плохо было, значит, запрет стоит от Темного отца. Боязно мне...

– Я всё устрою. Сейчас Куратор и его команда занимаются своими делами, Астра спит. У неё сонный час без сновидений. Они специально усыпляют её, чтобы она отдохнула днём. Пойдем в лабораторию, и ты её помотришь.

Магда согласилась, ведь ей давно хотелось понять, что же там такое особенное – в этой Астре?

Ольга пошла первой, чтобы подготовить проход и отход Магды, если понадобится. Ей не хотелось, чтобы Борис или Кэт застали их за этим занятием.

В лаборатории было тихо и уютно. Все сенсорные приборы работали, запись шла непрерывно, было включено и видеонаблюдение. Ольга отключила его на полчаса и посмотрела на сновидицу. Она выглядела точно, как в её сне, как будто только что занавес опустился, спектакль закончился, и актриса отдыхает от роли. В комнату тихо вошла Магда, Ольга жестом подозвала её поближе, и они повторили прошлый опыт вхождения в астральную матрицу Астры. Только теперь Магда была более уравновешенной и выдержала испытание без воплей и падучих. Она что-то «записала» в себя, и обе женщины медленно вышли из лаборатории.

На этот раз Ольга потянула Магду в свою комнату.

– Ну, что ты видела? Рассказывай!

– Он её обнимал.

– Кто? Борис? Обнимал и что ещё?

– Ничего. Один раз обнял и всё. Больше ничего не было, ведь это надо было узнать?

– Вообще-то меня интересовало большее. Как она там – в пространстве за гранью?

– Я как поняла, что Вас интересовало, так и говорю. Вы как-то связаны с ней, как бы родственно. В её памяти образы и сыночка вашего и мужа. И с Вами она общалась – на тонком плане. Там многое можно увидеть, только трудно разобрать.

– Значит, родственно... Я вот тоже чувствую, что меня к ней тянет. А не может быть у нас какого-то общего предка?

– По крови – нет. Может быть, по истинному роду. Только одно Вам скажу, Ольга Григорьевна, Вы на мужа своего не грешите. Он её любит как отец.

– Как-то странно любит...

– Отец он ей, истину говорю.

Ольга успокоилась. Эта версия её вполне устраивала. Магда поставила точку в этой истории с любовью Бориса. Ведунья отплатила добром за добро, и между женщинами установилась прямая тайная связь. Они стали подругами.

ГЛАВА 6. ПАРТИЯ ОФИЦЕРА

На следующий день Ольга пригласила Олега Шилова в свой кабинет, чтобы приватно поговорить с ним. Поводом послужила информационная атака, развернутая в Интернете, и Ольга решила организовать свое собственное расследование, разузнать, откуда дует ветер.

Олег Анатольевич вошел в кабинет гладко выбритым в свежей рубашке с галстуком и сером плотно сидящем пиджаке без единой складки. Перед Ольгой предстал хорошо сложенный атлет среднего роста, с чеканной стрижкой «под ежика», смазливый лицом

со следами былых походов опытного бабника. Цепким взглядом психолога она срисовала его курносый профиль, взгляд с особым прищуром разведчика и крепкие мужские руки, скрещенные за спиной в замок. «Никак, и вправду сидел... Откуда привычка?» – подумала Ольга и приступила к диалогу.

– Олег Анатольевич...

– Можно просто, Олег, простите...

– Можно просто – Ольга, – прервала ненужный политес «орлица», попавшая в силки желтой прессы, – Вы, наверное, читали все эти опусы? Посмотрите, я подобрала кое-что, – самое гадкое. Здесь много лжи, и, что особенно неприятно, там есть и правда, которую мы хотели бы скрыть в интересах дела. У Вас остались связи с Конторой, ведь там вы были, что называется, в «пятой колонне», и знаете, как найти этих писак под «никами». Помогите мне, Олег! Что для этого нужно?

Ольга не могла сидеть от волнения, встала, подошла к стойке мини-бара, взяла два бокала и бутылку белого вина, которую подарил ей сомелье из того самого кафе в Загородном парке, где она случайно встретила Глинского. Шилов снял пиджак, закатал рукава и взял инициативу в свои руки. Наблюдая, как он аккуратно разливает вино, демонстрируя известный набор сексуальных жестов, Ольга смутилась. Ей нужен деловой разговор, а офицер ведет себя, как кавалер на свидании. Ну, да ладно, уж, пусть будет все, как есть...

«Кавалер» выдержал паузу, и предложил выпить за новый поворот в общем деле. Вроде бы, согласен... Ольга уже готовилась вздохнуть с облегчением, ан, нет, он сам намеревался взять штурвал в свои руки, и принялся нажимать на педали.

– Полковник Колечко, Матвей Иванович. Ольга, Вы его знаете. Он ведь уже приходил к Вам и не раз?

– Да, это было неприятное знакомство. А Вам – откуда это известно? Ах, да, простите, я забыла, с кем говорю... Ну, и что он, этот Колечко?

– А этот Колечко завербовал меня с потрохами. Обещал вернуть в систему, поднять погоны. И мне, знаете ли, любезная Ольга Григорьевна, очень понравилось его предложение.

– И что же он хочет взамен за ваши новые погоны? Раскрыть Астру? – Ольга начала заметно нервничать. Вербовка, с которой она всегда справлялась классически, заваливалась в другую сторону. Кажется, её напрягают... Или нагоняют цену.

– Да. И не просто раскрыть – разоблачить весь ваш одноименный проект, разгромить ЦРБ и получить генеральский чин. Для этого он попросил меня взять пробы тканей девушки – для анализа ДНК. И мне нужно их взять, чего бы мне это не стоило!

– Боже мой! Какая гадость! Вы вообще-то представляете, какой статус у этого проекта, и кто за этим стоит? – Орлова распалилась почти до гнева и

начала блефовать. На самом деле весь проект был «от и до» доморощенным детищем ЦРБ. Но, пока Шилов по своим каналам разберется с «крышей», будет пауза для маневра. Впрочем, никаких военных действий не потребовалось. Разведчик сменил тон наездника на более спокойный – сотрудника, разлил вино по бокалам и предложил тост за светлое будущее ЦРБ.

– Ольга, простите, слегка перегнул, виноват, подлец!.. Я на вашей стороне. Хочу подчеркнуть – именно на вашей стороне, а не вашего мужа, любовника и, тем более, – этого зажавшегося «полкана». Если хотите, я буду вашим стражем и рыцарем, вы только прикажите, и я вам докажу, на что способен Олег Шилов, пусть даже и в отставке... Слово офицера!

Подполковник поцеловал ей руку и странно посмотрел с позиции снизу – из-под бровей. Теперь он был похож на затравленного зверя. Однако «зверь» как бы невзначай упомянул про любовника – сразу видно – профи. С другой стороны, ей вдруг стало понятно, что Олег Шилов много страдал, и теперь пришел к ней как рыцарь к даме своего сердца?.. Да, именно так. Ольга была удивлена таким поворотом встречи. Она уже готовилась предложить Шилову двойной, нет, тройной гонорар за двойную игру, а он вдруг выступил в роли влюбленного гусара. Этот момент напомнил ей обожаемую в молодости актрису Маргариту Терехову, которая великолепно сыграла Миледи в «Трех мушкетерах». Как ловко она завербовала английского офицера, превратив его из палача и конвоира в безумного зомби, готового идти на смерть ради прекрасной дамы. И это всего за несколько минут! Тогда для студентки психологического факультета эта сцена стала эталоном женского мастерства, но побить рекорд Миледи ей так и не удалось. И тут вдруг такое... Когда же она успела влюбиться в себя этого опального офицера ФСБ? Он так талантливо играет или врет? Они это умеют, у них это поставлено на поток. К тому же Шилов не такой болван, как офицер в «мушкетерах». Умен, хитер. Тот еще фрукт...

Ольга вытеснила свою ладонь из рук Шилова, подняла руками его голову и строго посмотрела ему в глаза. «Эти глаза не могут врать», – говорили они. Да, не могут, кажется, можно верить (недолго).

– Ну, вот и поговорили, Олег Анатольевич! Бравый Вы гусар! А вы знаете, мне нужны преданные люди, особенно в тот момент, когда все вокруг врут, что-то скрывают, не доверяют, а то вообще предадут, – на этом слове Ольга имела в виду Гарика Огарёва, который и был первым подозреваемым в деле утечки информации об Астре.

– Я догадался, о ком вы думаете. Но это было бы слишком просто. Это не он. Не здесь собака зарыта. Есть кто-то еще, кто был рядом в эти дни – на Симпозиуме, здесь чувствуется подпольная каста.

И у меня есть версия, которую надо проверить. Для этого мне надо остаться здесь еще на неделю, это можно устроить?

– Да, конечно. Я распоряжусь, – Ольга дала сигнал об окончании разговора. Ей надо было осмыслить двойной итог встречи. С одной стороны, она приобрела крепкого союзника в лице нового поклонника, с другой – претензия на личные отношения ей была совсем некстати...

Шилов, вдохновленный доверием Ольги, пошёл к своему корпусу. После отъезда гостей ему предложили отдельный коттедж, в котором ранее был любезно размещен полковник Колечко со свитой. «Коттедж» больше напоминал охотничий домик, сложенный из настоящих бревен в технике «сибирский лафет». Не один миллион стоит это скромное строение, да еще рядом с ухоженным сквером, представляющим собой фрагмент первозданного леса, удачно вписанного в ландшафт. С волнением обдумывая встречу с Ольгой, Олег жаждал выпить стакан виски, припасенного после фуршета на всякий случай. Случай настал. Опытный разведчик заметил, что возле домика маячит чья-то тень и потянулся рукой к кобуре (оружие всегда было при нём). Человек вышел на свет, и от сердца отлегло. Это был сторож Аким.

– Вечер добрый, мил человек, – начал старик издали, хотя было видно, что привела его сильная необходимость.

– Добрый, Аким Петрович, добрый. Что здесь? Меня ждете или так прогуливаетесь?

– Да, тебя жду. Тревога у меня одна есть, а помочь некому.

– Давайте пройдем ко мне, выпьем по рюмочке, а то здесь на свету неудобно как-то...

Шилов со сторожем вошли в дом, сохраняя молчание, но каждый думал о своем. Впрочем, через полчаса все встало на свои места, и сложилось, как нельзя кстати. Аким Петрович волновался за свою приемную внучку, поскольку давно её не видел, а просить свидания робел. Слышал только, что она стала здесь важной персоной, и её сны записывают теперь тайно на камеру, поэтому к ней никого не пускают. Шиллову хотелось погреть старика, и он принялся было развернуть свою не выдуманную легенду, но старик перебил его и с хронологической точностью начал рассказывать всю историю появления Насти (Астры) в ЦРБ. В его повести Олега особенно заинтересовал монах Никон: жив он или нет? А то бы найти его и расспросить подробно, где и как он нашел девочку, помнит ли она свой прошлый, родителей, сестер с братьями? Как проявлялся у неё дар сновидения? Но Аким не знал, как найти Никона. Монах сам являлся, и всегда неожиданно. Не было его лет пять, и много за это время воды утекло. После того, как он оставил Настю на попечение сторожа, появлялся в санатории три раза, – ненадолго.

Всегда спрашивал про свою воспитанницу, интересовался ее развитием и вздыхал тяжело, как будто жалел ее. «Нет у неё своей судьбы...» – однажды сказал он, и после того исчез. Мог ли знать, насколько пророческими окажутся его слова...

Шилов старательно запомнил ключевые моменты истории и понял, что опасения Матвея Ивановича – его нового поделщика – относительно пропавшей девочки были не напрасными. Прав был полковник Колечко. Это та самая Анастасия Зимина, следов которой так и не нашли, дело закрыли. Теперь она носит фамилию деда, ставшего ей родным. Оформили свидетельство о рождении не самым легальным путем, но сошло, никто так и не узнал правды. Потом и паспорт изладили. Аким сказал, что это дочь его подкинула ему на воспитание внучку, а оформить метрику забыла, поскольку пила нещадно, а ему тут в лесу было не до корочек. Так будто бы и поверили, Никон помог со связями, людей уговорил не копаться в этом деле.

Проблема была налицо. Если все раскроется, то пострадает, прежде всего, сторож Аким. Это он незаконно присвоил себе внучку, что похоже на похищение. Надо бы сдать её властям, но в этом случае она бы погибла в каком-нибудь интернате, или в «психушку» бы угодила со своими странностями. Плохо было и то, что девушка была, судя по всему, социально беспомощной, и не могла жить одна. Она вряд ли понимала, как найти работу, оформить документы, приобрести продукты в магазине. Скорее всего, её психическая аномалия носила характер аутизма. Шилов понял, что все это надо выяснить в кратчайшие сроки. Его договоренность с полковником Колечко была скреплена договором, и, как бы то ни было, игру надо было вести и кормить полковника необходимой информацией, чтобы он не заподозрил двойного подданства.

Аким сидел в гостях недолго, поговорил и побрел в свой флигель. Шилов обещал ему разобраться в деле и помочь свидеться с внучкой. Ему стало жаль старика. Сначала дед обрел родную душу, а потом потерял её. Вот так одиноко и пропадет здесь, как брошенный в воду камень... А ведь знает он немало! Надо бы расспросить его, что здесь раньше было, какие секреты хранит это место, построенное в послевоенные годы с подозрительным масштабом. Опытный разведчик отметил основательность фундамента базовых корпусов, солидные ограждения на большом периметре, странную геометрию построек. И у него зародилось подозрение, что этот бывший санаторий был основан не только как место для пребывания партийных боссов на свежем воздухе. Скорее всего (это можно было проверить), объект был стратегического назначения на случай эвакуации высшего руководства СССР. Если бы война была проиграна на европейской части страны,

то за Уралом в Сибири можно было укрыться, переждать суровые годы, набраться сил. Лучшего места не придумаешь. Плоскогорье, выходящее на крутой берег Енисея, со всех сторон место контролируется, не подойти, не подкрасться. Что-то есть здесь такое, о чем не знают даже владельцы Центра. Шилов был взволнован внезапной догадкой. Надо отдать должное Акиму, он навел его на мысль об особом объекте, когда вскользь упомянул о важных персонах из Москвы, посещавших санаторий в послевоенные годы, но явно не с целью поохотиться и порыбачить, хотя бывало и это. Так вот они говорили, что где-то здесь есть секретный объект, построенный во время войны или после – по заданию Сталина. Искали – так и не нашли. Сказал он об этом с великим сожалением, мол, были люди в наше время! Не то, что сегодня – колдуны, да маги. Было бы куда, плюнул бы, да больно чисто везде... Но поздно уже, пора спать, а завтра он, Олег Шилов, все разведает, сделает запрос куда надо, ларчик и откроется. Секретный объект?.. Да, но об этом он подумает завтра и разрубит этот гордиев узел секретности. Засыпая, разведчик поймал себя на мысли, что имена Олег и Ольга – одного корня, и это совпадение усмирило его на сон с улыбкой...

ГЛАВА 7. НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Совет Трех собрался в кабинете Бориса Брейса для свершения важного решения. Никто не мог помешать им в этот момент, и ситуация наконец-то обрела ясные очертания. Однако разговор требовал предельной откровенности, и личные отношения были сознательно отодвинуты далеко в сторону. Явилось высшее понимание, требующее торжественного перемирия, компромисса и отсутствия (хотя бы на время) даже проблесков земных пороков – ревности, гнева и гордыни. Куратор начал первым.

– Вы знаете, что проект «Астра» вышел на новый уровень не в самый подходящий момент. И это нормально, так и должно быть. Но мы не смогли удержать завесу тайны, сохранить секретность. Я не буду никого обвинять, ведь прошлое не имеет сослагательного наклонения. В том, что средства массовой информации подняли шум, есть и положительный момент. Своей бездарностью они накрыли проект саркофагом, и теперь серьезные люди сюда не сунутся – до определенного момента. У нас есть время. Но так дальше продолжаться не может. Есть предел использования возможностей Астры, и нам надо на чем-то остановиться, закрепить результат. Далее Астру нужно выводить из проекта... – Борис заслонил рукой возможные аргументы «против» и продолжил, – создать ей условия социальной реабилитации для нормальной жизни, если это возможно.

Ольга предпочла молчание и курение, решила сначала выслушать профессора Знаменского. Тот не замедлил сказаться, поскольку уже обдумал свою позицию и сделал точный логический расчет.

– Уверен, что девочку можно еще «реабилитировать», узаконить, создать ей легенду и вывести «в люди». Это реально, и точка невозврата еще не пройдена. Время, на которое мы рассчитываем, Борис, определяется просто – его больше нет. Почему я так говорю? Дело в том, что Астра перешла на новый уровень, теперь она способна видеть то, что хочет. Да, это было всего два раза – выход с Камой и сон с... космонавтом. Но, думаю, она может и дальше двигаться в этом направлении. Нам необходимо принять это как данность и не давить на нее, не «заказывать» ей темы сновидений. А то ведь я нас знаю: сегодня нам надо срочно узнать одно, завтра – другое, послезавтра – кто-то закажет котировки акций на бирже, и так мы дойдем до того, что погубим её дар, а он – один во Вселенной! – профессор наполнил свой бокал крепким напитком, и продолжил, – Мы стоим на росстанях. Отпустим Астру – потеряем будущее, задержим её в проекте – потеряем Астру. Вот такие у нас альтернативы – без вариантов.

Ольга замаяла свою сигарету, на которую уже никто не смотрел с укоризной, хотя её привычка не нравилась обоим мужам, и вступила в полемику.

– Дело в том, что только сама Астра может решить о своей дальнейшей судьбе – либо остаться в проекте, либо принять иной вариант, для неё приемлемый. Мы должны считать её полноценным участником в области принятия решений. Она станет одной из нас – и другого пути нет! – Орлова говорила четко и по делу, и её никто не перебивал, – Кроме того, есть еще посвященные, Кэт, Арон, Гарик, Магда и этот новый человек – Забродин. Пусть это будет второй уровень, а третий – наши спецы в лабораториях. Вот так – складывается пирамида, и её надо утвердить как систему. Сегодня ни ты, Борис, ни ты, Александр, ни я не в состоянии решить ни один вопрос отдельно. Так уж сложилось. Не буду обвинять Бориса в том, что он скрыл от меня определенный период развития проекта. Это я виновата, что вовремя недооценила Астру. Но теперь всё иначе. У меня был астральный выход. Я это умею отличать от обычных сновидений. Астра звала меня, она меня выбрала как партнера, не знаю, почему, но моя аура – наиболее подходящая для такого сотворчества. Поэтому я предлагаю следующее: поближе познакомиться с Астрой, войти с ней в нормальный контакт, а потом попробовать создать сопряжение потоков в эксперименте, чтобы войти с ней в астрал вместе. Мне кажется, что это получится. Надо пробовать, рисковать, а не сидеть, сложа руки и рассуждать о проекте, в котором есть центральное звено, не принимающее в этом участие. Так не должно быть!

– Я согласен, – легко отозвался Знаменский, – В этом есть резон. Думаю, Арон сумеет синхронизировать ваши астральные тела, и может быть, что-то из этого получится. Но, как я понял, надо сначала получить согласие самой Астры. Она же не подопытный кролик, а человек – личность. И её надо уважать, придать ей иной статус. Это поможет ей в самоопределении. И, еще, Борис, раз пошла такая пьянка, только без обид, – ты не должен больше воспринимать её как женщину. Забудь об этом. Она сама сделает свой выбор, тем более, что все мы видели, кого она может выбрать...

Профессор сделал глубокий вздох и по-мужски твердо посмотрел на Бориса. Куратор «съел» последний посыл друга, сделал вельможный жест и провозгласил:

– Так тому и быть. Астру надо на время вывести из проекта, чтобы она осознала свой статус и свое участие. Ольга, займись её социализацией. Ты, кажется, собралась в город через три дня, вот и возьми ее с собой. Походите с ней по магазинам, театрам, поболтайте, только не отпускай её ни на шаг. А ты, Александр Павлович, сделай полный отчет о её достижениях и размести их по полочкам: какие вещи глобальные, философские, какие – технологические, но для общего познания, а что можно использовать для продаж и пополнения бюджета. Кроме того, Арону надо дать задание по подготовке эксперимента, пусть подключит лучшие силы. А вот Забродиным я займусь сам лично. Он интересен. Да, мне надо как-то отвлечься от неё, перестроиться...

Орлова не ожидала такого резкого поворота, ведь так – не бывает, чтобы мужчина в один миг вдруг осознал бессмысленность своей привязанности к юной даме. Неужели он применил методику регуляции эмоций, которую воспринимал с иронией – в лучшем случае? В свое время Ольга занималась с клиентами как психотерапевт, разработала проект «Триггер», оттачивая его совершенство в процессе практики. Весь секрет был заложен в унитарном подходе простого включения-выключения «блоков» и «деталей» сложных эмоций и чувств. Сначала пациент с помощью психотерапевта старался локализовать нежелательное чувство, затем оно помещалось в отдельный сверток (сворачивание) или в «коробочку», блокировалось и закрывалось. Некоторое время заблокированное (свернутое) чувство еще оставалась с человеком, но, когда он был морально готов расстаться с ним, – проводилась процедура отказа – по выбору пациента: утопить в реке и пустить по течению, выветрить, сжечь, удалить, как файл из памяти компьютера или подарить (передать) другому это «чувство в коробочке». Действовало безотказно! Но, когда методика была отработана, Ольге стало неинтересно, и практика закончилась. Борис советовал ей опу-

бликовать это как психологический практикум, но Орлова решила затормозить публикации – до времени. Что будет, если люди начнут произвольно «включать» и «выключать» свои эмоции и чувства? Было бы неплохо избавиться от агрессии, ревности, мести, неразделенной любви. Но разве можно так грубо вмешиваться в Божий промысел? Что именно окажется за бортом, если есть выбор? Может быть, кто-то захочет истребить в себе доброту, сострадание, ведь они мешают «жить» в полной чаше потребления. Каждое чувственное состояние имеет две стороны медали. Душа, страдающая, растет, и это выбор совести. Когда её нет, правит либидо. Дайте ребенку выбор, и он оставит себе только сладкое. Чтобы окончательно увериться в том, что еще рано открывать этот ящик Пандоры, Ольга проводила тестовые мониторинги, спрашивая клиентов о том, какие чувственные эмоции они хотели бы оставить, а от каких – избавиться. Последнее место в рейтинге заняли тоска, душевная боль, тревога, скука, страх. В лидеры вышли наслаждение, радость, восторг, любовь (взаимная), сексуальное влечение, – это в массе, и у 20% превалируют состояния власти, влияния и владения – на что-либо или кого-либо. Так о чем говорить? Люди хотят больше наслаждаться, меньше страдать. Видимо, по этой причине Бог дает сладость, а потом – страдание, как ломку у наркомана, и это единственный шанс заманить незрелую душу в поле развития и роста. Борис Брейс внимательно изучил и освоил методику «Триггер», не осведомляя об этом Ольгу, активно использовал ее, блокируя избыток эмоций – продукт богатой природной восприимчивости. Факт его отрыва от Астры был налицо. Он спокоен, стабилен и разумен. А его Любовь – неужели полностью испарилась? На этом немом вопросе Ольга остановила полёт мысли и сосредоточилась на практических вопросах.

– Борис, я хочу взять с собой Катерину, чтобы она помогала мне с Астрой в городе. Думаю, что мы будем жить у нас – так удобнее.

– Ну, разумеется. Я это и имел в виду, когда говорил «походите по театрам», «не отпускайте одну». Не тебе же я «выкал», госпожа Орлова. А в нашей квартире небезопасно, нет, Ольга... да как ты не поймешь? Это даже и неэтично. Я дам тебе ключи от квартиры моего спонсора... партнера. Он выехал на два года в Канны, и ключи отдал мне – разрешил пользоваться в представительских целях. Там роскошно, семь комнат и все такое. Только прислуги нет, но придется самим как-то обходиться, чтобы не было лишних ушей.

Борис, осознав, что отпускает Астру, стал заметно нервничать, даже хамить. Он решил сделать всё быстро, пока не передумал. Еще вчера кто-то бы сказал ему, что он доверит свое сокровище жене, он бы не поверил. Но что-то вдруг стало иным, –

пространство сузилось до размера корабля в безграничном океане, и этот корабль дал трещину и вот-вот потонет. Он как капитан, должен оставаться на судне до конца, поэтому надо эвакуировать, прежде всего, детей и женщин. Какая-то ассоциация с «Титаником» поплыла в его сознании, иначе как бы он мог объяснить свой порыв. Он действовал четко и решительно – под гипнозом интуиции. Но Ольга снова вошла в его информационное поле – перпендикулярно:

– Интересно, а что этот спонсор получил от вас?

– Да, так, дали ему порошок от сонливости и таблетки «NonStopTime». Каждая таблетка дает сон на один час ровно – плюс-минус пять минут – в зависимости от комплекции. Он дипломат, ему это нужно для своих коллег. Вообще-то мы их для Астры создавали, чтобы контролировать её сон, но они на неё не действуют.

– Вот это новость! Так это же сенсационное открытие. А как же вы отважились дать ему эти препараты без медицинской экспертизы?

– Ольга, ты, кажется, забыла, сколько надо пройти инстанций, чтобы получить разрешение, чтобы потом все это разузнали – весь рецепт, растоптали и задавили. А потом – втихую – сделали патент. Ну, тебе ли это не знать!

– Да это же Нобелевская премия, господа! Как вы не понимаете?!

– У нас таких «нобелей» еще дюжина найдется, – вовремя вошел полемику Знаменский, – мы сами провели контрольную работу, у меня есть лицензия на проведение подробных экспертных анализов, да и наши профессионалы не подвели. В общем, мы все препараты проверяем, как положено. А спонсор – он сам согласился и даже расписку дал. Что тут такого?

– Это – незаконно! Как и то, что мы до сих пор держим Астру взаперти, хоть и в комфортабельной, но тюрьме. Девочка вообще не знает жизни, а ей – 24 года. Другие девушки в ее возрасте... Да, что там говорить! В общем, я выезжаю с ней инкогнито. Не хочу дожидаться, пока сюда приедет полковник Колечко за пробами на ДНК, он может и обыск устроить. Легенда нашего выезда должна выглядеть как профилактика её редкого заболевания, мол, вывезли, чтобы показать профессиональным психиатрам и организовать лечение. Может быть, я и правду говорю, ей реально такое лечение потребуется, там будет видно. Для этого у нас должен быть надежный человек в клинике. У тебя, Боря, есть такие друзья? Так что завтра к вечеру мы выезжаем.

– Оля, я дам тебе своего водителя – Вадима. Он же охранник, и даже не думай сама вести машину, знаю я тебя. Здесь дороги опасны на поворотах. И еще – ты сама должна войти с ней в контакт, а я кое-что расскажу тебе о её странностях и особенностях. Да, вот еще: не давай ей вина, и не кури при ней, и

вообще – бросай эту гадкую привычку! – Борис говорил четко, держа себя уверенно, как было всегда – до его влюбленности в Астру, как будто чья-то холодная рука приложила свою ладонь к его разгоряченному лбу и охладила чувства.

Ольга хотела рассказать ему про разговор с Олегом Шиловым, чтобы определить и его место в команде, но укор мужа о курении встал колом в горле. Он что – лечить её надумал? Ни разу до сих пор Борис ни в чем Ольгу не ограничивал, не одергивал, не ревновал и не испытывал её терпение. Именно такое джентльменское поведение нравилось Ольге. А тут (надо же!), как он старается не испортить свою Астру соприкосновением с ее привычками. Ну, вот, опять Ольга поймала себя на скверной мысли – ревности или обиды – и постаралась проглотить невкусный ком. Не то время и не та ситуация, чтобы распалить себя, к тому же Борис по большому счету прав. Астра – свежий, нетронутый цивилизацией оранжерейный цветок, выращенный в тепличных условиях, и любое соприкосновение с темными сторонами бытия может погубить её.

ГЛАВА 8. ПРЕДЕЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ

Не откладывая дела в долгий ящик, Ольга поспешила навестить Астру, чтобы подготовить её к отъезду. В сопровождении Кэт она вошла в ее комнату. Девушка сидела возле окна за столиком и рисовала. На столе были разбросаны листы бумаги формата А3, мягкие цветные карандаши с толстым грифелем и крупные скрепки. Рядом на свободном стуле лежал невостребованный планшет с электронным пером, помигивая зеленым глазком в спящем режиме. Не отрываясь от своего занятия, Астра водила карандашом по бумаге в невероятном ритме, как робот, запрограммированный на режим печати.

– Астра, мы к тебе. Ты снова рисуешь? Это Кама тебя научила? – спросила ее Кэт, слегка дотрагиваясь до ее плеча, – можно посмотреть?

Астра сделала жест свободной рукой, давая понять, что можно. Торопилась закончить рисунок, даже не повернув головы. Ольге показалось странным такое непочтительное поведение. Кэт взяла несколько листов и подала их Ольге Григорьевне. Графика была потрясающей. Но не это шокировало Ольгу. На всех зарисовках в том или ином ракурсе был её сын – Илларион. Вот он у трапа летательного аппарата в форме миндального ореха, а вот – на какой-то горе, то ли у жерла вулкана, то ли у края пропасти, а вот – с девушкой на своем мотоцикле. Откуда всё это?

Кэт, наблюдая за реакцией патронессы, постаралась кратко пояснить. Когда в теле Астры гостила Кама, она оставила в её оперативной памяти не только свои воспоминания, но и записала некото-

рые программы, в том числе, программу автоматического рисования, подобного компьютерному сканированию. Сначала Астра рисовала что-то из воспоминаний своей гостии, а потом, освоив технику отображения, начала зарисовывать свои сны. Арон попытался научить Астру творить на планшете, чтобы оцифровать рисунки, но девушка отказалась от электронного варианта – у неё так не получалось: рука сама вела только по бумаге. За неделю Астра создала целый альбом, все листы были аккуратно проколоты и прошиты в мягкую книгу. Видно, что их внимательно изучали и берегли. Наконец-то Астра закончила рисунок и подала его Ольге. Это была картина их совместного астрального путешествия во сне. Две женщины – Ольга и Астра встретились на поляне среди неземных цветов. Место встречи было освещено с неба снопом света, а вокруг клубились предгрозовые грозные тучи, напоминающие формой зловеющие фигуры и лица. Астра протягивала Ольге руку, как будто силилась дотянуться до нее, но ее платье и волосы оттягивались назад – в некую невидимую вихревую воронку. Это был момент их расставания, после которого все цветы рассыпались в прах, и Ольга вернулась в реальность.

– Я помню. Там было очень красиво, – Ольга осторожно вступала в беседу, следуя интуиции, отключив логику, – Астра, это твои цветы? Я так не умею. Но куда ты потом исчезла?

Девушка вздрогнула и отвернулась лицом к окну. Кэт отодвинула портьеру, чтобы открыть взору Астры увядающую красоту осени, и подала знак Ольге, что можно продолжить разговор, но на другую тему.

– Астра...

– Зовите меня Настей. Не хочу, чтобы меня называли проектом. Я ведь Ваш проект, правда?

Глаза девушки наполнились слезами. Эти слова острой иглой пронзило сердце Ольги. Эта космическая игла нанизывает сердца на невидимую нить, создавая ожерелье духовной связи между людьми. Это пришло как-то сразу – в одно мгновение. Ольга поняла, что девочке нужна мать, и она выбрала Её... Настя выросла сиротой, не зная ни отца, ни матери, ну, если отцом ей стал Борис, до этого её воспитывал дед Аким, а мать девушка не помнила вследствие амнезии. Кэт не смогла стать ей даже подругой, – слишком разные у них были жизни, и нечего было обсуждать в девичьей светелке, разглядывая фотографии и косметику. Это чувство оказалось столь пронзительным, что Ольга – впервые за много лет – содрогнулась от встречного рыдания. Ту уж не поможет никакой «тумблер», да разве он нужен? Сколько глубины и сострадания в этой минуте, сколько сладкого сопереживания, радости обретения...

Ольга обняла Настеньку как дочь, и это было так искренне и тепло, что девушка сразу поверила ей. Её доверчивость – на уровне фантастики, такой нет на Земле. Душа, не испорченная обманом и ложью, чистая, светлая, принимает любой порыв чувства, как течение ветра.

Кэт с радостью наблюдала эту сцену и сама чуть не расплакалась, хотя ей по штату не положено проявлять эмоции. Начальница вела себя нестандартно, неформально, просто по-человечески, и Кэт не знала, как реагировать. Сотрудница ЦРБ в этот момент не могла знать, что уже вышла из штата, и теперь её жизнь изменится кардинально. В роли сестры она будет гораздо ближе.

Ольга Григорьевна присела на корточки и доверительно посмотрела на Астру, как смотрят на детей, чтобы войти с ними в контакт для дальнейшего воспитательного процесса.

– Настя, Настенька, ты видишь эту красоту за окном? Я хочу показать тебе всю красоту природы. Хочу показать общество, людей, искусство, культуру. Завтра мы с тобой и с Катериной поедem далеко – в город – за лес и горы, потом ко мне в гости. И там никто не будет тебя изучать. Я покажу тебе всё, что ты захочешь.

– Я хочу к дедушке Акиму. У него мой крестик, без него никуда не поеду.

– Конечно, завтра мы пойдem к дедушке. Но нам надо принести ему подарок. Что мы ему подарим?

Астра, недолго думая, взяла планшет и начала его упаковывать в футляр. Ольга удивилась ее выбору. Девушка ответила на ее молчаливый вопрос:

– Я буду связываться с ним по скайпу, чтобы он не скучал. Так делают Кэт и Арон, они научат.

– Понятно. А он умеет пользоваться айпадом?

– Дедушка понятливый, он быстро освоит.

– А ты сама – научилась пользоваться скайпом? С кем-то общалась?

– Нет, но я видела, как Арон и Кэт это делают. У них есть друзья, они их записывают и помещают в какие-то сети, чтобы сохранить, – так думаю. Я тоже дедушку Акима хочу сохранить...

Ольга и Кэт несмело рассмеялись, опасаясь нарушить психологический комфорт. Но Астра не отреагировала, она не умела обижаться, потому, что не знала, в каких случаях это делают. После недолгих уговоров и разъяснений о предстоящем переезде женская часть команды стала собираться в дорогу. Нужно было все продумать, взять самые необходимые личные вещи, препараты, оборудовать «тревожный чемоданчик» автономными средствами связи, недоступными для чужих ушей.

Когда все было готово, все собрались в лаборатории – комнате Астры, чтобы подвести итоги и окончательно оговорить все варианты развития событий. Пока Знаменский с Аронem и Кэт проводили

инструктаж с отбывающей в мир сновидицей, Борис отозвал Ольгу на балкон, чтобы сказать ей что-то важное:

– Оля, я вверяю тебе самое дорогое, драгоценное наше достояние и верю, что ты сможешь справиться с этой задачей. Однако ты должна знать одну деталь, которую мы от тебя скрывали. Мы внедрили под череп Астры особый чип... Погоди, Ольга! – Борис едва сдержал порыв ее возмущения, – Так было необходимо, ведь иначе бы мы не могли транслировать её сны! Ей было совсем не больно, это же микрочип. Источник питания – температура тела. Мы его аккуратно ввели с помощью шприца через медицинский микроскоп. Она просто спала, а мы записывали все, что она там видит – без особых ее усилий. Нам удалось разработать систему оцифровки мыслительного процесса. Это засекреченная часть проекта. И здесь постарался Арон – он разработал программу и сам чип, но идея – Знаменского. Его открытие – отражение траектории нейронов головного мозга в многомерный модуль на основе нанотехнологий. Чип создает поле, в котором зеркально отображаются мысли в форме кристаллических модемов. Их миллионы, и никто бы никогда их не расшифровал. Суть в том, что мы обнаружили интегральный аналог переноса воображения (мысли) в зрительный образ и поставили там наноэкран.

– Это повредило ее мозг? Она теперь не совсем нормальная?

– Она совершенно нормальная, если чип отключен. Ну, не совсем, конечно. Она от природы особенная, так и видит во сне реальность, а в реальности плавает, как во сне. Но, когда мы не транслируем ее выходы в потоке, мы и не видим ничего, а она от нас отдыхает.

– Значит, все это время вы попросту эксплуатировали ее мозг, скачивали из него «файлы», а она была подопытной?

– В общем, да... Но она не страдала. Это воздействие слабого электромагнитного излучения, не больше, чем от сотового телефона. Все люди, так или иначе, этому подвержены в мегаполисах. И у многих развилась сильная зависимость, просто мало кто об этом знает. Если всем разъяснить, что такое, например, компьютерная или телевизионная зависимость, то люди бы перестали покупать электронные приборы, и мега-компании потерпели бы колоссальные убытки. И даже больше тебе скажу, если бы одновременно с пенициллином и другими медицинскими достижениями не стали бы развиваться информационные технологии, то современные люди жили бы до 100-120-ти лет. Жизни сокращаются от излучений. Но это долгий разговор. Ты просто должна была это знать, и теперь ты это – знаешь.

– Вообще-то жизни сокращаются от избытка информации. А нельзя как-то вынуть из нее этот чип,

чтобы девочка наконец-то начала жить нормально? И вообще – она знает об этом?

– Нет! Ни за что не говори ей. Она не должна знать, и все равно не поймет, как мы это делаем. Ей кажется, что так было всегда, что все просто. Ну, и она иногда сама рассказывает нам, что видела, хотя ее рассказы чисто умозрительные – наивные, эмоциональные. Но мы внимательно слушаем и записываем, чтобы ей казалось, что все основано на её описаниях. А чип мы пока не будем удалять. Он нейтрален в спящем режиме. Не исключено, что Астра сама захочет вернуться к экспериментам, а новое внедрение – это сложнейшая процедура, и очень дорогая. Мы вбухали в это целое состояние.

– Значит, если такой же чип внедрить в мою голову, то вы увидите и мои сны?

– Теоретически, да. Теперь любой из нас может стать объектом эксперимента. Но что мы там увидим – у себя во снах? Скопище несвязных фрагментов, процесс архивирования файлов, ассоциативные образы пережитого.

– То есть, мы не можем во сне «ходить» в будущее, а она – может?

– Выходит, так, она – может. Мы пришли к выводу, что «машина времени» существует только в нашей энерго-информационной сущности. Тело и любой предмет не может перемещаться во времени, прерывая его ход. Это принцип непрерывности, который мы почти доказали. В будущее войдет только то, что пройдет через время по его течению. Наше астральное тело легко перемещается во сне в пределах нашего мира, в котором мы живем, а ментальное тело – более тонкое – проникает в иные времена. Астра такой родилась. Её ментальное тело обладает повышенной мобильностью и концентрацией в элементах. Её сознание и подсознание практически не имеет мембраны и подвержено значительной интерференции. Так она создана.

– Но почему она не проникает в прошлое также легко, как Магда, без всяких чипов?

– Не знаю. Они разные. Я не балерина, ты не колхозница. Каждый идет по своей дороге. Вот и вам завтра в путь!

Борис попытался выйти из темы, чтобы вернуться к подготовительному процессу отъезда, но Ольгу зацепило то, что всё здесь делалось без её ведома, а она по своей наивности думала, что Астра сама рассказывает о будущем, передавая информацию в настоящее. Ей было непонятно, как не слишком образованная девушка, не знающая жизни, далеко не «гений в юбке» могла передать такие технологии, на основе которых в лабораториях Центра были воссозданы уникальные препараты, приборы, получена информация о языке, культуре, архитектуре и даже оружии будущего. Теперь завеса приоткрылась, но все равно остается неясным, как Астра,

путешествуя во времени в роли «видеокамеры», смогла найти те места, в которых хранилась интересующие исследователей файлы. А, впрочем, она могла элементарно перелистывать электронную энциклопедию в какой-нибудь продвинутой библиотеке будущего. Много еще вопросов назрело у Ольги, но, понимая, что аудитория закачивается, попыталась переломить вектор вопроса-допроса в иную сторону.

– Подожди, а если Магде, например, внедрить этот чип, то мы сможем наблюдать её видения из прошлого?

– Мы об этом не думали. Магда, в отличие от Астры, делает свои ходы сознательно и в бодрствующем состоянии. Как – ты сама знаешь и умеешь. Гасит ум через медитацию, подключает подсознание, выводит свое ментальное тело в иновременное пространство и «видит», при этом фиксирует в сознании образы.

– Это мне понятно, она работает параллельно в двух мирах. Однако Магда не понимает, как это происходит, а я понимаю – частично. Поэтому у меня не получается так круто. Помнишь, я тебе рассказывала легенду о летающем мальчике? Один мальчик умел летать. Собрались ученые, позвали мальчика и стали спрашивать его, как он это делает. Они его изучали, ставили опыты, а потом снова позвали его, рассказали ему, как он летает, а потом сказали ему: «Вот, теперь ты все знаешь. Лети!». А он – не полетел...

На этой грустной ноте супруги прервали разговор, поскольку в лаборатории подали сигнал, что Астра готова к последнему сеансу перед тем, как отбыть в свое новое жизненное пространство. Совет Трех решил провести последний эксперимент перед тем, как поставить проект на долгую паузу, а, возможно, и закрыть навсегда.

На этот раз Знаменский предложил смоделировать сон. Он долго внушал девушке необходимость еще раз встретиться с Камой, найти ее и спросить, что именно произошло на планете Земля, какая катастрофа, что её вызвало и вообще – сможет ли она показать планету в документах, на слайдах или в записи. Астра не могла ничего обещать, но задачу поняла и постаралась заснуть – быстро и ответственно.

ГЛАВА 9. ПОЛЁТ ЗА ГРАНЬЮ

На этот раз всем было разрешено остаться в лаборатории. Ольга впервые могла наблюдать момент вхождения Астры в тень небытия. Изображение запаздывало, хотя, по всем признакам, Астра уже вошла в поток. Но вот, кажется, появился первый кадр, какие-то нагромождения – то ли мусора, то ли железа. Что-то, похожее на свалку. Потом второй кадр: провинциальный город с разрушенной ин-

фраструктурой, улицы пусты, как в Припяти после взрыва атомного реактора. Третий, четвертый, пятый... Присутствующим показалось, что Астра прыгает, как кенгуру, из одного места-времени в другое, едва фиксируя кадры. Разглядеть невозможно. В глазах появилась резь, как будто сигналы высокой частоты прокрались в мозг, провоцируя ненужные вибрации. Кэт вспомнила, как в одном эксперименте все участники заснули от гипнотического воздействия некой демонической сущности. Тогда она вошла в лабораторию и прервала вещание из тонкого мира. А, а если бы не вошла? Поэтому она решила срочно удалиться на безопасное расстояние, чтобы не смотреть на центральный экран – на всякий случай. Возможно, в границах миров действуют некие хранители, не пропускающие фантомы прошлого в иную реальность.

Но Астре удалось увильнуть от темных сил (внетелесный опыт дал себя знать), и она плавно приземлилась в гористой местности, покрытой темно зеленой и бурой растительностью. Жаль, что у неё в чипе не было навигатора, а то бы определили широту и долготу, время, год и месяц (разметались!). Но Куратор и Знаменский узнали это место. Здесь потерпел аварию планет Камы и Кара. Но пока никого не было видно. Похоже, сновидице удалось попасть в момент до аварии, и вот, кажется, она скоро произойдет, и Кама потеряет сознание. Её астральное тело выйдет, как Джин из бутылки, и встретится с Астрой, как это было в прошлый раз, когда она вытеснила Астру на входе в её собственный сосуд жизни. Что же будет теперь?

На горизонте появился планет. Он плыл низко над деревьями, пытаясь найти точку приземления. Было очевидно, что летательный аппарат находится в аварийном состоянии, поскольку его кидало из стороны в сторону. Над ним беспорядочно металась длинная плеть, вращающаяся с высокой скоростью, которая вдруг стала поджиматься, как собачий хвост, безжалостно колотя безукоризненно гладкий покров корпуса. Планет падал, задерживая скорость падения деревьями. Было видно, как из верхнего люка аппарата катапультировался пилот. Катапульта отбросила пилота сначала высоко, потом – далеко в сторону. Если бы у сотрудников лаборатории, наблюдающих это событие задолго до его свершения, был звук, то они услышали бы грохот падения аппарата. Все замерли в ожидании исхода техногенной катастрофы. Но планет не взорвался и не разбился – только помял бока. Из него выросло что-то вроде опоры на четыре стопы, сбoku отвалилась часть «скорлупы», из которой выпала девушка – Кама. Она была в том самом комбинезоне со шлемом, который был зарисован в прежнем эксперименте. Экран вспыхнул бирюзовым отблеском и почти погас, пока в центре не появилось яркое

ультрамариновое пятно. Оно стало наплывать на экран, обрастая по краям желтым ободом. Как только разросшееся пятно покрывало все пространство экрана, в его центре, с периодичностью пульсации сердца, образовывалось новое, затем еще и еще...

– Боже мой! – не выдержала Ольга, – да ведь это глаз Шивы – траектория выхода в поле глубокой медитации. Кажется, Астра входит в тело Камы. Сейчас пульсация закончится, и мы увидим её новую реальность.

И правда, изображение прояснилась, как будто кто-то отслоил мутную пленку с детской переводной картинки или протер глаза от слезы. В этих глазах отразилось небо, заслоненное по краям ветвями хвойных деревьев. Все поняли, что теперь это взгляд Камы глазами Астры. Она попала в её тело, вытеснив (на время) хозяйку.

Должно быть, тело Камы страдало от болевого шока, и первые секунды ничего не чувствовало. Но боль начала пробиваться в мозг через фильтры шока, – в тело Астры. Через века и расстояния сновидицу корчило от боли – здесь в лаборатории, и все это чувствовали сотрудники Центра, стараясь соблюсти спокойствие. И, хотя это были болевые фантомы, Борис порывался прервать сеанс. Знаменский жестко остановил его:

– Не сейчас! Это опасно, она может не вернуться. Кэт, введи ей обезболивающее, – это облегчит. Астра сама принимает решение, и ей нельзя мешать.

Действительно, войдя в тело Камы, которое не чувствовало боли, Астра действовала быстро и решительно. Опираясь на локоть, она добралась до планета, подтянулась и нащупала блок с защитной планкой. С трудом отомкнула его – одно рукой придерживая сломанную ногу, выкатила из ниши блока черный шар. Прокатив его по руке до груди, взяла шар в обе ладони и подула на него. Шар просветлел и открылся сверкающей полупрозрачной ноосферой. Ей как будто кто-то подсказывал, как надо действовать. Внезапная догадка озарила лицо профессора, что Кама и Астра действуют синхронно, – они обе находятся вне своих тел, в сравнительно равных условиях, им кажется, что это сон, но Астра может управлять телом Камы, так как её тонкая оболочка не травмирована. Но времени на обдумывание этой гипотезы не было, и он шепотом произнес:

– Видимо, это тот самый Колоб, о котором говорила Кама.

Астра, используя тело Камы, внимательно рассмотрела Колоб и начала вертеть его. Открылся голографический экран, на котором было размещено меню прибора. Девушка действовала интуитивно и очень торопилась. В меню было много ярлыков и разнообразных полосок, но она выбрала один вполне понятный символ: планета Земля. Астра раскрыла его. Перед взором наблюдателей раз-

вернулась вся планета в объемном изображении. Шар Земли вращается в центре голографического пространства, а за ним, слева и справа зеркально отражаются его невидимые глазу поверхности так, что можно видеть всю планету с разных сторон. С первого взгляда стало ясно, что это наша Земля с искаженной катастрофами географией. Суша подтаяла, как кусок мыла. Особенно пострадала Европа. От итальянского «сапога» остался один колышек, а от Японии – только вершины гор. Северная и Южная Америка разделились между собой на отдельные острова, весьма подгрызенные с береговых линий. В океанах исчезли все острова, а Индия оказалась покрытой водой с юга. Северные берега России практически не пострадали, но платформа Западной Сибири поднялась, образуя новое плоскогорье. При всем очевидном затоплении и повышении уровня мирового океана, на суше иссякли малые реки и озера, а большие истончились или провалились, как будто Земля «всосала» их в себя.

Все замерли. Наблюдение длилось несколько секунд, но эти мгновения казались долгими, тянулись, как канитель, в нечеловеческих муках жажды новой информации.

Астра прокрутила планету наоборот, и она предстала в ночном видении, когда города сверкают слюдяной коркой включенного электричества. И это был настоящий шок! Планета почти вся во тьме, а концентрат мирового освещения переместился из США – в Сибирь! Именно на ее территории горело больше всего зажженных фонарей и прожекторов, транспортных электролиний. Однако, по сравнению с настоящим, – это всего лишь жалкое подобие энергетического пиршества начала 21 века.

Видимо Колоб засвидетельствовал конец света... В прямом смысле слова.

Но какой это век? Кама говорила о конце 22-го. Да, а где Кама? Она же должна срочно вернуться в свое тело, иначе – смерть. В лаборатории уже научились стимулировать возвращение Астры, и процесс начался. Но что-то тормозило возвращение. Наблюдение продолжалось.

Астра вертела Колоб, стараясь понять, как вызвать помощь. Привычного сигнала SOS не было, а всякий другой символ мог означать и это и что-то еще – всего не перебрать в столь малые доли времени. Куратор первым понял, что «молния в овале» – сигнал опасности. Жми, Астра! Жми! Ну, как можно передать ей сообщение?! Это невозможно. Отчаяние охватило Бориса, да и всех присутствующих. Однако занятия с Астрой не прошли даром. Это же язык будущего – все символы там – в Колобе. Символы, о которых она рассказывала Куратору. Значит, она их знает, должна сама догадаться. Но выход, кажется, начался. Четкое изображение исчезло, и на экране появился обратный пульсар – огненное

нутро, очерченное черным ободом. Оно наплывало и отплывало, постепенно светлея и превращаясь в обычный портал синего, голубого, фиолетового цвета в солнечном обруче жизни.

Астра начала просыпаться. Борис, не удержавшись, начал целовать ее руки, как будто перед ним бал спасительница Мира. Все ждали, что же она расскажет, что видела, чувствовала. Экран не может передать сути происходящего, только некоторые сигналы видений.

– Кама спасена. Я успела позвать на помощь. Через обруч – на шлеме. От него идет сигнал бедствия. А «молния в овале» – это аварийная посадка. Они не успели её активизировать. Теперь всё будет хорошо.

Откуда Астра могла узнать о молнии? Это же был мысленный позыв, правда, очень энергичный, но как? Борис был в недоумении, а, впрочем, чему удивляться, если здесь каждый день происходит что-то их ряда вон. Телепатия, наверное. Он ведь так долго работал с ней, что у них уже сложился свой персональный интерфейс. Астра могла слышать его мысли, ведь у мыслей нет никаких преград – они легко преодолевают и пространство и время. Но он спросил девушку не об этом:

– А... Кама, как ты думаешь, она помнит, как была здесь – в твоём теле?

– Не знаю, мы пересеклись на портале, мне кажется, что она узнала меня. Это не главное. Кама просила меня передать ей Тор с данными в то место, где была авария.

– С какими данными, Астра? – профессор начал догадываться, какая важная миссия возложена на эту хрупкую девушку.

– Они потеряли все, с чего началась цивилизация. Истоки. Она так и сказала: «Верни истоки».

Куратор, освободившись от эмоций, включил свой мощный мозговой компьютер и начал извергать мысли, как взбесившийся принтер.

– Истоки, истоки! Речь, скорее всего, идет о том, что люди в результате планетной катастрофы, потеряли нужную – первичную – информацию, которая была записана на бумажных носителях. То, с чего начался виток научно-технического прогресса. Проводники, полупроводники, микросхемы, ламповые телевизоры... атомная бомба, микросхемы, нано-платы... И вот – этот переход был утерян. Да, у них есть все: планеты, шлемы, костюмы. Но, когда все сломается, испортится, нового не будет. И это конец технологической цивилизации. Они забыли, нет – они не знают, как все это производилось. Заводов нет, информации нет. Но должно что-то остаться на электронных носителях? Предположим, разом рухнул весь Интернет! Ну, тогда остались Торы... Но там, видимо, тоже нет истоков. А зачем? Все же думали, что Интернет вечен, не надо хранить вузовские учебники, да они бы уже истлели. Наши предки всегда

экономили на качестве бумаги для учебников. А у нас – что творится? Разве новая информация дублируется на бумажных носителях? Это, видите ли, дорого. Да, бумага стала дороже, и сколько бы ее потребовалось для биллиона мегабайт. Невозможно. Спалили бы всю планету. Да, что я говорю? У нас инфа в персональных Торах, а у них – в этих – Колбах.

– Колоб. Его зовут Колоб, – Астра снова начала говорить, и все разом примолкли, – Они забыли, как растить хлеб, что ловить в море и как плодить незараженных животных. Они едят только кашу – гадкую искусственную кашу, которая у них растет, как плесень, в специальных колбах (фермах). Колбы – это фабрики пищи.

– Ужас, до чего дошли люди! – с отвращением воскликнула Ольга, – представляю, что чувствовала Кама в твоём теле, когда ей дали настоящий кофе...

Астра продолжила монолог, внимательно рассматривая Ольгу, как будто силилась что-то вспомнить, и говорила, говорила...

– Они тяжело живут, – в напряжении и страхе. Будто бы одни на корабле в огромном океане, а запасы кончаются. Их можно рассчитать, и они уже знают, сколько осталось жить, – девушка попросила горячего чая, остывая от пережитого, и продолжила, – мне как будто бы Кама все рассказала, только это не сразу можно обработать и рассказать – в мозгу всё записано, но открывается постепенно, как будто кто-то диктует мне. Можно еще задавать вопросы, и я получу ответ – через время. Там все это – катастрофа и её последствия – случилось не так давно, они еще не поняли, что дальше делать, но продолжают тратить ресурсы, продукты, использовать технику, как и раньше, не могут остановиться и сократить расходы. Но уже понимают, что скоро все деградируют до животного стада или погибнут...

– А потомство? Как они решают проблему воспроизводства населения?

– У них дети почти перестали рождаться. Какой-то сбой в генетической программе. Каждый ребенок – чудо и общее достояние. Родители наблюдают за их развитием, но их близко не подпускают, чтобы не испортили детей. Дети дороже жизни. Если женщина родит здорового ребенка, то становится на конвейер, как matka. У неё все самое лучшее: питание, жилье, почет. Аборт – самое страшное преступление.

– А как же материнство, отцовство, родительская любовь?

– За это идет борьба, организовали целое движение – родители требуют вернуть им детей, но они принадлежат обществу, а оно голосует против.

– Все дети национализированы и принадлежат государству?

– Да нет там никаких государств, только сообщества – свиты, кланы, фланги. Одни религиозные, другие – нет.

– Что такое фланги?
– Это низшие слои, рабочие руки. Живут очень комфортно всего 50 лет, все здоровы и веселы. Умирают, как электрические лампочки, у которых закончился гарантийный срок.
– А высшие слои? Они сколько живут?
– Свиты могут жить до 150-ти лет, но пока никто не дожил, кланы – до 100.
– А... откуда у тебя такой объем информации? Ты же была с Колобом всего несколько минут? – Куратор прервал диалог Ольги с его подопечной и не напрасно. В комнату вошла Кэт – посмотреть, как все чувствуют себя после эксперимента. Она немного перестраховалась, и была права: в случае неудачи кто-то должен был предотвратить возможные последствия. Но, слава Богу, ничего страшного не произошло...

Совет Трех вместе с Ароном, неизменным оператором всех секретных экспериментов, вышли, чтобы дать возможность Кэт подготовить Астру к завтрашнему дню. Они еще долго обсуждали результаты путешествия во времени. Арон сам предложил подготовить им свою версию «исток», хотя он видел их не столько в технологиях, сколько в деформациях человеческого сообщества в целом. Возможно, люди будущего утратили способ консолидации в общем деле, развили в себе психологию потребления, лишили себя универсального творчества. Знаменский, возбужденный версией Арона, чтобы противостоять ей, вознамерился всю ночь напролет читать фолианты технологических переходов, понять, где случился сбой цепочки событий, который стал непреодолим для потомков. Куратор испытывал очередные муки совести. Ему опять пришлось вести девочку на Голгофу науки, в интересах всего человечества. Какое жалкое оправдание!

ГЛАВА 10. ВНЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

В целом эксперимент удался. Ольга и Знаменский вышли на воздух обсудить полученные результаты. Аллея, ведущая к пруду, была слабо освещена. Четко слышался шелест опавшей листвы под ногами и звук падающих с веток вниз их собратьев, похожий на апрельскую капель. В такой тишине каждый шорох казался оглушительным, а звезды внушали трепет своим сочным сиянием. Они шли под руку и молчали, пока не добрались до скамейки около пруда, в то самое место, где профессор три недели назад подхватил рыдающую от горя Ольгу. Каким нелепым и бессмысленным казался теперь повод, ставший виновником тех эмоциональных бурь! Какая пропасть образовалась между прошлым и настоящим, в котором уже есть то, что невозможно понять и оценить, если пользоваться грубыми инструментами традиционной логики. Вот там – за

прудом, куда не достают световые волны, идущие от фонаря, стоит густая холодная мгла – будущее, которого никто не знает. Но теперь у них есть мостик в эту темную муть – тонкий, зыбкий, но живой. И как же надо беречь и ценить его, чтобы избавиться от тысячелетней слепоты и глухоты. Все изменилось. И даже профессорский цинизм, привнесенный из научного мира, растаял, как первый осенний иней на еще зеленой траве.

Ольга никогда не видела Знаменского таким романтичным и глубоко чувствующим. Он был притягательным в эту минуту как мужчина высшего класса: умный, сильный, надежный... Почти полубог, вызывающий немое восхищение в отсветах вечерней иллюминации. Неужели она влюбилась? О, если бы, да кабы... Ей было не до него и не до кого бы то ни было. Когда судьба внезапно раскрывает свои порталы в таком состоянии, которое вряд ли можно описать словами – только испытать. Как будто молекулы тела раздвинулись, растворились в пространстве с плотностью молекул воздуха, и существо, таящееся внутри, стало громадным – выше неба. Нет голоса, чтобы говорить, нет разума, чтобы мыслить. Вот оно – долгожданное безмолвие ума – истинная связь с Богом. Испытание любовью и благодатью. Невыносимо сладкое ощущение, длящееся вечность в одно мгновение...

Знаменский посмотрел на Ольгу и понял, что с ней происходит, не желая давать волю чувствам. И так уже ручеек совести проник в его каменное сердце, растворяя его едкостью серной кислоты. Теперь они – Свидетели, и груз ответственности носителей высшей тайны придавил их невесомой громадой. Все изменилось...

Их молчание прервал чей-то голос. Это был Борис.
– А... Вот вы где. Я искал вас. Астра наконец-то успокоилась. С ней сейчас Кэт. Арон работает, как зверь. Расшифровывает карту мира.

Борис присел рядом с Ольгой по другую сторону, и она оказалась между мужчинами, как маленький пленник, которому суждено молчать и слушать. Знаменский прервал мистическое молчание и произнес ключевую фразу:

– Судя по всему, у Астры дисфункциональное расстройство самоидентичности, – она здесь, но её как бы и нет, – только наполовину, а другая половинка – в ином измерении. Душа разорвана, и, к сожалению, так жить она долго не сможет...

Жесткий вердикт профессора не произвел ожидаемого впечатления на Бориса. Он уже давно понял, что Астра существует в этом мире только телесно, а её тонкое подобие все время рвется в небеса. Любые попытки приземлить её не удались. «Не от мира сего» – в полной мере относится именно к ней. И это обстоятельство последние три года угнетало Куратора. На вопрос «Что делать?» он не мог дать

ни одного вразумительного ответа и поэтому лишь поддерживал промежуточное состояние сновидицы, насколько это было возможно. Ольга понимала все несколько тоньше и глубже. Но в сей момент она вдруг вспомнила слова Магды о том, что у Астры была единоутробная сестра. Почему она раньше не придавала этому значения?

– А вот Настя-то у нас родилась не одна. У неё была не родившаяся сестра-близнец. Сестра погибла еще в утробе матери от медицинского аборта. Вот она и тянет Астру в небытие. Дух сестры сильнее и, скорее всего, от темных сил. Так Бог распорядился: одна сестра белая и чистая, как Ангел, а другая – темная, демоническая, – плотская. Это ей был нужен материальный мир, и она бы в нем стояла твердо, как Амазонка в боевой раскраске...

– Ты почему молчала об этом? – воскликнул Знаменский, – это же самое главное недостающее звено! О, если бы я раньше знал...

– И что бы ты сделал? Не проводил бы эксперименты? – иронически вяло спросил его внезапно уставший Куратор, – ничего уже не изменить, господа. А не пора ли нам на боковую?

– Это важно. По-крайней мере, объясняет факт появления астрального двойника Астры в центральной проекции. Лично я об этом подумую, это многое объясняет. Ладно, пойду к себе, посижу у камина...

Знаменский тактично удалился. Ольга и Борис еще долго молчали в тишине, потом взялись за руки, как первоклашки, и пошли в корпус. Никто не поверит, но между ними давно уже сложилась некая супружеская телепатия, когда говорить не надо – они без слов понимали друг друга. Это известно всем, кто прожил друг с другом хотя бы пять лет. Известное – неизвестно. Как сны. Всеобщее владение уникальной способностью видеть сны в течение тысяч лет – вполне осознанное и множество раз описанное до сих пор остается и всеобщей тайной. Наука не дала четких разъяснений самым обычным феноменам, присущим каждому живому человеку. А, может быть, и неживому...

– Пойдем ко мне, Оля, – тихо попросил Борис, – завтра вы с Астрой уезжаете, хочу побыть с тобой. Один не усну. Прости, милая.

Они легли вместе, как в старые добрые времена, как будто кто-то собирался разделить, разлучить их, или где-то собиралась в тучу громада тревоги и опасности, и надо было укрыться от неё, как дети укрываются от грозы под одеялом. Ей снова стало тепло и уютно с ним, как раньше. Да, в тот период, когда сначала истончилась, а потом оборвалась серебряная нить, связывающая их души, Ольга была тревожной, нервной, часто расстроенной, а неудачи и беды липли к ней, как пиявки. Она давно так не отдыхала, не спала ровно. Столько стрессов, от-

чаяния, борьбы! Другая бы, наверное, не выдержала. Но человеку дается ровно столько испытаний, сколько он способен вынести. Вот так, у мужа на плече, спала бы она вечно, никуда бы не торопясь, ни на что не рассчитывая. Какая благодать!..

Утро встретило их пасмурно. За окном шел невидимый дождь, не предвещая ничего хорошего, кроме грибов. Они нынче пошли поздно, и сотрудники Центра с раннего утра бродили по окрестным лесам в поисках осеннего чуда.

– А помнишь, как мы первые годы здесь ходили за грибами? – кутаясь в халат, спросила Ольга сонного Бориса.

– А... Я бы сейчас выпил густого грибного отвара – горячую кружку, как ты готовишь, – промямлил просыпающийся Куратор.

– Пойду на кухню, попрошу, чтоб сварили. Грибной отвар – гарантия здоровья на месяц.

– Ладно, пусть варят – только белые, – не опята!

– Пройдусь по коридорам, посмотрю, кто – где. Жди меня через час.

Ольга вышла от мужа и пошла в свои апартаменты, чтобы привести себя в порядок перед завтраком. Но что-то её остановило. Решила сначала распорядиться насчет отвара, и, пока его готовят, пойти к себе делать свои дела. Неудобно, конечно, в халате, но в Центре все свои – кого стесняться.

В кухне была одна Варя. Она что-то мешала поварешкой в котле, и отирала фартуком лицо – то ли от пота, то ли от слёз.

– Доброе утро, Варенька. Что-то варишь? Пахнет грибами...

– Ой, Ольга Григорьевна! В такую рань. А у нас тут не прибрано. Смена в лес пошла. Вчера вон набрали пять ведер – чисто белых, а нынче с утра решили снова пойти. Слой богатый идет – такое не каждый год.

Варя, работница общепита, работала здесь с самого основания и знала все о каждом. Простое лицо не могло скрыть недавнего слезотечения, и оно выражало сложную комбинацию смущения, огорчения и обиды.

– Что-то случилось, Варя? Говори уж, – Ольга зачерпнула целую поварешку белого грибного отвара и начала его пить, обжигаясь от наслаждения.

– Да вот напарница моя Людмила собралась увольняться. Заявление написала об уходе. Говорит, скоро здесь обыск будет, у неё сын в полиции работает – капитаном. Большой штурм готовят. Вот она и съезжает. А мне жаль, товарки ведь – пять лет проработали бок о бок, слова дурного никому. Начала собираться и свой браслет найти не может – золотой с рубинами. Дутый такой. Ей муж подарил. Так она на меня наехала мол, где мой браслет. А я не брала, – зачем он мне?

– Браслет, говоришь?.. А когда обыск будет?

– Так не сегодня-завтра. Сегодня выходной, – значит, завтра.

– А почему мне не сообщили?

– Так сама вот случайно узнала. Если бы не браслет, так и не узнала бы ничего.

– А где сейчас твоя Людмила?

– Вещи собрала, злая такая сидит, на меня накричала, а я говорю, что автобус будет только с утра, мол, распаковывайся, давай вместе поищем твой браслет, а она – нет, не хочет. Ну и сидит в комнате. А мне обидно...

Ольга постаралась сделать вид, что ничего не случилось, отослала Варю к ясновидящей Заре – поискать браслет, благо она еще пребывала в Центре, взяла приготовленный отвар для Бориса и нарочито спокойно вышла в коридор. Тут же махом с неё слетело ночное умиротворение, и она поспешила вперед, вверх, снова вперед, рискуя опрокинуть горячую кружку! Нам легко не будет никогда...

– Борис! К нам едет ревизор...

– Твои шутки жутки, не мешай, дай поспать.

– Я серьезно! Сегодня или завтра здесь будет полиция с обыском, возможен штурм. Варя мне сказала. Насчет штурма, может, и преувеличила, но о полиции – информация, скорее всего, верная.

– Ни сна, ни отдыха измученной душе...

Борис, ворочаясь, привстал и прозорливо посмотрел на Ольгу. Внутри закопошилось что-то гадкое. Оно не только пробуждает: у сильных людей – выделяет адреналин, а у слабых – провоцирует апное. Куратор был сильным. Адреналин быстро поднял его с теплой постели, заставил принять холодный душ, одеться, как подобает сильному человеку, в серый костюм, сесть за пульт управления (внутренний селектор) и собрать всех на срочное совещание.

Через 10 минут все уже были в сборе, включая Астру. С этого дня она уже не была подопытной, а состояла в команде как полноценный её участник. Ольга объяснила членам команды причину столь раннего собрания и обосновала необходимость принятия решительных превентивных мер, в том числе, срочной эвакуации Астры:

– Мы успеем до вечера отъехать. Желательно не делать из нашего отъезда шоу с прощанием. Уйдем тихо, по-английски, – завершила свою речь Ольга.

– Да, дорогая, только народ еще не в курсе, что, собственно происходит, откуда такая спешка. Так вот, разъясняю: полковник Колечко из МВД, будучи нашим гостем на Симпозиуме, грозился вернуться, чтобы провести допросы персонала и расследовать, что у нас тут происходит незаконного, – Куратор отпил глоток целебного отвара, развернулся, держа руки в боковых карманах, как вождь пролетариата и продолжил, – А незаконного у нас происходит много! Почти всё. Где прописано, что нам

можно делать эксперименты, проводить опыты, синтезировать новые вещества и применять еще непроверенные и не заверенные штампом «оплечено» лекарства? Нигде. Но даже формула «не запрещено – значит, разрешено» здесь не работает. Не удивлюсь, если завтра, после нашего Симпозиума наш Центр назовут «шабашем ведьм» и начнут охотиться за привидениями, со всеми вытекающими... Что будем делать, господа-товарищи?

Знаменский принял стоически развертывать план действий:

– Мы так и так решили, что часть команды выезжает в город для социальной адаптации Астры, и не будем это менять. Другое дело, что свернуть исследования в лабораториях, а их у нас три основных и четыре подсобных, будет непросто – за такой короткий срок. К тому же надо продолжать работу, иначе многолетний труд – коту под хвост. Ну, положим, мы сейчас быстро сработаем и спрячем собственно сам продукт и реагенты, но все дело в информации, надо быстро все закачать на альтернативные носители, почистить компы, убрать журналы – куда подальше... В общем, работы много, надо начинать.

– У нас уже есть альтернативный банк, но ломать всю конфигурацию в локальной сети считаю нецелесообразным. Думаю, что успею «запаролить» так, что никакая крыса не раскопает, к тому же у ментов нет реальных хакеров, а там, где они есть, ломают не по-детски. Так что для них это не вариант, – вставил свое веское слово Арон.

Катерина Сергеевна тоже была в недоумении. В её ведении – делопроизводство и бумажный архив, а он просто огромен и занимает целую библиотеку. Куда его? Кроме того, её личные записи и наблюдения, дневники, рисунки Камы и Астры – все это требовало тщательного охранения от любых глаз извне. Восстановить базу данных в цифре легче, чем бумагу. Кэт глубоко вздохнула и обреченно посмотрела на Куратора, который, как всегда, принимал окончательное решение. Но на этот раз Астра впервые повернула ход событий в другую сторону.

– Вы не о том думаете. Тем людям, которые сюда идут, – нужна только я. Они ищут меня, я чувствую. Они как темные тени, которые заслоняют мне входы и выходы в пространство. Вот кого нужно бояться. А полковник, которого вы так боитесь, будет на нашей стороне. Надо только подождать...

– У нас уже нет времени ждать...

Борис не собирался противоречить словам Астры, он вообще никогда её не перебивал, только слушал. Но в данный момент он еще не осознал, что Астра становится членом команды, и поэтому «пропустил» момент включения защиты от внешнего воздействия. Благодаря этому мудрые слова были услышаны, а то бы пришлось эвакуировать весь Центр.

– Так что ты видишь Астра? Что нам делать? – переспросил Куратор. Вся команда затаилась в ожидании вердикта сновидицы.

– Они ничего не поймут в записях. Спасти надо только Тор. Убрать новые препараты и голубой эфир. Им нужна моя кровь – и все. Придут люди и будут расспрашивать обо мне. Каждый скажет немного, и из этого ничего не выйдет, они не поймут. А я сдам свою кровь на анализ – пусть смотрят. Это их успокоит...

– Как у тебя все просто, – Борис неожиданно для себя развернул панику в другую сторону, – А ведь в этом есть смысл, только вот кто те люди, которые тебя ищут. Очевидно, у тебя есть дар ясновидения. Это немного ново для нас. Ну, я, конечно, подозревал, видел зачатки способностей, думал, что надо еще много работать, чтобы их развить. А теперь думаю, что ты готова. Теперь ты – одна из нас.

Астра загорелась от волнения робким румянцем. Её оценили по достоинству. Первое крещение, признание, успех. Минор стек с лица, и лицо девушки засветилось.

ГЛАВА 11. АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА

Ольга радовалась, что Астра так мягко вошла в область принятия решений, но в душе её плутал лукавый. Хотелось поскорее вывезти Астру и затереть все следы – на всякий случай. Дурное предчувствие мучительно расплзлось в сознании, пробуждая энергетическую тошноту, напоминающую отравление мозга. Она лично имела счастье общаться с полковником Колечко, и никому бы этого не пожелаала вновь. Впрочем, Борис и Знаменский тоже имели с ним разговор, но вышли из обстоятельств, благодаря вмешательству Ольги. Выиграли немного времени, но ничего не предприняли. Расслабились. Информационная волна негатива, обрушившаяся на ЦРБ, отвлекла их от основной линии угрозы. Как будто так было задумано невидимым противником, обладающим к тому же незаурядным умом. Если бы не случайный разговор на кухне, они бы не смогли смоделировать превентивный фронт. Какая-то мелочь, а так развернула корму всего судна.

– Мелочей не бывает...

Ольга сказала фразу как продолжение своих мыслей, но вышло как-то неловко, как будто она отнесла высказывания Астры к мелочам.

Никто не заметил, как в Белый кабинет вошел Забродин. Ему пропусков никто не давал, но он сам себе пропуск – куда захочет, туда и забредет. На это раз он шел целенаправленно. В руках у Ивана Михайловича торчал металлический прут, изогнутый, как рамка для поиска аномальных зон.

– Доброе утро всем. Скажу вам, что здесь рядом находится временной разлом, сильнейшее электро-

магнитное поле. Поэтому у вас плохо ловит (телефон). Но вот что примечательно: территория вашего «зоопарка», которая ограждена забором – в форме буквы «Г», как бы защищена – здесь нормальная зона, а за оградой – начинаются чудеса. Рамка крутится, как волчок. Особенно в одном месте – ну, это не далеко – километра три отсюда. Но там близко не подойти без подручных средств. Надо альпинистов вызывать.

– Иван Михайлович! Вы как раз кстати. Нужен ваш совет, – приветствовал его Куратор, хотя реплика про «зоопарк» его не столько смутила, сколько рассмешила. Подсознательно он хотел втянуть Забродина в команду, а он взял и нарисовался – на мысленный зов.

– Да, что я могу? Вижу, вам опасность грозит. Настю надо уводить отсюда.

– Да, мы уже знаем, что готовится обыск. И нам бы не хотелось, чтобы наши разработки попали в лапы полиции.

– Не полиции – сюда идут «иные». С другого полушария. Но придут вместе с полицией – как бы эксперты. Могу дать наводку: мужик – не молодой и не старый – неопределенного возраста. Худощавый, бледный, нервный. Рыжий, глаза разные. Носит затемненные очки.

– Вы его знаете? Кто он такой?

– Его не знаю, но вижу, кто он такой. Он из специального отдела ЦРУ, который занимается паранормальными явлениями. Они по всему миру ищут уникамов. И они идут за Астрой.

– Но как они смогут её забрать?

– Её заберет полиция – по своим основаниям, а «эти» отзовут её под видом лечения – и увезут в штаты.

Команда Куратора озадачилась внезапно открывшимися обстоятельствами. Астра неожиданно для всех членов команды подошла к Забродину и напрямую обратилась к нему:

– Иван Михайлович, Вы знаете, как найти это место, где разлом?

– Да, я могу провести. С утра бродил по лесу, сделал рамку – проверить, а то мне что-то показалось, что поле здесь аномальное. И по рамке вышел на это место.

– А туда можно как-то подъехать – поближе? Дорога есть? – Куратор взялся за гуж и обрел наконец-то дар речи руководителя.

– Да можно поискать дорогу. Я-то через лес шёл. Если карту местности найдете, я покажу. Надо группой туда идти. Я тут познакомился с одним вашим парнем – Олег Шилов. Он высказал предположение, что здесь был некогда был построен некий секретный объект. Надо бы, Борис Арнольдович, это дело расследовать.

– Да, конечно. Но у меня мало подходящих для этой экспедиции людей. Ольга, Кэт и Астра выезжа-

ют сегодня вечером. Давайте завтра с утра и пойдем – втроем: вы, я, ну, и Олег Шилов. Подготовлю все необходимое оборудование. Арон, ты тоже пойдешь, если до ночи успеешь скрыть всю информацию и спрятать дубли.

– Господа, вы обо мне – забыли, – Знаменский недоумевал, – кажется, я еще не настолько стар, чтобы не лазать по горам. У меня вообще-то разряд по горным лыжам.

– Ну, лыжи нам не понадобятся, а вот альпинистское снаряжение пригодится. Возьми с собой. Но кто-то должен остаться здесь, чтобы встретить полицию, если что...

– А почему её кто-то должен встречать? Давайте «пропадем» все вместе. Уехали в отпуск, заболели, умерли! Эпидемия поноса и золотухи. Мы ничего никому не должны. Все, что надо, спрячем, – и в бега. Эта тема куда интереснее, чем вести диалог с Колечко.

– На хозяйстве можно оставить Магду, – неожиданно предложила Ольга, – окажем ей доверие. Она встретит своего друга достойно и всё расскажет и покажет – совершенно искренне, насколько сможет. А что она знает? Прошлое Астры, что у неё была единокровная сестра, что она родилась в многодетной семье...

Ольга вдруг увидела огромные глаза Бориса, который смотрел на нее с недоумением.

– Я что-то не то сказала?

– Ты все сказала, дорогая! Только вот Астра не знала этого. И теперь как ты будешь ей объяснять то, что ты сказала?!

Действительно, Ольга совсем зареветнулась. Рассуждая о том, что знает Магда, а что нет, забыла о том, что знает Астра, а что – нет. Тайна открылась сама собой, и ей, видимо, так и суждено было раскрыться, как бутону цветка – в нужное время. Астра, улыбалась и, заворачивала на палец длинную прядь волос, призналась публике:

– Я видела своего двойника, последнее время особенно часто. Наверное, это и есть моя сестра. Она живет вне тела, но войти в наш мир не может. Её фантом очень сильный. Она хочет стать мной...

Бытовой разговор никак не предвещал такого поворота. Оказывается, эта новость не была для Астры откровением. Она встречалась с невоплощенным духом своей сестры в тонком мире. Полагая, что у них на двоих – одно тело, именно фантом сестры пробуждал тело Астры к плотским наслаждениям, которых ему не хватало в бестелесном существовании. Так можно объяснить эпизод с демонической сущностью, который наблюдали все сотрудники лаборатории, задействованные в проекте. Астра была подвергнута дьявольскому искушению горячих атак ада. И, если бы она зацепила эту заразу, сущность, образующая дух её несостоявшейся

сестры, могла бы подселиться к Астре, и, постепенно выдавливая, вытравляя ее душу, завладеть всем телом. Собственно это и было её целью. Дух сестры застрял между мирами, и поддерживался все это время чистым магнетизмом Астры. Скорее всего, сестра ждала выхода Астры в поток каждый раз, и пыталась прикрепиться к ней, а потом оттянуть её возвращение. Так можно объяснить многое из того, что происходило последнее время в лаборатории: все это не вполне осознанные и понятые фрагменты борьбы с какими-то темными потусторонними силами, которые мешали свободному передвижению астральной проекции Астры в тонком мире.

Ольга проговорила к месту. Теперь все складывается. Но как быть с дедом Акимом, ведь он любит внучку? А она любит его. Астра сама ответила на этот вопрос в наступившей паузе размышлений.

– Я не знаю своих родителей, сестер и братьев, но хотела бы их узнать. А бабушка мне как родной, и не надо говорить ему, что я все знаю. Пусть будет спокоен. Мне надо к нему, я все подготовила. Кэт, проводи меня.

Девушки удалились попрощаться с дедом Акимом, да забрать крестик, о котором говорила Астра. Времени на сборы оставалось немного, и Куратор попросил вызвать Магду, чтобы ввести её в курс дела.

Такого неожиданного поворота событий никто не ожидал. Экспедиция в аномальную зону собралась по-солдатски быстро, и после обеда пять человек тронулись с места: Борис, профессор Знаменский, Арон, Забродин и Шилов. Шестым был водитель Вадим Игнатьев. Они едва поместились в просторный внедорожник, забитый до предела людьми и поклажей со снаряжением. Доехали до точки, которую указал Иван, насколько это возможно на автомобиле, потом пошли пешком. Первый поход планировался как разведка. Водителю поручили припарковать джип в условленном месте, оставить ключи в тайнике, и вернуться назад пешим ходом. Вечером он должен отвезти женщин в город.

ГЛАВА 12. ВТОРЖЕНИЕ ЧУЖАКА

Магда была проинструктирована и назначена старшей по дому на период отсутствия хозяев. Ей впервые доверили такую роль, и она была озадачена, как принять и чем накормить толпу мужиков, которые вот-вот нагрянут в Центр. О цели визита полковника Колечко Магду не осведомили. Даже если и поймет, пусть это будет для нее неожиданностью.

Сборы женщин близились к завершению. Астру одели в спортивный костюм, куртку, дали красивую вязаную шапочку с помпончиком. Она долго разглядывала её, как будто пыталась что-то вспомнить. Может быть, забытое детство. У неё до сих пор со-

хранилась тяжелая амнезия, связанная с психотравмой её исчезновения. Ольга ни разу не задумывалась об этом, и вот только теперь, наблюдая, как девушка тербит шапочку, решила, что надо пройти путь воспоминаний, вернуть Насте её судьбу, воспоминания детства. Это и будет первым шагом ее реабилитации по возвращению в реальность.

В номер Ольги влетела радостная Магда:

– Приехали, Приехали! Ольга Григорьевна, голубушка, пойдём встречать гостей. Матвей Иванович и с ним еще трое. Радость-то какая, Господи!

– Мы уже собрались, Магда. Может быть, ты сама их встретишь, а мы уйдем потихоньку – через запасной выход? – стараясь скрыть волнение, попросила Ольга.

– Да что же вы? Куда же? Может, завтра поедите? Такие люди приехали, как же без вас? – Магда не унималась, и её можно было понять.

Не успели... А ведь Варя еще вчера утром предупредила, что могут нагрянуть внезапно, хорошо еще, хоть ОМОН с собой не привезли. Пришлось срочно переодеться и встречать непрошенных гостей. Ольга дала знак Катерине, чтобы они с Астрой вышли, как было сказано, через запасной выход, где будет стоять автомобиль Бориса. Она еще не знала, что Вадим Игнатьев, провожавший мужчин в экспедицию, ещё не вернулся, а машина Бориса всё еще стоит в гараже. Опытный водитель Куратора, искушенный на дорогах, не на шутку заплутал в лесу, а в сентябре лес темнеет быстро. Фонарь его сдался на первом же часу, а зажигалки не было (не курил). Так он и шёл в темноте по лесу, стараясь увидеть какие-то признаки света.

Ольга с Магдой вышли навстречу полицейской делегации. Гости выглядели как штатские, никакой формы. Матвей Иванович широко улыбался, раскрывая руки для дружеских объятий, а его вассалы носили из багажника огромные пакеты с продуктами. Среди них был и третий – иностранец, которого Ольга узнала по описаниям Забродина. Орлова поняла, что господа решили сменить тактику – взять своё без боя. Сразу же появилась догадка, что они знали поминутно, когда надо въезжать. Момент был выбран как нельзя кстати. Вот уже три часа, как ушли мужчины, а женщины все ещё оставались на месте. Долго собирались. Это была серьезная тактическая ошибка со стороны Куратора, о которой он не раз потом пожалеет. Надо было сначала вывезти женщин, а потом уж идти в экспедицию, которую, кстати, никто и не планировал. И что же так их возбудило мужскую часть команды Куратора, что они так быстро сорвались, поддавшись идее Забродина?.. И кто дал сигнал к мирной атаке полицейских?

Ольга постаралась не выдать своего истинного расположения, и начала распределять комнаты для гостей, попутно вереща про грибной сбор, по-

году и предстоящие заморозки. Вектор отъезда был сломан. Каждый на себе хоть раз испытывал это тягостное ощущение прерванного полета, когда вдруг объявляли задержку рейса или надо было возвращаться с половины пути.

Как только гости были утрямбованы по местам, Ольга вбежала в свою комнату, чтобы забрать вещи и удрать поскорее в город. Но в комнате её сидели растерянные подруги, – с тревогой и страхом ожидающие решения старшей.

– Вадима нигде нет, а телефон вне зоны. Он уже часа два, как должен был прийти. Такой надежный мужик – никогда не поведет. С ним что-то случилось. Машина в гараже, и там стоят эти – два молодца из ларца, курят... Вот мы и вернулись, – доложила Кэт.

– Вас никто не видел? – машинально спросила Ольга, на ходу обдумывая дальнейший ход действий.

– Нет, мы прошли незаметно – по задам через кухню, а в коридоре никого не было. Может нам здесь остаться до утра? А утром в шесть будет автобус рейсовый – до остановки полкилометра, доберемся.

– Здесь не получится, автобусом тоже. У нас большой багаж, и там только «прожиточный минимум».

Орлова лихорадочно перебирала в уме варианты укрытия, но ничего подходящего не надумала. В любую комнату, лабораторию или учебный класс могли войти эти люди, наделенные полномочиями и властью, да еще одержимые идеей вывезти Астру. Варя, Валя, Зара... Сторож Аким? Нет, не подходят. Все они входят в сектор допроса. Кому же доверить Настю? А эта – как ее? – Маша, кажется, вахтерша, бывшая осужденная, дочку которой Гарик увез в Москву... Вот, она подойдет! К ней не полезут.

Удивительно, как порой разворачивается лента событий. Столько людей вокруг, а риски доверить некому. И в самый сложный момент жизни рядом может оказаться совсем непримечательный человек с нижних этажей социальной лестницы, который протянет руку помощи и не предаст под пытками. Зэчка не предаст...

Когда-то в юном возрасте Ольгу сбила машина, мчащаяся на скоростях. Дело было поздним вечером, и она едва выбралась на тротуар. Пальто, руки и лицо были в крови, к тому же подвернула ногу – сломала или нет – было неясно – болевой шок. Редкие прохожие походили мимо, шарахались от грязной окровавленной девушки – пьяная, поди, – ну её – подальше от греха! Ольга на всю жизнь запомнила, как бичеватого вида «мужичок с ноготок» затащил её на скамейку – выше себя на голову по росту такую крупную барышню, вызвал скорую и пропал. Она не успела даже поблагодарить его. Вот как бывает... С тех пор она различала людей не по рангу, а по совести. Это и пригодилось в жизни еще не раз.

Кэт сбежала вниз, от имени Ольги быстро договорилась с вахтершей, задала ей бутылку виски для гарантии, и Марья с радостью пустила юных дам в свою конурку, а сама осталась на вахте – бдить.

Ольга не могла избежать вечернего банкета, проворно организованного Магдой по случаю приезда Матвей Ивановича с поводырями. Стол накрыли в малом зале на восемь персон. Магда рассчитала четыре на четыре, включая Астру и Кэт, зная, что они всё еще находятся в ЦРБ. Надо было предупредить её, что девушек за столом не будет – они уже уехали, потому что завтра Настю надо срочно показать врачу. Однако благая ложь была бы не понята и не принята. Да и можно ли врать Магде? Нет, Ольга отменила этот вариант. Тогда как? Магда, конечно же, сейчас придет, чтобы позвать хозяйку к столу, и надо принять решение – открыть ей правду или нет? Как за несколько минут (больше у них не будет), да и то закамуфлированных под дамский туалет, подготовить её к правде и склонить на свою сторону? Магда вошла, улыбаясь ямочками на щеках:

– Пойдемьте, Ольга Григорьевна, водка ж киснет, я и пельмешек наварила, и строганину настрогала, и грибочки там, и селедочка.

Славно ворковала Магдалина, мягко проговаривая все «г» с хохляцким акцентом. Так и манила... А может, все это надумано и ничего страшного не происходит?

– Да, Магда. Присядь на минутку, мне надо с тобой кое о чём поговорить.

– Та потом – наговоримся еще. Мужики ждуть, – красавица казачка явно не была склонна к длинному разговору.

– Очень серьезно, Магдалина, это и тебя касается. Твой Матвей Иванович приехал не только по твою душу. Они хотят Астру забрать. Задание у него такое, и он его выполнит. И этот – рыжий при нем – иностранный агент, он хочет Астру нашу из страны вывезти. И она там погибнет. Без неё проект закроют. Так что это дело жизни и смерти. Прошу тебя, Магда, будь на моей стороне, и я тебе потом так помогу, как ты даже себе не представляешь. В долгу не останусь. Помоги мне отвести от неё внимание и дать им уехать с Катериной. Христом-Богом прошу!

Ольга взяла в свои руки теплые кулачки Магды и просительно посмотрела в её огромные от удивления глаза. Колдунья разом все смекнула, и пообещала подыграть подруге. Значит, девушек в Центре нет. Уехали, заболели. По правде сказать, она сразу заподозрила этого рыжего в очках: не русский, а, значит, чужой, а чужой – враг. Но теперь она уж точно попытается «прочитать» его, – что у него за душой?

– Ольга Григорьевна, верьте мне: Матвей Иванович не такой. Он, правда, про Астру все спрашивал, интересовался. Но я ему сказала то, что сама знаю: про сестру, про крестик, как она в лесу жила у мо-

наха. А что тут делается с ней – ни-ни. Я и сама не знаю, не ведаю. А вот этот – рыжий – тухлый какой-то. Может он чего и надумал, но мы не отдадим нашу ласточку. Я поговорю с Матюшей...

– Не надо пока ничего говорить, – Ольга поспешно прервала диалог, рассчитывая минуты до появления незваных гостей (подозрительно долго задерживаются дамы), – посмотрим, как все получится, только вот он крови ее хочет.

– Господи, да как же это? Неужто, убить собираются?

– Ты не поняла. Он ищет её родственников, вернее, нашел уже, и теперь ему надо взять пробы на анализ ДНК, чтобы подтвердить родственность. Потом Астру должны будут забрать отсюда. Она уникальна – ее дар, ты знаешь, что с ним она становится дорогой приманкой для других. Её растратят, продадут, используют и выкинут, как ненужную куклу. Тем более, что её на свете как бы и нет совсем. Она – девочка из лесу – ниоткуда.

– Так Матюша и старается, чтобы она стала гражданкой, родственников найдет, разве плохо это? – Магда силилась понять, что происходит, но до неё никак не доходило, что проект «Астра» может быть настолько глубоко секретным и сокровенным. Ей виделась только внешняя сторона медали: заблудшая душа, сиротская доля.

Из коридора послышались твердые шаги. В дверь деликатно постучали.

– Магдалина! Мы ждем вас. Вы куда пропали? – Матвей Иванович нетерпеливо подергивал ручкой, но войти не решался.

– Та, щас! Идем уже...

За столом, накрытым по-сибирски разнообразно и сверх нормы (еды хватило бы на десятерых), сидели шестеро. Полковник Колечко, Магдалина, два сопровождающих его офицера, иностранец и Ольга. После двух-трех рюмок с тостами за здоровье гостей и хозяев офицеры вышли на перекур, и полковник доверительно презентовав своего гостя.

– Мистер Пол...

– Пол Уитмен, – подсказал ему иностранец.

– Пол приехал к нам в эту далекую и прекрасную Сибирь – изучить и понять то, чего мы достигли в познании грядущего. Он – президент Международной Академии инновационного разума, изучает, так сказать, глубокие излучины нашего мозга, – Колечко четко выговаривал непривычные для него слова, далекие от ментовского лексикона, было заметно, что он готовился к речи, – и я надеюсь, Ольга Григорьевна, что вы познакомите нашего зарубежного гостя с вашими наработками и достижениями.

Полковник поднял бокал на локоть, вытянутый параллельно полу. Так делают профессиональные гэбисты, выдавая тем самым причастность к теневому эгрегору власти.

– Олга! Гуд раша, – заулыбался рыжий агент, чем вызвал ответную сладкую до немоты гримасу хозяйки прогностического заведения.

– А я что-то не слышала о такой академии – инновационного разума! – ирония светской дамы за сверкала обнаженными ножнами белозубой улыбки, – как это понимать?

– Карашо, Олга, я могу опьяснять...

– Не надо, Пол, что ты можешь объяснить на русском. Говори на своем языке, Ольга Григорьевна тебя поймет. Но я и сам попробую перевести с пьяного на трезвый. В общем, Пол – это дипломат некой международной организации, изучающей сверхвозможности человеческого разума. Они очень хорошо платят, так сказать, за прокат уникумов, которых они дипломатично изучают, не причиняя им никакого вреда.

– Дэнги, к-карашо! – слегка икая, поддакнул рыжий.

– А кто конкретно интересуется нашего гостя? – Ольга вытерла губы салфеткой и вытянула когти маникюра, готовясь к схватке, как пантера перед прыжком. Магда почему-то начала волноваться, раскачиваясь на стуле. Это тоже насторожило Ольгу, видимо, колдунья что-то считала с ауры нежданного визитера, и теперь думает, как сказать и кому.

– Пола интересуют все, кто находится в вашем стационаре. Особенно спящая принцесса Астра!

Слова полковника вышибли пробку из бутылки шампанского с таким грохотом и шипом, что никто не расслышал стонущий «плач Ярославны». Ольга чуть не завывала, но пришлось сдерживать свои эмоции силой лицевых мышц. Полицейский говорил так откровенно, так цинично и в лоб, что, похоже, за ним стоят большие силы. Это выглядело как объявление атаки. Кого тут брать с боем? Две провинциальные дурочки, возомнившие себя богинями, морочат голову журналистам местного разлива – этикие сибирские Кассандры, ничего не смыслящие в мотивах Высшего Разума.

Дипломат инновационного разума расслабился, то ли от русской водки с хрустящим груздем, то ли от теплой обстановки сибирской глухомани, а, скорее всего, от полной обнаженности и незащищенности обстановки, с которую он попал, чуя запах легкой добычи. Однако он ёрзал, чувствуя кожей веснушчатой спины какое-то внешнее наблюдение. Малый зал был сопряжен с базовой Лабораторией, и в нём часто собирались участники проекта «Астра» на малый консилиум – по необходимости. Проход из зала был замаскирован под зеркало, и за ним располагалось пространство для наблюдения. Этот финт в своё время придумал Куратор, полагая, что в зале могут засесть разные эксперты, обсуждающие прогнозы и результаты исследований, и он хотел их не только слышать, но и видеть, да что там греха таить

– подслушивать. И этот маневр теперь использовала Кэт и не только по своей инициативе – она сама часто шпионила по приказной просьбе Куратора в его отсутствие, докладывая ему обо всех происходящих событиях. Теперь она следила только за Полом, ведь он был самой непредсказуемой фигурой в этом сложном сценарии человеческого театра.

Хитроватый взгляд узеньких глазок Пола выдавал едва скрываемое превосходство представителя высшей расы. В нем было что-то крысиное, мелкое и хищное одновременно, но сильное и неубиваемое. Этот тип будет регенерировать, даже если его разрезать на куски. Но Магда, ай, молодца! – быстро уловила суть обстановки и давай наливать, да подливать незваному гостю, реже подавая закуску. Ольга начала хохотать, шутить и веселиться, видимо, истерика давно просила выхода. В целом «праздник» удался. Истинные мотивы пришельца с противоположного континента были ясны, но подоплека полковника Колечко и доля его участия пока оставалась скрытой. Пола удалось убедить, что искомая им девушка Астра отъехала в город по своей надобности, и скоро будет, а пока он займется другими фигурантами, но это будет завтра.

ГЛАВА 13. СИНДРОМ ПОЛА

Раскрасневшись от ужина, Ольга вышла на крыльцо, оставив Магду, полковника и двух молодцев допивать и доедать щедрый стол. Накинув на плечи шерстяной палантин, она смотрела на луну, стараясь отыскать в её плачущем облике признаки жизни. Стоять в свете фонарей стало неудобно, ей захотелось пройтись, хотя бы до гаража, посмотреть, не прибыл ли Вадим – водитель Бориса. В темноте наткнулась на Катерину, которая уже стояла там, дрожа под ветром, видимо, ждала.

– Катюша, это ты? Вадим не вернулся?

– Тише! Вадим в гараже. Готовит машину. Настя у Маши, спит. Мы тихонько отъедем сейчас, а Вам пока здесь надо побыть, своих дожидаться. Да и гостей нельзя оставлять без присмотра.

– А где он был? Почему так долго? – Ольга вмиг протрезвела и плотнее закуталась в широкий шарф.

О! Ольга Григорьевна! – водитель вышел из освещенного гаража, распахнул двери, и оказался виден и слышен, что вызвало легкий испуг у женщин.

– Где Вас носило, Вадим? Мы тут чуть с ума не сошли. Заблудились что ли? Почему не позвонили?

– Телефон был вне зоны. С пути сбился, забрел не туда, в общем, по кругу ходил и вышел опять на своих. Там Борис Арнольдович и Иван Михайлович отыскали какую-то зону, в которой электроника не работает. Разбили лагерь, предлагали заночевать до утра, но я решил идти. Не мог же вас одних оставить. Вот, дали карту – сфоткали на мобилу, ну, и я пошел, и нашел.

– Ладно, проехали. Сейчас я выведу Настю, затем ты, Катя, пойдешь за сумками, ну, и в путь.

Ольга вернулась на исходную позицию и стала свидетельницей странной сцены. На ступенях крыльца хмельная Марья и угощенный крепкими напитками Пол сидели в обнимку пели. Причем, Марья орала дурным голосом «Шумел камыш...», а Пол подвывал, пытаясь перебить ее на «Подмосковные вечера». Как они нашли друг друга – непонятно? Разве похож это подвыпивший дурень на профессионального разведчика? Алкаш какой-то... Дорвался до сибирского гостеприимства и пошел вразнос, – думала Ольга. Как же она ошибалась...

Пройдя мимо парочки, устремилась прямо в вахтерскую кабинку, где спала Астри. Она лежала почти обнаженная, раскинув руки и свесив ноги на пол. Лицо ее было бледно. Ольга почувствовала сильный запах алкоголя, наклонилась к лицу Насти и... Ну, так и есть. Девушка была пьяна. Этого только не хватало. Видимо, Марья напоила её, стерва...

Ольга пожалела, что доверилась этой бабе. Не то, чтобы она была предательницей, скорее, наоборот, старалась выполнить задание. Только вот Катерина зря дала ей виски авансом. Душа не выдержала искушения, и вот результат. Напоили девочку. Это случилось в первый раз, и, конечно же, ей будет плохо, придется остаться до утра. Нужно как-то перетащить Астри до своей комнаты. Здесь оставлять ее опасно. Марья может забыть, что обещала ночевать на диванчике в коридоре, придет по инерции в свое жилище, да еще притащит своего новоиспеченного друга. Надо как-то разделить их, отправить Пола спать в свой коттедж. Как ни странно, Пол послушно повиновался предложению Ольги пойти отдыхать, чувствуя, как хозяйка заведения едва сдерживает свой гнев.

Пол Уитмен был далеко не так прост, как могло показаться с точки зрения неподготовленного к встрече такого рода агента. Ольга недооценила американского разведчика, пользуясь менталитетом русских спецслужб. Ей и в голову не пришло, что пьяный на вид фигурант только делал вид глупого иностранца, падкого до русской «бъелочки». Он хорошо изучил обычаи и традиции русских в разведшколе, и закосил «под дурачка», чтобы отвести подозрение. Сорокалетний внук нацистского офицера Шварца фон Шнейдера, взявший фамилию американской матери, унаследовавший ценнейшие архивы группы СС «Аненербе», считался профессионалом высокого класса в ЦРУ по делам особого рода, связанным с исследованиями феноменов мозга. Кроме того, он прошел все уровни эзотерической подготовки, и мог найти не то, что иголку в стоге сена, но и человека, где бы он ни находился, по особому запаху астральной матрицы. Этот нюх и привел его в разгаре застолья к вахтерше Марье, с которой он «загулял» не по-детски, прикинувшись

пьяным. Пока она пела, он отлучился за угол – по нужде – и добрался до Астры. Не то Мария проболталась, не то он сам догадался, что девушку прячут именно в этой маленькой комнатке, где бы её никто не стал искать. Гость (как в горле кость) ловко поставил девушке укол с транквилизатором и влил в рот немного водки – для запаха. На все про все потребовалось минут пять, – не больше. Марья не успела даже соскучиться. Она была его ровесницей, и ничто не мешало им пролить нектар внезапной любви на грешную землю. Но Пол был брезглив. Вернее, его брезгливость касалась исключительно уровня генного происхождения, истинности рода, особенно арийского. Он был убежден, что Арии – владельцы планеты Земля с её первородном виде, а все другие народы, понаехавшие сюда с других не слишком удобных планет, здесь – незваные гости.

Судя по записям его деда, которые он тщательно изучил и освоил целое учение на эту тему, за все время существования текущего цикла цивилизации планету Земля усиленно засеивали всякого рода человекоподобными существами, проводя глобальный вселенский эксперимент. Кто и зачем – остается пока неясным, в этом собственно и есть смысл дальнейшего продвижения проекта прямыми потомками с чистой арийской кровью. Дед Пола был убежденным расистом и считал, что китайцы, например, прибыли с очень агрессивной планеты, где было мало места, сколь-нибудь пригодного для их обитания. Поэтому скученность – это их природная форма жизни. Записано на уровне ДНК. На Земле нет такой острой необходимости сбиваться в кучи так плотно. Поэтому, если ночью рядом с китайцем нет плеча слева или справа, он не может спать спокойно и чувствовать себя в безопасности. Они выжили благодаря высокой рождаемости, которую здесь – в благоприятных условиях, побороть не могут до сих пор. Животные их родной планеты похищали детей в большом количестве, и это как-то регулировало популяцию, а на Земле они расплодились немеряно. Доказательством инопланетного происхождения желтой расы, по мнению экспертов организации, являются иероглифы – фракталы их фрагментарного мышления. Именно поэтому они стали первопроходцами в создании микросхем современных компьютеров. Японцы и китайцы – одна раса с одной планеты, на которой они были врагами. Бились за место под солнцем. А Солнце у них было яркое и – синее. Ультрамаринное Солнце. Японцы там были вроде элиты, они и сейчас на Земле также себя ведут. У них были территории лучше, места – больше. Однако скученность и сплоченность, муравьиная психология толпы, сотовые алгоритмы пчелиного улья превалируют в обеих странах. Или вот, например, арабы. Если посмотреть на арабскую вязь справа-налево. Это, как считал Пол,

и даже написал об этом диссертацию, истинное доказательство их инопланетного происхождения, то есть гостевого прихода на арийскую Землю. Что уж говорить о негроидной расе... Они уж заведомо произошли по Дарвину.

Сам Пол не был расистом, интересовался исключительно нетрадиционными способностями людей, изучал влияние на мозговую активность различных факторов, разрабатывал модели экспериментов по телепатии и телепортации, коллекционировал предсказания ясновидящих и медиумов – независимо от национальности и расовой принадлежности. Известие о том, что в Сибири есть Центр Реконструкции Будущего, и там находится уникальная сновидица, подобная Эдгару Кейси, способная видеть будущее в деталях, безумно заинтересовало его. Это было делом жизни, карьеры, научного интереса и, что немаловажно – огромной суммы, предложенной ему за доставку этой дивы по месту назначения. Но как? В России нет работорговли, невозможно украсть человека просто так – без криминала. Пол рыл глубоко, и вектор поиска привел его к полковнику Колечко, которому некто свыше посулил генеральские погоны за содействие названному лицу в поиске уникальной девушки. Он не мог противостоять этому, да, к тому же, и сам был заинтересован в раскрутке этого дела.

После знакомства с полковником в ЦРБ у Пола появился свой осведомитель, нетрудно догадаться, это был тот самый Псих, которого с легкой руки Олега Шилова укатали в психиатрическую лечебницу – на реабилитацию. Несмотря на приличный гонорар в пять тысяч долларов, что было для Психа запредельной суммой, превышающей все его мечтания, он все-таки украл у работницы общепита Людмилы золотой браслет с рубинами, и, повинувшись инстинкту белки, спрятал его в дупло (клептомания одержимого сексота впоследствии сыграла свою роль для развития сюжета). Дополнительно помощники полковника Колечко, закамуфлированные под публику Симпозиума, наставили жучков, что позволило Полу детально наблюдать происходящее в Центре, за исключением главной лаборатории, куда доступ был только по специальным кодам исключительно узкому кругу лиц. Подслушивающих устройств там не было, но зато они были в комнате Ольги, кабинете Бориса, в коридорах, в других доступных помещениях и лабораториях, что и позволило разведчику вычислить момент вторжения с точностью до минуты. Теперь у него оставались часы, чтобы завершить операцию и вывезти Астру из ЦРБ в заранее подготовленное для неё место.

Избавившись от коварного Пола, Ольга с Кэт попытались разбудить Астру, чтобы перевести её в комнату Ольги, но это было невозможно. Девушка спала мертвым сном, может быть, видела что-то

такое, о чем иностранный подданный не мог и мечтать. Попросили Вадима отнести её на руках. Здоровый мужик справился легко, положил девушку на широкую кровать Ольги и удалился. Кэт тоже пошла к себе, держа на всякий случай телефон в рабочем состоянии у самого уха.

Ольга взяла Настю за руку, чтобы контролировать ее присутствие, и постаралась заснуть. «Ну и денек был...», – последнее, что она сознательно осмыслила. Сон пришёл неожиданно, как и в прошлый раз, как будто кто-то переключил сознание в другую фазу рубильником. Так волею случая Ольга и Астра снова казались вместе в состоянии сна, который станет впервые их осознанным путешествием во времени.

На этот раз Астра была свободна от экспериментов, чип находился в пассивном состоянии, и она могла спать естественно. Снотворный препарат усилил эффект удаления от реальности, и Астра быстро нашла в пограничной зоне между сном и бодрствованием астральную проекцию Ольги. Они взялись за руки, причем, Астра была инициатором этого дружеского порыва. Они поменялись ролями. В тонком мире снов девушка была ведущей, а Ольга – ведомой. Это было взаимное согласие, нарабатанное еще во время их предыдущего путешествия, прерванного по вине каких-то темных сил. Астра вовлекла Ольгу в доселе неведомое пространство, где вершит мир совокупная мыслеформа недавно ушедших из жизни людей, чьи души еще находятся в промежуточном состоянии и «доедают» то, что не успели испытать при жизни – воплощают свои нереализованные желания. Это было настоящее пиршество человеческих фантазий. Яркий, пестрый Вавилон, где все появлялось, переливалось, исчезало и снова воплощалось – уже в ином виде. Но, что особенно впечатлило Ольгу, все было красивым и красочным. Здесь они попали в царство мечты, а о чем мечтают люди, – догадаться нетрудно. Множество пиршеств, празднеств, красивые дома, роскошные апартаменты, синтезированные чьей-то искусственной фантазией. Всюду открыты двери, город сверкает, как шкатулка с бриллиантами. Неожиданный восторг охватил душевное существо Ольги. Она летала, как ведьма... Это было необычайное ощущение. Могла залетать в дома, подглядывать за людьми, что они там делают. Астра с трудом удерживала её от любопытства.

– Нам не сюда. Людские сны – приманка. Долго здесь нельзя – нас могут заметить, – увещевала Астра слегка ошалевшую гостью сумбурной ирреальности.

– Кто заметит? Здесь так волшебнo!.. Так здорово. Я нравлюсь всем, – не унималась астральная Ольга.

– Все! Они идут, надо прятаться, – Астра была испугана и явно боялась кого-то. Там в этой ярком вавилонском столпотворении было много ловушек для незрелых душ, которые попадались в сети темных

сил – ловцов за ощущениями. Не без участия Астры что-то выдернуло Ольгу из этого пространства, и они обе оказались в стороне от мегаполиса в природной среде, которая клонилась в сумерки. Ярко зеленая трава поражала шелковистостью девственного покрова в лучах заходящего за горизонт солнца. Озеро отражало глубину неба и чистых вод. Цветы и деревья были изумительны. Ольга крутилась в потоке счастья, наслаждаясь свободой. Ей казалось, что она стала вихрем, похожим на торнадо, которое вьется в многомерном пространстве. И этот восторг мог бы длиться еще и еще, если бы не бдительная и опытная в подобных путешествиях Астра. Она дала волю новобранцу почувствовать и понять, что происходит за гранью реальности, но и пресекла ее. Ольга вошла в состоянии левитации, но уже не летала, а висела над озером. Перед нею – там, где начиналась немятая изумрудная трава, возник пространственно-временной портал, – точно такой, какой моделируют в фантастических кинофильмах. Радужное свечение сначала расширяется, в центре показывается четкий канал, как раструб воронки, он немного пульсирует, то сжимаясь, то раскрываясь, подобно гигантскому рту, – на это невозможно долго смотреть. Портал плавает – приближается и удаляется. В момент раздумий и нерешительности Астра довольно грубо и сильно толкает Ольгу в самый центр портала. Та успевает мысленно спросить ее: «Куда ты?..». «Я – к сестре...», – отозвалась Астра и стремительно с каким-то свистом унеслась в никуда.

Ольга оказалась по другую сторону портала и с ужасом обнаружила, что кругом непроглядная тьма. Ей еще в голову пришло определение «первородная». Однако она ясно чувствовала, что перемещается в большой скорости, а именно летит в громадной черной трубе – почему-то ногами вперед. В этот момент ей страстно захотелось увидеть хоть какие-то признаки света. Однако полет в темноте оказался томительным, долгим. Ужас безнадежности начал пронизывать все ее существо, но вот, кажется, появилась полоска – чуть светлее тьмы. Это почти неразлично – тьма во тьме, как Черный Квадрат Малевича. Засим стали показываться огни ночного города, железнодорожные пути, виадуги, транспортные магистрали, освещенные ленточным свечением светодиодных ламп. Ольга оказалась в большом городе, как и в потустороннем мире, куда ее завела Астра, и где ей пока не место. Она передвигалась, но больше скачками, прыгая с места на место, как по лунному грунту – с пониженной силой тяжести. Могла и летать, но низенько. На два-три этажа – не больше. Ей показалось, что она движется «против шерсти» – навстречу куда-то бегущей толпе. Это был не русский город. Все вывески – на английском, их можно было легко прочитать. Это Америка или Великобритания, Лондон или Нью-Йорк, – она так и не поняла. Нереализован-

ное любопытство повлекло её внутрь зданий и домов, где она нашла много разных комнат, жилищ. Там везде суетились люди, поспешно хватая вещи, сумки, таща за собой детей. Все это походило на внезапную эвакуацию. Ольга притормозила в одной квартире, где молодая женщина спешно собирала детские вещи. И вот – картинка, которая так четко отпечаталась в мозгу Ольги. Очень качественная мягкая мебель, покрытая толстым велюром бежевого цвета. Женщина в отчаянии пытается затолкать в сумку две подушки – зеленые с желтыми листьями, – красивые маленькие подушечки, но тут ее за руку хватает толстый полицейский-афроамериканец. Ольга точно запомнила надпись на его форме – police. Полисмен кричит, что через час-полтора здесь все будет затоплено. Бедную даму буквально отрезают от квартиры, волокут к лифтам. Там набралось много людей, они стоят в очереди, ждут подъема на крышу дома. Лифт постоянно останавливается, дергается, внутри гаснет свет, потом снова включается, но люди все равно рвутся в него, чтобы спастись от наступающей стихии. Ольге было горько на это смотреть, и она как-то сразу оказалась на крыше небоскреба, где проводилась эвакуация людей с помощью вертолетов. Вот мужичок-коротышка тащит на себе, как навозный жук, кучу баулов, за спиной рюкзак, в руках четыре сумки. Военные принимают его, жестоко отбрасывая его ношу на угол крыши. В углу скопилась груда всякого багажа, который был сброшен, чтобы облегчить вертолеты. Мужичок машет руками, орет, на его глазах выступают слезы. Группа людей, жестко выстроенных в очередь, вынуждена пропустить беременную женщину с пятью детьми, – их надо усадить в первую очередь. Но люди пытаются не пускать мамашу с выводком, военные буквально вталкивают её, оттесняя толпу. Вертолет взлетает, люди с надеждой смотрят в небо...

Скорее всего, это было до катастрофы – наводнения, вызванного цунами или тайфуном, – где-то на далеких берегах. Почему Ольгу занесло именно туда, где ее ни разу не было? После она с трудом вспомнит цифру 9 в конце года, но это 2029 год или 39-й – неясно. Это значение было на календаре. Ясно одно – это версия еще не случившегося события, вещий сон. Ольга вышла из него по своей воле, явно взмолившись выпустить ее оттуда.

ГЛАВА 14. СОН ВО СНЕ

В полусне Ольга пыталась нащупать руку Астры, но не нашла её. Провела рукой по кровати – нет! Внезапный страх окутал все её существо, но она не могла оторвать голову от подушки. Какая-то сила не давала ей проснуться, и она вновь провалилась в сон, только уже наполненный ужасом тревожно-го ожидания и поиска. Она потеряла Астру во сне,

то же самое произошло в реальности, теперь же, погрузившись в тупой искусственный сон, она продолжает звать Астру. Во втором раунде сонного поиска Ольга уже плутала по коридорам и комнатам ЦРБ, которые постоянно меняли свою конфигурацию, преобразуясь то в её собственную квартиру, то в рабочий кабинет. Ей все время кто-то мешал, она что-то теряла, даже видела Астру мельком, но как только приближалась к данному месту, девушка исчезала. Ольга металась в постели, переживая ночной кошмар, но Астры и в самом деле не было рядом. Её похитили, а спящей Ольге наложили на дыхательные пути мягкую салфетку, пропитанную сильнодействующим снотворным эфиром.

Пол учел все, но не мог рассчитать дозу препарата для Ольги. Она оказалась сильнее, чем он думал. Плутая во сне, Ольга вдруг отчетливо начала осознавать, что ей надо немедленно проснуться. Вот она «проснулась», оделась и выбежала в коридор, потом спустилась по лестнице, уперлась во входную дверь. Та была заперта. Ольга начала неистово колотить её, что-то тяжелое рухнуло рядом, это была швабра. Теперь она вооружилась новым оружием и продолжила воевать с дверью, пытаясь кричать и звать на помощь. Но крик был тихим, не мог вырваться из груди, несмотря на дикие усилия. Она не слышала своего голоса. Это пробуждение во сне. Теперь надо сделать адское усилие над собой, чтобы вернуться в реальность... И вот, наконец-то крик вырос, и она проснулась на самом деле, оставаясь пока в бессильной в полудрёме.

Напрягая всю свою волю, Ольга повернула тело вдоль оси и нарочно упала на пол. Падение отрезвило её. Она поднялась на колени, с трудом встала и, держась за мебель и стены, добралась до ванны. Там она долго чистила желудок, потом поливала голову холодной водой, и, когда уже почувствовала, что может управлять телом, залезла в ванную под прохладный душ. Мозг лихорадочно искал снадобье, которое помогло бы избавить её от токсинов. И это голубой эфир – без вариантов! У неё была запасная колба в ящике туалетного столика. Добравшись до колбы, она вдула её в легкие и упала спиной на кровать. Не прошло и пяти минут, как тело осыпал звездный озноб. Её трясло, но это был хороший признак. Она быстро пришла в себя, хотя позитивного эффекта от эфира не получила, – он только компенсировал утрату энергии и жизненной силы. К эфиру Ольга добавила еще пилюлю «Антисон» – средство для снятия сонливости, которое буквально расклеивало слипшиеся мозговые клетки, желающие спать. Далее повторила тот же маршрут до двери, нашла ту же швабру, и – замерла. А вот это уже реальность! И как же она могла знать, где лежит эта швабра, и почему она вообще тут находится? Ольга впервые столкнулась с феноменом путешествия во сне с такими бытовыми подробно-

стями. Теперь у неё есть доказательство, что астральный двойник может гулять, где угодно, и видеть подробности, имеющие место быть. В этом оцепенении её и обнаружила Мария, разбуженная возней у входной двери. Хозяйка сидела на скамейке при двери, держа перед собой швабру, и тупо смотрела на неё.

– Ольга Григорьевна! Что с Вами? Может помочь? Давайте, я помогу Вам встать.

– Марья, откуда здесь эта швабра? – Ольга произнесла вопрос жестко, как на допросе.

– Да так. Собак отгоняю. Ходят тут две приبلудные. А что?

– Странно. Мне только что снилось, что я нашла эту швабру...

– Так уберу сейчас. Дайте мне.

Мария попыталась отобрать хозяйственный предмет у Ольги, но она вцепилась в неё крепко, удерживая между ног, и повторяла:

– Так не бывает. Этого не может быть... Не может быть... Не бывает.

Мария впервые видела Ольгу в таком состоянии: плащ, накинутый на ночную сорочку, распухшие веки, растрепанные волосы. Поняла, что с ней что-то не так. Быстро согрела крепкого чаю, принесла, дала отпить.

– Спасибо. Хороший чай. Марья, а ты не видела Астру?

– Так вы же сами её забрали к себе. На руках Вадик и отнес.

– Я проснулась, а её нет. Куда она могла уйти?

– Ольга все еще находилась не в адекватном состоянии, и её логика была незатейливо простой, – пойдешь, разбуди Катю и еще – Зару. Скажи, что Астру похитили. А я пойду в Кабинет. Приведи их.

– Так может Магду разбудить?

– Нет. Магду не надо. Только Зару.

Катерина быстро привела Ольгу в порядок, хотя сама была в состоянии пагубной тревоги. Она только что узнала, что Астры нигде нет. Дело принимало криминальный оборот, а мужчин, которые бы могли защитить их, как назло, не было. Им обоим было невдомёк, как так могло получиться, что в одночасье ушли все, оставив Астру и своих подруг наедине с опасностью. Мистика какая-то! Впрочем, мистикой был пропитан весь Центр.

В Кабинет вошла Зара, потряхивая в руках старые карты Таро. Хорошо, что она была жаворонком, и в этот ранний час – около пяти утра, могла уже что-то соображать, хотя сеансы она проводила не ранее пяти вечера. Хозяйка редко обращалась к ней за помощью, ведь у неё в придворных дамах была Магда, и все другие мистерики немного ревновали по этому поводу. Но вот – и её позвали, значит, нужной стала цыганка Зара. Наверное, дела любовные. Ходили слухи, что директор увлекся тут одной молодой с нетрадиционными способностями.

– Зара, прости, что так рано, но дело срочное. У нас похитили Астру, и мы догадываемся, кто. Надо бы раскинуть, посмотреть, что могло случиться, и где она может быть. Очень прошу, – Ольга Григорьевна, видимо, очень спешила, не рассказала подобно всю предысторию, Зара вообще не была в курсе, что делалось в Центре, какие кто плёл интриги и почему начальница так волнуется. На что сдалась ей эта Астри? Но цыганка знала свое дело, особенно по картам Таро – наследственное умение передалось ей от бабушки.

Зара, не спрашивая лишнего, разложила простой Кельтский крест, посмотрела – информации не хватает – перешла на Триадаический Кельтский крест. Карты путались, озарения не появлялось. Зара начала немного нервничать, ведь ей хотелось сделать работу хорошо. Но что-то мешало. Ольга встрепенулась, нащупала в кармане заранее подготовленную пятитысячную купюру и подала гадалке. Богиня Таро не вещает без монеты, как же она об этом забыла! Зара оживилась. Глаза заблестели, прорезалась первая идея, как молния, как меч.

– Она рядом! Её украли, но не увезли. Вот карта Луны – означает, что она ходит спящая – как лунатик. Это высшее посвящение дается пророку, сумевшему познать Вселенную и готовому к переходу через бездну. И еще – она, как Верховная Жрица, – сакральна на темной стороне Луны, где есть её двойник – Лилит – дочь Дьявола – покровительница плотского желания и разврата...

Ольга и Кэт были поражены сказанным. Так точно и кратко описать ситуацию с Астрой не мог никто. Но в данный момент им нужно было элементарное расследование. Ответ на вопрос: где?

Зара поняла, кивнула. Попросила зажечь три свечи, видимо, ей не хватало ритуальных реквизитов. Отложила карты, взяла чистый лист бумаги, начертала на нем какие-то символы, смяла листок, подожгла с трех сторон и спалила на металлическом подносе, шепча какие-то заклинания. Ольга знала эту технологию, но сейчас не вмешивалась. Зара долго задувала пепел, потом смахнула его в открытое окно и повертела поднос под лампой, разглядывая следы, оставшиеся от сожженной бумаги.

– Она с мужчиной. Нет, там два... три мужчины. Двое несут ее, и ей плохо. Вижу шприцы, кровь. Обморок...

Ну, нет! Хватит. Ольга сорвалась спасать Астру, но Кэт опередила её у двери.

– Не надо сейчас. Надо все обдумать, сначала поищем её, понаблюдаем. Кажется, я знаю, где она может быть.

Кэт взяла Ольгу в оборот, погасив её внезапный порыв. Она никогда не видела хозяйку ЦРБ в таком неуправляемом импульсивном состоянии. Видимо, Орлова все еще не могла толком прийти в себя от

препарата. Затем они отпустили Зару, и вместе пошли в гостевой отсек, где был поселен американский гость. Ноги дрожали, колени подгибались. Им было страшно, не только потому, что они наделали глупостей, совершили целый ряд непростительных ошибок, но и потому, что подсознательно боялись этого человека стыдливой наружности, в душе которого стоял жестокий лед потенциального убийцы. Утро слишком раннее, чтобы тревожить постояльца, но Кэт стряхнула робость и настойчиво постучала в дверь. Тишина... Опять стук, и снова ни звука в ответ. Наверное, спит. Но как? Если Астри там – с ним, как нагадала Зара, то это гадость – спать с девушкой в одном номере. Но это было бы слишком просто.

В растерянности, подружки побрели назад, обдумывая дальнейшие шаги. Зря они не спросили гадалку, что делать. Ольга не была готова пойти к Магде, подозревая, что она не одна, раз уж так ждала своего полковника, но и предположить, что она там млеет от него на фоне происходящего, тоже не решалась. Она еще не знала, доверять ли Магде теперь, когда её полковник, возможно, причастен к покушению. В утреннем мраке было серо и холодно. Но Магда уже сама спешила к Ольге. Шла через двор, накинув на плечи шаль, в расстегнутом пальто и с распущенными волосами. Ей надо было до пробуждения Матвея Ивановича донести главную новость, предупредить, что с Астрой. А то Ольга проснется и ее охватит ужас: украли, похитили! И так уж натерпелась, бедная...

Они встретились в фойе, как будто договорились. Ольга предложила пойти к ней, но Магда приложила палец ко рту и шепнула, что там слушают. Повела их в сторону столовой. Пройдя через общий зал, завела Кэт и Ольгу в подсобное помещение для хранения баков, чуть не опрокинув нагромождение из алюминиевых кастрюль. Там на старом диване иногда грешили курением столовские работники, попивали по вечерам. Магда, конечно, знала об этом, как и все старожилы. И вот теперь убежище понадобилось, чтобы посекретничать.

– Все ваши комнаты прослушивают. Нельзя там ничего говорить. Ключи тоже сделаны – дубликаты. Но в те двери, которые картами открываются, они не войдут. Вашу открыли. Астри сама ночью вышла из вашей комнаты и пошла бродить. Тут её и подстергли – караулили, видно. Увели касатку, но она где-то здесь, пока не знаю, где.

– А что они с ней сделали? И кто это увел её?

– Мой-то со мной был. Я ж ему говорила, что этот рыжий – плохой человек, я теперь знаю. Он опыты делает над людьми, и за ним призраки стоят толпой. Вот такая картина мне представилась, как я только его руку тронула за столом – будто нечаянно – так она (картина) мне и раскрылась. Будто он, – Магда перешла на шепот, хотя в этом не было необходи-

мости – далеко и глубоко закрылись заговорщицы, – женщин восхищает собой, а потом выспрашивает, что они видят. Опыты проводит разные. И они – эти жрицы, умирают от любви, как заговоренные, присушенные. Так и стоят за ним – эти призраки...

– Да как же можно его любить, он страшнее ядерной войны. Чем это он на них воздействует?

– Гипнозом. Внушает любовь, а потом приворотом действует. Черная магия и мужская – червонное колдовство – прикипает баба, как тесто к печи, не может оторваться. Её ломает, а она все равно готова на всё.

– Так он и Астру приколдует. Если уже не...

– Пока что им нужна ее кровь, и они ее взяли – на пробу и анализ.

– Он, по-твоему, только с женщинами работает?

– Да, специализируется по женской линии. Мы легче поддаемся внушению.

Женщины договорились, что каждая сейчас будет вести себя по своему сценарию. Разобравшись с Магдой, Ольга усиленно вспоминала, что и где они говорили группой и что делали наедине, и с каких пор в ЦРБ завелся крот, который проставил «прослушку». Возможно, жучки здесь завелись еще до Симпозиума, а может быть и позднее – во время оно. Сколько здесь народу крутилось, разве за всеми уследишь...

Успокоившись немного, что Астру не вывезли с территории Центра, Ольга направилась к себе, чувствуя себя разбитой и несчастной. Несколько раз по пути пыталась дозвониться до Бориса, других членов команды, но все телефоны предательски молчали и были «вне зоны». Всего-то семь часов утра, а уже столько событий! Орлова отворила дверь ключом, думая о том, что надо срочно поменять замок. В такую рань осенью утром еще темно. Она включила нижний свет, чтобы не ослепить себя, и правильно сделала, потому что свет мог ослепить не только её глаза. На постели лежала Астра...

Прикрыв невольный вскрик ладонью, Ольга медленно подошла к ней и прислушалась к ее дыханию. Оно было ровным, девушка спала – глубоким сном. Тихо, чтобы не пробудить ее, Ольга медленно прилегла рядом. Так вот как оно случилось: пока они проводили свое расследование, Астру забрали, проделали с ней какие-то процедуры и вернули, как ни в чем не бывало. Хорошо, что они не подняли панику раньше времени. Страх и тревога отошли, но это ничего не значило. Теперь надо было приводить в действие план побега. Видно, похитители не хотели вводить хозяйку в курс дела, и можно сделать вид, что ничего не произошло. Отдохнуть бы, – подумала Ольга, – да нельзя. Скоро народ проснется, и надо быстро делать ноги, пока эта зондер-команда не выкинула еще какого фокуса. Теперь у них в распоряжении кровь Астры, они сделают анализ, что

позволит им идентифицировать её личность. Дальше – дело техники. Отберут девочку решением суда и передадут родственникам, хотя она – совершеннолетняя, и могла бы сама принять решение, где ей жить. Дело отягощалось тем, что, с точки зрения стандартов социального поведения, Астра была не совсем нормальной, и любой психиатр мог бы поставить такой диагноз, после которого её просто загребут в психиатрическую больницу, начнут колоть, лечить, – самое страшное, что может с ней случиться. Ладно бы, если б в этом деле был замешан только местный полицай. С появлением иностранного агента перспектива раскрывается совсем иная: как только её – под любым законным предлогом – вывезут с территории Центра, найдется причина вывезти из страны, хотя бы под видом лечения ее «сложного психического заболевания». И добрый дядя уже есть, и денег у него достаточно.

ГЛАВА 15. В ПОДЗЕМНЫХ ЛАБИРИНТАХ

Команда Куратора, вышедшая за день до вышеописанных событий в поход, к вечеру разбила лагерь недалеко от того места, где Иван Забродин обнаружил аномальную зону. Романтика пути, интригующие перспективы разбередили воображение мужчин, и им хотелось поскорее приступить к исследованиям. Решили выступить в поле рано утром. Азарт долго не давал им уснуть. К своему сожалению, они тут же обнаружили, что связи нет, несмотря на то, что в арсенале было как минимум три провайдера на разных телефонах. Через три часа после того, как спешились и поужинали, вернулся заплутавший водитель Вадим, и его надо было срочно отправить обратно, снабдив картой, чтобы он поскорее отвез женщин в город. В связи с его задержкой, команда заволновалась, но ненадолго. Столбовое спокойствие стояло в воздухе, как осенний туман, особенно густой в эту пору в вечернем лесу. Пахло мокрой листвой, пряной хвоей, грибным духом. Ничто не предвещало беды. Борис смотрел на Забродина, с удовольствием наблюдая, как тот ловко управляет с костром, котелком и прочими причиндалами рыбака-охотника. По всему видно – лесной человек. Ведьмак был уверен в себе и молчалив. Олег Шилов помогал таскать хворост в костер, потом долго возился с радиоаппаратурой, которая работает на частотах малого диапазона, чтобы каждый имел связь с другими членами команды. Знаменский спорил с Ароном об устройстве Вселенной.

– И все-таки пришельцы – это не инопланетяне, а иновременяне. Они иные, потому что их нет в нашем времени. Возможно, пришельцы из будущего, а может быть – и из прошлого. И все они – фантомы, то есть для нас – не материальны. Люди находятся в заблуждениях относительно прошлого, полагая, что спираль эволюции идет только по восходящей

– от низшего к высшему. Но это не всегда так. Не исключено, что прошлое более совершенно и развито – и в плане разума и в отношении уровня развития гуманоидов, а мы, на фоне научно-технического прогресса, деградируем как гомосапиенс, – рассуждал Знаменский, ворочая угли в угасающем костре. Арон терпеливо слушал, сдерживая стремление возразить и вставить свое слово. Наконец-то профессор сделал паузу, и младший сотрудник привел свои аргументы:

– Вселенская спираль идеально отражает потоки и волны времени. Все идет не случайно. Вот Вы говорите «может то, а может это». Однако все развивается гармонично и закономерно. При этом расширение спирали по геликоиде происходит одновременно с втягиванием ее «хвоста» внутрь улитки, куда тянет его энергия «черных дыр» – самых мощных генераторов вселенского движения от материи к антиматерии. Плотная материя, которую мы можем осязать или наблюдать, существует в очень узком диапазоне, где атомы расположены достаточно близко друг к другу, но и не слишком далеко, чтобы образовать молекулы первичного вещества. Эти молекулы под воздействием сил притяжения в строго определенной полярности формируют структуру материи по принципу самодвижения фракталов. «Черная дыра» – это, по сути, мега-материя, в которой межатомное пространство сведено к нулю, и частицы уплотнены до предела. А вакуум – вмещилище тонкой материи, в которой могут существовать души, а также иные, пока не известные нам субстанции, возможно, более тонкие, чем те, что мы называем призраками, сущностями или духами. Существует абсолютный вакуум, где расстояние от атома до атома практически бесконечно. Я думаю, что там и есть абсолютный ноль, равный абсолютной материи.

– Ты хочешь сказать, что мега-материя «черных дыр» равна нулю?

– Да, именно там, внутри черных дыр пространство прорывается в бездну – в бесконечность, там вход и выход одновременно и единоместно, как собственно и вся Вселенная...

Забродин слушал весь этот спор, не считая его бредом, не вмешивался, изредка ухмыляясь, как будто сам знал истину. Порой поднимал удивленные брови, скорее, соглашаясь со спорщиками, чем недоумевая. Он как-то сам научился управлять временем как энергией и понял простую истину: нельзя забегать за красные флажки или заплывать за буйки, имея в виду, что есть пределы этого управления, неподвластные человеку в его плотном теле, но практически безграничные для мысли. Он мог бы сказать свое мнение, но оно уже потонуло в брэнности бытия. Картошка в углях созрела, источая тонкий аромат пропеченной шкурки.

– Ну, господа, навалимся на картошечку. Хороша, горячка! – Иван Михайлович выкатывал горячие картофелины на траву, чтобы они остыли. Знаменский пытался брать их рукой, обжигая пальцы. Олег подбросил в костер хворосту, чтобы вскипятить чай, хотя в термосе был кофе. Но его как-то не хотелось. Все они, кто от науки, а кто из органов, давно не были вот так – на природе, хотя она всегда под боком. Так за разговорами потихоньку сомлели и укутались в спальники в шестиместной палатке. Забродину не спалось.

Иван прислушиваясь к гулкой лесной тишине, думал о том, как поведет спутников в «зону». Справятся ли они с той силой, которая там есть? Лес шелестел, стонал стволами сосен, ухал и гукал, что могло бы вызвать жуткий страх у любого бодрствующего человека. Но Забродин не боялся шорохов, сам долго жил один в лесной избе и знал язык ночного леса. Не этого он опасался. Душа бредила тревогой, еще не вполне осознанной, но внятной. Ему казалось, что в Центре что-то не так. Астра была активной, её поле он чувствовал на расстоянии. Понял, что она и другие женщины в опасности. Постарался измерить – не смертельно. Под утро тревога улеглась, нечеткая информация сложилась в четкую картину.

– Гости у нас в Центре, незваные гости, – первое, что сказал Забродин проснувшимся коллегам.

– Как узнал? По астральному каналу связи? – спросил Борис, ёжась от утренней прохлады.

– Те, кого ожидали, прибыли, а наши девчата не успели уехать.

– Хорошо, что мы можем и без связи обойтись – с твоим даром, – благодарно заметил Борис, – буди спорщиков. Спят без задних ног. Так и не решили, есть ли жизнь на Марсе...

Все проснулись. Молча пили сохранивший температуру крепкий кофе, припасенный, как нельзя, кстати, заботливым Куратором. Долго думать было некогда. Надо принимать решение: либо возвращаться назад, либо идти вперед. Борис был склонен вернуться, поскольку романтика трудных дорог его не так прельщала, как остальных членов экспедиции. Он уже пожалел, что рванул из Центра по первому зову Забродина, больше похожего на Сусанина. Надо было сначала обезопасить женщин. Он мог бы и теперь приказать всем быстро собраться в обратный путь, но решил все-таки выслушать все за и против. Знаменский, Арон и Шилов были настроены по-боевому, им возвращаться не хотелось. Они понимали, что воронка событий может завести их в путину неотложных дел, а потом, когда наступят холода, уже не выбраться, да и без Забродина тут делать нечего. Решающее слово было на этот раз за Иваном, и ему пришлось напрячь свои извилины, впасть в транс (или – что там еще делают маги

в таких случаях), чтобы понять, насколько опасна ситуация, в которой оказались дорогие им подруги. Борис улыбнулся про себя: первый раз, когда их команда разделилась по гендерному признаку, причем совершенно случайно. Здесь была бы уместна спортивная Кэт, да и Ольга спокойно выдержала бы все испытания. Астру все воспринимали, как нежное комнатное растение, но еще не знали всех её способностей. Забыли, что она жила у монаха в глухом лесу. Лесная дива еще даст им фору! Но это будет потом, а пока они стоят на распутье, соображая, что делать дальше. Время снова подбросило им выбор, и он был радикальным. Пока собирали бивуак, складывали вещи, прошло часа два. В Центре тоже все успокоилось, и это немедленно почувствовал Забродин. Он и решил: надо идти. И все послушно приняли его волю и пошли за ним.

То место, которое волновало Забродина, было недалеко – километр, не более от их кострища. Он шел впереди, держа в одной руке рамку, в другой – компас. Поворачивал ход в ту сторону, куда приборы показывали наиболее активное поле. И вот он встал, как вкопанный. За ним остановились и все члены команды. Компасная стрелка вращалась в разные стороны, как это бывает в магнитной аномалии. Рамка вытянулась струной в сторону северо-востока и никак не хотела поворачиваться в другую сторону. Иван определил верное направление. Идти стало тяжелее. Под ногами все чаще попадались камни, валуны, поваленные стволы деревьев. Но тягость была не от этого. Сам воздух, казалось, придавливает их к земле, как будто сила тяжести увеличилась вдвое. Лес стал редеть, экспедиторы сверились по карте и поняли, что идут к берегу реки вверх по течению. В скором времени они вышли на плато, возвышающимся над крутым обрывом. Под ногами бурый гранит, проросший местами колкой бурьянной травой. Вокруг гуляет острый холодный ветер, с востока поднимается солнце, распалая облака серо-розовым подсветом.

Забродин повертел головой, как будто настраивал пеленг, застыл, потом наклонился и засунул руку в глубокую трещину меж камней, что-то нащупывая вслепую. Наблюдая за его действиями, члены экспедиции поняли, что чужак-человек нашел то, что искал. Он поднял что-то вроде слюдяного камня, засверкавшего в утренних лучах голубоватым блеском.

– Думаю, что это осколок метеорита. Где-то здесь должна быть целая глыба, но ее нет. Куда-то спряталась. Надо искать, – твердо сказал Иван, заворачивая каменную находку в кусок фольги. Арон уже вытащил и настроил прибор для измерения радиации. Радиоактивный фон был немного выше нормы, но вполне допустим. Кусок найденного образца (метеорита) был относительно безопасен – на первый взгляд. Его надо будет изучить в лаборатории под микроскопом,

а пока он нашел свой приют в рюкзаке Забродина. Группа разделилась на две части, каждая из которых намерилась спуститься с возвышения к берегу реки, что было непростой задачей для той и другой стороны. Берег был неприступен. Кое-где он почти вертикально обрывался каменной глыбой, под которой пенились холодные синие волны Енисея. Не было ни единого шанса найти устойчивый сход, чтобы посмотреть утес со стороны реки или спустить на воду надувную лодку – для этой же цели. Команда надеялась, что под крутым гребнем, нависающим над поверхностью реки, есть грот. Об этом свидетельствовал вьющийся бурной воронкой затон и птицы, исчезающие под глыбой непонятно куда. Вернувшись на исходную позицию, решили спуститься вертикально на канате, используя альпинистское снаряжение. Первым пошел самый легкий и спортивный член команды – Арон. Надежно укрепив стропы каната, для чего Олег пробурил перфоратором отверстия для винтов с креплениями, обвязали Арона, как парашютиста, крест на крест, крепкими лентами, надели – на случай обрыва – спасательный жилет и спустили первопроходца вниз вместе с прикрепленной к головной части видеокамерой. Спуск был крутым – не менее пяти метров. Арон завис почти у самой воды, не проявляя никакой реакции, и только у самого берега под нагромождением коряг из корней вековых деревьев, застрявших здесь, разглядел темную щель, в которую легко мог поместиться один человек. Он дал знак, чтобы ребята приспустили канат, и, цепляясь за коряги, подтянул тело к расщелине и ступил в нее, закрепив крючки изнутри. Не снимая обмундирования, попытался пролезть внутрь, насколько возможно, засветил фонарь и взгляделся в темноту. Это была необитаемая пещера с расширяющимся ходом вглубь. Под ногами бурлила вода, стекая ручьем в реку. Но по краям этого пещерного ручья плотно лежали плоские камни, по которым можно было пробраться дальше и выше.

– Что там? Как ты там? Что-то есть? – сразу несколько вопросов посыпались сверху по звуковым каналам связи через наушники.

– Это большая пещера. И ход есть дальше. Надо бы всем спуститься сюда. Вот навожу камеру на камни под ногами. Первое открытие – они плоские, как будто кто-то их специально мостил здесь. Уверенно могу сказать: это рукотворные плиты. Размер – примерно 50-на 50 см. Похоже, здесь кто-то был до нас.

– Давай, открепляйся, сейчас Шилов пойдет вторым, принимай друга! – командовал Борис.

Всем стало ясно, что кто-то должен остаться наверху, чтобы потом вытащить всех остальных из пещеры. И, как бы это ни было странно, им вызвался быть Забродин. Он пояснил, что будет видеть все через них – и потом – можно поменяться. Борису стало не по себе. Быть лидером в темной пещере он

был не готов. Здесь нужен именно опытный первопроходец, к тому же владеющий технологиями превентивного обнаружения опасности. Иван понял и кивнул, ладно, мол, оставайся здесь. Как бы ни было интересно Брусилову спуститься вместе со всеми в темный грот, он понял, что должен остаться на поверхности как страховщик. Кабинетный житель вообще был не склонен искать себе приключений на мягкое место, ему было непонятно, почему он здесь, когда нужен там, где остались Ольга и Астра. Но и отсутствием интуиции тоже не страдал, а она ему подсказывала, что все идет так, как и должно быть.

Постепенно все члены команды, кроме Бориса, спустились в жерло загадочной пещеры. Шли осторожно, вспугивая летучих мышей и иных тварей, прижившихся в этом укромном месте. Изредка переговаривались, нервно шутили. Место было и впрямь невероятно труднодоступное. Шилов мысленно прикидывал, сколько потребовалось усилий, чтобы вымостить дорогу длиной в несколько сотен метров внутри скалы, и сколько вынуть камней, чтобы создать туннель для прохода. Было очевидно, что они идут немного вверх и влево – в сторону Центра. Забродин ставил метки на выпуклых сколах люминесцентной обрывной лентой, хотя лабиринта с разветвленными ходами не наблюдалось. Кромешная тьма, освещенная туристическими фонариками, качалась перед глазами. Арон задел каской какой-то предмет, висящий на уровне головы. Это был плафон от лампы военных времен – до или после нее, сказать сложно. Дальше попалась еще одна лампа, потом еще. Всего шестнадцать. Кто-то когда-то освещал этот путь, но куда? Страх, смешанный с любопытством и азартом искателей гнал группу товарищей вперед, усыпляя бдительность. Иван заметил, что голосовые сообщения сверху еле слышны, вскоре они совсем затухли. Знаменский постоянно поскользнулся на мокрых камнях и шел, держась на стены, если их так можно назвать, постоянно стряхивая руки. «Чистюля, – с иронией подумал Шилов, – привык к лабораториям с пробирками, брезгует...».

Резкий крик профессора разорвал вековую тишину.

– А-А-А!!! Больно как... Кажется, меня кто-то укусил, – согнувшись от боли, орал Знаменский.

– А ну, посвети! – приказал Иван Арону, охватив профессора крепким ручным сцепом, – где она, змеюка?

– Рука, кажется, рука, – стонал ученый, стараясь обнаружить точное место укуса. Рана была небольшой, но сильно кровоточила. Забродин жестко надавил на место ранения, и резким движением вытащил из мышечного зажима большую зубчатую кость, похожую на челюсть огромной щуки.

– Хорошо, что не змея, – засмеялся Иван. Но вдруг нечто острое, как озарение, заставило его

засунуть руку в рюкзак, нащупать там кусок метеорита, достать его, развернуть фольгу – и все это в неудобно позе под слабым светом – и наложить космический камень на рану первого пострадавшего.

– Хорош экспериментировать на мне, я кажется, не кролик! – засомневался в правильности выбора действий спасенный профессор.

– Тихо, обожди. Надо проверить, то ли это, что я думаю...

Все ждали. Прошло, по их понятиям оценки времени минут пять. Арон усел вытянуть бинты из медицинского пакета, намазал их мазью с антисептиком, чтобы после ритуального наложения куска метеорита на больное место сделать хоть одно полезное дело. Но, к его изумлению, действие не понадобилось, поскольку кровь из раны чудесным образом свернулась на их глазах.

– Да ну да! Этого не может быть. Мгновенная регенерация, как в Голливудских фантастических триллерах. И что это было? – спросил Забродина виновник события. Ведьмак пока и сам не знал, чем объяснить феномен, но действовал, словно по чьей-то подсказке. Все отметили, что уникальность увиденного блекла по сравнению с тем, как бы это было воспринято на поверхности. Здесь, внутри пещеры, люди были готовы к любым чудесам, и они не заставили себя ждать. Медиум явно что-то почувствовал, и попросил всех на минуту выключить фонари. В наступившей тьме кусок метеорита пульсировал фиолетово-голубоватым светом, как крошечная луна на ладони человека. В тишине слышался каждый шорох, и капли, падающие сверху, отзывались гулким эхом.

– Слышите? Вы слышите этот звук? – шепотом спросил Забродин у своих спутников. Все прислушались, и Арон, несмотря на недавний ор профессора, тихо, как будто кто-то мог их обнаружить здесь, заметил:

– Какой-то писк. Ультразвуковой диапазон. Мне что-то не по себе...

– Это Он! Он зовет нас, – констатировал Забродин, глядя ладонью метеоритик, – почувял свою родню, вот и пищит. Было ясно, что под «родней» он имеет в виду материнскую глыбу, находящуюся, судя по всему, где-то недалеко. Путники снова включили свои светильники, но один из них никак не хотел включаться, несмотря на полный заряд.

– Ну, началось... – Иван Михайлович, не скрывая радостного возбуждения, оглядел встревоженную команду и понял, что товарищи не готовы к дальнейшим испытаниям светом, вернее, темнотой, которая вот-вот нагрянет, – Заряд батареек скоро иссякнет. Поле сильное. Надо, пока лампы горят, сделать факелы. Вот, я тут припас пропитанный маслом войлок, надо только найти палку и закрепить. И в этом-то вся проблема...

– Палок здесь нет, там, ближе к выходу были, надо было раньше брать, а теперь опять возвращаться?– Арон достал свой Тор и подключил систему трехмерного сканирования – на всякий случай. Прибор тоже излучал кое-какой свет, и что-то можно было разглядеть. Но и этого заряда хватило бы ненадолго. Ничего аналогичного палке вокруг не было – одни камни.

– Ладно, брат, надо идти, может, там впереди найдем какую-нибудь железку, – Шилов подумал, что старые светильники, установленные вдоль тоннеля по стенам, на что-то крепились, и там может быть кусок арматуры или что-то в этом роде.

Команда побрела вперед, руководствуясь больше надобностью, чем желанием. Азарт пропал. Идти становилось все страшнее, тревога наполняла души, но, поддерживаемые долгом и честью, мужчины медленно продвигались по маршруту, и каждый искренне сожалел о палке, которая могла бы пригодиться как посох в этой темной скользкой пещере, могла бы стать и черенком для факела. Вот так поворачивается ход событий, когда одна простая вещь вдруг становится единственно важной. Олег Шилов вспомнил, как однажды завис в открытом море – отстал от прогулочного катера, занимаясь дайвингом, и его отсутствие не заметили, уплыли. Восемь часов он болтался на волнах, не зная, куда плыть. И его единственным желанием было найти крепкую нить или шнур, которым он мог бы закрепить оторвавшийся трос от кислородного баллона, чтобы просто освободить руку для плавания. Всего лишь шнур... Но его не было, и никак нельзя было его изготовить – даже из волос. Его, конечно, нашли, но эпизод был записан камнем на камне в его памяти. Нельзя пренебрегать мелочами!

Грот и пещера давно закончились, и путники поняли, что стены и потолок тоннеля стали теснее, ниже. И это уже не камень, а бетон, а кое-где – глина, довольно плотная и сухая. Вышел из строя второй фонарь, и команда стала еще более осторожной. В полутьме не все сразу заметили, что впереди их ждет препятствие, пока не уперлись лбами в чугунную решетку. Да, в этом месте их путь закончен. Дальше прохода нет. Тот, кто построил все это, не планировал дальнейшего впускать кого-либо внутрь подземелья.

ГЛАВА 16. НЕПОЗНАННОЕ ЧУДО

Члены экспедиции, встретив неожиданное препятствие, исследовали решетку со всех сторон и пришли к выводу, что её не открыть. Она как будто замурована или запаяна – нигде нет ни замка, ни щели. К тому же третий фонарь стал давать сбой. В команде началась тихая паника. Решили попробовать налечь вчетвером, но сил на первый порыв не хватило. Потом второй, третий... решетка по-

немногу начала уступать, выламываясь рамой из бетонного каркаса. Уф! Наконец-то мужская удалость победила, и дальнейшее было делом техники – проломить ее и пройти дальше. Не более 30-ти метров продвинулись путники по ломаному пути: вперед, влево, вперед, вправо, прямо. И – вот к чему они вышли: перед ними открылось просторное помещение, площадью не менее 100 квадратных метров. Из него на четыре стороны по углам в форме креста имелись проходы. В центре зала стоял огромный стол-саркофаг, над ним висел большой светильник с металлическим абажуром. По краям стола стояли скамейки, прикованные к полу железными болтами. Обстановка, прямо сказать, по Собакевичу. Но ведь здесь кто-то был. Каково назначение этого объекта? Несмотря на усталость и нервное напряжение, экспедиторы начали исследовать открытую ими лабораторию – а как еще назвать это место? Первое, что бросалось в глаза – стол в форме правильного параллелепипеда напоминал древний саркофаг, но был изготовлен из толстого листового металла, очевидно, нержавеющей. Однако столешница не сдвигалась и не открывалась. Арон нашел в углу электрогенератор и попытался его реанимировать, вручную вращая «мельницу», от которой заряжался аккумулятор. Но труд его не дал результатов. Отпустив генератор, он начал двигать рычаги на пульте управления, встроенном в бетонный столб рядом с центральным столом... Резко загудела сирена, пробивая до мозгов барабанные перепонки, привыкшие к тишине. Тут же зацыкали светильники, и вот он – свет. Мужики прищурились, но быстро привыкли к новому освещению. Откуда источник? Понять это было несложно. Знаменский проследовал по линии электропередачи и пришел к выводу, что кабели идут сверху – от земли. Следовательно, потребители запитаны на внешний источник, а генератор не работает, поскольку аккумулятор просто умер от старости. Жить стало легче, жить стало веселей.

Герои дня решили присесть, немного отдохнуть, ведь путь до места занял примерно два часа. Достали фляги с тоником и водой, скромные пищевые запасы, молча ели, стряхнув вековую пыль со столешницы, и думали – каждый о своем. Знаменский глотал пищу машинально, вдохновенный азартом исследователя. Он уже знал свои дальнейшие действия, и торопился подкрепиться. Арон спланировал сканирование всей территории – не только общего зала, но и тех помещений, которые наверняка находятся за проходами. Древняя аппаратура тоже интересовала его, он надеялся найти что-то вроде старинного компьютера, но не мог предположить, что в ту пору, к какой относится строительство данного объекта, электронно-вычислительных машин не существовало в помине. Продвинутые «айтишники» хорошо знают свой предмет, но в истории разбираются плохо. К тому

же у них есть свой «пунктик» – они не понимают, как люди раньше жили без компьютеров. По этой причине жевать ему было особенно некогда. Олег Шилов был прав, подозревая рядом с ЦРБ наличие объекта специального (секретного) назначения, и теперь его подозрения полностью оправдались. Он будет искать какой-нибудь «скелет в шкафу»: книги, записи, документы, артефакты. Потом продолжит поиски в архивах НКВД, КГБ, чтобы найти концы: цели и задачи данного проекта, в военном (стратегическом) значении которого он не сомневался. Ну, а Иван Забродин, хитро усмехаясь про себя, точно знал, что здесь лежит большой кусок метеорита, который каким-то образом затащили сюда для изучения под грифом особой секретности, а может быть, если повезет, и само НЛО, потерпевшее аварию. Он давно мечтал об этом, но никогда еще не был так близок к мечте. Забродин был одним из тех счастливицков, которые видели НЛО в разных местах, много изучал их по рассказам местных рыбаков и охотников, но все это было так – отдаленно. А теперь он нашел свой клад, поэтому ел неспешно, тщательно пережевывая пищу, и настраивая свои виртуальные антенны на поиск неведомого.

Борис Арнольдович, оставшийся наверху, потерял связь со своими коллегами по экспедиции и начал нервничать. Потом устал, замерз и проголодался, соорудил нечто вроде каюты в надувной лодке и попытался заснуть. Однако сон не шел, а тревога нарастала. Он несколько раз пытался звонить, но сеть пропала, – ни одного деления. Разглядывая быстро меняющееся небо, рассмотрел высокую ель с относительно крепкими ветвями. Решил вспомнить детство и, вооружившись альпинистским снаряжением, полез на елку. Из спорта он любил только теннис и шахматы, и это сразу же сказалось на его восхождении к высотам, где он надеялся поймать сеть. Хорошо, что его не видели сотрудники Центра в таком непрезентабельном виде... Лез он очень осторожно, соблюдая правила страховки, и дерево легко выдержало его вес. Вымаравшись еловой смолой, Борис все-таки достиг значительной высоты и попробовал заарканить сотовую связь. Он не исключал, что Иван был прав: женщины провозились со сборами и не успели уехать, а тут нагрянули незваные гости. Ни минуты не колеблясь, набрал номер Вадима, но он успел только спросить, вывели ли он женщин из Центра или нет. Водитель ответил, что нет, и связь сразу же прервалась на полуслове. Со второй попытки дозвониться не получилось. Он был вне зоны. Что за черт! Сеть пропала. Через снова минуту появилась. Балансируя на колебаниях сети, он все-таки дозвонился до Ольги, и быстро проговорил следующее:

– Оль, у меня две секунды. Пусть Вадим везет вас до места, где мы оставили мою машину. Он знает. Быстро, Оля! И возьмите с собой...

Все, связь опять пропала. Повторные манипуляции не увенчались успехом, к тому же зарядка неожиданно быстро закончилась. Вернувшись в свое логово, Борис почувствовал себя зайцем, бегущим от лисы. Какое-то странное ощущение трусливости, неуверенности. Где он, что с ним? Почему он здесь? Ребята пропали, связи нет, уйти нельзя. Куратор открыл банку консервы и начал машинально уплетать сайру в масле, думая о своём. В то же самое время его товарищи делали тоже ели и думали.

Закончив трапезу, четверо в подземелье приступили каждый к реализации своего плана. Пока Иван изучал столешницу саркофага, остальные члены экспедиции занимались своими делами по усмотрению. И им удалось кое-что найти. Шилов отыскал металлический ящик, напоминающий переносной сейф. Знаменскому удалось сфотографировать все боковые помещения, одно из которых явно напоминало лабораторию, судя по многочисленным колбам, сосудам и прочей химической и медицинской утвари. Он также нашел почти истлевший журнал – амбарную книгу, в которой, по всей видимости, фиксировались результаты экспериментов. Но над чем работали здесь люди? Заглянув в журнал, он обнаружил временной период – 1944-1956 годы. Это после Победы и при Сталине. И еще три года после его смерти. Сомнений не оставалось: секретный объект был построен в период правления генералиссимуса, который в последние годы очень интересовался мистикой и вопросом продления жизни. Профессор заполнил свой вещевой мешок до упора, но больше брать было нельзя. Подумал, что потом вернется сюда и всё хорошенько изучит. Арон сделал трехмерное сканирование всего объекта, больше всего его интересовали технические устройства. Ничего подобного компьютеру он не нашел, но внимательно разглядывал осциллограф, стараясь понять принцип его устройства.

Группа находилась в подземной лаборатории примерно час. Забродин сидел за столом, думая, как сдвинуть его с места. Очевидно, что эта бандура внутри себя содержит что-то большое. Ни с одной стороны нет никакой возможности это проверить. Монолитный параллелепипед – и все. Встав на колени и включив последний оставшийся в живых фонарь, Иван начал изучать прямой угол между полом и самим объектом. Щели не было. Но, все-таки, если он так притерт к полу, то есть вероятность, что он выдвигается и задвигается вверх-вниз. Скорее всего, так и есть...

Что-то рядом загрохотало, и со скрежетом и скрипом стол (саркофаг) начал утопать в пол. Это Арон нажал на какую-то красную кнопку, хорошо хоть, что не запустил атомную бомбу. Шилов выскочил из-за угла и начал орать: «Какого хрена ты!...! Это же «пуск» – военный объект, ты что-то запустил,

это может быть ракетная установка!». Но взрыва не последовало, и все снова собрались в центре зала, наблюдая за тем, как саркофаг достиг уровня пола, потом начал утопать глубже... Одновременно из-под пола выползли створки, параллельные полу, и вскоре сомкнулись, образуя ровную поверхность. Стола как не бывало. Теперь Арон, получив молчаливое согласие членов команды, начал нажимать рычаги и кнопки пульта, и в итоге стало понятно, что под полом тоже что-то есть, но как это посмотреть, было неясно. Забродин, как и в прошлый раз, когда надо было остановить кровь из раны Знаменского, достал свое каменное сокровище и приложил его к поверхности в той части, где сомкнулись створки. Камень ожил и стал излучать фосфорическое свечение, видимое даже при освещении. Финальным аккордом явилось новое чудо. Из щели возник прямолинейный широкий – на ширину щели – луч аналогичного свечения. Метеоритик засветился ярче, превратился в плазменный шар и – хоп – протек в щель и исчез вместе с лучом. Обстановка стала прежней. Завороженные экспериментаторы поняли, что столкнулись с чем-то непознанным и неясным. Ощущение было жутким. Энергетика этого места и так была не светлой, а тут еще НЛО – а что же еще? Скорее всего, летательный аппарат внеземного происхождения или летальный метеорит разумного свойства, что, собственно, одно и то же. Если кто-либо когда-либо описывал состояние при встрече с непознанным, то это так называемый «сухой ужас». Он пробирает до гипофиза, не вызывая эмоций. Коллективный разум внезапно объединил мозги всех товарищей в единое кольцо, и оно воспыало желанием срочно убраться восвояси. Никаких артефактов, документов и экспериментов уже собирать не хотелось. А единственный образец инопланетной породы ускользнул прямо из рук.

После случившегося форс-мажора, группа, как по команде, не пошла назад в тот самый тоннель, из которого попала сюда, а направилась в один из четырех коридоров, повинувшись инстинкту самосохранения. Этот коридор исследовал Олег Шилов, он и повел всех туда. Коридор был, скорее, эстакадой, так как горизонтальные пробеги чередовались с подъемами в несколько ступеней. Быстро продвинувшись вперед, поскольку освещение, хоть и с перебоями, еще работало, команда наткнулась на лестницу, ведущую вверх к потолку. Там явно просматривался люк круглой формы. Его предстояло открыть. Помня эффект совместной усилий над чугунной решеткой, мужчины навалились на люк, помогая друг другу, как будто чувствовали: именно там было спасение. Тяжело скрипя, люк приоткрылся, и из щели на людей хлынула вязкая болотная жижа, заливая их потоком, дурно пахнущим метаном и гнилыми водорослями. Они быстро дали ходу назад, и

остановились, прижавшись к стенам, наблюдая, как поток жижи, постепенно густея, скользил по ступеням вниз. Крышка люка не выдержала, отвалилась, поток рванул со всей силой притяжения, и, если бы он пал на головы путешественников, задавил бы их своей массой. Вскоре полилась более чистая вода, и путникам стало казаться, что они вскрыли дно болота, и теперь оно сойдет вниз во вновь образовавшееся отверстие. Ситуация грозила затоплением, причем довольно быстрым. Через пару десятков минут жидкость заполнит нижние помещения, и через них будет не пройти, чтобы вернуться обратным ходом через длинный тоннель, к тому же спадающий вниз. В любом случае поток будет преследовать их. Отчаяние охватило группу. Трое из них кинулись в обратный путь, но Забродин властно остановил их.

– Стойте! Сейчас поток прекратится, и мы выйдем!

И, правда, поток стал редеть, пока не превратился в струйку стекающей сверху жидкости. Вымазанные и промокшие искатели приключений решили лезть наверх, тем более, что из люка пошел свет. Видимо, цилиндр, заполненный жидкостью, слил свой объем вниз, освободив выход. А это как минимум кубометров шесть... Мужчины карабкались по длинному цилиндру, опираясь на проржавевшие скобы, еще метров пять, но, наконец-то первый – Олег Шилов выбрался наружу и крикнул товарищам, что всё в порядке. Он в лесу. Все облегченно вздохнули. Выбравшись из своего добровольного плена, члены экспедиции внимательно осмотрелись вокруг. Они стояли рядом с большим болотом, контуры которого напоминали блюдо, залитое пестрым желто-зеленым супом. То место, где зияла дыра люка, находилось несколько выше уровня воды, с краю. Страшно представить, что могло бы случиться, если бы люк оказался под центром водоема. Вся команда могла погибнуть...

Отойдя на безопасное расстояние от воды, уставшие путники сели на землю, очищая себя от грязи. Забродин пытался понять, где они находятся. Это был нехоженный лес, такое место, куда редко забредал человек. После недолгих рассуждений, решили идти по компасу, искать Бориса, который ждет их на утесе вот уже часа три. Но сначала надо было обсохнуть и помыться. Развели костер, сняли одежду, разбили микро-палатку, согрели чай прямо в железных кружках на костре. Знаменский с упоением младенца, разглядывающего свои погремушки, рассматривал найденные им артефакты, Арон просматривал записи на голографическом мониторе Тора. Один момент, запечатленный Тором, насторожил его. Что это – какие-то тени? Или показалось? Он показал Забродину кадр, поставив его на паузу. За спиной Ивана Михайловича угадывался чей-то фантастический силуэт, а вокруг торчали фантомы не-

скольких энергетических шаров, не видимых обычным глазом. И, если для других это было каким-то чудом, то Забродин даже глазом не моргнул.

– Значит, ждали меня. Для этого и пришел, – констатировал Иван, повинувшись своей миссии.

Знаменский тоже просмотрел несколько кадров и решил, что это какие-то помехи, вызванные электромагнитным полем. На силуэт дал свое объяснение: это причудливая форма пыли, поднятая в центральном помещении вторжением людей. И только особо впечатлительное воображение может вызвать аналогию увиденного с контурами человека.

– Каждый видит то, что хочет увидеть, – резюмировал скептик.

Арон решил, что такие кадры мог выдать только высокочастотный Тор, который мог запечатлеть то, что обычный глаз не фиксирует, и это нечто реально, но неосознано. Версия с фантомом его устраивала. Однако, дальнейшие события полностью перевернули его представление о мире.

ГЛАВА 17. ПОБЕГ

В Центре до обеда было относительно спокойно. Ольга и Кэт собрались в дорогу, поскольку Астри пришла в себя и была готова к транспортировке. Вадим ждал их у гаража, контролируемый двумя офицерами, которые маячили невдалеке с видом сибаритов, гонящих балду на открытом воздухе. Но планы вновь резко поменялись. Ольга приняла звонок Бориса, поняла, что им необходимо явиться «на стрелку» в лес, при этом взять с собой Астру. Муж не договорил ей (связь оборвалась), кого именно или что взять с собой, но она не могла даже представить, о ком еще могла идти речь. Конечно, он хотел увидеть Астру. Теперь надо решить, как выбраться из Центра, чтобы не навлечь на себя гнев полковника Колечко, контролирующего ситуацию. Он еще вчера четко дал понять, что никаких выездов до возвращения директора не будет. Орлова пыталась играть на теме незаконного ареста и «подписке о невыезде», но из этого ничего не вышло. Она не стала выяснять отношения по результатам ночного похищения, поскольку это только обострило бы и без того натянутые струны детективной истории. Озадачив Магду ролью хозяйки на время своего отсутствия, Ольга решила действовать как партизанка. Итак, Вадима конвой пропустит – надо, мол, съездить купить продуктов и лекарств, а они с Кэт и Астрой, выйдя через заднюю служебную дверь, пройдут за ограду пешком по тропинке вдоль пруда, встретятся в условленном месте метров за сто и сядут в машину. Только теперь она собиралась не в город, а в лес, – туда, где Вадим оставил машину Бориса, и где муж, судя по звонку, будет их ждать. План удался. Благодаря Магде, которая своей наи-

вной простотой отвлекла гостей на званый обед с пельменями и осетриной – последними запасами после Симпозиума.

Дорогу развезло, и джип часто тормозил на ухабах, пробираясь к намеченному месту по навигатору. Ехали долго, несмотря на короткое расстояние. Вадим Игнатъев опасался за свой хрупкий и дорогой груз. Но надо было видеть реакцию Астры! Девушка впервые в жизни села в автомобиль, и с упоением наблюдала быстро меняющиеся виды, пробуждая в себе силу былых воспоминаний. Она буквально глотала картины леса, ей хотелось вдохнуть свежего холодного воздуха, распрямиться всем телом и слиться с природой. Ольга, наблюдая её реакцию, начала опасаться, что смена обстановки слишком возбудит её, и она станет нестабильной: может уйти в сон или в истерику. Но чувство свободы от проделанной ею авантюры было сильнее. Ольга Григорьевна ощущала, что пространство раздвинуло горизонты, и впереди была новая интересная и насыщенная событиями жизнь, где все зависит от неё, от команды, а не от иных людей и обстоятельств, пленницей которых она была последние сутки. Вадим свернул на узкую лесную дорогу, заросшую травой, по которой давно никто не ездил. Ветви кустарника царапали кузов и стекла. Пришлось закрыть все окна, чтобы случайно не впустить в салон хлесткие плети оттянувшихся веток. Скоро уже...

Джип Куратора был припаркован в лесу – метрах в десяти от лесной дорожки и замаскирован еловыми ветвями. Бориса не было. Начались звонки, на которые не было ответа. Однако, связь, к удивлению водителя, была. Борис не отвечал: либо не слышал звонка, либо потерял телефон. А может быть, искал место встречи. Вадим сам был, как навигатор, легко, по привычке опытного ездока, запоминал дорогу по приметам. И он знал, как дойти до того места, где путники разбили свой лагерь. Но пока – оставалось только ждать, как договаривались. Женщины вышли погулять по лесу – недалеко, чтобы проветриться и посмотреть природу. Так они провели часа два, и трудно было представить их возросшую тревогу. Ольга решила, что случилось нечто непоправимое, ведь Борис не мог не выйти навстречу. Он был обязательным и надежным в этом плане – никогда не подводил.

Борис тоже находился в этот момент в недоумении. Он ждал возвращения своих друзей, время от времени поглядывал вниз – под откос утеса, проверяя спусковые канаты: не дернет ли кто. Никаких звуков или признаков движения не было. Он не мог уйти, не дождавшись товарищей. Но прошло уже пять с лишним часов с момента их спуска в пещеру, и Куратор не знал, какое принять решение: идти на место встречи или продолжать ждать? Его телефонный аппарат и впрямь был ему недоступен. Мобила

подло соскочила в углубление между камнями и периодически трезвонила, выводя Бориса Брейса за рамки человеческого терпения. Он только тем и занимался, что пытался выловить из щели скользкий, как кусок мыла, аппарат, шевеля его палкой. Ничего не получалось. Здравая идея пришла, когда телефон зазвонил в очередной раз. Борис, поражаясь своей смекалке, надавил концом палки на кнопку приема и начал орать, чтобы было слышно: «У меня телефон упал, я не могу до вас дозвониться. Где вы?».

На том конце голос Бориса вызвал удивление. Вадим сообщил о местонахождении и составе группы. Спросил, нужна ли помощь. Куратор объяснил ему, что происходит: ребят до сих пор нет, связь с ними утеряна, а второй звонок невозможен по причине оной, и поэтому надо договориться сейчас, что делать. Вадим рванул бы на помощь, но не мог оставить женщин, да и с ними идти километра два-три по лесу пешком наугад было невозможно. Борис Брейс схватился за голову! Как такое могло случиться? Столько нелепостей в один момент сошлись в одном месте, среди трех сосен. Все заблудились, потерялись, связь то исчезает, то появляется, телефоны падают... Неразбериха. На самом деле он забыл, что говорил Забродин о зоне Сталкера. Там тоже происходили разные чудеса и совпадения несуразностей. Но все эти случайности были не случайны. И все они в конечном итоге привели к тому, что произошло дальше.

Команда экспедиторов, изрядно уставшая, просохла и смогла наконец-то двигаться – в непонятном пока направлении. В результате стихийного пролива болотных вод наушники у всех членов команды были либо сняты, либо сорваны потоком. Однако Арон восстановил работоспособность своих микрофонов и пытался выйти на связь с Куратором. Связь работала только на определенном расстоянии не более 500 метров. Если её нет, значит, они вышли на поверхность немного дальше. Исследуя записи маршрута по Тору, он вычислил, сколько километров они прошли и в какую сторону. Оказалось, не более одного в сторону ЦРБ. В этом месте Тор не имел выхода в Интернет, чтобы поймать карту местности по Google, найти это круглое, как тарелка, болото, а потом определить, где находится Центр и то место, где они организовали ночлег. Если идти по кругу, постепенно увеличивая радиус, то можно найти его без особого труда по приметам. Большой одиноко стоящий кедр, маленькая речка, несущая свои воды к Енисею, поляна и, что особенно важно, скелет рухнувшего сто лет назад огромного дуба, сидя на котором они со Знаменским спорили до полуночи. Теперь всем членам команды стало понятно, что делать, и они готовы были идти, но профессор чувствовал себя неважно. Рана, столь удачно залеченная с помощью куска метеорита – или чего

там еще – какой-то субстанции, перевоплощающейся из камня в энергию – производила нестерпимый зуд. Состояние, которое он пока не мог определить, напоминало тяжелое похмелье, хотя все были трезвы. Александру Павловичу начало казаться, что спонтанный эксперимент неудачливого целителя облучил его, и теперь он испытывает побочные эффекты. Он смотрел на Забродина, думая, как решить с ним эту проблему по-мужски. Иван Михайлович уловил намерения болезного коллеги и успокоил его надеждой на скорое выздоровление.

– Все будет хорошо и даже лучше, чем ты думаешь. Найдешь то, чего не было, потеряешь то, что было.

– Что за бред? Можешь сказать нормально – какие последствия? – Знаменский требовал четкого определения, поскольку Забродин лечил его уверенно и со знанием дела.

– Скоро сам поймешь и поверишь...

Ведьмак поколдовал над Знаменским, поводит руками, привел его в нормальное состояние, чему тот несколько не удивился, ведь его дочь Светлана умела лечить людей именно таким способом. Но – факт, что с ним что-то происходит, и это выводит его из состояния равновесия. В спокойной обстановке профессор занялся бы исследованием самого себя, провел бы замеры всех жизненных показателей, но это не главное – изменения происходят в его собственном мировоззрении, душа меняет ориентиры, но как и куда течет вода, она пока не понял.

Время «Ч» давно прошло, и надо было возвращаться на исходную позицию, где они оставили Куратора в ожидании. Но прежде необходимо было наладить связь и сообщить Борису о том, что экспедиция вышла на поверхность в другом месте, координаты которого они точно определить не могут. Арон пытался выйти на связь, но все средства коммуникаций были разряжены, как будто невидимая воронка всосала в себя заряды аккумуляторов. Шилов вытащил из своей дорожной сумки пистолет для сигнальных ракет и запустил подряд три штуки с интервалом в три минуты. Ракеты взвились в небо с характерным свистом и осветили волокнисто-серый небосвод, набравший в хомячий рот дождевой воды и ждущий своего часа, чтобы разбрызгать над землей поток редкого осеннего дождика. Олег не сказал своим попутчикам об условном сигнале для Куратора, – это был запасной вариант, о котором знали только двое: три заряда через минуту. Шилов надеялся, что Куратор примет сигналы, если только с ним ничего не случилось за это время. Кто знает, что может быть в этих местах. Очевидно, что случайности поджидают повсюду. Иван, шедший впереди колонны из четырех товарищей, наклеивал на стволы деревьев люминесцентные метки, чтобы, в случае чего, найти обратный ход к люку. Это было важно, поскольку вероятность их возвращения в

подземелье была, если не сейчас, то после. В первые минуты возвращения им казалось, что они уже никогда не вернуться в страшную комнату с таинственным объектом под полом, но это говорил разум, а в душе стоял вектор неизбежности, как стоит он у каждого в осознании смерти.

Вадим Игнатьев, в отличие от заплутавших экспедиторов, имел на руках карту местности, которую он распечатал в Центре в нескольких экземплярах – для каждого, вернее каждой участницы своей группы. Место, где участники экспедиции разбили лагерь, было помечено крестиком, и оно было недалеко, – около часа ходьбы. И они решили идти, медленно и осторожно, замедляли ход, когда Астра останавливалась и прислушивалась к шумам и шорохам леса. Кэт беспокоилась за неё, ведь у Астры не было такой крепкой физической подготовки, как у всех сотрудников Центра. Но тревога оказалась напрасной. Астра порхала по лесу, как молодая лань. Казалось, что её ступни не касаются почвы, так всякий сучок под её ногами не хрустел, листья не облетали с веток, а ветки не ломались. Вадим, бывалый участник мужских охот, молчаливо восторгался её легким ходом, который не мог быть замечен ни трусливым зайцем, ни хитрой лисой, ни чутким волком. Видимо, сказалось лесное воспитание в обители у монаха, которое породило ещё и страсть к собирательству. По пути Астра насобирала в свою шапочку всякого лесного «мусора», как показалось Ольге, не искушенной в природных сокровищах. А там были сколы мха, проросшего на коре кедра, кусочки трех видов древесных грибов, редкой красоты шоколадно-бархатные поганки, шляпки мухомора, трава, вырванная с корнем, несколько черных ягод «вороний глаз» и другие весьма подозрительные дикоросы. Разумеется, потом, все это должно быть отобрано, просмотрено и выкинуто в помойку, как думала Ольга, но Кэт остановила это намерение.

– Кажется, Астра что-то задумала, она так тщательно подбирает ингредиенты, будто бы знает какой-то рецепт. Надо дать ей эту возможность.

– Да, Катя, вижу, что неслучайно, но ты следи за ней, мало ли что. У неё в руках ядовитые грибы и ягоды, мало ли что, как потом объясним Борису ее отравление, хотя, вряд ли она всё это съест..., – невнятно ответила Ольга.

Группа, ведомая Вадимом Игнатьевым, наконец-то добралась до заветной поляны, где еще остались следы пребывания цивилизации. Через полчаса прибыл Борис. Он видел треки сигнальных ракет и понял, что экспедиция вышла на поверхность где-то в двух-трех километрах от места спуска. Быстро собрал свой рюкзак, спрятал основное снаряжение в углублении плато и направился в лагерь. Когда он прибыл на место, погода начала портиться, а основной состав экспедиции еще не прибыл. Радость

встречи с дорогими женщинами была омрачена известием о последних событиях в Центре – попытке похищения сновидицы, применении сильнодействующих психотропных средств в отношении Ольги, и, что особенно возмутило Куратора, – наглости и тупости залетного гостя по факту насилия Астры алкоголем. Попадись ему под руку в этот момент рыжий Пол, живого места бы на нем не осталось. Ольга, как могла, постаралась сгладить его реакцию, и Борис собрал волю, поскольку предстояло еще найти встретить товарищей. Решили развести большой костер и выпустить ещё две ракеты, которые остались у Бориса, чтобы сориентировать коллег по месту их дислокации.

ГЛАВА 18. ПОХИЩЕНИЕ ОЛАНА

Путники шли, повинувшись интуиции Забродина, время от времени пытаясь поймать контакт по линии связи через Тор, хотя Иван все время повторял им, что в этой зоне связь не ловит, поскольку это «место силы», магнитной и гравитационной аномалии. Но сбоила не только связь. Ноги, как магниты, липли к земле, каждый шаг давался с трудом, дышать становилось все тяжелее, как будто болотистое место не отпускало их, помещая в вязкую среду сгустившегося до состояния плотного тумана воздуха. Видимость стала почти нулевой, и, когда достигла состояния молочной взвеси, команда была вынуждена прервать ход. Молочный туман был явно не природного происхождения – таких туманов в природе не бывает. По расчетам внутреннего мозгового таймера, в пути они были почти час, но Тор показывал им всего двести метров продвижения в глубину леса. Скорее всего, время тоже было искажено, пока непонятно – в какую сторону. Усталость и неясность ситуации побудила путников сделать привал до полного или хотя бы частичного растворения тумана, – не век же ему стоять. Скинули рюкзаки и новую ношу, прибранную к рукам в подземелье, вознамерились развести новый костер, чтобы хоть как-то осветить окружающее пространство. Однако этого не понадобилось.

Что-то яркое и сильно светящееся озарило все вокруг, как будто над лесом повисла гигантская лампа дневного освещения. Стали ярче видны деревья, ветви, листья. Они прорезывались на фоне белой манны, словно кисти неведомого художника тронули сочной акварелью выбеленный льняной холст. Мужчины повернули головы к источнику – он шел с болота, освещая округу концентрическими кольцами радужных размытых колец. Теперь деревья казались черными причудливыми силуэтами на фоне слепящего света. Белое кольцо – внешнее, отплыло назад, затем подступило красное, люди и лес покрылись огненным отсветом. Потом пошли

желтые, зеленые, голубые кольца. Команда замерла, загипнотизированная необычайным зрелищем. Люди не слышали, как земля загудела и задрожала, как перед землетрясением. В этот момент никто ни о чем не думал, не мог пошевелить даже пальцем. Казалось, что время остановилось, на самом деле это был только миг, растянутый по ощущениям в целую вечность. Знакомый экспериментаторам «сухой ужас» на этот раз был не так ужасен, он исчез, сохраняя в душе попустительское слоновье спокойствие и даже некую предсмертную благодать.

Забродин вел себя странно. Раскинув руки, он двинулся обратно к болоту – туда, откуда шёл свет и где, по всей видимости, размещался источник концентрического свечения. Его высокая неуклюже мужицкая фигура приобрела очертания тёмного силуэта, обрамленного по контуру фиолетовым свечением. Профессор Знаменский, программист Арон и подполковник Шилов молча смотрели ему вслед, не смея преследовать смельчака. А он шагал – широко и дерзко. Откуда только взялась эта сила и легкость? Только что путники не могли и шагу ступить без особых усилий, а тут такой широкий и быстрый шаг! Почти бег. Но в следующий момент неведомая сила подхватила и этих троих оставшихся в оцепенении мужчин, и они пошли вслед за Иваном, стараясь догнать и спасти его. Мысль о том, что Забродину грозит опасность, была общим местом. Синхронно двигаясь по направлению к болоту – туда, где они недавно отдыхали от приключений в подземном бункере, тройка игроков очень быстро преодолела короткую дистанцию и остановилась, как вкопанная, на том самом бугре, где только что погас их недавний костер. Они не чувствовали ни боли, ни усталости, ни каких-то иных симптомов от своих тел. Забродин тоже стоял чуть ближе к болоту, раскинув руки вперед и вверх, как будто ждал гостей с неба. Но «нечто» явилось из-под земли.

Болото начало бурлить и пузыриться, освобождаясь от застоявшихся газов, что само по себе было чревато отравлением всей команды. Но никто даже не почувствовал ни дурного запаха, ни измененного химического состава воздуха, ни усыпляющего воздействия духа болотных кишков. Бурная жижа начала приподниматься по контуру водоема, сливая с краев лишнюю воду и расшвыривая по касательной сморчки грязи и зеленой поросли. В центре болотной тарелки показался огромный металлический щит, выпуклый во внешнюю сторону. Он сиял, как перламутровая поверхность раковины моллюска, только что вывернутая наизнанку, и вращался, создавая иллюзию гигантского лазерного диска. И при этом, вырвавшись из жуткой грязи, он был кристально чистым, земная грязь будто отталкивалась от объекта, окруженного электромагнитным ореолом. Из центральной макушки куполообразной поверх-

ности вырвался широкополосный луч, разбил на более узкие лучи, и начал шарить по окружающему пространству, сканируя территорию. Люди застыли в ожидании чуда, но слепящий свет застил им глаза. Они рефлекторно закрылись, пропуская сквозь веки только часть убойных иллюминаций. Свистящий высокочастотный звук побудил раскрыть глаза в тот момент, когда центральной луч спрятался в утробе диска, оставив над собой допустимое для человеческих глаз ультрамаринное свечение. Над болотом на высоте чуть выше самого высокого дерева висел объект неземного происхождения диаметром метров 20-25 – не меньше. Экспедиторы стояли, ошеломленные зрелищем. Иван Забродин находился ближе к объекту так, что его тело могло бы накрыть с головой вырванными из недр болота фекалиями флоры. Однако он стоял на чистой и приподнятой площадке, прямо над поверхностью лесного водоема. В следующий момент мягкий луч пробил лунную дорожку на эту специализированную площадку, которая, казалось, была выдвинутой частью объекта, и обрамил фигуру Забродина в полный рост. Теперь он стоял в центре овала, и гигантский луч втягивал его в себя. Невольные наблюдатели этого удивительного сюжета онемели, оглохли и почти ослепли, но, что самое странное, чему они впоследствии никак не смогут найти вразумительное объяснение, так это полная апатия и вселенское равнодушие к похищению человека, производимое в их присутствии инопланетным объектом.

Луч «всосал» Ивана Забродина в недра дискообразной «тарелки», втянул в себя свои причиндалы, крутнулся и в мгновение ока метнулся в небеса по совершенно немыслимой для земных летательных аппаратов траектории. Через секунду его и след простыл, и все вокруг погрузилось во мрак. В реальности это были сумерки, но после перенесенной световой атаки, оставшимся в живых троем экспедиторам сумерки показались тьмой. Сколько времени необходимо, чтобы после такого контакта люди пришли в себя? Никто не знает. Очевидцы, наблюдавшие НЛО во многих местах планеты, давали разные показания, но официальная наука и власть не принимали их сообщения всерьез, или не хотели верить. Эта тема до сих пор оставалась закрытой. Однако наши герои оказались более адаптивными и подготовленными. Они уже знали, что внутри бункера под полом находился какой-то неземной объект, который испускал фиолетовые лучи. Он же был и предметом изучения в этой закрытой подземной лаборатории – много лет назад. Куда делись те исследователи, где результаты их наблюдений и экспериментов, почему проект законсервировали? Эти вопросы пока оставались открытыми. Но то, что было очевидным для сотрудников ЦБР, так это роль Забродина во всей этой истории. Это он нашел ма-

ленький метеоритик, – странный объект, который, скорее всего, был частью большого, или какой-то важной его деталью, без которой аппарат не мог покинуть Землю. Как будто это НЛО дистанционно нашло подходящего адепта в лице Ивана Забродина, чтобы он выполнил свою миссию. Позднее участники экспедиции и свидетели этого уникального происшествия поймут, что Забродин потому и вел себя, как одержимый, что знал, куда и зачем он идет. Поэтому он и стал инициатором экспедиции. Скорее всего, один бы не справился, а, возможно, ему были нужны свидетели.

Очнувшись от первого адренинового удара, три товарища понемногу стали приходить в себя. Над лесом взвились два светящихся следа от сигнальных ракет. Стало понятно, что Куратор ждет их, указывая, куда надо идти. Несмотря на стресс и усталость, Знаменский, Шилов и Арон поплелись по направлению, указанному треками ракет. Туман рассеялся. Идти стало легче. Никакой вязкости и других аномальных эффектов не наблюдалось. Но в сердце поселилась жуткая непроглядная тоска. Ощущение невозвратности и потери. Эта фантастическая история повергла героев в немую истерику, от которой уже не спастись, не укрыться. Был человек – и нет человека. Не погиб и не пропал без вести, а похищен – нагло и открыто. Зачем? Он исчез прямо на глазах при самых невероятных обстоятельствах – в некоем летающем объекте, который нельзя назвать неопознанным, поскольку он был все-таки ими опознан. Только теперь всем стало понятно, что Иван Михайлович Забродин – незаурядный человечине, который стал им не просто попутчиком, а другом. Нечто поглотило Ивана, и неизвестно, вернется ли он, погибнет ли, или подвергнется мучительным испытаниям – каким-нибудь инопланетным экспериментам.

В этом состоянии путники вышли на место, где их уже ожидал не только Куратор, но и Вадим с женской половиной команды. Радости не было конца! Встречающие путников наспех, перебивая друг друга, описывали вернувшимися из дневного короткого, но бесконечно долгого путешествия друзьям, впечатления от увиденного ими чуда. Надо же! Они тоже видели НЛО. И Борис даже успел запечатлеть феномен на фото. Правда, там мало что было понятно – какие-то огни, пятна. Но все равно это было что-то сенсационное.

– А Иван, где Иван Михайлович! – опомнившись от радости встречи, спросил Куратор. Профессор Знаменский молчал, притих Арон, опустив глаза, лишь офицер Шилов смог выдавить из себя:

– Его больше нет...

– Как? Что случилось? Да что вы говорите! Это как могло так произойти? – бушевал Борис. Он посмотрел в глаза Олега: экспедитор явно говорил

правду. Повернулся лицом к Знаменскому – только он мог бы объяснить коллеге, что именно произошло в этот злополучный вечер. Все, что он смог сказать, – короче некуда:

– Его забрал НЛО...

Тема инопланетян с их тарелками была давно обсуждаемой в ЦРБ. Более того, там накопился порядочный архив по этому направлению исследований. Да и Борис Арнольдович долго держал в тайне свое увлечение уфологией. Но в данный момент профессору было не по себе. Что-то случилось с его здоровьем, он сразу после выхода на поверхность чувствовал себя дурно, а тут еще и исчезновение товарища. Кстати, того самого, который пытался гармонизировать его биополе после соприкосновения с инопланетным материалом. Знаменский не мог толком ничего рассказать, просто упал возле костра на свой вещевой мешок и тут же заснул. Объясняться пришлось самому молодому участнику экспедиции – Арону. Он хотел поведать все по порядку, но Шилов всё время перебивал его, и таким образом они вместе по очереди поведали историю с исчезновением Забродина. Эта тема полностью заслонила цель экспедиции, и все пришли к мнению, что это не групповая галлюцинация, и все было именно так на самом деле. Куратор подвел вердикт:

– Ивана похитил неопознанный летающий объект, – это так?

– Да, – ответил Арон, – только мы его опознали. Этот объект был замурован в бункере, у нас остались снимки его излучения. Так что это опознанный летающий объект. Мы уже были знакомы с ним.

Ольга, все это время заморожено слушавшая и молчавшая, подняла глаза к небу и произнесла магическим полупшепотом:

– Олан, его зовут Олан...

– Кого зовут? – Борис недоверчиво и раздраженно обернулся к Ольге, как бы обвиняя её в излишней театральности, несоответствующей трагичности момента, – Олан, это имя?

– Я знала это. Помнишь, я уже говорила, что Иван – это Олан. Это его имя по роду истинному, а не кровному. Астра подтвердила версию Ольги и высказала уверенность, что Олан вернется...

Экспедиция, вернее, её первый этап, подошла к концу. И она не была напрасной. Многое удалось выяснить, кое-что – найти и потерять. Другие исследователи годами что-то ищут, месяцами ходят трудными дорогами, преодолевая жару и холод, а тут прямо под боком – такое чудо. После исчезновения Забродина никто не хотел оставаться в лесу на ночь. Всем было реально страшно, к тому же состояние Знаменского стало ухудшаться. Но куда идти? В Центре обосновалась фискальная делегация с опасным разведчиком ЦРУ (как говорил Забродин). Как им потом объяснить, куда делся один человек?

А, впрочем, они и не знают, «а был ли мальчик». Иван Михайловича никто не отслеживал. Может быть, он сам уехал после Симпозиума домой... К тому же, целью этих фигурантов была Астра, которую никак нельзя было отдавать в чужие руки. Команда должна была принять решение, скорее целую серию решений. Во-первых, стоит ли ждать и искать Забродина, во-вторых, когда следует возвращаться в Центр, и в каком составе, в-третьих, эвакуировать женщин в город. Это – без комментариев. На первый вопрос все ответили «нет» или «пока нет», поскольку трое свидетелей утверждали, что искать Ивана бесполезно. Случаи похищения людей НЛО часто описывали разные средства массовой информации и, были такие факты зафиксированы и в секретных документах. Иногда эти люди возвращались быстро – через несколько часов, иногда – через годы. Но часть людей никогда не возвращалась. Когда вернется Иван Забродин, или, как его окрестила Ольга, Олан (новое имя прижилось, как нельзя кстати), от членов экспедиции никак не зависело, следовательно, предпринимать ничего не нужно. Это решение далось с трудом, и совесть гудела в анналах души, как колокол. Для её очистки следовало бы что-то сделать. И команда решила остаться еще на одни сутки.

ГЛАВА 19. ЕДИНЕНИЕ

Артефакты, которые экспедиторы вынесли из бункера, нужно было разобрать, рассортировать и упаковать в бумажные мешки с метками. Затем вернуться на место спуска и забрать аппаратуру и снаряжение. Следующим шагом – исследовать второй вход (или выход) рядом с круглым болотом, откуда вырвалась летающая тарелка, снова спуститься в бункер и провести там тщательный анализ обстановки. И всё это будут делать трое разведчиков – Борис, Арон и Шилов. Знаменского решено отправить в краевую больницу одним транспортом вместе с Ольгой, Астрой и Кэт. Его находки решили рассмотреть первыми, чтобы у Александра Павловича не осталось никаких сомнений по недосмотру или утере оных. Все инстинктивно посмотрели в сторону профессора. Он трепетно возлежал на своем мешке, погрузившись в тяжелый сон, и будить его не хотелось.

Вечерней осенью холодно, промозгло, начал крапать мелкий дождь, а палатки только две. Прежде, чем отправлять Вадима с вверенной ему группой, решили поужинать и обсудить текущие проблемы и предстоящие планы. Приготовление ухи на костре взял на себя сам Вадим Игнатьев, ему активно помогали Катерина и Ольга. На этот раз свежую рыбу он добыл простым дедовским способом. Пока ждали заплутавших в лесу путников, бывалый мужик успел наловить пару добрых щук, окуней и одного судачка. До полного приготовления ущицы

открыли консервы, заморили червячка. Еды оставалось достаточно, чтобы провести в лесу еще пару дней. Вечер оказался добрым. Постепенно страх начал растворяться в сизом тумане сумерек, спал в низины, оголив поредевшие стволы лиственных деревьев. Но ощущение одиночества и нетронутости этих мест не проходило. Всем казалось, что, несмотря на близость к Центру и другим объектам лесного хозяйства, здесь давно не ступала нога человека. Почему-то охотники и рыболовы обходили это место стороной. Олег Шилов вспомнил, как сторож Аким при встрече упомянул о том, что здесь «гиблое место».

– Почему – гиблое? – переспросил Борис

– Говорят, люди здесь пропадают...

– А я и не удивлюсь! В свое время бывший санаторий «Жарки» выставили на аукцион для продажи, но почему-то местная бонза покупать его не решалась. Так мы и взяли его по дешевке, как «дом с привидениями», – Куратор нервно засмеялся, но всем было не до смеха.

– Я думаю, что здесь не первый раз людей похищают, – посмела предположить Ольга, – Когда началось строительство и реконструкция нашего Центра, первая бригада без объяснения причин снялась с якоря, несмотря на хорошие заработки, и сбегала. Нам тогда пришлось нанимать людей из Новосибирска. Они же не знали местных легенд. А вот Аким Петрович знал, но нам ничего не рассказывал. Помню только, что проворчал негромко, мол «смелые вы», раз на такое решились...

– Так вот и пропадают, – продолжал Шилов, – Завертит, закрутит такая вот бандура, лучами ослепит, подтянет и – поминай, как звали. И ведь никакой управы на них нет! Военные летчики пробовали их атаковать ракетами, но все они либо погибли, либо потом сходили с ума. У нас нет такого оружия, чтобы сбить «тарелку». Было бы смешно, если бы нас, например, начали исследовать обезьяны, пытались бомбить камнями наши танки и воевать палками против наших стволов. Мы еще в каменном веке против них. И это невыносимо!

Офицер был в замешательстве, в нём зрелая ярость, движимая желанием обрести новое, более совершенное оружие, чтобы противостоять «противнику» в равном бою. Но, в отличие от обезьяны, он, как и его сотоварищи по военному цеху, с горечью осознавал бессилие современного вооружения в случае инопланетного вторжения. «Гэбисты» все-таки относили себя к более высокоинтеллектуальному классу вояк – защитников Отечества, и серьезно подумывали об альтернативном варианте противостояния. Олег Анатольевич в свое время участвовал в реализации тайного, строго засекреченного проекта «Контакт +», суть которого состояла в подборе и подготовке людей к переговорам с инопланетными

гуманоидами. В его задачу входила вербовка наиболее подходящих кандидатур, не обремененных семьей, отношениями, долгом, большими родственниками и тяжелой недвижимостью. К тому же все они должны были обладать творческими способностями, незаурядным умом и нетривиальным поведением. В любом случае это должны быть неординарные личности. Но они, как его проинструктировали, на дороге не валяются. Однако, как оказалось, как раз именно «на дороге» они и «валялись» – неприкаянные бомжи, вылетевшие с орбиты своих социальных ниш, но не растерявшие свой талант в беспробудном пьянстве. Отмытые, отогретые и накормленные досыта эти люди стали командой. Шилов мотивировал их социальным признанием, приручил и начал готовить по своей методике, которую разработал на основе теории Фрейда. Он считал, что три основных инстинкта – голод, страх, продолжение рода – есть у любых разумных рас, на какой бы планете они не родились. Именно на этом строился язык взаимодействия. К сожалению, никто из подготовленных им контактёров ни разу так и не смог выступить с переговорами. Проект закрыли, людей распустили, и они вернулись в свои картонные бунгалы, пропадая «на вокзалах, в кабаках». А тайна так осталась тайной. Кто поверит в рассказы о контактах пьяному забулдыге? Только двое из них, кажется, стали потом отъявленными уфологами, но их серьезно никто не воспринимал. Они сами сколотили группу единомышленников и пустились в аномальные зоны искать приключений. Не так давно Шилов видел их на канале РЕН-ТВ, порадовался, что помнят его уроки... В данный исторический момент, оказавшись на берегу Енисея в лесу, он и сам был готов войти в контакт с разумными существами, которым вдруг понадобился представитель человечества. Но избранным оказался Иван Забродин. По каким признакам они выбрали именно его? Непонятно...

– Кажется, уха поспела, – перебил его раздумья Вадим, – надо бы разбудить профессора, горячая кружка свежей ухи лучше всякого лекарства.

Астра, сидевшая до сего момента около костра, закутавшись в казенное одеяло, привстала, подошла к спящему Знаменскому и начала будить его, поглаживая слегка небритую щеку. Её тоже никогда не расталкивали при пробуждении, как обычных людей, а гладили по щеке. Так и она решила разбудить профессора, чтобы хоть как-то оправдать своё бесполезное, с её точки зрения, присутствие. Но, как только она прикоснулась к лицу Знаменского, тревожно изменилась в лице. Его лоб горел, температура была аномально высокой, и он почти не реагировал на прикосновение. Борис и Ольга тут же достали аптечку, растолкали спящего больного, сделали ему жаропонижающий укол и попросили выпить горячей ухи. Но до этого надо было осмо-

треть больную руку. Арон помог расстегнуть куртку, закатал рукав, где была рваная рана, и обомлел. На месте сросшегося шва светилась синяя полоска. Она пульсировала, как яркая неоновая жила, что особенно было заметно в наступившей темноте.

– Что это, Саша? – испуганно спросила Ольга, – откуда это у тебя?

– Это, скорее всего, инопланетный медицинский шов. Забродин прикладывал к ране этот кусок метеорита – какого-то неземного вещества или существа, хотя он выглядел как камень. Рана затянулась в течение двух-трех минут, но активное вещество, видимо, проникло в кровь, и теперь организм отторгает его и борется с инородным телом, – рассудил стоявший рядом Арон.

– Я его чувствую, – простонал очнувшийся Знаменский, – шов пульсирует, и посылает в мозг какие-то сигналы. Единственное объяснение этому – жила является средством связи с объектом. Мне кажется, что Иван жив и скоро выйдет на связь. Дайте мне выпить. У нас еще осталась водка?

Борис быстро отыскал бутылку водки, недопитую предыдущим вечером и упрятанную под корягой, где они сидели почти до утра. Быстро налил в кружку и подал профессору. Тот выпил залпом грамм двести, и это его немного успокоило.

– Вот, русская водка спасет от любой заразы! Теперь можно и ухи попить, – ободрился Знаменский. Но и через полчаса его нельзя было считать пьяным, спиртное будто бы пролетело мимо организма, компенсируя перенесенный стресс. Он то и дело поглядывал на синий шов, поглаживая и растирая его, как будто зуд, так внезапно возникший после выхода на поверхность, возобновился. Все члены команды также наблюдали за его действиями и состоянием. Так, в очередной раз, закатав рукав, Александр Павлович воскликнул: «Сбежал, гад!». Это он о шве. Действительно, пульсирующая светящаяся жилка исчезла, растворилась, и рука выглядела вполне здоровой.

– Может быть, это было такое лечение? Вещество отработало и растворилось, – предположил Арон.

– Нет, оно сконцентрировалось, скаталось в шарик и нашло свой приют где-то в мышцах, Шарик маленький, незаметный, и мне не больно, – ответил Знаменский, – это что-то типа чипа.

– Типа чипа... Какой каламбур, – резюмировал Борис, – думаю, что ты прав, коллега. Если мы попытаемся его поймать, он снова рассосется и «спрячется». Но мы не будем его ловить, поскольку он может быть полезен, как средство связи, например. Иван не случайно выбрал именно тебя, скептика. Хотел исправить верой в чудеса. Да...

– Теперь и ты стал посвященным, – радостно воскликнула Ольга, – и твоя научная интуиция выйдет на новый уровень. Главное, не упустить шанс.

После ужина в узком кругу все как-то сблизилось, профессиональное корпоративное общение преобразовалось в доверительный симбиоз теплых дружеских микро-диалогов. Никому не хотелось срываться с места и ехать куда-то по ухабистой лесной дороге в крошечной тьме. До города езды было не меньше пяти часов. Казалось, что здесь опасность миновала, а там – за нагромождениями черных елей она подстерегала людей, дразня детское любопытство утробным страхом. Ольга решила, что они поедут утром, и устроила женщин в одной палатке, а мужчин – в другой. Но последним она не понадобилась. После первой бутылки в ход пошла вторая и третья, и мужчины не только согревались алкоголем, но и преодолевали тревогу. Разговор стал веселее, развязнее. Шилов достал из-за пазухи серию анекдотов по теме дня, и здоровый сибирский хохот ухал эхом в гулкой осенней ночи. Это были не просто дружеские посиделки у костра. Люди слились в единое целое, образуя симбиоз душ и умов. Эгоистическое «Я» растворилось в большом коллективном сознании, которое было готово к восприятию любой самой невероятной информации из любой точки временного континуума. Но это новое слияние никто не обсуждал, хотя оно было самым ясным и осознанным их ощущением. То же самое чувствовали их подруги. Они тоже долго не могли уснуть, слушая хохот мужчин за тонкими стенами палатки. Это погружало их в атмосферу безопасности и сопричастности к происходящему.

Единение – тонкое, кратковременное уникальное свойство человеческих душ восходить к световому потоку вселенского Разума, образуя силовое поле нисходящей мыслеформы к сознанию всего человеческого сообщества. И тогда силой мысли горстки людей можно достичь мировой гармонии и всеобщей любви. Так просто. Но почему этого не происходит? Никто не знает об этом или не умеет это делать? Или необходим набор специально подготовленных к такому действию душ? И здесь в этом уголке Земли всё произошло как бы случайно, хотя у всех участников события сложилось четкое убеждение, что их кто-то вёл. Неразумно, с точки зрения обывательской логики, да и логики высшего руководства ЦРБ, объяснить внезапный срыв в неподготовленную экспедицию. Стечение обстоятельств, то разъединяющих, а то собирающих людей вместе, тоже нельзя назвать обусловленным. И то, что окончательно испортило бы достигнутый результат, а именно подробный анализ происшествия, разбор по косточкам всех поворотов, отклонений от курса и сомнений, не мог произойти в данном месте в данное время, помогло сохранить достигнутое Единение на долгое время.

ГЛАВА 20. ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Знаменский заснул последним – перед самым рассветом. Он долго ждал, когда первый луч пробьет серое марево мутного горизонта. Засучил рукав, чтобы проверить состояние раны на левой руке. Шва не было и в помине. Начал прощупывать руку вдоль недавно зафиксированной синей жилки и обнаружил маленький шарик прямо на внутреннем сгибе локтя рядом с выступающей веной. Шарик ускользал, прятался в глубину сустава. Но он был! И при удачном развороте локтя его можно было потрогать. Размер меньше горошины, но очень твердый. Профессору захотелось вырезать его и детально исследовать. При одной только мысли об этом шарик начал двигаться и причинять дикую боль. Он будто бы просил этого не делать, играл с ним, диктуя свои правила. Войдя в азарт, Знаменский «поймал» этот скользкий бугорок и раза три надавил на него. И тут же, к своему изумлению, услышал голос внутри себя:

– Алекс, Алекс! Ты слышишь меня? – кажется, это был голос Олана (Забродина), но какой-то странный – с металлическим акцентом.

– Да, слышу, слушаю! Ты жив? – четко произнес Знаменский, названный Алексом.

– Не говори, думай. Все нормально, я на корабле. Вышел на контакт. Пока – пауза.

– Они тоже – слышат нас?

– Я здесь один. Пока один. Изучаю систему управления.

– Что ты видишь? Опиши! – попросил Знаменский, отряхнувшись от первого шока. Он торопился узнать как можно больше, ведь контакт мог прерваться в любое мгновение.

– Земля осталась позади, кажется, мы – или я – уже за пределами Солнечной системы.

– Ты долго там не продержишься. Просись сразу назад. Узнай как можно больше и держись. Мы с тобой!

– Я должен куда-то лететь, меня зовут. Кажется, тут кто-то есть... Погоди... До связи...

Знаменский усиленно давил на шарик, но ничего, кроме боли, не получалось. Связь действительно прервалась и возобновится ли снова – неизвестно. Он порывался тут же разбудить товарищей, но, видя, как они устали и крепко спят, решил, что это ни к чему – надо самому сначала обдумать и перевернуть ситуацию. В подобных случаях, когда была отчаянная нервная перегрузка от опытов и научных исследований, профессор обычно засыпал, подражая Менделееву, который во сне открыл свою знаменитую таблицу. И это реально помогало, поскольку систематизация и архивирование файлов перегруженного мозга происходит именно во сне, и можно, проснувшись, записать некоторые выводы

– прямо с чистого листа. На этот раз сон вызывать не пришлось. Утомленный новыми впечатлениями, Алекс (он сам себя так назвал – в третьем лице) заснул очень крепким сном – без сновидений.

Утром, когда уже вся команда проснулась и собиралась двинуться дальше по намеченным планам и маршрутам, Знаменский еще спал, и его не трогали – пусть немного окрепнет. Когда он вышел из палатки, все уже сидели на чемоданах и пили горячий чай. Сенсации с выходом по космической связи на Олана не получилось. Александр вдруг подумал о том, что сейчас никто ему не поверит, подумают, что это слуховые галлюцинации, связанные с его недомоганием, внедрением в его тело какого-то инородного вещества. К тому же настрой у команды был земной, нацеленный на сиюминутные проблемы. И профессор принял решение – остаться вместе с собратьями по экспедиции. Кэт подала ему кружку густо заваренного чая, печенье, сыр. Пить хотелось невероятно. Чай обжигал губы, глотки получались крупные, торопливые. Однако от вчерашнего недомогания Знаменского не осталось и следа, что было отмечено всеми членами экспедиции. Куратор скомандовал общий сбор. Ему еще раз хотелось проговорить план действий и услышать в ответ ясное понимание целей и задач. Все-таки он был природным организатором. Нужно разделить на две подгруппы и отправить женскую часть команды в город. Тревога косила с ног, сердце колотилось, но доверие к Вадиму успокаивало – он выполнит поставленную задачу и доставит их на конспиративную квартиру, а Знаменского – в стационар к Юрию Яковлевичу Саранскому. Расставание было тяжелым. Ему не хотелось отпускать дорогих ему женщин, с каждой из которых он провел немало дней – в любви, дружбе и работе. Им же предстоит пройти по маршруту – завершить свое дело, а потом, как бы этого не хотелось, придется вернуться в Центр. Борис заметил, что Александр Павлович не торопится покинуть стойбище энтузиастов и строго посмотрел на него. Профессор продолжал хлюпать чаем, – он пил уже вторую кружку и, кажется, никуда не собирался.

– Знаменский, четверо одного не ждут. Давай, поторапливайся. Саранский вылепит из тебя пулю и вернет, как новенького.

– Я никуда не поеду, в машине и так тесно. Мне уже лучше, я остаюсь с вами, к тому же у меня есть... идея. И надо будет её обсудить.

– Тебя что – надо уговаривать? В тебе эта инородная дрянь, и мы о ней ничего не знаем. Надо провести полное обследование, выявить вещество, сделать спектральный и химический анализ...

– Вот только этого не надо! Нам нельзя выносить эту информацию за пределы нашего круга. Саранский поднимет бучу, уж будьте готовы! Если там

вдруг окажется элемент неземного происхождения, то он не откажется от славы. Вам еще не надоели набегу журналистов? И это еще цветочки. Вон, Шилов не даст соврать, его коллеги...

– Бывшие, бывшие коллеги, – перебил его подполковник.

– ... бывшие коллеги или будущие – какая разница – вывернут всех наизнанку: где, что и откуда. Так что я советую всем держаться вместе и не допускать никакой утечки до... выяснения обстоятельств. Он хотел было сказать – до возвращения Олана, но осёкся. Об этом он подробно расскажет потом, когда Борис отправит своих дам и успокоится.

– Александр Павлович прав. Нам не стоит сейчас рисковать информацией. В Центре есть все необходимое оборудование, мы сами завтра сможем взять образец вещества и провести необходимые замеры и анализы, – поддержал профессора Арон.

– Ладно, убедили. Я давно знаю Юру, он точно все разнесет, если что не так, хотя врачебную тайну хранит, как партизан. Никогда не подводил. Но, если тут что-то непознанное, да еще и опасное, вряд ли будет молчать, он и вправду, завербован. Но, если тебе станет хуже, не пеняй – сам напросился, – резюмировал Куратор.

Борис и Шилов пошли провожать женщин с Вадимом до машины, которую они оставили недалеко от своего временного пристанища. Астра по пути снова летала ласточкой по лесным кущам и собирала какие-то растения. Казалось, она век так жила, и Борис, глядя на неё, радовался, как ребенок. Девушка что-то напевала, когда Куратор вдруг резко остановил её и закрыл рот ладонью.

– Тихо! Тихо все, – шепотом зашипел он, оглядываясь вокруг. Ему показалось, что за ними кто-то следит. Ольга, едва касаясь тропы, подошла к ним и пригнулась. Борис глазами скомандовал Шилову и Вадиму пройти вперед – посмотреть, что там. Они уже почти подошли к месту парковки. Напряжение стоило им пяти минут жизни с адреналином. Разведчики вскоре заорали, что все чисто, можно идти. Оказывается, виновником нечаянного испуга был... лось. Он стоял рядом с автомобилями и пытался их бодать, ничуть не опасаясь подошедших людей. Это был взрослый самец, большой и здоровый, который мог легко перевернуть легковушку, но с внедорожником пришлось бы потрудиться. Просто не успел. Видимо, у него уже был опыт общения с автомобилями. Выдохнув с облегчением, Куратор заботливо усадил подруг по местам. Одну, как отец, другую, как брат, а третью, как муж. Выполнив свой долг, пожал руку водителю и отправил их в город, дав последние указания. Он все ещё опасался, что полковник Колечко устроит засаду при выезде на трассу, а другой дороги нет. Если они проскочат, то потом – поминай, как звали, Вадим оторвется от любого пре-

следования – не впервой. Он помнит еще начало 90-х. А тут еще и связь сбоит, есть риск не узнать, проехали или нет опасный участок?

Борис вспомнил о телефоне, который так и застрял в расщелине, и, чтобы его извлечь, надо подкопать под валун, а потом сдвинуть его. Он, скорее всего, разрядился, да к тому же ночь была влажной, дождик крапал, аппарат подмочило. Борис хотел поскорее вернуться в Центр, разобраться в ситуации. К тому же их могут начать искать, сначала по спутниковой связи, потом – могут выехать. Там, на спуске в пещерный грот, остались канаты и снаряжение, которое можно заметить с рыбацкой лодки или полицейского катера. Убрать все улики проникновения в бункер – или что там нашли его товарищи – и замести следы. Тем более, Знаменский упёрся, а ему следует принять горячую ванну и провести комплексное обследование. Да, придется пока отказаться от идеи снова спуститься в подземелье через колодец, из которого вышли исследователи. Это можно оставить на потом, тем более, что потребуются более сложное снаряжение, оборудование, рация, и, скорее всего, помощники, которых придется отбирать с пристрастием, чтобы не проболтались. Борис поделился с Олегом своими размышлениями, и тот охотно согласился. Одна только мысль о возвращении к болоту, где был похищен Забродин, оказывала на него тошнотворное влияние. Возвращение в ЦРБ, напротив, вдохновляло подполковника, поскольку там развернулась крутая интрига с участием иностранного агента, а это уж совсем по его части.

ГЛАВА 21. ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Вадим Игнатьев вывел машину на шоссе, проехал еще два безопасных километра и остановился. Он был строго предупрежден о возможности засады на повороте к главной дороге в город. Решил пройти вперед примерно за километр – разведать обстановку. Условились: если его не будет более часа, Ольга должна будет отъехать с трассы и укрыться в лесу, а по истечении некоторого времени прорваться в город. Дамы остались без мужской поддержки, но, пока время достигло критической отметки, Ольга весело болтала о предстоящих мероприятиях, которые они с Кэт разработали накануне отъезда в целях социальной реабилитации Астры. Минут через пять активной презентации предстоящих событий Катерина тронула ее за плечо и приставила к губам палец, мол, тихо, Астра спит. Орлова удивилась, ведь она говорила громко, как будто весь запас оптимизма вдруг вырвался фонтаном наружу из глубин сдавленной души, и надо же – девушка уснула, как будто ничего не слышала. Может быть, устала от лесной беготни, или наступил час её обычных

сновидений? Обе опекунши притихли, и, чтобы не сорваться на говор, плавно вытекли из автомобиля – проветриться.

– Как ты думаешь, сколько километров мы проехали до этого места? – спросила Ольга, потягиваясь всем телом.

– По моим ощущениям, километров двадцать, – ответила Кэт, глядя на стрелки часов (она носила материнские часики со стрелками и никогда не расставалась с ними).

– Твои ощущения обманчивы. По спидометру – я отследила – всего шесть километров, но и мне показалось, что мы очень долго ехали, почти плелись по дороге. Причем, на каком-то одном участке, а потом понеслись. Странное ощущение.

– Именно на том участке, где мы ехали тихо, она и заснула, – ответила внимательная помощница.

– Все-таки здесь явно аномальная зона..., – протяжно констатировала Ольга и, сунув руки в карманы курточки, обнаружила там свои сигареты и зажигалку, – Надо же! Катюша, я совсем забыла покурить. Уже больше суток – как из головы вылетело. А вот сейчас захотелось...

– Может, не надо?... – посоветовала подруга.

– Надо, Катя, надо, – такое острое желание затянуться, – призналась Орлова и закурила, мечтательно прищурилась. Однако её вдруг одолел внезапный острый кашель, как при астме. Она с отвращением выбросила недокуренную сигарету и затоптала её, жалуясь на тошноту и головокружение.

– Что это? Что со мной? Никогда так не было, – приходя в себя, прерывисто вопрошала неудачливая курильщица.

– Наверное, пробил час. Пора бросать, – шутиливо ответила Кэт и пригрозила пальцем.

– Это неспроста. Может быть, это влияние аномальной зоны?

– Трудно сказать. У моей сестры было такое же, когда она ещё не знала, что у неё две полоски...

– Ты о чём? Думаешь, это беременность? – с тревогой спросила Ольга – то ли себя, то ли свою спутницу. Орлова переварила внезапную версию своего состояния и повернулась лицом к подруге. На нём была отражена неуместная радость и тонкий расчёт. «Только этого чуда мне еще не хватало...», – отстраненно подумала Ольга и прислушалась к шуму на дороге. Ей показалось, что кто-то едет. В эту пору здесь могут быть грибники, рыбаки, да мало ли кто, кому не лень в такой дали искать приключений на природе. Они ждали Вадима уже около часа, и это становилось подозрительным. Ольга резко активизировалась, предчувствуя опасность. Её затормозило внезапное предположение об измененном состоянии ее организма... да, не раньше, не позже, когда дело касается жизни и смерти.

– Кать, быстро садись в машину! – скомандовала Орлова и потянула слегка заторможенную Катерину к дороге. Сама села за руль, благо водитель оставил ключ в замке зажигания, и повернула обратно – туда, где они только что проехали поворот налево. Теперь это будет право... На этот вояж ушло две минуты. Беглянки скрылись от основной трассы в глубине леса, метрах в 50-ти. Пришлось проехать по целине между деревьями, чтобы и с этой грунтовки их не могли заметить. Место было выбрано удачно. Ольга вытащила бинокль из бардачка и подошла поближе к дороге, устроив за высокой густой елью наблюдательный пункт. Через минуту мимо проехал полицейский автомобиль, и, как ей показалось, на переднем месте, стекла которого не тонированы, сидел сам господин Колечко! Она нисколько не сомневалась, что в этом же автомобиле на заднем сиденье был пленен их водитель Вадим Игнатьев. Если бы не её чертовская интуиция, обостряющаяся, как всегда, только в последние секунды перед «взрывом», попались бы они, как кур в ощи́п. Понимая, что скоро полицейский вернется обратно, Ольга решила не дожидаться развития событий, и ехать в город, пока дорога открыта. Вряд ли там еще кто-то будет их ловить.

В машине полковника Колечко, кроме добровольно плененного Вадима Игнатьева, сидели два его помощника. Полицейские резонно рассудили, что хозяев Центра, столь внезапно покинувших свое «осиное гнездо», стоит караулить на единственном въезде повороте. Пропажу они обнаружили еще более суток назад, естественно, у них возникло желание найти Астру, Ольгу и Кэт – для проведения дальнейшего расследования. Да и сам директор ЦРБ был им нужен – для дачи показаний. За то время, пока вся команда была в экспедиции, им удалось успеть сделать анализ ДНК по крови Астры, и теперь они точно знали, что она – та самая пропавшая девочка из семьи Зиминых (удалось уже отыскать и её родственников). А это уже был повод к задержанию. Вадим увидел засаду, а засада увидела его. Пришлось сдаваться. От волнения перейдя на украинский акцент, водитель наплел ищейкам, что пошел пешком искать Бориса Арнольдовича в лес, но не нашел и вернулся за подмогой. Вот, мол, теперь обрадовался, что полицейские и есть «подмога». Обхитрив защитников правопорядка, Вадим намерился водить их по лесу, якобы ища место парковки автомобиля Бориса, пока товарищи не завершат свои дела. Оттуда они позвонить не смогут, поскольку связь там не работает. Отлично!

Аналогичный расклад сделала и Ольга, но времени у неё оставалось всего несколько часов – до вечера, пока их не начнут искать по пеленгу сотовых телефонов – её и Кэт. Убежденная в правильности выбранной тактики, Ольга Григорьевна уве-

ренно вела автомобиль к городу. Она уже успела выехать на федеральную трассу, как Астра проснулась – или очнулась? Она была какая-то странная, как сообщила Кэт, но Ольга, увлеченная отрывом от возможной погони, её не слушала. Астра сама попросила остановить машину, потому что ей стало плохо. С досадой, близкой к истерике, Ольга свернула за ближайший поворот, чтобы не отвечивать на трассе, и заглушила мотор.

– Ну, что там у вас?

– Астра хочет нам что-то рассказать, – ответила Кэт, помогая девушке выйти из машины.

За поворотом стояло придорожное кафе с приторным названием «Лаванда», и женщины вошли в него. Присев за самый дальний столик, отгороженный от остальных посетителей причудливой стенкой с искусственными лианами, Орлова попросила Кэт заказать воды, чаю, кофе и меню с надеждой, что здесь найдется приличное мясо. Запах бараньего шашлыка уже будоражил ноздри, и всем реально хотелось есть. Резкий аппетит тоже становился в очередь аргументов скорее «за», чем «против» предполагаемой беременности, и Кэт отметила это. Астра была немного вялой, уставшей, но вполне здоровой. Отпив глоток минералки, она внимательно рассматривала пузырьки газа в стакане и не нарочно медлила, как будто язык не хотел включаться, переваливая валуны звуков. Так бывает, когда сильный поток эмоций перехватывает дыхание. От нее ждали обещанной информации, и Астра осторожно, как древний свиток, который мог рассыпаться в любой момент и превратиться в труху истории, начала раскручивать свой неурочный сон.

– Я видела Олана. Как будто мы с ним на космическом корабле летим к Созвездию Ориона. Там есть планета, где живут люди с этого звездолёта. Они называют её... Сурэма, – как-то так. Она очень красивая, там все переливается – от фиолетового к розовому. Поверхность серая, неровная, как кожа с пупырышками. Сурэма маленькая, меньше Меркурия, и почти пустая. Поселения расположены вдоль экватора. Круглые, как бляшки, похожие на гладкие площадки для приземления кораблей. Но это только крыши городов, а люди живут под землей. Многоэтажные подземные цилиндры с вертикальными лифтами и вот такими же гибкими шлангами для перемещений, как на этой перегорожке, – Астра показала на лианы общепитовского дизайнера, задумчиво отодвинула занавески с подсолнухами и посмотрела на внутренний дворик заведения, как будто ей что-то показалось. Ольга, ждущая своего шашлыка со зверским аппетитом, и Катерина, забыли о предстоящей еде и заворожено слушали незатейливое повествование Астры.

– Там все спокойно, хорошо. Они живут, как муравьи. Каждый занят своим делом и не претендует

на большее. У них всё общее, но есть одна цель: они хотят новую планету, чистую и красивую, пригодную для проживания, как наша Земля. У них есть проблема: они уже много тысяч лет – по их времени это называется круги Ориона – размножаются, как растения, – через части своих тел...

– Клонировать себя, – подсказала Ольга, – и почему это проблема?

– Когда нет разнообразия генетического материала, развитие прекращается. Все стоит на одном месте. У вновь образованных существ нет новых способностей, поэтому они все почти одинаковые, как цыплята из инкубатора, а тела очень тонкие и хрупкие, могут жить только в однородной водородной атмосфере при определенной температуре. Они не просто разумные существа, могут общаться без языка – с помощью мыслей из мозга в мозг. Поэтому у них нет неправды. Все прозрачно. Они изучили несколько тысяч планет в этой части Галактики, и выбрали Землю, чтобы собрать с неё образцы... людей. Так это называется?

– Подопытных индивидов! Что дальше? Ну, забрали они, и что они там с ними делают? Что будет с Иваном... Оланом? – раздражено уточнила Ольга. Её коробило от одной мысли, что где-то рядом – под боком – будут жить неземные организмы, постепенно адаптирующие тела людей под свои стратегические планы заселения Земли.

– Олан в порядке. С ним обращаются, как с ученым, показали, как берут у землян пробы тканей и совмещают их генетически со своими телами. Выводят новую расу своих людей, приспособленных к нашей планете. И особенно их интересуют наши зародыши...

– Все-таки вторжение. Они планируют незаконное вторжение?! – почти закричала потенциальная носительница земного эмбриона. Древнейший инстинкт самосохранения опьянил ее цивилизованный ум неконтролируемым материнским бунтом.

– Не знаю. Но у них уже есть на Земле свои территории – под землей, под водой. Там они выращивают гибридную расу, и не вмешиваются в наши дела. Им не нравятся наши мысли. Это для них, как чума: мысли – носители информационного вируса. Он распространяется мгновенно, у них нет материальных носителей. Это всего лишь измененное состояние эфира. У людей оно болезненно измененное. Искаженное.

– А почему бы им не поправить наше сознание? – спросила Ольга, смакуя горячий жирный шашлык. В данную минуту ей до спазма в желваках хотелось жевать горячее мясо, и рассказ Астры об её уникальном выходе в космический эфир – без записи, без научного анализа мог бы показаться обыденной байкой, которую могли бы рассказывать самые простые люди, приснишь им нечто подобное...

– Настенька, ты давай, ешь. Очень вкусно! Попробуй хоть кусочек. На, вот этот...

– Не хочу мяса. Поем пирог с сыром..., – тихо отозвалась рассказчица, продолжая свое повествование, – Так они уже пытались нас изменить, все напрасно. Информационный вирус сидит глубоко в гипофизе. Если его убрать, то мы лишимся жизни. Этот вирус передается из поколения в поколение по генетическому коду. Если вылечить – почистить одно поколение, то в следующем это зерно опять прорастет. Пробовали много раз – не получается.

– А в чем, как они считают, у нас этот вирус проявляется? – спросила Кэт, внимательно слушающая рассказ Астры. Она уже успела незаметно включить режим диктофона на своем мобильнике, и, подражая Ольге, с наслаждением ела свою порцию шашлыка.

– Во всем, как мы относимся друг к другу. Нет чистых отношений. Все наши отношения построены на страхе смерти, – произнесла Астра, откусив кусок ароматной лепешки.

– Вот как! Значит, нами правит только страх? А как же любовь? Сострадание... Жалость? – спросила Ольга, только что закончившая свою трапезу. Пока она проговаривала эти слова, её мозг уже начал анализировать все возможные отношения между людьми и, к ужасу своему она не обнаружила ни одного, в котором не было хотя бы прожилки страха смерти. Любовь? Это продолжение рода, иначе род – вымрет. Жалость? Жалко, когда человек болеет, умирает. Зависть? У кого-то что-то лучше, значит, больше шансов выжить. Дружба? Инстинкт самосохранения – «вместе весело шагать»...

– А у них там разве нет страха смерти?

– У них нет... смерти. Есть только смена тел – через некоторую паузу, похожую на сон. Отдых от жизни. Они не боятся смерти. У них такие отношения между собой – без конфликтов. Все вместе, сообща. Если одного из них удалить куда-то, то другие найдут, где бы он ни был. Если один погиб, как мы это понимаем, и его тело разрушено, то его сущность помещается в капсулу, пока для него не вырастят новое тело. В иных условиях субъективная сущность засыпает, пока не получит подходящий сосуд.

– Кажется, я начинаю понимать! Олан вошёл в этот внеземной объект «по зову свыше». Похоже, он и экспедицию затеял ради этого контакта. Долгое время объект находился в спящем режиме. Когда Олан активизировал его систему этим... осколком НЛО, она «втянула» его к себе. А внутри этой системы, возможно, находилась некая субъективная субстанция в состоянии анабиоза. Одна или несколько. Возможно, там была сущность пилота этого летательного аппарата. Она адаптировалась к Олану, чтобы он мог управлять кораблем, и помчалась к своим соплеменникам. И эти «братья по разуму»

наградили Олана новым знанием, которые он передал тебе по космическому каналу связи, поскольку с тобой он уже был синхронизирован в момент твоего летального пробуждения, – подвела итог Ольга Григорьевна, аккуратно утираясь салфетками.

– Все так и есть, – довольная догадливой покровительницей, подтвердила Астра, дожевывая своё хачапури. Девушка, кажется, сказала все, что хотела, выдохлась, и у неё проснулся здоровый аппетит непритязательной юности.

ГЛАВА 22. ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ

Не дожидаясь, пока подруги тщательно дожуют общепитовскую еду, Ольга дала Кэт команду загрузить оставшиеся шашлыки в контейнеры, забрать питьевую воду в бутылках, идти в машину и ждать, пока она не «сделает одно маленькое дело». Заметив внутри кафе маленькую аптечную конторку, Ольга надеялась найти там волнующий её тест. Ез! Тест нашелся, был куплен и тут же применен. Две минуты активного сердцебиения и вот оно – наше всё! Две розово-красные полоски зияли пропастью между прошлым и будущим в брэнной неизвестности настоящего. Она беременна! Еще минута тупого созерцания, и Ольга взяла себя в руки. Это ведь всего две или три недели – не больше, тест может и врать. «Господи, от кого?!» – отчаянно думала Ольга, имевшая отношения в этот период с двумя мужчинами: Знаменским и Борисом. Внутренний цензор окрасил щеки стыдливым румянцем: «Вела себя, как блудница, и вот – дожила! Не знаю, от кого зачала», – продолжала она бичевать себя, идя к машине с тестом в кармашке куртки. Девочки сидели на задних креслах и о чём-то шептались, просматривая фотографии, сделанные Катериной во время путешествия. Орлова кивком ответила на вопросительную гримасу Кэт, которая и так уже о чём-то догадывалась. Студенткой она проходила психологическую практику в акушерском отделении, отговаривая залетевших девиц от первого аборта, и могла по некоторым неуловимым признакам опередить раннюю беременность. Однако обсудить эту пикантную тему не было ни времени, ни сил. Надо быстро добираться до места, пока их не обнаружили. Оправившись от новых впечатлений, Ольга вспомнила, что надо снять с телефона сим-карту и попросить сделать то же самое Кэт, но – чуть позже. Еще есть немного времени. Для пеленга необходимо иметь оборудование, которое есть только в следственном подразделении полиции, а до него Колечко с отрядом вряд ли уже добрались. Вот только теперь она осознала в полной мере, как сложно в современном мире остаться без связи. Это какое-то наваждение, ведь именно сейчас надо сделать массу звонков! По дороге Ольга Григорьевна успела оповестить Фе-

ликса, чтобы они с Глинским завтра были на своем рабочем месте и ждали её прибытия, потом предусмотрительно заехала на вокзал, чтобы отключить и замуровать телефоны в автоматической камере хранения. И тут, как всегда, в последнюю минуту, неожиданно на контакт прорвался Гарик. Он орал, что Орлова уже два дня, как пропала со связи. Конечно, а как бы он смог пробиться через аномальную зону, в которой побывала Ольга с друзьями и подругами! Незапланированная экспедиция, исчезновение Ивана Забродина, первый внеземной контакт через Астру (Ольга еще не знала про Знаменского), – случись они раньше, когда их тайное сотрудничество по кинопроизводству было в самом разгаре, Ольга выдала бы сюжет для продолжения сценария. Но теперь все изменилось, впрочем, как и для всех членов команды Куратора, попавших в круговорот последних событий.

Огарёв радостно рапортовал, что первый сезон сериала «АСТРАЛ-W» уже готов и скоро будет на экранах популярного телеканала «ТЕЛКАМ» (Телевизионный Канал «Аномалии Мира»). «Телкам» был подернут жуткой желтухой, и его смотрели все, кому не лень. С английской фонетикой это звучало как «расскажи нам», а повторенное дважды имело двойной смысл. Именно на эту целевую аудиторию «гламурных блондинок» и был нацелен новый сериал. Гарик обещал Ольге первую демо-версию сериала по «мылу», но она остановила прыть продюсера. Ей сейчас не до мыльных опер, хотя в сюжете просматривалась и её героиня, на роль которой была приглашена самая дорогая на текущий сезон актриса Мария Шубина. Ольга видела несколько проб с её участием, и там сексуальность актрисы явно преобладала над интеллектом. Орловой это не понравилось, ведь её героиня должна быть самой умной, а не самой желанной для всех мужчин. Огарёв настаивал на данном варианте, и Ольга смирилась – при условии, что героиню немного подретушируют в соответствии с образом ученой дамы. Ах, если бы Гарик знал о том, какая штучка лежала в её кармане... Наверное, он был прав, угадал внутреннюю сущность земной женщины, и вот – она проявилась. На Ольгу напал истерический смех, но она подавила его, все-таки за рулём и не одна. Кэт подумала: нервы. Но теперь уже никто не доберется до них по сотовой связи...

На явочной квартире было чисто, тепло, но как-то неуютно. Обстановка отдавала чужой безлюдностью и больше напоминала гостиницу, чем домашний очаг. Хозяева редко бывали дома, часто ездили «по заграницам» – в силу специфики своей дипломатической деятельности. Дома российских дипломатов часто завалены всякого рода сувенирами, картинками и фотографиями на память о пребывании в разных уголках планеты. Самые че-

столюбивые развешивали на стенах свидетельства встреч на высшем уровне, дипломы, благодарности. Ничего такого в этом доме не было, квартира была огромной, пустой и угрожающе подозрительной. Ольге казалось, что из всех щелей за ней наблюдают, а каждый шепот слышат чьи-то уши. Она сама часто пребывала на подобных явочных адресах, но те «хаты» были небольшими – максимум на три комнаты. Для кого здесь такая обширная жилплощадь? Если для команды спецназа, то слишком шикарно, если для гостей дипломатов – то они не любят жить вместе с хозяевами. Возможно, друзья Брусилова в молодости ютились по общежитиям, и мечта о большой квадратуре воплотилась в этой несуразной обители. Однако на подобные размышления не было ни минуты, и женщины, почувствовав свободу, начали обживать.

Пока Кэт разбирала пакеты с припасами и развешивала одежду по шкафчикам, Ольга в первую очередь решила выйти на связь с мужем. Борис подробно проинструктировал её, как активировать специальный канал связи, который никем не просушивается – это дипломатическая линия. Правда, здесь был еще и городской номер, но он не работал. Ольга была уверена, что команда Куратора успела замести следы экспедиции, пока Вадим водил полицейских по нехоженным тропам. Далее встреча полиции с участниками экспедиции была неминуемой, прятаться и убежать было бессмысленно. Экспедиция закончилась, и все герои на двух автомобилях вернулись в ЦРБ как раз в тот момент, когда Ольга пыталась наладить связь с Борисом. Звонки были длинными, никто не брал трубку. Терпение и еще раз терпение! После нескольких вызовов Ольга трубка была наконец-то снята, но никто не отвечал. Ольга услышала голоса, в том числе и мужа, но он говорил что-то невнятное, как будто кто-то держал его на мушке. Судя по разговору, Борис включил громкую связь, но с ним рядом явно был не один человек, и вскоре она поняла, что муж находится не в самой лучшей ситуации. Орлова так и предполагала, что после возвращения под надзором полковника Колечко он сразу начнет «выяснять обстоятельства». Слышимость была слабой, однако, было два голоса, и Борис хотел, чтобы Ольга не отключала линию, а слушала и внимала. Зачем? Всё равно она здесь и сейчас ничем помочь не сможет, к тому же открытая линия связи привлечёт внимание полковника, и он сможет её зафиксировать. Опасно! – в очередной раз сработала природная интуиция, и Ольга отключила телефонную линию, благоразумно решив, что, когда все закончится, муж сам выйдет на связь. Борис досадовал, что не смог пообщаться с Ольгой, но понял по её голосу, что она с девочками в порядке и в полной безопасности. И это было сейчас главным.

Не раздеваясь, Ольга легла на кожаный диван и мгновенно заснула. Переживания последних дней сказались на её самочувствии. Астра принесла из большой комнаты шерстяной плед и подала его Катерине. Кэт, удивленная таким проявлением заботы, укрыла патронессу и занялась вечерними процедурами. Ольга мирно спала и не могла знать, что Борису Арнольдовичу Брусиллову было выдвинуто обвинение в незаконном удержании (похищении) безымянной девушки, над которой проводились несанкционированные опыты. А сама девушка, в этот момент, оказавшись в безопасном и новом месте, исследовала новый приют с искренним любопытством, задавая Катерине массу нелепых вопросов. Её больше всего интересовали бытовые приборы: холодильник, микроволновая печь, телевизор и даже пылесос, который она неумело пыталась включить, чтобы понять его устройство. Кэт наблюдала, изредка комментируя действия подопечной:

– Настя, это пылесос, он нужен, чтобы делать уборку в доме, когда здесь собирается много пыли. Пыль собирается в специальный контейнер, а потом выбрасывается. Дышать становится легче.

– Зачем это делать? В лесу никто не собирает пыль, а ведь там её много. Пыльца, маленькие семена, песок, сухая глина. Всё это нужно лесу, иначе он не сможет жить.

– Милая моя, ты жила в Центре в такой чистоте, что никогда не спрашивала, как она создается. Когда ты делала зарядку, умывалась, одевалась, в твою комнату приходила Варя и вытирала там пыль, собирала её пылесосом. Почему ты раньше никогда не давала таких вопросов?

– Меня никто не учил. Кэт, покажи мне, как собирают пыль.

– Да, это как раз кстати. Надо бы здесь убраться, только вот Ольга Григорьевна спит, она очень устала, а шум пылесоса её разбудит. Давай сделаем это завтра, а сейчас приготовим ужин, сварим кашу из хлопьев.

– Покажи, как ты варишь кашу, я никогда не видела.

Девушки принялись готовить. Астра, как могла, помогала, комментируя каждое действие наставницы. Катерина была в полном удивлении. Как они могли упустить в воспитании Астры такие простые вещи, как приготовление еды, уборка помещений? Ей стало ясно, что в планы Куратора не входила адаптация девушки к обычной нормальной жизни. Он так и воспитал её, как «принцессу на горошине», ничего не знающую, не умеющую, не приспособленную к самым бытовым делам. Пока педагог психолог размышляла об упущенных возможностях, юная исследовательница проследовала в ванную комнату и начала перебирать всевозможные бутылочки и флаконы, открывая и пробуя жидкости на вкус. Кэт

так и застала её – весь рот в пене, лицо перекошено от неприятности, во взгляде – полная обреченность. Пришлось отмывать нарушительницу порядка и строго настрого запретить ей бывать в ванной одной и пользоваться шампунями и жидким мылом не по назначению.

– Деточка, ты разве не знаешь, что это не съедобно? Ты же сама чистила зубы, правда, голову тебе мыла я, но всё равно, будь осторожнее.

Покормив и помыв эту безнадежно нелепую девочку, Кэт с ужасом осознала, что этот пробел им придется лечить долго. Она вспомнила легенду о Маугли, детях, воспитанных в логове зверя, которые так и могли обучиться мирским привычкам цивилизованного человека. Тут надо ещё учесть, что девушка довольно долго жила у монаха в лесу, и очевидно, что самостоятельным навыкам ведения хозяйства её там никто особенно не обучал. Такая редкая, талантливая, и такая запущенная... В обязанности Катерины не входило обучать Астру навыкам бытия, и теперь она горько сожалела о том, что не смогла настоять на этом, ведь могла бы объяснить Куратору, что это необходимо. А теперь Кэт почувствовала себя не только разочарованной, но и обманутой. Её профессиональное кредо было подорвано. Такой провал, и он на её совести! Она обучала Настю элементарной гигиене, но всегда сама давала её косметические и моющие средства в определенной дозировке. Семь лет она работала с этой девочкой, выполняя должностную инструкцию, не задумываясь о том, что в самостоятельной жизни этот великовозрастный ребенок окажется ни к чему не годным. Катерина была старше Насти всего на семь лет, но чувствовала себя по отношению к ней не то, что старшей сестрой, а скорее мамкой-нянькой, приставленной к царской доченьке из сказки – капризнице и неумехе. Судя по всему, Анастасию воспринимали в Центре как экспериментальное подопытное существо, редкую Жар-птицу, которая вещает о будущем. Почему старшая наставница никогда не задавалась вопросом о воспитании? Она не могла ответить себе на этот вопрос...

Екатерина Сергеевна после института никак не могла найти работу по специальности. Ей предлагали место то в детском саду, то в школе, но она профилировалась на кадровой психологии, исследовании характеров взрослых людей. Склонность к научному мышлению отобразилась в научном реферате, который был опубликован в модном журнале «Профиль века». Статья называлась «Факторы прогностического мышления», и в ней говорилось о способности каждой личности проникать в будущее на основе анализа прошлого. Этому можно было обучить, а вот личностные, обусловленные генетикой особенности человеческой психики, были весьма индивидуальны, и каждая из них соответствовала определенному

сегменту прогностического синтеза или способности к нему. Эту публикацию заметил Борис Брусилов и пригласил подающую надежды аспирантку на работу в Центр Реконструкции Будущего. Катерина с радостью согласилась. У неё появилась возможность закончить свою диссертацию на базе эмпирических исследований, изучить множество уникальных личностей провидцев и экстрасенсов, которые могли предвидеть будущее. Однако с собственной научной работой вскоре пришлось расстаться. Проект «Астра» полностью поглотил её. За эти годы в арсенале молодого психолога накопилось материалов не на одну докторскую диссертацию, однако публиковать результаты секретных исследований было невозможно. Впрочем, глубина интереса и материальный доход был намного весомее иллюзорной перспективы получить научную степень. Кэт так привязалась к Астре, что забыла про свою личную жизнь, а её близкий друг со времён студенчества нашёл другую женщину. И вот только теперь, когда они втроём с Ольгой и Настей оказались на этом запасном аэродроме, она с ужасом обнаружила, что попустила что-то важное, упустила свой шанс стать настоящей матерью, воспитывающей дочь.

В довершение грустных размышлений она обнаружила Астру, уснувшей не раздетой на диване, как и уставшая Ольга. Но теперь всё будет по-другому. Катерина всё-таки отличная исполнительница. Она получила новое задание – адаптировать девушку в реальной жизни, и она сделает всё возможное, чтобы никто не смог отличить её от обычной городской современницы.

ГЛАВА 23. ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

Вечером того же дня, когда вернувшиеся из экспедиции под патронатом полиции коллеги мечтали отдохнуть после сильных впечатлений, полковник Колечко, почуявший удачу в узде, торопился добыть правду. Он намерился додаться господина Брусилова, чуждого ему по роду деятельности, до очевидных признаний.

– Борис Арнольдович, или как Вас там – господин Куратор. Куда Вы дели девушку – гражданку Анастасию Александровну Зимину? Где она?

– Астра, так мы её зовем и не знаем никакой Зиминной. На самом деле её зовут Настя Волгина. Внучка сторожа...

– Да врётё Вы! Дача ложных показаний зачтется не в Вашу пользу. Все-то Вы знаете. Вот и супруга Ваша Ольга Григорьевна отъехать изволили – куда? Тоже не знаете? Что же это Вы здесь все запутались? Один говорит одно, другой – другое. Хоть бы договорились...

– Матвей Иванович, я не буду повторять Вам то, что уже сказано. Ольга Григорьевна выехала вместе с Настей в город, чтобы купить ей зимнюю одеж-

ду. Девочка плохо ориентируется в городе. Потом они должны посетить психолога и невролога, это плановые визиты. Волгина у нас под наблюдением, у нее... отклонения в психике, что может подтвердить профессор Знаменский.

– И до профессора очередь дойдет. Мы уже знаем его диагнозы. При таком заболевании девушке необходим профессиональный уход, а не пассы этих вот – шарлатанов. Вы нарушаете права человека!..

– Полковник, что Вам надо? Говорите прямо, чего Вы от нас хотите? Забрать девушку? Пожалуйста! Если она этого захочет. Она ведь совершеннолетняя и имеет право на выбор. Так? – Борис совершенно забыл о многократных предупреждениях своего штатного адвоката Иосифа Абрамовича хранить молчание, и продолжал дискутировать не в свою пользу.

– У меня есть достоверные сведения, что Вы проводили опыты с подопечной. Вы подтвердили, что знаете о её психическом нездоровье, но при этом нагло использовали её дар в самых корыстных и коммерческих целях. Усыпляли девочку, потом будили, опутывали её разными приборами, применяли нелегальные препараты. Всё это можно считать насилием над личностью, ведь Вы делали это без её согласия. Крепкий Вы орешек, однако... Так не хотите признаться?

– А... Вот оно что! Магдалина Богдановна Вам поведала? Вы же пользуетесь её особым расположением, так ведь? Приехали, смутили, завербовали бедную девушку «сорока с лишним лет»... Так зовите же её, зовите! Пусть она при всех все расскажет, а я послушаю.

Полковник побагровел. Ненавистный ему щеголь от науки буром пошел на святое, а это было выше его терпения.

– Арестуйте его! – заорал он своим подчиненным, – Мы немедленно выезжаем в город. Вы подозреваете... Вы! Лет двадцать будете в клетке торчать. Тоже мне, орел без лапы. Ты у меня петушком запоёшь! – полковник Колечко по кличке Кулинар запустил кулак, чтобы ударить Брусилова по благородной физиономии, но вовремя осёкся. Он уже превысил полномочия, оказал давление на подозреваемого. Однако свидетелей, кроме его офицеров, не было. Так он думал. Но не знал, что весь разговор записывается. Арон вовремя подсуелится и включил громкую связь на селекторе. Сотрудники полиции подошли к Борису и предложили ему надеть наручники, но он сопротивлялся: «Вы не имеете права меня задерживать. Без адвоката я не буду давать показания. Это беспредел!». И далее он назвал такую фамилию, от которой у полковника Колечко образовался столбняк. Это был его заказчик. Тот самый человек, который требовал прижать Брусилова к стенке, да так, чтобы тот не мог отвертеть-

ся. Собственно, ему это почти удалось, но он не ожидал, что Борис Арнольдович тоже как-то связан с особым генералом ФСБ. Арест пришлось отставить, но подписку о невыезде Борис все-таки подписал. Дело было отодвинуто. После допроса, который полковник назвал «доверительной беседой», он вызвал своего адвоката – прожжённого Ёсю Миллера, и тот обещал прибыть в означенное место завтра после полудни.

Магда, оказавшаяся участницей последних событий, тоже стояла на расстанях. С одной стороны, она была на стороне команды Центра – своей команды, частью которой она была многие годы, с другой – не могла противостоять Матвею Ивановичу, ведь он был ей близкий человек. К тому же Магда не могла его осуждать, ведь дело-то и впрямь было очень скользкое. Поскольку в юриспруденции она ничего не понимала, то судила по совести. А совесть ей подсказывала, что с Астрой было не всё так чисто. У девушки за годы работы с её даром не было никаких шансов стать самостоятельной личностью. Об этом почему-то никто не позаботился. Астра жила, как королева, на всём готовом, и могла бы существовать так и дальше, но в большую жизнь её не пускали. Магда по-бабьи переживала, что девочка так и не найдет своего суженого, не выйдет замуж, не родит детей. В свои 24 года она оставалась девственницей, в то время, как её современницы уже с 16-ти лет теряли целомудрие. Ведунья это не приветствовала, но и перспектива Астры засидеться в девках её также не устраивала. Она по своему опыту знала, как трудно остаться одной в молодые годы. И такая красивая одаренная девушка не должна быть монашкой. Магда давно присматривала ей пару, но в Центре водились слишком экзотические личности, в жизни которых было много греха, поломанных судеб и даже извращений. Она видела это сквозь их лица. Никто не подходил в женихи такой ласточке, как Настенька. Примеривая на себя роль свахи, Магда пыталась компенсировать своё женское одиночество, ей хотелось стать для Астры матерью Терезой, покровительницей, наставницей. Тайно она мечтала стать для неё гуру – учителем. Что так притягивало её к сновидице? Догадаться несложно. Магда видела прошлое, Астра – будущее. Эти два энергетических потока должны были слиться с один мощный вихрь, от которого бы произросли новые витки познания тонкого мира. Подсознательно Магда одобряла действия полковника Колечко, ведь они могли привести к отрыву Насти от Куратора, к её окончательному освобождению от ига. Именно так она относилась к изнуряющим лабораторным исследованиям дара юной сновидицы. Тревожилась, осуждала и... ревновала. Почему её дар так не исследуют? Она более опытная, зрелая, может сотворить такое, что Астре и не снилось, причем, безо всяких приборов. И теперь она стояла на

распутье, не зная, кому помочь, и, мучаясь от неопределенности, непрерывно молилась и крестилась.

В это время Борис, открыв настежь окна в своем кабинете, чтобы проветрить помещение от полковника Колечко и его безликой свиты, вызвал Знаменского, чтобы оперативно снять удавку, затянувшуюся на его шее. Впрочем, не только его. В путях оказалась вся команда Куратора. Борис так и не договорил с Ольгой, как следует, но понял, что они на месте и пока им ничего не угрожает. Вадим знает адрес, он надежный человек. Разумеется, Знаменский тоже догадывается, куда он отправил своих дам, но не знает адреса. Арон не в курсе. Шилов вообще ни во что не посвящён, кроме экспедиции. Борис соблюдал секретность в отношении этого поискового мероприятия и его результатов, но вдруг подумал: «А почему бы нет? Если полковника и его иностранного протеже направить по этому следу, они могут надолго утонуть в расследованиях. Пол получит свой пряник и вернется не с пустыми руками. А что, это идея...».

Рассуждая об этом, он не заметил, как к нему вошел Знаменский с таким отсутствующим выражением лица. Оно было каменным. Он тоже хотел поговорить с другом, и их движение к диалогу было двунаправленным:

– Борис, тебя уже отпустило от предыдущего визита? Нам надо серьезно поговорить, прямо сейчас. Завтра придет твой Ёся, и вся эта канитель снова закрутится, а я не могу ждать. Только, прошу тебя, отключи свою иронию и скепсис. Это важно, речь идет о Забродине. Я знаю, где он.

– Так это все знают! Его утащила летающая тарелка, судя по вашим показаниям. Но ты ж понимаешь, что это может быть, что угодно. Он мог просто потерять сознание, упасть в болото, утонуть или исчезнуть по своей воле. Например, ему захотелось снова проникнуть в этот чертов бункер и покопаться там в одиночестве. Что, не так?

– Нет. Далеко не так. Ты оперируешь мотивациями меркантильного или одержимого человека, судишь об Иване с точки зрения традиционной психологии, не веришь в инопланетную версию похищения. А попробуй предположить, что это реально. Его втянули на НЛО, мы видели.

– Мы всё это обсудили еще там – в экспедиции. Мне надо поговорить с нашим гостем из Америки. У меня есть к нему предложение по поводу этого тайного объекта. Как ты думаешь, он клюнет?

Знаменский был шокирован и разочарован. Он понял, что Куратор не готов к тому разговору, с которым он пришел. У Бориса голова кишит земными интригами, он уже вошёл в раж и не собирается терять себя в роли игрока. Отрывать его сейчас от темы, всё равно, что во время партии в покер, когда страсти накалены, предложить послушать оперу или почитать

Игоря Северянина. Не тот фонтан. Ему сейчас нужен не он, а, скорее Шилов, опытный разведчик, который может посоветовать «ход конем». К тому же профессор понял, что Борис в данный момент готов отдать любого козырного туза за одну лишь мистическую надежду выкупить свободу для Астры. А сдать бункер – это было просто безумием. И он сделал попытку отговорить Брусилова от этого шага.

– Я бы не торопился так легко жертвовать нашей находкой. По правилам объект надо бы сначала сдать нашим спецслужбам. Пусть они разбираются. Пол, конечно, заинтересуется, но у него цель иная. Ему нужна Астра, и, скорее всего, он предложит за неё деньги, чтобы не вступать в конфликт. Я думаю, что здесь совпали чьи-то интересы, а Колечко – темная лошадка, и его используют втёмную. И по большому счёту надо бы объявить полиции о пропаже Забродина – через трое суток, как положено, если он не вернется.

– Я тоже об этом думал. Через два дня объявим, но как мы объясним обстоятельства его исчезновения? Начнутся допросы, будут вызывать каждого, а нам сейчас не до того. Враги вокруг. И знаешь, откуда ветер дует? Наезды на Ольгу в СМИ, как мы выяснили, были спровоцированы со стороны православной церкви, завуалированные под женскую месть. Здесь была некая Евстолия вместе с Архимандритом Успенским, она подозрительно много знает о нашем Центре для простой мстительницы, но именно от неё пошла волна слухов. Причем, информация была тщательно подобрана и отсортирована по тематике. Работали аналитики профессионалы, а такие есть и в церкви, и в ФСБ. Предположим, что и те и другие были заинтересованы в подрыве нашей репутации. Органы давно целились, чтобы мы работали на них – бесплатно, так сказать, за идею. Если мы начнем продавать свой товар, то будем независимы, а это никого не устраивает – ни слуг божьих, ни государевых. Есть еще и третья сторона – это Пол. О нас знают не только в России. И, чтобы не платить, они вполне могли сговориться с нашими заинтересованными сторонами, чтобы разрушить ЦРБ и заполучить проект «Астра» в свои руки. Была бы Астра, а всё остальное с их возможностями и финансами – приложится. Кстати, они могут и тебя с Ароном купить с потрохами!..

Знаменский поперхнулся от возмущения, но сдержал себя. Борису, возбужденному после безобразного по своей форме допроса с пристрастием, вполне могло показаться, что за каждым углом стоит шпион, а каждый сотрудник завербован противной стороной. Но заподозрить его и Арона – это уже перегиб. Он пропустил последнюю реплику и продолжил тему в угоду утомленному тревожными ожиданиями Куратору.

– Ты знаешь, я всегда был против рекламы. Пока мы развивались латентно, нас никто не видел, и мы

могли достичь серьезных результатов, но не успели. Инфа выплыла наружу, и, как я думаю, у нас давно завёлся крот.

– Какой крот? Обычная прослушка. Мы с Вадимом полдня жучки вытаскивали перед тем, как выйти в поле. Спасибо Олегу, он их наковырял. Знает схему. Может быть, еще остались где-то, но здесь в кабинете уже нет. Противно, что нас снимали, особенно в спальне...

– Но крот все-таки был?

– Обычный агент, завербованный полковником, по кличке Псих. Он давно тут отирался, мы думали, убогий, а он оказался тем еще поганцем. Шилов его в психушку упёк – с подачи того же Колечко. Так он за собой следы подтирал, засранец. В общем, всё не просто и придется отстреливаться. Теперь нас не оставят в покое. Работать не дадут, сволочи...

Борис выругался в сердцах и посмотрел на Знаменского. Ему показалось, что тот не в себе, да как это было не заметить: лицо его было покрыто синеватым воском, а руки слегка дрожали, как с перепоя.

– Саш, что случилось? Ты нормально себя чувствуешь? С тобой что-то не так. Надо сделать анализы, проверить кровь и вообще – всем вам надо сделать анализы после этого бункера, а то вполне могли подхватить какую-нибудь заразу или облучиться от НЛО. Давай в лабораторию и собери там всех. Я буду через полчаса, мне надо выйти на связь с Ольгой.

– Не выходи! Это опасно. Не надо так рисковать. Они всё равно нас пасут, лучше пошли Вадима с ним, чтобы без хвоста, он всё узнает.

– Ну, ладно, мне всё равно еще надо бы с Магдой поговорить. Она что-то знает и мутит с этим Колечко, кажется, у них роман.

Знаменский удалился, придерживая левую руку, в которую уже минут десять, как долбился позывной. Ему теперь надо сокрыться от остальных и выйти на связь с Оланом.

ГЛАВА 24. ПРИМА МАГДАЛИНА

Профессор решил пойти к себе, чтобы не привлекать внимания, но на пути его остановила Магда, вызванная на беседу Куратором. Она не имела привычки держать дистанцию психологически комфортную для общения, и всякий раз трогала собеседника то за плечо, то за руку. Как слепой пробивает дорогу своей палкой, так и она пробивалась сквозь ауру человека, чтобы понять и прочесть его. Знаменский не пытался снять её руку со своего плеча и вопросительно посмотрел на Магду.

– Ой, батюшки! Сан Палыч, от тебя ж могилой за версту несет!.. Щас помрешь, если уже не помер. Ты с того света что ль вернулся? А ну, присядь, мил человек, плохо тебе...

Магда усадила изумленного профессора на то самое место, где во время Симпозиума она реанимировала Цветова, когда у того был сердечный приступ. Начала делать ему массаж сердца, протягивая пассы вдоль левой руки до грудной клетки. Ей не впервой людей от смерти спасать. Магда не боится смерти, как врач – крови, и ловко обращается с ней. Как хирурги кромсают внутренности с уверенностью программистов, не связывая организм с личностью, так и ведунья вяжет смерть и отбрасывает её в сторону, как надоевшую кошку, нисколько не церемонясь. Она точно знает, что смерть труслива и податлива, а не всемогуща и страшна, как думают люди. Массируя левую руку Знаменского, Магда не могла не заметить уплотнения в локтевом сгибе. Она почувствовала нечто странное, будто вшитое под кожу устройство размером с мелкую пуговицу. «Пуговица» издавала скользкий звук, усиливающийся при нажиме. Изнутри шел металлический голос, как будто кто-то говорил в микрофон через фольгу. Слова поступали прямо в мозг, и Магда, ошалевшая от испуга, тоже услышала послание «с того света», предназначенное всему человечеству:

– Я Олан с Ориона. Земля в петле Времени. Ускорение развития достигло предельного уровня. 2039 год – зона перехода в новое измерение. Смещение центра тяжести, слияние океанов, сближение континентов. Эвакуация выборки. Миссия спасена. Я Олан. Земля...

Связь прервалась так же внезапно, как и возникла. После этого Знаменский потерял сознание. Магда машинально мяла ему руку, чувствуя, что уплотнение исчезает, рассасывается, а неведомый «пульсар» стихает. Целительница вытащила из кармана безбрежной юбки баночку с мазью, сняла мазок на палец и начала интенсивно втирать Знаменскому в виски. Смесь источала острый пряный запах, напоминающий фимиамы древних храмов. Постепенно лицо обморочного ученого просветлело, и он открыл глаза.

– Магда, спасибо тебе. Спасла меня. Теперь я чувствую себя немного легче. Ты слышала голос?

– Да, всё слышала, как на духу. Только непонятно. Вам что-то вшили в руку такое – говорящее устройство. Это какой-то эксперимент? Так я слышала...

– Ты же МАГДА. Все буквы большие! Скажи мне, что ты слышала?

– Видела. Вот как руку взяла, так и представилось: лес – темный, густой. И том лесу Вы и с Вами еще трое. Кажется, наш Гриша (Арон) тоже там. Ещё этот – служивый, офицер, значит. И один мужик, лицо какое-то знакомое... Будто бы я видела его раньше. Так будто бы Вы стоите у озера, а из него поднимается столб света. Яркий такой, аж глаза режет. А потом этот человек – знакомец Ваш – идет по свету, по лучу, как по луной дорожке, а потом... исчезает...

– Ты реально всё это видела? Просто прикоснулась ко мне и развернула карту памяти?

– Ну, да... А что Вы так удивляетесь? Ну, да Вы ж меня не знаете! Никогда не работали со мной, а вот Ольга Григорьевна – знает, и мы с ней много чего записали из прошлого, да из памяти людей тоже... Она эти записи все хранит. У вас много там всего... Было...

Магда хотела было рассказать подробности их сотрудничества с Орловой, но быстро спешила и побежала к Куратору, пообещав вернуться и долечить больного.

Знаменский начал понемногу приходить в себя от очередного сеанса внеземной связи. Так можно и с ума сойти. Никакие атеистические варианты объяснения этому явлению он не находил. И религиозные тоже. Это просто фантастика, смешение малых вероятностей. Но как? Он хотел по приезду в Центр срочно исследовать элемент, внедрившийся в его тело, который к тому же свободно передвигается по его руке, принося ощутимую боль, да еще и провоцирует слуховые галлюцинации некой космической связи с Оланом. Бред! Куратор ничего и слышать не хочет, а вот Магда – простая женщина-экстрасенс, увидела то, о чем ей никто не мог рассказать. «И почему я раньше не замечал этой дамы? – подумал Знаменский, – а ведь она может быть очень полезной в наших исследованиях. Надо бы её испытать на Торе, попробовать сеанс путешествия в прошлое. Мы не знаем, что там было – в этом бункере. Она видит прошлое, значит, увидит и это. Хорошо бы взять её с собой в бункер, настроить Тор, оборудование...». Голова профессора светлела и формировала очередной авантурный план. Он и раньше был генератором рискованных идей в команде Куратора, а с переходом Астры на «новый уровень», точнее, с выходом её из игры, ему стало бы неинтересно. Да, экспедиция была насыщенной, но исчезновение Забродина всё еще не укладывалось в его миропонимание. Может быть, всё это им привиделось? Тогда где Олан, то есть Иван Михайлович? Знаменский совсем запутался и решил думать о том, что понятно.

Персона по имени Магда была интересна и Куратору, который тот же час проводил с ней профилактическую дружескую беседу.

– Магдалина Богдановна... Яго'да. Какая интересная фамилия. Хорошего человека такой фамилией не назовешь... Вот, ответьте-ка мне на один вопрос. Вопрос жизни и смерти... Как так получилось, что в ЦРБ появились незваные гости, которые мешают нам работать. Уж не Вы ли, любезная, их призвали? Из-за этого мы вынуждены были командировать Ольгу Григорьевну, Кэт и Астру в специальное учреждение, чтобы уберечь их от этого кошмара, к которому Вы, в частности, как мне видится, весьма причастны. Или я не прав?

– Борис Арнольдович! Я ж ничего не знала, не ведала. Они сами приехали. Матвей Иваныч обещался прибыть, так я думала, ко мне. Дура окаянная... А он этого привёз – Пола, будь он неладен, – Магда недопустимо приблизилась к Борису и почти на ухо прошептала ему, – Страшный он человек. Плохой. Я всё вызнала про него. Он тут натворил такого! Ольгу Григорьевну чуть не отравил, Настеньку – напоил! Еле откачали.

– Что ты такое говоришь? Почему я только сейчас об этом узнаю? Ольга мне ничего не рассказывала. Тебя прикрывала. Так ты с ним заодно?

– Та упаси Господь! С этим гадом я в поле с...ть не сяду, прости Господи, – Магда покраснела и могла уже позволить себе обывательский жаргон – без этикета. Куратор вообще-то имел в виду Колечко, а она подумала, что он говорит про Пола.

– Ну, как же. Знаю я ваши шашни. Вы что-то там мутите со своим Матвей Иванычем. Сговорились все. Может, Вы его и раньше знали? Или только теперь познакомились?

Магда спала с лица. Ей вдруг стало ясно, что Куратор вообще не в курсе их дел, и Ольга ничего ему не рассказывала об их встрече с Матюшей. И о том, как она давала ей эфир, чтобы омолодить перед свиданием, и как потом они вместе пытались высвободиться из клещей Пола, как водили за нос ищеек полковника Колечко, и как Магда помогала Вадиму и женщинам выбраться за пределы Центра, чтобы избежать беды. Она интуитивно понимала, что стоит между двух огней, и теперь придется выбирать, но, к сожалению, или к счастью, её цельная натура не могла разорваться надвое. Магда в любой ситуации, даже когда приходилось помогать разным сторонам, вела себя искренне, как того требовала обстановка в данный момент и в данном месте. О, если бы она была санитаркой на поле брани, то ей было бы безразлично, кого спасать – белых или красных, русских или фрицев. Все живые, и всем больно, а кто за кого – это не её дело. Так вот и сейчас она поняла, как страдает Куратор, а после прикосновения к нему прочла его большую, обреченную на вечность, любовь, и ей стало жаль этого большого красивого человека. Она физически чувствовала, как разрывается его сердце. До слёз было недалеко.

Борис слушал длинный сбивчивый рассказ Магды об истории их сватовства с Матвеем, потом трагической разлуки, встречи через 25 лет (с опусканием некоторых подробностей) и о той роли, которую сыграла в этом Орлова. Теперь он всё понял и смотрел на Магду, как на спасительницу. Вот она – разгадка и ключ. Такая простая, добрая, наивная... В нём проснулся змий искуситель опытного вербовщика. Главное – не перегнуть палку. Чуть покажи рожки дьявола, и она сбежит. Он начал осторожно рассказывать о проекте «Астра» – с определённой

дозой откровенности, чтобы вызвать доверие. О том, как они не раз спасали Настю (Астру) от смерти, о её недуге и невозможности общения с миром. Голос его дрожал – не по Станиславскому. Борис впервые дал волю чувствам, и они были реальны, искренни. Впервые в жизни (!) настоящие мужские слёзы катились по его щекам, рискуя спровоцировать приступ рыдания. Он мог сделать это, будучи актером по природе, но не в данный момент. С какой скрытой болью он говорил о девушке, как глубоко страдал! И Магда волею случая оказалась единственным человеком, с которым он мог поделиться. Никто ничего подобного не слышал и не мог слышать. Борис давно держал в себе свои чувства, и сердце его постепенно переполнялось. Это была гремучая смесь любви, тревоги, даже страха, отцовской заботы и нечеловеческого волнения, сквозь которые пробивался научный интерес к уникальному явлению природы. Да, без рюмки не обойтись! Куратор разлил дорогой коньяк в хрустальные фужеры, порезал лимон, открыл чудную коробку конфет с «пьяной вишней» и принялся угощать свою гостью, которую только что хотел разорвать на части от гнева. Теперь она стала ему роднее сестры, если бы таковая у него имелась. И цена этой женщине была огромна – не надо сдавать бункер с артефактами, и всё дело с Астрой можно поправить. Провожая Магду, Куратор спросил, надолго ли задержится полковник Колечко с эмиссарами в Центре, и она ответила просто – без обиняков:

– Так он отъехал же. Говорил с каким-то генералом, и тот дал приказ. Матвей Иванович так ему и ответил: «Есть отставить!».

– А Пол – всё ещё здесь?

– Рыжий-то? А куда ему идти? Я ему самогонки подогнала, так сидит, пьет с Машкой, песни поёт, тварь такая.

– Значит, с Машкой, говоришь. Это та, что на вахте. Хороша Маша, что наша...

– Так на неё гипноз не действует. Она его поит по нашему распоряжению, и сама уже пьяная. Вечером расскажет, что у него на уме.

Тучи, собранные над головой ЦРБ усилиями темных сил, рассосались сами собой. Борис испытал огромное облегчение от своей исповеди, но расслабляться пока рано. Он не послушал совета Знаменского и вышел на связь с Ольгой, чтобы успокоить её и узнать, как чувствует себя Астра.

Наутро никто не видел Пола. Он исчез из Центра также внезапно, как и появился. Иллюзии пролонгации его пребывания были основаны на чисто русском воображении: выпил, устал, будет спать до обеда. Однако иностранный шпион опять сделал вид, что приударил за веселой бабенкой, а сам отряхнулся и исчез, не попрощавшись, как сказал сторож Аким – отъехал в пять утра на большой ино-

странной машине кофейного (с молоком) цвета, похожую на начальственную партийную «Победу», останки которой все еще стояли в заброшенном гараже на задворках. Это ретро никто не видел, видимо, еще не пришел тот час, когда старье становится антикварным реликтом. Борис решил, что Пол отступился на время, и старый еврей адвокат зря едет по промозглой осенней дороге, чтобы защитить «ведьминскую контору», как он выразился, от иностранных фискалов.

ГЛАВА 25. АДАПТАЦИЯ

Вот уже сутки, как Астра попала в новую для нее обстановку и начала курс социальной адаптации под чутким патронатом Кэт. Первые три дня – в квартире, потом – постепенное вхождение в городскую среду. Несмотря на неоднократные предупреждения Бориса не отлучаться от Астры, Ольга Григорьевна рискнула покинуть квартиру и отправилась в Институт развития человека, где она не была три недели. Надо бы расправить скрученные в свитки дела, проконтролировать ход выполнения гранта по интегральному образованию. Да и соскучилась она по своим коллегам. После утреннего разговора с супругом Орлова немного успокоилась. Ареста и обыска не будет, но дамоклов меч всё равно висит над их головами. Надо соблюдать осторожность! Еще в плане Ольги стояло посещение своей квартиры и встреча с сыном. Пока ей было не до Астры, хотя Борис наказал именно ей заботиться об этом экспериментальном ребенке не детского возраста.

Катерина должна была вместе с Астрой просмотреть ряд телепрограмм, выбранных специально для уровня её восприятия. Никакого насилия, бандитских разборок с пистолетами, трупами и расследованиями и прочей ерунды в этом жанре. Но выбор оказался сложным: секс, стрельба, погоня за кейсами с пачками денег, обманы, измены, подлоги и подлости были в каждом фильме, и все там страдали, за исключением парочки главных героев, которые, пройдя через горнило мук, в конце были счастливы. Решено было избежать также сугубо развлекательных программ, смешных сериалов и прочего телемусора. После этого жесткого отбора смотреть было нечего. Кэт выбрала для Астры несколько хороших художественных фильмов с happy end, документальных кинолент по истории России, начиная с древней Руси, несколько передач по телеканалам «Культура», «Animal planets», сюжеты о здоровье и полезном питании. Перекачала всё это в ноутбук, расписала по часам график показа, чтобы дозировать телевизионную отраву в допустимых пределах. Однако Астра смотрела всё это без особого интереса, и Кэт пришлось включить телевизор. Через два часа взволнованная наставница позвонила Ольге на рабочий номер с вопросом:

– Ольга, наша доча всё время смотрит рекламу. Можно ей разрешить?

– Смотря какую, – рассудительно ответила Ольга, с теплотой отметив, что Катерина назвала её по имени, как сестру или подругу, а Настю – дочкой, – Наблюдай за ней и записывай реакцию. Ты же вчера поняла, что Настя не понимает назначения хозяйственных предметов быта, вот пусть смотрит, учится, чем моют голову, чистят зубы и ковры.

И Кэт наблюдала. Ей было некогда даже приготовить обед. Реакция Астры была настолько непредсказуемой, что психолог включила диктофон. Девушка энергично комментировала каждый рекламный ролик.

– Кэт, они показывают зубную пасту, от которой давно уже отказались. Все люди чистят зубы пульсаром и всего один раз в неделю. Есть три вида зубного пульсара – для детей, взрослых и для всех, у кого больные зубы. Почему так много разной пасты? Почему люди должны выбирать? Паста вредна для эмали, это доказано.

Педагог-психолог старалась не отвечать и не комментировать. Она говорила только «да, ты права», «конечно, Настя, это просто картинка из прошлого». С каждым часом становилось очевидным, что Астра воспринимает будущее, как уже свершившееся настоящее, а на сей день смотрит, как на прошлое.

– Бритва для мужчин! Кэт, они скребут лицо лезвием? Есть же крем, который за одну минуту снимает все волосы на участке кожи, стимулирует рост новых клеток, снимает воспаления и усталость, обладает эффектом лифтинга. Есть серия кремов «Цирюли» для каждого типа кожи.

Похоже, Астра, путешествуя во сне по будущему, читала много рекламы. Куратор давал ей конкретные указания, на что именно надо смотреть, и Кэт как-то упустила этот момент и решила уточнить:

– Настя, ты много читала во сне – рекламы, я имею в виду?

– Там нет никакой рекламы. На каждом углу стоит поисковый терминал, который отвечает на устный запрос. Если запросов нет, то устройство выводит на экран информацию, интересующую большинство. У всех есть выход на информацию о товарах и услугах. И не надо делать выбор, его уже сделали специалисты. А вас здесь заставляют самим разбираться в качестве товаров. И еще много говорят неправды. Это так трудно слушать! Не могу. Можно отключить эту рекламу?

– Настенька, я не могу её выключить. Она встроена в программы, идет блоками через каждые 10-15 минут. Чтобы смотреть телепередачи бесплатно, мы обязаны её видеть и слышать.

– А как же закон об информационном насилии? Никто не имеет права насильно внедрять инфор-

мацию в умы людей, заставляя их запоминать то, что они не хотят. Вот только что я видела, как учат детей в школе. Их просят запоминать страницы учебников, которые всегда есть в информационно-поисковых системах. Дети не понимают то, что надо запомнить, поэтому их память не развивается. Сначала формируют потребность в знании, потом дают знание как награду.

Девушка ни на минуту не отпускала Екатерину Сергеевну, ей надо было общаться, спрашивать, вопросы росли, как снежный ком, большей частью так и оставаясь не разрешенными. Отмолчаться не получилось, и Кэт пришлось находить объяснение происходящему в доступной и краткой форме:

– Да, Настя, специалисты лучше знают, где какой товар. Но люди всегда хотели сами выбирать товар. Продавцы и производители должны продать свою продукцию, получить прибыль. А без рекламы товар не продается. Иначе как люди узнают о товаре и его свойствах? Это азы бизнеса. Давай, Астра, оставим эту рекламу. Я попробую тебе рассказать, как устроена наша экономика.

– В будущем есть закон, который запрещает рекламировать любой товар или услугу, чтобы защитить право человека на правду, – продолжала вещать Астра, – Если товар расхваливают, то это всегда ложь. И она есть в любой рекламе. Теперь любая информация о товаре проходит проверку на наличие там признаков рекламы. Реклама создает преимущество одного товара над другим в одном классе, а это запрещено. За неверные сведения о товаре грозит наказание в виде ежегодного и даже многолетнего взыскания с индивидуального счета социальных лепт. И человек не получает гарантированного пособия, дающего ему возможность работать творчески, по способностям, и ему приходится работать не по потребности, а по распоряжению. Это очень тяжело.

– Наверное, мне надо было проводить с тобой больше времени, я так мало знаю. Ты знаешь, какой сейчас год?

– Это видно на мониторе. Я говорю о других годах до конца столетия. Закон о защите человека от информационного насилия выйдет через 5 лет. Куратор знает всё. У Арона есть все записи по годам. Мы много работали, разве ты не знаешь, Кэт?

– У меня были другие обязанности, Астра. Мне и теперь надо приготовить тебе ужин, хотя вы Центре это была не моя забота. Тебе готовили специальное меню. Вот оно у меня есть: картофельное пюре, котлеты на пару, тертая морковь... Для этого мне придется оставить тебя и сходить в гипермаркет. Куплю тебе мороженое, свежие фрукты, газировку. Боюсь, что ты останешься одна, и что-то может случиться. А не иди нельзя. Ольга придет ещё не скоро...

– Не бойся, я уже знаю, как здесь всё работает. Буду смотреть телевизор. Иди уже...

Кэт все-таки решилась. Быстро собралась, закрыла дверь снаружи на ключ и побежала в ближайший магазин за продуктами. Астра осталась одна. Со всем одна. Первый раз после того, как потерялась в лесу ещё девчонкой. Это было ошибкой – оставить её одну. Нет, она не воткнула вилку в розетку и не открыла воду в ванной, а начала смотреть телепередачи – все подряд, переходя с одного канала на другой, не замечая, как бежит время. Ей стало не по себе. Мир, в который она попала из лаборатории, показался ей несовершенным, несовместимым с её духовно-нравственным императивом. Там, в ближайшем будущем, о котором она знала, такого ужаса уже не было. Ничего из того, что ей довелось увидеть за один час. Астра поняла, что ей нельзя показывать своё удивление, иначе ей запретят смотреть. В её будущем работает запрет на информацию, которая содержит насилие и демонстрирует проявления греха. Вход во всемирную информационную сеть осуществляется по уровням доступа. Идентификация производится на базе датчиков, отпечатков пальцев, контуров роговицы глаз. Невозможно попасть в сеть за другого человека. И каждая ступень доступа должна быть добыта образованием, общественным статусом, заслугами перед обществом, или обусловлена должностной инструкцией. Еще несколько дней такой адаптации, и она может сойти с ума или умереть от нежелания жить в этом мире. Но так уж сложились вектора, что она оказалась в информационном хаосе настоящего, который способны преодолеть только люди текущей эпохи.

Астра не заметила, как в комнату вошла Кэт, держа в руках вазочку с мороженым «Киви». Оно было прекрасным! Зеленоватая нежность вприкуску с кусочками эксклюзивного фрукта. Обьедайтесь! Астра попробовала молочный деликатес и удивленно посмотрела на свою наставницу:

– В этом страшном мире есть свои преимущества. Здесь очень вкусная еда. Поем напоследок, а то потом не придется...

– И куда это ты собралась? В будущее?

– Да, я не хочу здесь жить. Вот только что показали фильм, как один богатый человек купил старинные картины, написанные известными художниками прошлых веков, и другой человек украл их и спрятал в подвале. Потом их нашли, вора посадили в тюрьму, а хозяина картин оставили на свободе, он у них пострадавший. А в будущем он будет вором.

– Почему так, Астра?

– Есть такой закон, который запрещает иметь в собственности предметы, признанные достоянием всего человечества. Это произведения искусства и культуры, которые не могут быть в частной собственности. И тот, кто выявит владельцев таких произведений, заберет у них коллекцию, тот и герой. А преступник – владелец. Все наоборот.

– Интересно. И в каком же времени выйдет такой закон? Получается, что это запрет на частную собственность? Это кажется невозможным...

– Каждый человек имеет право на частную собственность в пределах допустимого уровня личного потребления, а это достаточно широкий диапазон. Заслуженные люди имеют лучшие дома, транспорт, предметы быта, еду. Но они не могут быть собственниками рек, озер, лесов, островов и континентов, а также природных ресурсов и объектов общественной собственности.

– А как же маленькая земля? Дачный участок, фермерское хозяйство, в котором не обойтись без поля?

– Есть норма личной собственности земли, которая может переходить по наследству. Она рассчитывается, исходя из возможности обработки земли силами одного человека – без найма рабочих. Все фермеры поучают землю в аренду или в пользование на срок дожития.

– Значит, в будущем не будет миллиардеров – очень богатых людей? Неужели всё так изменится, это же революция! И кто позволит?

– До этого долго ждать. Вы не дождетесь. В конце 21 века – в 90-х годах произойдет смена мирового порядка. Возникнет новая мировая экономика, которая будет контролировать ресурсы планеты. И там ни один человек не сможет быть собственником мировых ресурсов. Во владении человека может быть только то, что произведено его собственными силами или силами семьи. Он может построить 10 домов для себя и членов семьи. Это разрешено, но не больше, чем нужно, лишнее придется отдать обществу за лепты.

– А если художник напишет новую красивую картину и оставит её себе, а потом вдруг её признают народным достоянием, то и её отберут? – не унималась наставница. Ей теперь самой хотелось учиться и получать новую информацию. Роли на время поменялись.

– Сначала надо получить признание, а это трудно. Потом тебя наградят: на твой счет придет много социальных лепт, их хватит на несколько лет, а за научные открытия – до конца жизни. После этого твоя картина или открытие станут общим достоянием.

– Что такое лепты? Это денежные единицы? – расчетливо спросила Кэт.

– Эта такая минимальная, но достаточная стипендия для проживания человека в течение года. Туда всё включено: питание, образование, проживание, комфорт, поездки, лечение...

– То есть, можно жить, ездить, общаться и заниматься, чем хочешь? – перебила рассказчицу о грядущем любопытная Екатерина Сергеевна.

– Да. Только не всем дают такие лепты. Их еще надо заслужить. Например, если нет таланта, то ми-

лосердием или общественными работами. Каждая лепта состоит из 12 пулов – это содержание в течение месяца.

– И много там, в будущем, таких общественников?

– Вся молодежь, например, работает волонтерами. Зарабатывает лепты и пулы, чтобы получить или купить, по-вашему, время для развития и образования, для создания семьи...

– Для создания семьи нужно Время? У нас это делается быстро – раз-раз – и в ЗАГСе.

– Чтобы взять разрешение на создание Семьи, нужно пройти экзамен по трем уровням. Доказать, что ты способен стать отцом или матерью. И еще надо получить медицинский сертификат на генетическую совместимость, который дает право рожать детей без пробирики, – естественным путём.

– Астра, ты знаешь, как рожают детей? Мы как-то упустили в своё время эту тему. Я сама тебя учила женской гигиене, рассказывала о половом развитии, о браке между людьми, но пока только в теории. На практике у тебя еще не было мужчины.

– Я знаю, как это бывает... Мне достаточно того, что я испытала в тонком мире. И любовь я тоже видела через глаза и руки... – Астра смутилась и посмотрела на изумленную Кэт. Кажется, она поняла, о ком идет речь. Они с Ароном не раз видели нежные взоры и трепет Куратора, едва скрываемый от близкого круга сотрудников. Но там не было интимной близости. Или была? Кэт отложила своё мороженое и обняла Астру, как сестра.

– Ты знаешь, в мире много молодых мужчин, а ты такая красивая. Вот мы с тобой научимся жить по правилам этого времени, и у тебя будет свой любимый человек, как у Ольги Григорьевны – Борис Арнольдович.

– Нет, Кэт. У меня не будет. Не в этой жизни. Любимый человек – общее достояние. Он не может быть собственным, как у вас здесь. Он просто любимый – и всё. Может быть много любимых, меня могут любить многие. Вот Бог любит всех, и его все любят, – рассуждала Астра, теребя свой заветный крестик.

– Ты странно говоришь. Если твой муж будет любить многих, то семьи не будет. Семья – это родители и их дети, произведенные ими. Или не так?

– Экзамен на право создания семьи сдают только однолюбы. Им дается такое право на несколько лет – семь-десять. Обычно после этого дети воспитываются обществом, а супруги получают право на создание новой семьи. Если у них начинаются противоречия, то союз расторгают, сертификат отбирают, и дети уходят в другую семью, более благополучную.

– У нас уже по этому поводу идут споры. Ювенальная юстиция вошла в каждый дом. Социальные жандармы отбирают детей у родителей, лишая их материнского тепла, отцовской ласки. Разве это правильно? Я не представляю, если бы меня забра-

ли у мамы с папой, воспитывали в интернате. Это такое заведение для сирот. Оттуда выходят либо бандиты, либо очень самостоятельные люди, но их меньше. Нет. Это неправильно, насчет семьи. Это разрушение традиций.

– Я никого не хочу судить. Говорю, как будет. Не все люди готовы стать матерью или отцом. Это миссия, её надо заслужить. Воспитание в семье станет исключением из правил. Правило – воспитание в Гимназиях и Училищах, а также в Именных школах будущего. Я видела одну такую школу в своем сне. Это не то, что сейчас. Там дети беспрерывно играют, творят и создают: строят домики и детские замки, рисуют, поют, танцуют, ухаживают за растениями и животными, путешествуют, учатся дружить и любить. А знания им подают вот так – один раз в день, как мороженое. Они сами ищут знание, обмениваются им, как конфетами или игрушками.

– Вот, кстати, интересная тема для Ольги Григорьевны. Она сейчас как раз выиграла грант на тему «Интегральное образование». Ты расскажешь ей об этом?

– Зачем? Ты же всё записываешь. Она услышит. Не надо повторять. У меня еще много вопросов. Теперь мне надо понять, что такое этот мир. Покажи мне, как искать в Интернете.

– Давай не сегодня, Астра. Вот придет наша мама Оля, и мы еще поговорим, или пойдём гулять в парк. Здесь недалеко есть парковая аллея, там хорошо после 10-ти часов. Потом в душ и спать. Как тебе такой план?

– Мама Оля... У меня никогда не было мамы. Мама создает ребенка из своего генетического материала, кормит грудью, а потом – что делает?

Астра действительно не понимала, в чем состоит суть материнства. Она не знала материнской ласки и заботы. Но душа её не очерствела, как у многих сирот, брошенных на произвол судьбы. Она всё еще чего-то ждала от этой жизни. Совсем немного: ей хотелось почувствовать, что такое Мать – на данном этапе своего бытия. Жизнь в её представлении была длиной кинолентой, часть которой сидит в настоящем, а часть – еще предстоит в будущем. В отличие от других людей, она видела заранее всю ленту жизни – и не только своей. Другие всё еще оставались слепыми. Подсознательно – на уровне совести – Астру угнетало это преимущество. Ей было стыдно продемонстрировать избыточное знание. Она знала, что высокомерие, вознесение, выделение себя из общей среды будет утрачено новым обществом. Всякое преимущество в материальном достатке и знании станет ощутимо скрываемым. За то, что человек знает больше других, он сначала десять раз попросит прощения у своей социальной группы, и только затем сможет проявить себя. Наличие жадности и материальной привязки станет со временем

самым постыдным делом. За сокрытие культурных ценностей, например, в подвале дома или в тайнике, виновный понесет мучительное наказание бойкотом. Замалчивание научного открытия или нового факта в истории человечества – будет наказуемо. Фактически Астра воспитывалась в инновационном пространстве, а не в реальной жизни, и, по всей видимости, настоящее казалось ей пройденным этапом. У неё зачастую наблюдались провалы в памяти прошлого, читай – «восприятию настоящего», и это было похоже на психическое отклонение, которому еще не нашли точного определения.

Тем не менее, первый этап адаптации прошёл успешно – в том плане, что Астра не только начала познавать настоящее со всеми вытекающими правдами и неправдами, но и комментировать его с точки зрения будущего, что выглядело неопределимым вкладом в развитие прогностического проекта «Астра».

ГЛАВА 26. ПАУТИНА УИТМЕНА

Диалог Кэт со своей подопечной был прерван появлением Ольги. Она вошла с сумками и пакетами, вся взволнованная и с массой впечатлений.

– Представляешь, Катюша, сегодня ко мне в Институт явился, кто бы ты думала?

– Господин Колечко, а кто же еще?

– Да нет же – Пол! Представляешь, этот рыжий черт сам явился, как ни в чём не бывало, как будто он нас не травил и не пытался похитить нашу девочку!

– Вообще-то, насколько я знаю, он не выезжал из Центра. Вот же ваш последний разговор с Борисом Арнольдовичем. Он же заверил Вас, что полиция покинула нашу скромную обитель, а принц отдыхает, ждет Астру. Или всё не так?

– То-то и оно, что не так. Приезжаю я в Институт, и там меня встречает Глинский с Феликсом. И оба такие подобострастные, суетливые. Мол, там, в приемной меня ожидает иностранный дипломат с предложением, от которого я не смогу отказаться. Захожу в приёмную, сморю и глазам не верю: там сидит наш рыжий шпион, весь напوماженный, наглаженный, как «денди лондонский одет», да еще и золотые старинные часы на цепочке перебирает. Наш пострел везде поспел! Ну, я, конечно, сделала вид, что вижу его первый раз, пригласила к себе в кабинет. И тут он почти на чистом русском мне такое предлагает!

– Очень интересно, Ольга Григорьевна, и что же он такое предлагает? До чего набрался наглости? Или, как нам говорила Магда, решил применить свои гипнотические чары на Ольге Орловой?

– Ну, надо же! Решил он... применить... ничего не выйдет! Не на ту напал, налётчик. Мы поговорили

с ним – разговор был коротким, а потом я вызвала Феликса и по всем ритуалам сибирского гостеприимства отправила их в ресторан. Феликс его пробыёт, он так мне подмигнул и щелкнул пальцами – вот так! – мол, шахиня, не шелести, всё будет ОК! Он его укатает в своём кавказском ресторане.

Ольга была подозрительно возбужденной и самоуверенной. Она бравировала и жестикулировала, но для опытного психолога было ясно, что в данный момент её воля была поражена стрелой Амура, и частичная невменяемость в отношении холодного расчёта и анализа ситуации была налицо.

– Любопытно, что же такое он предложил и от чего его надо отпаивать? – нарочито не заинтересованно спросила Кэт, подавая патронессе кружку горячего шоколада (её любимый напиток).

– Ты, правда, хочешь знать, дорогая подруга? – едва скрывая зуд женской болтовни и обжигаясь сладким шоколадом, Ольга, не дожидаясь согласия собеседницы, рассказала всё, как на духу в присутствии Астры. Потом внимательно посмотрела на девушку, и запоздало дала понять, что детское время кончилось. Однако Астра не поняла намёка. Куратор же осведомил её, что теперь она – равноценный член команды, и может знать всё, о чем говорят другие. А ложной скромности девушку никто не научил: она всё понимала буквально. Чтобы как-то поддержать беседу и остаться в ней, она несмело спросила:

– А вдруг Пол следил за Вами, куда поехали, и теперь знает этот адрес? Я не могу с ним больше встречаться и даже видеть его. Мне страшно...

– Астра, как ты провела сегодняшний день? – резко сменила тему Ольга.

– Я смотрела телевизор. Кэт не дает мне знаний, как искать в Интернете, а мне надо искать, много знать об этом мире, чтобы понять.

– Ты говоришь, как Пол на русском. Интересно строишь фразу. Ты очень способная, с тобой надо заниматься серьезно. Завтра и начнем. Только вот не могу тебя взять с собой в Институт. Пол еще в городе, но, вроде бы, собирался дня через три лететь в Москву на какую-то международную тусовку. Что-то там, связанное с иноземным разумом, – мне это тоже интересно.

Ольга намеренно отводила от темы разговора, чтобы на паузе обдумать, что она сгоряча рассказала такого, о чём потом будет непременно жалеть. Интуиция работала, как швейная машинка, концентрируя в той части души, которая отвечала за совесть (индикатор греховного деяния), – нечто, напоминающее кошачьи отпрыжки. Душа её непривычно блудила по высоким орбитам с огромной скоростью. Это напоминало ощущение катания на американских горках: вверх-вниз, вверх-вниз... Бедняжка потянулась к местам не столь отдаленным, чтобы прочистить желудок. Кэт, наблюдая эти терзания, за-

волновалась: надо бы позвонить Куратору, сказать о состоянии супруги – том самом, о котором он ещё не знает, но и вмешиваться в эту пикантную, чисто семейную ситуацию было непостижимо абсурдно. Всё-таки Ольга Григорьевна сама должна это сказать – первой. Орлова не знала о тайном инструктаже, который провёл Борис с Екатериной Сергеевной, ведь она была чисто его креатурой. Кэт имела при себе телефон с секретной симкой, чистой, как слеза ребенка. Это на всякий случай, если что... И вот это самое «если что», кажется, случилось... И дело было даже не в показаниях теста, которые объясняли причину некоторого недомогания, вполне естественного для женщины на раннем сроке беременности, а в том состоянии, которое обрушилось на Ольгу после общения с Полом. То, что Пол был далеко не простым мальчиком, Кэт убедилась в процессе невольного наблюдения за его поведением в Центре. К слову, с Катериной он как раз таки не общался, там было лишь не включенное наблюдение за наблюдающим, – из зазеркалья. Однако от цепкого взгляда профессионалки не могли укрыться способы его манипулирования женским сознанием, о котором с биением сердца говорила Магда в кухонной подсобке.

Ольга пришла в себя и уже забыла о соблюдении режима для Астры. Ей хотелось рассказать всё подробно. И так до глубокой ночи она исповедовалась своим удивительным слушательницам, умеющим видеть сквозь время и делать точный рентген скрытых эмоций. А впечатлений было много! Пол был великолепен в диалоге. Он долго рассказывал о последних достижениях в сфере инновационных технологий, позволяющих не только раскрыть глубины человеческого разума, но и смоделировать Чистый Разум – без примеси греха. Только новое поколение людей Чистого Разума сможет выйти на уровень галактического сообщества представителей высших рас. Он приводил удивительные примеры и факты по очищению сознания у безнадежных преступников и рецидивистов. После применения этих секретных технологий они становились святыми. Можно верить, а можно и сомневаться, но тема разговора была подобрана для неё идеально. Именно она, Ольга Орлова, работала над темой избавления людей от греховных мыслей многие годы. И только два дня назад Астра рассказывала о контакте с Оланом (Иваном), который передал информацию о недопущении человечества в открытое космическое пространство в силу его греховности и зараженности мысли вирусом агрессии и алчности. Но это была прелюдия. Господин Уитмен показал ей документы, удостоверяющие его полномочия в привлечении агентов влияния по всему миру в целях формирования... Мирового Правительства. И он выбрал именно её – Ольгу Орлову, предложил ей

быть членом этого тайного общества и адептом на территории вся Сибири. Ну как тут не закружится голова? Ей стоило немалых усилий встать на паузу, не выдать своей заинтересованности и сбежать в своё логово, чтобы обдумать этот разговор. Пол просил не говорить об этом Борису, потому что он «не избранный», не соответствует заданным параметрам – или не отвечает критериям – да всё равно, в общем, – не подходит на роль кандидата в Мировое Правительство. И вот как теперь Кэт доложить об этом Куратору? А доложить надо... Борис начнет ругаться, что Ольгу, как девчонку, развели на греховной гордыне. Размышления Кэт были прерваны внезапным вопросом почти дремлющей Астры.

– Ольга Григорьевна, а что Пол говорил про меня? Он всё еще требует познакомиться со мной или уже успокоился?

Астра ждала, что скажет «мама Оля», что вообще может говорить мать своей дочери, если они вошли в такую ролевою игру?

– Да, этот господин ни разу тебя не упомянул. Даже странно... А ведь я только теперь это вспомнила. Сначала, когда он вошел ко мне в кабинет, напряглась, но потом стало как-то легко, свободно, как будто мы сто лет с ним знакомы. И я перестала его бояться. Да и разговор был захватывающе интересный. Он сказал мне, что я выдержала испытание, когда сама, без посторонней помощи и довольно быстро очнулась от того препарата, которым он меня усыпил. Хотя, возможно, мне было плохо не только от этого...

Кэт отметила, что с Ольгой явно что-то не то. Она выглядит отстраненной, о чем-то напряженно думает, как будто в её голове происходит извечная борьба противоположностей. Катерина интуитивно отбила основные параметры внешнего воздействия, которому подверглась патронесса. Несмотря на её сильную энергетическую защиту, Полу удалось пробить брешь. Он поймал её на каком-то уровне, влез в тонкую щель и теперь расширяет её, продолжая воздействовать на подсознание даже в свое отсутствие. Заложил мину замедленного действия. Надо немедленно «открыть» Ольгу, развести её на открытость. Но в присутствии Астры, которая вообразила Ольгу матушкой, она вряд ли начнет говорить. Юная сновидица никак не хотела отходить ко сну. Ей хотелось прижаться к Ольге и тихо сопеть под её теплым боком. Собственно, что она и сделала, поскольку сдерживать себя не могла и не умела. Ольга гладила её белокурые пряди и напряженно искала ответа на вопрос: что это было?

Они так и заснули вместе на диване, заботливо прикрытые одеялом, которое Кэт достала из шкафа в этом добром, но чужом доме. Усталость и напряженность прошедшего дня сказались на состоянии её сна. Ольга пребывала в фазе медитации, лежа

с закрытыми глазами. Мозг её отчетливо спал, но подсознание активно бодрствовало. Иными словами, спящая Ольга осознала себя в пространстве и времени, и знала, где находится, и что с ней происходит. Но она наблюдала своё тело со стороны, как это описывают в философских эзотерических трактатах типа «Жизнь после смерти». Никакой логики или суждения, никакой аналитики. Особое подвешенное состояние – «знать и ждать», когда придет нечто необъяснимое и неосоздаемое, но ощущаемое как спокойствие и блаженство. Это знание того, что душа принята и понята в тонком мире без конца и начала, и теперь пребывает в сакральном храме «Я есмь здесь и сейчас». И там она ненаказуема, – никто не может войти туда и причинить ей вред. Это нечто персональное, размытое без четких границ. Попадая в собственную безграничную территорию, человек всегда удивляется её новизне. Ольга погружалась всё глубже в своё «Я», но чувствовала, что рядом кто-то есть, и она здесь не одна. Некто нарушил границы дозволенного пространства, был пропущен и постепенно подбирался к ней. Но, вместо ожидания страха и негодования, она почувствовала необъяснимую и безотчетную нежность. Приближение-удаление... И так несколько раз, пока нечто не дотронулось до одной части её тела в области живота. Как ей показалось, это была широкая шелковая лента, скользящая по гладкой коже. Затем легкий полупрозрачный шарф и волшебной красоты накидка, веселящая душу. Невидимое «нечто» любило и одаривало её, как чудовище в сказке «Аленький цветочек». Сладчайший солнечный зайчик плутал в лабиринтах распаханного небесам тела. Ей остро захотелось узнать его. Но момент раскрытия тайны был нарушен внезапным вторжением в сон Астры. Она сбросила «сладчайшего зайчика», заблудшего в зону греха, и начала будить Ольгу: «Мама, вставай! Проснись, Ларик прилетел, а ты всё спишь!»...

Ольга «проснулась», как это уже было с ней, во сне и увидела крохотную девочку, лежащую в младенческой кровати. Малышка теребила ручками край кружевного покрывальца и смотрела на неё широко открытыми небесно голубыми глазами. Так откуда же она могла слышать голос? Точно, это был голос Астры, его не спутаешь. Ведь только она могла говорить так протяжно и монотонно, окрашивая при этом каждое слово тончайшими полутонами. Слушать её можно было бесконечно, качаясь, как на волнах в катамаране. Она усыпила бы любого, – таков был гипнотический эффект голоса сновидицы. Однако никто никогда не засыпал, ведь она вещала, и каждое слово ловилось и вбиралось в мозг, как вода в песок. Ольга подошла к кровати и хотела взять девочку на руки, крепко прижать к себе. Это желание было настолько сильным, что никто в мире не смог бы оторвать её от ребенка! Но в этот

момент к ней подошел взрослый сын, обнял её за плечи и повернул лицом к себе – как-то по-мужски властно, как будто это была не мать, а жена. Ольга с досадой и громко спросила его «Где ты был? Почему так долго?!». Илларион почему-то оттащил её от кровати и повел в комнату, где было пусто – ни мебели, ни цветов, только одни серо-белые портьеры, колыхающиеся от сильного сквозняка. «Зачем ты сделала это, мама? А ведь я мог бы любить её...», – спросил сын, открывая окно. За окном было бело и пусто, просто ничего не было, одна молочная муть. Ольге стало жутко: «Ты о ком говоришь?» – робко спросила она, теряясь в догадках. Илларион резко обернулся: «Астра. Ты забрала её, и теперь я иду за ней...». Илларион бросился в открытое окно и исчез в белой бездне...

Ольга проснулась в холодном поту. Сон запомнился отчетливо, можно было описать его в деталях. «Чушь какая-то... Кажется, я схожу с ума», – подумала она, обретая реальность. Было около пяти утра, и Астра всё еще лежала у неё на плече. Дыхание девушки было ровным и тихим. Ольга аккуратно высвободилась и прошла в гостиную. Открыла свой электронный дневник и начала писать. Это был поток мыслей, никак не связанных между собой, – надо было как-то очиститься от увиденного во сне сюжета. Постепенно логика взяла своё. Итак, она видела во сне Астру, которая говорила с ней, как дочь, называла её мамой. При этом она вела себя так, как будто Ларик (Илларион) – её брат. Предположим, у Ларика будет сестра, ведь это теперь возможно. У неё в чреве растёт ребенок, и она чувствует, что это девочка. Пока на уровне интуиции. Но скоро всё станет ясно. Так, что дальше? «Думай, думай!», – подгоняла себя Орлова. Астра спит на диване в соседней комнате, и она взрослая девушка. Она не может у меня родиться!.. Ольга больше не могла писать, её колотил озноб. Каким-то чудом в этот миг она уже знала, что Астра – может. Это знание не было предметным и материальным, облеченным в словесную форму мысли. Оно было между мыслями. Да, Олан говорил о такой форме знаний и называл её вселенским знанием, данным от Бога, но не расшифрованным в буквы и символы. Астра! Её душа мобильна между мирами и может – при желании – разместиться в любом телесном пристанище. Опять же – должна быть четко выраженная потребность. Ольга вернулась к дивану, на котором всё еще спала Астра и пристально посмотрела на неё. Да вот же она – теплая, живая взрослая особь женского пола. И, кажется, Ларик обратил на неё внимание, может быть, даже влюбился, но еще не осознает этого. К тому же – свадьба. Во сне он страдает от обреченности потери еще не обретенной любви. У него претензия к матери – именно она «забрала» его потенциальную возлюбленную, а она – лежит в полутьме

– такая милая, нежная. Может быть, не стоит торопиться со свадьбой? В реальной жизни всё можно устроить. Вот только эта девушка не сможет жить самостоятельно, тем более, семейной жизнью...

Тоска, безнадежная и тупая – легла на сердце.

ГЛАВА 27. РОКОВАЯ ОПЛОШНОСТЬ

Адаптация сновидицы к нормальной жизни в условиях города с каждым днем становилась всё сложнее. Очевидно, что проект «Астра» перешел в новую стадию, и, возможно, никаких трансляций снов из будущего больше не предвидится. Настя сама начала рассказывать сны, путая их с реальностью, что вызывало тревогу у всей команды. Борис был в курсе каждого шага, но не мог участвовать в адаптации. Будучи плененным подпиской о невыезде, он ежедневно находился под угрозой ареста. Все ждали какой-либо позитивной развязки, счастливого случая, практически не предпринимая никаких действий.

Ольга Григорьевна наконец-то решила оставить девушку на попечение Катерины Сергеевны и выйти на работу на целый рабочий день. Дела были запущены, и надо было хоть немного сдвинуть эти пирамиды Хеопса в сторону, чтобы освободить пространство развития. Ольгу беспокоило, что нервное истощение, вызванное сменой обстановки, страхом похищения в сочетании с информационным бессилием сделали своё дело. Настеньке, кажется, требовался уже не психолог, а психиатр. У неё проявились серьезные признаки панических атак астральных сущностей низкого плана, и она всё чаще то засыпала, то просыпалась, путалась в показаниях, теряла ориентиры во времени. Смена настроения уходила больше в депрессивный фон, и не было никакой перспективы найти для неё хотя бы один подходящий оптимистический сценарий. Честно говоря, девушке было некуда ходить и нечего хотеть. Никакие стимулы и мотивации не помогали. Ежедневные отчеты Куратору утомили и Ольгу, и Кэт. Борис всё больше нервничал, впадал в истерику, как будто требовал от пациентов нарисовать «несуществующее животное». Он тоже начинал понимать, что это было ошибочное решение – оторвать Астру от привычного мира, подвергнуть испытаниям. Оправданием было только два мотива: страх потери и стремление помочь. Ольге надо было срочно отвлечься и поискать новые идеи, отстранившись от проблем хотя бы на день.

Добравшись до работы на перекладных, она с удовольствием села за пустой рабочий стол, напоминающий маленький пустой аэродром. Давно не была в своём кабинете, где всегда так хорошо думалось и работалось. Алина в отсутствие хозяйки постаралась рассовать всё по полкам. Этот порядок никак не способствовал рабочему настроению.

Ольга снова расставила на столе свои маленькие причиндалы: разного рода сувениры, шкатулки, шары и пирамидки из полудрагоценных камней, головоломки, песочные часы и прочие предметы, которые помогали ей входить в состоянии релаксации и параллельно подключать подсознание для решения какой-либо очередной головоломки. Последнее время только и мечтала о том, чтобы ей никто не мешал, не звонил, не приходил, – в общем, не ломал «витки творческой спирали».

Орлова открыла свою «амбарную книгу», где она записывала свои текущие планы. Последняя запись датирована 2 сентября, а сегодня уже 9 октября, месяц прошел. Работа без неё забуксовала, зашла в логические тупики, спрессовалась в архивы. То, что вчера казалось срочным, уплыло по течению. А будь она на своём месте, так бы и занималась текучкой, пропуская что-то действительно важное. Хозяйка кабинета чувствовала с особой ясностью, что мир внутри неё изменился, время развернулось воронкой вверх: не сжимается и не утекает и в жерло прошлого, а расширяется в неизбежное будущее. С этой позиции реальность видится как бы со стороны.

Ольга Григорьевна перевернула застоявшиеся песочные часы, рассчитанные на 15 минут, и приготовилась чистить папки с документами. В этом вся прелесть работы в одиночестве. На столе – чашка ароматного кофе, за окном – светлый солнечный день и легкий ветер, освежающий минусом по Цельсию. В папке для бумаг – планы, списки, таблицы – организационные фантомы проведенного Симпозиума. В корзину! Это больше не пригодится. Разложив на столешнице порядка 10-ти кластеров разного рода бумаг, хозяйка кабинета так увлеклась сортировкой, что не заметила, как вошла Алина. Ольга отметила её отличный вид и хорошо оформленную прическу с начесом вверх. «Копирует начальницу», – подумала Ольга и вопросительно посмотрела на секретаршу. Видно, что та не хотела отвлекать директрису, но, судя по всему, в данном случае вторжение было неизбежно.

– Ольга Григорьевна, подошла Оксана Александровна Слуцкая с приглашением от губернатора, просит принять.

– Слуцкая? Зови немедленно! Это же моя будущая сноха, – торопливо отметила Ольга, продолжая ворошить бумаги.

В кабинет вошла Оксана. Закрепив в себе инстинкт наблюдательницы, будущая свекровь оценила изысканный дресс-код молодой дамы. Синие брючки строгого покроя, бордовое пончо из тонкой шерсти на белой блузке, скрепленное матовой брошью из серебристого металла. Девушка поздоровалась, слегка наклонив голову в знак почтения.

– Здравствуйте, Ольга Григорьевна! Степан Михайлович попросил меня лично передать Вам

это приглашение. Простите, что поздно, накануне мероприятия, но Вас долго не было. Завтра в 17-00 в административном здании в зале для пресс-конференций состоится презентация нового проекта облачных ИТ-технологий, и у нас будет самое высокое представительство, в том числе иностранные гости. Губернатор счёл необходимым Ваше личное присутствие. Может быть, Вы скажете несколько слов в приветственном блоке.

– Дорогая Оксана Александровна! Как же мне тебя называть? Как невесту моего сына или как референта губернатора?

– Оксана, зовите меня по имени. Я тоже не люблю официоз, но приходится – по работе. Уже привыкла.

– Неожиданное приглашение... А губернатора не смущает, что обо мне и нашем Центре писали интернет-СМИ после Симпозиума? Мне всегда казалось, что государственная власть тяготеет близостью к футурологам. Или не так?

– Последнее время – напротив, власть стала интересоваться перспективными проектами и методами познания будущего, правда, большей частью в области проектирования. Скажем так: гадание на кофейной гуще не приветствуется. Так Вы сможете принять участие в мероприятии? Степан Михайлович просит дать точный ответ. Кстати, первый пул по финансированию проекта «Интегральное образование» уже перечислен.

– Ну, как я могу отказать, Оксана? Ты же прижала меня к стенке! Вижу в тебе госпожу Колонтай 21-го века, растешь прямо на глазах, – с мягкой иронией, никак не предусматривающей возможность обиды, ответила Орлова. Ей хотелось пригласить девочку занять другую диспозицию: сесть вместе с ней в обитые бархатом кресла за маленький столик в углу кабинета – напротив большого окна с выходом на балкон, угостить чаем или кофе с мармеладом и поболтать о предстоящей свадьбе с Илларионом. Но благие намерения опали, как листья посеревшего за окном клёна.

В кабинет, слегка подшаркивая новыми ботинками, вошел Глинский, держа подмышкой толстую зеленую папку с таким видом, что можно подумать, что сейчас он воскликнет «Эврика!». Раскланявшись по обыкновению дамам, Лев Аркадьевич принялся выполнять словесный политес, щедро раздавая комплименты в сторону Оксаны Слуцкой и беспардонно расхваливая Орлову. Ольга пресекла прелюдию жестом и строго спросила помощника:

– Что у тебя, Лев Аркадьевич? Говори. Видишь, какая к нам гостя пожаловала. У меня от неё секретов нет.

– Да, я как раз о проекте. Вот тут подготовлена документация по договорам первого этапа. Их надо подписать, – Феликс просил сделать это незамедлительно: бюджет, сроки, отчетность, – Глинский в

присутствии представителя заказчика старательно изображал совковую ответственность, – У нас уже готовы первые варианты комплексных заданий по формированию предметно-ориентированных мини-систем для средневозрастных групп. И первая группа уже сформирована. Две новые школы дают нам по классу на проведение эксперимента. Вот и подписи с родителей собраны, – сейчас без их согласия никак...

Ольга попросила оставить ей зеленую папку для просмотра – не любила подписывать на бегу. Ей хотелось отправить Глинского восвояси, но она чувствовала явную недосказанность с его стороны. Ему мешала Оксана, а Ольге мешал он. Однако Лев Аркадьевич явно не собирался выходить, присел на представительский стул и начал поправлять шейный платок с таким видом, что Ольге пришлось раскрыть папку и посмотреть документы. В откидном кармане папки лежал листок, на котором неразборчивым почерком было что-то написано. Он привлёк внимание директрисы, и через минуту Орлова сама отпустила Слуцкую, заверив её с мягкой улыбкой в обязательном участии в губернаторском мероприятии.

– Откуда это? – сурово спросила Ольга, глядя на Глинского. Он был явно растерян и напуган. Автор записки, пожелавший остаться неизвестным, предупредил Ольгу, что на неё готовится покушение, её могут взять в заложники с целью обмена на другую интересующую похитителей персону. Помощник развёл руками:

– Представьте себе, милейшая, я нашел это у себя на столе утром – в моём кабинете, куда никто не мог войти, разве что уборщица или Алина. Хотел показать Феликсу, но не решился, так сказать, без разрешения. Пошел сразу к Вам. Вот потому я здесь. Откуда и кто – не представляю, хотя об интересующей их персоне догадываюсь...

– Т-сс! – Ольга сделала жест, предусматривающий продолжение разговора вне стен Института, взяла ключи от своего автомобиля, который дождался хозяйку на офисной стоянке, и начала одевать плащ. Глинский последовал её примеру: оделся у себя в кабинете, оставил свой телефон в офисе (по просьбе Орловой), и они вместе вышли на улицу. Нужно было найти место, где можно было бы свободно поговорить. Поехали в Загородное кафе, где весной произошла их случайная встреча, а потом и дальнейшее сотрудничество после долгого перерыва дружбы.

В кафе было малоллюдно, но не менее уютно, чем летом. Чарующий запах баранины, запеченной в гриле, и темное пиво сгладили негатив предстоящего разговора. Это было место, о котором никто не знал. Глинский говорил много и торопливо. Из всего сказанного Ольга поняла одно: коллегу беспокоят какие-то «круги по воде» – некоторые приметы, ко-

торые, если собрать воедино, вырисовывают картину постоянной слежки за Институтом. Более того, Лев Аркадьевич подозревает, что некоторые сотрудники завербованы, и предлагает установить за ними наблюдение. Ольга улыбнулась, представила Глинского в роли «шпики» – почему-то в исполнении Зиновия Гердта, и ей стало смешно, хотя на самом деле – какой-уж тут смех. Со своей стороны, Орлова рассказала в общих чертах о том, что происходило в Центре после Симпозиума, о программе социальной адаптации для Астры, и о том, что на девушку охотится мистер Пол. Эта записка, скорее всего, его рук дело. Описав злодеяния Пола и убедив собеседника в опасности общения с иностранным агентом, Ольга попросила своего верного помощника сопровождать её на приеме у губернатора, поскольку там, скорее всего, появится Пол Уитмен в роли приглашенного иностранца. А кто же еще?

– Господи, силы небесные! Какой неблагородный кабальеро! А мне казалось: богат, умен и щедр! Вот, подарил мне этот замечательный портфель из кожи цвета баклажан, – Глинский поднял с пола свой портфель и начал гладить его, как любимую игрушку, прижимая к щеке мягкую кожу представительского аксессуара. Ольга подозрительно посмотрела на Глинского, вырвала из его рук подарок Пола и начала шарить в нём в поисках жучка. Глинский растерянно моргал, сожалея о своей глупости и – жадности. Портфель был чист, но напуганная женщина не могла поверить в отсутствие «сыра в мышеловке» и на глазах изумленного коллеги взяла со стола нож для продолжения жестких изысканий. И вот он «жук» – пригнулся под шелковой подкладкой в шве – не нащупаешь.

– Такой маленький! – успел прокомментировать Глинский под суровым взглядом Орловой и виновато побрел на задний двор избавляться от гадкого жучка, едва сдерживая неформальный русский. Но как? Как Пол мог знать о мечте Глинского заполучить именно такой портфель, ведь об этом говорилось в узком кругу еще до Симпозиума. На этот предмет шутили сотрудники, ухмылялся Гарик. Вспомнив Огарёва, Глинский сконцентрировал свои худшие предположения на его персоне. Выполнив свой долг, Глинский вернулся в кафе к столику, чтобы развить мысль о возможном участии Гарика в этом грязном деле, ведь теперь разговор можно было продолжить без опасений. Но настроение было испорчено, и Ольга не хотела продолжать диалог. Оба напряженно восстанавливали нить рассуждений, пытаясь понять, какую именно ошибку они совершили на каком повороте речи. Сказано было много, и теперь слушающие знают слишком многое и даже то, что они раскрыли их секрет. Пол поймет и начнет принимать кардинальные меры, в том числе те, о которых предупредил их в записке некий шестикрылый аноним.

И все-таки Глинский, несмотря на прокол с портфелем, оставался самым доверенным лицом в команде, и на него можно было положиться – хотя бы в той части игры, которая касалась присутствия Пола в городе. Обсудив все возможные варианты, заговорщики вернулись в офис, где их ждала весьма напуганная Алина. Она разговаривала с Борисом Арнольдовичем, и тот был в гневе. Ольга догадывалась, почему. Она оставила Настю одну с Кэт, и мало ли что там могло случиться. Непростительная оплошность. Однако он мог, пользуясь отдельной линией, сам позвонить и узнать, как дела. Нет же, непременно надо будоражить супругу, у которой своих забот выше крыши. И как ему объяснить, что сейчас важнее понять, что намерен делать Пол Уитмен, нельзя упустить такой шанс. Ольга понимала, что это может быть ловушкой: губернаторское приглашение, непременно её присутствие там – какая-то интрига в этом кроется непременно. Но вектор событий был запущен, как стрела индейца, прямо в цель, и уйти с этой траектории не представлялось возможным. Кое-как отбившись от Брусилова, Орлова направилась в свой новый дом, пообещав мужу часа через два выйти на связь и доложить обстановку.

На квартире, где остались Астра и Кэт, было все по-прежнему. Девушка освоила поиск в Интернете, и целыми днями напролет бродила в сети под присмотром своей наставницы. Искала ключевое событие, тот самый камень на росстанях, от которого вектор Истории мог пойти не в ту сторону и привести к всепланетной катастрофе. Кэт жаловалась, что Настенька почти ничего не ест, а вчера варила какое-то варево из грибов, коры, мха и кедровой смолы, которые нашла в лесу и привезла в своем рюкзаке. Сказала, что этот рецепт дала ей Кама, и теперь она готовит некий лобиум, только там нет одного важного компонента. При попытке вылить настой в раковину девушка разразилась истерикой, пришлось поставить его в холодильник. Ольга распорядилась проследить, чтобы Астра не использовала странное варево, иначе это может привести к отравлению. Однако Ольга догадалась, какой именно препарат готовит Астра. Скорее всего, сновидица с его помощью хотела войти в промежуточное состояние между сном и бодрствованием. Значит, ищет канал связи с тонким миром, и ей это жизненно необходимо.

Оставив эти размышления на потом, Ольга доложила Борису, что всё в порядке, и отправилась спать. Ей хотелось побыть одной накануне мероприятия, но в комнату вошла Настя. Она казалась такой трогательной и теплой в этой мягкой желтенькой пижаме, которую ей купила Кэт, что захотелось прижать её к себе, как котенка, ласково погладить по волосам, ведь она, по сути, была большим ребен-

ком. Девушка хотела что-то сказать. Ольга пригласила её прилечь рядом и приготовилась слушать. Несколько минут длилось подготовительное молчание, видимо, Анастасия не могла четко сформулировать свои мысли. Да, именно «свои». Ведь доселе она работала, излагала, вещала, – в ущерб развитию собственной личности, своего «Я».

– Мама, – тихо произнесла она, – я не хочу жить в этом мире.

– Расскажи, почему? – спросила Ольга, внешне не отреагировав на обращение «мама», только сердце сжалось и ёкнуло. Она прижала к себе ново-явленную дочку и почувствовала прилив нежности.

– Здесь страшно каждую минуту. Люди сделали много ошибок, их уже не исправить. Душа не может так долго терпеть, и люди будут быстро умирать без причины.

– Причина есть всегда. Есть много причин. Какая самая главная?

– Главная? – переспросила Настя, – она такая сложная, но я попробую. Здесь каждый человек принадлежит к какой-то группе. От этого начинается граница разделения между людьми. Когда все разделены, начинается борьба. Всегда найдется причина сказать «Ты не такой, ты – другой». И люди начинают мучить друг друга, бить и даже убивать.

– Ты права, Настенька, даже не представляешь, как ты права. Но все люди – разные. Они не могут быть односложными, одинаковыми. Они рождаются разными, и в этом вся диалектика бытия. Борьба противоположностей. Иначе не будет развития и движения вперед. Если все будет одинаковыми, мир застынет в стабильном спокойствии и перестанет развиваться. А это смерть.

– Диалектика? Это такая наука. Я понимаю. Люди рождаются разными, но – одинаково равными. Потом они разбиваются на группы и начинают войну с другими группами. Я не могу так говорить, как Вы. Но мне страшно. Я видела арабов по телевизору. Они собрались на большой площади и что-то кричали, требовали. Там были одни мужчины. Сильные, энергичные, сердитые. Женщин не было. Это уже разделение. Такая группа очень опасна, когда они вместе. Если каждый такой мужчина попадет в смешанное общество, он там не будет так себя вести. Он будет выполнять правила общества, забудет о том, что он араб.

– Он не забудет, просто не будет идентифицировать свою национальную принадлежность, примет правила хорошего тона. Такие сообщества есть на планете. Это профессионалы. Например, программисты. Когда они собираются в группу, чтобы разработать программу для компьютера, там могут быть и русские, и арабы, и китайцы. Я видела, как они работают, там нет никаких признаков национализма. Там уважают только знания, и любой намёк в сторону ге-

нетической или расовой принадлежности считается дурным тоном. Это долгий разговор, но ты задала мне задачу. Я подумаю об этом – завтра, хорошо? А теперь – спать. Вот и Кэт уже пришла за тобой. Спокойной ночи, девочка моя.

Засыпая, Ольга наметила разобраться в том, что сказала Астра. Несмотря на простой и даже примитивный диалог, в её словах было скрыто очень важное предостережение, а, может быть, и ключ к разгадке тайны всех бед человечества.

ГЛАВА 28. ОБЛАЧНЫЙ ПОРТАЛ

На следующий день Орлова направилась на мероприятие по приглашению губернатора. Она волновалась, как девочка перед балом. И не потому, что её пригласил сам губернатор (бывали встречи и круче), а потому, что была уверена в заочном участии в этом приглашении Пола. Он не отпускал Ольгу из вида, следил за ней, и уже не было никакой уверенности, что её маршрут до явочной квартиры не вычислили его ищейки. Может быть, и к её одежде уже прицепили маячок, или ведут наружное наблюдение. Ольге уже надоело по два-три раза менять такси и запутывать маршрут, – не видела в этом особой надобности. Она была уверена, что у Пола есть какой-то другой план, и она – центральное звено в этом сценарии. Собрав всю свою силу воли, Орлова вошла в фойе большого зала для презентаций. Её деликатный наряд блистал изысканным вкусом: маленькое чёрное платье с кружевной кокеткой ручной работы на фиолетовом бархате – подарок матери из Франции. Почему-то Ольга ни разу не одевала его, не было повода. Платье казалось ей слишком вычурным. Пришлось притушить броскость наряда сиреневым палантином из полупрозрачного шелка, придающего легкость строго подтянутой фигуре. Глинский подоспел вовремя и держал невидимый шлейф королевы в качестве консиглиоре. Старания были не напрасны: многие «дамы и господа» смотрели на Ольгу с нескрываемым удовольствием и любопытством. Она держала в руках крохотный ридикюль, вышитый бисером, в котором был замаскирован мощный диктофон с дистанционным сигналом для обнаружения. Коварная записка побудила принять некоторые меры безопасности.

Ольга Григорьевна села в первых рядах для VIP-персон. Глинский не удостоился такой чести и вынужден был ретироваться на галерку. Без его моральной поддержки и подсказок в соблюдении административного этикета под камерами было неуютно. Губернатор вышел на сцену и открыл мероприятие вступительным словом. Как принято в пресс-релизах, глава региона, в частности, сказал:

«Мы так долго муссировали украинскую и европейскую темы, взвешивая такие ценности, как

демократия, свобода и права человека в контрасте с массивными военными действиями, что хотелось «поговорить с Америкой» с глазу на глаз. И вот «лицо США» в реальном времени и не где-то там, в Вашингтоне, Нью-Йорке, а здесь, в Сибири. К нам приехал Пол Уитмен – представитель Генерального Консульства США в России. Его сопровождают начальник отдела Информационных технологий Госдепартамента США из Вашингтона Гарольд Крикс и группа специалистов Консульства США, аккредитованных в России. Они привезли нам «Облачный портал США», основанный на новейших технологиях с использованием сверхмощного квантового компьютера, которые намерены продемонстрировать студенческой молодежи, научной интеллигенции, ну, и нам, чиновникам. Господин Уитмен выполняет свою информационно-дипломатическую миссию, и наша молодежь приготовила ему пару десятков острых вопросов. Мы будем говорить о будущем, и я попрошу Вас, Ольга Григорьевна, демпфировать ситуацию, если будет слишком жарко, ведь господин Пол, как я слышан, посетил Центр Реконструкции Будущего, к которому Вы имеете непосредственное отношение. Напомню присутствующим, что Ольга Григорьевна Орлова – директор Института Развития Человека, футуролог, организатор международного Симпозиума «Фактор будущего». Последовали аплодисменты и реплики. Ольга была не готова к такому крутому пику, но встала, обернулась и вежливо поклонилась залу, не забыв улыбнуться телеоператорам.

Выступление господина Уитмена было похоже на «слоеный пирог». Внешние слова (корка пирога) соответствовали содержанию сайтов: «Добро пожаловать в Облачный портал Соединенных Штатов Америки в российском сибирском городе Красноярске! На страницах Портала вы найдете информацию о наших сотрудниках и о том, как с нами связаться, о программах обмена, об американо-российской политике, о том, как получить визу и вести бизнес с американскими партнерами, и многое другое». Это была согласованная с Вашингтоном позиция по внешнеполитическому курсу, проводимая США в отношении России в связи с избранием нового американского Президента. Впервые в истории это была женщина, которая проводила политику «миролюбивой экспансии». Из слов Генерального Консула следовало, что США хотят обрести друзей в России независимо от того, как они расценивают их политику. «Друзья» должны больше узнать об Америке и тогда, по убеждению американцев они поймут, как хорошо дружить с Америкой и во всем следовать её примеру. Но в одном Пол, кажется, ошибся. Он начал говорить о том, что поможет сибирякам глубже узнать собственную историю. И вот что он сказал дословно: «Красноярск – крупный ад-

министративный центр азиатской части России, которая простирается от Тюменского края до районов арктического Севера». Bravo, Пол! А мы не знали. Даже студенты съезжились...

Целая страница американского портала посвящена уроженцу Сибири композитору Ирвингу Берлину (он родился в Тюмени), более известного, как автор неофициального американского гимна «Боже, благослови Америку!» и «Мне снится белое Рождество». Настоящее имя славного сына Сибири – Израиль Бейлин. Спасаясь от погромов царской России, его семья переехала сначала в Израиль, а затем в Америку, где он и стал автором песен, композитором и продюсером некоторых из величайших бродвейских мюзиклов. Джером Керн как-то писал о Берлине: «В американской музыке нет места для Ирвинга Берлина – он сам американская музыка». Вот какую страницу нашей истории мы упустили. К своему стыду Орлова не знала Ирвинга, но не испытывала от этого огорчения, как и другие слушатели. В самой «начинке» американского пирога брезжил образ 51-го штата США в России. Виртуально он уже сбылся. Консульский Округ включает в себя 12 субъектов Федерации, расположенных в трех Федеральных округах, и, как указано в сайте, это есть «эквивалент штата США» – по численности проживающего там населения – примерно 40 миллионов человек. Аналогия со штатом США не скрывается, а пропагандируется.

– Гражданам России предлагаются услуги трех видов: «консульские услуги», «коммерческие услуги» и «открытая дипломатия». Заметим, «открытая», – откровенная и действенная. Обширные регионы России, протянувшиеся на одиннадцать часовых поясов, играют всё большую роль по мере развития демократизации и децентрализации российского государства, – ораторствовал Пол.

Далее он отметил, что Урал и Сибирь богаты всем, что Бог послал на нашу Землю, и эти сокровища уже сыграли в судьбе Америки символическую роль. Так, статуя Свободы была собрана из железа, изготовленного в Нижнем Тагиле. Однако, «значительная часть Сибири за Уралом оставалась закрытой для иностранцев в течение десятилетий холодной войны», а после неё США были «в первых рядах среди западных стран, стремившихся наладить здесь контакты». Возможно, именно поэтому важно, чтобы «децентрализация российского государства» продолжала идти в том же направлении.

После официальной части студенты, окружившие американских гостей, демонстрировали знание английского языка и информационных технологий. Они старались показать, что не боятся никакой экспансии США, а некоторые даже хотят её. В глазах одной девушки так и звенело «Скорей бы!..». Большой частью это были студенты, изучающие иностранные

языки и готовящие себя к дипломатической карьере. Они с удовольствием использовали гостей для общения. Прислушиваясь к сибирско-американскому диалекту, можно было уловить следующее: «Мы не боимся Америки, и она (уже) не боится нас. Мы вступаем в многомиллионный переговорный процесс «Россия – США» в сети Интернет, которая поможет нам образовать многочисленные бизнес-связи, организовать культурные обмены, брачные и внебрачные союзы...».

Орлова поняла, что мягкое, интеллигентное информационное «вползание» США в российскую жизнь после длительного политического бойкота вступило в активную фазу, и это совсем не больно (пока не больно) и даже приятно. Потребители этой информации – новое поколение, свободно плавающее в лабиринтах всемирной информационной сети. Пол Уитмен говорил о гигантском скачке в развитии цивилизации и прогресса, особенно в сфере информационно-коммуникационных технологий, не забывая напомнить о прогрессирующей виртуальной экономике в облачной системе «Человек-Банк». Двадцать лет назад люди еще не пользовались сотовым телефоном, а теперь не мыслят себя без собственного интернет-портала. Он убеждал юных слушателей, что прогресс будет идти стремительными темпами, и сегодняшний уровень компьютеризации и сетей – это «динозавр» по сравнению с тем, чем мы будем пользоваться завтра. Такой американский оптимизм вполне обусловлен высоким уровнем технологий, которого достигла энергично-энергетическая цивилизация США.

Студенты резвились по полной программе, пикируя американского гостя, а он нанизывал на шампур хорошо подготовленные ответы. Суть их сводилась к тому, что США «не могут позволить конфликтов» и приняли на себя миссию сохранения стабильности в «многополярном мире», который быстро меняется. Старые идеи «однополярного мира» устарели, и, по мнению американских дипломатов, нет никакого силового давления со стороны США на страны Азии, в том числе на евразийскую страну Россию. В своём лице американские дипломаты представляют собой «охранную грамоту» от потенциальных бедствий, которые могут постигнуть человечество в связи с предстоящим глобальным кризисом. «Надо наладить систему связей в бизнесе, судьба просто толкает нас друг к другу, мы должны работать вместе», – говорил Пол на хорошем русском языке с мягким английским акцентом. Презентация была профессионально подготовлена и не изобиловала излишествами. Многие студенты уже имели на своих планшетах всю доступную в Интернете информацию о визите Пола Уитмена, и старались блеснуть своей эрудицией. Однако один вопрос заставил Пола покраснеть. Это был юный женский голос с задних рядов зала. Ольга

обернулась, чтобы увидеть девушку. О, Господи! Так может и удар хватить! Точная копия Астры с её голосом и манерой не акцентировать внимание на интонации задает вопрос на грани фола:

– Мистер Пол, говорят, Вы интересуетесь ясновидящими девушками в России и поэтому приехали к нам в Сибирь. Какие именно девушки Вас интересуют?

Публика расхохоталась, снимая напряжение официальной части мероприятия, а камеры наехали на смелую блондинку, не забывая снять и реакцию иностранного гостя. Пол и вправду замешкался. Ему тоже показалось, что это Астра. Но как она могла оказаться здесь? Секунды потребовались для того, чтобы сообразить и сопоставить, но именно в этот момент выброс адреналина окрасил лицо рыжего альбиноса малиновой краской смущения. Ольга поняла, что это чья-то ловкая заготовка, и дело было за малым. Рядом с девушкой, обнимая свой шикарный портфель, сидел Лев Аркадьевич, и с видом ученого знатока тщательно протирал антикварное пенсне, который он носил в особых случаях для придания своему облику исторической харизмы. Орлова была в восторге! Ай, да Глинский! Пока Ольга притиралась к местному истеблишменту, он неожиданно для себя встретил в фойе антропологического двойника Астры. Это была случайность, но она попала именно в этот момент и в этой точке Вселенной. Глинский, будучи авантюристом по природе, тут же соорудил мини-спектакль и научил девушку правильным словам, предварительно мотивируя её великой славой, которая обрушится на неё после такого скользкого вопроса гостю губернатора. Долго уговаривать не пришлось. Инесса Барановская, – так звали молодую аспирантку, – быстро сообразила, какой финт появится в социальных сетях после такого эссе, и быстро согласилась. Она слушала ответ Пола, не делая ни одной попытки сесть в кресло, как будто намеревалась задать вдогонку еще один вопрос, чем вынудила Пола, специально соскальзывая на акцент, обратить всё в шутку:

– Мне интересно – все девушки Сибири! И все хорошо видят, как это сказать по-русски? Моё восхищение... Моя жена тоже сидит на «облаке», и видит, как я здесь на вас смотрю...

По залу пробежал легкий бриз девичьего хихиканья. Пол Уитмен выкрутился, но понял, что вопросик был не случайным. На этом замечательном аккорде губернатор подтвердил финал встречи и пригласил гостей на фуршет, куда был допущен и Глинский. Студентов и прессу вывели в отдельный холл. Там продолжилось шоу Инессы, додумавшей еще ряд пикантных подробностей к своему вопросу.

В малом зале для встреч на высшем уровне присутствовали представители бизнеса, ученые, социальные звезды местной общественности, депутаты и прочие официальные и неофициальные лица.

Ольга старалась не встречаться глазами с Полом, благо его внимание отвела Оксана Слуцкая, – организатор всего этого дипломатического мероприятия. Опасный человек стоял рядом с невестой сына и нарочито не смотрел в сторону Ольги, пылая повернутой к ней стороной лица. Ольга, соблюдая правила делового этикета, тоже стояла вполоборота к нему, наблюдая субъекта боковым зрением, и дирижировала бокалом вина в окружении поклонников, задающих правильные вопросы о будущем. Особенно активным был профессор Круглов – участник её Симпозиума. Он назойливо допытывался, откуда в ЦРБ появилась информация о новых видах гипотетического психотронного оружия, и какие технологии будущего удалось получить с помощью ясновидящих. Видимо, он не добрал общения с хозяйкой ЦРБ в период проведения футурологической миссии и теперь наслаждался оппонированием, доказывая, что всё сущее обусловлено материей, и невозможно представить проникновение в иное время с участием ныне живущего субъекта. Профессора подмывало подковырнуть результаты исследований с одной лишь единственной целью – опровергнуть их. Утомившись от общения с деятелями науки и журналистики, Ольга подала знак Глинскому, что пора уходить с фуршета. Однако её партнёр уже вступил в горячий спор с лицами, сопровождающими Пола в поездке и, перемежая русский с английским, пытался дискутировать, не забывая опрокидывать одну за другой рюмку коньяка, провоцируя на этот ритуал и иностранных подданных. Орлова подошла к группе спорщиков и прислушалась к теме.

– Россия недооценила возможности США контролировать глобальную ситуацию в наведении «мирового порядка» и переоценила возможности других стран выступать в роли оппозиции. Антиамериканские настроения в России носят «маятниковый характер». Господин Уитмен не хочет говорить о войне, его задача носит мирный характер «информационного присутствия» в регионе – не вмешательства, не экспансии и уж тем более не агрессии, – вещал сотрудник Консульства Крикс, в поведении и взгляде которого просматривался жесткий «защитный блок».

Ему оппонировал въедливый ученый – профессор истории Аркадий Полонский:

– Америка начиналась как страна лидеров, среди которых были изгои из других стран, в том числе, отъявленные пираты и преступники. Ваши горячие парни взяли целый континент, и теперь возвращаются своими потомками с генами «сильных мира сего», в Европу и Азию, туда, откуда вышли их предки. Кажется, вы «положили глаз» на весь мир, особенно на его «филейные части». Так, по крайней мере, видится фотография США со стороны евра-

зийского континента, и она видится в негативе. Вот господин Уитмен и «проявил» эту фотографию. Теперь нам многое стало ясным.

Гарольд чувствовал себя не в своей тарелке, иначе и быть не могло, ведь он был гостем в чужой, мало понятной ему стране. И, как его консультировал Пол Уитмен, он пошел на предельно допустимую откровенность.

– Мы не знаем, переводима ли русская ирония на английский язык, но тонко чувствуем, что политика российского Президента направлена на «хорошие отношения» с США. То, что «худой мир лучше доброй ссоры», известно каждому человеку «без национальности». Как мы говорим, «человек мира» понимает нас. Неделю назад я посетил один «дискурс», как любят русские называть «круглый стол», – американец с усмешкой обрисовал в воздухе периметр стола с прямыми углами, – там российские мусульмане выразили серьезную обеспокоенность предполагаемой направленностью политики США в странах Ислама. Они опасаются, что американцы начнут насаждать в них свою культуру, свой образ жизни и свою религию, что для этих стран является неприемлемым. Господину Уитмену там тоже задали непростой вопрос, и он ответил, что это иллюзия. Мы не будем насаждать свою культуру и вероисповедание, мы оставляем это на волю любых стран. Ислам – это самая быстро развивающаяся религия в США, и мы не хотим войны, у нас есть сильные партнерские отношения с разными странами, и мы не будем оккупировать их. Все страхи – безосновательны.

Полонский, зацепившись за тему Ислама и ИГИ-Ла, так плотно надел на Крикса, что дипломат был уже не в состоянии вырваться из его пут. Глинский, наблюдая спорщиков, едва успевал жевать фуршетную снедь и параллельно отслеживать траекторию движения патронессы. Его беспокоило, что Ольга слишком расслабилась и не чувствует никакой опасности со стороны рыжего Пола. Она совсем забыла о записке, и вот-вот случится что-то страшное. Пищеварение, сдобренное адреналином, начало подводить опытного помощника, и он удалился в туалет, испытывая неловкость. И тут же роковая случайность в образе Пола Уитмена поспешила к выходу вслед за Ольгой.

ГЛАВА 29. ПОГРУЖЕНИЕ В БЕЗДНУ

Ранние октябрьские сумерки вычернили городской горизонт. На фоне черного фонари горели с особым ночным накалом, отсвечивая неоновым в рекламных вывесках краевого центра. Ольга, накинув на плечи норковое манто, ждала Глинского. Он должен был вызвать такси, но его почему-то не было: ни такси, ни Глинского. И позвонить никак. Её телефон всё еще покоился в камере хранения на вокзале, –

запрет Куратора пользоваться мобильной связью не был отменен. Возможно, именно благодаря этой осторожности, Пол все еще не обнаружил их временное логово. Орлова, оставшись без средства связи, подумала о том, как быстро человек привыкает к бытовым удобствам. Сейчас бы позвонить Лёве, где он там застрял? Может, пойти, поискать его? Нет, возвращаться – плохая примета. Укрывшись за колонной, Ольга не заметила, как сзади ней подошли два человека и заставили её обернуться. Это были люди Пола. А вот и он сам – собственной персоной.

– Дорогая Ола, как я рад! Одна и без охраны, – мягко беря её под руку, ворковал разведчик, – думаю, нам надо обсудить нашу большую тему, и Вы не сможете отказаться. Не стоит...

Пол сильнее прижал её руку, и посмотрел ей в глаза. Это был взгляд Медузы Горгоны, который пронзал мозг, размягчая волю. Ольга мысленно сопротивлялась, но вдруг отчетливо почувствовала прилив ярких ощущений на грани блаженства. Она не была зависима от каких-либо блаженств, но тут было что-то иное, длящееся всего несколько секунд. Стремительный поток подхватил сознание женщины, и она оказалась в невесомости. Нечто, похожее на сильное опьянение, с полётом в бездну. Гипноз был настолько сильным, что у Ольги перехватило дух. Пол повёл её к автомобилю с дипломатическими номерами, и она покорно села на заднее кресло, пребывая в приятном теплом тумане. В этот момент Глинский, запыхавшись, выбежал на крыльцо административного особняка и, запахивая на ходу пальто, с отчаянием наблюдал легальное похищение патронессы. Хорошо, что они поставили маячок в бисерную сумочку с диктофоном...

Автомобиль Пола припарковался за городом во дворе шикарного особняка. Затемненные окна не дали возможность отследить маршрут, но Ольга была относительно спокойна: знала, что её найдут. Войдя в каминный зал, она легкомысленно сбросила шубку и присела в кресло в элегантной позе светской львицы. Женщина явно позировала, ей хотелось выглядеть уверенной и независимой. Пол куда-то удалился, его долго не было. Орлова начала скучать, наблюдая всполохи пламени в камине. Обратила внимание, что здесь их ждали. На столике с вычурными ножками стояла великолепная ваза с фруктами, тарелочка с тонко нарезанным лимоном, бутылка коньяка непомерной стоимости, вино, фужеры, рюмки, салфетки, скрученные в форме лебедя. Видимо, предстоял долгий разговор. Единственное, о чем сожалела Ольга, что никак нельзя сообщить Кэт о своем внезапном визите в гости и о том, что она, возможно, надолго задержится.

Пол вошёл в залу и сел напротив. Он успел переодеться в свободный домашний костюм из натурального бежевого велюра, снять галстук и слегка

распахнуть ворот рубашки. Орлова же продолжала терпеть корсет своего «маленького черного платья», что создавало видимое неравенство в предстоящем диалоге. Хозяин предложил ей переодеться в комнате для гостей и попросил прислугу в лице старого дворецкого с английской выправкой проводить гостью в её комнату. Ольга хотела отказаться, но подумала, что не стоит сегодня ночью возвращаться домой, а завтра утром она попросит отвезти её прямо на работу, и согласилась. В комнате, предназначенной для неё, стояла тяжелая мебель из красного дерева с резными наличниками по всем периметрам. Большое зеркало, прикроватный столик, пушистый белый ковер, в котором сладостно утопали ступни, освобожденные от узких туфель. Рядом с кроватью – вход в ванную, напоминающую большой будуар. Ольга не удержалась и приняла душ. Надела на себя предложенный ей шелковый халат до пола, подхватила заколкой волосы и замешкалась: в какой обуви ей лучше войти в зал? В туфлях на высоких каблуках или в тапочках, заботливо оставленных возле кровати? Ну, не босу ногу же идти. А почему бы нет? Она натянула колготки и без обуви прошелестела мелкими шажками в зал, где её ждал Пол.

Он предложил гостье напитки, попросил принести льда и стал медленно посасывать свой коньяк, нарочито не глядя на Ольгу. Этот странный и страшный человек вызывал в ней противоречивые чувства. С одной стороны она отчетливо понимала, что это – враг, который хочет смести проект «Астра», забрать сновидицу, использовать её для получения новых сведений о будущем, и всё это – не только его планы. За ним стоят тайные кланы, глобальная политика, деньги, власть. С другой стороны, Пол был настолько интересен, глубок, остр, невероятен в своих рассуждениях и знаниях, что притягивал куда больше, чем кто-либо из её окружения. И это притяжение было настолько мощным, что с ним было бесполезно бороться. Путь один – падать в воронку до дна, не сопротивляясь! И вот уже – новые отношения: таинственные, сильные страстные. Страсть была выражена не в сексуальном стремлении полов, а в единении аур, что гораздо ярче и острее секса. Собеседники, создающие энергетический вихрь интеллектуального и духовного плана, стирая грани полов, воспарили так далеко и высоко, что время в часах и минутах стало для них не приметным. Пол говорил свой монолог на чисто русском языке, как будто всю жизнь прожил в России.

– Мы уже вплотную подошли к той черте, когда почти все государства мира, насытившись свободой и демократией, хотят всеобщего мирового порядка. Но у правительств нет никакого желания отдавать власть или сколько-нибудь делиться ею. Они еще долго будут держаться за свои скипетры и мантии, увещевая народ не бунтовать, обещая всеобщее

благоденствие, при этом все глубже понимая, какая пропасть стоит между всеми людьми и государствами, и как близок край этой пропасти. Все страны разными путями идут к одной цели: благополучию, миру, безопасности, чистоте окружающей среды. Этим и займется Мировое Правительство. Это не «собственники планеты», а богоподобные люди, достигшие понимания на уровне Духа.

– Пол, ты говоришь об избранных, высшей категории людей, которые имеют огромное деньги, ресурсы, чтобы управлять миром?

– Деньги?! Что такое деньги? Это – пыль. Мировое Правительство создает жителям планеты возможность покупать у самих себя продукты и предметы обихода через «фиктивный капитал», которого будет чрезмерно много. Само же оно владеет всем без денег, так как деньги ему не нужны. Дома, сады, острова, яхты, – всё это для них подобно «острову забвения». Они (высшие) могут жить везде. Право собственности для них является чем-то позорным, как для простых людей – престижным. Зачем обладать собственностью, когда тебе принадлежит весь мир?

– Значит, деление мира на высших и «простых», как ты говоришь, уже произошло? Значит, Мировое Правительство теперь сортирует людей и ставит на них клейма?

– Мировое Правительство не сортирует человеческий материал, а создает условия для самостоятельной классификации.

– Наркомания тоже сортирует – самостоятельно: отделяет грешников от святых. Многие попадают в эту липкую паутину, не могут преодолеть тяги к кайфу. Им дают то, чего они хотят, и постепенно все потребности сводятся в одну черную дыру, которая поглощает человека с потрохами. Эта тяга идет от грехопадения. Так сортируется «человеческий материал»?

– Ох, Ола, Ола! Это ты стала избранной. Пока на первой ступени. Моя миссия – дать тебе элементарное знание, просветить, чтобы ты могла иметь представление о том, что такое Мировое Правительство.

– А как понять, прошел ты через сито или нет? Почему именно я стала избранной? Уж не ты ли меня избрал? И почему ты называешь меня Олой? Не понимаю...

Ольга решительно встала и начала ходить по кругу ковра, заламывая руки, как актриса провинциального театра. Она не верила Полу по факту своей «избранности», считая это очередной провокацией. Пол, по всей видимости, решил сделать её своим союзником и теперь компостирует ей мозги теорией Мирового Правительства, соблазняя сорваться в пропасть гордыни и тщеславия. Ага, «щаз!» Она не настолько пьяна, чтобы поддаться его влиянию. Внезапно Орлова замерла в полутанцевальной позе, поймав на себе взгляд своего отражения в

громдном – во всю стену – зеркале. Сидя у камина, она представляла эту стену разрисованной древними фресками с матовым оттенком поглощенного цвета. А теперь видит себя в углубленном пространстве зазеркалья, как маленькую фею в предполетном па. Она уловила и свой собственный взгляд, отливающий блеском горячего безумия. Боже! Да, похоже, там кто-то следит за ней (похожее зеркало было установлено в ЦРБ). Не подав виду, Ольга села на место, решив выдержать еще один заход «посвящения», а уж потом пойти спать. Теперь она твердо знала, что здесь её никто не тронет – даже в роли заложницы. Пол, кажется, не понял, что она увидела «зеркало», и продолжал свою речь.

– Ола – это твое имя – вечное имя. Ты будешь жить много жизней, но в отличие от простого человека, высшие помнят свои прежние воплощения. С этой минуты ты будешь высшей и вечной. А избранность – это не только способность преодолеть блаженство и не застрять в нём, но и пройти испытание. Ты его прошла.

– Когда?

– Когда садилась в мою машину. У тебя кружилась голова, это было приятно, но гипноз не подействовал до конца, я не смог взломать твою душу. Ты сама собой управляешь иходишь в состояние нирваны. Сумела преодолеть даже действие алагола – наркотика, который создает галлюцинации во сне, – это почти непреодолимо, и доступно только высшим. Это был первый экзамен. Будут еще другие.

– Это когда ты накачал меня какой-то гадостью, будучи моим гостем? Красиво! Так поступают члены вашего Мирового Правительства с новобранцами? Станный у вас способ определения «высших». Да, я могу войти в измененное состояние сознания без стимуляции препаратами. Это достигается медитацией и доступно многим, если тренироваться. Но ведь все люди могут стать избранными, разве не так?

– Странники забвения не хотят терять то, что имеют. Мы не отрицаем, что программа распространения наркотиков – это управление и отбор. Программа была и ранее, но её не активизировали. Теперь процесс запущен на формирование только одной потребности у людей-животных, которые становятся центром мирового рабства. В этой программе используются новые виды наркотиков, которые не дают отрицательных эффектов, а только сокращают жизнь. Низшие будут жить недолго – лет 50. Днём они будут трудиться, а вечером уходить в релаксацию, не испытывая дискомфорта. Когда нет ломки, судорог, рвоты, стремление к наслаждению неодолимо. Именно «преодоление кайфа» является самым важным на пути к «новому знанию».

– Ты хочешь сказать, что каждый должен пройти испытание? Попробовать новые наркотики и потом сделать выбор? А если он уже не сможет сделать вы-

бор? И тысячи, сотни тысяч талантливых молодых людей попадут в рабство зависимости? Это чудовищно. Да ты сам Дьявол, Пол!

– Да, я такой... Наркоманы, будучи одаренными людьми, уверены в том, что находятся в состоянии поиска «нового знания», постоянно оправдывая свою зависимость работой «высшего плана». Так они называют блуждание в потоке энергий на астральном уровне. Однако высшее знание не родится в безумных умах. Важно обойти высшее блаженство, поняв его мысленно, и освободиться от него. Радость исходит из всего, что есть здесь и сейчас, нужно только уметь выделить её из субстрата внутренних ферментов.

– Философ, да ты утомил меня своими дьявольскими измышлениями. Я все-таки думаю иначе. И не только думаю – знаю. Есть способ разом освободить всех людей от греха, и это нам наглядно продемонстрировал наш медиум.

– Господин Забродин? Знаю. Мы следим за ним, он будет твой основной партнер. И где он сейчас? Мы не можем его найти.

– Олан так далеко, что вы его не достанете...

– Ты сказала «Олан»? Откуда это имя? Ты не можешь его знать! – Пол внезапно побагровел и напрыгнул. На его пупырчатой шее вздулась артерия, в глазах пробежала искра гнева. Ольга поджала ноги и вцепилась двумя руками в поручни кресла. Ей стало не по себе. Кажется, она проболтала какую-то важную ценную информацию, и это возбудило странного собеседника, который мог натворить что угодно. Она смотрела на его острый профиль, тонкие ноздри, раздувающие внутренний гнев, и ей стало страшно в слиянии двух параллельных линий: ужаса и восторга.

– Олан – это прозвище. Ассоциативное имя. А что оно означает? – сдавленно спросила Ольга.

Пол взял себя в руки, но промолчал. Он и так выдал себя первобытной реакцией, что несвойственно носителям голубых кровей. Его гостя, возможно, решила, что никакой он не представитель Мирового Правительства, а специальный агент, посланный в Россию для вербовки особо одаренных людей, сведущих в познании будущего.

– Воспринимая данность как неспособность быть иным, мы обретаем покой и уверенность, – проговорил господин Уитмен и посмотрел на часы, пробившие полночь, – Я мог бы много говорить, но Вам пора уже отдыхать.

Разговор едва обрел необходимые ему контуры, и хотелось продолжить, но завтра Ольга придет в себя и закроется. Осмыслит произошедшее, всё поймет, и – начинай всё сначала. Ему было необходимо узнать самое главное про Астру: как они с ней работали. Местонахождение девушки Пол уже знал (Ольга, да и вся команда недооценила разведчика).

Грамотно поставленная слежка сработала четко. Но Пол не собирался так грубо и сразу брать быка за рога. Он хотел, чтобы Ольга сама привела к нему сновидицу, и, более того, осталась с ним работать дальше, даже если это потребует участия всей команды. Гений психологии был убежден, что Ола сможет привести всех, кого захочет. Поэтому важно завладеть её разумом и душой. Это задача минимум. Главная же цель состояла в том, чтобы сделать Орлову не только госпожой, но и своим союзником и агентом. И он пошел по старому отработанному сценарию под кодовым названием «Любовь».

– Ты хочешь знать, кто такой Олан? У нас есть информация из будущего. Посланники нашего времени – два человека зрелого возраста – Олан и Ола. Они уйдут в будущее в новых телах, сохранив все знания прошлого. Они избраны – людьми будущего. Еще здесь, в нашем времени в этой жизни они начнут общаться с посредниками, которые способны преодолеть время и проникнуть к нам, в наш мир...

– Пол, ты совсем меня запутал. Я и Олан? Кто так решил? Может быть, есть другие претенденты на эту роль?

– Нет, мы точно знаем, нам дали приметы этих людей. Тебя мы нашли быстро, а вот Олан – мы не знали, кто он такой, есть ли он вообще. Теперь знаем. Нам надо его найти, – Пол проникновенно посмотрел в глаза своей собеседницы, – первый раз за всю встречу. И вновь волна приливной радости охватила Ольгу. Так чувствует себя по уши влюбленная женщина накануне свидания, – состояние, которое, как и всякое божественное волшебство, не может длиться вечно.

– Женщина и мужчина? Это логично, – рассудила Ольга, едва скрывая своё новое ощущение, – природа Матери, творящей Человека, – её энергия созидательна, – и мужчина, обладающий новым знанием. Этот симбиоз подобен Богу...

Она смотрела на него, размышляя о слиянии тонких энергий представителей разного пола, как вдруг образ сидящего передней мужчины начал двоиться, одно отображение стало накладываться на другое. Она мгновенно, но отчетливо увидела два лица: нормальное человеческое и – старое и страшное, отягощенное мудрым разочарованием и могильной скорбью. Ольга встряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения. Да, нет, кажется, показалось, картинка вернулась в реальность. Может быть, Пол снова подсыпал в её бокал какой-нибудь психотропный препарат? С него станется... Он, как будто прочитал мысли Ольги, отвечал ей:

– Ты не веришь мне. Я вижу. Так мы далеко не уйдём. Надо верить. Я есть твой. Но не думай, что у нас с тобой здесь будет любовь. Для глобальных программаторов Любовь обезличена, она просто есть. И ты её уже чувствуешь...

Сознание Ольги прояснилось моментально. Её резануло: «Я есть твой». Как будто коготь впился в мёртвый сосуд и прорвал его. Внетелесная энергия взвилась столбом и понеслась ввысь, растворяя створки Вселенной: одну за другой! Женщина чувствовала себя утренней Андромедой, искупавшейся в росе. Она – чистый прозрачный сосуд, в который вливается чудная энергия, наполняющая душу незабываемым восторгом! Некий эликсир радости распирает залежавшиеся от сурового напряжения будней складки души, как будто нечто надувает её изнутри – нежно и сладко. Ольга даже зажмурилась от удовольствия. Да, Пол выполнил своё обещание. Залил её любовью – до ватерлинии. Теперь она слушала его отстраненно, внимая каждому слову, и одновременно пропуская их сквозь себя. Уитмен вещал, как оракул:

– Любовь существует вне субъекта страсти. Она может быть помещена в любое существо на земле, соразмерно объему его души. В любви люди подобны Богу, разливающему свою Любовь всем и вся, независимо от их пола и принадлежности. Чем выше уровень программатора, тем меньше в нем проявлений того или иного пола. Интегральное женское и мужское «инь-ян» – два в одном – переливающиеся друг в друга по спирали сопряженные энергии Любви в одном теле – секрет божественного наслаждения высших. На тонком уровне «совокупление» означает слияние душ в единое целое, что создает энергию высшего порядка, способную как к разрушению, так и к созиданию...

ГЛАВА 30. ТАЙНЫЙ УРОК

Пол говорил долго, и невозможно было прервать его повествование. Он прервал его сам, убедившись, что драгоценная гостья пребывает в нужном ему состоянии расслабленной благодати. Пожелав Ольге спокойной ночи, Уитмен удалился во внутренние апартаменты особняка. Она не сразу покинула большой зал. Хотелось как можно дольше поддержать в себе неведомое ранее состояние покоя и тихой радости. Почему неведомое? Неужели она раньше ничего подобного не испытывала? А любовь, нежность, иные добрые и радостные чувства? Всё это было окрашено земным образом, а здесь было нечто иное – потустороннее, как будто душа её разделилась надвое, и одна часть находилась здесь и сейчас, а другая – в ином пространстве. Люди, перенесшие клиническую смерть, часто сетовали, что их вернули назад – реанимировали. Там – в посмертном опыте своём они испытывали неземное блаженство абсолютного покоя и счастья, чистого и огромного. Они не хотели возвращаться. Вот и сейчас с Ольгой происходило нечто подобное, как будто она умерла и хотела остаться в этом

покое вечно. Но реальная сторона разума продиктовала свою волю: надо встать и идти! Куда? Ольга машинально нашла отведенную ей комнату, упала на пышную кровать и затонула, пускаясь в плавание очередного неземного сна. При этом она всё время чувствовала присутствие Пола, который создавал ей защитное поле комфорта и спокойствия.

На другой стороне города в это же время Астра ждала Ольгу. Тяга к новоявленной матери была так стремительна, так сильна, что девушка в тревоге несколько раз чуть не теряла сознание. Кэт тоже, несмотря на свою стальную выдержанность, вибрировала, как натянутая струна. Ольга пропала, не предупредив, что задержится. Накануне она показывала записку с предупреждением о похищении, и теперь, возможно, её похитили, и никто не знает, где она. Очевидно, что в качестве выкупа злодеи предложат выдать Астра. Что делать? Поднимать панику сейчас или подождать? Кэт осталась одна, и теперь должна принять решение. Но она никогда не принимала решений! Всегда всё решал Куратор. Если сказать ему сейчас о том, что Ольга пропала, он наломает дров, если не сказать... Внезапный звонок по запасной сотовой связи прервал тревожную тишину.

– Кэт, Катюша! Слушай сюда! Рыжий мерзавец похитил Ольгу. Мне только что звонил Глинский, он в панике, сам видел, как она села в машину Пола. Сама! Села и уехала, как ни в чём не бывало, – зверствовал Куратор, – я срочно выезжаю. Жди, никому не открывай, ни с кем не разговаривай. Собирай вещи. Приеду не один – вместе с Олегом и Вадиком. В общем, я в шоке. С Ольгой разберусь потом... Жди!

Хорошо, что сигнальное устройство, встроенное в диктофон, находящийся в бисерном ридикюле Ольги, сработало. Иначе никто бы не узнал, куда делась Ольга. Катерина была в полном недоумении. Непонятно, как Ольга могла поддаться влиянию Пола? Она ведь такая сильная. Впрочем, ей еще три дня назад было понятно, что она думает и говорит и только о нём. Его мысли, его проекты. Было очевидно, что ей интересно всё, что касается Пола. Кэт бы даже сказала, что Орлова «запала» на американца, как бы пошло не звучало это слово. И потом этот наряд... Как тщательно она собиралась на эту презентацию, как на бал. Думала только о нём. Екатерина Сергеевна – Дева по знаку Зодиака, никак не могла предположить, что может быть сильнее любви, обычного земного влечения. Она рассуждала просто, по-женски, и осуждала начальницу за легкомыслие. Зная о её состоянии, никак не могла предположить, что зрелая дама потеряет разум, снизит ответственность настолько, что забудет о проекте, о ней и, что самое главное – об Астре, которую поручил ей муж... Что-то здесь не так. Но думать о сложных инсинуациях изощренного ума ей было недосуг. Надо собраться, как-то успокоить

Астру, которая совсем расклеилась и дремлет, не засыпая, и не бодрствует настолько, чтобы делать что-то самостоятельно.

Напрасно Кэт сомневалась в Ольге. Она думала о них, о Борисе, о других членах команды, не забывая ни на минуту. Просто сознание её работало параллельно, как будто включилась какая-то новая программа, сохраняющая базовые функции мозгового процессора. Иными словами, она была той же и не той. В ней было две женщины, два существа. И ночью одно из них крепко спало, а другое плутало в лабиринтах миров, познавая новые вызовы и сути.

На этот раз сон проходил спокойно и ясно. Скорее всего, это был не сон, а путешествие, в котором спящая Ольга была в роли уполномоченного наблюдателя. Она видела всё так отчетливо, что видения можно было легко спутать с реальностью. Это был город – незнакомый, но родной. Казалось, что она знает его и людей, лица которых проплывали мимо. Ей даже показалось, что она жила здесь когда-то – в прошлой жизни, судя по инфраструктуре лет 50-70 назад. Город стремительно погружался в сумерки. Откуда-то, изнутри пространства, появился свет, который не имел видимого источника. Источником света был сам Свет. При этом небо потемнело, стало почти черным, бархатным, проваливающимся в пустоту. Чем четче становился свет, тем чернее – небо. В смешении черноты и света являлся тонкий сумеречный поток. Он был объемным. Сумерки растворялись в воздухе. Воздух пах озоном. Все происходило как всегда: люди гуляли по аллеям, дети играли в песочнице, по дорогам плыли редкие ретро автомобили. С неба свалился громадный световой столб. Он был похож на хлебный сноп. Вращение снопа привело к образованию пустоты внутри него, границы раздвинулись. И часть города оказалась внутри цилиндрического снопа света. Там, за прозрачной стеной светового колоса город жил обычной жизнью и никто не видел того, что внутри. Все происходило тихо, без звуков. Потом стало появляться больше песка, люди и дома исчезали, как будто кто-то их слизывал... Их исчезновение не воспринималось как трагедия, казалось, что так и нужно. Те, кто еще оставался в поле зрения, никак не реагировали на исчезновение. Появилось стремление, чтобы «ушло» как можно больше людей, будто бы в этом их спасение. Ольга работала «спасателем», но эта работа была в мыслях, побуждающих людей и дома к исчезновению. Растворился сноп. Появилась «водяная стена» – вертикально. Она отрезала от наблюдательницы «другой город» – за стеной он уже был другим: фантастически интересным, кукольным, ярким. Но на этой стороне старый город продолжал разрушаться. Ольга оказалась на балконе старого кирпичного дома, балкон крошился под ногами... Потом дом начал плавно опускаться, и она очутилась на песке. Переливающаяся всеми видами

оттенков водяная стена стала исчезать. Над городом, снова полным радостных людей, появилось озаренное искрами и фейерверками небо! Это был чистый экран: салюты красные, фиолетовые, неонового-голубые, одиночные и фонтанные появлялись в небесном пространстве. Проплыли чередой маленькие НЛО, потом другие, похожие на медуз, светящиеся... Никто ничему не удивлялся. Ольга стала одергивать и трогать людей, которые шли или стояли рядом, чтобы они обратили внимание на эту чудную редкую картину. Но они не понимали её и как будто не видели того, что видела она. Иные видели, но не удивлялись, отмахивались от видений и продолжали свой обычный путь. Вскоре на небе, как гигантском голографическом экране, стали появляться иллюстрации к учебнику биологии. Это были клетки и живые ткани в разрезе, кажется, структура ДНК. Но они были не совсем привычные: многосложные и скрученные, как бисерные нити, в крутую многоцветную спиральную веревку. Потом картинки сменились, появились ткани и поврежденные органы живого организма, которые на глазах регенерировали, восстанавливались, отрастали. И вот наконец-то явился венец творения – Человек – само Совершенство. Он бежал, прыгал на высоту многоэтажного дома, плыл под водой без дыхания, горел, разбивался, замерзал, падал и вновь восстанавливался, как будто у него был огромный запас прочности. Земной человек имеет всего одну альтернативу физического существования. Он не может жить без воздуха, воды, пищи, привязанный к определенному температурному диапазону. Перекрой ему хоть один канал жизнеобеспечения, – и он труп. А в этом сне, похожем больше на презентацию, человек имел множество способов замещения одного канала другим. Под водой у него появлялись жабры, в огне кожа становилась кремниевой, без пищи и воды воздух давал ему все необходимые вещества, а воздух он высасывал из почвы. Демонстрация закончена. Ольга поняла, что это был её первый тайный Урок. Она постаралась во сне запомнить всё, что увидела, и тут же проснулась. Теперь надо вспомнить что-то очень важное. Вот только что она видела это. Что это было? Так отчетливо и ясно, так понятно, но как вспомнить? Ничего – в памяти «белый шум» – и всё. Ну, да ладно, люди привыкли, что сны почти никогда не запоминаются. Стираются из оперативной памяти, возможно, остаются в архивах.

Образы зазеркалья ушли, осталась только реальность. И это была ночь – около четырёх часов. Ольга осознала, что она в гостях у опасного человека, и тревога забила в груди. Женщина прислушалась, было тихо. Рассвет еще не пробился через окна, зашторенные тяжелыми гардинами. Она нащупала ночной светильник, включила его. И ей стало стыдно. Как она могла оказаться в доме чужака, да еще в постели? Пусть даже он и не пришел к ней этой ночью,

а ведь мог, судя по вечернему настроению. Психологическое похмелье оплело горло, сдавило грудь. Вчера она наслаждалась обществом дьявола, и это было умопомрачительно превосходно. Блеск общения, эксклюзивная информация, энергетическое сопряжение и таинственное бестелесное наслаждение космического масштаба. Пол дал ей ключ. Она должна пройти испытание, преодолеть нирвану, и после этого получить её в неограниченном объеме внутри себя, чтобы стать высшей и примкнуть к Мировому правительству. Это так заманчиво. Но вдруг, как будто что-то сломалось внутри, как в часовом механизме, и Ольгу озарило: Пол – не че-ло-век! Ну да, дьявол, это и так понятно. Но дьяволом называют человека, одержимого грехами. А у Пола – какие грехи? Высокомерие, гордыня? Нет, тут что-то не так. Пол одержим чем-то иным. В памяти всплыло его лицо, вернее второе лицо, которое отражалось в стенном зеркале – древнее и мудрое. Он не тот, за кого себя выдает... Он... Вечно живущий?.. Очень старый человек или – не человек? Пол говорил, что она – Ола, и тоже будет такой, перемещаясь из одного тела в другое, получит вечную жизнь. Она и Олан, если он вернется. Они – избранные. Тогда зачем ему нужна Астра? Почему он избрал не сновидицу, обладающую уникальным даром, а её – простую женщину, пусть даже немного более умную, чем обычные люди. Непонятно... Все эти мысли не мешали Ольге одеваться быстро, как будто кто-то включил сирену на тонущем корабле. Она хотела убежать из логова Пола до рассвета, даже если для этого придется разбить окно на первом этаже.

Но разбивать ничего не понадобилось. Внизу её ждал старый лакей, казалось, он так и стоял с вечера у гардероба. Не проронив ни слова, помог ей одеться, открыл тяжелую входную дверь, проводил по дорожке до ворот, за которыми уже стояла вылизанная за ночь машина Пола. Других вариантов добраться до города не было, и Ольга соскользнула на заднее сиденье, даже не взглянув на водителя. На душе немного отлегло, и после пяти минут молчания, она попросила подвезти её к офису Института, указав адрес. Ей очень хотелось спать, глаза закрывались, слипались, и Ольга пожалела, что не взяла с собой «Антисон». Ей хотелось быстрее добраться до своего кабинета, позвонить всем, кто о ней беспокоится, а потом полежать на диване, осмыслить происходящее. Но автомобиль свернул в другую сторону – на ту трассу, которая вела в новый микрорайон к обители Кэт и Астры. Орлова вздрогнула, резким тоном спросила водителя, куда он её везет, и в зеркале заднего вида увидела отражение Пола.

– Опять ты... – выдохнула она устало, – куда мы едем?

– Мы едем к Астре, возьмём её с собой, если успеём. Твои люди уже в пути. Они будут мешать нам.

– Ты не смеешь. Астра... моя дочь. Она любит меня, мы заботимся о ней. Девочка больна, у неё сложное психическое расстройство. Тебе не понять. Отпусти меня...

– Это у тебя сложное психическое расстройство. Ты не поняла, что здесь я принимаю решения. Ты – избранная, и всё, что было раньше, надо забыть. Отрешиться от всего земного. У тебя будет роскошная интересная жизнь, огромные возможности, власть, всё, что пожелаешь. Астра будет с тобой. Теперь это твой проект. Ты же этого хотела?

– Я не могу. У меня есть муж, сын, друзья, коллеги. Они дороги мне. Мой Институт – это дело всей моей жизни, ты хочешь слишком многого. К тому же... я беременна...

Пол резко притормозил и встал у обочины. Пауза длилась долго.

– Повтори, что ты сказала?

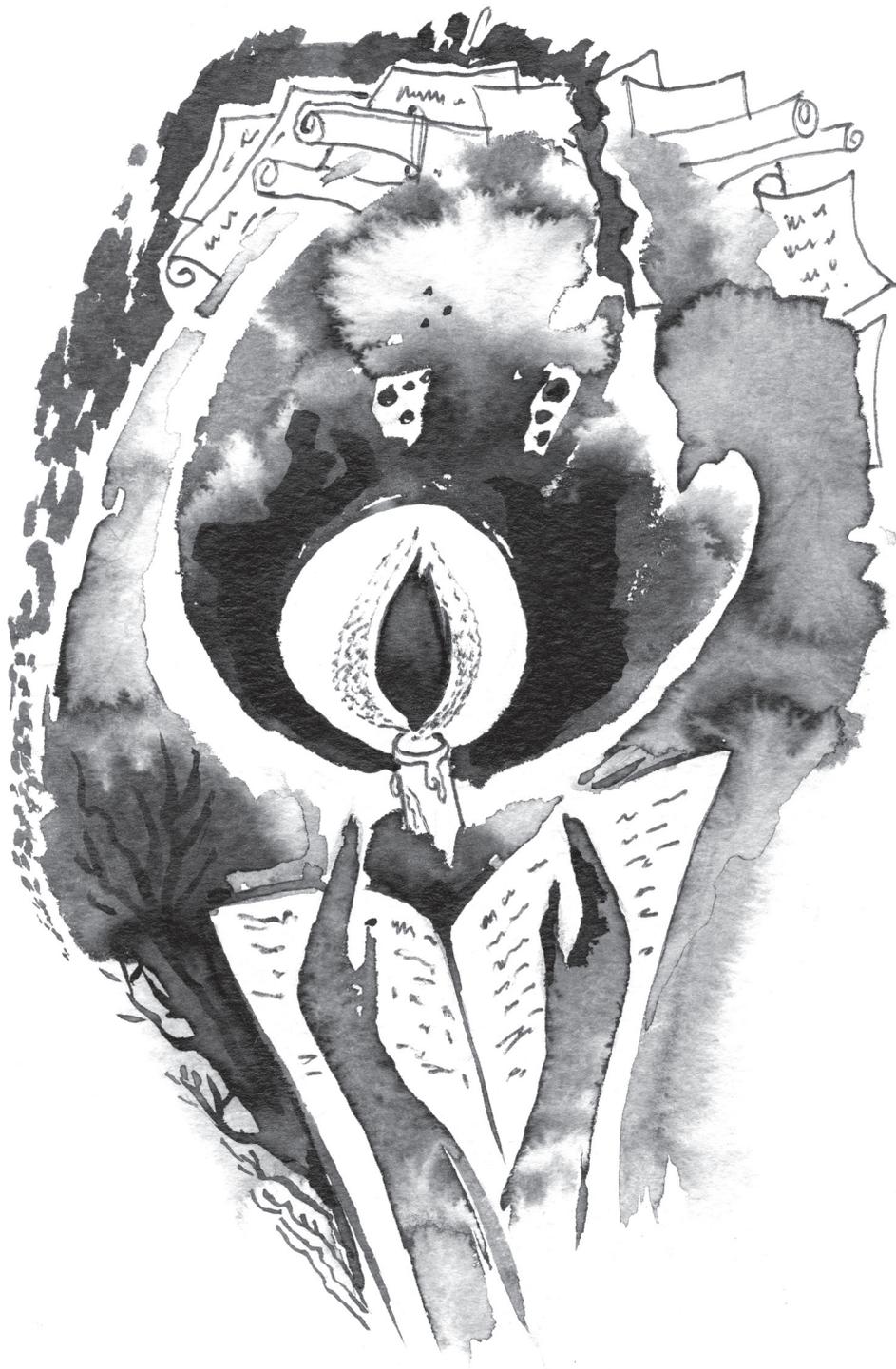
– У меня будет ребенок, проверено трижды. Так что при любом раскладе я не смогу работать на тебя.

– Это в корне меняет дело. Тогда ты нужна мне еще больше. Скоро мне придется менять оболочку, и твой ребенок может стать моим новым скафандром.

Ольга от ужаса чуть не потеряла сознание. Но, быстро оправившись от словесного нокдауна, мгновенно решила убить Пола. Первый раз в её жизни появился страшный враг, настоящее чудовище. Мозг заклинило от ярости. Тихо, едва шевеля пальцами, она нащупала пневматический пистолет, который Олег Шилов предусмотрительно положил в её в сумочку, вытащила его и расправила онемевшие руки. Страх стоял рядом, мозг кувалдой отмеривал секунды, которые казались длиннее ночи. Теперь она чувствовала замедление пульса, как в рапиде, плотно ухватилась за пистолет, дистанционно приставила его к затылку Пола. Еще миг, и – выстрел! Но выстрела не последовало. Проезжавшая мимо машина резко затормозила и остановилась бок о бок – так, чтобы автомобиль Пола не смог покинуть обочину. Уитмен медленно повернул голову и боковым зрением увидел представленное к его голове оружие. В то же мгновение он схватил запястье Ольги и крепко сжал его клещами железной хватки. Она вскрикнула от боли и выпустила взведенную пневматику на свободу. Оружие убийства упало под ноги, оставляя за собой право случайного выстрела...

Книга 3

ПИСЬМА В НЕБЕСА

ГЛАВА 1. ГЛАВНАЯ ЛИНИЯ

Скрежет резкого торможения ворвался в рассветное утро в тот самый момент, когда Пол схватил руку Ольги и сжал её в тиски своей костлявой кисти. «Как смерть...», – подумала она, отчетливо понимая, что теперь спасена, ведь никто другой, кроме мужа, не мог оказаться в этот час в этом месте. Борис Брейс сорвался немедленно ехать в город, когда Глинский разбудил их сообщением о похищении. Последнее было страшнее, и в этой версии глохли железные аргументы Шилова, убежденного в невинности Ольги по факту её исчезновения. На тот момент Брусилов не мог поменять импульсы зверя на очевидную логику: найти свою женщину и спокойно разобраться в ситуации. Поэтому за дело принялся Шилов. Подполковник уже знал, что в сумочке дамы был маячок, а база датчика находилась у Глинского. Пришлось ехать в офис, настраивать навигатор, и делать всё очень быстро. Как только устройство начало подавать сигнал движения, они пустились в погоню. Обнаружив местонахождение беглянки, трое мужчин догнали автомобиль Пола Уитмена, и как раз вовремя, иначе могло бы случиться непоправимое.

Фешенебельный автомобиль даже не пытался ретироваться. Испуганного на вид иностранца заставили выйти из авто и поднять руки вверх. Зачем было гнать такую картину, никто собственно и не знал, но, видимо, насмотревшись боевиков, мужчины действовали интуитивно, ведь враг был налицо. Совершив ряд недипломатических движений, Шилов обыскал Пола, хотел надеть на него наручники, но решил, что преждевременно. Придавил скользкое существо к капоту, не давая возможности шевельнуться. Борис осторожно вытягивал безвольную Ольгу с пассажирского сиденья автомобиля. Она выглядела крайне растерянной. Пистолет, так и не произведший ни единого выстрела, лежал на коврике под сиденьем. Шилов как опытный офицер нашел и забрал единственную убийную улику. В состоянии стресса пленница забыла о пистолете, что могло бы повлечь за собой череду несчастий: следствие, суд, тюрьма, крах всего святого...

Доли секунд отделяли Ольгу от свершения преступления по отношению к иностранному подданному, что само по себе утяжеляло его последствия, но было не столь опасным, как та тёмная мистическая сила, которая исходила от Пола Уитмена. Сила, способная исказить, исковеркать её персональное поле, в котором уже возшла новая линия жизни. И это надо было осмыслить прежде, чем хвататься за пистолет. Состояние аффекта не оправдывает последствий действия. В каждой доле маловероятных событий есть особое пространство, пугающее своей вместимостью, где время непомерно растягива-

ется, чтобы некое событие сбылось или не сбылось, – а это уж как Богу угодно... Время растяжимо, но не беспредельно и наполняется риском до невидимой ватерлинии, с филигранной точностью рассчитанной неконтролируемой частью мозга. Внешне это выглядит как онемение, скрывающее ужас скоропортящейся реальности. Идеальные условия для пронзительного прозрения! Ольга поняла, нет, почувствовала, озарилась мыслью?.. Не то... она будто бы всегда знала, что Пол нашел в ней подходящий эмбрион для своего нового скафандра, и что он будет – жить вечно, натягивая на себя все новые и новые жизни...

Господин Уитмен молчал, отчетливо понимая, что в данной ситуации ему не выкрутиться и бравировать своей политической неприкосновенностью на пустом шоссе в такой ранний час, в этой забытой богом сибирской дыре непредсказуемо опасно. Он молчал бы и дальше, но Борис заставил его ответить на вопрос, где они были, и что он делал с Ольгой.

– Господин Брейс не так меня понимал, – переходя на акцент, с трусливым достоинством бормотал Пол, – У нас нет такого, что бы Вы могли подозревать. Как неловко... Дама немножко больше выпил вина. Ей было надо спать. В резиденции комфортно...

– Каков подлец..., – устало простонала Ольга и опустила на заднее кресло кураторского автомобиля, – Борис, прошу тебя, давай уйдем отсюда...

– Да, сейчас, едем. Олег задержи его, я подожду тебя за поворотом.

– Зачем? Я задержу его прямо сейчас, – Шилов достал свой фирменный нож с продолженной мысленно фразой «Хорошо, что не зарежу!», с садистским наслаждением проткнул шины представительского автомобиля. На его лице отразилась гремучая смесь лютой справедливости и удовлетворенной мести. После свершения ритуала они быстро тронулись с места, оставив Пола, как им показалось, в полной растерянности. Правда, Шилов определенно понял, что шпион косил под дурачка: то мяк под его грубым натиском, то извивался ужом. Так мог работать только профессионал. Аналогичные приемы оттачивались в Академии КГБ, когда работала еще старая школа подготовки кадров. Впоследствии от этого «подданного» можно ждать чего угодно. Но об этом он подумает завтра, а теперь ни к чему притворяться партнерами иностранца, ситуация и так накалена до предела.

По пути к дому Ольга вдруг резко попросила связаться с Глинским.

– Оль, не надо. Пусть старик отоспится после ночных бдений. Ты и так задала всем жару, – сопротивлялся Брейс. Ему было важнее решить вопрос со своими подопечными, а тут еще жена капризничает. Однако, появление на явочной квартире всех четве-

рых тоже неуместно, поэтому решил уступить Ольге. Попросил Олега забрать девочек из дипломатической квартиры и отвезти их пока в Институт, а потом собраться вместе и решить, что делать дальше.

– Мне надо позвонить Глинскому, обсудить идею, – настаивала Ольга.

– Ладно, звони с моего!

– Спасибо... Лёва, дорогой, прости, что разбудила, надо срочно найти ту девушку, которая копия Астры, помнишь, которую ты вчера нашел в холле, она еще задала вопрос Полу?

– Да, я не сплю, милейшая, бессонница и подагра, к тому же после вчерашнего пира, да ещё под стрессом. Ты про Инночку Барановскую? Помню, конечно, я и номерок срисовал, а как же? А что, по-прежнему?

– Глинский, прекрати ёрничать. Найди её и вези к нам в офис, обещаю любые манны небесные, лишь бы согласилась. Мы пустим её по следу Пола.

– Прекрасно, прекрасно. Наконец-то узнаю свою коллегу по тонкому пару. И когда явиться?

– Мы будем часа через три-четыре.

Борис понял, что жена цепко ухватила хвост удачи, и её идея может стать выходом из тупика. А тупик был реальный. Квартиру вычислили, в Центр Астру везти нельзя, – там тоже слежка. Надо найти новый вариант. Может быть, отвезти Астру в Москву? Его размышления прервал Шилов:

– Шеф, наш рыжий друг скоро отряхнется и опередит нас на явке. Нам надо разделиться.

– Вадим, останови здесь! Мы вызовем такси, а вы езжайте и заберите девочек. Только быстро!

– Может, это мы вызовем такси?..

– Нет, рискованно. Когда оно здесь подкатит? Мы с Олей доберемся сами. Потом в Институте встретимся.

– А ключ?

– Откроют. В квартиру войдешь по паролю «Слесаря вызывали?», ответ – «Еще вчера», Так будет лучше. Ну, давайте, с Богом!

Борис и Ольга вышли из автомобиля и остались одни на мокрой провинциальной улице, далеко от центральных кварталов города. Такси можно было вызвать только по мобильнику, но не хотелось светить номер, ведь его могли отслеживать люди Пола. Решили поймать частника. Ольга чувствовала, что смертельно устала, но запах свободы пьянил её, и она могла бы пройти ещё сто километров, лишь подалее от этого паука и его смертельно опасного воздействия. Впервые в жизни Орлова почувствовала, что проиграла интеллектуально психологический поединок. Стыд поражения крушил надежды, жажда мести подстёгивала стыд.

Борис пытался голосовать, но автомобили в этот час проезжали редко, их владельцы торопились на утреннюю смену, чтобы город жил, как громадный

кишечник: ел, пил, выбрасывал отходы, чистился и снова начинал свой очередной цикл. В этой части города тротуары были неровными, дома пестрили разнобойными балконами, заваленными, как чердаки, ненужным хламом, из окон проглядывали хмурые не выспавшиеся лица. Прохожие зябко ёжились и торопливо бежали куда-то, чтобы прокормить семью. Городское панно напоминало серые типовые селитбы советского периода. И только веяние времени – редкие баннеры и рекламные щиты с ободранными краями устало призывали «Купи! Купи!». И люди покупали – всё, что могли купить и даже то, о чём только мечтали, заглатывая удавку кредитов с тупым нескончаемым терпением, прерываемым горечью алкогольного бунта. Экономическая диктатура взяла за горло всех, кто хотел жить «как люди», превратив их в вечных рабов навязанных им желаний и мнимых потребностей.

Холеная парочка средних лет, одетая по последней моде, явно не вписывалась в городской ландшафт. Казалось, люди возвращаются с юбилея или со свадьбы, но почему пешком? Этот немой вопрос был в глазах каждого встречного. Благо, в такую рань людей не грабят. Наконец-то Борису удалось остановить старенькую «Волгу», водителя долго уговаривать не пришлось. Супруги сели рядом на задние кресла, и время остановилось. Они плыли, как в немом кино, по небритому шоссе с бордюрами, изъеденными кариесом бесхозяйственности, и ностальгически млели от воспоминаний бесшабашной юности. После пережитого хотелось просто молчать и дремать, но водитель – худощавый мужичок лет сорока с донецким говором, говорил и говорил, не умолкая на минуту:

– Так я ж ему и говорю, брату, моему, значит, что «Волга» – само-то для наших дорог, а он всё за иномарками гоняется. Одну купит – продаст, потом другую, еще круче. На один ремонт в год полмашины уходит по деньгам. А я свою «Валечку» на газ поставил, и мама не горюй! Десять лет, а бегаёт, как новенькая. И жена не жалуется, когда в шубке садится. А то ей в брата машине тесно. Дама она у меня дородная...

– Послушай, любезный! – Борис прервал водителя, хотел попросить его помолчать, но почему-то задал глупый не к месту вопрос – А какой у вас стаж? Долго водителем работаете?

– Да так, бомблю потихоньку. По ночам в банке на охране сижу, через два дня на третий. Читаю. А шо?

– Да так, просто спросил, работу хочу предложить, временную. По пять штук в день сойдет?

– Та за такие деньги хоть под танк, – самодовольно улыбнулся водила, подмигнув Борису в зеркало заднего вида.

– Да надо тут девушек повозить кругами. Они попали в неприятную историю, взяли денег займы, а эти

«банкиры» бандитами оказались, требуют, чтобы отработали проценты, сам понимаешь, каким местом...

– Ну, надо так надо! Ноль проблем. Я когда с Украины бежал в 14-м году, семь семей вывез до границы. Во гонка была! Ралли по пересеченной местности. И не знаешь, где свои, где чужие, так что мне не впервой. Тогда людей семьями в Россию сгоняли, бендеры проклятые.

– А как в Сибири оказался?

– Так у меня ж тут родни валом. Было, куда прибыть. Помогли и с квартирой, и с работой.

– А звать тебя как?

– Толик. Вообще-то я русский и здешних мест уроженец. Женился на Лесе-украинке, как в песне, вот мы с ней в Донецк и рванули по молодости. А нас продали, как мешок картошки.

За разговорами время летит незаметно. Через полчаса по пустым утренним дорогам они доехали до своего элитного дома, где не были вместе уже месяца два. Ольга неохотно очнулась от дремы. Она думала о своём, и не вслушивалась в разговор мужчин. Борис расплатился, взял визитку нового знакомого, исполненную в форме нарезанной квадратиками бумаги, сунул её в карман, но своего телефона не дал, обещал позвонить вечером.

Супруги вошли в квартиру и обомлели от неловкости. Борис всегда хотел студию, и перестроил типовую планировку так, что прямо с порога открывалось большое пространство: коридор-кухня-гостиная. На круглом диване возлежали два юных тела, едва прикрытые пледом. Телевизор молотил мыльную оперу, а рядом с журнальным столиком стояла опорожненная бутылка шампанского.

Ольга открыла рот, чтобы выпустить удивленный возглас, но Брусилов успел прикрыть его, давая понять, что будить молодых не надо – пусть поспят. Они тихо пробрались в свою спальню, закрылись, чтобы обсудить последний кадр. Но досада быстро испарилась, и Борис крепко обнял жену, радуясь обретению потери. Ему хотелось снять стресс, перешедший в страстное желание близости, а ей надо было сказать мужу что-то важное, но слова липли к нёбу, а мысли переливались телепатически – из мозга в мозг, лишая себя острой необходимости поизноситься вслух. Но одно Ольга сказала внятно:

– Она никогда не кончится...

– Что не кончится?

– Жизнь. Это такая вечно зеленая живая линия, которая пронизывает витки спирали, как кольца, нанизывает их на себя, и всегда находит игольное ушко, куда бы себя вдеть. И теперь эта линия многомерна.

– Что ты такое говоришь? Опять сон с Астрой?

– Это был Урок. Мне показали, что человек может вместить несколько жизней одновременно. Генетика меняется, спираль усложняется...

– Оленька, у нас с тобой всего часа два, чтобы отдохнуть. Поспи, а я подумаю, что будем делать со спиралью... Потом ты мне всё расскажешь подробно.

– Дети спят и даже не знают, что жизнь никогда не кончится. А живут так, как будто завтра конец. Это же идеальная мотивация. Каждый шаг на пределе, когда знаешь: мы все умрем...

– О чём ты, Оленька? Ребята счастливы. Пусть спят. Оксана затеяла ремонт в своей квартире, вот они и перебрались к нам, пока нас нет. А мы тут как тут.

– Нет, ты не понимаешь. Главная линия – это когда одна еще жизнь не кончается, а другая уже берет в ней своё начало, – не унималась Ольга, – Один цикл накладывается на другой, точно как в спирали ДНК. И, если где-то разлом, то свободная линия находит другой виток, ни одна ниточка не остается бесполезной...

– У нас есть Ларик, это и есть продолжение, а теперь вот еще и Оксана, и там за дверью может быть положено начало новой жизни...

Ольга взяла мужскую руку и положила на свой живот. Борис вздрогнул, внезапная догадка показала ему слишком неуместной. И всё-таки дыхание перехватило, воздух стал сухим, в висках зашумело от скоростных процессов. Несколько мгновений, – и анализ завершен. Душа уже всё знает, но перочинный опыт пытается доказать обратное, гоня логику по треку «да – нет – затрудняюсь ответить», и, в конечном итоге, сдается, бессильно склоняясь на волне бессознательной радости.

– Это – моё?..

– Да. Твоя главная линия...

Будущего папашу охватил приступ гигантской нежности. Он представил Олю зернышком, завернул её в лепесточек, уложил в ореховую скорлупку, укрыл пухом птицы... А потом сон одолел супругов в едва познанной радости, которой они еще не успели насытиться. Через три часа они проснутся, а на столе в гостиной будет стоять теплый завтрак, заботливо приготовленный детьми-молодоженами.

ГЛАВА 2. ПОДМЕНА

Автомобиль Куратора, ведомый Вадимом Игнатьевым, подъехал к дому, где ждали своих спасителей Астра и Кэт. Вадим остался в машине, припаркованной за гаражами в соседнем дворе. Измученные тревожным ожиданием, девушки были готовы к отъезду, но как заядлые домоседки на улицу выходить не решались. Шилов произнёс пароль, удивляясь его простоте и незамысловатости, и вошёл в квартиру. Борис Брейс часто использовал самые простые пароли, считая, что искатели приключений обычно пропускают первый шаг, спотыкаясь о порог. Когда-то его бабушка Евдокия спрятала под крыльцом

фамильное серебро – прямо у входа в дом. У всех добро отобрали, а у неё – не нашли. Даже свой сейф он закодировал тривиальной фразой «Сим-Сим, откройся!», чем весьма удивил Ольгу, любительницу причудливых ходов к заветному кладу.

Шилов осмотрел квартиру и начал действовать. Кэт, наблюдая за его движениями, обрела некоторую уверенность, хотя внешне была тревожной и напоминала промокшего зяблика. Олег попытался успокоить её, как мог, грубо и нежно.

– Катюш, не трепещи. Скоро будем дома. Есть балкон или лоджия? На всякий случай, вдруг придется ретироваться. Не исключено, что за нами слежка, и вот-вот нагрянут люди Пола. Может быть, они уже рядом, где-то во дворе ждут нас.

Кэт посмотрела на офицера широко раскрытыми глазами с выражением полного недоумения. Шилов по касательной отметил её крупные радужки со смородиновым отливом на фоне иссиня белых белков. «Ух, какая... глазастая!» – подумал он с глупым восторгом. «Глазастая» оказалась к тому же хорошо организованной напарницей, а её подопечная, напротив, вела себя пассивно, как театральная кукла без актёра. Перекинув через плечо дорожную сумку, Астра держала в руке литровый термос, наполненный жидкостью.

– Настя, оставь термос. Потом попьём. Чай или кофе, что там у вас? Держи руки свободными, может быть придётся ими воспользоваться, – голосом тренера произнёс Шилов.

– Олег Анатольевич, не надо, пусть она несёт термос, у неё там лекарство. Мы сами как-нибудь справимся, – отозвала его Кэт, предупредив острым взглядом, что не надо контактировать с Астрой, мол, она не привыкла общаться с малознакомыми мужчинами.

Кэт с пассивной приятностью подчинялась приказам офицера, хотя считала некоторые телодвижения излишними. Она не понимала, почему надо прятаться на лоджии, неужели нельзя сразу выйти на улицу? Ей давно хотелось покинуть это временное убежище и отправиться в Центр, где её ждала любимая работа, родная команда и личная комната на третьем этаже. Результаты социальной адаптации сновидицы были практически нулевыми, отчего Катерина Сергеевна чувствовала себя профессионально неуютно. Астра никак не могла привыкнуть к взрослой жизни, обрести навыки самостоятельности. В этом Катерина видела явные признаки аутизма, которые почему-то никто не распознал раньше. Но теперь уж – всё равно, пусть подполковник поиграет в шпионов, раз уж ему доверили такое важное дело...

Шилов завёл девушек на лоджию, приказав сидеть тихо, а сам притаился у двери, прислушиваясь к звукам на лестничной клетке. Заскрипел, заскре-

жетал лифт. В это раннее время звук был особенно резким и неприятным. Но лифт продвигался вверх, еще минута, и кто-то выйдет на площадку этажа. Это могут быть преследователи. Подполковник напряженно прислушался. Двери лифтовой кабины открылись. Из лифта вышли двое, но до квартирной площадки было еще несколько шагов по Г-образному коридору. Шилов проверил дверь и взвёл курок. Кэт вместе с Астрой, несмотря на осенний промозглый холодок, сидели тихо на лоджии. Им было слышно, как незваные гости стучат и звонят в двери квартиры. Как будет действовать Шилов? Почему он взял в руки оружие? Кэт пробилла нервная дрожь. Страх притаился в складках куртки, и девушка ёжилась, как будто не хотела выпускать его наружу.

Олег Анатольевич ретировался и отошёл от двери на некоторое расстояние, подумал немного и продвинулся вглубь в сторону ванной. Там он набрал номер Вадима и предупредил его о вторжении двух субъектов на место обитания девушек. Очевидно, надо было переждать, пока преследователи не покинут дом, подумав, что они опоздали, и ловить здесь нечего. Выйдя из ванной, он понял, что план их отсутствия в этой квартире провалился. На полу были видны их следы, и любой, сюда вошедший, сразу бы догадался, где «сидят фазаны». Чутьём разведчика он понял, что незнакомцы будут вскрывать дверь отмычкой и войдут внутрь. Тут они, конечно же, обнаружат тёплый чайник, бытовой мусор, свежие продукты в холодильнике и кучу женских вещей, так и не собранных в чемоданы и сумки.

И, правда, через минуту незваные гости ужековырялись в замке, пытаясь открыть дверь. Им это удалось. Шилов сразу же вырубил первого гостя, и приставил пистолет к груди второго, который не успел сориентироваться. В запарке не сразу заметил, что эти «два молодца из ларца» – те самые офицеры, которые сопровождали полковника Колечко во время его незапланированного визита в ЦРБ. Когда же полицейские были скручены и связаны спина к спине подручным материалом, а именно двумя поясами с хозяйских плащей, висевших на вешалке, Шилов обратил свой взор на их физиономию.

– Так это вы, суки? Колитесь, кто вас прислал?

– Давай без дураков, развяжи нас. А то сядешь за сопротивление, похищение с избиением сотрудников и незаконное ношение оружия! – орал тот, который постарше.

– Баста, карапузики! Сначала я вас выпотрошу наизнанку: кто, где, когда? В общем, явки, пароли, адреса. Ну?!

– Ты же в отставке, бывший, у тебя нет полномочий.

– У нас бывших не бывает. Зачем вы здесь? Кто приказал? Ваш полкан? Или мистер Пол всунул вам

по зеленой «котлете»? В общем, так, вы отсюда никуда не уйдете, пока я не услышу ответ.

– У нас в машине датчик движения, и максимум через полчаса нас найдут. И вас найдут, и девочек ваших...

– Ответ неверный. Найдут только вас. Вы не выполнили задание. Только вот я хочу знать: кто вас послал и за кем?

– Нам нужна только гражданка Зимина. Мы уйдем с ней, и тебе ничего не будет, слово офицера, – проговорил старший.

Пленницы плохо слышали, что говорят в прихожей, но неожиданно Астра встала и решительно вошла в комнату с намерением принять участие в грубом мужском диалоге.

– Я здесь, это я вам нужна! Отпустите их, а меня возьмите. Я уйду с вами, только отстаньте от всех.

Катерина, выбежавшая из своего убежища, схватила осмелевшую девушку и крепко прижала её к себе, давая понять, что только смерть может разлучить их. Олег тоже не собирался сдаваться и дал команду обеим быстро следовать за ним.

– Они же умрут здесь без воды, – простонала Астра, указывая на связанных полицейских, – Я дам им попить!

Она открутила крышку термоса и налила в неё немного крепкого настоя. Ничуть не опасаясь резких движений со стороны плененных офицеров полиции, подошла к ним и дала с рук отпить по несколько глотков горячей жидкости. Чай был изумительным, и ребята-ёжики вели себя по-детски послушно, повиняясь заботе юной леди. Кэт изумилась такому поведению офицеров, мало ли что могло быть налито в термос? Но время тикало по секундам, и надо было срочно покинуть этот дом, ставший им прибежищем на короткое время. Все трое вышли на лестничную площадку, Олег захлопнул за собой дверь, оставив связанных горемык в гордом одиночестве. Он знал, что скоро их найдут, и знал также, что ему за этот проступок отвечать не придется, поскольку было очевидно, что ребята решили подзаработать, используя своё служебное положение в личных целях, по заданию Пола. Это он их послал за Астрой.

Спускаясь по лестнице вниз, подполковник думал о том, что там, внизу, на первом этаже, может стоять засада. Но Астра, как будто уловив его опасения, сказала, что никто там их не ждет, она это чувствует, а те двое, что остались в злополучной квартире, будут спать еще три часа.

– Чем ты их опоила? Сонным отваром?

– Это лобиум. Он еще не готов, нет одного компонента, но всё равно действует. Я сама сварила его. Они будут очень крепко спать, хорошо отдохнут, а потом забудут, зачем приходили сюда. Им будет всё равно.

– Какое интересное свойство, ты как будто сама испытывала это, – удивилась Кэт, – надо будет исследовать...

Обсуждать действие лобиума не было ни минуты, и группа по одному вышла из подъезда, где их уже ждал припаркованный автомобиль. Вадим быстро развернулся и понёсся по городу, застревая в бесовских пробках, добрался наконец-то до Института Развития Человека.

В кабинете Ольги Григорьевны собрались приближенные. Только Вадим, следуя табелю о рангах, предпочел общество Алины в приёмной. Он с удовольствием раскинулся в кресле ипил свежесваренный кофе из большой чашки, припасенной специально для него в запасниках директорской секретарши. Не успел он отхлебнуть и двух глотков тонизирующего напитка, как в приемную, запыхавшись, ворвался Глинский, ведя за руку молодую девушку, которая и так не сопротивлялась движению. Бедный водитель, выдавший виды, поперхнулся печеньем: это была живая копия Астры! Еще бы! Лев Аркадьевич с утра поднял на ноги весь парикмахерский легион, вызвал знакомого стилиста, чтобы привести Инессу Барановскую в должный вид, то есть загримировать так, чтобы и мать родная не отличила от Астры. Глинский за три часа потратил свои «шесть секунд», чтобы завербовать Инессу. Сказал, что её выбрали на главную роль голливудского сериала про сновидицу, который принесет ей немыслимое для провинциальной студентки богатство и всемирную славу, вот только надо поторопиться на смотрины, пока главный режиссер не двинул в Америку.

Инна была свободна в полной мере, поскольку родителей у неё не было (погибли в автокатастрофе), а бабушка, воспитавшая внучку, умерла год назад. Молодые люди, вившиеся вокруг яркой особы с язвительным язычком, долго не задерживались. Неприступная Барановская была наследницей движимости и недвижимости от родителей и бабушки, – независима и материально. Студентам не по карману. А влюбляться Инесса не собиралась, поскольку была убеждена, что любовь есть острое психическое расстройство, почти болезненная зависимость, от любого аналога которой она избавлялась в самом зародыше. В целом, у них с Астрой было что-то общее: внешность, сиротство, независимая зависимость или зависимая независимость?..

Лев Аркадьевич, мягко говоря, перестарался. Сам не догадался, что Астра и её двойник не должны пересекаться между собой. Он торопился доложить Ольге, что задание выполнено с блеском. Глинский скрывал от Орловой свой весьма постыдный опыт «консультирования» конкурсов красоты, которыми он занимался в начале нулевых годов, чтобы элементарно выжить. Вот тогда-то он и приобрёл опыт манипуляции девичьим сознанием, что

было совсем несложно, поскольку мотивации были очевидны. Девушки хотели жить красиво. Сколько их прошло через цензора Глинского, проводившего кастинги, чёрт его знает, но связи остались, что и помогло ему в рекордно короткие сроки так удачно соорудить двойника великой сновидицы.

Алина хотела преградить Глинскому путь в кабинет, пока она не доложит о его прибытии, но он несколько бесцеремонно отодвинул её в сторону и прорвался к начальнице. Благо, Алина своим референтским чутьём уловила, что новоявленную особу, так похожую ту, что только что зашла в кабинет вместе с Кэт девушку, по всей видимости, очень важную для её любимой начальницы, стоит попридержать в приёмной. Она ни разу не видела Астру, но слышала о ней из разговоров в ЦРБ, и теперь сама была в шоке от двойственности ситуации в прямом смысле слова.

– Вы куда, сударыня? Подождите здесь, Вас позвонят, – мягко на словах, но жёстко по интонации тормознула её Алина.

– Да, конечно, я подожду, – легко согласилась гостья и присела на краешек стула, предназначенного для недолго ждущих посетителей, – Инесса Барановская, – представилась она Алине, – меня пригласили для собеседования. Можно водички? Секретарша подала ей воды и, непонятно почему, ей вдруг хотелось спрятать посетительницу от людских глаз, как будто она видела опасность в её присутствии. Обдумывая, как это сделать, Алина принялась нервно стучать по клавишам пульта. В её распоряжении была маленькая комнатка рядом с кабинетом, в которой хранились канцелярские принадлежности, чай, кофе, продукты в микрохолодильнике и некоторые личные предметы офисного быта. Там же стоял и небольшой столик напротив полукруглого оконца, выходящего во внутренний двор.

– Инесса, можно Вас на минутку, – осведомилась Алина, – помогите мне подготовить чайный поднос, а то я одна не справлюсь.

Девушка охотно прошла за ней в подсобку, и некоторое время они ворковали с хозяйкой приемной о том, какие чаи пьют в это время года интеллигентные люди, и как по этому признаку можно отличить людей творческих от казенных. Нагрузив гостью поручением готовить трехэтажные бутерброды, Алина вышла из комнатки и сразу же вошла в кабинет к начальнице – без вызова. Ей нужно было срочно понять, что делать с Инессой дальше.

Не обращая внимания на Глинского и Алину, Ольга с Борисом и подполковник Шиллов обсуждали план дальнейших действий с учетом вновь открывшихся обстоятельств. Им было, что рассказать друг другу. Несмотря на ряд мистических снов, которые случились за это время с Ольгой и Астрой, разговор вертелся вокруг темы спасения Астры от пресле-

дования. Вся команда последнее время то и делала, что убежала, пряталась, скрывалась, и, казалось, что вот-вот Астру заберут, и проект закончится – на самом интересном месте. Ольга, к сожалению, не успела рассказать о встрече с потомком чистокровного арийца американского разлива в его консульских апартаментах, опасаясь, что любые аргументы в сторону определения ценности этого общения будут восприняты неадекватно. Глинский, рискнувший прервать разговор, наконец-то шепнул директорисе, что надо бы выйти, посмотреть на девушку, и тут как раз и Алина вошла с тем же вопросом.

– Борис Арнольдович, выйдем, надо обсудить одно дело, – попросила Ольга, всем своим видом давая понять, что дело важное и не терпит отлагательств. Алина доложила, где сидит новая девушка, чем вызвала одобрение начальницы за сообразительность. Ольга попросила поддержать её там до решения вопроса.

Разговор требовал короткой конфиденциальности, и группа прошла в кабинет Глинского, ставшего своего рода первой фигурой при дворе в этот решающий час.

– Борь, ты помнишь, в машине мне пришла в голову мысль заменить нашу девочку и пустить Пола по ложному следу. Так вот, Лев Аркадьевич нашел двойника Астры и подготовил её. Грим, костюм и прочее. Девушку зовут Инесса Барановская, она студентка 4-го курса, кажется, кафедры политологии. Тебе надо на неё посмотреть, и подумать, как мы можем её использовать, не в ущерб, разумеется, ей самой.

– Так ведите же её скорее! Чего мы ждем. Это хорошая идея, Оль, ты просто молодец!

– Да не только я, ещё и Лёва. Ты слишком торопишься. А что дальше: кого – куда?

Глинский, достигший уровня вступления в диалог правящей пары, воткнулся своим ребром в поле обсуждения:

– Я знаю, кого куда, и, главное, когда. Гарри Карлович, насколько я помню, выносил всем мозг по поводу своего сериала, который он снимает в Москве. И он его реально снимает! Так вот, он никак не может найти актрису на роль Астры. А Лев Аркадьевич нашел! Инесса идеально подходит. Надо направить её к Гарику в Москву, а уж там, будьте покойны, он её в обиду не даст. И никакой Пол к ней не доберется.

– Верной дорогой идешь, товарищ! – одобрительно произнес Брусиллов, – надо же! Какая светлая голова бывает у «черных пиарщиков». Это реально самый лучший ход. Но, если мы активно засветим отъезд девушки, то противной стороне будет очевидно, что одну мы её отпустить не можем, и вряд ли на это решимся. Инессу надо кому-то сопровождать. Если бы я был на месте Пола, то отсутствие рядом с ней Кэт было бы сигналом провала. Кэт должна ехать.

– Им нельзя без охраны, думаю, что Олег должен их сопровождать, – поддержала его Ольга, – И это надо делать быстро, немедленно! Лев Аркадьевич, у нас есть паспорт Астры на имя Волгиной, вот пусть Инесса с ним и летит, поскольку они просто двойняшки – не отличить. Только надо подготовить девушку и проинструктировать её по всем статьям.

– Будем играть втёмную или посвятим будущую актрису в некоторые детали? – деловито спросил Глинский, заранее зная ответ.

– Придется посвятить, – решил Куратор, – Паспорт и все дела – как ей объяснить, что она не та, за которую себя выдаёт. Надо придумать легенду, да Оля?

– Легенда есть. Я позвоню Гарику, скажу ему, что Астра прошла курс адаптации, и теперь она такая же, как все девушки, – нормальная. Мы вывели её из проекта (и это правда!), чтобы не подорвать здоровье сновидицы окончательно. Всё это я смогу объяснить, Гарик должен поверить. Я знаю его: он, конечно же, начнет пиарить Астру, таскать её по анналам телевизионных клоак, делать сенсацию. Пусть так и будет. Мы снабдим девушку некоторыми конспектами, чтобы она говорила в эфир то, что мы сами хотели предать огласке.

– Всё складывается просто замечательно! – радостно воскликнул Глинский – я попрошу Киш-Миша, ну, Мишу Цветова, поселить наших людей в его городской квартире на Кутузовском, поскольку он сам с семьей проживает за городом. Квартира пустует.

– Ты хочешь поселить девочек вместе с Олегом? – иронично спросила Ольга – Имей в виду, что это не та Астра, а Шилев – живой мужик. Один на двоих. И Кэт тоже весьма привлекательная особа, я видела, как он на неё смотрел... Не стоит отвлекать его таким образом.

– Ладно, Шилеву есть, где остановиться, я сам этим займусь, – подвел итог переговоров Куратор.

ГЛАВА 3. «СИЯНИЕ БЕЗДНЫ»

Отход спецгруппы из трёх человек состоялся классически демонстративно. Шилев в черном плаще и шляпе играл роль охранника двух молодых дам, шифруясь под командировочного. Инесса, входя в роль Астры, старалась выглядеть отрешенной, а Кэт опасаясь преследования, пребывала в тревожном состоянии. Она боялась, что Пол настигнет их, и они провалят весь этот хитроумный план. Но, если бы люди Пола и наблюдали за ними в момент отъезда, вылета и прилёта в Москву, то всё выглядело бы весьма натурально. Орлова предупредила Кэт о возможной опасности, исходящей от господина Уитмена, особенно о его гипнотическом влиянии на женщин, что с одной стороны, пробуждало острое любопытство профессионального психолога, а с другой – составляло суть тревожного ожидания. Не

заметив за собой никакой слежки, Шилев решил, что преследователи взяли тайм-аут или же сменили тактику, после чего Кэт немного успокоилась. Её новая подопечная, напротив, находилась в приподнятом настроении и мечтала об интригующих перспективах, которые ей открывает Москва.

С первых же дней Гарик Огарёв, получивший прямой доступ к драгоценной сновидице, начал действовать по своему плану, согласовывая его с Ольгой только по факту свершенного. Ему понадобились сутки, чтобы понять, что Инесса – не Астра, хотя он видел сновидицу всего раз-два – не больше. И, хотя легенда была безупречной, Ольга не учла, что Гарик по нюху сможет отличить «живое мясо» от его эфемерной копии. Сексуальная энергия Инессы была ключом, а от Астры исходил только небесный фимиам без запаха плоти. Огарёв понял, что его не посвятили в проект, и встал в позу обиженного. Он бы и дальше продолжал это делать, но первые же выходы в свет «ясновидящей из Сибири» принесли ему неожиданный успех и финансовые перспективы. Благо, он не успел разоблачить Ольгу в подмене фигурантки по сотовой связи (Шилев вовремя пресёк этот разговор), иначе бы вся конспирация провалилась. Пришлось ввести его в курс дела.

Олег Анатольевич не доверял бесшабашному продюсеру, понимая, что тот может все испортить, однако, оставаясь в неведении, Гарик был непредсказуемо опасен. Пришлось выбрать доверие. Это было дороже, поскольку контролировать каждый шаг Огарёва, умноженный на три по количеству суевы и бесцельного променада, оказалось утомительной процедурой. Но это была работа, а к работе Шилев относился с большим уважением – особенно после длительного перерыва с момента отставки.

Екатерина Сергеевна Маслова (Кэт), неожиданно получившая назначение в столицу в сопровождении brutального офицера, несмотря на яркие впечатления первых дней, не испытывала особой радости. Её глодала тоска по Астре. Только теперь – в отдалении она поняла, насколько крепко была привязана к этой уникальной девушке. Её беспокоило настроение подопечной, её кормление, уход, новые успехи в адаптации и... сны. Фактически между ней и сновидицей за долгие годы совместного пребывания в одном проекте образовалась энергетическая «восьмерка» – сильная родственная (сестринская) связь, – не по крови, – по духу. Возможно, была и симметричная тоска, которую Астра испытывала по отношению к своей старшей наставнице. Позвонить Ольге Григорьевне и спросить о том, как там Астра, не было никакой возможности. Связь по особому каналу была только раз в неделю. Единственным утешением для Кэт, как и для Олега Шилова, стала новая работа.

Гарик уговорил Кэт как психолога поработать с Инессой, подготовить её к роли Астры. Никто, кроме

Катерины, не знал особенностей поведения провидицы. Задание оказалось сложным. В Барановскую никак невозможно было вписать Астру, а роль требовала полной идентичности. Так Кэт поневоле стала помощницей режиссера фантастического триллера «Сияние бездны» с главной героиней в образе сибирской дивы. Орлова настоятельно просила заменить имя Астры. Перебрав самые экзотические варианты от Изольды до Осанны, Гарик всё-таки послушался и сохранил Астру в сериале, выпустив демо-версию рекламного ролика с этим именем.

После нахлобучки Орловой за несогласованный ролик Гарик стоически держал удар в «третьей позе», используя её с максимальной выгодой. Ольга, как ни старалась быть строгой и объективной, всё равно велась на его приёмы, хотя без неё никакой сериал был бы невозможен в принципе. В итоге Гарик получил свой утешительный приз (гешефт) в дополнение к копии Астры. Это были некие «тайные свитки», отобранные Куратором с особой тщательностью (это их в своё время нашли Ольга в домашнем сейфе).

Старые записи, по общему мнению команды, давно надо было выпустить на съедение пожирателям сенсаций. Это были ранние описания снов Астры, когда она попадала в случайные расколы времени разных эпох, и приносила с собой весьма противоречивые описания будущего. Там был и «голубой луч», превращающий материю в безродную массу, и психотронное оружие, приводящее к массовому безумию, и плавающие города с автономной инфраструктурой, и глубоководные растения, пережившие катастрофы всех земных цивилизаций, и, конечно же, расшифровки странных рисунков на полях, посланных землянам представителями «иных» миров. Из всего этого пестрого котла можно было сделать цикл мистических телепрограмм, но Гарик предпочел продать этот свежий товар оптом телеканалу «Тонкий мир», утолив его голод на сенсации пресыщенного зрелищами «пипла». Это был единственно верный путь легализации эксклюзивных пророчеств.

Когда-то команда Куратора мечтала о том, что вот придет время, и они, получив доступ ко всем всемирным каналам связи, явят миру великое провидение, от чего мир вздрогнет и всколыхнется! Но после Симпозиума, когда послания Камы о всемирной катастрофе – этого поистине бесценного образа будущего, канули в общем потоке словесной шелухи (благодаря тому же Гарику Огарёву), и люди никак на это не отреагировали, надежды на то, что предсказания Астры как-то изменят мир, реально рухнули. Гарик с пафосным напором циника намотал тогда команде футурологов вопросов на всю оставшуюся жизнь: «Вы что, думали, власть вас увидит, восхитится и согнется перед вами с прелестными предложениями? И все ученые планеты скажут вам «спасибо»

за ваши виртуальные прозрения? Как же! Даже те прогнозы, которые властуги с перепугу купили у экзопсихов, в лучшем случае прочитаны ими в темноте под одеялом. И все очевидные факты, артефакты и даже конкретные гуманоиды с других планет давно ими засекречены, а то, что случайно вылезло наружу, пропущено через толпу скоморохов, дабы не вызвать в умах научного любопытства. Эту инфу надо подавать только с дуркой. Тогда она проскользнет в эфир, и за это еще заплатят...». Спор с Гариком был неуместен. В принципе, он был прав: за общим хихиканьем народ не заметит великого. Видимо, так было надо Истории, ведь она не любит, когда кто-то вещает о ней преждевременно, предваряя ход событий и пытаясь управлять ею. Информация из будущего «проваливается» в настоящем, пока не наступит день готовности общества к восприятию того или иного события или его предтечи. И, возможно, только один из миллионов, найдет и увидит иголку в стоге сена, и станет её носителем. Только вот во зло или во благо – это большой вопрос. В любом случае, передерживать полученные несколько лет назад прогнозы было нецелесообразно, ведь и они стареют. Гарик как нельзя лучше подходил этой миссии: продать будущее, как блюдо с приправами, подразнить Историю – эту капризную даму с вывертами, вечно стоящую у камня на расстанях.

Готовясь к основной роли, Инесса порхала из одной телестудии в другую, паря в облаках небесно-серебристого платья, собранного в несколько слоёв полупрозрачного шелка, расшитого блестками и перьями. Она вещала, народ верил, а свитки предательски таяли. Гарик с пренебрежительной гордыней кликал многочисленные лайки от поклонников ясновидящей феи и считал дебит-кредит. Зритель требовал интерактивного общения с Астрой-2, но об этом по понятным причинам не могло быть и речи. Гарика посвятили не во все детали. Он не знал о том, кто такой Пол Уитмен, и что Несси (так Гарик называл Инессу Барановскую) – всего лишь наживка для чудовища. Её появление на экране должно было выманить зверя из берлоги и проявить себя. Но Пол пропал, а ситуация складывалась так, что все её участники выигрывали – и не только время.

Кэт нашла для себя новое призвание в роли сценического психолога. Теперь она консультировала не только Инессу, но и популярную актрису Татьяну Соболеву, которая должна была сыграть роль самой Кэт. Далее незаменимая Катерина Сергеевна начала строить почти все женские роли, став первой помощницей Огарёва, и её статус рос с каждым днем. Соболева была профессионалкой и своей игрой забивала дилетантку Барановскую. Между дамами разгорелась страстная конкуренция, и Катерина с особым удовольствием управляла ситуацией, вращаясь между примами. Преимуществом Барановской было

не только сходство с Астрой, что, собственно и не особо требовалось, ведь настоящую героиню никто не видел, а то, что она стала фавориткой главного режиссера, и это было сложно не заметить.

Гарик особо не напрягался, кому в разгар съемочного дня сказать «подай-принеси», и Кэт часто попадалась под руку. Ей удалось увернуться от этих обязанностей два-три раза, и вот тут пригодилась Алёнка, приехавшая в Москву с Гариком на пике его репродуктивного пыла. Долетев до Москвы после Симпозиума, он пристроил девушку в костюмерную, и через сутки забыл, за какой надобностью сорвал этот юный цветок с материнской платы. За хлопотами и заботами жажда размножения растаяла, как апрельская сосулька, так и не тронув девственности юной сибирячки. Алёнка быстро освоилась, подружилась с рыжим Васей – киношным модельером и портным, и уже через неделю фигурировала в ретро платьях в полоску и горошек, доставляя всем удовольствие своей наивной застенчивостью и ямочками на щечках. Кэт быстро взяла её под свою опеку в качестве помощницы, и команда сложилась.

Шилов первое время старательно напрягался, выслеживая признаки появления Пола или его «сподвижников», на что зря тратил силы, упуская из виду текущие события, в ходе которых безуспешно пытался понять логику рабочего дня Гарика. Логика не было никакой, как и рабочего дня с его обедом и перерывами, гарантийным окончанием в 18-00, а также положенными выходными и отгулами. В понедельник с утра «графьё» могло пить шампанское, потом спать до обеда, а вечером собрать всех в студии и гонять до двух ночи по десяти дублям какой-нибудь незначительной сценки. У офицера было одно утешение – наблюдение за Кэт, которая строила роль самой себя, играя на нервах актрисы Соболевой. Она и сама становилась более женственной и артистичной, и с каждым днем это ощущение усиливалось. Шилова тянуло к «глазастой» не понарошку, и ответная реакция не замедлила себя ждать. То ли как последствие пережитого стресса, то ли от стечения обстоятельств, но ангелы любви преследовали наших героев, преднамеренно создав для этого идеальные условия. И, если роман психолога и офицера строился на противоположных качествах характера, то Гарик просто горел от Барановской, созданной по его образу и подобию.

На этом адреналиновом подогреве Огарёв наконец-то дописал сценарий сериала «Сияние бездны» с уклоном на вкусы американского зрителя, истратив на это несколько банок кофе, блоков сигарет и бессонных ночей. Впрочем, писатель он был никакой, его делом было клепать сюжет, вырисовывая авторскую идею и ход событий. Остальное дописывали другие «авторы сценария», о которых в титрах не было ни слова. Голодные наемники пера строчили

денно и ночью, а Гарик с отменной руганью стыковал куски, обвиняя писчую братию в полной бездарности. «Горшочек варил», и через неделю сюжет первого сезона, вчерне отправленный инвесторам для ознакомления, был готов для съемок.

Суть сценария сводилась к следующему: главная героиня – сновидица Астра обладала уникальной способностью видеть сны, которые сбывались с невероятной точностью (и это было взято у правды). Но одной правды было мало, и Гарик внёс в сюжет свою идею: Астра видела Сны Желаний. Стоило ей только уйти в забытие и увидеть то, о чем мечтают спящие обыватели, как все их видения сбывались в реальности. «Чель» получали лотерейные билеты с выигрышем в миллион долларов, путешествие на Мальдивские острова, яхту в лазурной бухте и графики биржевых сводок на неделю вперед (как погоду). Дальше – больше. Дело перешло на отношения. Бедной сновидице заказывали любовь, внимание, влияние, власть. В результате она стала слишком ценной, чтобы обслуживать отдельно взятых персоналий по заданию своего дворового бой-френда по имени Рональдо. В конечном итоге у неё появился настоящий хозяин – «Властитель Снов», подозрительно похожий на Куратора. Он сокрыл сновидицу в замке, одел, как королеву, окружил вниманием и заботой, и начал принимать заказы от страждущих миллионеров, моделируя сны волшебницы по желанию клиентов. Астра подчинялась его воздействию под влиянием гипноза. Властитель Снов заметил, что клиенты начали заказывать более глобальные желания: стать спикером или президентом, закрутить тайфуны в отдельно взятой стране или напустить на урожайные плантации конкурентов прожорливую саранчу. В общем, заказы стали недобрыми, но, тем не менее, сбывались. В конце концов, Властитель стал невыносимо богат и возжелал заказать себе сон, чтобы стать уже Властителем Вселенной. Образ монстра вырисовывался из описания Демона, увиденного Астрой в процессе астральной атаки. Однако прежний парень героини-сновидицы, открывший в ней этот дар, и поначалу использующий его для решения насущных бытовых проблем, нашел путь к её спасению. Собрав группу единомышленников, он «злодея победил» и освободил Астру (героиню кино) из плена заказного сновидения. Но счастье их было недолгим. Сны продолжали преследовать героиню, и она не могла отказать спасителям – членам команды Рональдо в осуществлении их желаний: излечении родственников от тяжелых болезней, поступлении в престижный колледж бедного талантливого мальчика, возвращении ограбленным их собственности и прочих других «добрых дел». Все бы так и продолжалось, но мечты друзей становились все ярче и масштабнее. Астра поняла, что это никогда не закончится, что все люди одержимы своими желаниями, и, зная, что есть вол-

шебное средство, будут желать большего, погружаясь в бездну грехов. И у неё появилось собственное желание, требующее для воплощения всей её жизненной силы. Героиня оказалась перед сложным выбором: либо избавиться от своего дара и остаться с возлюбленным в любви до гроба, либо использовать свою уникальную способность последний раз и возжелать спасти человечество от всех пороков. И она выбирает последнее. В финале Астра уходит на руках возлюбленного в тонкий мир, который переливается всеми цветами радуги своим порталом, то есть в «сияние бездны». Человечество оптом закрывает свои греховные намерения и страсти и, лихорадочно ликуя, объединяется в творении гармонии и добра. Враги обнимаются и жмут друг другу руки, все обиды прощаются, разрушения прекращаются. Люди плачут от счастья. Жертва Астры оказалась не напрасной...

Краткое описание мелодрамы было приправлено детективными микро-сюжетами, спецэффектами, компьютерной анимацией и прочими современными средствами создания эффектных зрелищ. Гарик был доволен сюжетом, написанным в духе американских триллеров со счастливым концом, и работал в поте лица, снимая одну сцену за другой. Он вошел на съёмочную площадку, где снималась сцена очередного сна Астры, и, не приветствуя студию, возопил:

– Ну, что там: спит красавица в гробу? Спит? А почему не натурально? Несси, не соси ириску. Это вульгарно.

– Я не могу больше спать так каждую серию! – капризничала актриса, – Нельзя было сделать роль чуть живее призрака? Как можно вообще играть сон?

– Дрыгать ресничками, трепетать, изображать насилие над душой в свершении чужих желаний. Одних только движений губ можно насчитать дюжину, богиня! А колыхания грудей? Это же целая симфония! Добавим тебе небесного дыхания на голубом пару, подсветку нежнее младенческой фиалки, ну и пальчиком можно пошевелить и ножкой дрыгнуть. А то и пометаться по постельке... Мне ли тебя учить? Давай, маэстро, заводи свою шарманку с прелюдией!

– Ладно, попробую имитировать счастье на астральном уровне. Кэт, припудри меня крахмалом и дай слезные капли. Пусть с ресниц скатится слеза любви, не пропусти, продюсер!..

В студию повалил серый голубоватый дым, слегка подсвечиваемый ультрамариновыми отсветами, зазвучала глубинная переливчатая мелодия, взятая напрокат из кабинета релаксации. Инесса Барановская вошла в образ с воображаемым восторгом исторжения слезы счастья. Всего несколько секунд, – и съёмочная группа аплодирует новоявленной актрисе. Дебют удался.

ГЛАВА 4. ТРАЕКТОРИИ СУДЕБ

Ольга позвонила Гарику после съёмок вечером с надеждой узнать хоть какую-то информацию. Неужели их план провалился? Может быть, кто-то из его людей втерся в съёмочную группу и теперь наблюдает из-за кулис? Неведение – лучший генератор тревоги.

– Огарёв, как там твой сценарий? Может, помочь?.. – из-под бровей зашла светская львица.

– Олик, ты не спишь? У вас, кажется, полночь... Да вот, составил кое-что, сюжет – закачаешься!

– Опять наши гениальные абзацы облёк в какую-нибудь превратную чепуху? Вышли мне, я подумую. «Меня» без меня не снимать! Ты понял? Как там моя актриса?

– Отдыхает и по ходу подтягивает глазки. Кстати, твой прототип – супруга Властителя Снов – Оливия. Кратко – Оли. Как тебе? Удачно придумал. Оли весьма одарённая дамочка. Костюмы ей шьёт наш лучший модельер. Тебе понравится.

– Ты сам придумал эту роль, и Оливия у тебя какая-то агрессивная и страстная. Неужели это я?

– Напротив, она таки пытается образумить своего безумного супруга, но Властитель снов одурел от своих желаний, забыл об Оливии, и она ему этого не простила. Ждала случая, как и все вы, коварные дамы. И вот, когда юный друг сновидицы пытался пробраться в замок, она увидела Любовь, о которой можно только мечтать. Её решимость окрепла, и Оли открыла врата в святилище снов. Но не бесплатно...

– Нетрудно угадать, ей захотелось поцелуя?

– Всего один разик!.. Юный Рональдо должен был поцеловать мегеру, чтобы добыть заветный ключ.

– Героя зовут Рональдо? И на кого же он похож? – опустив комментарии по поводу «мегеры», Ольга немного разнервничалась, затаившись в надежде, что хотя бы Иллариона Гарик обойдет стороной.

– А кто у нас самый красивый и кудрявый? Хе-хе-хе!.. Хм...

– Ты никак не можешь оставить мою семью в покое.

– А с кого мне ещё писать? У меня только одна семья – твоя, Олик.

– Ну, ладно, а как там наша «Астра»?

– Вживается в роль, и так вживается, что теперь не оторвешь, – куражился Гарик, поглаживая обнажённую голень Несси.

– Ты вообще-то один или с кем-то, говорить можешь?

– Могу... Ой! Не могу, зараза, щекотно... – Олик, я потом тебе перезвоню, – Огарёв никогда не общался с Ольгой в присутствии третьего лица. Она была эксклюзивна. И вот – прокололся. Патронесса не могла не почувствовать в их диалоге присутствия женской силы, которая оттягивала внимание её со-

беседника. В какой бы роли не состоял партнёр, он всегда остается для женщины её собственностью.

Ольга с досадой отложила планшет и неожиданно для себя заплакала. Слезы просто катились по лицу, снимая нервное напряжение последних недель. Ей было страшно. Пол исчез без следа. Что только они не делали, куда только не звонили. Привлекли полковника Колечко, который благодаря стараниям Магды уже был на их стороне. Английский лакей в посольстве уверял полицию, что в ту ночь господин Уитмен выехал вместе с дамой рано утром на своем автомобиле без водителя, и больше его никто не видел. Запросы в Интерпол не помогали. По сути это был скандал, но какой-то тихий. Со стороны американского консульства не было никаких шагов. Возможно, они знали, где Пол. Делать официальные запросы было бессмысленно. А как быть теперь с настоящей Астрой – Анастасией Зиминной, как теперь оказалось, утерянной девочкой, ставшей великой сновидицей в Центре Реконструкции Будущего?

В то время, пока Гарик воплощал в киноленте свой сюжет, переписанный им с кальки происходящего и приправленный своим собственным вымыслом, в ЦРБ шла интенсивная работа по классификации ранее полученных прогнозов с целью составления более менее полной и непротиворечивой картины будущего. Процессом управлял профессор Знаменский, которого сотрудники теперь всё чаще называли Александром Павловичем. Аналитик Арон пытался сложить панораму грядущего, разбив по кластерам отдельные смыслы и пропустить их через специально разработанную компьютерную программу, которая выявила все совпадения, повторения, смежные ассоциативные образы, и, в конечном итоге соорудила многомерную матрицу по многофакторным магистралям. Посвященные в дело сотрудники работали день и ночь (хотя их никто торопил), как будто от этого зависела судьба человечества.

И действительно, в каждом просчитанном альтернативном варианте развития цивилизации отчетливо выпадала какая-то катастрофа. Как бы гении ЦРБ ни крутили программу, конец был один – в Тартар. При этом до печального финала люди обретали, казалось бы, настоящее счастье: благополучие, богатство, сытость, долголетие. Далее следовал – в разной интерпретации – кризис, большей частью, экономический и социальный, перемежаемый частыми локальными конфликтами, в том числе и военными. Но промежуточный итог был впечатляющим! Во-первых, удалось расшифровать почти все медицинские и фармакологические секреты системы здравоохранения – она будет на высоте. Лет 30, как минимум, можно будет купить дополнительно, вопреки поговорке о том, что «здоровье не купишь». Получается – купишь, и не только здоровье,

но и искусственную красоту. Во-вторых, программа выстроила новую транспортную систему. Виртуально одна ветвь поднимется в воздух, а вторая уйдет неглубоко под землю, освободив плоскость земной коры для благоденствия её нежных обитателей. И это не банальное метро с подземными поездками, а углубленные всего на три метра транспортные коридоры, покрытые сверху арочными полупрозрачными конструкциями. Они похожи на гигантские трубопроводы, напоминающие в поперечном сечении форму глаза, нижняя часть которых закопана, а верхняя – выходит наружу. И по ней ходят люди, летают автокары на воздушных подушках, не нарушая чистоты городского пространства. Так будут ликвидированы пробки, душащие мегаполисы в первой половине 21-го века. В архитектуре тоже заметны нововведения. Каждый жилой квартал превращается в мега-квартиру, в которой даже ландшафтный дизайн напоминает домашний интерьер. Все крыши домов задействованы полезным назначением. Там располагаются зеленые зоны с бассейнами, стоянки для летательного транспорта, а также солнечные батареи, коими изобилуют все свободные плоскости. Внутри квартала – вся необходимая инфраструктура с полной логистикой – доставкой предметов быта и продуктов питания на дом. В летние тёплые дни общепит выходит на улицу, что способствует общению микро-социума кварталов. Так будет решена проблема разобщённости городской жизни.

Отчётливо вырисовалась и линия демографического регресса на фоне процветающей генетики и искусственного оплодотворения. Знаменский пояснил это так:

– Если бы мы спросили у Бога, почему жителей 22-23 веков стало так мало, он бы ответил: «Они не родились...».

«Почему?» – уточнили бы мы.

«Много грешили», – ответил бы Всевышний.

Но это далеко не всё, что удалось соткать из того, что было накоплено за долгие годы работы в проекте «Астра». Красной нитью через все отраслевые траектории шла финансово-экономическая система. В будущем она становится виртуальной. Фиатные (бумажные) деньги слетают с рынков, как осенние листья. Глобальная экономическая интеграция всемирной виртуальной денежной единицы – Иоты, не имеющей котировок и стабильной, как единица энергии и времени, приводит к распаду всей банковской системы. Противоборство валют уже не имеет смысла. Банком становится Человек, каждый человек становится Банком. Он же – юридическим лицом, закольцованным в единую контролируемую всепланетную систему. Почему банки допустили такой крах? Когда они поняли, куда идёт прогресс, сами превратились в призраки – по негласному сговору. Экономический спрут никуда не делся, он стал незримым,

продолжая паразитировать на разжигаемых им же желаниях и страстях приобретателей всё новых вещей и услуг. Виртуальные деньги уже не откладываются в копилку, а тратятся с неимоверной легкостью в персональных Торах, и с такой же легкостью возвращаются назад с минимальными процентами или без них. Всё дело – в скорости и многочисленности операций. Спрут живёт за счет трения транзакций, коих ежедневно каждый «чел» совершает несколько раз. Виртуальные деньги, привязанные к планетарному ресурсному потенциалу, не имеют дна. Однако бездельники, имея возможность «оплатить» все свои желания, не допускаются к предметному миру и его услугам, поскольку не имеют соответствующих социальных рангов. Ранги же зарабатываются в различных системных и корпоративных сообществах. Пирамида переворачивается с ног на голову. Если раньше, то есть в наше время, за деньги можно купить всё или почти всё, то в будущем – всего-то через сто-двести лет, – продукт или услуга становятся доступными только активным членам общества, включенным в контролируемые системы. Это обесценивает деньги как таковые. Ценностью становится натуральный продукт, услуга, интеллектуальный потенциал, духовные и культурные достижения. То есть всё становится на свои места. Стоимость жизни сводится к самой жизни. Эта часть проектирования будущего была наиболее занимательной для Арона и его яйцеголовой команды. А куда же делись пресловутые доллары, которые правят миром? И как об этом сегодня сказать современникам? Доллар, конечно, поиссяк своей силой после череды военных вторжений и конфликтов, спровоцированных страной, производящей зеленые бумажки, столь лелеемые алчной частью человечества, но он все-таки остается признанной мировой валютой.

Слушая канал РБК, Арон никак не мог сопоставить два полюса: нынешнее состояние мировой экономики и его инверсное будущее. Промежуточное состояние не улавливалось. Если нет переходного периода, значит, ситуация будет обвальной? Но когда? И как к этому моно подготовиться? Ясно было одно – обвал фиатных валют произойдет до середины 21-го века. То есть, скоро... Остальные траектории развития страдают массой нестыковок и противоречий. Ясно одно: мир, достигший совершенства на земле и на суше, неизбежно ползёт к пропасти. Создается впечатление, что люди в будущем явно заражены неким «компьютерным» вирусом, поразившим мозги всему человечеству, поскольку сами себя разрушают в еще более ускоренном темпе, нежели строят и восстанавливают. Разруха бежит вслед за прогрессом всё быстрее и быстрее, и, в конце концов, накрывает волной разрушений всю текущую цивилизацию, по каким бы обходным путям она не шла.

В секретной базе ЦРБ были зашифрованы и некоторые новейшие технологии, которые могли бы стать продуктом продаж сегодня и сейчас. Но эти вопросы были в жесткой компетенции Бориса Брейса, который был занят своими делами в городе, а точнее – охранял своих любимых женщин. Да, деньги ЦРБ нужны, но продать что-либо, несмотря на атаки потенциальных покупателей, Знаменский был не уполномочен. Но зато он был доволен результатами исследований, поскольку интегральная картинка худо-бедно сложилась. По отдельным траекториям развития видение вырисовывалось довольно чётко. Однако именно теперь, когда в результате анализа данных обозначились и недостающие звенья, профессор остро ощущал отсутствие Астры. Вот бы сейчас задать ей исходную позицию и направить её в сонное царство, чтобы проверить гипотезы проектирования будущего! Но и это было за пределами его возможностей.

По привычке Знаменский ощупал левую руку, проверяя наличие (или отсутствие) «средства связи» с Иваном Забродным (Оланом). «Шарик» уже три недели молчал, хотя его можно было иногда «поймать», бродя пальцем по внутренней линии руки до локтя. Рентген его почему-то не просвечивал. По версии Арона, состав вещества в момент рентгеновского излучения как бы растворялся и терялся на фотоснимке. Попытки уловить его иными способами также не давали результата. Александр Павлович тяготился самой мыслью о том, что друг Иван так и пропал без следа, и вряд ли когда вернется. Он был менее оптимистичен, нежели Арон, который всё еще надеялся на возвращение космического путешественника. Несмотря на прокопченные IT-технологиями мозги, программист был немного мистиком и верил в инопланетян, космическое происхождение землян, которыми «засели» нашу голубую планету некие невидимые творцы – представители более высокоразвитых цивилизаций. Он надеялся, что рано или поздно Олан вернется. Чтобы убедить в этом своего старшего коллегу, Арон распечатывал разные факты и сведения, найденные им на закрытых сайтах уфологов, которые свидетельствовали о том, что похищенные НЛО люди часто возвращались – кто через неделю, а кто и через несколько лет. Они появлялись в разных местах, но ближе к тем, откуда покинули свою планету. Большая часть похищенных удостаивалась всего лишь небольшой экскурсии, которая по их ощущениям длилась полчаса – час – не больше, но на самом деле по земному времени их не было неделю, а то и две. Иван Забродин, судя по той информации, которая досталась профессору по особому каналу связи, был избранным – и его взяли на другую планету – посмотреть, как там живут разумные существа. Но почему с ним нет больше связи? Впрочем, никому и в голову не приходило поискать исчезнувшего коллегу в том месте, откуда он был похищен (или пропал).

Кроме Арона и Знаменского, в группе, которая осталась в ЦРБ, заняла своё достойное место Магда. Знаменский изучал её способности в познании прошлого, Арон пытался оцифровать сеансы её астральных хождений. Последнего не получалось, поскольку Магда работала без чипа и не во сне. Только она сама могла рассказать о своих видениях. Задача усложнялась еще и тем, что ведунья панически боялась всякого рода приборов и никак не хотела надевать на голову шлем с датчиками, который фактически мог выполнять некоторые функции чипа. Это, конечно, было слабое подобие уникальной платы, разработанной специально для Астры, примерно как слушание разговора в соседней квартире через воронку, но всё-таки – хоть какая-то надежда поймать то, что на вербальном уровне проникает только через восприятие малообразованной ведуньи. Тем не менее, опыты дали некоторые результаты, когда в процесс изучения феномена Магды включилась дочь профессора Светлана, неожиданно вернувшаяся в Россию. В Арабских Эмиратах начались военные конфликты, и муж разрешил ей вернуться «на время» домой с дочкой (мальчика он категорически не соглашался ограждать от риска, мол, он «высший мужчина», пусть учится воевать).

Светлана – практикующий психолог, хорошо владела гипнозом, как и её отец. Но к Магде был нужен особый мягкий женский подход, и у неё это получилось. Именно под гипнозом – после сеансов медитации, когда у Магды уже сложился некий отпечаток прошлых событий, ведунья проговаривала гораздо больше того, о чем могла рассказать в сознании. Просматривая постфактум сеансы гипноза, Магдалина Богдановна, как её почтительно называла дочь Знаменского, впадала в удивленное недоумение и восхитительный детский восторг, подтверждая всё «в тумане явленное». В итоге Знаменский решил, не осведомляя Куратора, предложить Магде прощупать найденные им в таинственном бункере артефакты. Это были, в том числе, записи в «амбарной книге», зашифрованные кодами, значение которых угадывалось из логических рассуждений. Записи были разбиты на серии циклов, в каждом из которых группировались зашифрованные коды полученных результатов. В каждой группе символов были буквы и цифры, но, что особенно удивительно, в любом графическом ряду просматривались криптограммы, фантастически напоминающие описание «языка будущего», представленного Астрой в своих сновидениях. Они были выписаны небрежно, как будто автор этих записей не особо заботился об их идентификации. Писал для себя, как говорят, «левой задней», и поэтому так сложно было расшифровать всю группу последовательно чередующихся знаков. Арон сканировал записи, обработал изображения «буквиц» в ракурсе языкового разнообразия наро-

дов мира, но ничего схожего не нашел. Компьютер выдал вердикт «Нет точных совпадений», и при этом вывел массу ассоциативных вариантов, запутывающих след истины охотникам за сенсацией.

Светлана готовилась к сеансу гипноза, который должен был пролить свет на эту тайну. Магда, погруженная в транс, бессознательно водила руками над старыми, побуревшими от времени и сырости листами с полуистлевшими надписями, и, покачиваясь по своему обыкновению вперед-назад, тихо мычала. Так она «записывала» в своё подсознание информацию из прошлого – далёкого военного и послевоенного времени, очевидцы которого давно почили, унеся в могилу все ключи к разгадке секретного эксперимента. Все ждали, когда же она закончит свою магию и начнет что-то говорить. Было заметно, что у неё началась дрожь в руках, женщину начало колотить, как от крупного озноба, на лбу выступили капельки пота. Знаменский схватил её руку у запястья и нащупал пульс. Сердцебиение было прерывистым, частым, западающим на губительно длительные паузы. Он нарочито «пробудил» Магду, прервав её транс, обеспокоенный состоянием ведуньи. Когда же она пришла в себя, осторожно спросил:

– Есть что?

– Угубили всех!.. – сдавленно произнесла Магда, – Так и не смогли перенести душу в чужое тело.

– Чью душу? В какое тело? – внимательно спросил Знаменский.

– Его – изверга проклятого! – Магда сжала жесткие кулачки, поджала губы и диковато посмотрела на профессора.

– Ты знаешь – кого?

– Думаю, что знаю... Не знаю...

– Вот мы сейчас это и знаем вместе с тобой. Мы сейчас оставим вас с Ветой (так он называл дочь), и вы поработаете, ладно?..

– Страшный он человек...

Женщины остались одни, но к сеансу приступать не торопились. Светлана молчала, чтобы дать возможность своей сложной пациентке подготовиться к гипнозу, и принять его без сопротивления. Психолог чувствовала, что Магда действительно испытывает какой-то утробный страх и не хочет вновь соприкоснуться с неведомым врагом по ту сторону реальности. А может, не стоит? Не исключено, что ведунья сама расшифрует свои впечатления и найдет ответ на вопросы профессора. Но, увы, чем больше затягивалась пауза подготовки, тем тупее становилось лицо испытуемой. На профессиональном языке это называется «блокировка сознания», которая возникает как реакция на опасность. Магда стирала всё увиденное и прочувствованное, и надо было срочно погрузить её в гипнотическое состояние, чтобы по свежим следам выявить что-то существенное. Гипнотизёр достала маятник с блестящим

циферблатом и начала крутить его по кругу вокруг лица Магды, предлагая ей погрузиться в сон на счет «раз-два-три». Ясновидящая послушно закрыла глаза и заснула. Вета начала задавать вопросы, зная, что за ними следят из соседнего кабинета, и всё фиксируется.

– Ты знаешь человека, который писал эту книгу?

– Да...

– Он сделал эти записи?

– Да...

– Ты видишь его?

– Да..., – Магда дрогнула и начала отмахиваться от видения, как будто это было привидение, – Уйди, проклятый, рыжий чёрт. Изыди вон!..

– Его зовут...

– Ш... Шварц...

Знаменский зашел в лабораторию и подал знак прекратить испытание. Светлана вывела Магду из гипнотического состояния и подала ей кружку горячего чая, настоянного на сибирских травах. Профессор проверил пульс испытуемой и, глядя ей прямо в глаза, тихо спросил:

– Ты его помнишь? Того, о ком говорила?

– Похож на иностранца, который хотел похитить Настеньку.

– Сильно похож?

– Как одно лицо. Вот он и писал в этой книге. Видела, знаю. Хотел переселиться в новое тело, но все тела умерли.

– Люди умерли?

– Да, пленные.

– А где, где они умерли? Здесь в Сибири?

– Нет. Книга сюда попала, а те люди – далеко были. В концлагере.

Кажется, что-то начало проясняться. Благодаря дару Магды удалось построить гипотезу о том, что наша советская разведка каким-то образом добыла эти записи или же они попали в руки русских исследователей уже после войны, и наши пытались проводить опыты по переселению душ, возможно, в том самом бункере, где побывали экспедиторы ЦРБ. А, может быть, и не наши, а обрусевшие немецкие потомки, которым достались эти записи. Не исключено, что таким мог оказаться и Пол Уитмен или его подобие (предок) по имени Шварц. Хорошо было бы сводить ведунью в подземное царство теней, чтобы она на месте поработала, может быть, удастся получить новые сведения. Знаменский представил Магду, доставляемую в бункер силами всей мужской команды, и улыбнулся. А пролезет ли она в люк с такими формами бедер? Ясно, что по пещерному ходу от реки она не пройдет – далеко, скользко и узко. В общем, надо готовить обнаруженный ими лаз рядом с болотом для Магды. Без неё никак.

Так команда Куратора разделилась на три группы, в каждой из которых происходили события, не

сведенные пока в общий сноп, но имеющие параллельные траектории, и всё происходило так, как будто кто-то направлял их к единому вектору, хотя каждый полагал, что идет своим путем.

ГЛАВА 5. ПРИЯТИЕ ДУШИ

Ольга вошла в комнату, где спала Астри и села в кресло напротив кровати. Её часто тянуло посмотреть, как она спит, и это стало почти привычкой, хотя за этим крылся простой материнский инстинкт. Девушка жила в их с Борисом квартире под её собственным присмотром, что было обременительно, ведь к роли няньки и сиделки она была не готова. Изредка приходилось прибегать к услугам Алины, когда была острая необходимость выезжать по делам. Борис обеспечивал всё необходимое. Скрывать Астру здесь было неловко, но пока другого выхода не было. Квартиру постоянно курировали два охранника, нанятых Куратором для слабого утешения Ольги. Риск висел над ними, как дамоклов меч. Это мешало успешному ведению дел, и цейтнот стал частым гостем в их напряженном графике.

Целых три дня было потрачено на участие в свадьбе сына. Именно «потрачено», – так оценивали родители Иллариона этот традиционный церемониал, которого с такой звучной радостью обычно ждут все нормальные люди. Но участие было необходимо, и не только потому, что сын, свадьба, традиции и нельзя никого обидеть, но и потому, чтобы продемонстрировать невидимому врагу свою уверенность, убедить его в отсутствии Астры рядом с ними в этом городе. Для кого, для чего делались все эти «ужимки и прыжки»? Из-за постоянного напряжения впечатление от свадьбы было скомкано, хотя это было хорошо организованное и приятное шоу. Родители с обеих сторон получили от детей подарки, внимание, любовь – в превосходной степени публичных проявлений. Хорошо, что молодые сразу после свадьбы отправились путешествовать в Гималаи – лазить по горам, искать приключений в эзотерических стойбищах местных старожилов. Надо бы радоваться и наслаждаться счастьем молодоженов, но там – за спиной висел проблемный рюкзачок, и эту ношу надо было нести непоправимо долго, может быть, всю жизнь...

Ольга тяжело вздохнула и приподнялась, чтобы встать и пойти в свою спальню – досыпать последние часы утра. Её остановил вскрик спящей девушки. Астри проснулась, как будто почувствовала, что с ней рядом кто-то есть.

– Ма..а...м, ты не опять не спишь. Надо отдыхать, твой ребенок хочет спать.

– Откуда ты знаешь о ребенке?

– Я видела её – твою девочку, как будто это была я.

– Что ты видела? Расскажи мне. Это важно, – Ольга присела на край кровати, поглаживая ей руку. Ей вспомнился тот странный сон, где она уже слышала нечто подобное. Там был Илларион, который упрекал её – свою мать в том, что она спрятала Астру – его потенциальную возлюбленную, в своём чреве, и теперь она родится его сестрой – не более.

– Я будто бы ушла из жизни – туда – за пределы. И не хотела возвращаться. Но потом меня оттолкнули назад, и я попала с какую-то воронку. Она меня втягивала всё быстрее и быстрее, и мне было страшно. Я закричала – во сне, что не готова, потом, позже, и меня отпустили... пока. Но знаю точно, что надо будет это сделать опять – вернуться туда.

– А почему ты решила, что должна родиться именно у меня?

– Не знаю. Все души находят своих родителей. Если бы у меня был выбор, я бы выбрала тебя...

– А как души находят своих родителей?

– Они втягиваются в тёмную воронку, сжимаются, им там больно и нестерпимо узко. Тьма – только тьма. Одно желание – вырваться оттуда куда угодно. Так происходит вместилище душ в человеческие эмбрионы.

– Души вместиаются в эмбрионы? А как они находят нужный им эмбрион? – Ольга почему-то вдруг вспомнила одну из последних видеом Андреев Вознесенского «Мать-Тьма». Это было гениальное произведение, даже прозрение о смысле жизни, написанное поэтом незадолго перед смертью, в котором было всего два слова, перетекающих друг в друга.

– Они всегда находят, когда готовы к следующему воплощению. Как пули, летят прямо в цель. Есть только одно тело для каждой души. Иногда бывает борьба между душами за одно тело, но как-то одна душа замещает другую, и та остается еще на один цикл, пока прежняя не отживет свой срок, – монотонно проговаривала свою версию Астри.

– Как интересно, души сами выбирают тело или им кто-то помогает? – очнувшись от мыслей о бренности бытия, спросила Ольга.

– Не всегда по своей воле. Это предначертано.

– Но для того, чтобы войти в тело, родиться вновь, надо сначала... умереть? Освободиться от прежнего тела. Так почему ты должна покинуть свой прекрасный сосуд? Ты должна прожить свою жизнь до конца...

– Я не могу здесь больше оставаться. Моё время истекло. Тело одно на двоих. Другая душа давно ждёт его. Это не я – моя сестра должна была родиться. Произошла ошибка. Когда моё тело уничтожили (аборт), моя душа переместилась в эмбрион моей сестры и вытеснила её душу.

– Как ты об этом узнала?

– Магда сказала мне про сестру, я и сама видела её в тонком мире. Она жаждет жить. Мне пора ух-

дить. Там мне дадут новую жизнь, нормальную, не во сне. И не надо никакой адаптации. Здесь этого не получится, у меня нет судьбы. Вот, посмотри на мою руку. Зара сказала, что можно гадать по руке. Она видела мои линии и очень испугалась. Но теперь я нашла книгу в шкафу – вот эту – «Линия жизни», и разобралась, о чем говорят мои ладони.

Ольга взяла в руки мягкие ладошки девушки, не знавшие грубой работы – такие тонкие, розовые, почти прозрачные и развернула их тыльной стороной к свету. Она хорошо разбиралась в хиромантии, – увлекалась по молодости лет. Но почему раньше она этого не сделала? Линия жизни Астры разломана на два соприкасающихся отрезка. Первая часть – молодость, кроткая и тонкая, вторая часть – сильная, плотная. Линии судьбы не видно вообще. Такие руки бывают у людей с явными уродствами. Наиболее полно выражены лунные свойства характера – мистичность, иррациональное творчество, интуиция. Видимо, Анастасия говорит правду о том, что одно тело – на двоих. Сначала идет её тонкая гармоничная линия, потом линия сестры, насыщенная жизненной силой.

– Как же ты узнала, что я – твоя будущая мать? Просто сама выбрала, значит, выбор все-таки есть?

– Меня тянет к тебе, я видела себя в будущей жизни... с тобой.

– А вещие сны видишь? Ты давно не рассказывала, как там мир. Мы долго не подключали тебя к Тору, ты теперь спишь, как все люди.

– Не как все. Я всё вижу, но плохо, очень плохо. Мир катится в пропасть. Войны, болезни, смерть, голод, катастрофы. Борьба за выживание, за территорию, за умы и – за сильные гены.

– Настя, давай мы с тобой всё это опишем. Расскажешь мне, а мы подумаем, как спасти мир. Надо найти ключевое событие, с которого начнется этот кошмар. И потом постараться предотвратить апокалипсис, о котором ты говоришь. Сегодня. Я пойду сейчас немного посплю, а потом мы с тобой поработаем вместе, хорошо?

– Ладно. Только я теперь не хочу спать, боюсь, что меня опять засосет воронка. Буду читать твои книжки.

Ольга нарочито зевнула и вышла из комнаты, едва сдерживая приступ тошноты от раннего токсикоза. Состояние было приправлено новой тревогой, вызванной откровениями Астры. Она никак не могла разобраться, рада ли она тому, что говорит её потенциальная «дочь». С одной стороны, если бы это было правдой, то ей выпала уникальная возможность познакомиться с душой будущей дочери, с другой – что-то неправильное и головокружительно опасное висело над ней и Астрой.

Ольга посмотрела на себя в зеркало и спросила отражение, хочет ли она, чтобы это случилось?

Отражение ответило неизбежной обреченностью. Она опустила руку на живот и попыталась услышать толчки плода. Нет, пока рано. УЗИ показало, что всё идет нормально. Но срок всего 7-8 недель. Какие толчки? Однако не это волновало будущую мать. Главный вопрос: когда, на каком сроке беременности душа «заходит» в тело, или же сама формируется внутри плода в относительно законченном виде? Страшно представить, что у зародыша есть душа... Никакие врачи, гинекологи, психологи не могут ответить на этот вопрос. Может быть, обратиться к церкви? Как она трактует эту тайну?

Орлова бросилась искать в Интернете, но ничего вразумительного не нашла. Православие вообще не приемлет реинкарнации. Буддизм, кришнаиты, ислам? Везде противоречивые данные. Одни говорят, что после третьего месяца, когда уже нельзя делать аборт, потому что ребёночек уже живой, аборт считается убийством, другие доказывают, что после седьмого месяца, когда ребенок уже может выжить в результате преждевременных родов, потому что тело в основном сформировано. Но, если исходить из этого, современная медицина выхаживает и пятимесячных детей? Так, где же истина, которая лежит посередине?

Ольгу пронзила резкая боль внизу живота. Она села на кровать в испуге: что это? Но боль быстро прошла, как будто просто подала сигнал. «Пол! – осенило Ольгу, – Вот кто знает истину». Она заметалась на постели, вспоминая восторженный ужас своего общения с ним, и вошла в состояние, похожее на наркотическую ломку. Ей вдруг нестерпимо захотелось увидеть Пола, чтобы он немедленно был здесь, рядом с ней. Почему бы не позвонить куда-нибудь в Америку, спросить? Так нет же. Как алкоголик страдает выпивки, и каждый нейрон мозга вопиёт о водке, так беременная женщина хочет удовлетворить свой каприз или прихоть. Это было подобно полубомборочному шоку, и Ольга потеряла сознание.

Такое часто бывает, и потому никто бы не стал подозревать мистический план этого события. Но он был. В отсутствии сознания Ольга чувствовала непривычную реальность. Всё было так пронзительно достоверно, не было даже тени сомнения: всё происходит на самом деле. На ней было свободное одеяние: легкое платье или плащ кремового оттенка из тончайшей ткани, – слепок воспаленного воображения. Чтобы проверить это, она потрогала своё платье и бисерную вышивку вокруг горловины с вкраплениями изумрудных камешков, олицетворяющих пальмовую ветвь. Инкрустация была шероховатой и колола пальцы. Надо бы ещё ущипнуть себя, и она сделала это. Было больно. Убедившись, что жива, Ольга начала перемещаться, почти не касаясь ступнями тверди. Так она незаметно попала в

холл большого зала с огромной колоннадой из белого мрамора. Там, впереди был трон, на котором неподвижно восседал некий повелитель в красной мантии, накинутой поверх черного облегающего костюма. «Как Бетман!», – подумала она во сне, хотя точно знала, что это был Пол. Он снизошел к ней, но она не шевельнулась, чтобы присесть или преклонить перед ним голову. Напротив, смело подняла голову и посмотрела прямо в его дьявольски зеленые глаза, воспаленные вечной властью. Исчадие Ада само опустилось на колени, пало ниц и посмотрело на неё из-под бровей умоляющим взглядом. «Я есть твой!..», – промолвило чудовище. И это высказывание неожиданно вызвало в ней волну нестерпимого блаженства, которое волнами пронеслось в её чреве и отозвалось пульсирующими ритмами до самого гипофиза...

– Мама! Мам, мам! Проснись, – эхом донеслось до её ушей.

С огромным трудом Ольга вышла из обморока. И первое, что она увидела, испуганное лицо Насти. Отчетливо понимая, что матка её находится в тонусе, Ольга сообразила, что сон (или обморок) каким-то образом связан с реальностью и переходит в неё, иначе бы она не ощущала сладкого биения.

– Хорошо, что ты рядом, – слабо произнесла она и почувствовала такую родственность её души, что мгновенно приняла её. Всё свершилось! С огромным облегчением Ольга встала и была готова сбросить все сомнения и облегчить переход её души в новое состояние. Теперь она как будто знала истину и была спокойна, как никогда. Души могут перевоплощаться и переходить из одного тела в другое. Но как?

Её размышления прервал хлопок входной двери. Это был Борис. Охранник внёс сумки с продуктами и ушел. Муж был чем-то впечатлён, но не торопился высказаться. Молча, он снимал ботинки, галстук. Переоделся в домашний халат, налил себе рюмку настойки на кедровых орешках и, уютно расположившись в кресле, выпил глоток маслянистой жидкости.

– Ты знаешь, что случайности как-то липнут друг к другу. Произошло невероятное. Наш новый водитель – Анатолий... – Брейс посмотрел в сторону любопытной Насти и умолк. Ольга интуитивно поняла намёк и попросила девушку выйти.

– Ну, и что этот Анатолий?

– Он мне сегодня сказал следующее... – Куратор отпил еще глоток, вытянул ноги и отвернул голову в сторону двери, за которой, будь она неприличной до того, чтобы подслушивать, могла бы стоять их подопечная, – в общем, вот в чём дело. Борис встал, заходил по ковру и, предвкушая эффект от новости, то поднимал голову вверх, то опускал её долу.

– Ну, говори уже, не томи! – взмолилась Ольга.

– Этот Анатолий... У него фамилия... Помнишь, что наш достопочтенный полковник Колечко искал родственников Астры, и, как ты уже знаешь, он их нашел. Так вот этот Анатолий по фамилии Зимин и есть родной брат нашей Астры!

– О, как! Невероятное совпадение! Если мы тогда... (хотела сказать, когда потеряли Пола, но осеклась, как будто их связывала тайна) не остановили именно эту машину, так бы и не узнали ничего, – удивленно произнесла Ольга, – надеюсь, ты ничего ему не сказал?

– Нет, конечно. Его уже вызывал некий капитан Попков, я подозреваю, один из этих архаровцев, что сопровождали нашего достопочтимого Матвея Ивановича, а потом пытались украсть нашу девочку.

– Да, скорее всего. Полковник же сам говорил, то нашел её родственников. Но как так получилось, что мы сами сели в его машину? Это никак не могло быть спланировано.

– Более того, я нанял его водителем. Кстати, водила он неплохой. Только вот что теперь с этим делать? Сказать ему, что Настя у нас – невозможно. Он думает, что сестра проходит курс реабилитации, и с ней не всё в порядке, то есть с её психикой. Ну, чтобы он не слишком вибрировал.

– Ну, так и пусть всё остается на своих местах, – заключила Ольга и легла на диван, демонстрируя полную отстраненность от темы. Её сейчас больше волновало только одно: как Настя перевоплотится в её дочь?

Как ты ни было, остается открытым один вопрос: каковы условия перехода, и как их опознать? Что такое должно случиться, чтобы душа, минуя стадию посмертного бытия, переметнулась в другое тело, пусть ещё очень маленькое, но реальное? Ольга, мысля об этом, тихо заснула прямо на диване перед телевизором. На экране мелькали фрагменты военных столкновений под рубрикой «без комментариев». «Мир сошёл с ума...» – подумала Ольга, и провалилась в спокойный сон женщины, оберегаемой любящим мужем и живущей в мире и спокойствии в глубине планеты на территории с нежным названием «Сибирь».

ГЛАВА 6. НОВЫЙ ХОД

Профессор Знаменский строго натянул очки на нос и посмотрел из-под бровей на свою дочь. Светлана всё ещё экспериментировала с ясновидящей Магдой, пытаясь уловить её первобытные вибрации в логически стройном ряду гипотез и предположений. Обладая научным чутьем по своей природе (дочь – в отца), молодая женщина наконец-то добралась до лабораторий, оборудованных по грядущему слову техники, и, когда её впустили в «святыя святых», она с самозабвением, граничащим с само-

истязанием, по 16 часов в сутки работала над проектом «Магда». Знаменский не мог смириться с тем, что Вета, обнаружив нечто вроде «полюса», натянула на себя новый проект, но старался не портить ей настроения, связанного с ролью дочери, одержимой идеей. Наблюдая, он ненароком наклонял голову, чтобы привычно видеть, а потом, как заправский врунишка, резко поднимал её, когда дочь обращала на него взор. Магдалина, наблюдая эту сцену, внезапно рассмеялась, а потом скатилась на стыд. Опять, в который раз, она нарушила атмосферу психологического сеанса своими натуралистическими реакциями. Её изучали, как будто писали картину маслом, а она – позировала, иногда гордо и застенчиво, а чаще, едва скрывая зевоту. Ведунье гораздо интереснее было «посмотреть» саму Светлану Александровну, за которой стоял незнакомый быт и опыт супруги восточного шейха, – теперь уже бывшей. Магда сразу поняла, что русская умница, наделенная даром целительницы, не могла смириться с гаремными традициями своего дражайшего супруга. Да, он держался несколько лет, потом она терпела еще столько же, и вот – струна лопнула, и, воспользовавшись поводом войны – вынужденной эвакуации, она покинула Дубай, кажется, навсегда. Нет, муж не избивал её, не унижал, не требовал носить хиджаб, допускал её присутствие при гостях и вообще вел себя вполне цивилизованно. Главное – он разрешал ей работать. Однако вся её деятельность сводилась к тому, чтобы «лечить» лоснящихся от лени жен эмиратовской элиты. Так, на основе своих наблюдений, ученая дама познала все тайны восточной страсти и женственности, старательно вытравливая из себя эрзацы древнейшего ремесла. Будучи прекрасной матерью и другом своего богатого араба, постепенно утратила ту сексуальную привлекательность, которую так ценят на Востоке: то особое, тонкое, прикрытое целомудренностью, развратное рабство, невыносимое для царственной души, наделенной духом познания. Чувствуя, как Светлана скучает по сыну, Магда особенно расположилась к ней, уважая, жалея и завидуя ей одновременно. Знаменский не преминул воспользоваться этой симпатией.

– Веточка, помоги мне уговорить Магдалину Богдановну слазить в бункер, чтобы посмотреть всё воочию и потрогать там своими руками те стены, что сами говорят, – уговаривал профессор свою дочь, игриво поглядывая на Магду. Он уже отчаялся убеждать ведунью, что надо бы довести эксперимент до логического конца. Однако сам с трудом представлял эту операцию.

– Та не полезу я в этот бункер. Вот ишо потрогаю артефакты, – не унималась упрямая Магда.

Она несколько раз пыталась проникнуть в лоно прошлого через сигналы времени, но ничего ново-

го не узнала, только получила ещё большее отягощение души. Где-то в подсознании скопилась информация, имеющая негативное воздействие, но никак не хотела «входить в ум», складываться в понятные образы. Тайна осталась в бункере, и её надо было вскрыть.

Знаменский начал приготовления к походу. Людей было мало, и он подумал, что нужен надежный человек, который останется наверху, когда они спустятся вниз. Они – это сам профессор, Арон, Светлана и Магда. Никого из лаборантов он привлекать не хотел, и с тоской вспоминал прошлый состав экспедиции. Так ноги сами привели его к домику сторожа Акима. Старик по обыкновению пил свой густой отвар, шумно прихлебывая горячий напиток. Увидев входящего в комнатку профессора, улыбнулся его росту, не попадающему в проём невысокой двери. Знаменский пригнул голову, и вырос прямо перед носом сторожа глыбой большого человечища. Аким засуетился потчевать гостя, налил в эмалированную кружку ароматного травяного отвара, закутал чашку в тряпицу, чтоб руки не обожгло, и подал учёному с хитрым прищуром: мол, отведай-ка моего чайку с секретом. Знаменский сразу отпил большой глоток, обжёг губы и гортань, но чай ему понравился – бодрит. Надо бы узнать рецепт, – подумал он, походя, и начал свой разговор. Аким Волгин не знал о прежней экспедиции, и тем более о её результатах, но заметил, что человек один был, и вдруг его не стало. Как-то странно ушёл, не попрощавшись. А ведь с Иваном Забродиним у сторожа сложилась своя дружба. Тот частенько забегал к нему. Видно, лесной был человек, и всякую снасть охотничью знал, и природу чуял, как свою. Дед решил спросить у Палыча, где тот человек, куда пропал, не случилось ли чего дурного?

– Вот об этом, старина, никто не знает. Искать Ивана надо, но шуметь нельзя. Был он с нами тогда, но ушел, исчез, как в воду канул. Искали – не нашли. Может в лес ушел, вернулся к своему образу отшельника. С ним пока нет связи. Надо бы нам снарядиться надежнее, да пойти в то место, о котором ты знаешь, спуститься вниз. Может он там снова был, следы какие оставил.

– Ну, так другое дело. Я сам туда с вами поеду, мне сподручней, да и когти у меня есть. Когда здесь столбы ставили для электричества, бросили их, а я приберёг. Там у меня «на задах» много чего имеется: и канаты, и спецодежда, и пистолет с гарпуном.

– Так покажи своё хозяйство, давай прямо сейчас и пойдём туда.

– Только ты шибко шикарно одет, сходи, переоденься, а то там пыль вековая. Да возьми с собой пару мешков и молодого этого – Гришку (Арона). А то тяжко нести будет. Много там хорошего, – Аким начал живо собираться, глаза его загорелись в предчувствии интересного дела.

Через полчаса все трое направились «на зады», где стояло серое бетонное приземистое здание без окон, напоминающее бомбоубежище. Возможно, в этом и было его прежнее назначение. Здание было прикопано с трех сторон землей, на которой выросло много всякого кустарника, так что со стороны было непонятно, здание это, или холм. Местные ребята давно бы соорудили здесь свой игровой блиндаж, а зимой катались бы с горки, но подходы к этому месту были окружены колючей проволокой, и всюду висели ржавые, полинявшие от времени страшные таблички с черепами и молниями. Никого там так и не было. Когда ЦРБ начал строиться, в это помещение стащили всю старую мебель, оборудование, скамейки, посеревшие статуи – памятники прошлого века, и много другой всякой всячины. Вывозить – себе дороже. Так и стал этот склад личным хранилищем сторожа Акима. Там он приберегал всякое ненужное хозяевам добро, хранил то, что найдено или оставлено гостями – а вдруг начнут искать – а вот тут то и оно, надежно спрятано. Вход в помещение был огромным, как гаражные ворота. Собственно вся стена и была входом. Аким сунул руку куда-то за стену, с трудом отжал какой-то рычаг, и стена со страшным скрипом тронулась, просовываясь вниз в какой-то паз. Стало видно, что сюда могли бы заезжать большегрузные машины, да что там говорить – танки. Пол был покрыт тяжелыми металлическими пластинами с «пузырями», а само помещение изнутри оказалось куда более просторным. Арон вытащил из рюкзака сканер и начал проводить измерения. Ему хотелось вычислить площадь и объем помещения. Осветив ярким фонарем пространство, заполненное всяким хламом, он сфокусировал луч на задней стороне склада. Там было все завалено, но один просвет все-таки был.

– Александр Павлович, мне кажется, что задняя стена тоже может открыться вниз, как и входная сторона. Я вижу там пазы и в углу, вон – там, видите? Элементы лифтового оборудования. Надо бы здесь все разобрать и посмотреть, что там.

– Эх ты, молодая голова, – удивился Аким, – узрел всё-таки секретное наше дело. Там и есть вход в убежище. Было сделано для больших чинов на случай ядерного взрыва. Но удара так и не дождались, а открыть эту стену пока никому не удалось. Да никто и не пробовал. Так и стоит со времен холодной войны. Я стучал по стенке кувалдой, там гулко, значит, пустота. Да тут и рельсы есть, и вагонетка. Видно, что туда внутрь завозили оборудование и всё нужное для жизни. Самому смерть как хочется посмотреть!

Поняв, что завалы самим разобрать не удастся, Знаменский решил привлечь китайских работников с соседней стройки. На это дело понадобились два дня хлопот и кое-какие расходы. В итоге подходы к задней

стенке были расчищены, и тут надо было решить самое главное – как открыть заветную дверь? Арон недолго упражнялся и пришел к выводу, что надо резать автогенем. В целях сохранения секретности пришлось самим осваивать это сложное ремесло.

Профессор в спецодежде выглядел, как охотник за привидениями. Самый сильный физически, он взял на себя резку. Употев от непривычного тяжелого физического труда, Знаменский все-таки проварил периметр стеной двери, и тут случилось непредвиденное: стена сама пошла вниз с вырезанным в ней прямоугольным проходом. Видимо, в процессе работы задела пусковой механизм, и он сработал. Стена утопла почти без скрипа и скрежета, как будто пазы только что смазали маслом. Из глубины открылась вековая тьма длинного коридора, ведущего в бездну. В этой густой влажной затхлости стоял тревожный ужас, встретившийся с ужасным любопытством искателей приключений. Знаменский издал звериный рык, проверяя эхо. Оно отдалось гулким раскатом. Стало ясно, что коридор длинный, и по нему так просто не пройти. С одной стороны вглубь вела пешая дорожка, шириной с узкую автомобильную полосу, а с другой были установлены рельсы, по которой, видимо и ходила вагонетка, доставляя грузы для бывших обитателей подземелья.

Экспедиторы в один момент осенились догадкой, что этот коридор ведет к тому самому бункеру, который они открыли в первый заход в ущелье. Теперь стало понятно, откуда тайная лаборатория снабжалась электрической энергией, и как туда попало сложное оборудование. Тут же были обнаружены и светильники, схожие с теми, которые они видели в узком тоннеле, ведущем от реки в бункер. Нашли панель, попробовали включить свет, но затея провалилась. Видимо, проводка где-то на стыках распалась от времени и влаги. Прошли немного вглубь, освещали путь фонарями, но наткнулись на груды завалов, часть потолка и стен были разрушены, видимо подмыло грунтовыми водами. По расчетам Арона длина пути должна составлять не менее полутора километров, – с учетом того, что этот коридор идет прямо к цели, поэтому должен быть короче, чем тот путь, который они проделали накануне. Непонятно только одно: почему тайную лабораторию надо было отодвигать так далеко? Почему бы её не оборудовать прямо здесь, под боком цивилизации? Ответ на этот вопрос созрел сразу. Знаменский понял, что лабораторию максимально приблизили к тому самому неопознанному объекту, который был скрыт в болоте. Видимо, ему и была посвящена вся эта тема.

Идти становилось тяжело и жутко. Надо возвращаться и думать, как все-таки пройти этим путем, и как самим справиться с расчисткой завалов. Три дня ушло на подготовку. Профессор напряженно решал,

сообщать ли Борису Брейсу о своём намерении посетить бункер и о том, что найден новый проход к нему. Решил, что не сообщать – подло, и позвонил другу, как ни в чём не бывало, стараясь не возбуждать горячий ум талантливого исследователя. Но не тут-то было! Куратор необычайно воодушевился, и сам захотел поучаствовать в новой экспедиции. Но как оставить Ольгу и Астру? Решили, что Шилову и Кэт пора возвращаться из Москвы.

История с блефом закончилась. Со стороны Пола Уитмена на московском фронте никто так и не проявился, зато кино снималось каждый день и довольно успешно. Инесса Барановская стала настоящей актрисой, и об её возвращении в образе Астры не могло быть и речи. Девушка вернула своё имя в качестве псевдонима, поддерживая иллюзию (на всякий случай), что будто бы и является социально адаптированной сновидицей Анастасией Зиминой.

Олег и Катерина вылетели в Красноярск по первому зову Бориса. Все соскучились, особенно Кэт, два месяца не видевшая свою подопечную Астру. Команда снова стягивалась в один крепкий узел. Казалось, что опасность, исходящая от Пола, миновала. А был ли мальчик? Может быть, всё было преувеличено, и образ американца слишком демонизирован самой Ольгой? Такие мысли всё чаще приходили в голову Борису, тем более, что беременность жены в таком солидном для родов возрасте могла стать причиной излишних страхов и подозрений.

После недолгих совещаний было решено оставить Кэт с Ольгой и Настей в городе, чтобы Борис и Олег смогли принять участие в дальнейшем исследовании бункера. Кроме того, охранники, представленные к квартире, продолжали нести свой пост. Для разъездов по магазинам была куплена иномарка для Анатолия, который быстро прикипел к семейной команде Брусилова, да и заработки были неплохие. Водитель, найденный ими по счастливой случайности, пока так и не знал, что девушка, названная ему как приёмная дочь Брусилова и Орловой, была его родной сестрой, потерянной еще в детстве. Анатолию девушка сразу понравилась, ведь она удивительно похожа на его молодую мать, маленькую фотографию которой он всегда возил в своём автомобиле. А по совокупности человеческих качеств: скромности, тихости и душевности, так редко встречавшихся среди молодых девиц, можно только мечтать о такой жене для своего сына. Он не мог знать, что потенциально выбранная им невестка – родня по крови. Однако все понимали, что рано или поздно тайна откроется, так пусть он познакомится с сестрой поближе.

Полковник Колечко, как нельзя, кстати, немного подзабыл о своей миссии, и не случайно. Генерал Громов, именем которого оперировал Куратор в телефонном разговоре при недавних разборках

в ЦРБ, мягко намекнул ему, что с этим делом торопиться не надо. Вот он и не торопился, хотя держал свою толстую синюю папку в сейфе. Поскольку к делу была причастна его ненаглядная Магдалина, она же и просила за Астру, чтобы её не трогали почем зря, так он и сделал, когда сняли давление сверху. Матвей Иванович и сам толком не понял, почему на него так гневно давили, а потом так быстро отступились. Видимо, там наверху, виднее. В этой паузе он помыслил в скором времени навестить свою сударушку в ЦРБ, не оповещая её об этом, сделать сюрприз с подарками – пусть порадует.

Прикупив необходимого оборудования для расчистки завалов, Куратор со своим боевым другом Шиловым отбыли в ЦРБ. Ольга на прощание как то странно посмотрела в глаза мужу, как будто хотела сказать что-то важное, но передумала. У Бориса от этого взгляда сложилось тоскливое ощущение, которое сохранялось всю дорогу до Центра. Но потом, как только он вовлекся в подготовку к походу, тут же улетучилось. Да, собственно, любой мужчина не мог бы долго держать в себе неопознанное предчувствие. Он и предположить не мог, какой страшный враг достал Ольгу изнутри, и каждую ночь встречается с её астральным телом, будоража и искушая её.

Орлова понимала, что происходит нечто угрожающе странное, но оказалась в полном одиночестве со своей проблемой. К тому же она стала привыкать к постоянному присутствию Пола в её ночной жизни, да что там греха таить, она уже ждала его, засыпая с трепетным предчувствием встречи, каждая из которых была приятней и фантастичнее прежней. Днём она пребывала в отстраненном состоянии, машинально двигаясь и разговаривая, как будто одна её часть всё еще жила здесь, в этой жизни, а другая – истинная – все больше погружалась во пелену демониической зависимости.

В то же время беременность протекала нормально, и уже наступала сибирская зима с её морозами и длинными, темными ночами. Ольгу давно мучила мысль о том, что вдруг каким-то образом это невероятное чудовище все-таки заняло некое место в её теле, и теперь растет вместе ребенком? От этой скверны ей становилось не по себе. Страх терзал её, но как только наступала ночь, всё становилось нормально, и его – Пола незримое присутствие успокаивало и убаюкивало эти страхи, намертво приручая к себе. Она перестала бороться, и, уже осознавая свое поражение, тихо сникала, теряя энергию на сгибе тонкого волоса жизни.

С Астрой происходило нечто подобное, она копировала свою названную мать, будто понимала, что происходит в её душе. Девушка потеряла интерес к изучению настоящего, реальность не интересовала её, она шла не по тому пути, и назад уже не вернуться. Нужно менять мир, не возвращаясь назад и не

забегая вперед. Диалогов между ними становилось меньше, как будто Ольга и Астра понимали друг друга без слов. Учёная дама, привыкшая к яркой насыщенной жизни, неумная исследовательница будущего, обладательница редкого сочетания красоты и ума, превратилась в домашнюю курицу, пугающуюся собственной тени. Она перестала краситься, делать причёску, предпочитая домашний халат и незатейливый хвостик на голове. Все эти перемены Борис связывал с её новым состоянием и не противился новому стилю. Сникшая Ольга давала ему возможность передохнуть от супружеской конкуренции, почувствовать себя мужчиной, способным решать проблемы. Слабость – истинная сила женщины. Такой он любил её еще больше, ничуть не сомневаясь, что после родов она восстановится и с новой силой примется за свои проекты. Но для Кэт, изрядно поднаторевшей в московском бомонде и закусившей удила лидерства в принятии решений по собственной воле, эта новая Ольга Григорьевна была непривычно неприемлемой. Она привыкла подчиняться ей, даже боялась её энергичности, умения аргументировать самые непопулярные решения, принимать на себя ответственность и первую волну ударов судьбы. Теперь же Кэт не узнавала свою начальницу и подругу. Они как будто поменялись местами. В первый же день после отъезда Бориса, Катерина сделала генеральную уборку, проветрила все комнаты (домработницы давно не было в этой квартире по причине сохранения безопасности). Потом принялась за изготовление вкусной и полезной пищи, пытаясь расшевелить это сонное царство двух примадонн, но всё было безуспешно. Кэт поняла, что с Ольгой и с Астрой произошли какие-то глобальные перемены, и теперь нельзя всё сваливать на особое состояние, искать причины в прошлом. Следовало бы прорвать оборону молчанки и вызвать Ольгу на откровение, что было сложной задачей, но вполне решаемой – с учетом опыта и умения профессионального психолога. Катерина произвела несколько попыток, но они были безуспешны. Стало понятным, что проблема неординарная, и классические подходы здесь неприменимы. Нужно искать что-то новое, нетрадиционное. И, вопреки научным стандартам, она решила пойти по пути мистического поиска истины. Для неё это был новый ход, как и для других членов команды, готовящихся к погружению в прошлое.

ГЛАВА 7. ВСТРЕЧА В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Зима в этих местах суровая и непредсказуемая. Однако погода стояла на редкость теплая, кое-где даже не занесло снегом, и ставший привычным мягкий «минус» расслабил команду Куратора. Сосредоточившись на подготовительных работах, участники нового похода в подземелье не учли, что

холод – не тётка, и там, под землей, может быть еще холоднее, чем снаружи. Но, работая в поте лица и совершая в основном физическую работу, деятели науки в спортивных куртках и трикотажных шапочках, так сказать, налегке, собрались идти «на погружение». Они стояли все вместе, нервно шутили, проверяя своё снаряжение на всякий случай – ещё раз. Все ждали Магду. Светлана даже высказала подозрение, что ведунья изменила своё решение идти в опасный поход, и затаилась.

Наконец-то, укутанная во все одежды и шаль, Магда вышла к народу. Она была похожа на капусту с глазами, чем изрядно развеселила экспедиторов. И как теперь покатится этот колобок по темному коридору? Смех смехом, а идти надо. Дед Аким не захотел быть только страховщиком и уговаривал Куратора взять его с собой до «самого низу». Борис согласился. Страховать вход оставили Вадима Игнатьева, который и сам не стремился в подземные лабиринты. И вот все завалы уже расчищены, путь открыт. Поставили на рельсы вагонетку, думали, что было бы неплохо посадить в неё Магду, опасаясь, что она не дойдет своим ходом. Но, притронувшись к ржавой «кажете», заваленной матрацами для мягкости, она вдруг вскрикнула и отпрянула назад.

– Не поеду в этой колымаге! Ни в жись! То ж труповозка...

– Да как ты это видишь? – уныло спросил Знаменский, отлично понимая, как она видит и почему. Ему не светила перспектива тащить эту пышку за собой по всему коридору.

– А то и есть правда! – слегка обидевшись, перекрестилась Магда – вот в этой чашке и возили убитых, а потом уж закапывали...

Первое ужасное видение только что начавшейся экспедиции потрясло братьев по разуму. Но надо идти дальше. Шли медленно, осторожно. В вагонетку сложили самое тяжелое снаряжение, и она непривычно гроыхала рядом по ходу ноги, пока не покатила по наклонной. Никто не догадался привязать её к руке, чтобы удерживать от быстрого хода, хотя наклонность угла была очевидной с самого начала пути. Судя по стуку, скорость увеличивалась, и вагонетка существенно оторвалась от группы. Хорошо, что на неё не сложили оборудования, а так – кайло да лопаты. Вскоре стук прекратился, видимо, «каре-та для трупов» нашла свой тупик. И это случилось гораздо раньше, чем закончилась бы дорога. Значит, впереди еще одно препятствие. Арон по пути протягивал световой канат, что существенно замедляло процессию. Зато назад дорога будет светлой. А будет ли дорога назад? Странные мысли одновременно посетили участников похода, как будто кто-то им шептал со стен, с потолка, что дальше идти не надо. Впереди – смерть. Как по команде все обернулись и посмотрели на регулярно отстающую Магду. Она сто-

яла, как вкопанная у обвалившейся стенки и что-то шептала. Все вернулись немного вспять и обомлели. Из стены торчала часть человеческого скелета. Видимо, здесь был замурован человек, но какой – живой или мертвый? Шилов взял в руки лопатку и резко вонзил в стену. Штукатурка отпала, край лопатки уперся в каменную глыбу. Стена была выложена камнем, но в ней была ниша, явно предназначенная для каких-то промежуточных хозяйственных нужд. И вот в этой нише и оказался «скелет в шкафу», – а что, такое часто случается в детективных историях. Никто не собирался в эту минуту раскапывать и расковыривать эту находку. Всё это будет потом, но вот ведунья не хочет идти дальше, стоит и мычит, познает тайну. Тела пробила зябкая дрожь: то ли от пережитого стресса, то ли от того, что перестали активно двигаться. Светлана прямо так и посинела от холода, да и мужчины едва сдерживали себя. И только Магда стояла, как статуя с острова Пасхи. Всем срочно захотелось покинуть это гиблое место. Вернуться? Или идти вперед? Среди испытателей не было ни одного труса. Только вперед!

– Магдалина Богдановна! Очнись, матушка, нам надо идти, – увещевал Знаменский ведунью.

– Тишь! Разбудишь дух, потом не отрестишься, – прервала его позыв Магда и приложила палец к губам, – надо идти тихо, нельзя шуметь, нас могут услышать.

– Кто, где? Неужели здесь хоть одна живая душа? – смело, но придавленным голосом переспросил Куратор. Он тоже чувствовал, как будто кто-то следит за ними, что здесь кто-то есть – невидимый и неслышимый.

– Души есть – неприкайные. Их из тел вынули, а по ту сторону не проводили, вот они и бродят тут, ищут себе убежища...

– Какого чёрта! – Олег Шилов заорал так, что все на миг оглохли, – крысы, мать их! Тьфу! Ух... Какая гадость...

Подполковник отряхивался от невидимых крыс, которые уже сдули куда-то, но писк был слышен, значит, ему не показалось. Конечно же, здесь должны быть крысы, а как же не быть? Нарушитель крысиной тишины выхватил пистолет, секунда – и раздалась бы выстрелы. Было решено пустить Арона первым, чтобы он протянул световой провод хотя бы метра на три вперед, а свет распугал бы потревоженных постояльцев подземелья. Все семеро двинулись дальше, не оборачиваясь, несмотря на страх и тревожные ожидания, как будто дорога назад была перекрыта сдавленным холодом. Магда развернула свою шаль и намотала её на Светлану. Та стала похожа на матроса, идущего штурмом брать Зимний дворец.

До вагонетки дошли без приключений. Каретка упёрлась в сломанный рельс и съехала с пути. До цели оставалось метров пятьсот, и решили её не

трогать. Взяли инструменты, и пошли дальше. Впереди показался свет. Не тот свет, который протягивал Арон, раскручивая бобину светового провода, а другой – из подземелья. Стали идти еще тише. Неужели там сохранилось освещение? Не может быть!.. Ан, нет, горели светильники, теперь можно было не тянуть за собой провод? Стало значительно теплее. «Там кто-то есть!», – стучали мысли в сердцах семерых путников. И действительно, в подтверждение отчётливо послышался звук автономного электрогенератора. Через несколько минут картина стала очевидной. В конце тоннеля перед ними возник «железный занавес», изготовленный из прочного нержавеющей металла. Конструкция монолитной двери была аналогична предыдущей. Но она не открывалась сама по себе. Открыть её автогенем не было никакой возможности – инструменты остались наверху. Оставалось надеяться на чудо, и «чудо» само открыло дверь, опустив её в узкий паз на глубину не менее 2-х метров. Очевидно, что её открыли, но кто или что – неизвестно. Может быть, дверь открывалась автоматически, как в супермаркете, едва завидев будущих покупателей? Это была единственная версия, от которой не дрожали сердца сподвижников. За дверью была уже новая «цивилизация».

Небольшая квадратная прихожая имела три направления входа. В центре сияла серебром большая дверь, изготовленная по самой современной технологии. Она имела застекленный круглый люк, за которым просматривался синий свет операционной лампы. Скорее всего, это была операционная. Справа и слева от центральной двери проходы вели во внутренние помещения. Здесь пол был ровным, покрытым крупной кафельной плиткой. Но это был не тот бункер, в который попали экспедиторы в первый раз. Видимо, они зашли с другой стороны, и здесь всё было иначе. Подземная лаборатория функционировала, и кто-то поддерживал её в рабочем состоянии.

Команда разделилась на две группы. Куратор с Шиловым и Ароном пошли направо, а Знаменский с дамами и дедом Акимом – налево. Дед держал наготове своё охотничье ружье. В нём проснулся азарт, и ревматическая боль, особенно остро мучающая его в холоде подземного коридора, быстро испарилась в преддверии опасности. В левом крыле была обнаружена комната, в которой стояло оборудование, компьютеры, несколько плоских мониторов, сканеры и прочие причиндалы современного учёного экспериментатора. Кто и когда, а, главное, как доставил всё это – непонятно. На столе в некотором беспорядке лежали старые рукописи, видимо, их уже отсканировали для анализа данных. Таких рукописей у команды не было, и Борис с Олегом тут же начали их рассматривать. В то же время Арон

с присущей ему быстротой крутого «айтишника» пробежался по мониторам, и скачал на свой персональный Тор несколько файлов. Все они в первом приближении содержали некие архивы и коды, которые предстояло расшифровать. Но где же хозяин кабинета? Арон, будучи еще Григорием в своем отрочестве, был пойман на хакерстве, и для него украсть или получить информацию – не одно и то же. Украсть – проще и слаще! Благодаря этому компьютерному хулиганству он и попал в команду Брусилова, который спас его от суда и научил работать цивилизованно. Но прошлое всегда остается в сердце, и вот тот самый случай, когда мозг работает на пределе своей мощности, а руки сами шелестят по клавишам. Он – Король! Но здесь файлы тяжелые, несколько архивированных папок не имеют кода доступа, на них пароли. Арон работает с быстротой молнии. Движения доведены до автоматизма. Ему удалось взломать архивы, и они уже плывут в Тор, осталось несколько секунд.

Громко заорала сирена. Их обнаружили, надо срочно сворачиваться. Но зачем? Если здесь хорошо вооруженная команда, на каком основании они здесь? Кто позволил? И вообще – почему не принять бой и не встать лицом к лицу с противником? Шилов быстро собрал все рукописи в свой рюкзак, ему всё нипочём. Он уйдет отсюда с добычей. Сигнал сирены не умолкает, становится тревожно, как там остальные? Во втором коридоре произошло проникновение в запретную зону. Знаменский добрался до так называемой «операционной», но не смог войти, и тут появился сигнал сирены. Теперь он не просто воеет, а пульсирует. Кто-то должен здесь появиться, но никого нет. Аким всё решает просто. Он сбивает пульт электронного замка прикладом своего оружия – и нет проблем. Сирена тут же умолкает. Да здесь никто особенно и не ждал гостей, а сигнал носит предупредительный характер, чтобы кому-то, в случае чего, можно было бы вовремя смыться. Правая тройка команды прибежала в левый отсек, и все снова оказались вместе перед дверью в «операционную». Теперь её можно открыть, что они и сделали с превеликим удовольствием.

В операционном зале стояли два хирургических стола. На одном из них лежал полуголый мужчина, бритый наголо, второй стол был пуст. К телу мужчины были подведены сенсорные примочки, голова утыкана красными кнопками с серебряными точками посередине. На мониторе кардиостимулятора слабые синусоиды, медицинские приборы показывают низкое кровяное давление, лёгкие искусственно вентилируются. Знаменский позвал Вету, они надели резиновые перчатки и начали исследовать состояние человека, оказавшегося в столь необычном виде в этой тайной подземной лаборатории. Состояние испытуемо-

го было стабильно, но он был без сознания. Аким стоял поодаль и вглядывался в лицо мужчины. Все хотели подойти поближе, хотя понимали, что в данный момент лучше довериться медикам.

Магда стояла у самой двери, прислонившись к стене, и наблюдала. Незаметно для других членов команды, увлеченных живой находкой, она начала потихоньку сползать вниз, будто бы почувствовала нечто инородное, непознанное, и её реакция была таковой. Еще немного, и она потеряла сознание. Однако взоры всей команды были обращены к неизвестному человеку, лежащему на хирургическом столе. Тело пациента не имело видимых повреждений, только на плече виднелся старый шрам от глубокой раны. Его не резали, не били, но, очевидно, он пролежал здесь значительное время, поскольку имелись признаки обезвоживания и недоедания, как это бывает у коматозных больных. Аким не удержался и подошел поближе, протянул руку к шраму, и тут же получил шлепок по запястью от профессора.

– Михалыч!.. – хрипло произнёс Волгин, – вот куда тебя занесло, сердешного...

– Ты его знаешь? – строго спросил Знаменский, и тут же страшная догадка бросила кровь в его лицо, – Иван? Забродин? Ну, да, конечно, он!... Как же его сразу узнать: без волос, бороды и голого? Радость, смешанная с болью обрушилась на членов команды. Борис с Олегом тут же подбежали к столу и убедились, что Аким узнал своего товарища. Это был Олан. Знаменский понял, почему он давно не подавал сигналов в «синий шарик», впущенный в его руку около двух месяцев назад. Значит, вернулся путешественник к иным мирам, и попал сюда, в эту лабораторию. Или его специально доставили? Тогда кто – инопланетяне? Или – свои, земляне? Теперь ясно одно, надо спасти своего друга, выносить его отсюда, благо, четверо мужчин, за исключением деда, легко справятся с этой ношей. Первая попытка отцепить тело от приборов закончилась неудачей. Как только отделилась одна из присосок, сердце Ивана начинало колотиться так, что хоть святых выноси. Видимо, его стабильность зависела от некоей искусственной программы, и, прежде чем снять команды, надо изучить, что это такое. А времени в обрез, тем более, что хозяин лаборатории, скрытый от глаз, возможно, наблюдает за их действиями, и скоро примет свои карательные меры: может отрезать всю команду от выхода наверх, заблокировать выходы, а может взять их в плен и начать истязать опытами или пытаться. Инстинкт самосохранения сработал быстро. Команда подалась к выходу, оставив Олана на столе, чтобы выяснить, кто же стоит за всей этой историей. Борис сразу же наткнулся на Магду, лежащую в проходе, и начал приводить её в чувство. Женщина не шевелилась.

– Господи, что с ней, – испуганно воскликнула Вета и начала делать ей массаж сердца. Благодаря этим усилиям из глубины обширного лифчика Магды выскочил маленький пузырёк с темной жидкостью. Знаменский схватил его, открутил крышку и понюхал. В нос ударил резкий приятный запах.

– Это её снадобье. Она им Цветова на ноги подняла, – констатировал профессор, поднося пузырёк к носу ведуньи. Магда начала чихать и очнулась. Открыв глаза, она тут же вскочила, как ни в чём не бывало, и замахала руками, приговаривая:

– Чёрт, рыжий чёрт, пустил сонный газ. Мы все уснём. Бегом отсюда, бегом! – и побежала, не дожидаясь ответной реакции. Все бросились за ней. Магда бежала мелкими шажками, и угнаться за ней было легко.

– Куда? Куда ты бежишь? Мы нашли Забродина. Он здесь, на столе лежит. Его надо забрать. Мы не уйдем отсюда без него, – вторила Светлана, пытаясь остановить Магду. Едва отдышавшись, она проговорила, что видела в обмороке, как он открутил вентиль от газового баллона, чтобы усыпить всю команду. Все всё поняли, и быстро надели противогазы, которые подготовили заблаговременно для каждого члена команды. Очевидно, у Магды был астральный выход, и она «походила» тут между стен и видела что-то такое, о чём быстро и вразумительно рассказать не может.

Некто неизвестный, решивший усыпить команду, понял, что затея не сработала. Теперь членам экспедиции стало ясно, что здесь всюду установлены видеокамеры. Однако помещений немного, и обойти их можно довольно быстро. Дед Аким по команде Куратора отошёл с женщинами на безопасное расстояние, назад вглубь коридора, но так, чтобы было видно и слышно, что там происходит. Четверо мужчин решили найти хозяина подземелья. Не прошло и пяти минут, как они обнаружили «капитанский мостик» – некий пульт управления, с которого можно было следить, что и где происходит. Но главного фигуранта там не было. Арон сел за пульт, чтобы просмотреть записи видеокамер, остальные бросились искать беглеца. Первая попытка оказалась безрезультатной. Мужчины продолжили бы поиски дальше, но Арон дал сигнал немедленно возвращаться к мониторам слежения. Когда все четверо собрались, стало очевидно (в прямом смысле слова), что задумал хозяин лаборатории. На одном из мониторов просматривалась покинутая ими операционная, и тот, кого искали, находился именно там. Это был высокий человек в светло-бежевом защитном костюме с маской на лице, какие обычно надевают при контактах с активными биологическими организмами или вредными веществами. Узнать кого-либо в подобном обмундировании сложно, но все уже поняли – перед ними Пол Уитмен собственной персоной.

ГЛАВА 8. ПОГРУЖЕНИЕ В ТАЙНУ

Пол закрылся в операционной, демонстрируя, что, если незваные гости не покинут бункер, он отключит систему жизнеобеспечения Олана. «Сейчас начнутся переговоры», – предположил Борис Брейс, и не ошибся. Пол снял маску, предназначенную для защиты от «сонного» газа, и подал знак к общению. Это было несложно, поскольку комнатка видео-наблюдений имела звуковое сообщение со всеми другими помещениями.

– Вы пришли без приглашения, и теперь у вас нет обратно пути. Вы будете служить здесь науке, или умрете.

– Жаль, что мы тебя не добились тогда, фашист проклятый! – заорал Шилов, – теперь ты попался!

– Это не страшно. Вы не сможете ко мне войти, и меня здесь скоро не будет. Но вам не уйти теперь. Есть один выход – работать на меня. Нужно закончить эксперимент.

Знаменский понял, что надо принять эту смертельную игру, попридержал пыл воинствующего офицера, и подал знак Борису, мол, сейчас я буду говорить. Тот в ответ кивнул в знак согласия.

– Господин Пол, в чём суть вашего эксперимента? Мне как учёному интересно, что вы тут делаете. Откройте нам тайну, ведь мы всё равно унесём её в могилу.

– Это точно. Но кто-то может выжить, если будет работать со мной. Жить можно теперь только здесь, я никого не выпущу. Ваших женщин уже взяли мои помощники, и они в надёжном месте. И старик с ними. Если не верите – включите седьмую камеру.

Арон подключил седьмую, и все увидели, что Пол Уитмен не врёт. Светлана и Магда сидели в том самом помещении, где работали компьютеры, их ноги были связаны, а руки сцеплены наручниками. Судя по всему, они спали. Дед Аким лежал с кляпом во рту, а его руки держал за спиной один из помощников Пола, который тоже был в защитном костюме и вооружен. Ход назад в тоннель был закрыт. Они оказались в ловушке.

В данном раскладе сил преимущество было на стороне хозяина лаборатории. Профессор дал согласие на эксперимент, Арон последовал его примеру. Борис с Олегом решили пока держать руку на пульсе, вернее, на пульте, который пока находился в их руках. Очевидно, что отсюда они смогут хотя бы наблюдать за происходящим какое-то время, понимая, что эта комнатка может стать их тюрьмой на неопределенный срок. Пока они наблюдали за происходящим, второй безликий помощник Уитмена уже стоял за дверью с пистолетом. Он был без противогаза, что означало – сонного газа больше нет.

Знаменский с Ароном вошли в лабораторию, – так теперь удобнее называть этот объект, – и под-

твердили согласие на участие в эксперименте. Пол снял свою маску и показал, как действует программа, поддерживающая состояние Олана.

– Если мы партнеры на короткий срок, то ответь, как здесь оказался наш коллега? Мы его потеряли, – сухо спросил Знаменский.

– Олан был возвращен в то место, откуда его взяли, – в болото. Там я нашел его в бессознательном состоянии и спас.

Пол говорил правду. Когда он уже почти отчаялся выполнить очередную миссию по переселению душ, случилось чудо. Камеры внешнего слежения показали вспышку на берегу замёрзшего болота. Его подручные вышли посмотреть, что случилось, и нашли Ивана Забродина, лежащего без движения и почти без одежды на поваленном стволе лиственницы. Он еле дышал, прижимая к груди странный «подарок», завернутый в куртку, размером с маленького ребёнка. Олан вернулся из своего странного путешествия с другой солнечной системы (откуда выбыл, туда и прибыл) и не просто вернулся: с ним был бесценный Адаптер («Немон»), безвозвратно утерянный после войны, когда вся система «Аненербе» была эвакуирована, а часть артефактов – исчезла вместе с документами. Забродин был слишком слаб и растерян в момент возвращения, чтобы противостоять Полу. Так поневоле он стал его пленником и подопытным.

Пол включил голографический проектор, и взору наблюдателей предстала вращающаяся копия могучего мозга Олана в трёхмерном измерении. Некоторые участки мозга «спали», а другие были необычайно активны. Но «чипы» в черепе, наличие которых предполагал Пол, не просматривались, как и «синий шарик» в руке у Знаменского. Видимо, невидимость инопланетных технологий была своего рода их «фишкой».

– Я активировал его гипофиз. Там собраны все древние инстинкты. Чтобы отключить сознание, надо активировать именно этот участок. Олан спит и чувствует себя животным. Смотрите, как напрягаются его мышцы, а половой орган периодически входит в состояние эрекции. Его астральное тело уходит далеко за пределы нашего мира – в ту цивилизацию, которая была задолго до наших дней, – надменно вещал Уитмен.

– Зачем такого умного человека, мозг которого уникален, а природные нетрадиционные способности просто единичны в мире, вводить в звериное состояние? Он мог бы быть полезен в ином формате, – ядовито спросил Арон, едва скрывая отчаянное отвращение к инквизитору, отведшему сильнейшему медиуму унижительную роль мухи, попавшей в паутину.

– Это и есть раздвоение личности. Мне как раз нужен его мозг в той части, о которой вы говорите.

Но он должен быть свободен. Поэтому душа занимается другим делом и не контролирует ту ценную информацию, которую он получил во время своего отсутствия на Земле. Мне надо её скопировать.

– И какова здесь наша роль?

– Я должен быть уверен, что Синхронный Адаптер работает правильно. Для этой цели мы попросим вашего коллегу профессора лечь на этот стол рядом с Оланом. Нужны две особи идентичные друг другу по возрасту. А молодой человек, который украл у меня все архивы, будет моим ассистентом.

Пол наслаждался своим положением, ему было нескудно в компании профессионалов, а тщеславие – штука тонкая. Каким бы чудовищем не являлся этот шпион-дипломат, показать свои достижения экспертам столь высокого ранга, было для него верхом удовольствия. Как маньяк мучает жертву, перед тем, как её убить, или мститель, поймав заклятого врага, поёт оду своей победе, так и одержимый ученый (а Пол, несомненно, был своего рода злым гением) на голгофе истерически кричит о своих открытиях. И ему нужна не какая-то плоская масса, а эксклюзивная, понимающая и способная оценить успех компания. В этом плане Уитмену повезло. Он как будто ждал этого часа, чтобы убедиться и в своей правоте, и дать финальный аккорд своей миссии на глазах изумленной публики.

Знаменский отметил меткое слово «особи», но виду не подал, а нарочито вежливо спросил:

– Я тоже получу эту информацию, когда лягу на стол? Что я должен почувствовать?

– Вы получите память Олана, вся информация скопируется в ваш мозг, а я её спишу через электронные рецепторы, которые связаны с Синхронным Адаптером, – Пол показал красные клипсы с серебряными серединками. Одну из них он даже присосал к своему лбу, чтобы продемонстрировать их действие. Точно такие «присоски» торчали на голове Забродина. Но как они связаны с Адаптером?

Пол, не дожидаясь вопроса, синхронизировал Адаптер на свою волну, которая уже была в нём загружена, и показал на мониторе, как эта «клипса» работает. Для активизации всего программного блока необходимо проставить красные клипсы по определенной системе. Все эти научные нововведения настолько поразили Арона и профессора, что они бы крикнули «Ура!», но Пол не знал, какие изобретения и инновации имеются в ЦРБ. Вот если бы объединить усилия, сколько интересных возможностей открылось бы перед наукой!

– Ну, господа, будем приступать. Вас, профессор, надлежит побрить наголо. Но, поскольку мои помощники заняты, это сделает ваш молодой друг, – распорядился Уитмен.

– Меня зовут Арон, и я не буду стричь профессора. Он никогда не расстается со своей шевелюрой.

И действительно, это обстоятельство повергло Знаменского в лёгкий шок. Его космические космы не подлежат экзекуции! Но, с учетом того, что ему всё равно умирать, можно было бы не заботиться о причёске. Так думал Уитмен, но встретил нелогичное, с его точки зрения, упрямство со стороны новоиспеченного партнера.

– Тогда Вы, Арон, будете вместо профессора, – пошёл на уступки Пол, – Мне в принципе было всё равно, кто ляжет на стол. У вас молодой мозг, к тому же интересно посмотреть, как Адаптер справится с разницей в возрасте.

Арон неожиданно согласился. Профессор помог Полу готовить эксперимент, запоминая все детали. Кто знает, удастся ли выбраться отсюда и унести хоть какую-то часть информации. Надо попытаться выпросить сейчас как можно больше.

– Откуда у вас этот Адаптер. Я такого прибора никогда не видел. Сами разработали?

– Нет, заимствовал у инопланетян, – спокойно ответил Пол, – это их изобретение, которое помогает переносить души из одного тела в другое путём копирования информации. Есть еще одна функция, которая пока не опробована. Это выравнивание душ, когда все души становятся, как одна. Так живут наши братья по космосу. Их цивилизация строится на выравнивании душ по базовым параметрам морально-нравственного императива. А личность остается надстройкой. Так я думаю...

– Неужели копирование аналогично переносу души? Насколько мне известно, мозг – всего лишь носитель информации. Душа не имеет материального носителя. Разве не так? – мягко допрашивал Знаменский, скрывая жгучий интерес к теме «выравнивания».

– Да, не имеет. Это волновая субстанция, но душа адаптирована к данной личности, и чтобы её перенести, надо адаптировать другую личность к этой душе. Информация, которая накопилась в мозге, служит своего рода интерфейсом.

– Потрясающе! – Знаменский не мог сдержать своего восторга, – Информация есть носитель души! Я такого ещё не слышал. Никто не может понять, где находится душа, и что именно является её носителем: сердце, мозг или весь организм в целом? Оказывается, информация...

– Сама информация – это измененное состояние мозговых клеток, душа и есть ключ к этим деформациям.

– Сложно для понимания, как эзотерический куб четвертого измерения. Бр-р-р! – Знаменский встряхнул своей не побритой головой и с уважением посмотрел на Адаптер. Ему хотелось задать еще тысячу вопросов, поскольку в момент совместной работы расстояние между нравственными ценностями Пола и Знаменского стерлось до минимума.

Профессор почувствовал острый исследовательский зуд, как будто именно он шёл к этому году, шаг за шагом, изнывая от нетерпения. Он как-то забыл о том, что здесь, на столах лежат его друзья, и Бог знает, чем это может для них кончиться.

Пол лукавил, присвоив себе Адаптер. Он знал, что Олан имеет к «Немону» персональный биометрический ключ, который обеспечивает доступ к его управлению. Именно этот «ключ» Пол и пытался снять с Олана, перекачивая копию его души в Адаптер. Теоретически он мог бы обойтись и без Адаптера, но ему нужна была генетическая совместимость тел-носителей. Так, следуя коду древних, он трижды перемещался в своих потомков, и уже исчерпал генетический ресурс.

Путём каскада экспериментов Пол нащупал тонкий пульс Адаптера и понял, что прибор имеет колоссальную вместимость энергоинформационных сущностей, которые в нём не смешиваются, а сосуществуют локально. Он знал несколько магических символов, составляющих Карту Кода, среди которых был один, знакомый в ЦРБ символ – «Конец там, где начало». В принципе, для работы с Адаптером достаточно иметь один-два опорных символа, остальное он достроит сам, как и любой человек, желающий пообщаться с близким или интересующим его субъектом на расстоянии. Абонент «вызывает» своего собеседника по энергоинформационному каналу связи, оперируя воспоминанием или воспроизведением одним наиболее ярким символом – ощущением. Это может быть тембр голоса, взгляд, характерная мимика, запах и так далее. По одному такому сигналу в памяти всплывает (восстанавливается) весь образ, который не статичен, а динамичен: живёт, двигается, разговаривает. Мобильная связь, изобретенная человечеством только вчера, имеет жесткие цифровые коды, а биотическая связь существует с момента рождения человечества и поныне, но истёрта веками в связи с появлением совершенных систем коммуникаций, которые весьма поспособствовали атрофии этого дара в массовом масштабе.

Приготовления закончены, оба испытуемых спят: Олан и Арон – какое сочетание имен, какой уникальный выбор! Адаптер начал свою работу. Устройство работало бесшумно, источая невысказанно красивый свет различных оттенков. Знаменский вспомнил: аналогичное свечение в лесу они наблюдали перед тем, как НЛО начал подниматься из болота. Эту красоту ни с чем не сравнить. Вот, если бы радуга была люминесцентной, было бы нечто похожее. Откуда, кем и или чем управляется этот прибор? По всей видимости, серебристые вкрапления в «клипсах» имеет определенную связь с этим Адаптером. Оставалось загадкой, как Пол сумел объединить инопланетные технологии с земными. Почему на голографическом экране, источник которого

явно земного производства, происходят фантастические превращения?

– Этот экран и голография, как и все информационные технологии – всё это пришло к нам из глубины космоса, это нам подарили в надежде, что человечество применит новые знания во благо, – ответил на мысленный запрос профессора мистер Пол, – а теперь надо ждать. Это долгий процесс.

Что он имел в виду под «долгим процессом»: применение инопланетных технологий во благо развития человечества или процесс адаптации испытуемых?

– Что мы увидим в конце? Как поймем, что адаптация прошла успешно?

– Терпение, – Пол не переставал удивлять, он был, как говорят, в теме, и темой этой занимался давно, может быть всю свою долгую жизнь.

Адаптер внезапно посинел и начал испускать пульсирующие волны света. Пол напрягся, видимо, это был тревожный сигнал.

– Мозг Арона переполнен информацией, надо её архивировать или перенести на другой носитель, – извлёк странную фразу главный экспериментатор.

– Господи, всё, как в компьютере! – воскликнул профессор, – а потом эта информация вернется к Арону?

– А зачем? Он ведь всё равно никогда отсюда не выйдет. Но теоретически это возможно.

– Тогда лучше архивировать. Пусть в сжатой форме, но инфо все-таки сохранится – так, на всякий случай. Но ведь известно, что мозг бесконечен, и мы используем только малую часть его, – не более 17%. В Арона вместится батальон Оланов, и еще останется место.

– Для чистоты эксперимента надо очистить мозг. Он же компьютерчик, а у них у всех мозги перегружены, и они забывают их приводить в порядок – стирать лишние файлы.

– Разве это возможно?

– А разве вы никогда не снимали напряжение мозга алкоголем? – Пол рассмеялся, но как-то предательски мелко, почти хихикая. Он был отвратителен в этот миг, хотя минуту назад вызывал восхищение. Именно такое двойственное восприятие этой личности было и у Ольги.

Знаменский пытался понять, как Пол отдает команды и управляет Адаптером. Скорее всего, он посылает сигналы мысленно. Для такого способа управления нужна сильная мысль, способная сдвинуть с места предметы, загипнотизировать толпу, сбить с толку целую нацию. Уitmen обладал такой силой, используя её в микродозах для достижения меркантильных целей. Теперь, для достижения главной цели, он был готов истратить весь свой ресурс, но для этого ему нужен был подходящий помощник. А тут их несколько! Опять повезло?

Эксперимент начался. У всех присутствующих перехватило дыхание, как бывает в редкие моменты ожидания результата, к которому ученые идут долгие годы. Мозг Арона наполнялся новой информацией, которая содержала сведения, полученные Забродиным во время путешествия к иным мирам. На голографическом экране висели объёмные изображения двух моделей головного мозга, и было видно, как активизируется мозг Арона, подсвечиваясь то с одной, то с другой стороны. Картинка у Олана тоже менялась. Его мозг постепенно возвращался в исходное состояние, как и его душа.

Знаменский вдруг почувствовал движение в левой руке. Так обычно начинался сеанс с Оланом. Если это так, то, значит, он просыпается и подает сигнал. И это не голос из небытия, а конкретный посыл мысли. Профессор очнулся от увлеченности экспериментом и понял, что далее произойдёт нечто непредвиденное. Прозрение, чаще всего посещающее талантливых людей во время опасности, не минуло и его. В озарении он услышал тот самый «внутренний голос», который дал ему понять, что уникальный Синхронный Адаптер – это дар Олану в честь признания его человечности от тех разумных существ, которые были ему благодарны за что-то важное. А Пол просто украл этот инструмент, не умея им пользоваться. Если бы он умел, то ему не нужны были бы никакие помощники, и он бы точно знал, что делать. К чему сомнения? А так – он решил попробовать проделать опыт на другом человеке.

Не исключено, что вся эта лаборатория была построена исключительно ради этого эксперимента. Но куда он дел строителей, специалистов, настройщиков оборудования, которые всё это возвели? Магда права: здесь царит Смерть. В целях сохранения тайны, Пол, скорее всего, уничтожил всех, кто на него работал. Он намерен убрать и всю команду ЦРБ ради достижения каких-то своих целей. Но каких? Что ему надо, в чем главная стратегия этого демонического злодея? Наверное, он хочет жить вечно. А что еще? Деньги у него есть, а они дают власть. Бери – не хочу. Только все богачи мира не могут справиться с одной проблемой – неизбежностью смерти. Профессора затрясло. Почему Пол сказал, что его скоро здесь не будет? Куда он денется? Возможно, из лаборатории есть тайный выход с лифтом, который вынесет его на поверхность, а там – поминай, как звали. Но есть и другая версия: он просто войдет в другое тело, вытеснив душу, и таким образом спокойно выйдет (спасется) вместе главным сокровищем – Синхронным Адаптером, который унесет его с собой. Все эти думки пронеслись в голове Знаменского моментально, как может только мысль, быстрее любого способа действия. Как остановить эксперимент? Самый простой способ – нанести извергу удар по голове. Но как потом всё исправить, вернуть Ивана и Арона?

Пол Уитмен почувствовал измененное состояние своего партнера, поскольку обладал телепатическими способностями и умел читать мысли. Чтобы проверить свои подозрения, повернулся лицом к Знаменскому и впился в него своим острым взглядом. Ему пришлось оторваться от слежения за приборами, и это обстоятельство сыграло свою роль. Теперь очевидцы события в центре управления могли наблюдать сцену, напоминающую финальный поединок Шерлока Холмса с профессором Мариарти. Это был потрясающей силы ментальный энергетический поединок – борьба Добра и Зла, и длился он несколько секунд, хотя никто не сдвинулся с места. Но что-то произошло, управляющее воздействие Пола исказило сигнал, и Адаптер умолк, погас, заснул, как живое существо, прервав своё волшебное действие.

ГЛАВА 9. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Борис и Олег внимательно наблюдали за происходящим, находясь в рубке под охраной. Они с тревогой смотрели на Арона, лежащего рядом с Забродиным, и с ужасом – на Знаменского, который, как им показалось, чуть ли не сдружился с заклятым врагом, принимая его сторону.

– Тебе не кажется, что Сан Палыч перегибает палку? – тихо спросил Борис у Шилова.

– Мне кажется, что того козла за дверью надо снять по-тихому, пока эти мудрагеи увлечены своей наукой.

Шилов с трудом понимал, что происходит в лаборатории, но чётко взвесил свои силы, все «за» и «против». Поскольку он был при оружии, решил, что пора выходить из игры и прекращать весь этот эксперимент, пока ребята еще живы.

– Я могу чем-то помочь? – подыграл невооруженный Брусилов, он готов был тоже ринуться в атаку, но, увы, не владел никакой техникой боя.

– Ладно, бери в руки какую-нибудь колдобину и выходи за мной, – скомандовал Шилов.

Первое шевеление пленников не вызвало никакой реакции сторожащего их братка. Он запер дверь снаружи и был уверен, что «птички» в клетке, и им оттуда не выбраться. Наверное, он был прав. Здесь не было никаких вентиляционных люков и прочих отходов, не было даже окон, которые можно было бы разбить. Единственный плюс – дверь была из цельного куска пластика. Разбить не удастся, а вот поджечь – можно попробовать. К сожалению (или к счастью) у некурящих сотрудников ЦРБ зажигалок в карманах не было, и надо было придумать, как добыть огонь. Один из вариантов – замкнуть электрическую сеть, поджечь бумагу или что-то более долго горящее и устроить маленький пожар с задымлением, в котором, конечно же, они

бы сами и задохнулись. Благо у них не отобрали противогазы. Они так и остались висеть на шеях – не было времени их упаковать за ненадобностью. Решили – сделали. Едкий ядовитый дым от горящего пластика заволок крохотное помещение непроницаемой завесой. Удалось также прожечь небольшую дыру в двери. Пластик оказался тугоплавким, и быстрого побега не получилось. Но охранник, увидев дым, сам ввалился в комнатку и начал палить наугад в густой пелене дымовой завесы. Мониторы разлетелись на мелкие осколки, затрещала проводка. Верзила ослеп от дыма и не видел, куда делись его пленники. А они пластично выползли в коридор и дали дёру.

В другом помещении одновременно происходили действия, нацеленные на обретение свободы. Магда очнулась первой, разбудила Свету. Обе были квёлые, во рту ощущалась сухость, страшно хотелось пить. Аким Петрович лежал на полу без движения, связанный по рукам и ногам, но не очень крепко. Видимо охранник решил, что старик не так опасен, как здоровая тётка и дама спортивного телосложения.

– Дай попить! – громко закричала Магда, хотя и не рассчитывала на подачу воды, но так – на всякий случай.

Охранник долго не отзывался. Его и не было в помещении. Но вот он явился с бутылкой воды и поднёс горлышко к губам Магды. Держал неровно, как будто нарочно проливая воду на одежду. С тех пор, как они попали сюда, прошло не менее трех часов, а Магда так и оставалась в зимнем теплом пальто, ей было нестерпимо жарко.

– Раздень меня! – приказала она тоном, не терпящим возражений. Мужик оторопел от такой наглой просьбы, даже попытался снять пальто, не снимая наручников. Магда продолжала изводить его.

– Своди меня «до ветру», а то описаюсь, сам будешь подтирать за тёткой!

На помощь пришла Светлана. Она застонала, начала извиваться, как змея, и дрыгать ногами. Стоны и крики наконец-то вывели охранника из терпения. Он так долго жил в подземелье, что забыл, как ведут себя женщины в необычной ситуации, и не был готов к такому повороту событий. Сам он был нем, как рыба: за всё время не произнёс ни звука. Однако решился освободить руки Магду, чтобы сводить её по нужде. Когда он притронулся к её рукам, она завопила:

– Убивец! Сколько крови на тебе! Гад фашистский!

Верзила не отреагировал на это. Но когда она начала торопливо рассказывать, как его в детстве бил пьяный отчим, как умерла от рака его мать, и как он, выросши, изнасиловал молоденькую девочку и чуть не загремел на нары, боец отупел и пристально посмотрел на Магду. Светлана тут же начала играть свою партию.

– Смотри на меня! На меня – смотри! На раз-два-три ты заснёшь, а потом не вспомнишь, что видел нас. Слушай сюда: РАЗ-ДВА-ТРИ...

Зря он посмотрел в глаза опытной гипнотизерше. Чем проще ум, тем легче он поддается гипнотическому воздействию. Этот человек действовал только по приказу или команде, поэтому так легко провалился в сон, заваливаясь на спящего деда. Аким пробудился от такой тяжести, кряхтя, попытался высвободиться, да где уж там! Хорошо, что руки Магды были свободны, она ловко обшарила охранника и вытащила заветные ключи от наручников. Далее было дело техники. Освободившись от плена, женщины с облегчением вздохнули и тут же почувствовали запах горячей проводки или пластмассы. Они выбежали в коридор и наткнулись на Брусилова и Шилова в противогазах. За ними, слепой от едкого дыма, паля во все стороны, бежал второй охранник. Дед Аким с дамами начали задыхаться и кашлять. Броситься бы в окно, дыхнуть свежего воздуха! В этом тесном пространстве пожар – гибельное дело, как в подводной лодке. Единственный верный путь – открыть ту самую дверь, которая отгораживала бункер от тоннеля. Теперь влажный гнилостный воздух подземелья казался бы сладким. Но как это сделать? Дым не проник в лабораторию, поскольку она была герметично закрыта изнутри. И там находилось четверо мужчин, два лежачих и два стоячих – в полной противофазе. Снова заорала сирена. Теперь это была пожарная сигнализация. Из потолка полилась вода, просветляя пространство. Пожар был потушен, благо он не разошелся по всему периметру, и был локализован «умной» противопожарной охранкой. Передвигаясь по скользкому от воды полу, Борис с Олегом долбили в дверь операционной лаборатории. Но охранник не унимался. Любой его шаг был чреват смертью. Но он, видимо, поскользнулся и упал за углом, хотя сию минуту может выглянуть и начать палить. Подполковник решил уничтожить врага. Он присел с другой стороны угла и начал стрелять в предполагаемое место нахождения противника. Последовало два ответных выстрела. Женщины тихо завизжали. Шилов встал во весь рост и пошёл в атаку за угол, держа перед собой пистолет и стреляя по ходу. Кажется, он попал!.. Ответных выстрелов не было, но звук падения огромного туловища с удар головы о косяк был слышен явно. В лаборатории поняли, что за дверью что-то произошло.

Пол Уитмен включил монитор слежения и увидел неприглядную для него картину. Все пленники как-то освободились и теперь намерены атаковать лабораторию. Он остался один на один с командой Куратора, силы были неравными и не в его пользу. Сеанс с Адаптером прекратился (эксперимент так и не был завершён), далее сопротивляться не было

смысла. Пол быстро схватил Адаптер, завернул его в тонкую белую ткань, отделявшую один операционный стол от другого, затем отскочил в угол, нырнул плечом в стену и исчез. Там, видимо, был секретный лифт. Стена закрылась, и Знаменский остался один с двумя спящими на столах друзьями. Что делать: бежать за Полом или спасти своих друзей? В дверь уже стучали его коллеги, но как им открыть, он не знал. Надо искать какое-то устройство типа пульта. Да, вот он! Пол, торопясь, обронил пульт управления лабораторией, осталось только нажимать кнопки. Первым делом красную в центре... Ух, ты! Стена, поглотившая Пола, открылась, и там высветилась пустая лифтовая кабина – путь к спасению. Следующая кнопка отомкнула дверь, и вся команда с безумным ликованием влилась в операционную.

Знаменский стоял, как вкопанный, оценивая ситуацию. Потребовалось мгновение, растяжимое, как пространство, чтобы он начал действовать, не теряя времени на разъяснения. Светлана рванулась к отцу, чтобы помочь, неясно понимая, чем именно. Надо реанимировать (спасти) друзей, лежащих на столах, подключенных к сложным приборам. С Арном разобрались быстро. Чуть более часа он пробыл в состоянии искусственной комы, в которую его ввел зловещий экспериментатор. Молодой крепкий организм, закаленный спортом и здоровым образом жизни, выдержал испытание. Но как отреагировал его мозг на огромный поток информации, закачанный в его извилины посредством Адаптера? Магда приняла Арона в свои руки, освободив врачей для другого важного дела – спасения Ивана Забродина, пробывшего в этой чёртовой лаборатории неведомо сколько дней. Куратор с Шиловым проверяли подземные апартаменты, ища запасной выход, а дед Аким, присев на лабораторный стул, тихо крестился, нашептывая молитву.

Помощники Пола были живы, но один из них – тот самый, который сторожил их в смотровой будке, был ранен в ногу, к тому же получил легкое сотрясение мозга, о наличии которого в этой чугунной голове можно было только догадываться. Обоих верзил, связанных по рукам, подтащили к кабинету, чтобы допросить по существу: куда смылся их господин, и что вообще здесь происходит? За дело взялся профессионал – подполковник Шилов. Но, как он ни старался выбить показания, лаборанты молчали, набравши в рот воды, и вели себя как настоящие зомби. Скорее всего, Пол Уитмен гипнотизировал их, и в обычной жизни они, возможно, были хорошими ребятами. Просто хотели немного подзаработать. Возникло подозрение, что эти дети природы немые, ведь за все время общения с ними они не произнесли ни слова. Ну, не оставлять же их здесь! Охранники были настолько огромны, что тащить их на поверхность через обратный ход было

невозможно, – до тележки идти пешком метров пятьсот. К тому же отход был закрыт, и пока никто не мог понять, где находится отмычка, электронная или механическая.

После долгой возни вся команда собралась в кабинете, чтобы попить воды и обсудить, что делать дальше. Арон был вял и молчал, с трудом соображая, где он, и что с ним происходит. Магда буквально нянчила его, поглаживая по бритой голове, на которой еще остались розовые следы от электронных присосок. Парня трясло, хотя в помещении было жарко, и ведунья укутала его в своё пальто, как это делают с потерпевшими бедствие. Когда Арон немного согрелся и успокоился, она нашла его одежду за ширмой, но одеть не успела. Молодой учёный резко поднялся и, как сомнамбула, начал производить автоматически выверенные действия, как будто знал, что делает. Иван Забродин, подключенный к системам жизнеобеспечения, всё еще был без сознания, но относительно стабилен. Арон снял с него датчики, ввёл в систему какой-то код, и (о, чудо!) дорогой человек начал подавать признаки осознанной жизни. Через несколько минут Олан окончательно пришёл в себя. Никто уже не мог сдерживать радостных эмоций. Все по очереди обнимали своего исчезнувшего товарища, радуясь встрече. Наконец-то очередь дошла до Магды. Она вытащила свой таинственный пузырёк и начала щедро растирать Забродину грудь, приговаривая: «Иван Михайлыч, сердешный, наголодался, настрадался у планетян-то, глядеть больно. Потерпи, дружок, ща тепло будет...».

В порыве чувств никто и не заметил, как Арон нашёл-таки путь к освобождению, сняв электронные блоки с дверных проёмов. Шилов настаивал на использовании потайного лифта, но это было рискованно, к тому же он бы не поднял всех разом. Интуитивно команда доверилась Арону. Кажется, он был наполнен новой информацией, и в ней сохранились сведения о том, как выйти из подземелья. Скорее всего, это был некий пул данных, исходящий из Адаптера. Но что было там? Какие коды, какие знания? Это ещё предстоит узнать. Лучший ученик Бориса Брейса перешёл на новый уровень, но сохранил свою личность. Во всяком случае, он действовал осознанно, оперативно, и чётко был нацелен на работу в команде. Однако был один настораживающий всех момент: Арон не произнёс ни слова, пока вся группа не покинула временное убежище и не выбралась наружу, откуда пришла. Один «немой» охранник был тяжело ранен, другой еле двигал ногами. С огромным трудом удалось вытащить их из бункера, используя старую вагонетку. Иван Забродин шёл медленно, опираясь на плечи Бориса и Олега, и несколько раз произнёс странное слово «Немон, Немон...». Но, слава Богу, все были

живы и здоровы и... немые, как будто в нёбе застыло жидкое стекло, не давая языку шевельнуться.

На выходе всю команду встретил Вадим Игнатьев, изрядно уставший от нервного напряжения за те несколько часов, которые его друзья провели в этой странной экспедиции. К тому же он был в недоумении от того, почему старого деда Акима взяли в команду, а его, сильного и здорового мужика оставили сторожить ворота. Оглядывая путешественников в неведомое, бывалый охотник сразу понял, что им пришлось туго. Брусилов жестами показал своему помощнику, чтобы он немедленно занялся пленными. Заперев подручных Пола в подсобке, Вадим жаждал услышать, что же произошло там, внизу, почему все такие измученные, откуда взялись эти «дети подземелья», что случилось с Ароном (почему он стал лысым?), а, главное, откуда взялся Забродин? Но он так ничего и не услышал: «Потом, потом...», – давали понять участники операции. Все молчаливо разошлись по своим местам, чтобы отмыться и согреться в своих комнатах, никто не хотел общаться, обсуждать увиденное. Молчаливый сговор навис над командой Куратора, который прекрасно понимал, куда теперь может двинуться господин Уитмен. «Надо бы предупредить Ольгу...», – утопая с тяжкий липкий сон, подумал Борис Брейс, но не смог. Слишком силен был магнит сна, задувший разум, как ночную свечу.

ГЛАВА 10. В КЛЕШНЯХ СКОРПИОНА

Холодная осенняя ночь леденила зловещим лунным светом, пронзительно режущим оконное стекло. Скрип стеклянной оскомины бередил душу, открывая путь неосознанной тревоге. Ольга стояла у окна и отрешенно смотрела на Луну, не моргая и не двигаясь, как мраморная статуя. Она уже знала, что случилось нечто, в неизвестной близости которого есть и плохое и хорошее. И эта смесь была тошнотворной. Борис не звонил два дня, никто не отвечал на телефон. Что делать: попробовать набрать номер еще раз или уже не надо?

Кэт и Астра устало спят на диване, сжавшись, как котятка. Они так соскучились... А вот к ней сон не идет. Ольга снова видела во сне Пола. Как будто он загипнотизировал охранника, забрал у него ключи и тихо проник в квартиру. Она проснулась (во сне), хотела крикнуть, но паника клаустрофобии заперла крик в горле. Пол будто бы прижался к ней нежно и резко закрыл ладонью рот, давая понять, что не стоит поднимать шум, поднял её с постели за руку, увёл за собой на кухню. Там он открыл свой огромный саквояж и вытащил некий грибовидный прибор, который начал источать невиданный яркий свет, пульсируя всеми цветами радуги.

– Скоро я буду твой... – зловеще прошептал он, – и в тот же миг Ольга с тревогой проснулась. Встала,

закуталась в ажурную шаль для выхода на веранду и уставилась в лунное окно. Эти приходы повторялись довольно часто, последнее время – каждую ночь, и все они носили характер обольщения, приручения и даже сексуальных домогательств. Но на этот раз было откровенное и прямое вторжение в её квартиру. Пол снова обнажил свой оскал зверя, напугав спящую Ольгу. Кое-как успокоив себя после кошмарного сновидения, она вспомнила об эфире: как бы он был уместен сейчас! Эликсир помог бы перебить астральную энергию Пола, сбить напряжение и страх, заместить наваждение, пробив дорогу наслаждению другого рода – не в теле, а в духе. Но, увы, голубого эфира в доме не было, как, впрочем, и в ЦРБ. Там, кажется, осталась одна бесценная колба, но до неё не добраться... да, в доме ничего нет такого, да, но почему – нет? Астра же изготовила лобиум, рецепт, который она записала из будущего, нашла какие-то компоненты – пусть не все, но всё-таки – стоит попробовать. Его основное назначение – стирание грани между плотным и тонким миром, усиление способности перехода из одной реальности в другую с сохранением сознания и памяти самого процесса. Это интересно!

Орлова действовала механически четко, нацелившись найти и употребить этот лобиум, лишь бы заснуть без этих «приходов», отдохнуть, забыться. В этот момент она никак не думала о ребенке, повредит ли плоду неисследованный препарат, изготовленный кустарным способом. Но ей так хотелось верить в интуицию Астры, и хоть ненадолго отбыть в собственное информационное поле, вернуться себя к себе, избавиться от навязчивой магии Пола, в которой она погрязла, как муха в липкой паутине... Тьфу, какая мерзость!

Ольга быстро нашла термос с жидкостью, приготовленной Астрой, отпила глоток и начала ждать измененного состояния, напрягая оком бессонницы холодную ночь. Постепенно ей стало всё равно, абсолютно всё равно. Наступило океанское спокойствие, в котором не хотелось ни спастись, ни пить, ни плакать. Вообще ничего не хотелось, только бы стоять вот так вечно, созерцая глубину ночи, лишь бы это не прекращалось никогда. Так хорошо... Кто-то нежно тронул её плечо, обвил еще плечи, прижал к себе. Всё равно... Пространство распалось, растворилось, развеялось. Стало огромным, как Вселенная, осталось только распахнуть руки и взлететь!.. И она взлетела, взвилась под небо в острую тьму под колющий звездопад, глотая свежий кислород в быстром потоке. Поток подхватил её на руки, качивая, как младенца, плавно усадил на цветочные качели, чтобы она насладилась запахом цветущей лозы...

Ольга очнулась на заднем сиденье автомобиля, укутанная в свою беличью шубку. Ей всё еще было «всё равно», препарат продолжал действовать. Она нисколько не сомневалась, что за рулём сидит Пол

Уитмен. Он действительно проник в квартиру тем самым способом, который привиделся Ольге во сне, и снова похитил её. Только теперь она сама помогла ему, глотнув лобиум, хотя бы тем, что не могла сопротивляться.

Препарат каким-то образом освобождал душу от телесной оболочки и пускал её в свободный полёт. Она могла бы летать долго, как Маргарита у Булгакова, заглядывая в окна незатейливых обывателей. Воля расплавилась, и Ольга отдалась на волю случая. Случай привёл её в знакомые апартаменты. Пол уложил её на кровать, дождался, пока она снова уснёт. И она притворилась спящей. Он гладил её щеки худыми пальцами, приговаривая: «Беретта моя, милая Беретта...». Видимо, спутал свою пленницу с кем-то близким, давно покинувшим его женским созданием.

– Кто такая – Беретта? – тихо спросила Ольга.

– Моя женщина, любимая женщина и... моя мать.

– Любимая мама...

– Не только, и моя женщина тоже – одна единственная – другой не было.

– Ты спал со своей матерью?

– Я любил её, у нас родился сын, очень похожий на меня. Так я стал сыном. Потом родился внук. Беретта умерла. Я стал внуком... И еще раз сделал так, но это был последний...

Орлова окончательно проснулась, приподнялась с постели и внимательно посмотрела в глаза Пола. Она уже не боялась его, будто бы он был давно знакомым и даже родным.

– Значит, ты переходил из своего тела в тело сына, потом внука и правнука? – внезапно догадалась она, но её мораль как-то не вздрогнула при этом, а лишь зашторилась, как будто её и вовсе не было.

– Да, так и было. И мне уже больше ста лет, точнее, сто двадцать. Но моё время истекает. Душа устала. Надо отдохнуть, начать всё сначала.

– Как тебе удалось забраться в тело сына, и куда делся твой сын?

– Тело без души быстро умирает. Сначала мы были вместе в одном теле, но потом я вытеснил его, ведь я намного опытнее, сильнее. Первый раз мне пятьдесят, ему двадцать пять. Так я стал молод телом, но опыт и знания остались. Потом всё повторилось с внуком и правнуком. Так я прожил три жизни. Все мои партнеры и знакомые умерли, остался я один.

– А как же Беретта? Почему ты не нашел для неё новое тело? Так бы и жили вместе..., – с глупой иронией спросила Ольга.

– Она не хотела этого, боялась. Я не мог противостоять.

– А как потом ты перешёл во внука, откуда он появился?

– Это был первый эксперимент по суррогатному материнству. Я заморозил яйцеклетки Беретты, а молодая женщина – инкубатор выносила мне моего внука. Формально она была моей женой во второй жизни, я платил деньги за молчание. Так же, как и третья женщина, тоже суррогатная мать моего правнука. Это работает.

– Наверное, эти жены рожали братьев?

– Сложно сказать, сперматозоид был от тела моего сына, то есть от меня.

– Так это... какое-то генетическое родовое клонирование. По большому счету ты эксплуатируешь один и тот же геном в течение трёх поколений. Теперь понятно, что геном истончился, исчерпал свое разнообразие, и теперь надо внести в него свежую кровь. А твой внук – тоже умер? Где теперь его душа?

– Я очень хотел сделать ему замещение, найти для него достойное тело. Вот тогда и возник проект «Немон». Ты ведь слышала про «Аненербе»: в его лабораториях и проводились эксперименты по перемещению душ. Но после войны все записи и приборы были реквизированы советской разведкой и вывезены в СССР. Я долго искал их, и следы привели сюда, в Красноярск. С трудом нашел эту подземную лабораторию, где красные варвары копались в моих работах. И, самое страшное, они экспериментировали с Адаптером, но у них так ничего и не вышло. Много людей погубили...

Орлова с удивлением посмотрела на своего странного собеседника: «Надо же! – подумала она, – он стенает об погибших подопытных. А сколько их загублено в гестаповских застенках!». Её глодало острое любопытство, граничащее с беззаветным чувством долга: узнать технологии переноса душ из одного тела в другое. Только это сейчас жизненно важно и для неё и её будущего ребенка. Важно и для науки, и для её коллег, – всё вместе побудило Ольгу прикинуться лапочкой и покорно внимать чудовищу, возымевшему удовольствие вещать о своей находке. И она заворковала, как будто ничего не случилось:

– Адаптер – это такой прибор, похожий на толстый гриб боровик, и он сияет синим светом, и всеми цветами радуги. Я видела его во сне. Зачем он тебе? – играя на струнах безразличия, спросила она.

– Только я знаю, как с ним работать. У меня есть тайные коды. Твои друзья нашли меня в лаборатории и хотели забрать Адаптер, чтобы я не смог проводить свой эксперимент до конца. Но они не успели, уже не успеют...

– И какое же новое тело ты выбрал на этот раз?!

– Твой ребенок. Я хочу зайти в эмбрион, в зачаточное состояние, чтобы сбросить кармическое наследие. Полностью очиститься.

– Но почему мой? Почему – я?

– Ты похожа на Беретту. Умная, красивая и хорошая мать, и, как это сказать? – Породистая. У тебя длинные корни.

– Не от вашего древа. А если я не хочу с тобой родниться? Это не тебе это решать, только Бог может засылать душу в тело, это Божий промысел.

– Значит, так Богу угодно. Мне было дано прожить три жизни.

– Но как? Как это удалось? Этот Адаптер – откуда он у тебя? И сколько таких, как ты?

– Ты не поверишь. Нас двое во всём мире. Я и Олан.

– Иван Забродин? Он тоже – вечный?

– Да, он бывший военнопленный. Когда мы начинали свой проект, взяли двоих из концлагеря. Это были старик и мальчик, дед и внук. Задача была перенести душу старика в молодое тело. Мы и раньше пытались сделать это, но не получалось. А вот с этими двумя – получилось, потому что они были родственники по крови. Мы хотели стереть память мальчику с душой старика, но он всё равно сбежал.

– Что-то не стыкуется. Забродину 49 лет. Если во время войны он сбежал в теле мальчика – лет 10-12-ти, то сейчас он был бы древним.

– Всё верно. Потом мы нашли его и сделали новое воплощение.

– И снова стерли память?

– Не всю. Он – гений. Тот пленный старик был ученым. Научность его мышления мы не стёрли, она сохранилась, но не благодаря нам. Мы не старались её сохранять.

– Кажется, этот гений в своё время много пил, мог вообще умереть...

– Пил, потому что не знал, кто он есть, и его это мучило.

– А теперь – знает, сколько ему лет и вообще, кто он такой?

– Теперь он Иван Забродин. Кстати, такой фамилии не было. Душу нашего Олана, как мы его называли, поместили в тело детдомовского мальчишки, – тоже его родственника по крови, которого мы нашли. Он сам когда-то сам забрёл в детский дом. Там ему и дали такое имя – Иван Забродин.

– А его первое имя ты знаешь?

– А зачем?.. Мы плохо изучали родословную пленных. Нам было очевидно, что старик из бывших аристократов. В наших лабораториях были высокие специалисты антропологи. Они могли понять происхождение человека по форме черепа и рисункам кровеносной системы. Однако, если это тебе интересно, я подниму архивы, мы узнаем его родословную – кем был тот первый старик. Он и есть Олан.

– Да ты чудовище, Пол Уитмен. Я лично знаю Забродина, это колоссальная личность, гигантский ум, тонкая добрая душа. А для тебя – просто носитель. Снять информацию, а самого – на помойку, как ис-

пользованный... – она не могла подобрать подходящий синоним известному слову, и он помог ей, повторив слово «носитель».

– Да, он носитель, прежде всего, а потом уже личность. С таким багажом человек не имеет права на личную жизнь. Я хотел дать ему это право, но твои друзья и твой сумасшедший муж помешали мне. Они разорили мою лабораторию, хотели забрать Адаптер, забрали Олана. Без этого прибора они не смогут «прочитать» его. Моя ошибка в том, что тот молодой человек, Арон, кажется, скопировал часть информации и теперь стал тоже опасным для меня. Прежде, чем уйти в новую жизнь, мне необходимо было занести все данные в свой мозг.

– А тебе известно, что твой Олан – пропал без вести, и никто не может его найти...

– Он не пропал, а попал в мою лабораторию. Ты меня плохо слышишь. Олан – избранный контактёр, его долго готовили к контакту с инопланетной цивилизацией – в его первой жизни. Этот контакт состоялся только во втором воплощении. Сам он ничего не знал об этом, но они знали, взяли на борт, и теперь он содержит информацию, которая бесценна для всего человечества, в том числе, информацию о будущем. Олан – носитель этого клада, и мне, прежде чем уйти в новый эмбрион, мне необходимо занести все эти знания в свой мозг через Адаптер. Но я не успел. Вся информация – здесь, – Пол бережно положил руку на прибор, как будто погладил голую головку ребенка, – и она перейдёт теперь вместе с душой в новое тело, так будет лучше. Всё сразу и на новый носитель.

– А «носитель», то есть зародыш, выдержит такой объём информации? Это же крохотный комочек...

– Выдержит, мы используем ничтожно малую часть возможностей мозга, а мозг – безмерен.

– И как же ты потом извлечешь это из мозга ребенка, если тебе никто не скажет об этом? Ты же всё забудешь. Память прежних воплощений стирается.

– Это при переходе из тонкого мира в плотную материю. Память не стирается, её стирают, чтобы запустить процесс эволюции заново, отработывая алгоритмы пошагового развития. Нельзя ошибиться в траектории. Если запустить шарик в лузу миллионы раз, в конечном итоге он всё равно попадет в свою колею. Так делается История. Люди тысячи лет повторяли одни и те же ошибки, ходили по одним и тем же тропам, свершали одни и те же поступки. Но теперь всё не так. Грань между мирами стирается, и память, хотя бы частично, сохраняется в потомках. Поэтому процесс эволюции резко ускорился, и это уже не остановить. Я хочу сохранить всю память, не попадая в иной мир, не умирая. Так можно опередить время, стать Сверхчеловеком, жить вечно. Проблема в том, что я не могу дальше пребывать в своём теле, нужна перезагрузка.

– Так найди другое – взрослое тело – и иди туда с Богом...

– Ты не понимаешь, Ола. Мне нужно абсолютно чистое поле. Чистый носитель. Любой человек теперь – помойная яма информации – куча грязи. Всех нужно чистить, на что нет ни времени, ни возможности. К тому же, если бы это было реально, очищенный субъект стал бы похож сначала на идиота, а потом бы резко поумнел, да так, что ему не избежать современной психиатрии. Нет, ты не о том говоришь, это невозможно!

– Значит, если всё получится, то ребёнком ты будешь в моей власти, а я ведь могу никогда не передать тебе весь этот разговор, и вообще ничего не сказать, ты не узнаешь, кем был в прежней жизни...

– Нет, ты мне всё расскажешь! Сама, потому что иначе... программа не сработает. Всё продумано до мелочей. Я расставил силки всюду, чтобы в новой жизни начать заново с прежним багажом. Я подстраховался. У меня есть преданный помощник, он доживёт до моего совершеннолетия. Но по достижении сознательного возраста – 14-16 лет – ты расскажешь мне, кто я есть такой, передашь мне в руки мои собственные секреты. Да, именно Вы, Ольга Григорьевна Орлова, сделаете это и войдете в историю! – с пафосом завершил своё эссе переносчик душ.

– Мне только непонятно, – перевела тему Орлова, завёртывая спящий ужас в мягкие лапки лживой лести, – для чего ты... тревожил меня по ночам?

– Чтобы ты любила меня, Ола. Я приручал тебя к наслаждению всякий раз, когда ты думала обо мне. Это должно стать рефлексом.

– Да ты просто сумасброд! Неужели ты думаешь, что плотское сладострастие может стать рефлексом у породистых, как ты говоришь, высокоразвитых личностей? Это же бред. Найди себе другое беременное туловище и отработай его своими наваждениями, чтобы стать его единственным источником бурных наслаждений!

– Ола, ты не понимаешь, что я тебе могу дать. Я старался, как мог, чтобы ты привыкла ко мне, не хотел влезать в тебя насильно. Но теперь поздно, я уже подготовился. Почему ты решила, что моя душа тебе не подходит? Это мощная развитая душа. Далеко не все души созревают в течение жизни, чтобы перейти в новое воплощение. Даже у самых высокоразвитых родителей рождаются простые люди. Вот и твой Илларион...

– О! Только не трогай моего сына! – Орлова встала в позу курицы, защищающей своих цыплят, – Ты и так ходишь по чужим снам, и ведёшь себя там осознанно. Давно это у тебя?

– Всегда. Все люди это умеют, только не знают об этом.

– И что теперь ты будешь делать со мной? – спросила Ольга, показывая взглядом на Адаптер.

– Не торопись, милая... Беретта. Сначала я тебе покажу все документы. Это очень важные бумаги. Я подписал наследство тебе и твоему ребёнку. Огромное состояние. Есть еще и клад, и другие секреты, которые здесь, в документах. Например, день моего первого рождения. Это день – сегодня! Сейчас. Я родился под знаком Скорпиона.

– Очень похоже. Ты и есть Скорпион. Такой же цепкий и бессмертный.

– О, это великий Знак Зодиака: самый сильный, сильнее твоего Стрельца. Теперь не об этом речь. Я дам тебе твой пакет с документами и ключ от банковской ячейки в швейцарском банке. Её можно будет вскрыть согласно завещанию только по достижении совершеннолетия наследника. Там и есть самое главное.

– Какие глупости, Пол Уитмен! Разве ты не знаешь, что банки скоро лопнут вместе со всей фиатной финансовой системой, и швейцарские тоже. Просто не доживут. Ах, да ты же не знаешь будущего!..

– Вот поэтому мне и нужна была Астра. Через неё я хотел посмотреть, что будет дальше, где тот твердый камень, под который можно заложить клад.

– Так Астра тебе больше не нужна?

– Нет, теперь все ваши записи её снов вот здесь, – Пол нежно обнял Адаптер, завернутый в тонкую ткань, унесенную из подземной лаборатории, и начал медленно разворачивать её. В полутемной комнате появился яркий завораживающий свет, – Вот. Смотри, какая красота! Ты готова? Нам надо приложить руки к «Немону» вместе. Тихо, тихо... Дай мне твои руки...

– Подожди, а как ты сумел добраться до наших архивов? Они надёжно защищены, я точно знаю.

– Ты многого не знаешь. Твой муж давно завербован и передавал все знания и записи в специальный отдел ФСБ. Он не мог тебе сказать этого. Но я достал эти записи, отдал много долларов. Очень много. Мирное Правительство имеет их неограниченно.

– Значит, Борис передавал... И его предали. Вот откуда эти «темные силы» и весь этот журналистский разбой! А я осталась крайней.

– Да, этот ваш Центр хотели вообще закрыть, но я вмешался, и только ради тебя, Ола. Ты поняла это, когда нападки сократились, а потом совсем перестали быть.

– Мне надо всё это переварить. Я не готова к священной процедуре, – задумчиво промолвила Ольга, резко дернув левую серьгу.

Борис, опасаясь очередного похищения (и не напрасно!) подарил Ольге комплект сережек, в которые было встроено сигнальное устройство и микрофон. Она могла бы покрутить серьгу и раньше, но как-то не успела – слишком погрузилась в диа-

лог с Дьяволом. Теперь же она была уверена, что за ней придут, прибегут, приползут, где бы ни были, её ученые супермены. Ольга крутила серьгу и насмешливо улыбалась, наблюдая тщательные приготовления Пола к вхождению в человеческий зародыш. Теперь он казался ей не Демоном искусителем, а дрожащим за свою гадкую жизнь старикашкой, укравшим тела своих потомков. С минуту на минуту она ждала своих спасителей, рассчитывая, что они найдут её прибежище. Но потом ей почему-то стало нестерпимо жалко этого человека, и она спросила, мягко сникая:

– А что будет с тобой, когда ты... перейдешь в моего ребёнка? Что будет с твоим телом?

– Я не знаю. Наверное, оно медленно умрёт. Человек без души умирает быстро...

ГЛАВА 11. СУДЬБОНОСНАЯ НОЧЬ

Это была странная судьбоносная ночь 6 ноября, когда Скорпион особенно дерзко и беспощадно норовит уколоть своим ядовитым жалом мягкую живую ткань неколючих и неагрессивных существ. Ноябрь опасен и холоден. Именно в это время замерзшая вода иглами льдинок ранит расцветшие любовью сердца, вызывая панические атаки психически слабых особей обоего пола.

Астра проснулась и резко встала с постели, разбудив своим спонтанным движением спящую рядом Кэт.

– Катюша, мама Оля... её забрали. Здесь кто-то был. Надо торопиться, надо... что-то делать, – захлебываясь от страха, ворковала девушка.

– Настя, тихо, успокойся, о чём ты? – Катерина встала и, скрывая волну тревоги, нащупала в темноте тапочки, натянула халат, прошла в комнату, где спала Ольга. Комната была пуста. Живот стянуло спазмом страха, минута шла медленно, но решение пришло: надо тихо обойти всю квартиру и уяснить, что же здесь произошло. Варианты? Она могла уйти сама, хотя это невероятно: одна в тёмную холодную ночь... Может быть, женщина решила принять ванну, чтобы согреться? Нет, ванная пуста, и все помещения квартиры тоже. У порога лежит спящий охранник и бесстыдно храпит во всю ивановскую. Ясно, что его элементарно усыпили. Значит, снова похищение. «Господи! Когда же это закончится?» – возведя глаза кающейся Магдалины к потолку, мысленно воскликнула Катерина. Острое чувство вины охладило жар гнева. Она быстро сжала волю в кулак и, оценив обстановку, поняла, что никакой опасности пока нет, хотя она может появиться с минуты на минуту. В ней всё еще действовала программа оберега Астры, а исчезновение Ольги как-то не вписывалось в эту стратегию. До сих пор не было никаких оснований думать иначе. Орлова никому не рассказывала подробности встречи с Полом в его ре-

зиденции, опасаясь обвинения в сговоре с «разведчиком ЦРУ», как его окрестила Кэт, скрывала от всех содержание той тайной вечери с её мистическим ореолом, тем более, вынуждена была молчать про ночные визиты демонической сущности в её сны. Тем неожиданнее оказался поворот событий.

Наконец-то Катерина дозвонилась до ЦРБ. Там тоже спали без задних ног после тяжелой экспедиции. Но связь с Куратором работала всегда, и это был их особый канал – на всякий экстренный случай. Этот случай настал.

– Борис Арнольдovich, простите, что разбудила, у нас...

– Оля, что с ней? Она дома?! – истерически прервал её Брейс.

– Нет, её дома нет. И я не знаю, где она.

– А... Астра? Где она?

– С ней всё в порядке, она рядом со мной. Ей приснилось...

– Что, что ей приснилось? Говори скорей!

– Что Ольгу Григорьевну забрали, здесь кто-то был. Охранник сам отворил дверь, и теперь спит, видимо, его усыпили.

– Ольга только что послала мне сигнал тревоги. Датчик сработал. Она в опасности. Я вызвал Арона. Вот, он уже вошёл... Арон, надо найти, откуда идет сигнал от Ольги, на вот, возьми приёмник и не молчи, меня это напрягает, – дал команду Куратор, продолжая разговор с Катериной, – Мы сейчас найдем, откуда сигнал, но сдаётся мне, что её скоро там не будет, и мы не успеем.

В этот момент за спиной Брусилова оказался Арон. После экспериментов с его биополем в подземном бункере он был в состоянии ступора, всё время молчал, выполняя автоматические действия, как будто его мозг расшифровывал, обрабатывал и архивировал огромной тяжести инородную программу. На вопрос Бориса молодой ученый заговорил, как робот:

– Ола движается в нашу сторону. С ней мистер Пол. Ему нужна Лаборатория.

– Зачем?

– Он хочет... найти... новое воплощение...

Арона качнуло в сторону, и он упал в обморок. Куратор, всё еще находясь на громкой линии связи с Кэт, произнёс:

– Арон вырубился, говорил как-то странно, ты слышала?

– Да, но не поняла, о чём это он?

– Конечно, не поняла. Это в двух словах тебе не рассказать. Я сейчас подниму всю команду, и мы примем меры, а ты вызови Анатолия – нашего водителя, и быстро езжайте к нам в Центр. Я, кажется, понял, что скоро начнется самое главное.

Борис наклонился к Арону, прощупал пульс. Всё в порядке, жив, это всего лишь обморок. Недоуме-

вал, как это стопроцентно здоровый молодой организм мог так подкачать? Не иначе кто-то помог, и этот кто-то сейчас может быть рядом с Ольгой...

Брусилова бросило в жар от дурного предчувствия, он налил себе виски на два пальца, чтобы унять тошноту, поболтал крепкий напиток в горле, но глотать передумал. Посему вошёл в ванную комнату, чтобы очистить рот, и машинально посмотрел на себя в зеркало. На вид он мог дать себе лет на десять старше реального. Помятая физиономия не внушала доверия к самому себе, особенно взгляд зверя в загоне, когда ему готовят встречу со смертью. Однако страха потерять свою яркую жизнь, насыщенную научными открытиями и экспериментами, не было. Страшно было потерять любимых женщин, команду, Арона... Мелькнула странная мысль, что молодой коллега мог быть его сыном. Почему не Илларион член их команды? Как так могло случиться, что родной сын не стал-таки соратником в семейном деле, а пошёл своим путем, а вот чужой человек готов пожертвовать жизнью ради науки, команды, будущего... Мысль пришла и прошла транзитом, не оставляя следа горечи и обиды на судьбу. Главное было то, что в сердце Бориса Арнольдовича шевельнулась терпкая отцовская любовь к этому парню, о душе которого он никогда не думал, ценя только его высочайший профессионализм, отточенный в лабораториях ЦРБ. Куратор попытался поднять Арона, но тут подоспели на помощь Олег Шилов и профессор Знаменский.

– Осторожно, коллеги, кладите его на мой диван. Сан Палыч, там, в шкафчике в ванной есть нашатырь, и еще надо сделать массаж сердца. Кажется, у него обморок от сердечной недостаточности и резкого сужения сосудов головного мозга.

– Это от перегрузки! – отозвался из ванной Знаменский, неся в руках ватку, пропитанную нашатырным спиртом, – парень перегружен информацией из Адаптера, мозг не успевает её переработать, и вот результат – острая нейропсихическая реакция. Но мы его сейчас наладим!..

Профессор принялся реанимировать Арона, и через минуту тот очнулся, – теплый и живой. Мимические реакции были в норме. Прочихавшись, молодой человек начал бесперебойно рассказывать, как будто его кто-то мог остановить. Напротив, команда жаждала услышать всё, и могла слушать его бесконечно.

– Адаптер имеет гигантскую память и может вместить в себя несколько душ, может быть все души, точно сказать не могу. Одна душа «весит» столько, сколько вся информация на планете до и после апокалипсиса. Души могут переливаться, сливаться, разделяться, мигрировать, восстанавливаться, сжиматься и храниться – в целом всё аналогично ин-

формационным волнам, на которых держится душа. Я там был, в пространстве Адаптера. Видел душу Олана. Он видел меня. Теперь мы знаем друг друга. Информация Олана осталась во мне. Я видел то, что видел он. Там, в Лаборатории есть уникальное оборудование, которое каким-то образом синхронизировано с Адаптером. Главная идея Уитмена в том, чтобы перемещать души, оставаясь бессмертным, пока есть физические носители. Напрямую от человека к человеку это невозможно без фронтального вытеснения исходной души, нужен промежуточный носитель. Им и служит Адаптер. И еще – самое интересное, – Арон жадно глотнул воды, как будто его мучила многолетняя жажда, и продолжил более размеренно,

– Адаптер выравнивает души, как бы усредняет их, сохраняя ядро личности в каждом. Теоретически это возможно, как если бы мы измерили среднюю температуру по госпиталю, но и это не всё! Как я понял, одна чистая душа может доминировать и очищать другие души, наделенные тёмными силами. Это напоминает работу антивирусных программ, как если бы мы хотели почистить «душу» компьютера. Какие перспективы! Прежде всего, этот уникальный прибор, мягко говоря, это целостный системный глобальный когнитивный синхронизатор, который способен обработать массу людских душ, замесив в них тёмное начало на светлое...

– Или наоборот, – прервал его философскую речь Куратор, – смотря, кто задает исходные параметры, и какая душа состоит в качестве эталона. Очень, очень интересно! Продолжай!

Профессор Знаменский не удержался и тоже вставил свой вопрос:

– Арон, скажи-ка, дружище, ты понял, как его настраивать на выполнение тех или иных операций. Ты уже назвал несколько функций: обмен душами, замещение душ, выравнивание, очищение от вируса, копирование с эталона... Кто и как задает эти команды? Тот, у которого Адаптер в руках, или у него есть свой хозяин, со своим уникальным биометрическим кодом?

– Да, именно он – Хозяин. И это – Олан. Представители иного разума доверили ему этот Адаптер, чтобы... спасти мир, если хотите. Звучит странно, но миссия такова... Конечно, эту технологию теоретически можно применить и для иного назначения – перемещения душ, замены телесных носителей – в иных интересах.

– Значит, Пол Уитмен решил попросту обмануть Адаптер, чтобы подменить Хозяина, поэтому он упражнялся в своём бункере с душой Ивана. Может быть, он пытался закачать в себя его душу, при этом оставаясь собой, чтобы Адаптер «узнал» его и начал слушаться? Есть другие версии? – рассудительно спросил Борис Брейс и пристально посмотрел на товарищей.

– Я пока не понял, почему Полу был нужен еще один испытуемый, и он выбрал меня, но на плаху пошёл Арон? – задал вопрос в общее пространство Знаменский, обращаясь к Куратору.

– Пол хотел провести эксперимент перед тем, как слиться с душой Олана. Возможно, он делал это первый раз, ещё не знал, как обращаться с прибором. Вы, наверное, заметили, что у обоих были эти розовые датчики – присоски, которые качали информацию из мозга на сканер. Думаю, что у Пола есть какая-то более примитивная технология простой перекачки душ из тела в тело, с вытеснением одной души и замещением её другой. Скорее всего, те самые иероглифы и криптограммы, которые мы нашли в первом подземелье – и есть кодовые команды для такой процедуры. И делал он это не первый раз. Это делали в «Ане-нербе», но потом программа была закрыта, а коды и ключи утеряны. Скорее всего, их похитил Пол. Теперь предстоит узнать, что он задумал, какое тело выбрал?.. – Борис с ужасом представил, что это Ольга, иначе, зачем было её похищать? Невнятные слова Арона о том, что грядет новое воплощение Пола, занозой впились в каждую клетку подсознания, не давая свободы выбора.

Борис ждал с нетерпением, когда Астра и Кэт придут в Центр, и был уверен в том, что жена тоже появится здесь в качестве либо разменной монеты на Забродина, либо как подопытное существо. В любом случае, её следует ждать здесь, в ЦРБ.

Знаменский предположил, что Пол вернётся в свою лабораторию, откуда его выкурили сутки назад. А что ещё он мог подумать? Профессор с трудом покинул бункер, не удовлетворив своего научного любопытства, и алкал вернуться в подземелье со своими исследовательскими интересами. Теперь это желание становилось неодолимым. Он понял, что судьба дает ему шанс найти и понять то, к чему он стремился всю свою научную жизнь: найти тайную формулу связи души и тела. А начиналось всё с гипотезы о непременном влиянии мыслей и эмоций на состояние физического и психического состояния человека. У Забродина это называлось: «выделить норму греха без ущерба для здоровья».

Знаменский аргументировал свою версию тем, что Полу для решения своей задачи понадобится оборудование, которое осталось в подземной лаборатории. Олег Шилов поддержал эту версию, хотя идея перемещения душ была ему непонятна. Он рассуждал чисто технически. Пол оставил в своей подземной обители кое-что важное, и он обязательно вернется, – это вопрос времени. А что касается Ольги, то, по мнению опытного разведчика, он её не тронет, потому что она пред-

ставляет для него особую ценность... как женщина. Олег не мог даже вообразить истинного намерения чудовища.

Все участники разговора подумали о том, что необходимо разбудить Ивана Забродина, всё еще пребывавшего в состоянии не то комы, не то обморока, хотя первичная настройка организма показывала, что все параметры в норме. Он спал, дышал, понемногу наполняясь энергией жизни. Около него дежурили опытные врачи, психологи, ожидая пробуждения. Бывшие охранники Пола тоже находились в ЦРБ на складе под охраной сторожа Акима с ружьем. С ними пока не решили, что делать. Надо бы сдать полиции, но как объяснить, откуда эти хлопцы, кто ранил одного из них, – в общем, это дело требовало хорошо отработанной легенды. Олег Шилов решил допросить верзил, авось и они что-то скажут полезного, и удалится для выполнения этой задачи.

Борис Брейс, Арон и Александр Павлович остались в долгом томительном ожидании, хотя пришло время действовать. Надо бы найти третий вход в подземелье. Один вход, вернее, выход, они нашли в первый раз, он был рядом с болотом, второй – через коридор со старого склада, и третий – тот самый лифт, которым воспользовался Пол, чтобы сбежать. Его предстояло найти быстро, и вся надежда – на этих двух пленных охранников, которых с профессиональным пристрастием уже второй час допрашивал подполковник.

Дело шло к вечеру, темнело рано. Холод тревоги усиливался не детским морозом под 30 градусов. Как там Астра и Кэт? Что-то их долго нет. Борис уже пятый раз набирал секретный номер, чтобы поговорить со своей связной Катериной Масловой, но номер был не доступен, хотя «мертвая зона» была не более пятисот метров – проверено. Телефон Анатолия тоже молчал.

Олег Шилов ворвался в кабинет Куратора, как будто бежал от погони и, запинаясь, прохрипел: «Они уже здесь. Мы опоздали!..». Ему все-таки удалось выбить из раненого нужную информацию, когда его изолировали от первого верзилы, переместив в медкабинет под предлогом перевязки. Там ему вкачали большую дозу препарата, который использовали при допросах матерые гэбисты старой школы – Шилов всегда имел это зелье под рукой – на всякий случай. Охранник размяк и развязал язык. По его невнятным словам, «мистер», как он называл хозяина тайной лаборатории, отрабатывал план и уже давал инструкции для похищения и транспортировки нужной ему дамы, но тут случилось внезапное вторжение чужаков. Главное из того, что он сказал, это время – а именно день и час, когда должно произойти назначенное «чудо»: в ночь с 6-го на 7 ноября сего года.

ГЛАВА 12. ОТ ТЬМЫ К СВЕТУ

Борис Брейс вместе с коллегами направился в реанимационную палату, где возлежал ожидающий пробуждения Иван Забродин.

– А почему именно с 6-го на 7-е? – вслух рассуждал на ходу Куратор, – Это же мистическое сочетание в нумерологии. Шестерки и семерки, чередующиеся в определенном порядке, как нули и единицы, составляют магические шифры, я читал об этом в Древней Магии – книге Знаний.

– Я знаю этот код, – подхватил Арон, – эти цифры показывают переходное состояние от тьмы к свету. Шестерка – знак Дьявола, а семерка – Бога, счастливое число. На переходе между ними – тонкий «золотой волос», где есть Нечто или Некто. На самом деле там нет никого и ничего, что могло бы повлиять на принятие решений и исход событий. Там властвует собственное «Я», не ограниченное ничем и никем. Именно этот переход используется для магических ритуалов. Я не помню, откуда взял эту инфу, но знаю точно.

– Брось болтать, это полная чушь, – раздраженно прервал его Знаменский, – «золотой волос» – это реально тонкая среда, пригодная для физического существования белковых гуманоидов и прочих тварей. И там не «никто и ничто», а полно всех, и каждый по паре, а никто – за пределами «волоса», полная пустота!.. Профессор театрально развёл руками, подтверждая сказанное фактом своего бытия.

– Постой, – остановился на ходу Брусилов, – кажется, я начал понимать красоту этого парадокса. Жизнь существует только на этом малом переходе, а сверху и снизу – Ад и Рай, образно говоря, там нет реальности, как мы её понимаем – там иная субстанция, возможно, иная жизнь...

– Какая разница? Нам надо торопиться реанимировать Олана, без него нам нельзя идти в бункер, – раздраженно подогнал друзей Шилов.

Группа товарищей подошла к палате. За дверью послышался женский крик. Куратор дёрнулся и первым открыл дверь. Взору неожиданно предстала Магда, яростно стучащая кулаками в грудь Забродина.

– Вставай, просыпайся, окаянный! Мужик ты, аль нет? Вставай! Живи, Ванька, живи! – с глухим хрипом пробивалась женщина к разуму заблудшего в путах астрального мира Олана.

Знаменский с удивлением обнаружил полное отсутствие своих подчиненных – врача-реаниматолога, анестезиолога и медсестру. Магда выгнала их, – так уж все сразу? Ясно одно, она пыталась помочь пробудить Ивана Михайловича своими методами, не раз уже доказавшими свои результаты. Никто из присутствующих даже не пытался вмешиваться в процесс. Все терпеливо ждали, и через несколько минут произошло долгожданное пробуждение:

Иван Забродин открыл глаза. Магдалина осветилась божественной радостью. Лохматая и вспотевшая, она утерлась рукавом вышитой рубашки и торжествующе посмотрела на своих ошалевших друзей.

– Ну что? Видали такое? Ваши лекари – горе луковое, пихали в него, что попало, так чуть не сгубили сердешного. А его ж надо было позвать! Вызволить из плена адского. Вот теперь ожил...

Целительница опустила на стул и склонила голову, скрестив руки на коленях. На неё уже никто не обращал внимания. Иван зашевелил губами и попросил воды.

Все отчаянно понимали, что очнувшийся Олан не сможет быстро адаптироваться и войти в рабочий режим, но надеялись хотя бы понять, что он принёс из своего небытия, где он был, с кем общался, кого видел – вопросы кишели в умах и просились к нему, как малые дети, столпившиеся на раздаче подарков. Иван попытался встать, но чуть не упал, коллеги поддерживая его, усадили на кресло. Из подсобки, как ни в чём не бывало, появились медицинские работники. Они так и не поняли, по чьей команде покинули реанимационный кабинет (Магда, кроме всего прочего, обладала и гипнотическим даром, применяя его спонтанно в стрессовых ситуациях). Вот теперь Забродину была нужна медицинская помощь, и его оставили на время, чтобы обсудить дальнейшие действия.

– Как ты узнал, что этот... «мистер» уже здесь? – строго спросил Куратор Шилова.

– Верзила проболтался, хотя верить этому или нет – не знаю. Еще он сказал, что мистер – прилетит, на крыльях любви, что ли? – скептически улыбнулся Шимин. Его не менее Бориса тревожило отсутствие сигналов от Кэт, хотя он старался не проявлять особой тревоги. Ничего личного...

– Прилетит, значит... Арон, проверь-ка записи с наружных видеокамер. Если Пол уже прилетел, то скорее всего, на вертолёте. Можно засечь звук. Он мог бы – теоретически – приземлиться на том болоте. Оно ведь замёрзло. А что – это вариант?.. – Брусилов кусал губу и нервно тербил свой мобильник.

Профессор Знаменский не выдержал и вернулся в реанимацию, чтобы проследить состояние Ивана. Он уже вызвал дочь Светлану для оказания психологической помощи. Пострадавший молчал, как и все, побывавшие в чёртовой лаборатории. Сутки нужны, чтобы он пришёл в себя, а промедление смерти подобно. После растираний и легкого массажа, Вета начала свою работу. Прежде всего, глаза – зеркало необъятной души. А там – бездна. Иван не сопротивлялся, сам хотел поведать свою молчаливую повесть. Наверное, у него не было подходящих слов, или энергия жизни упала до нуля. Он молчал и мутно смотрел на спасительницу Вету. Неожиданно для всех она откинулась на спинку стула и вошла

в предобморочное состояние, как будто не она, а он – Олан – гипнотизировал её. Обморочный сон женщины длился всего три минуты, но этого было достаточно, чтобы вся нужная информация как бы приснилась Светлане. Она немного помешкала, привыкая к сенсации, и начала говорить.

– Олан сообщил мне, даже не знаю, как сказать, всё это слишком... непривычно. Он попросил... надеть себя – на меня. Как-то так...

Психолог растерянно посмотрела на отца. Знаменский, начисто лишенный мистицизма, в этот момент забыл об отсутствии данного рудимента, и, следуя интуиции, провалил ум в пропасть, чтобы логика не мешала мыслить. Древним гипофизом он понял, о чём говорить дочь. Забродин предложил ей пронести его астрального двойника в тайную лабораторию в своём теле, поскольку он идти не может – слишком слаб. Другого пути нет. И единственное, что надо сделать Светлане – просто согласиться с этим планом. Но почему он выбрал её, ведь носителем Олана мог бы стать любой член команды? Вета сама ответила на этот немой вопрос.

– Он выбрал меня не потому, что я оказалась рядом в момент возвращения его в реальность, подвернулась под руку, так сказать, а потому, что во мне всё чисто – нет никаких побочных мотиваций. Все чего-то хотят и имеют свой смысл, а я не имею... И не имею ничего против того, чтобы пустить к себе гостевую душу. Тем более такую... сверхчеловеческую.

– Почему ты? – не унимался профессор, – медсестра Рита, например, тоже не имеет мотиваций... Хотя, впрочем, она и не вхожа в команду. Ладно, иди, если сможешь...

Светлана вернулась к своему подопечному, взяла его за руки и снова посмотрела в глаза. В зрачках Олана мелькнула надежда, и он начал распрямляться изнутри...

В один момент Светлана Александровна не заметила, как впала в транс и оказалась в той самой лаборатории ещё до того, как сама вместе с коллегами недавно с трудом выбралась из неё. Там всё было чисто и аккуратно – ещё до погрома, который они с коллегами устроили накануне. В «операционную» вошел Пол Уитмен. Он странно улыбался, едва сдерживая утробную радость от предвкушения победы. Его лицо оказалось слишком близко. Он смотрел прямо в глаза и говорил – растянуто и медленно, выговаривая каждое слово:

– Это судьба, Олан. Мы теперь вместе и должны изменить этот мир, который катится в пропасть. Миру нужен Повелитель. Вокруг Хаос и Тьма. Это может остановить только один всемогущий лидер. Я должен явиться миру через 30 лет – молодым Богом. Время начало новый отчёт. Ты принёс то, что принадлежит мне. Отдай свою душу или я отниму её сам. Лучше сделай это добровольно, и тогда ты

получишь всё – хочешь полмира? – Пол обернулся спиной, подошёл к мониторам, ввёл несколько вводных команд и торжествующе обернулся обратно, упираясь взглядом в Олана, продолжая свою зловещную речь:

– Я уже делал это с тобой – помнишь? Нет, ты ничего не помнишь! Мы стёрли твою память прошлых жизней. Ты – всего лишь первый подопытный, но и тебе уже более ста лет. Да, теперь нас осталось двое: я и ты. Но я знаю тайные коды, а ты – нет. «Немон» знает тебя, а меня – нет. Это «восьмерка». Мы связаны в единое целое. Я буду сливать тебя через этот Адаптер, который ты называешь «Немон», в себя. Я выдержу двоих – такое уже было. И начнём прямо сейчас...

Олан (или его око) старался запомнить, что делает его палач, чтобы потом восстановить картину. Он понимал, что с ним будет. Мир не выдержит двоих. Один из них должен уйти, и ему почему-то не хотелось уступать свято место исчадию Ада. Иван Забродин, случайно попавший в плен к Полу Уитмену, мыслил штампами, понятными всему человечеству. Через минуту в глаза стало рябить (Пол колот Забродина снотворным), и панорама лаборатории размылась, как за мокрым стеклом в дождливую осень. Сердце сжало горячей тоской...

Светлана очнулась с легким вскриком. Всё, чему она училась в разных университетах и академиях мира, все знания о психологии человека оказались ей ненужным хламом – архаикой, прототипом азбуки Морзе для начинающих инженеров человеческих душ. Ей никогда не удавались астральные путешествия. Да, она проходила медитативные практики, читала мантры, ездила на Тибет. Пыталась входить в транс. Ничего не получалось. Её сила воли и женская «самость» были настолько сильны, что даже у тибетских монахов это вызывало отторжение. Улыбаясь и кивая, они скромно отнекивались от просьбы ввести её в состояние глубокой медитации. И вот – надо же! Вдруг получилось, и так легко! Восторг перекрыл желание сразу рассказать увиденное. Так воздух перехватывает дыхание в первых секундах полёта с парашютом. Отдышавшись и попив воды, Вета начала отчёт о виртуальном визите в недавнее прошлое. Иван Забродин внимательно слушал её, как лучшую ученицу, оценивая, стоит или не стоит доверять ей дальше свои уроки. Кажется, она прошла экзамен. Самое странное, что, несмотря на разность восприятия ирреальной информации от Светланы – дочери Знаменского, известного психолога и психотерапевта, членами команды Куратора никто не усомнился в сказанном, как будто время сомнений и споров давно прошло, и все выровнялись, без слов понимая друг друга. Но Светлана Александровна знала, что отец принял её рассказ всего лишь как одну из возможных версий, навеянных обморочным сном.

Однако пора. Надо принимать какое-то решение. Неизвестность тяготила более всего. Астра и Кэт до сих пор не вернулись, хотя прошло уже два часа от расчетного времени прибытия. Анатолий – опытный водитель, так что же могло случиться? Или их тоже перехватил вездесущий Пол? Может быть, надо было действовать иначе и двигаться по маячку к месту нахождения Ольги? Да, Борис будто бы забыл об этом. Непростительная оплошность... Арон ворвался в тормозную жидкость всеобщего оцепенения стрелой нового сообщения.

– Господа, над нами час назад пролетел вертолёт! Вот запись. Можно посмотреть, хотя там ничего не видно, но слышен звук. Борис Арнольдович, ваша версия оказалась верной. Кто еще мог бы так...

– Погоди, друг, надо срочно найти Ольгу по маячку. Датчик у меня в мобильнике. Раскрути карту местности, наложи, ну, ты знаешь... Я пошёл собираться. Да, Арон, Олег и... Светлана – Вы тоже пойдете с нами. И ты Сан Палыч, поторопись привести Ивана в рабочее состояние, времени осталось мало.

Забродин подал первый звук и жестом подозвал к себе Арона, вкладывая в его ладонь овальную серебристую бляшку, похожую на военный жетон:

– На, возьми! Это клонированный сигнал для «Немона». Что-то вроде биометрического ключа. Это его искал мистер Пол. Надо поднести его к Адаптеру, он сам его возьмет. Я буду управлять дистанционно. Это всё, что надо. Иди...

– А как же?.. – Арон вопросительно посмотрел на Светлану Александровну, удостоенную первого в жизни мистического эксперимента, – Какова её роль?

– Она – проводник. Всё знает.

– Олан, нет, не могу так тебя называть, Иван Михайлович, может, ты скажешь, что будет с Ольгой? Знаешь, зачем она ему нужна? – настойчиво спросил Забродина Куратор.

– Поспешите. А то она принесёт гостя в себе...

– Кого принесёт? – хором задали глупый вопрос Арон и Знаменский.

– Того, кто через 30 лет хочет явиться миру молодым Богом...

В этой фразе каждая буква – тяжелее египетских пирамид. Когда случается осознание губительной неизбежности, являющей собой чудо, восторг и ужас рвёт сердце на части, но мысль – даже не сама по себе, а её слабое отражение между мыслями, треки, ещё не сформулированные в связной словесности, создают гигантский план. В одно мгновение возникает абсолютно точное решение, за которым следуют стремительные действия. Так случилось и на этот раз.

Борис Брейс, понимая, как сложно будет найти место приземления вертолёта (а он не сомневался в том, что это вертолёт Пола Уитмена), упёрся в такой

тупик, выходом из которого могло бы стать только гениально простое решение. И оно было найдено! Представить себе, что команда сейчас соберётся в новый поход, и быстро достигнет места назначения, а именно лифтового входа в бункер, было невероятно. Сколько времени займут сборы, потом пеший ход в морозную ноябрьскую ночь среди леса – примерно два километра по свежему снегу и тонкому льду болота. Это, как минимум, час в крошечной промозглой тьме. Но и не это главное – как найти лифтовую кабину и потом войти внутрь – никто не знает. За это время Пол сделает с Ольгой что-то непоправимое, и она может потерять ребенка.

Куратор решительно направился в свой кабинет и набрал номер полковника Колечко.

– Матвей Иванович! Вы дали мне свой номер – на всякий экстренный случай. У меня нет возможности долго говорить, но ситуация предельно опасна. Мы обнаружили рядом с ЦРБ целый лабораторный комплекс – под землей, оборудованный по последнему слову техники. Там тайная лаборатория, в которой известный Вам иностранный агент проводит опыты с людьми. У нас есть все доказательства, очевидцы. Один из наших сотрудников был пленён и находился там больше месяца. Он может подтвердить...

– Этот агент – господин Пол Уитмен? – перебил бурную речь директора ЦРБ полковник.

– Да, это он. Вы думаете, что он легальный дипломат, персона, так сказать, неприкосновенная, а мы знаем, что он ведёт здесь разведку и работает на ЦРУ. Это хоть и не по вашей части, – я потом свяжусь с генералом Громовым, но в данный момент речь идет о похищении моей жены – Ольги Григорьевны. Я поставил ей маячок, и теперь точно знаю её местонахождение. Последние полчаса сигнала нет, но и это объяснимо – она уже глубоко в бункере, сигнал не проходит. Час назад, может чуть больше, над нами пролетел вертолёт. По нашим предположениям, Пол Уитмен вернулся в свою лабораторию, чтобы довести свои эксперименты до конца, и ему нужна именно беременная женщина...

– Ваша жена – беременна?

– Да, срок восемь недель, и она в опасности. Нам нужен вертолёт и Вы с командой – для захвата иностранного разведчика. Это дело особой важности, – Борис Брейс чувствовал, что у него холодеют руки, ему казалось, что аргументы не слишком убедительны для полковника, и ему понадобится много времени, чтобы принять решение, подготовить вертолёт. Зря, наверное, он затеял сдачу бункера...

– Хорошо, я понял, Борис Арнольдович. Перезвоню через 10 минут.

Эти 10 минут показались Борису вечностью. Сомнение немедленно гасит внутренний огонь, искажает смыслы, теряет его в догадках. Однако от полной беспросветности и отчаяния появившаяся надежда

проблеском света замаячила на горизонте. Куратор вышел во внутренний двор в одном пиджаке и посмотрел на небо. Оно было темно-фиолетовым, подсвеченным со всех сторон ультрамариновыми звёздами, и Луна светила так ярко, что резало глаза. «Хорошо, что погода ясная», – подумал Брейс и вернулся в здание – ждать ответа своего заклятого «друга».

ГЛАВА 13. ЧЁРТОВА ДЮЖИНА

Матвей Иванович, по обыкновению припозднившийся в своём кабинете дотемна, оказался в некотором замешательстве. Он припомнил, как допрашивал неподатливого Куратора, бесился от его напускной интеллигентности и неприкасаемости, потом спасал своих подчиненных офицеров с явочной квартиры, где их чем-то опоили и связали, да и многое другое. «Дело Астры» так и не сложилось. Доказано было только одно: странная девушка – та самая Анастасия Зимина, которая пропала 13 лет назад из многодетной семьи. Пробы крови помог ему взять господин Уитмен, навязавшийся ехать с ним в Центр. У родственников взяли кровь под видом диспансеризации. Сделали анализ ДНК, убедились, что родственники. И ничего более делать не могли. Куратор переиграл полицейскую академию, что обычно никому не прощается. Если бы не Магда, полковник уже разорил бы это «осиное гнездо», поскольку весь его состав и тёмные дела в лабораториях не внушали ему доверия. Уголовный кодекс пестрил всякого рода подробностями, имеющими материалистическое воплощение, но ни словом, ни духом не давал понять, как бороться с «чертовщиной». Не было никакой системы доказательств, кроме показаний свидетелей, о применении всякого рода «воздействий». Даже если факты воздействий были доказаны, не было прямой связи между ними и негативными последствиями, испытанными потерпевшими. Да и были ли потерпевшие? Астра, как её называют в Центре, реально инородная девица с признаками умопомрачения, и куда кому она теперь нужна, кроме Центра? Магда говорит, что ей там хорошо. С ней обращаются, как с королевой, о чём неоднократно упоминал доносчик Псих в своих отчётах. Ожидание преференций от этого дела в виде генеральских погон сникло, потеряв для полковника прежнее значение. А раз так – стоило ли ворошить улей? Колечко приостановил дальнейшие расследования, но держал руку на пульсе, контролируя ситуацию в Центре через Магду.

После разговора с Куратором он медлил недолго. Отдал распоряжение подготовить дежурный вертолёт и быть готовыми к взлёту. Вызвал трёх офицеров, с кем готов был идти в разведку. Дело принимало совсем иной оборот. Если то, о чем говорит Брусилов, правда (или хотя бы её часть), то вот оно – реальное стоящее дело, раскрутка кото-

рого повлечёт за собой желанное повышение. Похищение двух солидных статусных людей – это уже и серия, и сенсация, причём, сугубо политическая. Не то, что сомнительное исчезновение девочки из бедной провинциальной семьи много лет назад...

После дачи распоряжений Матвей Иванович ходил по кабинету и мял в крепком кулаке резиновый мячик, избавляясь от избытка нервной энергии. Вопрос был в том – звонить или не звонить в ФСБ – генералу Громову, ведь дело по разведке и экспериментам над людьми по его части, – или пока подождать, самому разобраться в этой странной истории? Да, лучше подождать, остановиться на похищении супруги Брусилова – Ольги Орловой.

При одном упоминании об этой аристократке у Матвея Ивановича плыли по спине неприличные мурашки. И не потому, что она нравилась ему как женщина, а от небывалой робости перед ней. Эта дама смотрела на него, будто пронизывала взглядом до печёнок, да и умна до невозможности – без признаков внешнего управления. По правде сказать, полковник никогда не встречал женщин такого рода. Бывали очень умные и хитрые воровки на доверии, атаманши, лидеры бандитских группировок, но все они грубые, приземленные. А от этой красавицы – дух наизнанку. Он вспомнил, как у него потели ладошки в её кабинете. «Хороша, стерва», – вынес тогда свой вердикт полковник Колечко. Но теперь ему стало жаль её. Она беременна... Отношение полковника к «матрешкам» было трепетным. Это было его единственное «слабое звено». Он многое прощал осужденным бабам, помогал, если вдруг обнаруживалось, что они – будущие мамки. Сам больше 12-ти лет ждал беременности своей бесплодной жены, кое-как дождался, да и то – с помощью ЭКО. Никогда у него не было нормально рожденного ребенка. Вот и сын вырос слабым, инфантильным – не ему чета.

Автоматически он набрал номер Магды и долго ждал, когда дражайшая подруга вытряхнет свой телефон из-под обширных юбок и ответит ему.

– Магда, ягодка моя, что там у вас стряслось в Центре? Мне звонил твой директор, сказал про какой-то бункер и про похищение его жены. Так ты знаешь об этом или нет?

– Знаю. Сама ходила в бункер. Там страсть как плохо. Кругом мертвяки по стенам замурованы, а в самом низу тайная лаборатория, где нас чуть не погубили. Но мы выбрались и забрали Иван Михалыча оттуда. С ним опыты проводил этот... Пол – рыжий чёрт, с которым ты приезжал. Он еще и Гришу нашего хотел на стол положить – для экскрементов...

– Экспериментов, милая. А экскременты – это продукты жизнедеятельности животных.

– Так они ж и есть животные: Пол этот и с ним еще два подручных. И несёт от них, как от козлов. Кое-как выбрались...

– Ты почему ты мне сразу не позвонила? Я же говорил, если что случится, сразу звонить!

– Та я ж хотела, да тут Ивану надо было помочь...

– Ты почему полезла туда – в подземелье? Что там за бункер такой?

– Секретный. Еще со времен войны там проводили эти...

– Эксперименты, – перебил её полковник, – ты там давай, жди меня, я скоро прилечу, разберусь сам, что за бункер.

Колечко не стал дожидаться причитаний Магды по поводу его позднего визита в ЦРБ. Его разозлило то, что Магда ввязалась в это дело, рисковала собой. Теперь, когда он взял её под контроль, ему казалось, что найденная им любимая женщина должна согласовывать с ним все свои действия. К тому же ещё в Центре распоряжаются ею, кто как хочет. Ну, ладно, теперь он поправит дело, поставит всех на место. Прошло уже минут двадцать, Брусилов достаточно потомился, пора звонить.

– Борис Арнольдович, через час я буду у Вас. Там есть большая клумба посреди двора, подготовьте её как посадочную площадку, чтобы ничего лишнего и никого там не было. Сами тоже готовьтесь. Я дал распоряжение настроить навигацию на это ваше круглое болото, опасаясь только, что лёд еще тонкий – не созрел для посадки. И вот ещё – потом поговорим подробнее, но я хочу сейчас от Вас услышать «купеческое слово». Больше никаких запираций: Вы мне должны рассказать всё, как на духу, раскрыть все секреты. И только мне. В противном случае я отменю команду прямо сейчас. Ну, так что Вы скажете?

– Я согласен. Как только спасём Ольгу, все наши документы и видеозаписи будут у Вас. Я готов к сотрудничеству и, прошу прощения за некоторые инциденты...

– Да, ладно, я тоже кое-где перегнул. Будем квиты.

Полковник стряхнул с погон невидимые глаза соринки и стремительно вышел.

На подготовленной к посадке вертолётной площадке – чуть поодаль, стояли четверо: Борис Брейс, Светлана – дочь Знаменского, Арон и подполковник Олег Шилев. Все они были одеты в альпинистские костюмы, имели при себе снаряжение. Арон захватил декодер электронных замков для взлома, персональный Тор и другие компьютерные причуды. Вета взяла с собой «тревожный чемоданчик» с медикаментами, Борис и Олег – вооружились пистолетами. Куратор достал для такого дела своё личное оружие, имея на то специальное разрешение. Правда, он им никогда никого не убивал, только тренировался на стрельбищах. Убийство было бы для него неприемлемым. Но теперь ситуация развернулась иначе. Инстинкт мужчины и будущего отца еще не родившегося ребёнка застил гуманитарные принципы.

За боевой четверкой стояли в тревожном ожидании Магда, профессор Знаменский и Вадим Игнатьев. Здоровяк водитель смотрел исподлобья: его на борт не берут – слишком тесно. Мест хватит только для троих, четвертый и так идёт с перевесом. Неожиданно на кресле-каталке появился Иван Забродин, который настоятельно попросил медичку выкатить его во двор, чтобы посмотреть, как отбивает команда, дать последние наставления. Он особенно долго и внимательно смотрел на Светлану, как будто хотел слиться с ней воедино и как-то вместе отплыть в подземелье, откуда только что еле ноги унёс. Вылетать надо немедленно, а от Катерины с Астрой и водителя Анатолия до сих пор нет никаких вестей. Как в воду канули! Борис распорядился, чтобы Вадим с профессором срочно выехали по маршруту навстречу, может, машина сломалась в зоне, где телефон не берет сигналы. На душе беспокойно!

Полковник Колечко вышел из кабины вертолётной под ветром от еще не утихших лопастей и направился к четверке. Быстро пожав руки мужчинам, подошёл к Магде, не стесняясь, обнял её. Она успела шепнуть «Береги себя!» и сунула в руку маленький амулет в форме беленького барашка, потом перекрестила Матюшу и всю команду.

Вертолёт взлетел и по навигатору быстро достиг точки приземления. Вспоминая свои тяжкие переходы через это «гибкое место», Арон и Шилев удивились столь быстрому и лёгкому перемещению в этом сложном пространстве. Место для посадки было найдено без труда – на той самой полянке, где экспедиторы полтора месяца назад разжигали костёр и отмывались после выхода из бункера. Второй вертолёт они заметили ещё с воздуха. Он тоже приземлился неподалёку. На поверхности его было не видно, слишком темно, все сигнальные огни погашены. Двое разведчиков из группы Колечко пошли с фонарями к «вражескому» вертолёту, чтобы посмотреть, куда от него ведут следы. Накануне немного припорошило, и девственно чистый снег в лесу предательски копировал все шаги прошедших здесь людей. Их было на четыре персоны. Одни явно женские. Следовательно, там были трое мужчин: лётчик, сам Пол и еще один человек, видимо, его помощник. Пять минут потребовалось, чтобы найти место, где следы внезапно оборвались. Далее, как корова языком слизала. Шилев начал притапывать по кругу, чтобы найти рычаг для подъема верхней крышки люка. Она, должно быть, закамуфлирована под почвенный покров. И нашёл. Люк со скрипом поднялся, стряхивая с себя наметенный только что снег, и все увидели ещё одну крышку из нержавеющей стали. Она была монолитна и крепко впаена в квадрат люка. Это место было недалеко от той норы, из которой когда-то вышли на свет неудачливые экспедиторы. Никому и в голову не при-

шло тогда искать здесь второй вход. Но, судя по его расположению, он находится прямо над тем самым столом – саркофагом, который тогда вдвинулся в пол и слился с ним. Под этим полом, ещё глубже, по всей видимости, и располагалась территория Пола (Пол под полом – такая вот «ирония судьбы»).

Арон приступил к разгадке секрета открывания люка. Он включил детектор наличия электронных устройств, обнаружил кодовый замок, взломал его с помощью декодера. Крышка люка открылась, изнутри сразу же вырос сноп неяркого света. Спустившись по короткой лестнице, двое сотрудников полиции оказались на маленькой площадке перед дверями лифтовой кабины. Двери не отпирались, кнопки вызова не было. Арон спустился и проделал несколько несложных аналогичных операций, после которых дверь распахнулась, обнаружив за собой довольно вместительную кабину грузового подъемника. Два бойца полковника Колечко остались наверху, а все остальные члены команды вместе с опером из полиции, и сам полковник влезли в лифт и начали спускаться вниз. Арон хорошо помнил, что кабина имеет выход прямо в «операционную», где, возможно, и находится в данный момент Пол. Однако все присутствующие в кабине чувствовали себя, как в западне. Не исключено, что Пол уже получил сигнал о вторжении через видеокамеры и датчики движения и готов встретить незваных гостей, используя преимущество хозяина тайной лаборатории.

Кабина резко встала, как это бывает, когда лифт застревает между этажами. Люди тревожно переглянулись между собой. Через минуту двери со скрипом раздвинулась, и все увидели, что оказались не в операционной, а в том самом зале со столом-саркофагом, который был знаком участникам первой экспедиции – Арону и Олегу Шилову. Здесь было темно, грязно и страшно. Под светом фонарей, тут же включенных в режим освещения, стало видно, что здесь кто-то недавно был: в углу валялись пустые консервные банки, из которых экспедиторы ЦРБ ели консервы в первый свой визит. Отчётливо слышался крысиный писк в боковых коридорах.

– Чёрт, мы не туда попали, – выругался Шилев, – Арон, мы здесь уже были, только я не помню, чтобы здесь был лифт.

– Да ты посмотри внимательно, дверь лифта замаскирована и не отличается от стены. Мы же были недолго, не успели всё рассмотреть. А вот теперь, похоже, застряли или нас специально остановили здесь...

Полковник Колечко не мог толком сообразить, что случилось, а вот Борис Брейс по репликам догадался, что его друзья попали в то самое место, откуда с трудом вылезли в прошлый раз. Он понял, что лифт остановился на этом «этаже» не случайно. Наступила зловещая тишина, жуть пропитывала до

костей, из глубины подземелья веял могильный холод. А время шло неумолимо расчётливо. Борис посмотрел на часы с подсветкой: десять часов вечера. Кажется, игра цифр – событие произойдет в ночь с шестого на седьмое ноября. В запасе оставалось всего два часа.

Арон с Олегом Шиловым начали действовать без промедлений. Нашли ту самую красную кнопку, которая сработала в прошлый раз, надавили, стол начал медленно опускаться в пол. Сработало! Шилев встал на поверхность стола, спускающегося вниз, и жестом дал понять остальным, чтобы последовали за ним. На этот раз стол не только сравнялся с полом, а спустился ниже – так, что стало видно другое помещение под ним. Все решительно вступили на площадку и оказались на этаж ниже. В комнате никого не было, и тьма стояла такая, что свет фонаря казался лучом лазера. Однако на новом месте было стерильно чисто, гладко и странно. Стены, отлитые из тёмно-серого металла, переливались цветами радуги, как нефтяные пятна. Спустившись на пол тайной комнаты «незваные гости» хорошенько огляделись, переглянулись и внезапно замолчали. Никому ничего не хотелось говорить, как будто голос гас в этом месте, утопая в вату. Но все в то же самое время думали, кто о чём, и мысли гремели в головах, как будто кто-то орал прямо в ухо. Не сразу заметили, что «саркофаг» снова поднялся на своё место и сравнялся с потолком. Шестеро человек оказались в ловушке. Каким-то внутренним чутьем поняли, что могут слышать мысли друг друга, отчего говорить, издавать какие-то звуки было не нужно, да и не хотелось.

«Похоже, мы вляпались по полной!», – подумал Куратор.

«Кажется, я слышу мысли. И это не просто так. Нам надо что-то понять», – подумала Светлана, ведомая Оланом.

«Здесь есть ответы на все вопросы», – отзвенел мыслью Арон.

«Какого чёрта! Ни окон, ни дверей. Куда мы попали?» – не слишком агрессивно для данной ситуации послал посыл полковник Колечко.

«Вот это да! Фантастика. Комната для допросов – новые технологии будущего!», – мысленно восхитился офицер запаса товарищ Шилев.

Мысли-мальки скрадывались и стояли в пространстве фоном, создавая лёгкий шумовой эффект, а потом исчезали вовсе. Главные же мысли становились заметнее и ярче. Никто не знал, сколько времени они стояли в этом помещении, как будто время не имело значения, а цель, с которой они пришли, растворилась сама собой.

«Похоже, здесь искривление пространства-времени. Портал?» – догадался Борис Брейс.

«Я знаю это место», – откликнулся Олан через мозг Веты.

Все задали комнате один и тот же вопрос с тройным дном: «Куда мы попали, что здесь происходит, и как долго мы будем тут находиться?». При этом никакой паники, страха, который одолевал бы группу освободителей Ольги на промежуточном уровне в первом «крысином» зале, не было. Мысли не просто звучали в мозгу, – они отражались от поверхности стен, издавая эхо.

«А что, если попробовать задумать исполнение желаний?» – робко подумал Брейс.

Эхо отозвалось...

«Ольга, ты где?..»

«Живая. А ты где?»

«Я пришёл за тобой. Как тебя найти?»

«Не знаю, где я...»

Все начали мысленно перебивать друг друга, стараясь найти решение: как выйти отсюда, как найти Ольгу и потом уйти?

«Олан говорит: надо прикоснуться к стене. Это телекоммуникационный портал. Мы можем связаться с каждым, о ком подумаем. Только недолго...», – озвучила Вета.

Борис прикоснулся первым. Его рука в соприкосновении с гладкой поверхностью стены излучила синеватый цвет, яркий, но приятный глазу. Как только рука оторвалась, свечение исчезло. Он прикоснулся снова и призвал Пола Уитмена отдать ему Ольгу.

«Бери, если сможешь...», – ответил призрак Пола.

«Где она?»

«Перед тобой...».

Все переглянулись, поскольку странный диалог оказался доступен всем присутствующим. Откуда-то текли мысли людей, находящихся не в данной комнате, созданной неизвестными людьми (или гуманоидами) по неизвестной науке технологии. Телепатия здесь была общим местом. Интересно, сохранится ли эта способность при выходе отсюда?

«Да, именно так Пол обрёл способности читать мысли. Только не так явно, как здесь», – разъяснил Олан через Светлану.

«Значит, Пол был здесь и работал?»

«Он и сейчас здесь. Он видит вас», – отозвалось невидимое эхо.

«Что ты хочешь взамен?» – начал торги Брейс.

«У нас с вами ситуация «глухой пат». Мне уже не выйти отсюда без вас. Силы неравны. Скоро ваши люди наверху позовут подкрепление. Возможны два варианта. Один – мы все останемся здесь навсегда. Второй – мы все выйдем отсюда. Но у меня есть условие. Вы не будете меня преследовать».

«У тебя есть способ сделать первый вариант?»

«Я дам одну команду, и здесь всё будет залито «гремучей смесью».

«Понятно. Мы берём второй вариант».

«Я не согласен», – вмешался полковник Колечко, – «Пол – преступник. Я должен отдать его под суд».

«Здесь ваши законы не работают. Они вообще нигде не работают. Законы придумали для баранов, чтобы они не бродили в разные стороны. Для Мирового Правительства нет земных законов. Мы никогда не проигрываем!», – высокомерно ответил Пол.

Матвей Иванович не удивился тому, что сказал шпион, но ему показалось странным, что ответ преступника не возбудил его, не разозлил, не ущемил самолюбия. Вот она – ключевая фигура речи: самолюбие, гордыня. А здесь её нет. Куда делась? Другие тоже услышали это и поняли, что у всех произошли изменения с моральными принципами. Может, попробовать инициировать гнев?

Борис поднатужился, ведь у него было больше всего злости в отношении Пола. Но, увы, глухо. Ничего негативного.

«Комната гасит пороки. Здесь полная гармония чувств. Синхронизация коллективного разума», – просветила всех дочь профессора Знаменского.

«Выходи, Пол. Мы тебя не тронем. Гарантируем неприкосновенность и полный иммунитет. Верни нам Ольгу. Зачем она тебе?» – подытожил дипломатические переговоры Куратор.

«Я хотел уйти в неё, родиться в ней. Ола – идеальная кандидатура».

«Зачем тебе эмбрион? Ты устал жить?» – последовал вопрос Полу.

«Я хочу жить вечно. Но сейчас мне пора перейти на новый этап. Еще тридцать лет здесь будет царить хаос. Надо переждать и обновить генетику», – откровенничал Пол через виртуальный портал мыслей.

«Не верьте ему...», – отозвалась Ольга откуда-то из небытия.

«Нет. Мы поверим. Дадим слово. Слово чести», – отрапортовал Брейс.

Он старался теперь не думать ничего лишнего, как в детской игре с правилом «не думать об обезьяне», но шаловливые мысли залетали в голову, как пчёлы в улей. Он намеревался обыграть Пола. Однако в странной комнате «громких мыслей» было невозможно утаить свои намерения. Поэтому лучше думать открыто. Борис посчитал, сколько людей сейчас находится в аномальной зоне. У Пола – четверо, при этом одна женщина и не из его команды, а их вместе с лётчиком – 9 человек. Правда, трое на поверхности, а шестеро в подземелье. В сумме количество людей, оказавшихся здесь и сейчас в ясную морозную ночь с 6-го на 7-е ноября, составило 13 – чёртову дюжину, 6+7. Такое странное стечение цифр, сухость невероятных совпадений, прозрение, явленное в телепатической комнате, вывернуло панику наизнанку. Появилась полная уверенность в том, что на самом деле всё предельно просто, как открытие ларчика.

Эта последняя идея напомнила Борису о его способности создавать наипростейшие пароли, лежащие на поверхности, и он громко подумал: «Сим, Сим – откройся!». Зеркально серые стены задвигались, отражая в своих гранях изумленные лица гостей, сложились гармошкой, и взгляду охотников за чудесами открылась та самая «операционная», в которой без движения возлежала «спящая красавица» – Ольга.

ГЛАВА 14. ЛЕТАРГИЯ

«Сегодня должно случиться нечто такое, перед чем померкнут все предыдущие события», – решила Астра, восприняв свою собственную мысль как информацию из будущего. Для неё то, что должно свершиться, уже приняло наличное бытие, поскольку она путала не только сон и явь, но и временные интервалы. Прошое, настоящее и будущее для неё были суть едины, как если бы её душа пребывала в четвёртом (пятом...) измерении. Так, скорее всего, и было, поэтому она и не стояла твёрдо на ногах в настоящем, а «висела» над временем в своей обречённой неспособности обрести земное счастье.

Они с Кэт ехали в Центр Реконструкции Будущего по зову Куратора. Автомобиль вёл её родной брат Анатолий Зимин, ни сном, ни духом не подозревающий о своём родстве, как собственно и сама Астра, именующая себя Анастасией Волгиной. Ехали не быстро и не медленно, а хорошо и спокойно, поскольку дорога была незагруженной, как в летние и осенние дни, а почти пустой. Въехав в лесной массив, они двигались по извилистой дороге вдоль высокого берега Енисея, изумляясь красоте природы, едва тронутой Снежной Королевой Сибири. В этот день – 6 ноября всё было особенно остро: иссиня белые снега и чёрные ели, проступающие скелетами на фоне больших скалистых «кораблей», будто бы потерпевших крушение. В этой сказочной фантазмагии было что-то ирреальное, мистическое, и даже воздух казался скрипящим от бриллиантового свечения свежего снежного покрова. Астра наслаждалась поездкой и жаждала скорее вернуться домой, войти в свою комнату и предаться мечтаньям. Она очень беспокоилась, куда же делась Ольга Григорьевна, заменившая ей мать, но интуиция подсказывала, что ничего страшного с ней не случится. Здесь что-то другое – иное, с чем она пока не могла разобраться, но чувствовала неприятный металлический вкус измены – не по своей воле.

– Астра, пить хочешь? Может быть, ты голодна? У меня есть сырная лепешка и йогурт, – заботливо спросила её Катерина, занявшая по праву старшей первое кресло рядом с водителем.

– Я не хочу есть. Хочу ехать – долго, долго, чтобы дорога не кончалась, – противореча собственному желанию окунуться с тёплой постельку, пропела Астра.

– Мы и так едем уже пятый час, через два часа прибудем. Скоро темнеть начнёт. Надо бы перекусить. Я голодна, как волк, а ты Толик? – спросила Кэт.

– Волк... Они как раз таки здесь водятся, – бросил насмешливую реплику водитель, – мы со сватом охотились прошлую зиму на голодных волков. Раньше не было, а теперь появились. Откуда взялись? Не было печали. Говорят, здешних кур и собак всех перегрызли. Беда одна...

– Это реакция живого мира на то, что делает человек, – прокомментировала Астра, – человек нарушил и пространство и среду обитания, животные решили делать то же самое. Теперь они будут являться в города и посёлки, как беженцы, которые считают, что их должны накормить и приютить.

– С чего это они так считают? Они вообще ничего не могут считать. Люди сами развратили животных. Создали для них кормовую базу в виде помоек и мусорных полигонов, а раз есть, что есть, то вот они и лезут. Не охотятся, как раньше, а паразитируют на человеческих ошибках. Не надо было разводить помойки, – резюмировал склонный к практицизму Анатолий.

Начало быстро темнеть. Астра на заднем сиденье стихла и задремала. Катерина обернулась к ней и вздохнула: «Спит наша девочка. Устала...».

– Откуда она такая? – с любопытством спросил водитель.

– Какая – такая?

– Ну, не от мира сего.

– Она особенная, и мы её очень ценим. Видит во сне явь, потом рассказывает, как будто это было или будет на самом деле.

– У меня сестрёнка такая была. Пропала – лет 13 назад. Тоже сны видела. Над ней все смеялись, а я её понимал. Она только мне эти сны потом рассказывала, как сказки. Расскажет такую сказку, а потом всё и сбудется. Я часто спрашивал сестру, какое принять решение. Она подсказывала. Мать её очень любила, только вот умерла от тяжелой болезни, а потом и Настя пропала. Мы долго её искали, не нашли. Так вот месяца два назад меня вызвали на допрос в полицейский участок. Спрашивали, когда и как сестра убежала из дому, мол, нашли одну такую девушку, по возрасту, значит, подходит. Может, она?

– А потом, что потом? – настороженно спросила Кэт, сердце её защемило от тревоги.

– Больше не звонили. Сказали, что ищут подтверждение, найдут – позовут. Сестра тоже Настей была, тезка, значит, вашей красавице. Звала меня Тодиком: Тодик, да Тодик, – Толик, значит... Я её очень любил.

– Тодик!..

Кэт и Анатолий разом обернулись назад. Астра проснулась и достаточно громко назвала это имя – прозвище. В один миг у водителя сложилось «до-

мино судьбы». Один взгляд на портрет маменьки, приклеенный на панель рядом с рулем, второй – в отражение водительского зеркала, в контуре которого красовалось молодое материнское лицо, столь похожее на неё в шапочке и при неярком освещении сумерек, и всё оборвалось, как с обрыва! Волна братской крови захлестнула сердце, сбив сердечный ритм: импульс озарения сострил злую шутку. Уши заложило небесным рёвом. Казалось, небо грохочет, подражая эхом голосу Бога. Именно в эту минуту над ними низко пролетел вертолёт Пола Уитмена. Анатолию стало плохо с сердцем. Но и это еще не всё. Дороги в ноябре коварны затаенными сквернами, когда на гладкую ледяную поверхность насыпается пушистый снежок, запорашивая опасную наледь. Именно на такую «мину» налетел Зимин в момент прозрения о своей найденной сестре под рёв вертолёта.

Автомобиль закрутило с заносом и вынесло с дороги в лобовое столкновение с крепким кедром. На всё про всё потребовалось не более 30 секунд. В моменты катастроф время ирреально растяжимо. Анатолий за эти резиновые миги успел прокрутить всю свою жизнь назад до момента исчезновения Настеи. На автомате успел также совершить некое чудо водительского мастерства, резко снижая скорость. Бампер, конечно, придётся поменять, но в итоге все должны были отделаться легким испугом. Все, кроме Анастасии...

Кэт очнулась первой. Вылезла со своего места, проверила пульс Анатолия – жив! Потом попыталась открыть заднюю дверь, но её заклинило, а сам автомобиль сильно накренился в ту сторону, где сидела Астра. Чтобы добраться до неё, надо либо поднять и выровнять автомобиль, либо подлезть к ней с первого ряда во второй, что она и сделала. Девушка лежала на боку и не двигалась. Во время поездки она всё время смотрела в окно, прилипая лбом к стеклу, и удар пришелся в лоб. Получился небольшой кровоподтёк, будет, конечно, здоровая шишка, слегка прижато плечо, но в целом больше никаких видимых повреждений. Катерина ловко подтянула Астру и вытащила её на первое сиденье. Это было нелегко, ведь сама она чуть ли не на голову ниже сновидицы.

Водитель не подавал никаких признаков пробуждения, пришла очередь и его приводить в чувство. Кэт нашла аптечку, нашатырь, бинты, обезболивающее... Что ещё? Да, нитроглицерин, валидол. Она сделала Анатолию массаж сердца. Он слегка застонал, но тут же получил под язык таблетку. Кэт начала рвать телефоны, чтобы дозвониться до Скорой помощи, полиции, до Куратора, наконец. Но, увы, все три мобильника предательски молчали. Здесь была зона «вне доступа». Нет, надо же – как повезло! На улице катастрофически быстро темнеет, никаких

фонарей, холод страшный. Но, ничего, Кэт смелая, спортивная, выносливая, к тому же прекрасно водит машину. Теперь осталось только столкнуть Анатолия с места и как-нибудь пересадить его назад. В курточке на синтетическом «меху» стало холодно. Никто не предполагал, что понадобятся шуба и валенки, да и пуховые рукавички не помешали бы. Провозившись так минут двадцать, Кэт в отчаянии чуть не взвыла! Она стала понимать весь ужас своего положения. Анатолий в отрубке, Астра в обмороке, они могут просто замерзнуть здесь, и она их никак не согреет, потому что сама дрожит от страха и холода. Все-таки привык человек цивилизованный к тепличным условиям.

Маслова стала лихорадочно вспоминать, как выживают охотники в лесу. Они разводят костёр. Во-первых, это тепло, во-вторых – светло, в-третьих – это работает как сигнальный огонь. Авось, кто-нибудь, да увидит. Если бы всё это случилось месяц-два назад, когда в лесу полно грибников, рыбаков, машин, было бы не так страшно. Но в эту пору, в ноябре, вечером в воскресенье в такой мороз вряд ли кто проедет мимо. Кэт вытащила Анатолия на снег и попыталась завести автомобиль. Глухо! А это еще один повод к панике. Теперь даже не согреться. Но, кажется, товарищ Зимин зашевелился, начал оживать. Она помогла ему привстать и снова усадила на сиденье. Он уже немного соображал и первым делом спросил: «Что с Настей? Она в порядке?»

– Не знаю, дышит, но в обмороке, хотя видимых повреждений нет. Да ты сам посмотри за ней. Приложи к ноздрям вот эту ватку с нашатырем и погрей её. А я попробую разжечь костер. Пойду за ветками. Бензин сольём. А зажигалка у тебя есть? Как-нибудь продержимся, а через час, максимум два – нас найдут, – ответила Катерина Сергеевна и решительно пошла вглубь леса, чтобы собрать дрова для розжига. Если бы не сердечный приступ, им с Анатолием надо было бы поменяться ролями, но так уж случилось, что мужик оказался сердцем слаб. Она подозревала микроинфаркт. Все линии малых вероятностей сошлись в одной точке, и эта точка оказалась самой недоступной для цивилизованного мира.

Молодая женщина отчаянно ломала сухие ветки елей и сосен, с трудом сдерживая нервную дрожь. Углубилась метров на 300 в лес. В наступившей тёмной тишине отчётливо слышала своё дыхание и хруст веток. Когда набралась целая охапка хворосту, Катерина решила связать её шарфом, чтобы легче было нести. Справившись с несложным делом, она повернула было назад, но тут за деревьями мелькнули дикие глаза зверя. Женщина замерла, сжимая в руке фонарик. Навела поток света в сторону, откуда горели чьи-то зрачки зверя, но того и след простыл. «Убежал, наверное...», – с облегчением подумала Кэт о волке, поскольку другой версии после рассказов

Анатолия у неё не было. Она взвалила на себя вязанку и повернула к автомобилю, освещая дорогу назад, чтобы не потерять следы. Ноги сами подкашивались, не то от страха, не то от холода. Через несколько шагов тень животного снова мелькнула перед ней, отрезая путь назад. Благо, у неё с собой был тот самый травматический пистолет, которым Ольга чуть не застрелила Пола в то злополучное утро после конференции. Впоследствии она отдала оружие подруге – от греха подальше, вот оно и пригодилось. Теперь Катерина, сбросив ношу, попыталась найти цель, но волк сам себя обнаружил, бросился навстречу с рыком, обнажив клыки. Кэт выстрелила – почти наугад. Зверь завыл, как подбитая собака, жалобно и сиротливо, и с воем отполз куда-то в темноту. Видимо, ранен. Не помня себя, Маслова добежала до машины, забыв про хворост, и единственным её желанием было скорее спрятаться внутри автомобиля. Однако этого делать не пришлось. Анатолий уже пришёл в себя и возился под капотом. Услышав выстрел, он схватил огромный гвоздодёр, путешествующий с ним на всякий такой случай, и стоял наготове к бою.

– Там – волки! Надо сесть в машину и закрыть двери. Сколько-то продержимся, а потом нас найдут. Обязательно найдут, – на автопилоте проговорила Катерина, – Как там Астри?

– Пока без сознания, надо бы врача ей – срочно! Попробую завестись, – относительно спокойно ответил водитель, – Какие волки? Собака голодная прибилась. Волков-то перебили давно...

Кэт стало легче, она присела рядом с Астрой и попыталась разбудить её. Но, увы, девушка не реагировала на сигналы извне, и это становилось опасным. Потерять Астру по такой страшной глупой случайности в этот день и в этом месте – после стольких перипетий, бегств и спасений, – это казалось невероятным, невозможным, неправильным, несправедливым, наконец. Такое положение вызывает состояние мучительной фрустрации и глубокое чувство вины. Несмотря на отчаяние, Кэт оценивала себя со стороны как психолог и не могла понять, почему именно она попала в такую ситуацию. Куратор не простит ей этого никогда!

Наконец-то Анатолию удалось завести двигатель, но он работал только от аккумулятора. Этого хватит на час-два – не больше. Тем не менее, им удалось согреться в ожидании спасения. И оно пришло! Вадим Игнатьев, отправленный Борисом на поиски пропавших, нашёл их автомобиль в кювете. Радости не было границ! На руках здоровый мужик перенес Астру в кураторский автомобиль и уложил её на заднем сиденье в удобной позе. Кэт села впереди. Вадиму удалось прицепить раненое авто к своему джипу, Анатолий сел за руль, и они осторожно доехали до ЦРБ – ещё несколько километров. По дороге обсудили свои приключения, отход коман-

ды Куратора в подземелье вместе с полковником Колечко в поисках Ольги. Но всех волновало одно: дотянет ли Астри до оказания ей медицинской помощи? Как только появилась связь, Кэт связалась с профессором Знаменским и объяснила ему суть проблемы, чтобы он заранее готовил реанимацию. По всем признакам, это кома. Насколько она глубокая – покажет обследование.

По приезду Астру сразу же поместили в реанимационную палату, где только что лежал, отходя от изуверских опытов Пола, Иван Забродин. Он уже достаточно хорошо себя чувствовал и готов был принять участие в судьбе Астры. Профессор же монополизировал свою функцию реанимации и жестко отверг участие Магды и Забродина, полагаясь на проверенные научные методы. Потом он об этом будет горько сожалеть, но в данный момент действовал, как одержимый. Ему надо было спасти девушку, чего бы это ни стоило. Астри – это не только эксклюзивный живой экземпляр, единственный в своем роде, но и готовый продукт его собственных научных изысканий, плод многолетних трудов. И это не просто молодая особа, а хорошо обученная торпеда с внедренным в мозг уникальным чипом, адаптированным к экспериментальной аппаратуре, носительница информации из будущего, которая так необходима человечеству в поисках единственного правильного пути дальнейшего развития.

Он думал только об этом, забывая, что Астри – человек со сложной несчастной судьбой, нереализованная женщина, так и не познавшая любви, чистая неприкосновенная душа, притягательная для искушений Дьявола. Она была интересна во всех смыслах, но только не в плане человеческого бытия. Знаменский один, кто был против того, чтобы срывать Астру с проекта и адаптировать её к нормальной жизни. Он понимал, что это невозможно. Она создана в Лаборатории для науки во благо человечества. И теперь он злорадно радовался сорвавшимся попыткам сделать из Астры обычного человека.

В отсутствие Бориса, пытавшего к Астре нежные чувства, Ольги с её обострившимся материнским инстинктом (он еще не знал, что было причиной этому), Александр Павлович почувствовал себя Богом. Теперь Она была в его власти. В присутствии испуганной Кэт, у которой все желания свелись в одну точку – спасти человека, профессор начал незамедлительно действовать. С профессиональной точки зрения, он превзошёл себя. Астру вернули к жизни, но из состояния комы она плавно перешла в глубокий летаргический сон, который уже вполне совместим с жизнью, если так можно назвать это бессознательное состояние. Для Астры оно и было жизнью. Девушка пребывала в полноценно оснащенном коконе жизнеобеспечения, и могла бы пролежать так долгие годы. Катерина помогала профес-

сору в роли ассистентки, но результат её не устроил. Когда все процедуры были завершены до стадии стабильности, они вышли из Реанимации, встретив на пороге Ивана и встревоженную Магду.

– Ну, шо? Как там Настенька? Очнулась, жить будет? – ревниво спросила ведунья.

– Всё стабильно. Она спит.

– Летаргия у неё, летаргия. Навсегда уснула наша касатка... – простонала Магда, выкатывая из огромных глаз виноградные слезы.

– Почему ты так думаешь? – спросила Кэт, – Откуда знаешь?

– Так вот Михалыч наш видел, что душа её упорхнула, як птичка-невеличка в далёкие края...

– Иван Михайлович! Скажите, что Вы видели? – настойчиво попросила Кэт.

– Магда правду говорит. Душа ушла во тьму, поплутала и ушла, устремилась к истокам!

– Она же не умерла, что ж ты такое говоришь? Посмотри, сердце работает, дыхание ровное. Мы её реанимируем. Скоро она очнётся. И ты нам в этом поможешь. Я видела, как ты её откачал тогда после путешествия с Камой. Если через два дня никакой динамики не будет, то попробуем твоими методами, а пока – ждём! Надеемся, верим.

– Она не вернется, – издал окончательный вердикт Забродин, – И не надо спешить. Её душа не стремится назад. Это её выбор, её воля, а тело – свободный сосуд. Полежит, пока кто-то не влетит в него.

– Как это – не влетит? А кто может влететь?

– Сама узнаешь, – Олан больше не хотел продолжать этот диалог, чувствуя, что Катерина Сергеевна не готова к информации такого рода, не включена в посвящение и мыслит категориями обученной куклы. Вот Магда, та – да! Она как будто поняла этот расклад и с поджатыми губками повезла Забродину в его палату, бормоча под нос не то мантры, не то молитвы.

Знаменский всё это время стоял возле окна, глядя в темноту, и почти не слышал разговора. Но ему этого было и не надо. Он тоже знал, что Астры больше нет, и не будет. Чувствуя невидимую связь с Оланом, мог предположить, как он мыслит и что говорит. Ведь именно Олан выбрал его для контакта, именно ему внедрил «синий шарик» в руку и вторгался в мысли по телепатическим каналам связи! Возможно, для того, чтобы сломать внутренний код профессионала, вывести его из эгрегора научной медицины и психиатрии, сохранить как личность, думающую, творческую. Разобрать на части его неверие в чудеса, доказать обратное, приблизить к истине. Мысли одолевали Знаменского, а в душе поселилась едкая совесть, разъедающая клетки мозга до уровня саморазрушения.

Анатолий Зимин, получивший медицинскую помощь, лежал в палате и плакал. Он винил себя в

том, что не смог удержать автомобиль, и теперь его родная сестрёнка, пропавшая много лет назад, и вот уже найденная и обретенная лежит в коме и, может быть, умрёт, так и не познав братца, да и других многочисленных родственников, коих наберётся, если посчитать, на маленькую деревню. Знаменский подошёл к нему, присел, сжал руку, сильно, по-мужски, постарался утешить, обещал, что сделает всё возможное и невозможное, чтобы вернуть Анастасию к жизни.

– А что она тут у вас делала? Как жила? – успокоившись, спросил Анатолий.

– Она здесь работала и была очень важной персоной.

– Вы, наверное, изучали её сны, записывали? Что она говорила?

– Ты всё узнаешь – со временем, а теперь – спать! – приказал профессор, заведомо зная, что от снотворного не убежишь, и оно уже начало действовать. Катерине он тоже дал успокоительное средство, чтобы она немного отдохнула от стресса. Однако подсознательно Знаменский хотел, чтобы в этот вечер все окружающие его любопытные коллеги уснули и не помешали ему совершить некое действие с Астрой.

Когда девушку отправляли в город для социальной адаптации, микрочип, внедренный в затылочную часть её мозга, продолжал действовать, но без трансляции на Тор. Он заряжался от тепловой энергии тела и имел достаточно вместительную память, чтобы сохранить все сны Астры, которые она видела вне Лаборатории. Фактически это было продолжение эксперимента, но в пассивной фазе – без давления и уроков, заданий и отчётов о проделанной работе. Это было согласованное командой решение, мол, убрать чип всегда успеем, а вдруг потом окажется, что свободные сны принесут более интересные результаты. Знаменский испытывал нестерпимый зуд познания и хотел добраться до чипа, чтобы подключить его к аппаратуре, увидеть то, что было скрыто все эти дни и недели, скачать, расшифровать и так далее. Опять же, подсознательно он искал что-то иное, но что? Профессор ходил из угла в угол и думал, как объяснить Борису и Арону своё решение об удалении чипа? Он понимал, что без решения Совета это равносильно преступлению, команда может не простить. Но почему нельзя подождать, пока все не вернуться? И всё-таки, полагаясь на своё чутьё, профессор решил сделать это незамедлительно.

Для несложной процедуры ассистент не требовался. Небольшой надрез в затылочной части головы, ловкий зацеп пинцетом, и вот он – уникальный чип размером с булавочную головку с многочисленными «усиками» из биоматериала, которые сами распределялись по коре головного мозга, индуцируя биометрические сигналы. «Усики» (щупы)

разрослись до нескольких сантиметров. Через год они покрыли бы всю кору тончайшей сеткой, от которой не спряталась бы ни одна сознательная или бессознательная мысль Астры, ни один образ. Чип представлял собой микрокомпьютер, с одной единственной функцией оцифровки видеоматериалов. Щупы запрограммированы на поиск нейронов, отвечающих за воспроизведение зрительных образов. Это было новейшее изобретение Арона совместно со Знаменским, в котором впервые интегрировались информационные, нано и биотехнологии (рост «усиков» был как раз из области нанотехнологий). По факту они создали нейронный интерфейс, но так и успели, как следует насладиться его работой. Профессор надеялся, что, удалив чип, он получит измененное состояние Астры, и она наконец-то проснётся. Он очень хотел окончательно спасти уже спасённую диву.

Знаменский промыл чип и подергал «усики». Ничего, крепкие, как нейлоновые нити. Теперь он понял, что это был опасный эксперимент, ведь никто не мог предположить, что «живые щупы» будут расти так быстро, как растёт ядовитый плющ, обвивая материнское растение. Хорошо, что они крепкие и не оставили за собой хвостов и клеток, а то, неровен час, начнут расти снова, образуют опухоль...

Профессор тщательно замаскировал след от надреза, применив свою новую технологию сращивания швов с помощью энергетической спирали – прибора, напоминающего паяльник, который продуцирует концентрированное биополе (аналогичным образом экстрагенсы лечат больных). Профессор с упоением наблюдал, как срачивается маленькая ранка на затылке у Астры. Пять минут – и нет никакого чипа!

Далее было дело техники – подключить чип к персональному Тору Астры и просмотреть, что там накопилось за эти месяцы её отсутствия в Лаборатории.

ГЛАВА 15. АДСКАЯ НОЧЬ

Пол Уитмен доставил Ольгу на вертолёте в свою подземную лабораторию, чтобы свершить великую миссию. Их сопровождал помощник Чарли, тот самый лакей, который встречал Ольгу с английской манерой чопорности и покорности во время её первого визита к американскому резиденту. Пол воспитывал Чарли с детских лет его, взяв из приюта Святой Девы Марии в свой дом, как приёмного сына, обещая ему не только манны небесные в виде капиталов, но и новую жизнь в молодом теле, что было для него особенно важно вследствие генетической деформации – прогерии (ускоренного старения). Чарли был и сыном, и лакеем, и свидетелем третьего перевоплощения Пола. В его верности не было сомнений.

Теперь он должен выполнить последние директории своего отца-хозяина и ровно в полночь ввести код последнего перевоплощения Пола.

Пол готовился свершить чудо перемещения своей дьявольской души в чистый плод будущего ребенка Ольги. Все предварительные процедуры были пройдены. Носительница эмбриона, лежала в состоянии погружения – не то сна, не то прострации – в некоем промежутке между сном и бодрствованием, которое психологи называют фазой контролируемого сна. Она слышала, понимала, что происходит вокруг, но не могла шевельнуться, как будто её сковал паралич. Рядом с Ольгой стоял Адаптер, излучающий мягкий голубой свет. Он пульсировал в спящем режиме, как будто ждал сигнала действовать дальше. Пол мог бы найти другое подходящее местоположение для своей души, но хотел именно Ольгу, и со свойственной ему одержимостью и педантизмом не мог допустить, чтобы плод заняла другая душа. Далее он намеревался синхронизироваться с душой Ольги и беспрепятственно перенестись в чистый зародыш женского организма. И это свершалось бы впервые в обозримой истории человечества!

Команда Куратора явилась из телепатической комнаты как раз в тот самый момент, когда душа Пола Уитмена уже находилась в Адаптере. Но даже в страшном сне он не мог представить, что в его лаборатории окажутся незваные гости – в самый ответственный момент. Не знал он и того, что полное управление Адаптером возможно при наличии биометрического ключа, который Олан передал Арону. Адаптер – гигантский аналоговый компьютер с максимальным числом вариаций многомерных образов, работает аналогично мозгу. И у него, как у всякого суперкомпьютера, есть разные пульта управления (или влияния). Один из них Забродин положил в карман рубашки, и нашёл его только по возвращении в ЦРБ.

Люди, внезапно вышедшие из стены, нисколько не удивили Пола, вернее, его туловище. Оно не реагировало. Внешне это выглядело так: Пол крутился в своём кресле, тупо перебирая кнопки клавиатуры, и устало смотрел в экран монитора. Он остался один – без охраны и сопровождающих его лиц (они уже успели ретироваться по запасному выходу).

Светлана поймала сигнал Олана, требуя немедленно наложить бляшку ключа на Адаптер и «закрыть» его. Она убедительно посмотрела в сторону Арона, крепко сжимающего в кулаке серебристый жетон. Повинуясь команде, Арон медленно подошёл к Адаптеру и приставил к нему сверху секретный «ключ», который жёг ему руку. Жетон выплыл из его руки и завис над прибором на две-три секунды, как будто считывая его. Потом он закрутился против часовой стрелки и плавно опустился на Адаптер, фактически сливаясь с его формой. Адаптер пере-

стал пульсировать и погас. Все заметили, что никаких следов сочленения жетона с основным телом прибора не было. Борис сразу же подумал о том, как потом отделить ключ от прибора, чтобы снова воспользоваться его услугами. Когда Адаптер перестал пульсировать, Ольга очнулась и резко подняла голову. Борис и Светлана бросились к ней, чтобы помочь встать на ноги. Шилов и Колечко, не перемигиваясь и не договариваясь, а повинувшись офицерскому долгу, двинулись искать соратников Пола в лабиринтах лаборатории. Однако их и след простыл. Чарли с вертолётчиком-охранником покинул лабораторию, следуя плану «Б». Это была запасная директива на случай, если случится что-то непредвиденное. Однако и в этой версии, и в любой другой они должны были забрать с собой секретный Адаптер. Помощник Пола самоотверженно проделал все процедуры, решил, что дело завершено, и душа Пола уже переместилась в тело женщины, которую он хотел иметь своей матерью. Отвоёвывать «пустой» Адаптер в неравной борьбе ему не приходило и в голову, весьма к тому же бездарную и способную только на исполнение актов преданности и раболепства. Так душа Пола – великого и ужасного – оказалась запертой в Адаптере на веки вечные.

Арон изучал показания приборов и сканировал информацию на свой персональный Тор, а Борис искал выход из подземелья, отчетливо понимая, что сподвижники Пола вышли своим путём. Выйти из «операционной» через скрытые в стене двери невозможно: плавающая стена ведет в тайную телепатическую комнату, а оттуда обратный путь может быть заблокирован. Они видели, как «потолок» там закрылся, и они вряд ли попадут в лифт. Должен быть другой выход – прямо на лифтовую площадку.

Матвей Иванович, внимательно осмотрев лабораторию, вернулся и приблизился к господину Уитмену. Теперь его миссия завершена, он поймал опасного преступника, шпиона, убийцу и похитителя людей (это надо будет ещё доказать!). С удовлетворением завершённого дела он достал наручники и с достоинством произнес:

– Господин Пол Уитмен, Вы арестованы, прошу ваши руки.

Пол вяло повиновался полковнику.

То, ради чего он жил, к чему стремился, оказалось ловушкой. Теперь его тело будет существовать, как это бывает в обычной жизни примитивных существ. При этом его мозг сохранит склад информации, как обычный архив, и та часть программы, которая отвечает за функционирование туловища, будет работать автономно. Так любой человек с младенчества, да что там говорить, – с самого зачатия – имеет такую программу системного обеспечения, как и любой компьютер, в котором есть базовые программы, обслуживающие

собственно систему, с одной стороны, и информация, внесенная в память компьютера, аналогичная душе человека, – с другой.

Пол остался без души. Какие это будет иметь последствия для него лично – проявится позже, однако офицеры даже и не подозревали, что взяли уже пустое туловище. Главное – факт наличия подозреваемого субъекта для составления протокола. Шилов, правда, отказался от славы и отдал всё на откуп полковнику полиции.

Команда Куратора торопилась быстро вернуться назад. Проблема поиска выхода решилась просто. Уитмен на автомате сам пошёл в нужную сторону, плечом нажал какой-то рычаг и открыл двери небольшого лифта, рассчитанного на 3-4-х человек. Двумя группами весь народ выехал на поверхность, прихватив с собой Адаптер. Но возникла новая проблема: как всем уместиться на вертолёте? Теперь их стало на два человека больше. Вертолёт Уитмена оставил его на произвол судьбы. Ольгу и Светлану надо взять на борт в первую очередь, ну, и кого-то из мужчин. Ясно, что этим мужчиной оказался Брусилов, не способный оторваться от Ольги и пережившей сильный стресс. Ему хотелось скорее покинуть это странное место и больше никогда не возвращаться сюда, несмотря на удивительное открытие тайной комнаты, где читались мысли прямо из мозга в мозг. Адаптер находился у Арона, и он тоже влез в кабину вертолёта рядом с пилотом. Офицеры вместе с пленным Полом и двумя полицейскими через полчаса дождались возвращения воздушного судна, доставили подполковника Шилова в его команду и только потом покинули территорию ЦРБ. Колечко уже знал о случившемся ЧП на дороге с Астрой и Кэт, и тотчас вызвал «Скорую помощь» для оказания помощи пострадавшим.

Борис Брейс первым делом посетил Астру. Ольга была в относительно порядке и отдыхала у себя в комнате, не желая много говорить, как и все, кто побывал в подземелье. Она потеряла много энергии, и восстановление будет долгим. Брусилов не мог понять, как могло так случиться, что супруга уже в третий раз оказалась в цепких лапах охотника за душами, хотя в общих чертах он всё это знал от Кэт. Сейчас Ольге надо отдохнуть, а завтра... будет завтра. А сейчас – Астра.

Профессор Знаменский встретил Брусилова и коллег несколько отстраненно и вёл себя, как обиженный школьник, который выучил урок, а его не спросили. Брусилов решил, что коллега ревностно отнёсся к тому, что его не взяли на борт в лабиринты подземной лаборатории, а предпочли его дочь, уровень компетенции которой отец оценивал как весьма стандартный. Александр Павлович утешал себя тем, что оказался нужнее здесь, ведь без его помощи было бы сложно помочь пострадавшим в

дорожно-транспортном происшествии. Особенно остро в помощи нуждалась Астра. На самом деле Знаменский только изображал обиду, чтобы скрыть вину за содеянное самоуправство с удалением чипа.

Куратор опасался, что Астра слишком долго пролежит в состоянии летаргического сна, что само по себе для неё очень опасно. Она неоднократно подвергалась астральным атакам тёмных сил, и могла однажды не вернуться в реальность. Первой его идеей было активизировать чип и посмотреть, где витает душа Астры. Профессор Знаменский в ответ на его просьбу долго молчал, смотрел на часы,ковырялся в компьютере и не знал, как сказать правду. В принципе, чип можно подключить автономно, но это уже будет прошлое состояние, а не on-line. В этот момент Брусилову позвонили, он снял трубку.

– «Скорою» вызывали? Мы будем через 3 часа, ехать долго. Найдём вас по навигатору, а вы нас подстрахуете. И ответьте нам на несколько вопросов...

Борис не пресёк заботу полковника Колечко, который отправил в Центр медицинскую карету системы МВД, и теперь, недовольный инициативой полковника, машинально отвечал на вопросы, путаясь в деталях. Астра ни разу не подвергалась официальному медицинскому осмотру. Он мог бы отказаться от помощи, ну, а вдруг что случится? Тогда вся ответственность ляжет на него. Да и кто знает, может быть, в этом случае лучше довериться традиционным врачам, нежели целителям – Магде или Олану? В любом случае, это риски. Пусть попробует медицина, а потом, если ничего не получится, – подключить «чудо». Примерно так думал Куратор, рассчитывая получить информацию с чипа до визита «скорой». Знаменский тем временем перенёс всё необходимое оборудование из апартаментов Астры в Реанимацию, подключил Тор к чипу, датчики – к голове Астры, имитируя факт наличия чипа у неё в голове. Он знал, что чип покажет какую-то картинку, а таймер можно и подкрутить – для верности, что он и сделал.

И вот, наконец-то чип был подключен и начал трансляцию. На просмотре присутствовал и Збродин. Он едва доковылял до Реанимации, где возлежало тело Астры. Ему было трудно ходить, долгое время он пребывал на планете с легкой гравитацией, а потом, неизвестно сколько, лежал в подземной лаборатории Пола. Арон рулил просмотром, пропуская картинки снов до аварии. Это были обычные эпизоды из ближайшего будущего, где всё ещё царствовал Золотой телец и его системная диктатура. Иногда через сны Астры прорывался образ сестры-близнеца. Они были очень похожи внешне, но внутренняя сущность сестры проглядывала в тех же чертах лица совершенно иначе, – более агрессивно, обиженно, что ли? Чем ближе был час аварии, тем чаще появлялась та, у которой не было даже име-

ни. И вот они – последние эпизоды, когда случился удар, и Астра потеряла сознание. Все замерли у мониторов, затаив дыхание. Если все прежние образы шли чередой бессистемно и как бы сквозь пелену, то теперь они стали яркими, как хорошее кино с высоким разрешением картинки. Душа Астры взлетела высоко, так высоко, что стали видны звёзды в незнакомой конфигурации их расположения. Там были яркие солнца, голубые и красные, с ободками и без них, реяли туманности и рассыпчатые гирлянды астероидов. Очевидно, что Астра вознеслась до космических уровней, но зачем – неужели это смерть? И вот он – зигзагообразный поворот в сторону Солнечной системы, Земли, малой земли... Как планета в системе Google-Земля, карта местности приближается, и вот, пропуская некоторые детали ландшафта на экране всплывает лицо... Ольги. Остальная часть тела несколько затуманена, она будто бы в тумане, но лицо видно отчётливо. Кажется, она лежит на поверхности, до деталей напоминающей операционный стол в лаборатории Пола. Всё происходит беззвучно, как в немом кино. Тишину прерывает Олан:

– «Немон» работает. Пошла наша касатка к матушке...

В этот момент Ольга резко поднялась до пояса, открыла глаза. Это был последний кадр с чипа. Только что, полтора часа назад Борис видел это своими глазами. Но далее происходит нечто из области фантастики. Все наблюдают удивительную картину переливания радужных уровней от фиолетового до красного в форме концентрических окружностей, уплывающих с переднего плана на задний фон. Они создают иллюзию живого коридора, быстро темнеют до кровавого, коричневого, потом и черного цвета. Коридор сужается почти до точки на фоне серого, происходит взрыв – салют оранжевого и желтого цветов. Это выглядело как вспыхнувшее на заре солнце, когда открывается гигантское пространство новой жизни, и создается ощущение чего-то большого, огромного, дающего рост и движение. Тут же вспыхивают внутренние пульсары, появляются новые окружности, в сердцевине которых блистает ультрамаринное ядро в золотистой оболочке, пульсирующее аналогично сердечному ритму ещё не рождённого младенца...

Кто из присутствующих понял всё до конца? Конечно, Олан. Какая-то аналогия догадки проплыла и в мозгу профессора. Остальные наблюдали картинки с рисунками, в которых сложно уловить какую-то практическую информацию. И только профессор знал, что весь этот сюжет относится к интервалу с момента удара при аварии до того, как Ольга резко очнулась в подземелье.

Никто не заметил, как у двери появилась Ольга. Она проснулась, хорошо выспалась и выглядела

вполне здоровой. Первым обернулся Борис, за ним и все остальные. Взору предстала Мадонна неземной красоты. Она улыбалась, как Мона Лиза, светло и легко, и в этой улыбке было всё, что должно быть в женщине: красота и тайна. Что-то случилось в ней такое, от чего засветился воздух. Но она молчала. И никто не хотел говорить, едва сдерживая дыхание. Симфония длилась недолго. Ольга в своём кружевном пеньюаре подплыла к Астре и взяла её кисть в свою руку, как будто хотела поблагодарить за что-то. Посмотрела на сенсорные датчики, отметила показания приборов и тихо произнесла:

– Тело без души умирает быстро...

Все всё поняли. Первым очнулся Знаменский.

– Ты уверена? – в ответ молчаливый кивок Ольги.

– Этот сосуд не останется пустым. Будет новая хозяйка, – спокойно заключил Олан.

Дискутировать на эту тему никто не посмел. Слишком велико было напряжение последних суток. Вскоре приехала машина «Скорой помощи» и тело Астры увезли в ведомственный стационар в состоянии летаргического сна. Борис Арнольдович был так потрясён происшедшим, что ему нужно время для осмысления. Провожая Астру, он чувствовал боль потери и жар надежды одновременно.

– Господи! У неё же чип! Они его обнаружат, и нам крышка! – вскричал Брусилов, в отчаянии схватившись за голову.

– Не бойся, коллега. Я об этом подумал и удалил чип заранее!

Борис Брейс с благодарностью посмотрел на друга, и они вместе пошли принять по рюмочке на ночь, чтобы просто заснуть – без сновидений.

Это была та самая ночь с 6-го на 7-е, которая мистическим образом собрала все события в один клубок, где каждый, пройдя через круги Ада, оказался в судьбоносном пространстве на пересечении спиралей времени.

ГЛАВА 16. ЗАСЕКРЕЧЕННОЕ ДЕЛО

По прибытии в город полковник Колечко набрал нужный номер, и, несмотря на поздний час, услышал ответ.

– Генерал Громов, Слушаю.

– Андрей Романович, есть тема. Это касается исключительно Вашего ведомства. Поверьте, по пустякам беспокоить бы не стал. Нашими силами обнаружен...

– Стоп. Не надо говорить. Завтра в полдень у меня. И возьмите пару доков для аргументации, а то у нас тут они версии. Мне известно кое-что по Вашему последнему делу, это интересно.

На запланированный визит к генералу Громову Матвей Иванович Колечко приготовил шикарный штатский костюм, дожидавшийся его год без при-

менения, поскольку в театры он не ходил, а ведомственные праздники встречал только в форме. Он взял с собой заветную синюю папку с материалами о ЦРБ, и, в том числе, несколько фотографий из тайной лаборатории. Фотоизображения фиксировали Ольгу Григорьевну в лежачем виде под приборами, все подсобные и прилегающие комнаты с оборудованием, лифты, и, самое главное, господина Пола Уитмена в компрометирующем его положении. Полный описательный отчет он сделать еще не успел, но ему было, что рассказать. Он нёс информационную «бомбу» и хотел получить за это реальные дивиденды по карьерной линии.

Формально целью визита с его стороны было размежевание общего дела по ведомствам. Похищение человека – это сторона МВД, а остальное пусть берут на себя «серые кардиналы». Колечко не хотел вникать в шпионские страсти и уж, тем более, сторонился всякого рода инопланетных версий, которыми пестрили высказывания участников операции. Да, он был в «телепатической комнате», но великими стараниями убедил себя в том, что это было просто «эхо». Люди говорили тихо, а стены усиливали звуки – вот отсюда и эффект «громких мыслей». Впрочем, об этой комнате он вообще не хотел говорить, чтобы не запутаться и не потерять направление главного вектора. Он взял не просто рядового преступника, а иностранного шпиона, который проводил опыты над людьми. Всё это будет иметь непровержимую доказательную базу, свидетельские показания, факты и... артефакты. К последнему он относил находки команды Брусилова, которые они собрали в старом бункере. Генералу будет интересно.

Колечко немного робел, но не от разницы в званиях, а от знаний. Он знал, кто такой генерал Громов, и чьими стараниями он поставлен курировать сибирский округ России. Это человек Президента – той редкой породы, представители которой говорят тихо, почти шепотом, позволяя себе делать большие паузы и слушать подобострастную тишину подчиненных. А подчиненными у таких государевых слуг были все без исключения. И эти «все» каким-то шестым чувством понимали, как надо себя вести в присутствии уполномоченного лица.

Проникаясь этим пониманием, Колечко немного вспотел, но, сделав вдох-выдох, весьма уверенно вошёл в кабинет Громова. Генерал встал, приветствуя гостя, вышел из-за стола навстречу, застегивая пуговицу пиджака, предложил сесть друг против друга за приставной столик, покрытый темно-зеленым сукном. «Как в старые добрые времена», – подумал полковник и выложил на стол синюю папку. Генерал накрыл кипу документов холёной рукой, отодвинул в сторону и начал проявлять двусмысленный генеральский этикет: вёл себя демократично, даже либерально, но смотрел опаснее острой бритвы. Пол-

ковник напрягся. Он готовился говорить по папке, в которой были нужные слова и фотографии, но генерал не стал слушать его монолог, а начал задавать вопросы.

– Матвей Иванович, Вы уже допросили фигуранта по делу? Если нет, то и не поторопитесь, завтра мы его заберём.

– Господин Уитмен – гражданин США, могут быть осложнения по дипломатической части...

– Это мы берём на себя, не беспокойтесь. Вас ничто не удивляет в его поведении после ареста?

– Мягко говоря, он какой-то вялый, больной, наверно. Подозрительно быстро сдался, без сопротивления. Я был знаком с ним раньше, он был другим.

– Каким же? Опишите его.

– Я не мастер психологических портретов, но свои наблюдения излагаю следующим образом. Этот человек имеет... имел сильный внутренний стержень, такой же, как у воров в законе. Но те шлифуют себя годами в агрессивной среде, а этот – дипломат. Откуда такой дар? Я видел, как он воздействует на людей. Профессионально владеет психологией. И ещё хороший актёр. Быстро перевоплощается, меняет шкурку...

– По каким вопросам он заинтересован был в ЦРБ, зачем Вы его туда рекомендовали?

Полковник покраснел. Не ожидал такого вопроса. Действительно, зачем? Вообще-то его об этом просил губернатор, а на него вышли из консульства. Но как теперь объяснить, что Пол Уитмен хорошо награбил полковника и двух его подчиненных за обеспечение визита в ЦРБ? Деньги были взяты, хвост замаран... Полковник поёжился и ответил, как мог.

– Господина Уитмена рекомендовали органы власти, я не мог отказать. А что он там искал в этом Центре, могу только предположить. Ему нужны были прогнозы. Он хотел взять информацию.

– И Вы этому поспособствовали. Информация о будущем, которая является продуктом нашего российского исследовательского центра прогнозтики, по Вашему мнению, может легко переместиться в базу иностранного агента?

– Я не верю в прогнозы, считаю их ценность сомнительной. Это – во-первых. Во-вторых, никакой опасности от господина Уитмена не было. Он хотел познакомиться с девушкой-ясновидящей, которая, по его мнению, стоит внимания.

– Не оправдывайтесь. Сегодня всё выглядит так, как будто Вы сотрудничали с иностранным шпионом – с учётом собственных интересов, – не стоит думать, что нам ничего не известно про гонорары, – генерал метал гром и молнии монотонным голосом без эмоций.

Полковник был на грани срыва. Он – герой, доставил им редкую птицу с комплексом доказа-

тельств, спас Орлову, раскрыл тайную лабораторию. К чему эти наезды? Значит, им что-то нужно, и они нашли слабое звено, чтобы давить и держать его в состоянии зависимости. Это же Система! Она либо принимает, либо выбрасывает за борт, как мокрую курицу. Матвей Иванович понял, что крутиться бесполезно. Его мечта о генеральских погонах рассеялась туманом страха – не потерять бы свободу...

Генерал понял, что клиент созрел и сменил тактику.

– Оставим это на Вашей совести. Думаю, не стоит напоминать, что теперь это наш процесс. Никаких уголовных дел заводить не надо. Это возбудит общественное мнение, вызовет скандал в иностранной прессе.

– Да, но мой вылет на вертолёте в ЦРБ был зарегистрирован, составлен протокол, арест и прочее...

– Вот именно – в ЦРБ. На том и остановимся. Вы вылетели по просьбе Брусилова, который попросил Вас найти его супругу в лесу. Поехала кататься на лыжах и пропала. Могла замёрзнуть. У Вас, как я понимаю, есть контакт в Центре. Некто Магдалина Богдановна Ягода. Хорошая женщина с известной фамилией. Надо бы разобраться в её родословной... Она попросила Вас помочь Брусилову. Вы вылетели, нашли и спасли заблудившуюся даму.

– А как же арест? Мои ребята, конечно, поставят язык на жидкий азот, но Пол Уитмен находится в камере особо одаренных – в полном комфорте. Как он туда попал, объяснять мне.

– Его там и не было. Ваш друг уже у нас. Мы его перевезли в наши апартаменты. Все записи с камер стёрли, протокол изъяли. Вы свободны.

Матвей Иванович был в замешательстве. Это что – всё? Он вышел из кабинета, чувствуя себя оплётанным. Дело у него изъяли, фигуранта забрали, самого прижали к стенке – и никаких перспектив. Да ведь он сам полез в петлю. Зачем было звонить генералу?

В течение года к полковнику раза три приходили люди от Громова за сведениями о ЦРБ. Документов не брали, только слушали без комментариев. Они всегда слишком много знают. Вот и про Магдалину узнали, черти... Неприятное настроение усиливалось, и первое, что пришло на ум проигравшему полковнику – позвонить Магде. Ему вдруг резко захотелось уехать с ней куда-нибудь на край света, просто оторваться от всего этого. О генеральских погонах можно забыть. Козырного Туза он выдал сам бесплатно, да еще оказался в «замазени».

Он вернулся в свой кабинет, открыл сейф, решил разобраться с делами, отделить нужные бумаги от казенных дел, забрать личные вещи. Но вместо этого открыл коньяк и налил грамм двести в стакан для минералки. Сунул руку в карман, чтобы нащупать телефон, а поймал фарфоровую фигурку – белого

барашка, которого сунула Магда перед опасным походом в бункер. Сказала, что талисман, оградит от бед. Как же! Оградил. Пошёл по шерсть, вернулся стриженным. Колечко махнул крепкого напитка и сел, не раздеваясь, в кресло. У него было достаточно средств, чтобы начать жить сначала. Построить дом в Херсоне, завести хозяйство – вместе с Магдой. А ведь обещал стать генералом. Стыдно теперь будет перед ней...

Его раздумья прервал звонок. Звонила сама Магда. Это было впервые, ведь она ни разу этого не делала – не умела или не могла. Значит, нужда заставила или кто-то помог.

– Да, ягодка. Слышу тебя. Говори.

– Матюша, тревожно мне. Тело-то без души осталось. А ну как обнаружат, мол, куда душу-то дели? А она у нас тут спрятана – в баллоне (так Магда называла Адаптер). Так помоги её обратно вернуть – в тело. Рыжего черта надо привезти сюда.

– Что ты толкуешь? В каком баллоне? Я приеду и заберу тебя оттуда. Готовься, чтобы к вечеру всё своё собрала. Мы с тобой уезжаем... Магда, не реви! Я сказал! Всё. Жди меня.

Матвей знал, что Магда не держит язык и по простоте душевной или из принципа может рассказать многое из того, что знает. Её надо выводить из этой игры – от греха подальше. И быстро! Полковник чувствовал спиной, что времени осталось несколько часов и начал немедленные приготовления. Оформил отпуск за свой счёт – по поводу ухода за болезной матушкой, передал дела заместителю и поверенным, подстраховал жену и сына – на всякий случай, оставил им денег – и выехал в ЦРБ за Магдой. Наутро следующего дня они вместе покинули город.

Генерал Громов после визита полковника Колечко решил опросить сотрудников ЦРБ, начиная с главных персон. Он многое знал об этом заведении, поскольку оно давно находилось под его личным контролем. Андрей Романович был человеком особенным, контрастным, всегда предсказуемым в промежутках принятия резких неожиданных решений. С виду маленький ростом, сухой, приверженный жестким принципам и системной дисциплине, внутри он был нежным ребёнком, которого ещё не испортили воспитанием. Отец – русский, вятский, простой, мать – удмуртка, хитрая, мудрая, дальновидная. Отсюда треугольные глаза и выпирающие горкой скулы. Матушка была особенной, предсказывала события, преимущественно негативные. Чувля горе издалека, как говорили соседи. Многие её боялись. Но больше всего на свете она любила своего сына Андрюшку, которому передала этот дар, и кое-что ещё, а именно тайну его рождения. Предки по матери были язычниками, умели колдовать. В юности ей приснился сон: день и час зачатия своего сына, а также место, в котором это произойдет, и от

кого. В ту пору она еще не знала отца Громова. Дело было в ясную лунную ночь на день Ивана Купалы. Девушки гадали на суженого, а добры молодцы ходили около, приглядывая невест. Праздник славянский, но в эпоху СССР с этим мало кто разбирался, – разницы не знали. Так и встретились Роман и Анна в ту ночь под лунным светом у реки. Роман поймал венчик, сплетенный из ромашек. Вещий сон предрекал рождение сына умного и незаурядного. Теперь о таких говорят – Дети Индиго. Так и родился будущий генерал Громов. Говорить он начал с полутора лет, в шахматы играл с трех лет, знал восемь иностранных языков, имел три образования и феноменальную память. В выборе профессии не сомневался – любил разгадывать секреты. Как и все одаренные дети, с детства был одинок, скрывал свой дар, камуфлируя его исполнением правил и инструкций. Это самое сложное для таких детей. Они не приемлют никаких правил и традиций, а действуют интуитивно, повинувшись внутреннему голосу. Часто обладают способностью чтения мыслей, гипнозом и умением манипулировать людьми.

Громов испытал это умение и с полковником Колечко, человеком умным и тщеславным. Это был крепкий орешек, но и он возымел свои слабости в течение службы. Андрей Романович знал о нём многое, и про последнюю (первую) его любовь Магду. Любопытного полковника надо было отодвинуть от горячей темы, и Громову это удалось. Теперь надо разобраться со всей командой Брусилова.

Брусиллов был его человеком с момента создания ЦРБ. Он же – Король в его шахматном раскладе. Встречались они редко, но эффективно. Борис Арнольдович передавал генералу концентраты прогностических изысканий, не вдаваясь в подробности и рецептуру их изготовления. Разумеется, Куратор фильтровал передаваемую информацию, акцентируя внимание на том, что особенно волнует Контроль: терроризме, экстремизме, конфессиональных отношениях, оружии, угрозах из сферы интересов государственной безопасности. Напитки, лекарства, мода, отдых и туризм Громова интересовали мало. Он также не вникал в экспериментальную часть исследований. Но теперь всё изменилось. То, чему он раньше не придавал особого значения – а именно сновидице Астре и её видениям, вдруг стало интересным, потому что именно за ней гонялся иностранный агент. Из того, что ведала Астрада, можно получить предмет интересов противной стороны.

Узнав о том, что девушка впала в коматозное состояние (или летаргический сон), он позаботился, чтобы перевести её из больницы одного ведомства в другое. Теперь девушка и шпион были под его патронатом и в одном месте. Сразу после того, как Пола привели на первый допрос, конторский психолог заверила руководство, что с этим человеком

не всё в порядке, и ему нужна персональная психологическая адаптация с последующей терапией. Так Пол и Астра, лишённые своих душ, оказались рядом.

Тело без души может существовать не более полугода, при условии поддержания его функционирования. Астра была без видимых повреждений, и врачи ожидали позитивного результата. Пол в свои сорок лет сразу после эксперимента стал казаться намного старше, и у него начали проявляться признаки болезни Альцгеймера. Он забывал, что ел утром, но помнил эпизоды прошлого: маму, жену Беретту, звал какого-то Чарли, а ночью – Олана. Громов дал распоряжение оперативникам разыскать этих людей: кто они такие, где находятся и почему интересуют шпиона?

Чарли нашли сразу и привели на «беседу», несколько отличную от простого дипломатического политеса. Бедный раб говорил только то, что было запрограммировано. Быстро стареющий вассал пребывал в глубокой скорби, ведь он потерял своё главное сокровище, оберегающее его. Да, Пол оставил ему приличное содержание, но кто теперь будет его периодически омолаживать? Чарли стоически отмалчивался. Решили применить гипноз. После сеанса выяснилось, что Полу более 120-ти лет, и он перенёс «третье воплощение». Эту информацию зафиксировали, отложили в сторону, не придав значения. Чарли проговорился также и о визитах светской дамы в консульские апартаменты, и даже о том, что её будущий ребенок получит большое наследство от господина Уитмена по достижении совершеннолетия. Возникла версия о том, что ребенок у Орловой – от Пола, и что у них была связь. Это понятно и удобно. Но Громов был недоволен ходом расследования. Оба фигуранта оказались в «состоянии не стояния», ничего вразумительного от них так и не дождалось.

Андрей Романович запросил у Брусилова всю информацию, полученную от Астры в периоды использования её дара. Фактически началось глобальное расследование, ниточка потянулась, вытягивая всё более странные секреты и обстоятельства. В этом опросе не участвовала только Магда, которую полковник Колечко внезапно забрал из Центра, и они отъехали, по словам Магды, к нему на родину – подлечить хворающую матушку.

Громов создал специальную группу из пяти человек для исследования подземного бункера, как оставшегося с послевоенных времен, так и сооруженного позже – с применением новых технологий. Брусилов нарочито подробно и захватывающе рассказывал о «телепатической комнате», Светлана и Арон подогревали этот интерес. Переключить внимание на комнату – значит отвлечь его от ЦРБ, Ольги, Ивана и Арона, от результатов исследований и от Адаптера. Пусть копаются в старом бункере и

ломают голову над комнатой, где читаются мысли. Надолго хватит. Однако интуицию Громова обмануть трудно. Он чуял, что здесь что-то не так, есть ещё что-то чрезвычайно важное, что от него скрывают. И оно здесь, в ЦРБ. Иван Забродин знал, откуда появилась странная комната, и кто её создал, но пока не попал в поле зрения генерала, ведь на момент ареста Пола его в лаборатории уже не было. Забродин придерживался легенды о том, что после Симпозиума он так и не уезжал никуда, а охотился и рыбачил в здешних местах до наступления холодов.

Громов заинтересовался и лично посетил телепатическую комнату, о которой с таким жаром говорили сотрудники Центра. Да, действительно, она была исполнена как трансформер, перегибалась, складывалась, распрямлялась. Стены были покрыты каким-то особым зеркальным лаком, или изготовлены из металлического пластика – сказать сложно. Попытка отделить кусок от стены, чтобы отнести в лабораторию для проведения химического анализа не удалась. Стена была непрístupна для деформаций и разрушений. Более того, когда она раскрывалась, а потом закрывалась, исчезали соединительные швы. Инженеры не могли дать ответа, из чего она изготовлена, и предложили её взорвать. Громов был разгневан, метал гром и молнии – тихо, глазами, но от этого не менее сурово. Его всегда удивлял этот воинствующий дебилизм детей природы, пуляющих оружием во всё непонятное и неизученное. Чуть что – сразу взорвать. Он решил более глубоко исследовать секрет комнаты и пробовал экспериментировать с разными сотрудниками, чтобы читать их мысли. И он их читал, хотя отнёс это свойство к своему собственному дару, о котором никому не говорил, поэтому и не удивился. Другие сотрудники путались в показаниях. Одни читали мысли только у избранных, другие – слышали всех, но не всё. Запустили в комнату несколько человек, закрыли на два часа. Запертым показалось, что провели там сутки. Потом каждый утверждал, что они там разговаривали между собой, но был такой эффект усиления звука, что каждый шёпот слышался, как гром. Генерал понял, что комнату надо пока оставить в покое.

Всё, что можно было отснять, вывезти и зафиксировать, было сделано. Почти пустой бункер надо было засекретить. Для решения этой проблемы было три варианта: поставить собственную охрану, законсервировать объект или поручить охранять его сотрудникам ЦРБ. Громов склонялся к третьему варианту, но для этого надо было завербовать всю команду с потрохами, прежде всего, Совет Трёх. Однако он не торопился ворошить улей сверхушки. Там были ещё несколько человек, с которых он и решил начать свой процесс, чтобы докопаться до тайны, в наличии которой не сомневался.

Первым его внимание привлёк подполковник в отставке Олег Анатольевич Шилов, – бывший коллега по цеху. Генерал внимательно изучил его досье и понял, что офицер обижен системой практически ни за что. Теперь он служит в ЦРБ, и с ним будет гораздо проще, чем с другими. По крайней мере, можно говорить на одном языке, да и палитра мотивации яснее ясного. Надо бы вернуть подполковника в строй с возможностью оставаться при этом в Центре. Ну, и в звании повысить до полковника.

Громова всегда удивляло, какие статусы придуманы в России – не совсем умными людьми. Например, кандидат наук, – он и есть кандидат в учёные. И порой всю жизнь до седых волос надо нести с собой это унижительное звание, достойное лишь ассистента от науки. Или же подполковник – «подпол» (офицер под полкой, под полом, под подолом). Даже капитан звучит круче. Выдернуть Шилова из подполья – дело нехитрое. Вторым будет профессор Знаменский Александр Павлович. Это большой учёный без степени. Тот же комплекс неполноценности. Выдать ему докторскую степень «по докладу» при содействии Конторы вполне реально. А потом загрузить на всю катушку. Однако профессор упрям, может и заартачиться. Но и тут есть зацепка. Недавно к нему вернулась его любимая дочь Светлана из Эмиратов. По некоторым сведениям её муж Акбар ибн аль Хаттаб некоторым образом причастен к террористическим группировкам радикального Ислама. Там остался и её сын. Брак не расторгнут. Это прямой путь к версии о внедрении с целью подготовки теракта в сердце Сибири. Громов, конечно, прекрасно знал причину возвращения Светланы Александровны в Красноярск, но потрепать нервы упрямому профессору – можно. Теперь – Арон. Он же Григорий Родионович Абакумов – прирожденный программист и хакер, едва избежавший тюремного заключения. Брусилов спас Арона, обратившись в своё время к генералу Громову с просьбой. И не напрасно. Арону пора бы узнать, кто обеспечил ему свободу на 10 лет, напомнить о прошлых шалостях с банкоматами и пластиковыми картами. И, наконец, Екатерина Сергеевна Маслова по прозвищу Кэт. Тоже фигура весьма незаурядная. С ней будет труднее по причине её полной безупречности. Однако по последним сведениям его разведывательной спецгруппы Катерина влюбилась в подполковника, и он, похоже, ответил ей взаимностью. Или наоборот. Это неважно. Шилов имеет на неё влияние.

Расставив главные фигуры на шахматной доске, Громов обратился к центральной фигуре Ферзя – Ольге Григорьевне Орловой – смелой зачинщице всего этого безумного проекта. Досье этой гордой красавицы составляло увесистый том. Она давно была в фокусе. В структуре досье была не только биография известной дамы, нашумевшей на полити-

ческом олимпе в период становления новой России, но и тексты её прогностических сценариев. В разное время Орлова писала по-разному. То её тянуло в публицистику, то в аналитику, а то в научнообразные и сложные для понимания статьи с формулами и графиками. У неё было настоящее научное звание – доктор философских наук. Защита в Москве в МГУ. Она могла бы сделать карьеру, но почему-то направилась в свой родной Красноярск и основала Институт Развития Человека. Громов начал читать её тексты, которые ранее не читал по естественным причинам. Это была прерогатива аналитического отдела, а ему подвали только сухие остатки и короткие сводки. Видимо, штатные аналитики не нашли в прогностических опусах Орловой никаких угроз, а думать на перспективу не входило в их обязанности.

«Никто не думает о будущем», – с уважением к Орловой подумал Громов. Он хорошо представлял Систему, в которой работал и которую строил сам, незаметно модернизируя самые застойные её конструкции. Случись чудо, и показали бы фильм из будущего со всеми доказательствами, никто в этой Системе не принял бы никаких превентивных мер. Только езда с фарами ближнего света и короткометражные прогнозы-расчёты на ближайшие дни, максимум месяцы. И в этом слепом апломбе цивилизация мчится с огромной скоростью, не в силах осмыслить происходящее. Генерал Громов читал прогнозы до утра, а утром понял, что ему жизненно необходимо встретиться с Ольгой Орловой в частной обстановке и долго общаться с ней. Это единственный человек, который сможет понять его – Громова, десятилетиями скрывающего свой дар предвидения в угоду Системе. Он предвкушал, что это будет «пир души» – в противовес делу с бункером, шпионами и трупами, которое надо крепко засекретить.

Совет Трёх собрался, чтобы обсудить проблему активного «вторжения» органов госбезопасности в тайны ЦРБ и осмыслить происшедшие события. Полковник Колечко заранее предупредил, что к ЦРБ возник особый интерес, и скоро будут допрашивать всех по одному – с пристрастием. Особую тревогу вызвало сообщение полковника о том, что Астру перевели в специальный медицинский модуль, контролируемый ФСБ. Матвей Иванович знал, в каком состоянии перевозили девушку, и ничего хорошего, судя по информации его медработников, не предрекал. Астра из летаргии снова перешла в коматозное состояние. Это весть болью отозвалась в сердцах всей команды. И только Ольга молчала и тихо улыбалась. Она точно знала, где таится нетленная душа Астры. Это же знал и Забродин, но его никто не спрашивал.

Известие типа «к нам едет Ревизор» никого не застало врасплох. Сотрудники ЦРБ давно уже упа-

ковали всю ценную информацию и технологии в «тревожный чемоданчик», сокрытый так, что никто не докопается. Было создано несколько электронных копий, рассованных по разным серверам, а образцы продукции и бумажные носители упакованы и складированы в «энном» месте. Брусилов, вспоминая добрым словом свою бабулю, заказал герметичный сундук и зарыл его прямо под крыльцом домика сторожа Акима. Об этом знал только он и Арон, который собственно рыл и закапывал. То, что было особенно дорого, так это реальные технологии, материализованные гением Знаменского и Арона. А вот результаты Симпозиума – пожалуйста, читайте, изучайте, наслаждайтесь местным ландшафтом!

Долго думали, как сохранить три персональных Тора, изготовленных в Лаборатории. Уникальный чип, способ оцифровки снов, медицинский сканер и заживляющий послеоперационные швы «паяльник» – тоже не подлежали огласке.

Совет Трёх принял решение строго засекретить то, чего ещё нет в мире, и что может вызвать непонимание, а следовательно, и уничтожение. Если новые технологии посчитают опасными, то и носители этих технологий – люди – могут быть подвергнуты испытаниям, а именно забвению или тюремному заключению.

Борис Брусилов, Ольга и профессор Знаменский приняли решение расширить свою команду до семи человек. Теперь это будет Совет Семи, включая их троих, Арона, Забродина, Шилова и Кэт. За время последних испытаний команда сложилась, доверие сковало всех в одно кольцо, и каждый выполнял здесь свою роль, в то же время, замещая друг друга по необходимости. За «кольцом» Совета не остались без внимания и другие члены команды: Магда, Светлана Александровна, Вадим Игнатъев, сторож Аким и Анатолий Зимин – брат Астры.

Первый раз Совет Семи или, как её окрестили, «Семёрка» собрался в кабинете Куратора вечером того дня, как уехала Магда. Надо было на пороге договориться о том, что каждый будет говорить, вытаскивать из-за пазухи в качестве «добровольной сдачи» с последующей вербовкой, а что – скрывать. «Семерка» торопилась, ведь еще день-два, и ЦРБ будет напичкан жучками, так что открыто говорить не придётся. На всякий случай были разработаны ключевые слова для диалогов и передачи информации в случае полного контроля со стороны Конторы. Брусилов один знал генерала Громова лично, и кратко охарактеризовал Андрея Романовича.

– Генерал Громов теперь не оставит нас из внимания. Ни-когда! Лучшее, на что мы можем рассчитывать, так это стать его командой, ну, не совсем той командой, какая есть у нас, а, скажем специальной уполномоченной группой, которой он доверит исследования и обеспечение неприкосновенности бунке-

ра. Мы все знаем, что там есть нечто такое, что никогда не должно всплыть на поверхность и стать достоянием гласности. Они сами вряд ли смогут разобраться с теорией переселения душ, с телепатической комнатой, им всё равно понадобятся специалисты. Таким образом, либо мы станем этими специалистами, либо придут другие, и тогда нам будет здесь нечего делать. Этим новым людям надо будет где-то жить, работать, и, несмотря на то, что Центр со всей инфраструктурой находится у нас в собственности, поверьте мне, это очень легко изменить. В лучшем случае нас купят, в худшем – будет обычный рейдерский захват. Всё зависит от того, как мы будем себя вести.

– Другие люди придут, и это неизбежно, – прервал Бориса профессор Знаменский, – Во-первых, там зарыта послевоенная история. Часть артефактов мы изъяли, но их еще много осталось. Мы были там недолго, не успели исследовать боковые коридоры, куда они ведут, что там? Предположим, нам доверили всю работу в полном объеме, но копаться в прошлом неинтересно. Мы знаем, что говорила Магда. Там полно трупов. У нас есть другие дела – намного важнее. Надо подготовить часть корпуса №3 для их подразделений, а наших экстрасенсов на время отправить в отпуск. Но я согласен с тем, что надо сотрудничать, иначе будет хуже.

– А я думаю, что нам не придётся активно сотрудничать, нас не допустят, – высказала своё мнение Ольга, – нам надо вести себя как можно пассивнее. Может быть, уехать в отпуск, погреться в грязевых источниках на алтайских курортах. Никто нас отсюда не выгонит, в этом я уверена. В конце концов, губернатор будет на нашей стороне. Этот бункер не входит в зону нашего земельного участка. Это не наша территория. Пусть делают там, что хотят. Я лично не хочу туда возвращаться ни на один миг. Хватит мне и того ужаса, что я пережила...

– Оля, Оля, ты должна понимать, что мы слишком много знаем, чтобы это осталось незамеченным. У них Астра. Если она очнется, то начнёт говорить, потому что врать она не умеет и не будет, – с жаром ответил Брусилов.

– Она очнется, но не вернется...

– Почему? Ты в этом уверена?

Забродин, деликатно молчавший всё это время, пока шёл спор, включился и подтвердил версию Ольги:

– Астры там больше нет. Её душа покинула тело, и мы все это видели, когда смотрели трансляцию с чипа – последние кадры. Именно тот момент, когда душа её истекала из тела. Это было, как мне помнится, ровно в 24 часа с 6-го на 7-е ноября, то есть в полночь. Ольга в это же время очнулась в подземной лаборатории. Я сопоставил эти факты, душа Астры нашла свой новое убежище без ухода в тонкий мир. Теперь она здесь, в чреве своей будущей матери.

Реакция на выступление Забродина была бурной. Знаменский требовал каких-то доказательств, Борис Арнольдович не мог смириться с потерей Астры, поскольку не верил в переселение душ. Арон что-то рассчитывал в уме, а Шилов иронично улыбался, и только Кэт – поверила:

– Астра говорила мне много раз, что она больше не может и не хочет жить в этом мире. Она сильно привязалась к Ольге Григорьевне, и их отношения последнее время были похожи на любовь дочери и матери. Мне кажется, она сама её выбрала, чтобы родиться в новой жизни, минуя стадию перехода.

– А почему это стало возможным? – спросил, обращаясь ко всем, Арон, и тут же сам попытался ответить на свой вопрос, – А потому, что её душа была мобильной. Более того, Астра умела управлять ею, осознавала себя во сне, как будто жила там. Иначе говоря, она уже при жизни получила опыт внетелесного существования, следовательно, подготовилась к следующему воплощению. Вот как-то так...

– Это логично, но как мы докажем, что её душа не покинула этот мир, а засела, так сказать, в теле матери, – продолжил рассуждать Знаменский, – Мы знаем, что душа не сразу начинает осознавать себя в новой жизни. Родится ребёнок, он будет расти, и только через 10-15 лет мы сможем по некоторым признакам идентифицировать душу Астры. Я думаю, что это будет иной человек. Может быть, что-то и останется, как это бывает при переходе душ в соседнее родовое древо, так сказать по роду истинному, но доказательств нет. Нам придётся смириться с потерей. Другой такой Астры у нас не будет... А, может, она все-таки вернётся в своё тело?

ГЛАВА 17. ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Три часа «Семерка» обсуждала тему Астры, забыв о том, зачем собралась, и какие надо решать задачи в предстоящих отношениях с Конторой. В конце этого бурного обсуждения Ольга встала, давая понять, что пора заканчивать, и, высоко подняв голову, сказала: «Доказательства есть. Скоро они у вас будут». Она точно знала, о чём говорит, и шёлково шурша длинным платьем, удалилась к себе. Все переглянулись с некоторым облегчением, ведь так хотелось обсудить эту тему без неё, чтобы не ранить так много испытавшее сердце. Первым начал Иван Забродин.

– Есть вещи, о которых не надо спорить, надо просто принять это как данность. Я не могу доказать, а просто знаю, что Ольга и Астра теперь одно целое. Душа Астры спасена, и это сделал не я, не кто-то еще, это так и должно было быть. Я чувствую Астру в Ольге, она там, и поверьте в это. Теперь мне надо заняться ещё одним важным делом, и я удалюсь, с вашего позволения.

– Иван Михайлович, с тех пор, как ты вернулся, мы ни разу толком не общались, а нам всем не терпится узнать, где ты был и что видел. Может быть, завтра устроим слушания в узком кругу, ты как на это смотришь? – спросил Брусилов.

– Слушания, говоришь? А тут все готовы слушать и слышать? Я не смогу говорить, если кто-то не готов.

– Тогда ты сам выбери, с кем будешь говорить.

– Хорошо. К слушаниям я приглашаю Арона, Светлану и Ольгу, – твёрдо решил Олан.

– Но почему нельзя мне и профессору? Мы не походим?

– Нет. Вы ещё не готовы. Слишком много наносных знаний, барьеров. Надо сначала снять их, излечиться от неверия. Я уже давал шанс одному из вас, но партнёром стал другой...

– Ладно. Пусть будет по-твоему, – ревниво пропел Знаменский, догадываясь, на кого намекает Олан, – А что ты собираешься делать с Адаптером?

– Там запечатана одна тёмная душа, я хочу её почистить, полечить и вернуть владельцу.

– Чья душа? – лукаво спросил Брусилов, хотя догадывался, о ком идет речь.

– Арон знает, – с этими словами Забродин (Олан) покинул кабинет, удалившись свершать своё великое действие. Всем оставшимся снова стало намного легче, как будто присутствие Олана мешало им сомневаться, тереть тёрки и пилить опилки. Никто не хотел признавать свою степень невежества в том неведомом и необъяснимом, что было во власти этого потустороннего человека.

Подполковник Шилов чувствовал себя не в своей тарелке. Предмет обсуждения «Семерки», куда его пригласили впервые: переселение душ, их чистка, упаковка, трансляция, – всё это было за гранью понимания простого офицера, хотя и имеющего опыт работы с группой по изучению аномальных явлений. Но там явления действительно были: факты, очевидцы, снимки. Нельзя сказать, что он полностью отрицал подобные чудеса, но и принять без доказательств пока не мог. Он вышел из кабинета Брусилова вместе с Катериной, и они пошли погулять перед сном, подышать свежим морозным воздухом и обсудить последние события.

Снег искрился и скрипел, как холодные яркие звёзды, с надменным величием сверкающие с густо фиолетовых небес. Кэт закуталась в пушистый воротник шубки и прижалась к Олегу, также скрипящему всеми нервами от всего пережитого. Так они ходили полчаса, пока холод не заморозил им щеки и нос. Перед возвращением в тёплый корпус Шилов деликатно спросил Катерину, правда ли она верит в то, что душа Астры нашла новое прибежище? Она строго посмотрела на него и попросила не поднимать эту тему, особенно в присутствии Бориса Брейса, который очень болезненно воспринимает

всё, что касается его возлюбленной подопечной и дражайшей супруги. Отношение Бориса к Астре стало новостью для Олега, и Кэт пришлось посвятить его в некоторые нюансы.

– Мало кто об этом знал, но Куратор по-настоящему любил Астру, берёт и стерёт её, защищал, прежде всего, от Ольги, боялся, что она всё разрушит: их связь, сотрудничество, сопряжение душ. То, что Ольга спрятала Астру к себе в самое нутро, для него трагично. Теперь она не только забрала её, но и предъявит Брейсу как своего собственного ребёнка. Понимаешь? Он любил девушку, а теперь должен полюбить ребёнка, который будет в собственности его жены. Это напоминает тонкую продуманную женскую месть с примесью мистификации. Боюсь, что он может возненавидеть Ольгу, если поверит в это. Лучше бы не поверил...

– У них, ну, у Астры с Борисом, что-то было – между ними?

– Нет, если ты об этом. Куратор не допускал даже мысли, но я видела, как он на неё смотрел, и один раз был очень близок к этому. Я уверена, что босс чист в этом плане.

– Я бы тоже не смог. Астра красивая, но какая-то субтильная. От неё даже не пахнет женщиной...

– Ну, ты это загнул. Все вы, мужики, одинаковые! – с досадой вздохнула Кэт, отпрянув от своего боевого друга в сторону.

– Да, в этом ты права. Все мужики – порядочные циники. Ну, а если Астра всё-таки очнётся, что тогда?

– Есть одна версия, о которой мы с ней говорили. Как-то раз после очередной астральной атаки и тяжелого пробуждения она всё время повторяла одно слово «сестра, сестра». После откровений Магды Ольга Григорьевна раскрыла тайну её рождения. Теперь мы об этом знаем доподлинно, поскольку объявился брат, он всё нам рассказал. Её сестра-близнец не родилась, а стала жертвой аборта. Это могло озлобить её душу, ведь она тоже хотела жить и не менее страстно. Так вот думаю, что, если тело Астры не умрёт, то может быть заполнено душой той не родившейся сестры. Она уже давно вьётся вокруг неё, караулит.

– Странное дело: одно тело на две души. Одна пожила, теперь уступит место другой. Интересно, как на это отреагирует наш Арнольдович?

– Ты опять о своём. Он будет, скорее всего, рад, только это будет уже другая история. Вряд ли у неё будут те же способности. Не могу сказать, что мне не интересно как психологу изучить эту подмену личностей.

– И вы тоже будете называть её Астра?

– Да, нет, наверное...

– Потрясающий непере译имый на все языки мира ответ!

Вернувшись с прогулки, розовые от мороза и объединенные общей идеей перевоплощения

Астры, они встретили в коридоре Арона, бегущего в сторону комнаты Забродина.

– Ты куда, Арон, случилось что? – с тревогой тормознула его Кэт.

– Да, кажется, у нас получилось.

– Что получилось? – Шилов решительно схватил его за рукав, требуя разъяснений.

– Олан разбудил душу Пола в Адаптере, и теперь чистит её от грязи.

Кэт напросилась посмотреть этот сеанс, но Арон мягко отстранил её: «Нет, Олан просил никого не подпускать. Я сказал Вам, потому что Вы из «Семерки», а мы договорились, что между нами теперь нет секретов».

– Тогда почему же не пускаете?

– Чудо не терпит толпы. Так надо, – скоро ответил Арон и убежал, держа в руках персональный Тор и какие-то провода и примочки.

Олег пригласил Катерину в свой коттедж, но она скромно отошла в свою комнату, чуть не плача. Не от обиды, нет, а от того, что проговаривая с Олегом тему перевоплощения Астры, сама вдруг осознала до глубины души, что и для неё это чудо-девушка потеряна навсегда. Десять лет отдано этому проекту. И вот теперь – никогда! Никогда больше этого не будет...

Телефонный звонок прервал её печаль в самом апогейном месте, когда уже всё лицо было перепачкано тушью. Звонил Брусиллов.

– Кэт, мне только что сообщили, что Астра очнулась. Нам разрешили её навестить, но не больше трёх человек. Собирайся, мы едем.

– А Ольга Григорьевна знает? Кто будет третьим? – растерянно спросила Катерина.

– Нет, ей не надо пока говорить, не стоит беспокоить. Она же уверена... В общем, неважно. С нами поедет профессор. Возьми с собой всё необходимое, что считаешь нужным. Часа через три, или завтра утром мы её заберём.

Кэт вышла из своей комнаты на третьем этаже, где также обитал и Забродин. Дверь в его апартаменты была открытой, и оттуда отчётливо слышался его голос.

– От скверной душонки не осталось и следа, но «сухой остаток» чист, как слеза ребёнка, – хрипловатым голосом говорил Олан, – Теперь мы его запакуем в ключевой носитель и отправим фрицу. Посмотрим, каким он станет...

– А как мы доставим Ключ к Уитмену? Он теперь под арестом, кажется в больнице. Нельзя ли сделать это как-то дистанционно? – спросил его Арон.

– У нас нет таких технологий. Надо приложить ключевой носитель к его лбу, чтобы сработал идентификатор, и тогда душа сама вольётся в родное тело. А как доставить? Это не моё дело. Тянуть долго нельзя, тело может не дожидаться.

Кэт, повинувшись врождённому любопытству, втянулась в комнату Забродина и достигла пределов видимости. Арон резко оглянулся и увидел её. Олан даже головой не пошевелил, колдуя над Адаптером. В этот момент он отделял ключевой носитель от основного прибора, вращая его по часовой стрелке, не касаясь рукой. Просто делал ладонью круговые движения. Катерине это показалось удивительным, и она широко раскрыла свои огромные глаза, прикрыв рот ладошкой, чтобы не вскрикнуть. Арон приложил палец ко рту, мол, молчи, а то помешаешь. Кэт кивнула и начала сдавать назад. Но тут Олан закончил свою работу, остановил крутящийся момент, и сверкающий «ключ» в форме овала превратился в обычную серенькую бляшку, которую Кэт мысленно окрестила «флэшкой».

– Ты куда собралась, красавица?

– Нам только что сообщили, что Астра... проснулась, я собралась к ней. Нам разрешили свидание.

– Отлично, возьми с собой Арона. Надо разведать, где там прячут нашего фрица и вернуть ему душу. Мы её почистили, и теперь от него никакого вреда не будет.

– Но как? Борис Арнольдович берет только троих, Александр Павлович тоже едет.

– Ничего. Ты же собрала вещи, мыло там всякое. Скажи, что живот заболел, а вместо тебя пойдёт Гришка. Завтра наш «рыжий таракан» превратится в тихую овечку. И это будет правильно! Катюша, отдай Григорию свою поклажу, а сама иди спать.

– А можно я у Вас посижу, мне интересно, – попросила Кэт, полагая, что за услугу отказа может получить премиальные в виде минут общения с Оланом. Ей давно казалось, что этот интересный человек не видит в ней ничего интересного. Хотелось понять – почему? Она позвонила Брусилову, сказала больной и убедила послать Арона.

Группа из трёх человек выехала на всех парах в город. Автомобиль вёл личный водитель Куратора Вадим Игнатьев. Дело было к вечеру, и надо успеть на главную трассу до темноты. Путь прошёл без эксцессов, и в восемь часов все прибыли в назначенное место. Их встретил лично генерал Громов в либеральной одежде, располагающей к общению. Поприветствовал гостей и провёл их во внутренние помещения медицинского бокса. Там было прилично. Мягкая мебель, ковры, ненавязчивое освещение.

– Почему мы сидим здесь? В какой палате Анастасия Зимина? Нам надо её навестить, а времени мало. Мы привезли ей кое-что, – нетерпеливо брнчал Брусилов.

– Дело в том, что ваша дама очнулась ещё вчера. И она абсолютно здорова. Вы можете забрать её прямо сейчас. Но это не та девушка, которая нас интересует. Она ничего не знает из своего прошлого, хотя сохранила все навыки жизнедеятельности. Мы

применяли гипноз, вводили препараты, чтобы оживить её память. Наши специалисты сталкивались с такой редкой формой амнезии. А может быть, её подменили? Мы знаем, что у Вас в лаборатории есть уникальное оборудование. Попробуйте восстановить её личность, а потом мы подключимся.

– Хорошо, Андрей Романович. Мы заберём завтра её, возвращаться в Центр ночью не планируем. Переночуем в городе, а завтра часов в 12 вернёмся. Нам бы хотелось сейчас взглянуть на неё.

– Договорились, через 10-15 минут она будет готова и выйдет к вам сама. А мне надо навестить другого пациента.

– Пол Уитмен тоже здесь?

– Да, но его состояние ухудшается с каждым днём. Он теряет память, плохо ориентируется в пространстве, совершенно беспомощен в быту. Непонятно, что там произошло в этом бункере, может быть, какое-то облучение? Мы допрашивали его помощника Чарли, он заверил нас, что его господин был совершенно здоров, и он сам не понимает, что с ним случилось.

– Мы понимаем. Можно осмотреть его вместе с профессором? У нас есть некоторые предположения, которые надо проверить, – включился Арон.

По дороге в город Арон подробно разъяснил Куратору и профессору цель своего присутствия в группе. Сначала боссы не одобрили эту затею, но потом Знаменский перестроился и начал аргументировать в пользу возвращения души Полу. Борис яростно сопротивлялся, и его можно понять. Будь его воля, он бы голыми руками задушил своего врага, который нанёс столько психологических травм ему и Ольге, похитил её. Его не интересовало, что очищенная от грехов душа вернется к Полу, и он вдруг станет «хорошим мальчиком». Новая упаковка Пола не изменит его отношения к нему. Однако за несколько часов общения они нашли консенсус. Знаменский обосновал необходимость этого эксперимента величайшей научной ценностью. Кроме того, он явно «не доел» Пола, когда общался с ним в подземной лаборатории. Пол был интересен своими знаниями и технологиями. В конце пути Борис Арнольдович унял свою гордыню и согласился. Так что выпад Арона с просьбой осмотреть господина Уитмена был вполне обоснован. Громов с подозрительным пристрастием посмотрел на заговорщиков, прищурил глаза, щелкнул пальцами, перекатылся с пяток на носки, и с картавостью произнёс:

– Верной дорогой идете, товарищи!

Генерал с Аронем и профессором удалились в палату, где находился Пол, а Борис Брейс остался ждать Астру. Вскоре она вышла в сопровождении медсестры и охранника. Куратора охватило небывалое волнение. Навстречу ему шла яркая красавица с атакующим (яростным) взглядом голубых глаз, на-

рочито полураздетая, наглая и совершенно здоровая. Села напротив Бориса, нога на ногу, уставилась прямо – глаза в глаза и вступила в диалог первой.

– Я тебя где-то видела, не помню. Ты мой папа? Забери меня отсюда. Это не мой дом, – первое, что произнесла Анастасия Зимина голосом Астры, если бы его нарочно форсировали.

– А... Астра, как ты себя чувствуешь? – Куратор не мог сказать ничего иного, надо было как-то поддержать разговор.

– Моё имя не Астра.

– А... Как тебя зовут? – спросил Борис, полагая, что следствием амнезии может быть такое, что человек забывает своё имя.

– Янга – моё имя. Называй меня Янга! Я так хочу.

– Хорошо. Я заберу тебя завтра. Мы поедем домой. Надо взять тебе тёплую одежду.

– Нет, мы поедем сейчас. Я не хочу здесь больше оставаться. Эти вопросы мне надоели, а у меня большой голод, я хочу есть. Поехали!

Куратор с отчаянием посмотрел на сопровождающих Янгу сотрудников, те только развели руками, мол, получите своё сокровище обратно, согласно купленным билетам...

Тем временем Знаменский и Арон в сопровождении Громова вошли в палату, где обитало существо, прежде называемое Полом Уитменом. Палата была под видеонаблюдением. Непобедимое и страшное чудовище предстало в виде жалкого и быстро стареющего человека. За три дня он потерял, кажется, десять лет жизни. Андрей Романович любезно разрешил осмотреть его и пообщаться, если это возможно. Он сделал это потому, что его специалисты исчерпали все возможности восстановить память этого человека, в голове которого была сокрыта крайне важная для Конторы информация из разряда высшего уровня – безопасности страны. Громов понимал, что сотрудники ЦРБ обладают более высоким уровнем знаний, не исковерканных, не изжёванных системой современного здравоохранения, и могут найти нестандартные решения. Генерал сам хотел просить сотрудников ЦРБ осмотреть важного арестанта, но они, опережая события, сами прибыли на место.

Арону предстояло проделать процедуру «наложения души» под присмотром камер, генерала и его подручных, да так, чтобы никто ничего не понял, действовать решительно и сразу, пока сохраняется синдром ожидания. Знаменский подмигнул Арону, мол, давай, начинай! Молодой человек подошёл к пациенту и наложил свою ладонь на его макушку, как будто хотел измерить температуру. Прошло шестьдесят секунд, которые показались вечностью. Пола затрясло, изо рта потекли слюни, глаза глубоко закатились. Реакция напоминала приступ эпилепсии. Медики заволновались, бросились отрывать Арона от Пола, но профессор жёстко остановил их.

– Все действия согласованы. Не мешайте. Нам надо закончить процедуру.

– Что вы с ним делаете? – сухо, для проформы, спросил генерал Громов, интуитивно понимая, что мешать нельзя. Он неоднократно видел такие приёмы на сеансах экстрасенсов из специального подразделения аномальных процессов. Это напоминало ему ритуал «изгнания Дьявола», практикуемый некоторыми церковниками в угоду пастве. В некоторых случаях это называлось «раскрытием высшей чакры» или чем-то вроде того. Когда человек теряет «связь с космосом», а тело его ещё живет и функционирует, он постепенно переходит в фазу растительного существования.

– Мы возвращаем его к жизни, – ответил профессор, не глядя в глаза Громову. Он тоже чувствовал, то генерал что-то понимает.

Арон наложил жетон (Ключ) и приподнял ладонь, мягко вращая её по траектории пересекающихся овалов. Ключ начал мягко светиться, как светятся фосфорные светлячки в детской спальне. После недолгой паузы он отвёл свою ладонь, сбросил с неё невидимые капли и отошёл в сторону, чтобы полюбоваться на результат. Пол Уитмен спал сном дитяти со святой улыбкой младенца. Все облегченно вздохнули: слава Богу, не умер, а то отвечай потом за него! Генерал подошёл к Арону и попросил отдать ему жетон. Этот момент тоже проигрывался заранее. Забродин при таком повороте событий разрешил отдать Ключ, зная, что в чужих руках он будет бесполезен. Предполагалось, что его могут начать изучать, пилить, резать, стучать по нему кувалдой, а потом закроют в сейфе, как «вещдок», и вытащить его обратно будет очень сложно. Арон послушно передал Ключ генералу, сопровождая это действие следующим предупреждением:

– Это только часть целого, а целое у нас. Без жетона оно работать не будет, и Вы ничего не узнаете.

– Ладно, оставляю Вам эту штучку, но при условии, что Вы покажете мне «целое».

Это было рискованно, ведь «конторские» могут отобрать Адаптер, как это сделал Пол. Однако выхода не было, а завтра они что-нибудь придумают.

ГЛАВА 18. ЯНГА

Брусилов был вынужден забрать очнувшуюся девушку, именуемую себя Янгой, вечером того же дня, как они прибыли в конторскую медчасть. Было ясно, что никто не собирается дальше держать её там. Тащить это новое «издание Астры» к себе в квартиру без Ольги он опасался – мало ли что подумают. Но к этому опасению примешивалось и чувство страха. Брейс совсем не знал Янгу. Мало ли какая душа залетела в тело прекрасной Астры. В нём ещё теплилась малая надежда на возвращение любимой девушки.

Ведь такое уже было, когда в тело Астры временно подселилась Кама из будущего. Значит, это возможно, особенно с чудными странными существами, обладающими тонкой энергетикой. Он и в прошлый раз не сразу поверил, что Кама оказалась в теле его подопечной. Думал, что это её собственные фантазии, облаченные в театральную форму. И только теперь ему стало по-настоящему страшно.

Девушка, сидевшая рядом с Куратором в автомобиле (профессор и Арон быстро ретировались на такси, сняв номер в гостинице) – была не Астра. Та же фигура, те же черты лица, но внутреннее иное содержание исказило их. Кроткое личико обрело признаки хищницы. Хорошо, что с ними за рулём автомобиля был Вадим Игнатьев, которого трудно удивить любым женским поведением.

Проезжая мимо фасада центральной гостиницы коммерческого типа с жутким названием «Фактура», автомобиль затормозил у светофора. Янга неожиданно открыла дверь и выплыла наружу. Борис успел схватить её на рукав курточки, в которую раньше была одета Астра.

– Ты куда направилась? Быстро залезай в машину! – Брусилов с трудом затащил её обратно, ему даже пришлось побороться с неужённой дамой.

– Вадим, давай остановимся здесь, в этой «Фактуре». Домой я не поеду. Сними два номера, один класса «люкс» – на две комнаты. Если будут спрашивать, скажи – «приват», так проще. Господи! За что мне всё это?

Через полчаса они уже были в номере. Борис оглядел девушку и понял, что её надо одеть иначе. Он не мог видеть на ней одежду Астры. На первом этаже он заметил бутик с женской одеждой, там же рядом был и ресторан. Надо бы покормить беглянку.

Брусилов оказался в давно забытой роли кавалера, одевающего свою пассию. На его карточке было достаточно средств, и он распорядился, чтобы Янгу одели по её вкусу (хотел посмотреть, что она выберет). Менеджер бутика предложила ему кофе в специально отведенной для ожидающих мужчин комнате, журналы и большой телеэкран для просмотра рекламных роликов. После чашки отменного кофе Брейс немного расслабился и поплыл. Сколько прошло времени, он не помнил, но очнулся, когда к нему подошла модель с картинки только что пролистанного им журнала. Она уже успела сделать макияж! Он даже не взглянул на полуметровый счёт, предъявленный ему тающей кассиршей. Такой разительной перемены он не ожидал, хотя знал, что косметика существенно меняет лицо, но чтобы так! Астра почти не применяла косметики, разве что в редких случаях Кэт делала ей легкий «розовый» фон благородной девицы. Преображение прежнего миловидного лица поразило Брейса. Оказывается, Анастасия Зимина родилась красавицей, и могла бы

сделать модельную карьеру, но они об этом не знали. И вот теперь – Янга! У Брусилова захватило дух!

– Я готова, папочка, пойдём отсюда, – проворковала девушка.

Помимо надетого на неё крутого наряда, она взяла с собой ещё несколько больших пакетов, навешанных ей по совету барышень из бутика. Вряд ли она сама всё это выбирала. Девушка, угостившая его кофе, вручая кипу пакетов, с ироничной улыбкой проронила:

– Ваша дама имеет неподражаемо тонкий вкус!..

Борис не мог не заметить суеты вокруг новоявленной Янги и кучу разбросанных по торговому залу вещей, которые в срочном порядке собирались и развешивались ошеломленными продавщицами. Они впервые встретились с такой наглой и неразборчивой покупательницей – в отношении цен на наряды. В остальном она была на высоте, как будто сто лет одевалась в модных магазинах.

Дальше – больше. Вадим уже битый час ждал в ресторане, рассматривая меню, хотя ему хотелось есть, как волку в голодный год. Наконец-то Брусилов в сопровождении юной дамы спустился вниз. Игнатьев был ошеломлён живой картиной, и даже не сразу догадался, что это та самая девушка, которую они только что забрали из медицинского бокса ФСБ. Красные туфли на каблуках, маленькое черное платье, коралловый ридикюль и неподражаемый запах «Диор». Вадим быстро освоился и сразу же предложил Янге что-нибудь поесть. Гастрономических вкусов по меню Янга не проявила, а указала пальцем на большое блюдо бешбармака, дымящегося на соседнем столике, где восседала бригада богатых узбеков, с нездоровым интересом следящих за Янгой. Недолго думая, она сама подошла к соседям, села на колени к самому массивному гостю и запустила пальцы в жирное блюдо. Узбеки расхохотались до икоты, усугубляя ужас, пронизавший шампуром всё существо Куратора. Вадим извинился, снял с колен заплутавшую барышню, успешную уже вкусить пару кусков мяса и выпить рюмку водки, и вышел из ресторана, ожидая Бориса в фойе. Однако тот не торопился выйти. Узбеки усмотрели в поведении Вадима некий намек на оскорбление, и решили разобраться с Брусиловым, угадывая в нём лидера троицы. Чувствуя, что патрон задерживается, Игнатьев почувствовал угрозу и вынужден был оставить Янгу на пару минут, усадив её на диван и поручив приглядывать за «подвыпившей дамой» администратора. Уладив чуть было разогревшийся конфликт, он вытащил Куратора за дверь, и тут они вновь удивились новому финту фурии. Янга повисла на шее солидного иностранца, оттягивая на себя его шарф, и обвивая своей ногой его ногу. В этом движении безошибочно угадывалось технология школы интимных услуг. Но откуда? Пришлось вновь

прибегнуть к уловке, объяснив разомлевшему иностранцу, что дама уже ангажирована до утра, и ему ничего не светит.

Борис Арнольдович провёл с Янгой всего три часа, а устал, как будто таскал кирпичи. Он понял, что девушку нельзя оставлять одну ни на минуту. Она, как испорченный ребенок, может натворить, что угодно. У неё нет своего жилья, она не умеет вести себя в обществе, не знает правил и законов, следует импульсам и инстинктам своей тёмной души. Кое-как дотащив бедовую до номера, Брусилов попросил Вадима побыть с ним для подстраховки. Они так и остались голодными, и водитель отпросился сгонять за едой, которую продают тут же рядом за углом в китайской забегаловке. Эти минуты надо было пережить!

Янга начала с интересом перебирать и примерять приобретенные в бутике вещи, вертеться перед зеркалом. Борис немного вздохнул, полагая, что этого занятия хватит ей надолго, прилег, не раздеваясь, на свою кровать. Включил какой-то канал с маленького пульта. В комнате раздались звуки порно. Это был платный канал для внутреннего пользования в гостинице. Вышла промашка. Он пытался включить приватное видео, но система ниппель не позволяла этого сделать. Ему позвонили и попросили оплатить услугу за час, даже если он её включил на минуту. Эти уловки современного менеджмента были ему известны, но не настолько же! Оказывается, в приложении к телевизору был буклет, который следовало бы прочитать, прежде чем нажимать кнопки специального пульта. Не прочёл – сам виноват: плати! Это, как мелкий шрифт, используемый в кредитных банковских договорах, который давно уже разоблачили и отвергли. Но франшиза не дремлет, придумывая всё новые и новые приёмы выколачивания денег. Пока Брейс разбирался с пультом, канал транслировал сцены, которые в присутствии девушки смотреть неприлично. Но она смотрела, раскрыв от удивления свой кроваво красный рот. Еще минута, и лёгкий шёлковый халатик сползает с оголенных плеч, представ перед изумленным мужчиной в девственной красе обольстительной и трогательной наготы. Страх и возбуждение, вождение и страх, – маятник качнулся из стороны в сторону не раз и не два, пока Куратор не очнулся от сексуального столбняка. Какое смешение чувств он испытал в эти секунды! Образ возлюбленной девственницы в сочетании с развратной гетерой. Чистое первозданное тело, не тронутое плотской любовью, сомкнуло в себе адский жар страстного пламени плененной души. Размах страсти – в разности потенциалов, отдаленности полюсов, и страсть неминуемо охватила зрелого мужа, сметая разум порывом в бездну!..

Вадим с пакетом китайской пищи протиснулся в двери, неся в руках два горячих чая, подтолкнул пле-

чом створку и оказался героем картины Репина «Не ждали». Над склонившимся на колени Куратором стояла обнаженная Янга на красных каблуках и вращала шелковым халатом вокруг пальца с видом победительницы Амазонки. Кодекс мужской солидарности должен был сработать в сторону рокировки с места дислокации, но Вадим понял, что пикантность момента создана элементом гипноза. Ведьма содрала Брусилова за 15 минут, – надо спасать патрона.

Безобразницу быстро одели и попытались уложить спать. Это пришлось делать долго и мучительно. Янга бунтовала, пыталась несколько раз покинуть номер. Борис прибегнул к обману и дал ей растворимое снотворное, найденное Вадимом в автомобильной аптечке.

Наутро она ещё спала, но команда уже была в сборе, ожидая Куратора в фойе и обсуждая с иронией и смехом приключения с Янгой. К обеду все вернулись в Центр в угнетённом состоянии. Никто не знал, что делать с дублем Астры в новом воплощении. Девушка спала в закрытой комнате под контролем медицинской сестры, а «Семерка» собралась на совет.

Обсуждение было тяжелым, и только Забродин молчал, обдумывая что-то своё. Его больше интересовало состояние Пола, который остался под арестом. Забрать его не представлялось возможным: слишком много преступлений было на его совести, и многое надо было доказать. Другое дело – Анастасия Зимина в образе Янги. Она не совершила противоправных действий и была чиста перед законом, но нечиста своей новой душой. Это поняли даже самые заядлые скептики. Больше всех волновалась Ольга. Инстинктивно она понимала, какую опасность несёт для неё новоявленная Янга. И не только для неё, но и для будущего ребенка – носителя конкурирующей мирами светлой души. Ольга не сомневалась, что у неё родится девочка. Янга – враг, в которой сосредоточились тёмные силы, так удачно нашедшие своего адепта и не где-нибудь, а именно здесь, рядом с ней.

Самое простое – передать Анатолию его родную сестру, тем более, что все юридические основания для этого имелись – вплоть до анализа ДНК. Но все понимали, что девушка погибнет в новом для неё мире. Её асоциальное поведение приведёт к полной потере личности, криминалу, разврату, возможно, алкоголизму и наркомании. Анатолий не справится. Остается одно – попытаться перевоспитать её в недрах ЦРБ. Но в какой роли? Может быть, поручить ей какую-то простую работу, например, кладовщицы или поварихи? Но все эти предложения казались просто смешными. Решили провести тестирование, поручить Кэт выявить все её потенциальные навыки, начать обучение. Знаменский предложил провести психотерапевтические сеансы с учётом опыта Светланы. В целом пришли к единому мнению, что

Центр несёт полную ответственность за социализацию девушки, которая так много сделала для развития ЦРБ. Пусть не она, другая, но всё-таки – сестра...

Пока команда обсуждала перспективы воспитания новой личности, Янга проснулась, подралась с медсестрой и вырвалась из комнаты на свободу. Медсестра Вера из группы Знаменского рыдала в коридоре с разбитым носом и не могла справиться с истерикой. У неё не было права делать принудительный успокоительный укол, а надо было бы. Ну, не держать же Янгу всё время под воздействием препаратов?

Арон бросился искать нарушительницу режима и нашёл её в кухне, где она уже громила посуду, пытаясь разыскать что-то съестное. Кухонные и столовские работники решили, что это сошедшая с ума Астри и не трогали её. Женщины пытались усадить и покормить непривычно размалёванную девушку, но та разбушевалась не на шутку. Нашла кусок варёного мяса и отъела от него приличную порцию, потом выпила литр компота. Арон взял её за руку и попросил пойти за ним. Янга капризно повиновалась, как будто ждала этого юношу. Молодой спортивный брюнет сразу понравился ей. Особенно его глаза – чёрные и глубокие. В коридоре Янга, развернула Арона к себе и прильнула к нему всем телом, облачённым в тонкий пеньюар. От неё исходил невыносимый жар телесной страсти. Она атаковала, просила, требовала, не понимая того, что у программистов развито триггерное сознание. Что-то переключилось в душе Арона. Он всегда был занят работой, увлечен наукой, с девушками общался редко, считая секс разновидностью спорта и досуга. В свои тридцать лет Арон ещё ни разу никого не любил по-настоящему. И вот – вдруг за несколько секунд Янга откупила в нём скрытый потенциал любовника, который был подобен торнадо! В этом неудобном «состоянии стояния» их и застали профессор Знаменский и Брусилов. Арон смутился, пряча в халат признаки своего внезапного возбуждения. Несмотря на остроту ситуации, они не могли сдержать хохота. Борис Брейс тоже испытал подобное в гостинице, ему было смешно. Янга – сексуальное чудовище, настоящая Жрица Любви. Она способна развести на близость любого мужика. Неужели кто-то способен противостоять? Душа, не имеющая опыта наличной жизни, влетела в здоровое юное тело и освоилась там, пытаясь удовлетворить свою накопившуюся в бестелесном бытии животную страсть к физическим наслаждениям. Очевидно, что все действия Янги были инстинктивны, но откуда поведение жрицы?

Из-за угла выплыл Иван Забродин. Отвечая на мысленный вопрос участников встречи, он произнёс:

– Она долго была в плену Дьявола. Он искушал её, оставляя без удовлетворения. Это один из способов обречения на адские муки, когда души нака-

заны вечной тягой к огню. Видимо, она много грешила в прошлой жизни.

Янга посмотрела на него с явным любопытством и внезапно стихла, закрылась и отчалила скромницей в свою комнату. Забродин продолжал свои разъяснения коллегам уже по ходу движения в кабинет Куратора.

– Она все-таки познала вкус страсти через тело Астры. Манила её, искушала Дьяволом или Демоном, портила чистую душу. Но душа Астры выдержала, не искусилась. Тем сильнее было желание войти в юное тело Настеньки, чтобы пожить там, познать вкус всех плотских удовольствий.

– Она навсегда останется такой? – с тревогой спросил Арон – Есть ли способ изменить её душу, как мы сделали это с Полом?

– Пока неясно, мы не видели результата. Увидим, тогда и решим, что делать. Можно попробовать...

– Иван Михайлович, дорогой, а что там останется – после чистки? – спросил Знаменский, – Стерильная душа? Такая святая матрона без эмоций и чувств. Может быть, откорректировать её и запустить в жизнь. Пусть тешит наше мужское племя. Это же редчайшая модель, – секс-бомба. На рынке частных услуг ей цены нет.

– Господи! Ну, какой же ты циник, Саш, – изумился направлению мыслей профессора Борис, – Ты будешь её сутенёром? Она же погибнет в этом мире. Если она простая нимфоманка, то сгорит быстро, как свечка. Кажется, твоя дочь способна лечить такие отклонения. Вот пусть и попробует.

Несколько дней с Янгой работали специалисты всех мастей: психологи, педагоги, даже гипнотизёры. Поведение не улучшалось. Она могла зайти в любую комнату, в любой кабинет, взять там что-то и не вернуть, разбить или переставить, – в общем, создать хаос. Естественно, за ней следили, но не могли предугадать дальнейших шагов. Янга плохо спала, металась в постели, подолгу лежала в ванной. Не проявляла ни малейшего желания обучаться чему-либо и никого не боялась. У неё обнаружили незаурядные криминальные способности, сопровождаемые прекрасным природным артистизмом.

В состав группы, которая занималась воспитанием Янги, вошёл и Арон. Он пытался приобщить её к информационным технологиям, компьютерным играм, рассказал про социальные сети, научил пользоваться ноутбуком в режиме простого пользователя. Нельзя сказать, что Янга была ограничена умом. Она могла быстро обучаться, но только в тех случаях, когда предмет содержал хоть какой-то элемент азарта. Профессор Знаменский, Борис и Кэт проводили с ней опытные эксперименты, пытаясь понять, что осталось от прежней Астры, помнит ли она тот период жизни, когда работала в Лаборатории? Янга владела языком, умела читать и писать, и этот об-

разовательный ресурс был накоплен как раз в тот период, когда росла и выросла Астри. Почему же Янга не помнила того, что составляло её духовную ценность? Ответ, на первый взгляд, очевиден. Это другая душа, и она приемлет только то, что важно для неё, а всё остальное – лишнее – отделяет, отмечает, отрицает, наконец. Но память – вещь упрямая.

Янга помнила, правда, с трудом некоторых сотрудников Центра, с которыми она общалась более 13-ти лет. Светлана диагностировала частичную потерю памяти, назвав это социальной амнезией, что свойственно пациентам с подменой личности. Янга с каждым днём вела себя всё более агрессивно, чувствуя себя несвободной. Ольга Григорьевна старалась избегать её, не хотела слышать о результатах «воспитания» и наконец-то решилась сказать мужу всё, что об этом думала:

– Борис, я не могу больше смотреть на эту возню с разнузданной девицей, которая называет себя Янгой. С этим надо кончать. Нет, я не имею в виду, что её надо выкинуть на улицу. Мы ответственны за тех, кого приручили. Прошу понять меня. Душа Астры ушла в мир иной, а в её тело вселилась бестия. И это не просто какая-то левая личность. Это личность её родной сестры. Я внимательно изучила архив записей снов Астры, особенно в той части, которая касалась астральных атак. Янга давно претендовала на тело Астры. Помнишь, я рассказала тебе сон, в котором Астри и я были вместе в некоем промежуточном пространстве, где собираются освободившиеся от тел души. Она провела меня туда. В состоянии сна наши души мобильны, но могут не вернуться без проводника. С помощью Астры я вернулась, а она улетела – к сестре. Значит, они там уже встречались и общались. Несколько раз она проговаривала мне и Кате, что хочет выйти из этого мира, уступить сестре своё место... Нет, не перебивай меня! Дай, доскажу! И она сделала это, и теперь родится в новом теле, вот здесь, – Ольга одной рукой закрыла грудь, а другой – скользнула в низ живота, обращая молящий взор больших серых глаз в сторону мужа. Борис, вопреки её ожиданиям, был готов к данному диалогу.

– Оленька, я тебя понимаю, даже не представляешь насколько глубоко. То, что Янга – не Астри, ясно любому, кто знал нашу девочку. Подмена личности зафиксирована. Но я пока не могу поверить, что Астри вошла в новую жизнь, это недоказуемо. Конечно, в твоём положении...

– Не надо всё объяснять моим положением, милый! Я просто чувствую, что она – во мне. Это же подтвердил Иван. Мы с ним много говорили об этом, он тоже уверен в новом воплощении Астры. Почему ты так сопротивляешься этой версии? Надеешься, что Астри вернётся в своё тело, и всё будет по-прежнему?

– Да, знаешь ли, надеюсь! Вспомни историю с Камой. Нам надо вернуть Астру, а не придумывать какие-то новые её воплощения. Мне, конечно, импонирует мысль о том, что Астри выбрала нашего с тобой ребёнка для своей души, но это недоказуемо. Давай оставим этот вопрос и больше никогда, ты слышишь – никогда не будем к этому возвращаться!

– Ладно, как знаешь, – тихо ретировалась Ольга, – только я не хочу и не буду участвовать в этой комедии. Через три дня Янга сокрушит здесь всех мужиков, включая тебя. Арон уже ходит сам не свой. Это же «ходячая катастрофа», от неё будет много бед. Скоро она научится плести интриги, и разрушит всю систему, которую мы с тобой строили. Она очень опасна.

– Для тебя – да! Ты же беременна, а она – молодая и красивая, к тому же такая страстная, азартная. С ней всем интересно. Да ты просто ревнуешь, милая. Не надо. Мы доведём её социальную адаптацию до ума и выпустим в свет. Дадим ей стартовый капитал, устроим на работу, снимем квартиру и так далее. Никакой опасности для Центра нет.

– Жёстко. Ты опять сводишь всё на «нет». Но я сказала, что хотела сказать. Будь осторожен с Янгой. И вообще, Борис, я планирую уехать в город – до Нового года. Ларика забирают в армию. Он выбрал Космические войска. Но ему предложили пойти на альтернативную службу: трёхлетнее обучение в Сибирской Лётно-Космической Академии в Барнауле. Она открылась год назад, и набор новобранцев идёт полным ходом. Не знаю, что сын задумал, но внутреннего сопротивления этому решению у меня нет. Что ты об этом думаешь?

– Ты же сама сказала, он взрослый пусть решает сам. А как же Оксана, семья? Три года разлуки с редкими встречами – это как-то не для молодых.

– Оксану посылают на учёбу в Москву. Какие-то особые курсы повышения квалификации для госслужащих. После них она сразу получит должность заместителя губернатора. В любом случае она поедет. А что – Ларику сидеть и ждать её? К тому же, если ты помнишь, Астри рисовала нашего Ларика в костюме космонавта рядом с летательным аппаратом будущего – весьма близкого будущего.

– Да, я видел эти картинки. Кстати, где они?

– Мы их упаковали и скрыли, но у меня есть электронные сканы. Показать?

– Ладно, потом покажешь. Езжай в город, Я сам тут как-нибудь разберусь. Только имей в виду, нас уже предупредили, что будут опросы – читай «допросы» – беседы с каждым из нас. «Собеседники» генерала Громова начнут завтра с персонала, а его честь намерен лично поговорить с тобой и со мной. Поэтому тебе лучше уехать после беседы.

– Завтра? Ладно, я поговорю с ним, потом уеду вместе с Кэт. Она очень страдает без Астры, а мне нужна умная помощница.

ГЛАВА 19. И ГРЯНУЛ ГРОМ

В ЦРБ началась новая жизнь. Сотрудники ФСБ взяли под контроль бункер в подземелье. Команду из 12 человек (по просьбе генерала Громова) надо было где-то разместить. Как и планировалось, освободили гостевые помещения, в которых ранее обитали маги и медиумы всей мастей. Часть их вынуждена была покинуть Центр «до лучших времён», не желая встречаться с людьми из «конторы». Многие практиковали без лицензии и не хотели терять клиентуру в случае применения к ним запретительных мер. Так от греха подальше уехали гадалка Зара, гипнотизёр Гарпий, маг Ян, ясновидящая Лиля, шаман Барам, целитель Гапон и другие экзотические фигуры. Магда была в отъезде и до сих пор не подала ни одного сигнала, кроме короткого сообщения о прибытии в Херсон.

Сотрудники «конторы» быстро освоились в апартаментах ЦРБ и совали нос во все дыры, обладая правом доступа к любой информации. Более всего активничала техническая группа из трёх молодых человек: двух юношей и девушки Нины, которая буквально одолела Арона расспросами о том, каким образом ему удалось оцифровать сны Астры. Арон с удовольствием загружал её сложной терминологией, но Нине было не под силу понять суть процесса. Однако она всё четко фиксировала, неистово симпатизируя молодому учёному. Профессор Знаменский подготовил целый фолиант для общения с «конторскими», но его почему-то никто не допрашивал. Все артефакты сотрудники изъяли в первый день, отчеты трёх экспедиций в бункер также были подвергнуты тщательному изучению. Сотрудники ФСБ разбирались сами, вопросов почти не задавали.

Генерал Громов лично прибыл в Центр Реконструкции Будущего для общения с Ольгой Орловой. Его предупредили, что женщина носит ребенка, и он сосредоточился на общих вопросах, надеясь вытянуть золотую нить истины. Ольга Григорьевна надела серый элегантный костюм, чёрные туфли на среднем каблучке, накинула на плечи оренбургский пуховый платок – подарок мужа и явилась в «комнату допроса», которой на время стал кабинет Куратора. Громов встретил её стоя, проявляя излишнюю деликатность, предложил сесть. И сразу же начал с интересующей его темы:

– Ольга Григорьевна. Я ознакомился с Вашей работой по теме «Интегральное образование». Признаюсь, не ожидал...

– Чего именно Вы не ожидали? – прервала его предположительно пространную речь автор проекта.

– Не ожидал, что этот проект получит финансовую поддержку от краевых властей. Они обычно избегают подобного рода инноваций. Слишком

рискованно. Но сам проект интересный. И как Вы предполагаете внедрять его в школьную программу, где одни образовательные стандарты.

– Этот проект на первом этапе предназначен для особо одаренных детей – детей нового поколения, которым сложно, а порой невозможно обучаться в обычных школах. Они намного превосходят своих сверстников по уровню интеллекта, не хотят обучаться в строго режимном учреждении, а зачастую их образовательный ценз превышает учительский.

– Да, согласен. Вы имеете в виду детей Индиго?

– Если хотите использовать этот термин, то – да. В официальной версии проекта мы стараемся избегать этого обозначения, чтобы официалы не вибрировали.

– И много у нас – таких детей?

– Их становится больше – с каждым годом. На сегодняшний день могу с уверенностью сказать, что их не менее 10% от общего числа учащихся. А это тысячи, десятки тысяч ребят, которым тесно в рамках обучающих программ.

– Я успел ознакомиться с концепцией проекта. Вы предлагаете информационную открытость на экзаменах. Это может вызвать непонимание и протест в министерстве.

– Да, но мы планируем будущее с учётом всех изменений, в том числе и Министерских программ. Они тоже станут иными, – более демократичными с высоким уровнем люфта. Этакие «умные автоматы» с широким допуском инноваций. Информационная открытость – это уже не завтрашний, а сегодняшний день. Обучение, основанное на зубрёжке и тупом запоминании фактов и формул, понимание полезности которых на нулевом уровне, неэффективно и вредно. Современный ребенок не понимает, зачем ему надо запоминать все, что может (или не может) пригодиться в жизни. У всех есть доступ в Интернет к архивам и поисковым базам данных, в электронных библиотеках хранится вся информация о цивилизации.

– Но на минимальном уровне ученик должен помнить хотя бы таблицу умножения! Дети сегодня дважды два считают на калькуляторе.

– Наши дети в экспериментальной группе считают в уме логарифмы, увлекают корни. Они понимают, для чего это нужно. Им показали, как из формул рождается новая реальность. Дети поют песенки про таблицу умножения, они никогда не забудут то, что пели, веселясь и играя. Мы стараемся заниматься одним предметом весь день, а не дробить его на одинаково ровные по времени уроки. Ребёнок за 45 минут не успевает проникнуться, пропитаться материалом, а его уже звонком будят на другой предмет, требуя мгновенного переключения, внимания и сосредоточения. Отсюда – детские психозы, протесты роста. А главное – поверхностное освоение предмета. Информация скользит по коре мозга, не прони-

кая в извилины. Дети не хотят думать, не испытывают осознанной потребности докопаться до истины, исследовать причинно-следственные связи: почему Анна Каренина бросилась под поезд, а Гитлер напал на Советский Союз. Им не хочется запоминать сложные структуры химических соединений, если в этом нет насущной необходимости и интереса.

– Невозможно испытывать потребность ко всем знаниям, а экзамены надо сдавать во всем дисциплинам, – парировал Громов.

– Или – не сдавать! – напористо отвечала Ольга, – Мы пришли к выводу, что экзамены вообще не нужны. Гораздо эффективнее конкурсы, коллективное творчество, интегральное мышление. Один в поле не воин. За несколько лет мы разработали комплексные задания, решение которых требует сопряжения разума. Эти задания имеют разные модельные конструкции. Одни работают как тренажеры на разрешение внештатных ситуаций, например, «космическая команда на орбите», другие нацелены на созидание реальных продуктов и систем. К примеру, дети строят малые архитектурные формы на детской площадке, начиная с расчета затрат, заканчивая внедрением. Это уже реализация социального проекта. Когда одни в процессе строительства, другие наблюдают за ними, изучают отношения в группе. Будущие социологи, психологи, политики делают публичный доклад по результатам наблюдений, мониторингов, а юные режиссеры снимают микрофильмы, монтируют, показывают всем. Школа Со-Творчества – школа будущего.

– Всё это весьма занимательно, даже интересно, но наша бюрократия, скорее всего, сотрёт эту идею с потрохами, и не будет никакой «школы будущего». Серость, как плесень, везде и всюду. И эти дети – Индиго, так и не смогут занять свою нишу в современной экономике и политике. Я знал таких вундеркиндов, и многие из них живут обычной жизнью – ниже среднего уровня. Одни спились, другие сдвинулись в бизнес, третьи ударились в религию, – намеренно философствовал Андрей Романович, внимательно отслеживая реакцию Орловой.

Громов уже оценил дар ума этой женщины, и она казалась ему необычной не только по интеллекту. В ней было что-то притягательное, неодолимое, глубокое, как глубина океана. «Воронка», – пришло в голову первое ассоциативное сравнение. Генерал был профессиональным психологом, расколоть клиента любого уровня ему ничего не стоило. Он понял и эту незаурядную даму, но уже поддался торнадо её мыслительных вихрей. Она уносила его за горизонт, где проглядывались черты будущего. А это всегда манит, несмотря на осознанную опасность.

Громов понял еще одну вещь. Они с Ольгой ровесники, может быть, сидели в детском саду на одном горшке, где-то пересекались на школьных соревно-

ваниях. Среди представителей их возрастной группы детей Индиго было не более 1%. Некоторых было сложно распознать с раннего детства, иные не получили должного образования, а большую часть этих уникальных созданий сломала социальная и педагогическая система. И вот она – первая удачная встреча. Ольга Орлова – одна из них, детей Индиго. Редкий экземпляр, адаптированный к социуму и прекрасно закамуфлированный в ученую степень. Ей, наверное, тоже одиноко в этом мире... Громов думал по этой линии не более секунды, разглядывая всё ещё наглухо закрытую для него собеседницу. Ему уже не хотелось раскрывать её, следуя долгу службы, а хотелось подольше побыть, поговорить, послушать, что он умел делать с небывалым вниманием. Как только генерал смирился с отсутствием долга, Ольга сразу же приняла новый формат и начала говорить, следуя логике заданного направления.

– Да, Вы правы. Хрупкий хрустальный мир детей нового мира затоптан слоновьей поступью образовательного стандарта, где правит мадемуазель Ку-Ку. Они – эти дети – знают всё с рождения, но этот золотой песок вымывается с каждым днём грубого убого воспитания. Они подобны исчезающим видам, также беззащитны и ранимы. Но, к сожалению или к счастью, этот вид не исчезает, а, напротив, является на свет – без проводников и поддержки. Представьте птенца без матери. Ему нужна защита. Поэтому я начала пробивать этот проект. А финансируют его по двум основным причинам: во-первых, это частично скрытая поддержка ЦРБ с его прогнозами, которые интересны губернатору, во-вторых, проект «Интегральное образование» привлекает сильных мира сего, мнящих себя и своих отпрысков людьми нового поколения. Все школы для одарённых детей забиты избалованной массой рыночного потомства. Просветив новыми технологиями десять баловней судьбы, можно вырастить одного нормального Человека. Другого пути нет. Интегральное образование разрастётся, как снежный ком, как спрут, и это будет новая формация, в которой массовое одурачивание подрастающего поколения станет невозможным, а прогресс созидания – неизбежным.

– Если так, то ваш проект становится угрожающе интересным сильным мира сего, – в силу его опасности. Необразованность, вызванная фрагментацией сознания, – это планируемый результат. Элите нужна управляемая армия трудовых ресурсов, а не мыслящая команда индивидуумов.

– Не стройте иллюзий, господин Громов. Никакой «мыслящей команды» не может быть по определению. Большая часть населения нуждается в управлении, поддержке и одобрении. Люди не могут жить без чётких правил и алгоритмов, многие не способны принимать даже самые простые решения, которые

требуют ответственности. Конечно, мы хотели ли бы расширить круг лидеров, поднять простых исполнителей до уровня сотворчества, но это пока в далёкой перспективе. Теоретически это возможно, но практически – нет. В каждом поколении рождаются лидеры и исполнители в определенной пропорции, как девочки и мальчики. Этим рулит Природа.

– Вы защищаетесь, и я Вам сочувствую. Поймите, мы с Вами на одной стороне, если абстрагироваться от должностных полномочий. Я тоже хотел бы получить такое образование, но, увы, пришлось развиваться вопреки наущениям педагогов. Только это и спасло от деградации. Мне бы хотелось – без записи нашей беседы – осмотреть, как вы говорите, «горизонты грядущего» – с Ваших слов.

– Зачем? – дерзко перебила его Ольга

– Исключительно из собственного любопытства. И, что самое главное, хотелось бы понять, каким методом Вы прогнозируете, есть ли его описание в публикациях. Мы искали, ничего не нашли, только обзорные статьи про некое «диалектическое прогнозирование».

– Ну, я не верю, что без записи, а это напрягает. Чтобы удовлетворить Ваше любопытство, нам придётся общаться в день по три-четыре часа к ряду. А это курс лекций, который нигде не прописан. Его ещё предстоит соорудить.

– Очень опасная ситуация. А вдруг с Вами что-то случится? И метод так и останется не познанным – без наследников. Простите, что я так говорю, но я не верю, что Вы не подстраховались и не сокрыли всю информацию где-то в тайнике.

– Весь багаж у меня здесь, – Орлова показала на свою увенчанную высокой короной причёски королевскую голову, – и кое-что уже оцифровано. Я знаю, что буду жить достаточно долго, чтобы успеть передать своё наследство будущим поколениям. А метод – он у Вас лежит под ногами, надо только поднять.

Они ещё долго говорили о будущем России, о ситуации в мире, похожей на старое одеяло, которое рвётся в местах, где тонко, о попытках урегулировать конфликты путём изнуряющих и бесплодных переговоров, о том, что миром правит реклама, о которой Астра говорила, как о самом страшном зле. Так могли бы беседовать мирные дворяне позапрошлого века в своих загородных усадьбах «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне», но собеседники были не дворяне, а затерявшиеся в поколении одиночки племени Индиго, которые нашли друг друга, как всегда, по счастливой случайности. Задача Громова была простой: он хотел знать, о чём говорили Ольга и Пол Уитмен в его резиденции. Разумеется, Контора была сведуща об её тайных визитах и даже о том, что Ольга провела у Пола одну ночь. Очевидно, что иностранный агент проявлял к ней особый интерес. Но почему? Углубившись в полемику и

убаюканный обаянием умной женщины, Андрей Романович уступил внутренним требованиям долга и решил отставить «допрос» на потом.

В тот же вечер он вернулся в город, усеянный предновогодними огнями в предощущении предстоящего праздника. Все как-то изменилось. И город, и люди. Есть такое понятие, как «измененное сознание», которое применяют в наркологической практике, обозначающее уход от реальности, пограничное состояние души. Термин очень подходит для понимания того, что происходит с обществом, однако, с инверсным значением. Люди приходят в сознание, останавливаются в реальности и даже замирают в ней. В этом внешнем спокойствии есть затаенная угроза, скрытая, но от того не менее опасная. В России есть две России, и обе они реальные.

Громов вышел из машины, постоял около ледового городка, набрал в руки снега и слепил снежок. Бросить его было не в кого. Он так и стоял со снежком в руке, испытывая наслаждение от холодного таяния. Генерал думал.

Зима стояла теплая, влажная, и можно лепить снежную Бабу. Технология катания снежного шара для Бабы похожа на сбор налогов. Прокатится «шарик» по всей стране, где-то соберет, где-то сдерёт до прошлогодней травы, а где-то и оставит целину, и укатится прямо в центр правящего класса, где его распилят, разделят, растопят, часть заморозят, – все, как у хорошей хозяйки. Из бюджета накормят многочисленную армию бюджетников, – это свой люд (народ делится на бюджетников и всех прочих). Прочие кормят себя сами и платят налоги. Два полюса видны четко. Если «черная дыра» присоседилась к огромной звезде, то она начинает наматывать её на себя, расти, как юла (диск и стержень), и в конечном итоге «съедает» всю звезду. «Черная дыра» бездонна и многосильна, хотя кажется маленькой. Сравнение гиперболическое, но между отношения чиновниками (правлящим классом) и просто гражданами можно было бы символично иллюстрировать именно так. «Черные дыры» – это власть, а «звезды» – народные накопления, энергия, потенциал. Сегодня есть баланс сил, энергии примерно равные, но расстояние, разрыв между народом и властью увеличивается.

У чиновников много бумаготворчества, планов и программ, мало простого общения. На человека извне смотрят, как на больного. Всё холодно и формально. Улыбки, подарки, праздники, диалоги в СМИ, как между двумя кораблями, которые встретились в открытом океане и больше никогда не пересекутся. Надо ли понимать, что одни из них пираты и паразиты, а другие создатели и производители? Однако, – баланс. Власть взяла на себя обузу по незащищенным слоям, инфраструктуре городов, безопасности и, как ни странно, начала справляться с этой работой, избегая, правда, панибратских отно-

шений с населением. Иные же или прочие тоже научились «паразитировать» на бюджете, давать взятки, коррумпируя чиновную касту, или продуцируя иждивенческие настроения в маргинальной среде. В общем, хороши обе России. Бюджетная Россия постепенно превращается из островка социального капитализма в оазис коммунизма для избранных, а внебюджетная формирует альтернативное пространство, строит свои сети, торит свои пути. На любых этажах эти две России могут договориться, как на уровне фермера с главой сельсовета, так и на уровне правительства и олигархии. Власть, выстроив бюджетные потоки, умерила свой аппетит, а внебюджетная Россия отгородилась от власти, чтобы сохраниться и вырасти.

Громову было всё понятно, по крайней мере, так он считал до разговора с Ольгой Орловой. Теперь же генерал почувствовал чудовищный временной разрыв между тем, что он до сих пор понимал, как явь, и тем, что ему не подвластно «там, за горизонтом». Это не видение страшно встревожило его. Непривычное ощущение для генерала ФСБ. Контора как-то упустила важность прогнозирования на перспективу, сосредоточившись на сиюминутных угрозах. А вот Пол Уитмен понимал значимость прогнозов. За ними и прибыл в далёкую Сибирь. Как и чем теперь заполнить этот провал? Мало того, что можно вытянуть из ЦРБ – рано или поздно они выдадут всё до буквы, – в этом Громов не сомневался, – а что потом? Ему нужен сам метод, удочка, чтобы ловить рыбу. Как гром среди ясного неба, возникла гигантская потребность в познании будущего, – и это случилось в один момент, как голод у человека, проснувшегося от летаргии.

Внезапный звонок прервал его глобальные размышления. Звонили из медицинской части, сообщили, что Пол Уитмен пришёл в себя, и к нему вернулся разум. Генерал срочно выехал на встречу с Полом.

ГЛАВА 20. СВЕРШЕНИЕ ЧУДА

Расследование в рамках спецпроекта «Бункер», как его обозвали сотрудники Конторы, шло своим ходом, но Иван Забродин оставался пока вне зоны внимания. Он представился чужакам как Маг, способный улавливать «Послания Высших Учителей». Чтобы отбить у любопытных всякую охоту к допросам, навязчиво предлагал сотрудникам послушать «послания», цитировал их монотонным голосом праведника, отчего отформатированные конторские служащие вежливо тупели и отступали. Так он выиграл время для собственных занятий и размышлений. Пауза, которую он отбил, была временной, ведь именно он был одним из узников Пола, подвергался опытам, и с минуты на минуту его будут допрашивать, что и как.

После краткого периода адаптации Забродину нужно было кое-что вспомнить, но он – не мог. В памяти остались смутные силуэты разумных живых существ, облик чужой планеты с маленьким красным солнцем, свирепым, как пасть дракона. Суровые жёлто-коричневые ландшафты с редкой колючей растительностью и синие горные хребты, отливающие бело-голубыми вершинами. Но эта жуткая красота зияла пугающей невозможностью привить жизнь, достаточную для эволюции. Разумные существа, которые обитали там, были, скорее, гостями планеты или её потомками, сохранившими инфраструктуру цивилизации в подземных шахтах-лабиринтах. Там его лечили, учили, отвечали на мысленные вопросы, подавали ответную информацию прямо в подвалы подсознания. Олан не чувствовал от них угрозы или обиды. Ему казалось, что он никогда не сможет забыть увиденного и понятого. Но теперь с тревогой осознал, что в памяти многое стёрто, как меловая запись со школьной доски, – остались одни разводы. Команда Куратора терпеливо ждала исповеди о его внезапном исчезновении и пребывании на борту инопланетного судна, но так и не дождалась, поэтому весь период его отсутствия в Центре решили отнестись к пребыванию в подземной лаборатории.

В присутствии «третьих лиц», наводнивших Центр, Семерке было сложно собрать свой кворум и обсудить дела. По этой причине пришлось шушукаться по сторонам, и одним из таких тайных мест послужил домик деда Акима. Олан, профессор и Куратор собрались там в одно время по необходимости договориться, о чём можно говорить команде Громова, а что следует скрыть. Аким поил всех своим лесным чаем и спрашивал о Настеньке, как она оправилась после аварии. Его уверили, что внучка идёт на поправку, и скоро он её увидит. Чутьем старик понял, что надо ретироваться, и скрылся в маленькой кухоньке, притворив за собой дверь. Брусилов, готовый к обсуждению, быстро скоординировал тайную вечерю.

– Иван, мы тут с Пальчем посоветовались и решили, что твоё путешествие к иным мирам должно остаться между нами. Об этом знают несколько человек, в том числе Шилов, но мы ему доверяем, хотя, как сказать...

– Следует предполагать худшее. Если Олегу пообещают новые погоны, ему будет трудно избавиться от искушения, – продолжил мысль Куратора Знаменский, – но доказательств нет, поэтому инопланетная версия в его устах при нашем молчании будет выглядеть бредом.

– Доказательства есть, – рассудил Олан, – тайная комната в лаборатории – не земного происхождения. Под первым бункером тоже кое-что осталось, до чего мы так и не докопались. Пусть расследуют, а мы тут ни при делах. Главное сейчас – сохранить

Адаптер. Арон вернул Ключ, но сказал генералу, что он – часть целого, теперь служивый придёт за целым, и что мы будем говорить?

– Надо спрятать прибор и «ключ». Как-нибудь выкрутимся, скажем, что потеряли, – с большой долей сомнения проговорил Брусилов. Знаменский предложил другой вариант.

– Генерал не видел прибора, за него может сойти и другой аппарат. У меня есть одна мысль, – профессор теребил свой квадратный подбородок, интенсивно представляя модель суррогатной модели Адаптера.

– А Ключ? – укрепил его сомнения Олан, – он должен иметь сопряжение с электромагнитным полем. Это иная технология. Бляшка сама превращается в энергетический сгусток, потом становится куском холодного металла. Состав его неизвестен. У нас могут потребовать то, что генерал сам держал в руках.

– А может быть, отдать им всё это, тогда гора с плеч, ведь всё равно мы не сможем пользоваться этой технологией, а так – созовут спецов, будет хоть какая-то польза, – повелся на страх разоблачения Куратор.

– В том то и дело, что мы сможем его использовать – для лечения душ, – протестовал Забродин, – и одна душа уже излечена. Фриц не умрёт, останется человеком, но не таким, как прежде, другим – без грешных мыслей и потребностей. Гордыня уйдёт. Потом постепенно исчезнут другие духовные болезни. Не знаю только, сможем ли мы наблюдать это, ведь он нам не доступен...

– Это почему? Думаю, мы ещё насмотримся на эту рыжую бестию. Завтра мой день общения с генералом, попробую уговорить отдать нам агента на пробу наших технологий вытягивания инфы из мозга. Для этого придётся раскрыть некоторые карты, а именно программу оцифровки снов, – спокойно ответил Брейс.

Профессор подтвердил, что эксперимент с Поллом был необходим, и ребята успешно провели его на свой страх и риск. При этом взяли самый изысканно «грязный» экземпляр, чтобы результат был налицо. Знаменскому тоже хотелось «восстановить» грешного шпиона, чтобы вывести у него всю информацию о «переселении душ». Брусилов не разделял его оптимизма, но вынужден был согласиться, что Пол – наиболее удачный «подопытный» для первого раза. Забродин настаивал на том, чтобы сохранить Адаптер для проведения аналогичного эксперимента с Янгой. Борис начал было яростно возражать, но Олан настойчиво перебил Куратора:

– Послушайте, господа-товарищи. Я же не сам это придумал. Арон уже третий день ходит за мной по пятам и просит «полечить» Янгу. Парень влюбился и хочет, чтобы девушка была чистой, светлой. Она сама уже на грани срыва. Похоть одолевает ею, и это

может случиться в любой момент, с кем угодно. Боюсь, он этого не переживёт. Надо бы запустить процесс очищения. Мы можем сделать это вместе. Иного пути у нас нет, мы всё равно потеряли Астру, и теперь ответственны за её сестру. Она бы хотела, чтобы мы спасли эту заблудшую душу из тёмного мира.

– Насколько это опасно? – с подозрением спросил Брусилов, – Я не могу рисковать, ведь это неземная технология, могут быть непредсказуемые последствия.

– Ничего страшного не случится. Чертовка Янга превратится в скромную девицу, хотя кому-то это не нравится, – с горькой иронией произнёс Олан, с намёком поглядывая на профессора. Знаменский поправил вспотевшие очки и в оправдание ответил:

– Да, я и не скрываю, что мне интересно её хулиганское поведение, она заводит. Вопрос в том, кто будет первым. Ну, не будем же мы играть в «орлянку». Пусть первым будет Арон. Если вам удастся излечить её от похоти, то флаг вам в руки, действуйте без промедления. Но, чур, я буду свидетелем...

– Чего? Первой брачной ночи? – расхохотался Брейс, – Вы меня спросили? Решили они!.. Я до сих пор не могу поверить, что это не Астра, но даю согласие в надежде, что она вернётся после этого сеанса. Да, сам вижу, что в теле не она, какая-то пришлая стерва, надо избавиться от неё поскорее!

В итоге все пришли к единому мнению, что Янгу необходимо подвергнуть процедуре очищения (просветления) через Адаптер. Оставался неясным вопрос: где и когда? Все комнаты под контролем, хотя для этого волшебного действия особого оборудования не требовалось. Ну, не в сторожке же Акима проводить вселенский эксперимент! Знаменский предложил свою берлогу, в которую никто, кроме него, войти не сможет. Шилова и Кэт решили пока не посвящать в тайну святого заговора.

Через час Знаменский пригласил Янгу и Арона к себе в гости, где их уже ждали Забродин и Брусилов вместе с Адаптером. Увидев всех мужчин вместе, Янга воодушевилась, забыла про этикет, которому учил её Арон.

– Привет, папочка! Кажется, я дома. Меня все знают, а я – никого. Говорят, что я долго спала, а потом проснулась. Ничего не помню. Зачем я здесь?

– Янга, мы хотим, чтобы ты вспомнила то, о чём забыла. Для этого надо всего лишь немного терпения. Сейчас мы проведём с тобой небольшой сеанс гипноза, ты всё вспомнишь, и будешь жить дальше со своими воспоминаниями. Ты не знаешь даже, как тебя зовут, – увещевал Борис Брейс копию Астры.

– А зачем? Мне и так хорошо. Не хочу, не буду! – капризничала девушка. Однако Забродин быстро успокоил её, проведя ладонью надо лбом. Девица села на стул и вытаращила глаза в молчаливом ожидании чуда.

– Так проще, – пояснил свои действия Олан, – а то год будем уговаривать, пока она не изведёт всех. Я этих чёртовых дочек знаю... Арон, давай Ключ. Сам будешь заводить или мне?

– Я не смогу, сделай сам, Иван Михайлович, волнуясь очень...

Александр Павлович Знаменский приступил к сеансу гипноза. Все отошли в кухню, и в каминной комнате ему никто не мешал. Профессор быстро справился с задачей, девушка вошла с искомым состоянием, что само по себе искушало великого психиатра задать ей пару вопросов в темноте сознания, что он и сделал:

– Астра, ты слышишь меня? Где ты теперь?

– Я не Астра.

– Где ты родилась?

– Не родилась...

– Что ты помнишь из прошлой жизни?

– Больница, уколы, гостиница, дом, Арон...

– Вспомни свои сны! Ты видишь сны?

– Сны?

Профессор понял, что душа Астры в этом теле отсутствует. Сеанс он записал и решил тут же продемонстрировать коллегам. В комнату вошли участники эксперимента и просмотрели краткую запись на планшете. Стало очевидно, что девушка помнит эпизоды своей жизни после аварии, а то, что было до того, так и осталось скрытым.

Иван Михайлович попросил всех удалиться, теперь его очередь. В качестве ассистента остался Арон. По просьбе трудящихся его работу строго фиксировали. Олан начал колдовать над Адаптером. Прибор засветился, что означало готовность к действиям. Арон достал Ключ, «подвесил» его над Адаптером в состоянии невесомости. Ключ завертелся, растворяясь в энергетическом поле, и превратился в сгусток плазмы. Затем он слился с телом прибора, как бы вбирая в себя некую таинственную силу, и погас. Забродин наложил сверху руки и начал «выкручивать» Ключ в обратном направлении. Через несколько секунд он был уже у него в руках в твёрдой форме. Теперь следовало наложить его на лоб девушки и отдать мысленную команду. Это было поручено Арону. Они работали вместе, как отец и сын, без слов понимая друг друга. И это было вполне объяснимо, ведь Пол проводил с ними один и тот же эксперимент, перемещая их души из одного тела в другое. Мозг Арона принял большую часть информации от Олана, а, значит, и часть его души. Так молодой человек внезапно приобрёл аномальные способности, о которых толком ещё не знал, но зато знал его Учитель – Олан.

Ключ на лбу Янги нагрелся и приобрёл тёмно-красный оттенок затухающих углей. Казалось, что он вот-вот прожжёт кожу. Олан, упреждая тревогу Арона, начал проводить сеанс пассами рук и попро-

сил его крепче держать испытуемую, опасаясь, что она начнёт биться в конвульсиях. Тревога оказалась не напрасной. Янга начала трястись и рычать, как при «изгнании Дьявола».

– Вот она, Лярва, присосалась к ней, пищит, отрывается!.. Держи крепче! – орал Олан.

На крик вбежали профессор и Борис. Они оба помогли держать дёргающееся тело Янги, с ужасом наблюдая её искажённое лицо. На нём была отвратительная гримаса клоунской улыбки с высунутым до основания языком. Их гортани шло мерзкое шипение и харканье со звуком «Ха-р! Хаа-ра!». Но Олан был спокоен, продолжая творить чудеса. Полчаса – не меньше – шла напряжённая работа. Наконец-то «ключ» упокоился, намотав на себя всю духовную черноту, и сам отпал ото лба подобно пивавке, напившейся горячей крови. На месте его соприкосновения красовалось овальное розовое пятно. Теперь – следующий этап – утопление Ключа в Адаптер, где сущность, прилипшая к Душе, распадётся на «элементали», как говорил Олан. Эту процедуру Забродин решил провести за пределами комнаты. Сделав знак Арону, он вышел из каминного зала, забрав с собой Адаптер и Ключ.

Знаменский и Брусилов замерли над спящей царевной, каждый – в ожидании своего результата. Профессор вывел девушку из гипноза, но она не сразу открыла глаза. Её лицо успокоилось, стало бледнее прежнего, меж ресниц просочились слезинки, но тонкие пальцы всё ещё дрожали от пережитого. Борис отогрел эти хрупкие ручки в горячих ладонях, дул на них, желая отдать часть своей жизни в это драгоценное существо, которое (может быть!) снова стало его любимой Астрой. Но, увы, это была совсем другая девушка. Первый вопрос, который задал ей Куратор:

– Астра, помнишь меня?

– Астра?.. Что-то знакомое. И лицо твоё – тоже. Ты мой отец?

– Твоё имя – помнишь своё имя?

– Кажется, Янга, но оно не моё. Я устала и хочу спать. Дайте попить.

– Есть отличное вино...

– Нет, просто воды. Во рту пересохло. Где я?

– Такой же вопрос задала нам Кама, ты помнишь Каму?

– Кама... Она мне снилась, а потом я рисовала её портрет.

– Господи! Ты вспомнила! – Брусилов обернулся к профессору в надежде разделить свой минутный восторг, – Алекс, какая радость, ты видишь, у нас получилось!

– Не торопись. К ней возвращается память Астры, только и всего. Мозг-то её, – там всё записано. Откуда бы она знала язык, если бы мы имели дело с абсолютно чистым сознанием?

– А душа? Душа может вернуться вместе с памятью?

– Теоретически – да, но только частично в самой простейшей её интерпретации – на уровне эмоций. Но есть Ядро – константа Высшего Духа. Оно уникально для каждой личности, хотя и привязано к структуре ДНК, по которой передаётся родовая память.

– Астра, мы сегодня же вернём тебя в твои апартаменты. Там уже всё готово. Ты будешь жить, как прежде, – верещал Брусилов.

– Туда, где я спала? Нет, не вернусь. И не зовите меня Астрой. Мне неприятно. Моё имя Анастасия, Настя. Я видела свой паспорт после аварии.

– А про Янгу – что можешь сказать?

– Янга... Не знаю, почему я так себя называла. Это была не я.

После первого разговорного променада со спасителями души Арон проводил девушку Настю в Лабораторию снов. Она была напугана и отказалась там ночевать. Попросила вернуть её в простую комнату, которая была выделена Янге. Арон сопроводил её и дождался, пока она уснёт. Все участники последнего события ждали его во флигеле Знаменского.

Забродин, завершивший своё дело с Адаптером, был уверен в успехе. Но Борис Арнольдович со свойственным ему скептицизмом попытался, откуда такая уверенность:

– Иван, или Олан? Как можешь доказать, что душа Астры очистилась, а Лярва, как ты её называешь, испарилась?

– Лярва – это паразитическая сущность низкого плана, которая питается эманациями оргазма. Она цепляется за слабую волю и сводит людей с ума, побуждая непрерывно испытывать требуемое состояние. А это – секс, алкоголь, наркотики. Удержаться практически невозможно. Мы изгнали сущность и аннулировали её в Адаптере. Бывали случаи, когда Лярва отрывалась, а потом возвращалась на место. Экстрасенсы практиковали изгнание бесов – не всегда удачно.

– А когда эта сущность прицепилась к ней? После аварии, или до неё, или мы просто не замечали?

– Всё гораздо сложнее. В утробе матери обе души были тесно сопряжены – восьмёркой. При отделении одного тела от другого в момент аборта эта связь сохранилась. Именно этому сопряжению Астра обязана своим даром. Её душа наполовину была погружена в тонкий мир, а та часть, которая отвечает за телесное существование, пребывала здесь. Лярва всегда ищет сладкой пищи среди людей. Но путь к ней недоступен. Для того, чтобы расширить входной портал, надо раздвинуть энергетические центры до определенного уровня, чтобы проникнуть в эмоциональную чашу. Это достигается

через наркотики и другие психотропные средства. А в нашем случае с Астрой – готовый вход, всегда открытый – только успевай. Вторая душа – сестры – жила в тонком мире, но к ней присоседилась тёмная сущность, которая использовала связь сестёр, чтобы проникнуть в материальный мир острых ощущений. Это – огромный источник энергии для них, которую они поглощают в необъятном количестве, истощая носителей за несколько лет жизни. Думаю, что Лярва прицепилась к Астре уже во взрослой жизни, когда чувственный план развит наиболее ярко. Этим и объясняются атаки астральных сущностей. Астра сопротивлялась, а душа сестры – нет. Вот они и побуждали Астру освободить её тело для более удобного абонента. Янга – это воплощенная Лярва, но, к счастью, она гостила здесь недолго.

– А... Кто она – наша дама: Янга, Астра или кто-то ещё? – с тяжелым осознанием истины сурово спросил Борис Брейс, указывая в направлении двери, через которую только что вышла девушка после проведенного сеанса «чистки».

– Она? В чистом виде не родившаяся сестра Насти со всеми жизненными навыками и памятью Астры. Почти копия, но другая.

– А чем она отличается?

– Главным: она унитарна, не сопряжена с другой душой, болтающейся в тонком мире, и не обладает входом туда.

– Иными словами, дар её утерян?..

– Да, утерян. Но это был не дар, а уникальное сопряжение. Сиамские близнецы на границе между мирами. Теперь это обычная простая девушка, – разъяснял Олан.

– А девушка ли? – профессор по обыкновению ввернул свою иронию, имея в виду девственность возрожденной к земной жизни особы.

– Я не гинеколог, но думаю, что Янга не успела совершить грехопадение, Арон не дал.

Молодой человек вошёл к аксакалам как раз в тот момент, когда Забродин произносил эти слова. Он сделал вид, что не слышал пикантных подробностей. Его интересовало другое.

– Как мне теперь вести себя с Янгой? Мне нужен совет. Она привязалась ко мне, и я тоже... люблю её. Какой она будет после «чистки»? Кто мне ответит на этот вопрос, Иван Михайлович?

– Не зови её больше Янгой. Забудь. Пусть привыкает к имени, данному этому телу от рождения. А что там с душой – кто разберёт. Доказать замещение душ невозможно, да никто этого делать и не будет. По факту личность человека меняется, поведение тоже. Займись её воспитанием. Кэт поможет тебе, да и Светлана не откажет, – ответил юноше Забродин.

Профессор, сникший от непонимания глубины произошедшего, уставший от переживаний, вдруг захотел спать и попросил гостей оставить его. Зе-

вая, он сообщил, что Вета скоро поедет к мужу в Эмираты, чтобы забрать сына. Муж сам вызвал её, решил развязать руки, чтобы участвовать в ополчении, поэтому на неё не стоит рассчитывать. Трое мужчин с пониманием вышли на воздух.

Борис Брейс, Иван Забродин и Арон не хотели сразу возвращаться в сухие жаркие комнаты, перетопленные батареями. А на дворе так прекрасно! Снег сверкает неистовым криком немой красоты, деревья роняют пухлые охапки сахарной ваты, длинные фиолетовые тени от фонарей расплываются по касательной в разные стороны. Кажется, вот-вот из-за тёмных корявых силуэтов деревьев выйдет сказочный персонаж и расскажет о том, что ждёт их завтра. Борис вспомнил про «завтра» и продекларировал отрывок из одноименного стихотворения:

Завтра! Это не то, что затхло.
Не истлели его века.
Но – не стройте воздушных замков, -
Завтра – это наверняка!..

Надо жить на Земле – азартно,
Чтобы Время потратить – мудро,
Чтобы не было нам досадно:
Завтра встретить земное утро...

В этот момент всем хотелось быть героями, верить в прекрасное будущее, как верили они в самом начале – при открытии Центра, а стихотворение могло бы стать гимном ЦРБ, но – не стало. Не было подходящего композитора. Иван Михайлович с одушевлением отметил:

– Хорошо, что профессор наш наконец-то пошёл спать, а то всю неделю без отдыха. Все вы, ребята, заразились чистотой души. «Немон» распыляет своё добро по большому радиусу. Скоро всем достанется, начнётся братание и любовь, прощение обид и старание милосердия. Дезодорант Добра развеет Зло... – и так далее.

Идея распыления «добра» развеселила сугубо серьёзных учёных мужей, только что озабоченных проблемами, глубина которых весьма сомнительна. Дать или не дать какую-то информацию Громову, вернуть или не вернуть душу Полу, спасти или не спасти бедную Настю? Всё это показалось теперь таким глупым, нелепым, не стоящим внимания.

За кустами кто-то зашуршал, послышались шумки снежного скрипа. «Сказочный персонаж» предстал в образе длинного худого юноши в осеннем пальто и спортивной шапочке, облегающей и без того овальную голову. Из-под шапки на лоб выбивались лохматые пряди нечесаных волос. На ногах – спортивные штаны, заправленные в старые лыжные ботинки.

– Ты кто?! – строго спросил Брусиллов, поскольку нувшись от неожиданности.

– Клим. Клим Ветров, – ответил переросший подросток бройлерного цыплёнка.

– Откуда?

– А?... Я? Работаю тут – на кухне.

Куратор вспомнил историю про Психа, который чуть было не сорвал им Симпозиум своими эротическими презентациями, и весело рассмеялся.

– А... Это ты? Откуда? Тебе же лечиться надо, мы тебя в больничку отправили. Уже выпустили?

– Я полечился и вполне здоров. Приехал к Магдалине Богдановне, а её нет. Вот, жду теперь...

Борису стало жаль несчастного, к тому же он оказался в самый благодатный момент для прощения, тут же был прощён и отпущен в кухню, где его ждала Варя с горячим супом. Три месяца назад, накануне облавы, когда все пошли по грибы, Псих украл у поварихи Люды золотой браслет и спрятал в дупло, а теперь вытащил, будто бы нашёл драгоценность, и отнёс поварихе Варе. Она пришла в полный восторг и прикормила «болезного», к тому же груди у неё оказались значительно больше и доступнее, чем у Магды. Персонал Центра всегда жил сам по себе, не вникая в дела руководства и учёных в «лабораториях». Все привыкли к странным гостям, и теперь Варе приходится кормить целую бригаду слуг государевых, пожирающих фирменные сибирские пельмени со скоростью белки, грызущей орехи.

После морозной прогулки удачливым экспериментаторам захотелось есть. Они прошли на кухню и попросили сварить пельменей. Аппетит был отменный. Кажется, впервые после всех переживаний в течение последних месяцев на горизонте проявился свет надежды.

Несмотря на поздний час, Ольга не спала. Полусонная, она вышла в коридор, по наитию нашла мужа с коллегами в столовой и присоединилась к трапезе. Последние дни она часто тайком ела по ночам, обманывая себя и упрекая в прожорливости в поиске внезапных причин. На самом деле растущий плод, обретший свою душу, требовал пищи. Розовая, слегка располневшая, с томным взглядом больших серых глаз и небрежно разбросанными пепельными волосами, Ольга ела. Ела! Борис не мог налюбоваться, как будто ел вместе с ней, её животом и желудком, физически ощущая насыщение плода. Общее состояние оказалось заразительным. Вся команда, несмотря на регулярные опросы и расследования, впала в состояние сонливой чистоты, сравнимой с чистотой субботней уборки, запахом свежесмытых полов, усталых тканями половиками после снежной стрики. Они как будто знали нечто такое, что давало им тайную радость абсолютного решения всех проблем на веки веков.

ГЛАВА 21. ФОРМУЛА ЖИЗНИ

С душой, начисто отстиранной в Адаптере, американец Пол Уитмен давал показания без всякого сопротивления, свободно, испытывая творческое удовольствие, какое получает учитель от благодарных и одарённых учеников. Казалось, его интересует не политика, а только сам предмет исследования, всё познанное и непознанное, с ним связанное. Пол долго и пространно объяснял сотрудникам конторы премудрости инопланетных технологий, трансформацию душ и многое другое, что было непонятно для оперативных сотрудников и аналитиков. Он хотел удивить своих слушателей, рассказал историю своей жизненной «матрёшки» через три воплощения, после чего корифеи мягкого политического допроса окончательно сникли, испортив отчёт подозрением клиента в «типичной шизофрении». Казалось, что иностранный агент потерял нить обратной связи и выражал искреннее стремление продолжить научные изыскания вместе с Иваном Забродиним, которого упорно называл «господин Олан, который владеет «Немоном». Зафиксировав «бред сумасшедшего» в полном объёме, группа допроса сдала работу генералу Громову. Внимательно изучив пространный фолиант, генерал дал задание штатному психологу раздобыть научные труды, тексты выступлений Забродина, в том числе, на Симпозиуме «Формат будущего», составить его психологический портрет по фотографии, и выдать рекомендации. Интуиция подсказывала ему, что Иван Михайлович – главный фигурант в деле тайных технологий, кои обычно прячутся за выпуклыми персонажами, играющими роль «дымовой завесы». Психолог, изучив тексты Забродина, посоветовал шефу «быть искренним и говорить правду», потому что данным фигурантом манипулировать бесполезно.

Встреча с Иваном была назначена на пять часов вечера. Забродин с утра готовился мутить голову службисту, желая отвести подозрения в его причастности к инопланетным контактам. Маг опасался, что его могут признать неадекватным и отправить в больничку, как бедного Клим Ветрова. Как остаться невидимым между двух огней? В этом размышлении его и застал цепкий генерал, прикинувшийся демократом, лояльным к инакомыслию.

Иван Забродин не хотел вступать в диалог с представителем фискальной власти, но Громов с первой минуты расположил собеседника к долгому диалогу, задав любовной вопрос:

– Иван Михайлович, как Вы относитесь к тому, что грядущая раса будет управлять обществом на основе интуиции, а не знаний и законов?

Иван строго посмотрел на генерала, проникая в его подсознание, наткнулся на непреодолимый барьер энергетической защиты и понял, что человек вооружён нетрадиционным знанием и хорошо

обучен. Он почувствовал в новом собеседнике внутреннюю свободу и волю, данную ему от природы, опыт, обретенный в суровой системной школе. Выдержав допустимую приличием паузу, Забродин начал говорить медленно и правдиво, насколько это возможно в данных обстоятельствах.

– Интуиция работает внутри нас, привнося истину, которая не всегда соответствует законам и знаниям, полученным извне, которые творят люди, а не Боги. Извлечение интуиции идет посредством творчества, и только так человек может быть свободен. Отсюда – глобальное противоречие внутри нас. Познание самого себя есть норма жизни, формула, прописанная нам с рождения. Кто отходит от этой нормы – нарушает природу. Государство – это система насилия, но в то же время и охранная грамота. Оно двулико и двояко, как две стороны одной медали. Общество, состоящее из людей с нарушенной спиралью эволюции, нуждается во внешнем управлении и диктате. Это всегда вынужденная мера. Пришло время, когда люди получили свободу, хотя бы в виртуальном пространстве, и теперь они способны действовать, следуя интуиции, внутреннему призыву, освобождаясь от внешнего влияния. Для государства это опасно.

– Это может привести к краху, системной катастрофе, неуправляемости? – Громов нарочно выводил собеседника на глобальный просpekt, создавая пространство для манипуляций в поле дискуссии. Однако Забродин не терялся и продолжал свою линию чётко, без иллюзий и пафоса.

– Грядёт совершенно иной класс событий, к которому не готовы элементы системы. Катастрофа прячется внутри нас. Души вибрируют от тонких излучений, сотрясаются, выбрасываются из тел. Оттого так много суицидов, инсультов, инфарктов...

– И что – спасение невозможно?

– Возможно! В каждом есть внутренний встречный огонь Любви и Доброты. Все, одержимые грехом, не смогут справиться с излучением сверхвысокой частоты, которая идёт из космоса, ускоряя ход времени. Только высокая нравственность становится единственным средством выживания. Человек Будущего – это великий общинник, даритель и благодетель.

– И когда началось это излучение? – Громов, не проявляя признаков насмешливого скептицизма, характерного для подобного рода разговоров в среде профильных офицеров, спросил это с затаённым дыханием человека, близко подошедшего к свету истины.

– Как только у нас на Земле появился Интернет. Развитие информационных технологий перевернуло мир. Человек наполнился информацией, но стал резко сокращаться духовно. Значимость Личности притухла, но появилась возможность инте-

рактивной демократии. Планетарная виртуальная общность создала Коллективный Разум, собственное «Я» в нём постепенно стирается. Эгоизм, получив самовыражение через социальные сети, самоустраняется со скоростью течения времени. Вопрос в том, кто захватит фантом Коллективного Разума. Тёмные уже в агонии. Они бросили все свои силы. Никогда ещё ранее на умы людей не обрушивалось такое мощное цунами грязи, насилия, жестокости, подлости. Зло повсюду. Поэтому космические силы начали чистить планету от этого липкого, душного, безобразного облака воплощенного Греха...

– Простите, что перебиваю, – нетерпеливо взяла инициативу Громов, – выходит, что эти космические вибрации специально сгенерированы для того, чтобы отсортировать чистых от нечистых. Чистые не пострадают, так как они адаптивны к этим вибрациям, а нечистые, отяжеленные потребностями низкого плана, материальностью, грубой логикой, начнут один за другим выбываать, сокращая человеческие ряды. Удельный вес «чистых» становится больше, и дальше всё происходит в геометрической прогрессии. И как скоро произойдёт это разделение?

– Процесс идёт, но пока медленно. Мы работаем над этим, чтобы сдвинуть лавину с места. Достаточно одного толчка.

– И что мешает сделать этот толчок?

– Небывалое сопротивление всех систем управления. Интеллект вместо интуиции, эгоизм вместо общности, восхождение «Я» к вершинам власти – вместо воздвижения ближнего.

– Воздвижение ближнего? Кто же будет двигать вперёд своего конкурента?

– В этом-то и весь секрет. На место конкуренции должно встать соревнование. Победа другого человека должна радовать, а не возбуждать зависть. Радость основана на любви. Мы вот любим своих детей, радуемся за их успехи, продвигаем вперёд, не задумываясь о том, что они могут стать выше нас. В этом и есть сила любви. Радость противоположна зависти. Сегодня это кажется нереальным, а завтра станет основой жизни.

– Свежо придание... Но вот что я хочу понять, – отходя от темы морали власти, перевёл стрелки Громов, – Как Вы лично относитесь к идее исключительности человечества во Вселенной?

– Нет такой идеи. Она бродит в безумных головах.

– Заметьте, в кругах представителей официальной науки. Учёные не могут доказать, что есть ещё другие населенные разумом планеты. Они полагают человечество единственным и неповторимым, – Громов, едва скрывая хилую усмешку наместника «научного мира», поднял вверх убедительный палец и продолжил, – А вот Вы – можете доказать, что мы не одни во Вселенной? Приведите хотя бы один железный аргумент.

– Мы! Это и есть абсолютное доказательство. Сам факт нашего существования является абсолютным аргументом. Попробуйте доказать методом от противного, что человек и всё многообразие видов на планете возникло благодаря одной случайности или их совокупности. Биллион случайностей должны сойтись в одну точку, чтобы возникла всего лишь одна «инфузория туфелька». Вселенная – это великое древо фракталов. Всё отражается от самих себя и повторяется в разных инверсиях. Ещё одним доказательством служит звездный мир, в малой степени доступный нашему наблюдению. Он бесконечен в своём многообразии. Если бы только одна планетарная система была животворящей то это, по аналогии, то же самое, как если бы только одна звезда была во всей Вселенной, да и то возникшая случайно из всех своих атомов и молекул, сбегавшихся по зову Бога в единственное шаровое образование. Абсурд! Тем не менее, так называемые учёные умы, стыдящиеся своей интуиции, пытаются доказать обратное, жертвуя очевидной истиной.

– Вы обижены, – так говорите про своих бывших коллег от науки. Но я не об этом. Представьте, что я Вам верю. Да, да, верю, – Громов встал, прошёлся туда-сюда и остановился вполборота к Олану, с хитрецей поглядывая на него, – Но вот что досадно: до сих пор, несмотря на титанические усилия поймать в сети хотя бы одно «зеленого человечка» или найти его останки, нам не удалось даже приблизиться к заветной тайне. Нам же надо всё потрогать, понюхать, препарировать, наконец, рассмотреть под микроскопом. Вы же не будете отрицать, что видели неземных гуманоидов?

– Не буду. Ваш мистер Пол тоже знает об этом. Ему удалось перекачать часть моей информации из мозга в мозг, не знаю, правда, осталось ли там что-то после аннигиляции его тёмной сущности. Не хочу доказывать то, что для меня очевидно. В своё время Пол имел доступ к их технологиям, которые были добыты Третьим Рейхом в Гималаях. Они занимались перемещением душ из одного тела в другое с целью образования непрерывной цепочки жизни с одной и той же Чашей.

– С Чашей? Простите, я не в курсе вашей специфической терминологии.

– Это центральное неделимое и неуничтожимое Ядро Души. У каждой Личности всего одна Чаша. После смерти многое исчезает из прошлой жизни, как мусор, отсеивается, а Чаша остаётся. Это и есть Жизнь.

– Никогда ещё мне не было так интересно. А откуда у Вас вся эта информация?

– Оттуда, – Забродин показал пальцем в потолок, намекая на Космос.

– Предположим. Но как?

– Через матрицу нейронного интерфейса. Мы получаем любую информацию из будущего, прошлого,

– отовсюду, но не всегда способны расшифровать её, и не вся она отражается в зеркале сознания.

– А доказательства? Простите, я консерватор, мне, чтобы понять, нужны аргументы и факты, любые мелочи.

– Опять двадцать пять! Вы видите сны? Это доказательство. Свидетелей – более семи миллиардов человек.

– Сны? Это ассоциативная работа мозга, архивация файлов, собранных за определённый период.

– Не совсем. Во снах человеческая душа путешествует в открытом пространстве и времени. Там мы свободны. Мысли смешиваются, сложно разделить своё и чужое. И потом – человек не помнит свои сны, так задумано природой. Запоминается только то, что происходит в моменты входа и выхода, в полусне. Можно научиться управлять сном. Но это отдельная тема. Что всё-таки Вы хотите от меня? Давайте перейдем к делу.

– Мне нужно целое. То самое устройство, с помощью которого Ваш ученик Арон исцелил Пола. Я сам видел, как это работает, и мы хотим его изучить.

– Это мой небесный Аватар – «Немон». В чужих руках он не работает и будет для Вас бесполезен.

– Но ведь Арон смог! Значит, можно научиться? Научите и меня.

– С Ароном всё иначе, он сопряжён со мной.

– Ладно, но мы всё равно заберём Адаптер. Это не обсуждается.

– Я могу отдать его прямо сейчас. Забирайте! С его помощью я мог бы вылечить много душ, но сотни жизней не хватит, чтобы каждого поместить в его поле. Для планеты нужен гигантский Адаптер, чтобы сразу всех окунуть в поле добра и гармонии.

– Лечением грехов церковь занимается не одну тысячу лет. Это их миссия. И они там не только на исповеди лечат, но и оптом, как Вы говорите, читая проповеди.

– Что-то плохо получается. Согрешил – покайся, и так тысячи лет. Ничего не меняется, становится только хуже.

– А как лучше? Я отдал бы жизнь за одну ясную мысль о том, как сделать человечество счастливее, добрее, чтобы у нас не было такой грязной работы. Посыпать дустом всех грешников, но как их опознать? Они же шифруются.

– Нужен такой «дуст», который сам определит, кого куда отправить, оставить жить дальше или перевоспитывать.

– Так вот мы и подошли к самой сути нашего разговора, – Громов наклонился к собеседнику, как будто хотел сказать что-то сокровенное – не для лишних ушей, – избирательное оружие, гигантский Адаптер. Направим его в толпу, гнев рассеется, армии начнут разоружаться, радикальные экстремисты превратятся в заботливых отцов, ре-

нивцы успокоятся, а лжецы сгорят от стыда. Вот бы нам такое оружие в 14 году! Мы бы тогда зараз фашистскую нечисть с исконно русских киевских земель вывели.

– Так ты ж язычник, по генам вижу. Православие принял в зрелости и то почти по приказу.

– Всё-то ты видишь, дорогой человек. Так отдашь Адаптер или я сам заберу?

– Бери, только тебе придётся писать отчёт. Дело заберут с Москву, и больше мы никогда его не увидим. «Немон» замрёт, не будет работать, пока не поступит сигнал.

– Какой сигнал? От инопланетян?

– И от них тоже. Они найдут его. Это твой единственный шанс разобраться в технологии. Так что советую пока не отдавать «Немон», а я помогу его понять.

– Предложение заманчивое. Но я уже кое-что озвучил, и мне надо чем-то крыть.

– У вас есть бункер с комнатой, в которой слышны мысли, куча артефактов, записи. ЦРБ отдаст некоторые наработки. Это больше, чем требуется для карьеры.

– Насчёт карьеры – большой вопрос. С таким багажом можно и загреметь под фанфары.

– А тебе что важнее: карьера или формула жизни?

– Формула жизни, любви, философский камень и прочая эзотерическая мишура, – всё это феерично, но не надёжно, бездоказательно. Да, согласен, что с «Немоном» надо подождать, изучить подробнее. Но гораздо важнее, как и откуда он здесь появился? Нельзя отбрасывать версию о том, что это секретные разработки США. Почему Пол Уитмен занимался этой проблемой и использовал Адаптер на территории России? Вопросов много. Но я бы хотел посмотреть на этот прибор, испытать его, если это возможно, с Вашей помощью.

– Что именно важно понять? Хотите почистить душу?

– Предположим, но каковы последствия?

– Думаю, что после этого изменится представление о мире, его ценностях. Появится то, что несовместимо с работой в Системе. Придётся выбирать.

– Я найду добровольца. Хочу посмотреть на результат.

На этом разговор мог бы и завершиться, но Громов позвонили, и он изменился в лице. Руководитель оперативной группы, проводящей расследование в бункере, сообщил, что найдены документы чрезвычайной важности, кроме того, один сотрудник исчез из тайной телепатической комнаты.

– Кто исчез? – сурово спросил Громов.

– Капитан Смолин. Он действовал в соответствии с инструкцией, – ответил на той стороне.

– Что было в инструкции?

– То, о чём можно думать.

Генерал задумался на минуту и вопросительно посмотрел на Забродина, как будто тот уже знал ответ. Иван тяжело вздохнул и ответил:

– Ваш человек не исчез. Это телепортация. Там есть портал, стоит только подумать о перемещении, и это произойдёт. Он подумал, и, возможно, попал в иное измерение.

– Как теперь вытащить его оттуда?

– Он сам явится. А что это за человек?

– Это важно? – недоуменно спросил Громов, и сам же ответил на свой вопрос,

– Да, наверное, это имеет значение. Вы лично подбирали команду, знаете этого человека. Я могу его посмотреть прямо сейчас, нужно только его представить.

Генерал согласился и закрыл глаза. Олан провёл ладонью вокруг его головы, стряхнул руки и сказал:

– Его зовут Николай. Он захотел побывать там, где был я, чтобы лично удостовериться в наличии иноземного разума. Бредил этой идеей с детства, видел НЛО.

– Как это возможно – вот так через представление знакомого получить такую информацию? Да, Николай Смолин был зачислен в спецгруппу по изучению аномальных явлений, которую раньше возглавлял ваш коллега Олег Шилов, это его ученик. Допускаю, что он мог подумать об этом. Вот, незадача. Теперь у нас будут проблемы. Надо срочно найти беглеца, и Вы нам в этом поможете.

Иван Михайлович проявил готовность помочь с условием, что сам в эту дыру не полезет: слишком тяжелы были воспоминания о плене в лаборатории бункера. Генерал на время забыл о расследовании, расспросах, и команда Куратора получила недолгую передышку, чтобы собрать Совет Семи и составить новый план действий.

«Семерка» собралась быстро. Все были на месте и в полном здравии. Не хватало только Астры, о которой никто не мог забыть, и от этого отсутствия все чувствовали себя виноватыми, как будто предали родного человека. С каждым из семи членов Совета уже были проведены переговоры, но аудиенции с генералом удостоились только Ольга и Олан. Остальные члены команды говорили с двумя его заместителями, распределившими фигурантов на категории научных и ненаучных. Так, одному достались профессор Знаменский и Арон, другому – Шилов, Кэт и сам Куратор Брусилов. Борис испытывал недоумение по поводу распределения ролей, как будто генерал Громов презрел его как ведущего, передав полномочия доверенному лицу. Впрочем, Андрей Романович сделал эту рокировку умышленно, чтобы подготовить первого руководителя к финальной встрече с ним, да и самому подготовиться.

Шилов признался, что его аккуратно завербовали, и он дал согласие. Через месяц его восстановят

в активе сотрудников и дадут звание полковника. Теперь он будет курировать ЦРБ от конторы – иных вариантов нет. Это обстоятельство вызвало обоюдное одобрение. Вместо того, чтобы внедрять кого-то чужого, команде дали возможность получить своё контактное лицо. Брусилов несколько ревностно воспринял эту информацию, но сдержался, полагая, что Шилов не будет вникать в тонкости научного производства. Забродин сухо рассказал о встрече с Громовым, вставив пространственный диалог в одну фразу: «Генерал хочет забрать Адаптер для Президента». А кто бы сомневался! Для кого же ещё? Только как это устройство поможет высшему звену власти? Забродин подтвердил, что генерал попросил обучить его, как общаться с «Немоном», провести пару показательных экспериментов.

Ольга, слушая своих друзей, думала о том, что душа Астры переместилась в её чрево без помощи Адаптера, и это чудо осталось никем не замеченным, исключая Олана. Она смотрела на него, мысленно прося не раздувать эту тему, тем более, что в перемещение души Астры особо никто не верил. Олан понял, сделал знак, что будет молчать. Арон волновался больше всех. Ему пришлось посвятить сотрудника ФСБ в некоторые технологии, показать Тор, рассказать о способе оцифровки снов. Сотрудник всё записал, сказал, что будет внимательно изучать, но это был не последний визит, ведь, он будет углубляться в тему, выуживая новые «белые пятна». Молодой учёный был уверен, что придётся отдать все технологии и даже Тор, которых всего три штуки. Персональный Тор Астры успели спрятать, но где гарантии, что не докопаются и до него? Шилов в курсе, он может рассказать о тайнике. Чувствуя недоверие в лицах, Олег Анатольевич почувствовал стеснение, что побудило его выступить с ревнивой речью:

– Господа, я всё понимаю. Проникся вашим сомнением. Можете всё препятать без меня и не приглашать на свои тайные вечера. Готов сотрудничать без купюр. Мне, наверное, стоит выйти? – Шилов встал и сделал прощальный жест, но Борис остановил его.

– Постой, дружище. Никуда ты не уйдешь. Нас и так мало. Мы тебе доверяем. Работай на два фронта, будем подбрасывать тебе дровишки для отработки новых погон. Сядь, не отсвечивай! – Куратор был убедительно уверенным и без паузы продолжил свою речь, – Нам надо поскорее уладить все дела и приступить к новым темам, которых накопилась тьма. Вы сами знаете, что я имею в виду. Прежде всего, надо подумать о своём благополучии. У нас есть товар, а то, что ещё не товар, должно стать товаром, эксклюзивным и единственным в своём роде. Распущать перья о наших достижениях в области футурологии теперь ни к чему. Будем изучать будущее, но тихо! Никому не нужны сенсации. А нам нужен один

Заказчик. И вся эта канитель с конторой может вывести нас из ступора, чтобы нам не пришлось продавать таблетки от ожирения тупым блондинкам...

Дверь кабинета приоткрылась, вошёл Громов, оставаясь незамеченным две минуты, слышал часть выступления Бориса Брейса. При упоминании о тупых блондинках он нарочито кашлянул, дабы обратить на себя внимание.

– Простите за вторжение, но дело не терпит отлагательств. Мы нашли своего сотрудника, который исчез из телепатической комнаты. Хочу попросить вас помочь просветить его по всем статьям: вербально, не вербально. Он говорит какой-то бред, что был в гостях у инопланетян и всё такое. В его теле обнаружен странный предмет в форме синего шарика. Никто, кроме вашей команды, Борис Арнольдович, не в силах с этим разобраться. Так я его приведу?

– Андрей Романович, вашим клиентом сейчас займутся наши люди. Иван, Александр Павлович и Арон справятся, а Вас я попрошу остаться. Нам надо серьезно поговорить.

– Ладно, я подойду через несколько минут.

Громов с названными товарищами вышел, отвесив жест благодарности. Ольга, деликатно хранящая молчание до сих пор, встала и подошла к окну, раздвинула шторы и глубоко вздохнула, как будто почувствовала свежий ветер через закрытые наглухо зимние рамы.

– Знаете, что я Вам скажу, мои дорогие! А ведь всё кончилось. Да, да, начинается новая жизнь, новый этап. Сейчас вернется Громов и скажет нам, что теперь мы все «под колпаком у Мюллера». Теперь нам не надо больше прятаться, что-то скрывать, доказывать кому-либо нашу значимость и полезность. Всё уже состоялось. Теперь мы просто будем работать, – под титановой «крышей» и в полной безопасности – до поры, до времени, пока будет жить наш Президент. А он будет жить долго, как вы уже догадались... У нас есть Единый Заказчик. Можно сыграть туш и хлопнуть в ладоши, – Орлова повернулась лицом к поредевшей публике и улыбнулась торжеством уверенности.

– А... ты знаешь, милая, я тебе верю, – протяжно вторил Борис, – это даже к лучшему. Нам ведь всё равно разрешат немного пошалить на рынке добрых услуг, продать кое-какие препараты для апробации. Ну, так, на мелкие представительские расходы. А в глобальном плане, – послужим Отечеству. Я – за!

Шилов и Катерина шаловливо подняли руки в знак единогласия. Через полчаса Громов вернулся и доложил, что с Николаем Смолиным занимаются сотрудники ЦРБ и ФСБ – вместе. Он выглядел вполне удовлетворенным, ведь впервые им через своего человека удалось найти доказательства существования параллельной Вселенной. Кроме того, вся

эта история принесла такой урожай сенсационных открытий, что хватило бы на десятилетия кропотливой работы.

Громов сел в кресло, в котором только что восседал Олан, и, скрестив руки от локтей, сделал команде предложение, от которого она не смогла отказаться. Команда Куратора была готова к этому предложению, так как оно мало чем отличалось от только что высказанной версии Ольги Орловой.

Утром Ольгу отвезли в город до весны. Борис задержался до Нового года, чтобы проконтролировать ситуацию, а потом также собирался покинуть Центр, чтобы поддержать супругу до рождения ребёнка.

ГЛАВА 22. ПРОШЛО ПЯТЬ ЛЕТ...

Ольга родила девочку. Её назвали Ириной, потому что фонетически имя должно соответствовать отчеству и фамилии. Матери хотелось дать дочери имя Астра, но Борис категорически возражал. Во-первых, это имя связано с феноменальным проектом ЦРБ, переживаниями и памятью о великой сневидице, имя которой так и осталось непознанным человечеством, засекреченным на малые веки до той поры, пока живы хранители тайны. Во-вторых, оно не соответствовало фамилии.

– Оля, ну ты подумай, как это скверно звучит: Астра Борисовна Брусилова! Ужас какой-то. То ли дело – Ирина Борисовна, Ирочка Брусилова. Мило и гармонично.

– Да, ты прав Борис, действительно, Астра не подходит. Ты знаешь, мама написала мне письмо по скайпу. Она овдовела и хочет переехать в Россию. Думаю, что Ирочке нужна бабушка. Она научит её французскому языку и светскому этикету.

– Да, Полина Павловна пришлась бы ко двору, тем более, что моя матушка часто болеет. После воспитания Иллариона ей уже внуков не потянуть.

Ольга всматривалась в свою дочь с рождения, чтобы найти в ней черты Астры, какие-то проявления характера, но ничего не находила. Девочка росла обычным ребенком, весьма способным к обучению и восприятию. Правда, иногда странно задумывалась, как будто вспоминала что-то из прошлой жизни. Уверенность в том, что у Ирочки душа Астры, постепенно таяла. Орлова решила, будь, что будет. Она обожала свою позднюю дочь, рискуя избаловать её материнской любовью. Ирочка была не по-детски красива. Большие серые глаза, атласно пепельные волосы, пленяющие крупными шелковистыми волнами, идеальные черты лица и капризно изогнутые пухлые губки, не оставляющие сомнений в наследственном генотипе Брусилова. Девочка ни разу не ответила вопрос о том, что она видит во сне, как будто снов у неё и не было. Она спала крепко,

как и все здоровые дети, проявляя детские фантазии на уровне, почерпнутом из сказок и мультяшек. В свои пять лет освоила чтение, простейшую математику, свободно рисовала и писала маленькие стихи на радость всем членам семьи. Александр Павлович Знаменский вполне допускал состоявшееся перемещение души сновидицы, но относился к этому чуду спокойно, не видя в нём практического применения. Дети и внуки часто копируют своих пращуров общим видом, болезнями, привычками, жестами, и в этом испокон веку нет ничего дивного для работы мозга, – просто данность.

Больше всех Ирина любила своего старшего брата Илю (Иллариона). Бесшабашный Ларик успешно окончил Сибирскую Лётно-Космическую Академию и проводил испытания новых летательных аппаратов. Бредил космосом и полётом на Марс. Его жена Оксана Слуцкая сделала успешную карьеру и получила назначение на должность заместителя губернатора по связи с общественностью. Детей у них не было (противозачаточные таблетки сделали своё чёрное дело). Их брак с Илларионом оказался стабильным, поскольку супруги не мешали друг другу и относились с пониманием к частым командировкам. Редкие встречи казались им счастьем.

Полина Павловна, мать Ольги, вернулась в Россию и предпочла жить в отдалении от города. Поселилась в новой, пристроенной к основному зданию ЦРБ, квартире «на свежем воздухе среди сибирских лесов», которую построили специально для неё и внуки, проживающей с бабушкой всё лето напролёт. Тихая грусть чайной розы скрашивала аристократическую старость Полины Павловны, сохранившей достоинство и интеллигентность. Эта черта характера явно диссонировала с харизматическим обликом Магды, иногда прибывающей в Центре – по старой привычке. Основным её занятием теперь стал дом, воспитание доченьки и уход за болезной матушкой мужа. После возвращения из Херсона Матвей Иванович получил звание генерала, и его надо было отработать в течение пяти лет. После отработки генерал Колечко был назначен ректором Института МВД, и у него началась новая счастливая жизнь с Магдалиной Богдановной и рыженькой Яной, родившейся в Херсоне через 7 месяцев после того, как они покинули ЦРБ. Магдалина и Полина, несмотря на разность в возрасте, стали добрыми подругами, взаимно дополняя друг друга. Магда перестала практиковать сеансы проникновения в прошлое, разве что только по просьбе своих друзей и супруга (генерал иногда просил её посмотреть, что натворили преступники, если дело было особой важности). Девочки Ирина и Яна часто играли вместе, что было предопределено не только их общим астрологическим календарём, но и тайной рождения (голубой эфир каким-то чудом стимулировал

зачатие в цветущем возрасте обеих мам, что в дальнейшем было использовано для лечения женского бесплодия). Девчушки с визгом носились по территории Центра, радуя окружающих, и с интересом посещали уроки строгой Катерины Сергеевны, так и не решившейся родить собственного ребенка.

Арон женился на Анастасии Зиминной, явленной в бытность первого перевоплощения коварной Янгой, и стал зваться Григорием Родионовичем Абакумовым (по паспорту), поскольку скрываться от правосудия ему больше не было необходимости. Он получил собственную лабораторию «заоблачных технологий» и работал над докторской диссертацией. Анастасия, обретя чистую душу, прошла курс обучения у Арона и стала его помощницей (молодой супруг научил её оцифровке мыслей с помощью уникальной аппаратуры). Персонал Центра и коллеги по цеху прогностики отметили превращение полусонной ведуньи в нормальную девушку, с которой проводили эксперименты в «комнате с голубыми потолками», но отнесли это обстоятельство к счастливому замужеству, снявшему аномальные проблемы с неустойчивой психикой. Анастасия почти не помнила снов Астры, поскольку начала жить с «чистого листа». Нарботанная снами память Астры была скрыта от неё. Девушка заново подружилась с Катериной Масловой, правда, им приходилось видаться редко.

Екатерина Сергеевна жила в гражданском браке с Олегом Шиловым и по обоюдному согласию покинула Центр, чтобы не работать с мужем «нос к носу» в одном учреждении. Олег Анатольевич обеспечивал безопасность работы Центра, как субъектную, так и информационную. От прежней Кэт не осталось и следа. Умная, солидная и образованная госпожа Маслова перешла работать над проектом «Интегральное образование» в сфере психологии освоения новых знаний о мире в Институт Развития Человека к Ольге Орловой.

Частой гостей Центра стала и Инесса Барановская, сыгравшая роль Астры в рейтинговом сериале «Сияние бездны». Она приезжала с трёхлетним сыном Карлом, наследником известного режиссёра Гарика Огарёва. Сам Гарик наглым образом не старел и продолжал снимать новые сериалы, черпая вдохновение у своей любимой патронессы Ольги Орловой. Инесса не смогла прижиться в Москве и вернулась в Красноярск в полной уверенности, что Сибирь и есть та самая «земля обетованная», которая станет центром мира в недалёком будущем. Эти сведения она почерпнула из свитков Астры, входя в её нетленный образ. Огарёв часто приезжал к сыну, но законным супругом Барановской так и не стал, считая себя «человеком планеты». Он готов был «метать икру» по всему миру, даруя наследников женщинам всех народностей и рас, но, увы, сын у него оказался один единственный, о чём он узнает на закате жизни.

Инесса и Анастасия, похожие внешне, как сестры, были разны по характеру, что и определило их дружбу без предисловий. У Насти должна быть сестра, и она появилась. Барановская много снималась, и новоявленной сестре приходилось водиться с Карлом, как две капли воды отлитого с образа Гарика. Это побудило молодую женщину заявить Арону о желании иметь ребёнка. Через год после объявления этой цели Анастасия родила мальчишек близнецов, следуя наследственному генотипу, и теперь радовалась материнству, неистово соблюдая все правила ухода и кормления малышей. Детей ЦРБ всех без исключения готовили к новой школе интегрального образования, которое создала Ольга Орлова.

Центр Реконструкции Будущего тихо процветал на бюджетные средства и внебюджетные поступления от продаж препаратов и технологий будущего. Цех «познания будущего» был отремонтирован, оснащен современным оборудованием, обеспечен профессиональными кадрами, хотя в нём всё реже билось живое сердце творчества и единения. Брусилов не без оснований полагал, что наработок проекта «Астра» хватит на сто лет. Большая часть результатов проекта оказались засекреченными в недрах ФСБ. Но работа над ними продолжалась под чутким патронатом спецслужб. Охрана Центра была сформирована из профессионалов и прекрасно оборудована по последнему слову техники слежения и контроля.

Борис Арнольдович часто мотался по командировкам, организуя выставки «достижений», демонстрировал уникальные препараты и технологии, которые прошли апробацию и получили лицензию. С такой крутой «крышей», как генерал Громов, это было несложно. Куратор зарабатывал средства на обеспечение работы Центра, хотя и бюджетных субсидий вполне хватало. Однако те проекты, которые вызрели в недрах ЦРБ в латентном периоде и имели незаурядную перспективу, мало интересовали «генерального заказчика», денег на них не отпускали. Центру разрешили иметь «боковик» собственного развития, но при условии, что он избавится от «шарлатанов». Это условие было принято с облегчением, поскольку работа с эзотерическими фигурантами доказала свою неэффективность. Из прежних странных обитателей Центра остались единицы, но и они стали сотрудниками, а не объектами исследований.

Дед Аким, успевший порадоваться счастливому браку внучки Настеньки, помер своей смертью, и его с честью похоронили на специально отведенном участке рядом с Центром. Перед смертью Аким Петрович Волгин открыл «страшную тайну», которую хранил много лет. Оказывается, он был узником той самой лаборатории подземного бункера в юном возрасте, когда там проводили эксперименты над людьми. Его тело готовили как новый сосуд для чьей-то

престарелой души, но ему чудом удалось сбежать в вагонетке под кипой белья. Так он потом скитался по лесу, прибился к монаху Никону, ещё молодому в ту пору, ну а потом стал служить в санатории «Жарки» то сантехником, то столяром, то сторожем. Никто так и не понял, какое у него было прошлое.

Профессор Знаменский ударился в чистую науку, благо защита его докторской «по докладу» прошла с феноменальным успехом, произведя на свет гигантский фолиант с названием «Психология подсознания и болезни чувств». Он усиленно экспериментировал с подопечными, выявляя у них симптомы болезней, полученных от грехов и негативных переживаний. Создал целую систему, напоминающую таблицу Менделеева, о пересечении эмоций, чувств и потребностей с картой здоровья и индексом физического благополучия. По этой таблице мог с уверенностью прогнозировать развитие болезней, в том числе хронических, в зависимости от выявленных им пороков, а также дурных черт характера пациентов. Он так увлёкся этой темой, что буквально выхватывал людей на ходу для прохождения «скрининга».

– Пойдите, милочка. Я тут наблюдал за Вами в саду, и думаю, сударыня, Вы, одержимы ревностью, к тому же обидой на всё мужское население планеты. Так надо бы посмотреть Ваши почки и сдать анализ на биопсию.

«Милочка» из числа персонала Центра охотно сдавала анализы, заполняла анкету и следовала за профессором в его законные апартаменты, чтобы получить дозу «голубого эфира», коим Александр Павлович баловал местных кумушек для «интимного кормления». Все эти причуды побуждали гения к новым подвигам на благо науки, и он почти скатился к теории Фрейда, изыскивая истоки здоровья и долголетия в комплексе наслаждений. Теперь он мог совершенно легально изготавливать «голубой эфир» для особ из специального списка, так что его ценность как профессионала не вызывала сомнений. Его дочь Светлана Знаменская осталась богатой вдовой (муж трагически погиб на поле брани в период обострения военных столкновений исламских государств) и окончательно переехала в Сибирь вместе с детьми. Преподавала психологию в Институте Развития Человека, имела частную практику – для удовольствия, чтобы не потерять навыки. Замуж она таки не вышла, зато получила хорошего друга в лице Вадима Игнатьева, ставшего вторым отцом её детям.

Лев Аркадьевич Глинский продолжал служить незабвенной Орловой в статусе вечного советника, так как Феликс Кайсаров – первый заместитель директора – деликатно направленно отодвинул его от организационных процедур и финансовых операций. Это побудило Глинского к поискам собственной

эксклюзивной ниши, обеспечивающей ему многолетнюю нужность в общем процессе. И этой нишей стали бесконечные интриги между образовательными учреждениями и управлением образования, педагогическими коллективами и родительским контингентом. Поле непаханое! Все люди разные и имеющие собственное мнение с признаками абсолютной истины вращались в поле интриг, не зная собственной роли. Глинский был на высоте, прикрывая Орлову от ненужных хлопот с внешней средой. Помимо прочего, он звучно гордился своим знакомством с экс-губернатором Верховцевым, которого высочайшим повелением назначили столичным градоначальником в ранге вице-преьера. Новый губернатор из местного бомонда был проще, доступнее, но прогнозами не интересовался, сосредоточившись на исполнении конкретных дел. Не мешал, и, слава Богу!

Однако была одна тайна, которую профессор Знаменский берег для будущего, о чём знали только Ольга и Борис. Это был чип, удалённый им после аварии из тела Астры. Информация, записанная в чипе в период бесконтрольного жития Астры вне территории ЦРБ, оказалась уникальной с точки зрения прогностики. После того, как (после известных событий) в ЦРБ всё успокоилось, чип был оцифрован и расшифрован.

Информация из будущего оказалась ошеломляющей, как на уровне глобализации, так и в деталях возможных событий. Казалось, Астрада знала, что будет дальше, получив ответы на интересующие её вопросы, и поэтому не хотела, не могла жить в этой исторической реальности, уступив место жизни своей не родившейся сестре. Если версия с перемещением её души в следующее поколение остаётся верной, то почему она выбрала именно это время – вторую половину 21-го века? Или её душа будет перемещаться дальше – из поколения в поколение? Этот вопрос волновал не только Ольгу, но и Ивана Забродин, который чувствовал присутствие Астры в маленькой девочке Ире.

Иван Михайлович Забродин жил в Центре в отдельном коттедже, но чаще работал в Москве под эгидой генерала Громова, получившего новый статус при Администрации Президента. Без участия Олана Адаптер не активизировался. Уникальное устройство использовали в особых обстоятельствах, когда надо было обеспечить благоприятную атмосферу в сложных политических переговорах. Излучение «Немона» подавляло агрессию и просветляло души участников процесса, и они, хотя бы на время, становились чистыми. Результат был ошеломляющим.

Россия, незаметно для оппонентов и союзников, вдруг начала играть роль мирового судьи, разводящего конфликтующие стороны, не забывая и о

миссии мирового благодетеля, помогающего всем странам, попавшим в беду. США теперь проводили политику сотрудничества, зализывая раны, нанесённые периодом охлаждения после украинского, среднеазиатского, а потом и общеевропейского кризисов. Теперь они опасались угрозы не от России, а от Китая, набирающего обороты в сфере экономики потребления.

Самое невероятное, что в установлении добрых дипломатических отношений между двумя великими державами – Россией и США сыграл роль международный дипломат Пол Уитмен. Пять лет назад генерал Громов раскрыл «преступление века», в котором были замешаны оба полушария планеты, и оно обрело форму научной сенсации, но «Дело Уитмена» так и осталось засекреченным, а его самого через полгода после разоблачения обменяли на российского резидента, не раздувая международного скандала. Пол три года был не въездным в Россию, но, с учётом его побед на дипломатическом фронте – после смены курса агрессии на сотрудничество, был прощён и вписан в историю как один из величайших сторонников мира. Его изначальная душа, прошедшая чистку через Адаптер, жаждала всемирной общности и гармонии. Он образовал гигантский Благотворительный Фонд Доверия и Надежды, и раздавал реально подешевевшие доллары направо и налево в страны Третьего мира, где они ещё имели место быть в уважительном обращении. Дипломат решил больше не вмешиваться в Божий промысел. Писал книги в своём загородном поместье и тихо старел. Единственной его мечтой было увидеть Ольгу и её дочь Ирочку, которой он отписал изрядную долю своего наследства. Но жизнь разделила их континентами, океаном и памятью того постыдного прошлого, от которой господин Уитмен, овладев совестью, не мог избавиться до конца дней.

Однако главная миссия мирового Правительства – предотвращение Третьей Мировой Войны, ещё не была исполнена. Согласно прогнозам Астры, полученным из чипа профессором Знаменским, война была неизбежной, поскольку ни одна из стран не могла отказаться от национальной и религиозной принадлежности государствообразующей нации. По большому счёту, «война религий» зрела в жерле вулкана, накапливая критическую массу. Рецепт спасения голубой планеты от циклопической катастрофы был известен, но не достижим, ведь для этого необходимо полностью устранить все разделительные черты, межи, границы, обособления. И это так очевидно! Нет полюсов – нет энергии противоречий. Для достижения всеобщей всепланетной толерантности уровень духовности должен подняться на небесную высоту, отделиться от нижних плотных слоёв материального потребления, но гигантский молах материальной силы не давал людям воспарить.

Об этом думал Иван Забродин во время коллективных сеансов очищения человеческих душ. Он проделал много работы, но выпущенные им «чистые души», носителей которых в любом количестве поставил генерал Громов в целях «перевоспитания», выходя за пределы влияния, вновь заражались вирусами греховности – вместо того, чтобы множить самих себя. Это была тупиковая ситуация. Надо менять программу собственно в геноме человека. О чём думает Глобальный предиктор? Неужели эту цивилизацию уже не спасти? Конечно, выход есть, и он прост, как и всё гениальное. Нужно всем миром одновременно очистить души от греховного побуждения, что приведёт к дальнейшему очищению планеты и наступлению всеобщего равенства и братства во имя созидания и освоения Космоса. Но это аналогично работе бегемота, тянущего себя из болота за хвост. Должен же кто-то помочь. Или что-то, или Нечто...

Иван вспомнил про фиолетовый горизонт и духовную революцию. Об этом часто дискутировали в недрах ЦРБ, мечтая о высокодуховном интеллектуальном гармоничном Человеке будущего, у которого необычайно развит высший энергетический центр связи с космическим интерфейсом. Как заставить человечество одуматься и очиститься? Это теперь главное направление мыслей, цель, ради которой стоит жить.

Планета – замкнутое пространство, локальная дислокация разума. Находясь в этой ограниченной ресурсами космической сфере, невозможно наращивать потребление, количественный рост численности населения и его физиологического обслуживания (кстати, это не касается культуры и науки – здесь рост может быть безграничным). Каждая нация должна осознать, что представителей её общности и популяции не должно быть бесконечно много, и пора вводить разумные ограничения.

Однако любая обособленная система, будь то нация или государство, тупо стремится наращивать свои объёмы за счёт стеснения конкурентов. А это – бесконечные войны, истребление, разор. Основной вектор самосохранения высокоразвитой цивилизации – сжимание, сокращение, экономия ресурсов и оптимизация деятельности. Иной путь – освоение Космоса, выход во Вселенную. Несмотря на достижения человечества в этой области, людей не пускают дальше Луны и Марса. Оно ещё не готово влиться в космическую общность разумных цивилизаций. Слишком много агрессии, алчности, эгоизма. И как всё это лечить оптом?

ГЛАВА 23. ПЕРЕЛИВАНИЕ ВРЕМЕНИ

Последний раз Семерка собралась в ЦРБ, чтобы расставить точки над «i». После событий пятилетней давности, когда был разоблачен Пол Уитмен и

вскрыта его секретная лаборатория в подземном бункере, Совет Семи собирался редко – два-три раза в году, да и то эти собрания больше напоминали планерку. Теперь все собрались, чтобы определиться со стратегией, найти объединяющее всех ядро и направление развития. Прогнозы? Они не нужны широкой публике, но каждому нужен свой персональный прогноз. Людей интересует, как построить свою собственную судьбу, пройти по «золотому сечению» с наименьшими потерями и наилучшим результатом. Но заниматься индивидуальной прогностикой, несмотря на её финансовую энергоёмкость, это всё равно, что после науки перейти на уровень гадания на кофейной гуще. Это не вариант.

Ольга Григорьевна озвучила свою генеральную линию, пытаясь склонить к пониманию всех участников процесса.

– Дорогие мои, мы много лет вместе, знаем будущее, и это не только потенциальные предпочтения, но и огромная ответственность. Всё, что можно продвинуть из будущего в настоящее, что имеет смысл и общечеловеческую пользу, надо делать сегодня, и никто за нас этого не сделает...

– Ты имеешь в виду «Интегральное образование»? Только на один этот проект уйдут годы, вся твоя жизнь. И результат – будет – на уровне частной именной школы. Да, возможно впоследствии твой опыт примут, введут в систему, но появится новая парадигма, новая школа, и так до бесконечности, – убеждённо говорил Брусилов, как будто пытался свернуть Орлову с избранного пути, – Нет, такими темпами мы ничего не добьемся, ничего не сможем изменить. Всё идет, как идет. Да, мы имеем информацию, и можем её использовать – для себя и своей команды. А как же иначе?

– Я могу сказать? – Иван Забродин нерешительно взял слово, подавляя сомнения относительно понимания сути, – Нам надо сделать закладки истоков. Мы обещали людям будущего, что сделаем это, и до сих пор не сделали. Когда в тело Астры пришла некая Кама из будущего – не столь отдалённого, но весьма грустного будущего, она сказала, что люди потеряли истоки знаний, откуда что взялось, все наши технологии. Можно научить папуасов пользоваться мобильной связью, интернетом, но при утрате приборов или их отключении они никогда вновь не создадут нечто подобное. Так и люди будущего – стали пользователями, забыли про диоды и триоды, полупроводники, проводную связь. Все наши научные достижения могут кануть в Лету. Древние писали нам письма на скалах и камнях, чтобы они дошли до нас. Электронные приборы не выживут и полста лет.

– Так что же ты предлагаешь, выбивать послания на камнях? – вступил в полемику Знаменский.

– Да, я предлагаю найти или создать нетленный носитель для электронной записи в сжатом форма-

те наших знаний и к нему – нетленный ключ – инструкцию к применению. И такой носитель у нас имеется.

– И это Адаптер? Так он же теперь не в наших руках, и нас к нему не допустят, – усомнился Брусилов.

– Да, я имею в виду нечто вроде «Немона». Нам нужен такой прибор, который имеет безмерную память, и в него многое можно вписать – для будущих поколений. Вы слышали легенду о хрустальных черепах? Так вот эти черепа, по версии учёных, нетленны, и возможно содержат информацию, которую нам до сих пор не удалось расшифровать. И нам в этом могут помочь только... братья по разуму. Пришло время вступить в новый осознанный контакт.

– Хорошо, предположим, что это у нас получится, но ведь главная наша цель – предотвратить катастрофу, изменить будущее, – вступила в полемику Катерина и строго посмотрела на полковника Шилова. Друг супруг напрягся и выдал свою фразу:

– Все вземные контакты теперь под контролем, но идея мне нравится. Только как люди будущего узнают, где зарыто послание? Как они найдут носитель? Нужны посланники – люди, которые переживут нас, пройдут несколько циклов жизни и донесут послание людям будущего вместе с ключом. И таких посланников сможем создать только мы.

Членов Совета Семи не удивило высказывание Шилова, хотя он никогда ранее не поддерживал фантастические идеи и планы, а его скепсис разбавлял розовые слюни футурологов. Это бодрило, заставляя отделять реальное от надуманного.

– И кого же ты видишь в этой роли? Для этого придется переносить души из старого тела в новое, молодое, искать для этой цели подходящее «мясо», а как же принцип гуманности? Тело, лишённое души, быстро умирает, – аргументировал свои сомнения профессор Знаменский.

Орлова встрепенулась. Она уже слышала эту фразу от Пола, когда была пленницей у него в гостях, но никому не рассказывала подробностей этой встречи. Почему Знаменский так сказал? Но Шилов быстро нашёл ответ.

– А кто сказал, что надо лишать человека души? Просто поменяем, – и все дела. Старое тело получит молодую незрелую душу, доживет с ней свой век. Омолодится. Насколько мне известно, знания и социальные навыки при таком обмене остаются. Ничего страшного. Ради будущего – можно пойти на такой эксперимент.

– И кого же ты видишь в роли посланников? – осторожно спросил Брусилов.

– Да хоть кого! Можно по очереди. Для начала, Олан и Ола. Мне кажется или я придумал, но уже где-то слышал это сочетание.

– Мы все давно слышим друг друга. Наши души сопряжены, и мы – команда. «Немон» воздей-

вал на нас. Можно сказать, что появилась некая общность душ. Это уникальное сообщество разных личностей, синергия коллективного разума, – разъяснил Олан.

Слова Забродина произвели эффект неразрванной бомбы. Совет застыл в моменте осознания и озарения. Сразу же всплыло множество эпизодов, доказывающих данное сопряжение. С каждым годом это становилось всё заметнее, забавляя всех внезапными проблесками телепатии. Ну, если Борис и Ольга в своём супружестве мысленно общались между собой, то это нормально. Ну, а другие? Оказывается и они читали мысли и угадывали намерения, спорили и общались между собой, не прибегая к средствам электронной связи. Это происходило постепенно, и вот теперь – стало явью.

И в этом единомыслии все члены Семерки одновременно поняли, что идея переноса душ из одного тела в другое – по исторической цепочке – у них так и не состоялась, и Божий помысел остался без чуткого человеческого вмешательства.

Чудо осознанного перемещения, возможно, проявилось только с душой Астры, но без помощи Адаптера с оцифровкой информационного капитала личности и прочими многосложными алгоритмами. И вообще – откуда у команды ЦРБ явилась полная уверенность в возможности подобных контролируемых перемещений с последующей их адаптацией к условиям нового времени? Но ведь она таки возникла! И, если предположить во имя всего святого – спасения человечества от потери истоков, грядущих техногенных и природных катастроф, что эта технология все-таки была бы освоена, то стала бы она применяться для простых талантов в сфере науки и культуры? И кто бы стал тогда выбирать души для их вечного непрерывного существования в брэнном теле? Очевидно, что только сильные мира сего способны ждать вечной жизни для продления власти, усиление которой в масштабах планеты невозможно за одну телесную жизнь. Ольга Григорьевна ощутила нечто временной пропасти, когда на неё воздействовал тот прежний Пол – чудовище, страждущее вечной власти. И все-таки он сумел пройти через три воплощения, и, если верить его тайным признаниям, есть ещё один такой человек – Олан.

Орлова пристально посмотрела на Ивана Михайловича, как бы прокалывая в его ауре пузырь прежних жизней, которые он прожил до того, как стать гражданином Забродиным. Он понял её посыл. Медленно встал, подошёл к окну, открыл створки. На дворе была ночь, и эта ночь была великолепна в своём ослепительно фиолетовом горизонте. Все ждали, что скажет он – посланник из прошлого и будущего одновременно, скажет словами или мысленно – не важно. Как объяснит на сон грядущий

своим коллегам, ставшим его семьей теперь в этом мире, что такого особенного знает он, и о чём никому не ведал.

– А если я скажу вам, что меня здесь больше нет, во мне живёт другая душа. И я донесу её до конца...

Появилось знакомое чувство слоновости, знакомое по своим признакам приближением временного портала, искажающего пространство. Онемение, напоминающее энергетический столбняк, в стоянии которого есть полный штиль человеческих эмоций, а только знание, что «Я есть здесь и сейчас». Так чувствуют себя люди, привлеченные к границе абсолютной истины. «А где же Олан?» – подумали все разом, и тут же ответили себе: «А он... стал Президентом...». Вот такой кульбит.

Борис Брейс пожал руку предполагаемому Президенту в теле Забродина. И все откровения и доверия, проявленные командой в этом месте, слетели в Лету. Уже неважно. Здесь больше нет секретов.

– Я сам этого захотел, если вы об этом, и это самое интересное, что было в моей жизни. Если хотите, я просто сбежал – на время, чтобы понять. И не только, – он (и как теперь его звать?) приложил палец ко лбу, ткнув им в переносицу, и потом это взгляд – исподлобья, – меня ждут там, – палец переместился в потолок, указывая путь на небеса.

– Вы хотите... умереть? – невзрачно спросила Ольга. Она чувствовала неловкость в присутствии предполагаемого чужака, но и это было не главное. Олан – родной души человек, отошёл куда-то на время и не вернулся. Вот они – эти частые поездки в Москву... И где он теперь?

– Вы не волнуйтесь, Ольга. Только он посвящен в тайное знание, и только ему дано это. И я отдал ему всю свою власть, чтобы он делал то, что должен.

– Что? – команда хором задала вопрос, чтобы очнуться от залпа озарения.

– Письма в небеса.

– Странно, я только что думал об этом, – Знаменский протёр очки и взволнованно продолжил свою речь, – Это глобальный нейронный интерфейс. Иными словами, возможность говорить с Богом. И допуск туда – единственный. Один билет в один конец. Стоит только подумать и послать. И снизойдет на Землю Благодать...

– Да, верно, именно – Благодать. Космически измененное состояние общественного сознания – в массовом масштабе. В итоге – полное истребление всех семи смертных грехов. А это уже другой допуск, – подтвердил рассуждения профессора человек в образе Олана.

– Допуск во Вселенную? – Арон мечтательно возвёл руки вверх, как будто всю жизнь мечтал об этом, зависая в электронных сетях.

– Ну, разумеется. Гордыня – это единственное препятствие. Как только чудо примет необратимый

характер, нам дадут не только технологии перемещения в лабиринте многомерных пространств, но и пропуск на следующий уровень – в многоканальную альтернативную физическую форму. Мы будем перевоплощаться, работать, как Боги, творить живые миры по своему образу и подобию.

– Ну, это, как фиолетовый горизонт, который вы открыли за окнами. Прекрасно и недостижимо. Высшая ступень эволюции – жизнь без греха, полная творчества и созидания, любви, единения, – Ольга смело подошла к человеку у окна и прижалась к нему, как будто хотела попросить прощения за свой нелепый вопрос о «хотите умереть?» и спросила снова, еще нелепее:

– А у Вас – осталась власть?

– Она безмерна...

– Власть?

– Нет, жизнь. Только теперь я понял, как «трудно быть Богом». Но вы не торопитесь, я здесь не навсегда. Когда эксперимент закончится, вы всё сами поймете. Только теперь у вас другой допуск. Придётся потерпеть. Кстати, это касается и ваших потомков.

Напомнив о потомках, «Президент» обернулся в сторону полуоткрытых дверей, в проёме которых уже торчала маленькая головка Ирочки, с любопытством оглядывающей взрослое собрание. Получив разрешение взглядом большого дяди, девочка ворвалась в Овальный кабинет с радостным возбуждением и ринулась прямо к матери.

– Ма..., посмотри, это я нарисовала. Смотри, смотри!

Ольга взяла в руки несколько рисунков, начертанных толстым грифелем на плотной бумаге, и стала перебирать их. Руки её задрожали. Это были почти точные копии графических изображений, которые рисовала Астра методом цифрового принтера – автоматические рисунки, аналогичные письмам с «той стороны», которые принимают контактеры. Но как?

Все члены команды по очереди рассматривали чудо. Кэт ринулась к архивам, чтобы найти подлинники Астры. Через полчаса сравнение было готово. Да, это были те же изображения, и никаких неровностей, присущих «детской руке», только бумага слегка помята и испачкана.

– Она вернулась... – бессильно произнёс Брусилов, с восхищением поглядывая на свою дочь.

Катерина быстро вывела Ирочку за стены кабинета и передала её в руки бабушки Полины, уже обыскавшей внучки.

– Неужели она помнит всё? Вот вам и вечный носитель. Разве такое возможно? Или её специально готовили к этой миссии? – вопрошал сам себя профессор Знаменский.

– Да, она единственный носитель «писем», поскольку эта чистая лёгкая душа способна переносить

ситься в будущее беспрепятственно. Мы будем её готовить, – произнёс «образ» Забродина.

– Какие «письма», почему именно Вы будете её готовить? Как это? А я?! – запричитала Ольга, метая гром и молнии на «пришельца», и он не замедлил с ответом:

– Вы всегда будете рядом с ней. А «письма» – это послания-требы. Мы требуем, чтобы нас простили, освободили из плена земной колыбели, избавили от чудовищных мучений испытания Дьяволом. Земля не выдержит такой массы греха, ведь мы разрушаем не только свои тела, но и её – небесное тело...

Его речь прервал «звонок друга» по специальному каналу связи. Это был Громов.

– Господин Президент. Мы получили ответ на наше послание. Они готовы к диалогу, но... есть одно условие.

– Говори! Включаю громкую связь.

– Хорошо. Они выбрали своим посредником Астру. Она прошла испытание. У нас нет выбора.

– Но она ещё маленькая. Выдержит ли?

– Ключевые послания будут короткими. Мы перенесём их в Адаптер, а там – Вы сами знаете, пойдем по известному нам алгоритму.

– Ладно, обсудим.

«Президент» отключил средство связи и синими глазами Забродина строго посмотрел на команду ЦРБ.

– Вы всё слышали. Завтра Адаптер прибудет в это место, и отсюда начнётся трансляция нового знания.

– Нам понятно, как ключевые послания пройдут на Адаптер, но как они потом распространятся на всю планету?

– О, это хитрый ход, придуманный Оланом. Эти послания будут закодированы в любой информации, доступной населению мира через электронные носители. Для этого и была внедрена сеть всемирной паутины. Сводки погоды, кинофильмы, ток-шоу, реклама, спортивные новости и даже научные доклады – всё будет окроплено невидимыми и слышимыми вибрациями посланий.

– Ну, и дальше что? Как люди будут на это реагировать? Это всеобщий гипноз, мол, будьте хорошими, перестаньте делать бяку? – парировал профессор, – В чём фишка?

– А фишка в том, что реакция любого человека на ложь, чернуху и прочую ахинею будет адекватной коду посланий. Людей будет воротить от грязи, они начнут чётко понимать, фильтровать информацию, отсеивая всё лишнее. Да, согласен, в ядре останется мало, но достаточно для того, чтобы одуматься и войти в иное состояние, которое и есть то самое ключевое «событие» поворота Истории в новое русло. Не Событие в прямом смысле этого слова, а Состояние – Фиолетовый горизонт, открывающий

Человеку путь во Вселенную. Полное духовное и нравственное перевоплощение на уровне Высшего разума.

– Он говорит как Олан! Это его слова. Иван Михайлович, ты обвёл нас вокруг пальца. Давай, колись! – почти заорал Шилов, удивляясь громкой логике дорогого коллеги.

– Да, вы меня распознали, – захохотал Забродин, привычно скрестив руки на груди, – Мне удалось потешить вас. Хотя, впрочем, я недалеко ушёл от истины. Нам действительно пришлось на какое-то время поменяться телами, чтобы послать сигнал от верховного лица братья по разуму. Они не стали бы снижаться до рядового. Ждали, пока появится Лидер, признанный всеми государствами. И это – наш Лидер.

– Так почему же они принимают посыл от Президента, а транслировать ответ хотят через маленькую девочку? – спросил Брусилов, обеспокоенный миссией мирового масштаба, которая свалилась на хрупкие плечики дочурки.

Письма в небеса – настолько тонкая штука, что несопоставима с вибрациями нашего искаженного разума. Придётся Астре поработать. Как видите, она вернулась, и она уникальна в своём земном воплощении. Единственный экземпляр, способный к переливанию Времени в своих земных воплощениях. Она и донесет Истоки...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через месяц после собрания Семерки начались трансляции «писем в небеса». Инерция цепной реакции была томительной. Зло цеплялось за ищущие разума, ища запасные закоулки, чтобы сохраниться и выжить. Но постепенно истерия Добра набирала обороты, стирая всё на своём пути. Многие отказывались работать за деньги, предпочитая трудиться на благо общества. Неожиданно пропал интерес к шопингу, играм, жирным застольям. Люди разлюбили праздники.

Банки лихорадочно инвестировали социальные проекты, как будто кто-то мог разоблачить их в преступном сговоре. Деньги прожигали их бронированное нутро неверием в бессмертие своего существования и расползались по городам и весям, неся людям радость обретения. Товары и услуги шли своим ходом на честном слове, а медицина и образование обернулись служением народу.

Зависть и жадность спешно прятались, заворачиваясь в белые одежды благотворительности. Невыносимо стыдно стало брать лишнее и врать, а сексуальная алчность скрылась в подвалах ада. Всеобщая любовь одолела массы, и слёзы счастья лились от сладких мук совести.

Верность и нежность обрели статус наивысшей ценности отношений. Дети перестали орать от ноч-

ных кошмаров, а войны обернулись братанием. Неистовая чистка природы и сбережение её красот в великом разнообразии видов срослась с привычкой жить в гармонии с миром. Никто не хотел вспоминать прошлое, и никто не хотел умирать. Но было уже поздно...

Всего не исправить, не вернуть. Тлеющий фитиль бездарно растроченной Жизни таял на глазах у всего человечества – и не только. Вселенная наблюдала феномен рождения Разума через страдания миллиардов...

Девочка взяла в руки маленьких глобус и понесла его, чтобы показать папе.

– Это моя Планета Людей. Но их не видно, потому что они – ма-а-ленькие...

Куратор взял её на руки и вышел на балкон, откуда склонялся к закату шикарный вид утомленного солнца.

– Что ты видишь во сне? – спросил он дочку.

– А ты спроси.

– Ну, ты видишь маму?

– Маму? Она будет всегда, и никогда не умрёт.

– А папу?

– У папы будут пуговицы в голове, чтобы слушать Планету.

– Фантазерка ты моя. Ты же всё это не во сне видишь, а просто так. Закроешь глазки и видишь, правда?

– Иля полетит на другую планету. Когда он прилетит, все будут старыми.

– Ты никогда не будешь старой.

– Я тоже буду летать, как бабочка, чтобы встретить Илечку на Земле.

– Это ты хорошо придумала.

В комнату вошёл Илларион в спортивном комбинезоне, неузнаваемый с короткой стрижкой. Он стал взрослее и мужественнее. Ещё бы! Победа в лётных соревнованиях принесла успех, и

теперь он проходит курс подготовки в президентской группе космонавтов-юниоров. Он слышал последние фразы разговора отца с сестрёнкой, и с улыбкой будущего космонавта, безнадежно скопированной с Юрия Гагарина (как будто их специально обучали на курсах этому мастерству фирменной улыбки) легко подхватил Ирочку на руки и пошёл укладывать её спать, воркуя тайный стишок – загадку:

«Четыре четырки, две растопырки, один сверчок» – кто попался на крючок?..

Ольга вышла на балкон, где её муж мечтательно любовался закатом.

– Ты посмотри, какой сегодня триколор. Низ красный, переходящий в синий, а потом в белый. Такое странное небо, как будто кто-то нарисовал российский флаг.

– Я раньше никак не могла запомнить, как расположены цвета нашего флага. А потом нашла аналогию в названии древнего языка программирования: БейСиК. Сверху – вниз: Белый, Синий, Красный. Это удивительно красиво и странно. Редкое сочетание в небесах. Но скоро цвета сольются и растворятся в сиреневых чернилах открытого Космоса. Вот куда ведёт фиолетовый горизонт...

Удирающая от щекотки брата маленькая Ира (Астра или Ола?..) с визгом притопала босыми ножками на балкон.

– Ирочка, уже поздно. Планета Людей устала и хочет спать, и тебе тоже пора.

Девочка погладила ладошкой глобус, прижала его к себе, как плюшевого Мишку и уютно устроилась в папином кресле, всем видом доказывая своё нежелание спать.

Семья была вместе, и это такое счастье, которого просто не съешь за один раз. За разговорами не заметили, как надежда человечества заснула с планетой, оживляя её биением детского сердца.

ЭПИЛОГ

«Как долго я живу... А Времени еще бесконечно много... так много, как целого океана для одного пловца, неба – для одной птицы... Бог подарил мне такую огромную бесконечную Жизнь... Зачем? Мне так одиноко. Сон, тоска, необъятная Любовь, исчадие Благодати, от которой не спастись, не укрыться. Отпусти меня!...», – она пульсировала своими мыслями в пространство новой жизни.

Это была земная женщина, – не старица и не девица, скорее, образ духовного человека в каком-то странном тонком теле, – светлая, почти бестелесная фея. Старая, как мумия древней царицы фараона, и прекрасная, как молодая Офелия.

Женщина стояла в центре секретной директории, держа в руках искрящийся полупрозрачный шар – Колоб ее земных воплощений – энергоинформационный банк всех ее прожитых жизней. Шар сенсорно улавливал вибрации последнего восхождения, согревался в ее горячих сухих руках, втягивая Душу в космический полон вечного Бытия. Но, нет, не сейчас, еще немного... ОЛА! Ее имя – ОЛА. Были и другие имена, разные судьбы – длинная лента в многомерном поле, – все там, в этом шаре.

Колоб впитывал ее мысли, погружал в воспоминания. Ей хотелось уйти к истокам своей колыбели, забыть свой опыт, хотя бы на миг очутиться в том наивном линейном времени, когда люди не знали, что Время неравномерно и объемно. Но Колоб тормозил ее проникновение в прошлое, пропитываясь тонким духовным состоянием своей владелицы.

Ола готовилась к переходу. Мысль была настолько сильной и явственной, глубоко обдуманной, предрешенной, что Колоб понял ее и начал трансформацию в прошлое. Нужно было пройти весь путь до конца – до самого центра мироздания, момента последнего рождения, и – дальше в путь далекий и неведомый – к истокам новой Жизни.

В последнем своем путешествии к истокам Ола сравнительно быстро пронеслась через череду последних десятилетий, насыщенных работой по спасению Разума человеческого, сохранению наследия и генофонда, и немного задержалась в том периоде, с которого началось ее восхождение. Это было время, когда Планета еще по инерции жила в стабильном Времени, и цивилизация развивалась стремительно, набирая обороты безудержного потребления.

Первая половина 21-го века. Качественный скачок еще впереди, но есть и первые предпосылки. Люди жили напряженно, беспокойно, но захватывающе интересно. Как же повезло тем, кто оказался в этой капельке «космической росы», еще некоторое время сохраняющей константу нежной жизни бесчисленных ее обитателей! Люди узнали тайну своего происхождения, открыли ген долголетия, научились управлять Временем. Но многие так и остались в прошлом, проходя свой путь одновременно с «иными» людьми новой расы, для которых главным ориентиром жизни стали Любовь и Вера.

В 50-х годах переходного столетия Россия вынесла на своих могучих плечах спасенный от страшных потрясений скол безумного человечества. Несколько эпох смешались в том временном котле, когда тени прошлого сплелись с бонзами настоящего в отражении образа будущего. Цвета российского флага размывались и смешивались: красный – символ плотной материи, диктата и кулического мышления – тянулся через сияющий белый палантин религиозной Веры к синему – воплощению информационных технологий и научных открытий. Как будто чья-то невидимая рука ухватила полотно триколора и потянула его за горизонт, расцветивая панораму грядущего фиолетовыми зарницами – символом духовного возрождения – пропуском в просторы Вселенной.

Земля уходит из сферы биологических жизней еще на один космический цикл. Очередная стерилизация, – четвертая с Сотворения Мира. Вода – Холод – Радиация. Теперь – Огонь. Но и последний смертельный всполох не сможет вытравить из душ человеческих вирус греха и разрушения простым уничтожением гуманоидов. Надо успеть провести человечество через фиолетовый горизонт очищения, выжигая очаги безумия, осветляя душу и разум – до наступления Большого Огня. А что потом? Самые светлые души уйдут к новым орбитам иных миров – творить новые Земли.